А. ХИНШТЕЙН
Эксклюзивные фото Ельцина, предисловие лечащего врача и комментарии А. КОРЖАКОВА!
Ельцин. Кремль. Империя болезни

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

История болезни первого российского президента Бориса Николаевича Ельцина всегда оставалась одной из самых страшных тайн российской власти. Накануне выборов 1996 года оппозиция готова была выложить за нее 5 миллионов долларов. Но только сейчас у общества появилась, наконец, возможность раскрыть главный секрет новой России.

В этой книге нет ни слова выдумки. Она основана исключительно на свидетельствах очевидцев и документах, скрывавшихся Кремлем много лет.

История болезни Ельцина – это история болезни всей России. Уже хотя бы потому мы имеем право знать всю правду о первом президенте страны, какой бы шокирующей она ни была.

Сенсационные откровения Александра Хинштейна, дополненные предисловием личного врача Ельцина Владлена Вторушина и комментариями бессменного начальника Службы Безопасности президента Александра Коржакова, позволят нам узнать о том, что творилось за кулисами «кремлевского театра абсурда». А эксклюзивные снимки из личных архивов Дмитрия Соколова, Льва Демидова и Льва Суханова скажут сами за себя…

- Александр Хинштейн
  - ОТ АВТОРА
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Глава десятая
  - Глава одиннадцатая
  - Глава двенадцатая
  - Основные даты жизни Б. Н. Ельцина
  - Будьте здоровы, Борис Николаевич (Хроника президентских недугов)
  - Приложения
  - СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ
- notes
  - 1

- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45

Александр Хинштейн
Ельцин. Кремль
История болезни

ОТ АВТОРА

Весной 1991 года «архитектору перестройки» Александру Яковлеву неизвестные доброжелатели подбросили развернутый доклад. «Состояние здоровья Б. Н. Ельцина» – назывался он.

Написано там было много интересного. Ну, например:

«Цикл запоя до 6 недель. Жуткая абстиненция. Резко слабеет воля, и в этом состоянии он легко поддается на любые уговоры».

Вряд ли многоопытный царедворец Яковлев, поработавший вместе с Ельциным в Политбюро, испытал от прочитанного шок. Думаю, о многом он догадывался уже тогда. Но на всякий случай Александр Николаевич отправился с бумагами к Горбачеву.

«Михаил Сергеевич, что делать?»

«А что хочешь, то и делай… Хочешь – отдай вон Ельцину».

Яковлев поехал в Белый дом, где сидел тогда Ельцин: еще председатель Верховного Совета. Молча положил документ перед ним на стол. И когда Ельцин развернул страницы, руки у него – Яковлев увидел это отчетливо – заходили ходуном…

История болезни первого президента – это одна из самых страшных тайн российской власти. Все те годы, пока Ельцин правил страной, ее берегли пуще зеницы ока; сильнее, чем все военные секреты, вместе взятые.

На какие только ухищрения и уловки не шли кремлевские хитроумцы, дабы скрыть истинное состояние Ельцина. Фразы типа «крепкого президентского рукопожатия» навсегда вошли в анналы политического анекдота.

В действительности подлинная история болезни Ельцина занимает более 40 томов. Часть из них – та, что охватывала период до 1991 года включительно, – хранилась в сейфе у начальника его охраны генерала Коржакова. Другая – два десятка томов – у лечащего врача.

Говорят, накануне президентских выборов 1996 года коммунисты предлагали за эти документы 5 миллионов долларов. Но я бы лично – не дал и рубля. Потому что ничего нового там не найти.

Историю болезни Ельцина отменно знает вся Россия. Всякий новый виток ее, обострение, рецидив незамедлительно отзывались на каждом из нас, и последствия их расхлебываем мы до сих пор.

История болезни Ельцина – это история болезни всей России.

Сначала было опьянение конца 80-х, хмельной воздух призрачной свободы. Потом – один сплошной, непрекращающийся запой: приватизация, Чечня, расстрел

парламента, дефолт, олигархия. И наконец, – горькое, тяжелейшее похмелье.

Если бы в 1991 году кто-то сказал нам, тогдашним, что пройдет пяток лет, и в Кремле воцарится геронтократия почище брежневской, мы бы лишь рассмеялись в ответ. Не было в России человека популярнее Ельцина. Он был истинным мессией: последней нашей надеждой и любовью.

У корейцев существует такая легенда.

В некоем городе свирепствовал дракон. Ежегодно он сжигал дома, угонял скот, убивал лучших девушек.

Многие богатыри пытались победить дракона. Но чудовище было бессмертным, ибо всякий, кто убивал его, становился драконом сам…

Мне кажется, в этой древней легенде и кроется суть власти как таковой, и российской – в частности. Победив дракона, ты становишься драконом сам…

Нет ничего горше, чем разочаровываться в собственных иллюзиях и идеалах.

И нет ничего важнее, чем знать правду о себе и своей истории, потому что без этой правды, без осознания всего, что случилось с нами, у России никогда не будет будущего.

Я далек от того, чтобы представлять Ельцина исключительно в черном свете. Эта фигура – намного более сложная, драматичная, противоречивая, чем может показаться на первый взгляд. В Ельцине, как и в России в целом, одновременно уживалось несовместимое: тирания и демократизм; слабость и жесткость; сентиментальность и бессердечие. И должно пройти немало времени, прежде чем история окончательно даст истинную оценку Ельцину и его эпохе: нам, современникам, это еще не под силу, ибо все мы живем во власти субъективности.

Именно поэтому я постарался уйти от каких-то безапелляционных выводов и заключений.

Эта книга – если угодно – лишь попытка *анамнеза* , который, как известно, собирают из рассказа самого больного и его окружения.

Диагноз предстоит поставить читателю.

И еще.

В Соединенных Штатах, на которые еще недавно мы так любили равняться, существует закон, обязывающий кандидатов в президенты проходить строжайший медицинский осмотр. Результаты врачебного за-ключения публикуются потом в прессе, и каждый желающий без труда может узнать обо всех недугах высокого пациента.

Конечно, существуй подобный закон у нас, Борис Николаевич

никогда не стал бы президентом. Но история сослагательного наклонения не терпит.

Именно поэтому будем считать, что книга эта – и есть то самое за-ключение, просто опоздавшее на пятнадцать лет.

По-моему, лучше поздно, чем никогда.

Пользуясь случаем, хочу поблагодарить моих фактических соавторов:

бывшего начальника Службы безопасности президента, а ныне – коллегу-депутата Александра Коржакова за высказанные комментарии (они помещены в конце каждой главы);

бывшего личного фотографа президента Дмитрия Соколова, у которого после увольнения так и не сумели, к счастью, отобрать уникальный фотоархив, впервые публикуемый в этой книге;

бывшего личного врача президента Владлена Вторушина, написавшего емкое, но очень точное предисловие;

бывшее доверенное лицо Ельцина в трех выборных кампаниях Льва Демидова, много помогавшего мне практическими советами и любезно передавшего фотоснимки из своего личного архива;

вдову бывшего помощника президента Льва Суханова – Светлану Суханову, предоставившую мне материалы из архива супруга.

Спасибо вам всем.

Август 2006 г.

Я БЫЛ ЛЕЧАЩИМ ВРАЧОМ ПРЕЗИДЕНТА…

Когда новые знакомые спрашивают, кем я работал до выхода на пенсию, я стараюсь отвечать односложно: врачом. И не то чтобы стеснялся я своей службы у Ельцина: вовсе нет, совесть моя чиста. Просто лишнее упоминание о первом президенте может вызвать у людей неадекватную реакцию.

Мне довелось проработать с Борисом Николаевичем пять лет: в самый трудный и для него, и для страны период – с 1993 по 1997 год. Все эти годы я был его лечащим врачом и имел возможность наблюдать первого президента в различных ситуациях. Его деградация, резкое старение происходили непосредственно на моих глазах.

Когда я впервые, еще в московском горкоме, увидел Ельцина, это был мощный, энергичный человек, заражающий всех вокруг оптимизмом и бодростью. Когда десять лет спустя я расставался с ним, это был уже тяжело больной, измученный старик.

Честно скажу, об уходе из Кремля я ни разу не пожалел. Более того – был даже этому рад, потому что в противном случае,

останься я там еще хотя бы на год, меня самого хватил бы инфаркт. Слишком тягостной и удушающей была эта околопрезидентская атмосфера.

За свою многолетнюю врачебную практику я лечил многих руководителей страны. Но более сложного пациента, чем Ельцин, не было у меня никогда.

И дело даже не в медицинских показателях, не в трудности лечения, а в характере, личностных особенностях Бориса Николаевича и – что самое важное – его семьи.

Порой, особенно накануне выборов 1996 года, мне начинало казаться, что близким Ельцина – Наине Иосифовне, Татьяне Борисовне – нужнее не муж и отец, а президентская должность. И хотя Ельцин не терпел никаких проявлений снисходительности к своей персоне, в эти минуты мне становилось по-настоящему его жаль. Это был глубоко несчастный, больной, одинокий человек.

По этой причине мои отношения с ельцинской семьей никогда не отличались теплотой и нежностью. Свои профессиональные обязанности я видел не в том, чтобы заискивать и лебезить перед сановными пациентами, а как раз в обратном. Да, им наверняка было неприятно выслушивать правду, подчиняться рекомендациям и указаниям, но по-другому и быть не могло. Слишком велика была ответственность, лежавшая на наших плечах.

От профессионализма врачей напрямую зависела жизнь президента, а значит, и судьба России. Не раз и не два возникали ситуации, когда все решали считанные минуты. Малейшая оплошность, опоздание могли привести к неповторимым, трагичным последствиям.

То, что он жив до сих пор, – это исключительно заслуга медиков, высококлассной команды специалистов, работавших с Ельциным. Сегодня из этой многочисленной группы рядом с ним остался лишь один-единственный человек. Все остальные под разными предлогами были изгнаны из Кремля, не услышав на прощание ни слова – пусть даже формальной – благодарности.

Хорошо помню свою последнюю встречу с Ельциным. Это было в конце 1997 года, когда Борис Николаевич слег с очередным недугом. Я узнал об этом, находясь на другом конце земного шара, и буквально на перекладных помчался в Москву. Однако Наина Иосифовна, отношения с которой достигли у нас уже апогея, запретила мне приезжать в Барвиху.

Что ж, не хотите – как хотите. Я развернулся и уехал, но буквально через пару часов – звонок от одного из коллег: «Срочно приезжай, Шеф тебя требует».

Возвращаюсь в Барвиху. Захожу к нему в комнату. Он делает

вид, что спит: глаза закрыты, дыхание учащенное. Позвал его раз, другой – ноль реакции. Вышел и сразу же – нос к носу – сталкиваюсь с президентской супругой.

«Зачем вы здесь? – она и не думала скрывать раздражения. – Вам же ясно было сказано: приезжать не надо».

И тут у меня, что называется, накипело. «Если я вам не нравлюсь, – резко ответил я, – ваше право заменить врача. Буду этому только рад».

Наина даже опешила. «Как?!! Прямо так?!!» – «Да, прямо так. Только пусть мне об этом скажет мое руководство».

Рядом стоял Миронов, гендиректор президентского медцентра. «Ступай, – говорю, – к Борису Николаевичу. Докладывай обо всем, и я сразу же уйду в отпуск».

Сходил. Вернулся: «Шеф тебя отпускает».

С этого момента я никогда больше не переступал порога президентских покоев, постаравшись как можно быстрее забыть проведенные с Ельциным годы.

Они вернулись ко мне лишь сейчас, когда я раскрыл рукопись написанной Александром Хинштейном книги, и тут же, как поется в старинном романсе, «нахлынули воспоминанья». Я разом возвратился в свое прошлое, и в памяти стали всплывать давно забытые голоса, лица, запахи. Это было точно какое-то наваждение.

По-моему, автору удалось главное – очень точно и образно раскрыть личностную суть Ельцина и его семьи, вникнуть в психологию этих людей, показать их такими, какими они были: без грима и позолоты.

Я прочитал эту книгу на одном дыхании. Даже мне, знающему не понаслышке большинство изложенных фактов, от прочитанного стало жутко и страшно.

Впрочем, «история болезни» по определению не может вызывать приятных чувств. А тем более «история» такого сложного, противоречивого и неоднозначного человека, каким был Борис Николаевич Ельцин – первый президент России. Мой бывший пациент…

Владлен Вторушин,
лечащий врач Б. Ельцина в 1993–1997 гг.

Глава первая
УРАЛЬСКИЙ ХРЕБЕТ

Есть такое расхожее выражение, *штамп* , вырвавшийся из-под пера Сент-Экзюпери – все мы родом из детства.

Любой доморощенный психотерапевт, не говоря уж о психиатрах и невропатологах, с легкостью объяснит вам, что абсолютное большинство комплексов закладывается в человеке с первых же годов жизни, а последствия какой-нибудь перенесенной в третьем классе ветрянки преследуют нас до конца дней.

Детские страхи – самые живучие. Детские привязанности – самые крепкие. В общем, что посеешь, то и пожнешь.

Да ладно, детство. Фрейд вообще утверждал, что формирование человека начинается еще в материнской утробе, и в качестве примера приводил случай с одним своим пациентом, который никак не мог уразуметь причин ненависти к собственному отцу. А потом под сеансом глубокого гипноза выяснилось, что, когда *больной* был еще скрюченным эмбрионом, его папаша регулярно изгалялся над беременной женой…

Если иметь в виду эту теорию, многое в *сущности* нашего героя становится понятным и очевидным.

В отличие от фрейдовского пациента, он и без гипноза отлично помнил тяжелую руку отца.

Николай Ельцин измывался над сыном по любому поводу, едва тот попадался на глаза. Любимым его наказанием было поставить мальчика в угол на всю ночь. Особенно актуально становилось это зимой, ибо жили Ельцины в гнилом, кособоком бараке, и угол этот изрядно продувало морозным сквозняком. Так что к утру у будущего президента зуб на зуб уже не попадал.

Припадки бешенства возникали у отца – человека глубоко пьющего – столь часто, что Ельцин-младший воспринимал уже экзекуции как неотъемлемую часть самого себя. Он и не задумывался, что может быть как-то иначе, и философски сносил измывательства – без слез и криков, плотно сжав зубы (характер!), отчего родитель распалялся только сильнее.

Продолжалось это вплоть до самого окончания школы. То есть он уже и на танцы ходил, и покуривал тайком в школьном туалете, и даже, наверное, целовался с одноклассницами, но стоило вернуться ему домой, вся его *взрослость* улетучивалась в один присест, и Ельцин вновь становился безответным, бессловесным ребенком.

Первый раз он осмелился взбунтоваться лишь в четырнадцать лет, когда, закончив семилетку, принес вместо аттестата «волчий билет» – свидетельство о том, что ученик Ельцин Б. прослушал курс школьной программы без права поступления в 8-й класс на всей территории страны.

«Отец пришел домой злой, – описывает он этот исторический эпизод в своей первой книге (“Исповедь на заданную тему”), – взялся, как это нередко бывало, за ремень, и вот тут-то я схватил его руку. Первый раз. И сказал: “Все! Дальше я буду воспитывать себя сам”. И больше уже никогда я в углу не стоял целыми ночами, и ремнем по мне не ходили».

О реакции заботливого папаши Ельцин в мемуарах не упоминает. Но тут и гадать особо не требуется. Надо думать, Ельцин-старший от такого поворота немало опешил, даже оторопел. Но было поздно. Ребенок стал уже взрослым и унижений более терпеть не желал.

В последующей его жизни качества эти, приобретенные сызмальства, – умение стиснуть зубы и упрямо ждать своего часа – пригодятся Ельцину еще не раз. Отчасти благодаря им он и станет тем самым Ельциным, которого мы теперь знаем…

Даже трудно представить, как сложилась бы новейшая история, если бы не отцовский ремень…

Ровно об этом писал когда-то Эйнштейн: «Характер человека – это те предрассудки, которые формируются в его сознании в возрасте до 18 лет».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Насилие над детьми непременно наносит психологическую или физическую травму ребенку. Психологическое насилие выражается в длительном неадекватном поведении взрослых, подавляющем личность ребенка, его творческий и интеллектуальный потенциал. Садистские наклонности родителей обычно формируют у детей мазохистские наклонности.

Следствием перенесенного насилия является повышенная конфликтность, легковозбудимость, сохраняющиеся и во взрослом возрасте. Сформировавшийся в детстве комплекс неполноценности требует постоянной самореализации путем унижения окружающих, демонстрации различных успехов, стремления к достижению поставленных перед собой амбициозных целей.

Впрочем, они стоили друг друга – отец и сын.

Борис Николаевич (рука не подымается назвать его иначе –

Борей, Бориской, а уж тем более поросячьей кличкой Борька; это только в нескончаемой Лениниане будущего вождя революции принято было именовать исключительно Володей, подчеркивая тем самым его кудрявую ангелоподобность) поводов к наказанию и сам давал с избытком. И чем сильнее *драли* его, тем хуже он себя вел: точно по ньютоновской формуле – любое действие рождает противодействие.

Был Ельцин трудным ребенком во всех отношениях. Он вечно откуда-то падал, дрался, ходил в ссадинах и синяках. Но при этом судьба словно хранила его: он и в огне не горел, и в воде не тонул.

Насчет огня и воды – это вовсе не красивая метафора. Ельцин в самом деле чуть не утонул младенцем во время крещения, когда в самый ответственный момент вывернулся из рук пьяного священника и бухнулся в купель. А потом, уже в школе, едва не угорел в бане, но в послед-нюю секунду был вытащен на воздух одноклассником, о чем тот немало впоследствии сожалел.

Некоторые следы бурно проведенного детства без труда можно разглядеть у Ельцина и сегодня. Ну, например, приплюснутый, как у боксера, нос, оставшийся после удара оглоблей (как и положено русскому богатырю, Ельцин всей душой любил кулачные забавы – стенка на стенку). Или знаменитая трехпалость, которая, вопреки убеждениям его ненавистников, вовсе не свидетельство какого-то дьявольского начала, а результат неосторожного обращения с гранатой.

(Гранату эту юный Ельцин стащил на военном складе и в присутствии восхищенных приятелей пытался разобрать на запчасти. Хотя, не скрою, версия могла получиться *чертовски* красивой: сначала Горбачев с *дьявольским* пятном во всю лысину, потом – *беспалый* Ельцин. Тут уж поневоле начнешь верить во всякую бесовщину.)

Что удивительно, при такой хулиганской натуре учился Борис Николаевич примерно. (А может, как раз и неудивительно: вбитый отцов-ским ремнем комплекс неполноценности требовал своей протестной самореализации.)

С первого до последнего класса Ельцин был бессменным старостой. Оценки получал преимущественно отличные. Успеваемость его портило лишь поведение.

Учителя Ельцина откровенно опасались. Ему ничего не стоило сорвать урок, подговорив одноклассников вылезти через окно – за минуту до звонка. (За эту выходку ему *влепили* двойку по поведению.) Или вывести из себя какого-нибудь зазевавшегося преподавателя.

Больше всех доставалось от Ельцина его классной

руководительнице – учительнице немецкого. (Это именно с ее урока он *десантировал* класс через окно.) Для него было в порядке вещей *навтыкать* в стул *немке* патефонных иголок; иголки-то махонькие, сверху не разглядеть – то-то потеха!

К слову, и описанная выше эпохальная история с волчьим билетом – тоже напрямую была связана с ненавистной им *классной* . Прямо на торжественном собрании, когда под родительские вздохи выдавали вчерашним семиклассникам аттестаты, Ельцин взобрался на трибуну и давай резать всю правду-матку.

И педагог-*немка* их – никакая. И над детьми издевается. Бьет тяжелой линейкой. Унижает молодое достоинство.

Видно, война у них и впрямь шла не на жизнь, а на смерть, если даже по прошествии полувека Ельцин никак не мог успокоиться и в первой же книге мемуаров посвятил ненавистной *немке* полторы страницы – больше, чем всему Политбюро, вместе взятому.

«Короче, на этом торжественном собрании я… с довольно яркими примерами, очень резко обрушился на нее. Скандал, переполох, – с явным торжеством описывает он свой триумф. – Все мероприятие было сорвано. На следующий день педсовет, вызвали отца, сказали ему, что свидетельство у меня отнимают».

(Почему все предыдущие годы Ельцин предпочитал молчать, ограничиваясь тогда исключительно позиционно-партизанской войной, а «обрушился» на *классную* , лишь когда выписали ему аттестат, автор благоразумно умалчивает.)

Как тут не вспомнить другие события – 1987 года – когда с тем же *правдоискательским вожделением* взобрался он на трибуну октябрь-ского пленума ЦК и, *неожиданно прозрев,* обрушился на перестройку.Масштабы хоть и разные, но суть – одна. Тем более что и в первом, и во втором случае победа все равно осталась за Ельциным.

Несмотря на решение педсовета, будущий президент – упорства и упрямства уже тогда было ему не занимать – дошел до РОНО и добился-таки создания комиссии, которая… минутку внимания: стала проверять не знания выпускника Ельцина, а… работу классного руководителя. Понятно, что при таком коленкоре дирекции школы стало уже не до педагогических принципов: побыстрее вернуть скандальному ученику аттестат и забыть о нем навсегда…

ИЗ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПСИХИАТРА

Из анализа представленных сведений о детском периоде жизни Ельцина Б. можно сделать вывод о его

повышенной истероидности, расторможенности. Конфликтен. Легко возбудим. Любит подчинять окружающих. Самооценка явно завышена.

Предпочитает действовать в экстремальных, стрессовых ситуациях. При этом нуждается в постоянном позитивном восприятии со стороны окружающих, любит, чтобы им восхищались. Так, возникший скандал во время выпускного вечера происходил в присутствии большого количества людей, что могло сыграть решающую роль. Ранее у Ельцина Б. имелись все возможности, чтобы высказать преподавателю свое недовольство, однако он предпочел это сделать «на публике».

О своем детстве Ельцин вспоминать не любит, и в этом он похож на всех без исключения российских правителей XX века.

Мне, конечно, могут возразить: а как же младенческая Лениниана, все эти бесконечные описания разбитых графинов и обученных грамоте дремучих удмуртских мальчиков?

Так-то оно так. Только все эти *жития* появились уже после смерти Ильича. Да и был он, пожалуй, единственным вождем, чье детство можно было окрасить в розовые тона. Недаром, когда еще в 1930-е ретивые прихлебатели написали книжку о жизни юного Сталина, великий кормчий, полистав ее, запретил печатать по причине якобы излишней нескромности.

(«Книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание… культ личностей, – *начертал* он, – советую сжечь». Хотя, думаю, что в действительности подоплека была совсем иной. Просто рассказы о похождениях маленького Сосо и всевозможных Бесиков, Ладо и Шотиков резко дисгармонировали с образом *русского* императора.)

Мы ничего не знаем о первых годах бровастого мальчика Лени Брежнева, юного шахтера Никитки Хрущева или говоруна Мишутки Горбачева. Да и о чем, в самом деле, могли они рассказать? О постоянной нищете? Беспробудном пьянстве родныхи соседей? Тоскливой провинциальной *безнадеге* ?

Об этом мало того, что стыдно – противно даже вспоминать. Лучше забыть, как страшный сон.

Ельцин – в этом ряду не исключение…

Он родился 1 февраля 1931 года в нищей уральской деревне Бутка. Родители его – Николай Игнатьевич и Клавдия Васильевна (урожденная Старыгина), как и все предки их, были крестьянами.

Уже потом, когда Ельцин станет первым лицом, историки попытаются восстановить его генеалогическое древо, в надежде

обнаружить там какие-нибудь царские или хотя бы княжеские корни, но безуспешно. (Квартиру в Москве ему дали не пятикомнатную, а шестикомнатную. Была еще комната Бори – детская. Где – то метров десять. Но в Политбюро все, что меньше пятнадцати метров, за отдельную комнату не считалось.)

Древнейший предок первого президента, которого удалось идентифицировать, звался Сергеем Елцыном и в первой половине XVIII века был государственным крестьянином села Басмановское Буткинской волости Шадринского уезда Пермской области.

По версии историка Дмитрия Панова – самого удачливого *ельциноведа* – род Елцыных попал на Урал в период освоения его выходцами из Великого Новгорода. Правда, утверждение это базируется на весьма шатких доказательствах: в писцовых книгах Сытнинского погоста за 1495 год Панов якобы обнаружил некоего Елизарко Ельца, хотя по той же логике ельцинские корни можно приписать и древнему городу Ельцу…

Но одно историки установили несомненно: исконная фамилия нашего героя звучит совсем иначе – Елцын. (Не правда ли, есть в ней что-то китайско-азиатское?) Лишь в 1921 году в написании фамилии впервые появился мягкий знак. А труднопроизносимая буква «ы» сменилась на доступное «и» еще позднее: отца будущего президента записывали уже как «Ельцин».

Отечественная историография намертво связала род Ельциных с деревней Бутка. На самом деле, это – очередной миф, рожденный изворотливостью самого Бориса Николаевича. Начиная с XVIII века Ельцины-Елцыны безвылазно жили в том самом, упомянутом в старых бумагах, селе Басманово (оно же Басмановское).

В Бутке они оказались уже при Советах, и, прямо скажем, не по собственной воле.

До революции семья Ельциных-Елцыных считалась крепкой и зажиточной. Игнат Ельцын – дед будущего президента – владел обширным хозяйством: ветряная и водяная мельница, молотилка, жатка, пять лошадей, четыре коровы.

Я так детально перечисляю родовое это богатство, ибо в 1930 году, когда Игната Ельцына раскулачивали, все оно было скрупулезно подсчитано и переписано.

Люди и с меньшим достатком попадали в жернова коллективизации: за одну только *эксплуатацию* батраков. Поэтому неудивительно, что новая власть отобрала у Ельцыных все нажитое непосильным трудом, обложила индивидуальным сельхозналогом и выслала из родимого села.

Местом проживания определили им деревню Бутку Талицкого района – в пятнадцати верстах от Басманова. Ничего

удивительного: сибирских и уральских кулаков далеко от родимых мест не гнали; все равно худших условий жизни не найти. Это с тех времен пошла поговорка: дальше Урала не сошлют…

Именно там, в Бутке, и появился на свет будущий президент. Но прожил он на Урале недолго. Помыкавшись в колхозе, его отец – Николай Игнатьевич – вместе с женой и братом Андрианом отправляется на заработки.

В 1932 году братья Ельцины осели в Казани плотниками на строительстве авиационного завода. Но казанская жизнь оказалась ненамного слаще уральской…

В архивах УФСБ по Республике Татарстан сохранилась агентурная разработка «Односельчане», заведенная оперуполномоченным Татар-ского ОГПУ Исмагиловым на «группу кулаков в количестве 6 человек». Двое из этой группы и были братьями Ельциными.

Цитирую:

«Имея тесную связь друг с другом, систематически проводят антисоветскую деятельность, ведут антисоветскую агитацию, распространяют провокационные слухи, разлагающе действуют на окружающую среду рабочих, используя в контрреволюционных целях недостатки в питании, зарплате и неполадках стройки, призывают рабочих к уходу со стройки».

Насчет разлагающего действия *на окружающую среду рабочих* – это, конечно, сильно: «Гринпис» отдыхает. Впрочем, одной такой малограмотной *писульки* по тем временам было вполне достаточно, чтобы перечеркнуть любую судьбу, а уж тем более каких-то вчерашних кулаков.

В ночь с 27 на 28 апреля 1934 года братьев Ельциных, равно как и их напарников-подельников – таких же раскулаченных бедолаг – арестовали.

Бригадира Николая Ельцина *взяли* прямо на глазах у трехлетнего сына, в маленькой комнатушке барака № 8 поселка на Сухой реке, где они тогда жили.

«Я до сих пор помню тот ужас и страх, – пишет Ельцин. – Ночь, в барачную комнату входят люди, крик мамы, она плачет. Я просыпаюсь. И тоже плачу. Я плачу не оттого, что уходит отец, я маленький, еще не понимаю, в чем дело. Я вижу, как плачет мама и как ей страшно. Ее страх и ее плач передаются мне. Отца уводят, мама бросается ко мне, обнимает, я успокаиваюсь и засыпаю».

Судебное разбирательство было недолгим. Ельцины получили по три года за то, что «проводили систематически антисоветскую агитацию среди рабочих, ставя своей целью

разложение рабочего класса и внедрение недовольства существующим правопорядком… пытались создать нездоровые настроения, распространяя при этом провокационные слухи о войне и скорой гибели Советской власти». Да, и еще «вели агитацию против займа, активно выступали против помощи австрийским рабочим».

Уже 28 мая братьев вместе с их подельниками – отцом и сыном Гавриловыми и *кулаком* Иваном Соколовым – этапировали в Дмитровский ИТЛ (Дмитлаг).

Отбывать срок Николаю Ельцину пришлось опять на строительстве, теперь уже канала им. Москвы в районе подмосковного Талдома. Семья поехала за ним. Жили в бараке, вместе с такими же *ЧСИРами* . Но, по счастью, в лагере Ельцин-старший сдружился с другим зэком, бывшим фельдшером Василием Петровым. Его жена вскоре приютила у себя Клавдию с Борисом. Позднее в доме Петровых родился и младший брат Ельцина – Михаил.

Перед смертью Нина Петрова оставила короткие воспоминания об их совместной жизни – пожалуй, одно из немногих свидетельств того времени.

Как рассказывала она, уже тогда Борис Николаевич был очень активным ребенком и по причине отсутствия игрушек любил развлекаться с поленьями – сооружать всевозможные конструкции, дома, пирамиды.

Так что строительные задатки появились у нашего героя уже в раннем детстве. Чем черт не шутит? Может, эти сучковатые поленья и определили всю его будущность, наряду с генами?

Отмотав положенный срок (даже чуть меньше; его досрочно освободили в сентябре 1936-го), Николай Ельцин вместе с семьей возвратился на Урал, в маленький городок Березняки, где нанялся на очередную стройку: Березниковского калийного комбината.

Между прочим, о спасительнице своей, Нине Петровой, Ельцин в многочисленных мемуарах не упоминает ни разу. Возможно, он ее просто не помнит. Или же не считает нужным акцентировать на этом внимание.

Воспоминания Ельцина вообще грешат многими неточностями и… как бы это помягче выразиться – провалами в памяти.

Вот, например, как очерчивал он в первой книге, написанной еще в 1989-м, начало собственной жизни:

«Мы жили бедновато. Домик небольшой, корова. Была лошадь, но и она вскоре пала. Так что пахать было не на чем. Как и все – вступили в колхоз…

Отец тогда решил все-таки податься куда-нибудь на стройку, чтобы спасти семью. Это был так называемый период индустриализации. Он знал, что рядом, в Пермской области, на строительство Березниковского калийного комбината требуются строители – туда и поехали. Сами за-пряглись в телегу, побросали последние вещички, что были, – и на станцию, до которой шагать 32 километра».

Позвольте, а куда же делись Казань, разложение окружающей среды рабочих, ночной арест, Дмитлаг?

Точно как при киномонтаже: чик-чик ножницами – и сразу за колхозом следуют уже Березняки, а четыре с лишним года картинно оседают в корзине.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Провалы памяти – выпадение из памяти конкретных отрезков времени или определенных событий, их место заполняется часто ложными воспоминаниями. Атеросклероз сосудов мозга ведет к расстройствам умственной деятельности.

О тюремных этапах отца Ельцин публично *вспомнит* лишь во второй своей книге – она появится уже в 1994 году, когда наличие репрессированных в роду перестанет считаться чем-то крамольным.

«Отец никогда об этом не говорил со мной, – так неуклюже-топорно объяснит он прежнее молчание. – Он вычеркнул из своей памяти этот кусок жизни, как будто его не было. Разговор на эту тему у нас в семье был запрещен».

То есть отец ничего не рассказывал, а сам Борис Николаевич, понятно, ничего не помнил по младости лет, хотя на предыдущей странице и воспроизводит он детальную картину ареста.

Полноте. Разумеется, Ельцин прекрасно был осведомлен обо всем: уж для него-то – первого секретаря обкома, а потом секретаря ЦК никаких трудов запросить отцовское дело не составляло. Да и к выходу первой книги Николай Ельцин был уже реабилитирован (произошло это 15 июля 1989 года), и, следовательно, родственников о решении этом обязаны были уведомить.

В чем же дело? Да очень просто. «Исповедь на заданную тему» вы-шла еще в советскую эпоху, когда для него важен был каждый голос. Ельцин хотел нравиться всем без исключения, а упоминание об отце-антисоветчике и деде-кулаке могло – так он, наверное, думал – отвернуть от него кое-какие слои населения.

(По этой же самой причине он не забыл указать, как конспектировал в школьные годы ленинские труды, а на встречах

и в интервью уверял, что Ленин – его политический идеал.)

К слову, ни в одной из своих анкет, заполненных в самые разные годы жизни, Ельцин тоже никогда не упоминал о наличии у отца судимости.

«Как же наши чекисты его пропустили?» – изумлялся потом его «крестный отец» Яков Рябов, передавший Ельцину *княжение* в Свердлов-ской области.

Впрочем, не будем забегать вперед, ибо тема эта требует отдельного разговора. Не один ведь Ельцин взобрался на Олимп образца 80-х, имея за спиной репрессированных предков. Может, в этом есть ключ к пониманию всего, что произошло со страной?..

Итак, в 1936-м семья Ельциных возвращается на Урал. Теперь уже навсегда.

Но в их судьбе от перемены мест сумма не меняется. Они по-преж-нему живут бедно, в таком же точно дощатом бараке, где в двадцати растянувшихся вдоль по коридору клетушках ютилось по отдельной семье.

«Может, потому мне так ненавистны эти бараки, что до сих пор помню, как тяжело нам жилось, – пишет по этому поводу Ельцин, и здесь оснований не верить ему нет. – Особенно зимой, когда негде было спрятаться от мороза, – одежды не было, спасала коза. Помню, к ней прижмешься – она теплая, как печка. Она нас спасала и во время всей войны. Все-таки жирное молоко, хотя и давала меньше литра в день, но детям хватало, чтобы выжить.

Ну и, конечно, уже тогда подрабатывали. Мы с мамой каждое лето уезжали в какой-нибудь ближайший совхоз: брали несколько гектаров лугов и косили траву… Вот, собственно, так детство и прошло. Довольно безрадостное, ни о каких, конечно, сладостях, деликатесах или о чем-нибудь вроде этого и речи не шло – только бы выжить, выжить, выжить и выжить».

Абсолютное большинство людей в положении Ельцина вряд ли могло помышлять о карьере. Сын репрессированного чернорабочего, внук кулака, вечно битый хулиган и драчун, получивший вдобавок волчий билет – для такого и диплом о высшем образовании – неприступная твердыня.

Но, видно, и впрямь что-то такое было заложено в нем. Особый дар, Божье благословление, дьявольская печать – кому что больше нравится.

Можно по-разному относиться к нашему герою, но нельзя не признавать одного: Ельцин сделал себя сам, этакий selfmademan.

Что же до судьбы, которая неизменно удачно складывалась у него, точно волшебный путеводный клубок, вела вперед, к славе и почестям, так и судьба – тоже не дура – она выбирает не всякого.

Сколько их было умных, талантливых, интеллигентных… Где все они? И где Борис Николаевич, даром что расторможенный, истероидный и закомплексованный? То-то…

В какой институт поступать, Ельцина тревожило мало. В любой. Лишь бы вырваться наконец из вечной нищеты, покончить с унылой безнадегой и пьяными выходками отца.

Строительный факультет Уральского политеха был одним из немногих мест, где на прошлое абитуриентов смотрели сквозь пальцы. С одинаковой легкостью туда мог поступить и сын репрессированного, и правоверный еврей.

Это был тот редкий случай, когда желание и возможности сходились в едином порыве. В конце концов, строителем был и отец Ельцина. Да и игры с поленьями – тоже не прошли даром.

«С первого курса института окунулся в общественную работу, – указывает в мемуарах Ельцин, – по линии спортивной – председателем спортивного бюро, на мне – организация всех спортивных мероприятий. Все пять лет, пока я был в институте, играл, тренировался, ездил по стране, нагрузки были огромные…»

Кто учился в те годы, прекрасно помнят, в сколь привилегированных условиях неизменно жили спортсмены. Ради спортивной чести вуза деканат легко закрывал глаза на любые прогулы, отлучки, да и строго с таких студентов никто не спрашивал: лишь бы завоевывал побольше дипломов и кубков.

Спорт Ельцин любил всегда – еще с детства. Правда, раньше это было всего лишь забавой, приятным времяпровождением. В институте спортом он начинает заниматься всерьез. В первую очередь – волейболом: тут уж ничего не скажешь, рост соответствующий, сам бог велел.

Ельцин не только играет, но и тренирует других – сборную «политеха», мужскую и женскую команды. («В общем, у меня уходило на волейбол ежедневно часов по шесть».)

При таком *коленкоре* он может, в принципе, не учиться, а лишь *являться* на экзамены и зачеты, но Ельцин – к чести его надо отметить – легких путей не ищет. Он практически не пользуется спортивными поблажками, по большинству предметов *успевает* сам, а если что-то и игнорирует, то исключительно идеологические занятия: всевозможные *истпарты* , марксизм-ленинизм и etc.

Идеология – как ни странно – будущему партфункционеру совершенно не по душе. Он вообще мало интересуется политикой, чурается комсомольской работы, упорно отказываясь от лестных предложений однокурсников и наставников – стать, например, секретарем комитета ВЛКСМ или войти в институтское

бюро, и как бы в отместку *схлестывается* с комсомольскими лидерами. То есть с завидным постоянством демонстрирует нежелание делать *карьеру* .

В молодости карьеризм как таковой был ему чужд; это уже потом, попробовав однажды сладкий вкус власти, он не сможет устоять перед ее соблазнами.

Но в те годы, напротив, Ельцин живет на износ, спит по три-четыре часа в сутки и, даже заболев однажды ангиной, продолжает изнурять себя тренировками, от которых и у здорового-то человека язык вывалится набок. Итог понятен: ревматическое осложнение на сердце. Последствия этой юношеской безрассудности он будет расхлебывать потом всю жизнь…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Ангина – инфекционное заболевание с местными проявлениями в виде острого воспаления компонентов лимфатического глоточного кольца, чаще всего небных миндалин.

Ревматизм – инфекционно-аллергическое заболевание, с поражением соединительной ткани, главным образом сердечно-сосудистой системы и суставов. Чаще всего развивается после ангины или других стрептококковых заболеваний.

Учебу Ельцин заканчивал все в том же бешеном режиме. Из пяти месяцев, выделенных на подготовку диплома, он использовал только один, а все остальное время потратил на разъезды по стране с волейбольной командой. При этом, как обычно, легких путей не выбирал, и тему диплома взял не абы какую, а чтоб посложней – про телевизионную башню, хотя практических данных было в этой области ничтожно мало.

А защитившись, уже через час, едва забежав в общежитие, мчится в Тбилиси, где играет на первенство страны…

Отбарабанив положенный срок по распределению – на строительстве в Верхней Исети – Ельцин возвращается в Свердловск.

Первым местом работы молодого специалиста стал трест «Уралтяжтрубстрой». Как выпускнику профильного вуза, ему была предложена должность мастера, но Ельцин вновь выкидывает *коленце* и идет… в простые рабочие.

Сам он будет объяснять это так:

«Сразу руководить стройкой, людьми, не пощупав все своими руками, – я считал большой ошибкой. По крайней мере, точно знал, что мне будет очень трудно, если любой бригадир, с

умыслом или без, сможет обвести меня вокруг пальца, поскольку знания его непосредственно связаны с производством».

Версия красивая, хоть и попахивает от нее чем-то романтически-идиллическим, в духе комсомольцев-добровольцев, целинников-былинников и строителей ДнепроГЭСа. Все это годится для красивого пропагандистского фильма на производственные темы, но никак не для *нормальной* жизни.

Впрочем, если призадуматься, *нормальное* объяснение появится само собой, ибо зарплата у рабочих была неизмеримо выше, чем у нищих инженеров. И не один только Ельцин, многие выпускники вузов отправлялись тогда на низовые должности.

Но в другом он точно был оригинален: торжественно поклялся освоить двенадцать рабочих специальностей за год – строго по одной в месяц. Проклятый комплекс неполноценности, вбитый отцовским ремнем, не давал жить спокойно. Ельцину все время требовалось доказывать свое превосходство: в первую очередь – себе самому.

Это было, конечно, совсем нелегко, приходилось *корячиться* в две смены. Но зато, когда высокая комиссия в конце каждого месяца приходила проверять его работу, Ельцин без натяжек получал пусть низший, но вполне профессиональный разряд.

Таким макаром к концу года он сумел одолеть специальности каменщика, бетонщика, плотника, столяра, стекольщика, штукатура, маляра, машиниста на башенном кране, водителя и т. п.

Точнее, не так: к концу года он сумел получить двенадцать профессиональных разрядов, сиречь соблюсти некие формальности. Сильно сомневаюсь, чтобы хотя бы в одной из этих профессий он стал мало-мальским докой; этаким галопом по Европам вершин мастерства не достигнешь (попробуйте за неделю прочитать полное собрание Пушкина), но внимание окружающих – и начальства в том числе – гарантированно обеспечено. (попробуйте за неделю прочитать полное собрание Пушкина)

> МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ
>
> Основными чертами пациентов с истерической психопатией является отсутствие объективной правды как по отношению к другим, так и по отношению к себе. Стремление постоянно находиться в центре внимания побуждает этих субъектов играть какую-нибудь роль: яркого талантливого человека, непризнанного гения, выдающегося специалиста во всех областях.

Там, на стройке, обнаружился и еще один его заложенный в

генах природный дар: *питие* .

Без бутылки в стройуправлении не решался ни один вопрос. Пили все – от последнего работяги до начальника СМУ. Каждый день начинался и заканчивался неизменно одинаково: со стакана.

Недюжинная физическая сила позволяла Борису Николаевичу ставить диковинные даже для строителей рекорды выносливости.

В роду Ельциных-Елцыных тяга к выпивке переходила из поколения в поколение. И вполне возможно, зеленый змий окончательно засосал бы и нашего героя, и карьера его закончилась бы должностью пьющего строительного начальника средней руки. Сидел бы давно уже на пенсии, носил спортивные штаны с пузырями на коленях, и звездным мигом своей жизни почитал бы поездку в Москву, на передачу «Поле чудес». («Пользуясь случаем, понимашь, хочу передать привет родному Екатеринбургу, всем друзьям и знакомым, а особенно жене Наине!»)

Но Ельцину повезло. От крутого пике удержала его молодая жена – Анастасия, Ная…

Они познакомились еще в институте. Настя Гирина – так ее тогда звали – жила с Ельциным в одном общежитии, в комнате по соседству.

Из всех студенток была она самой неприметной и тихой. Выросшая в старообрядческой семье, где не то что выпивка – крепкое слово почиталось грехом – Анастасия поражала окружающих покорностью и незлобивостью.

Для бунтаря с перебитым оглоблей носом – партия довольно странная. Но все решила вполне прозаическая подоплека.

Настя отменно (по студенческим меркам) готовила. Приходя в девичью комнату, Ельцин неизменно сметал со стола испеченные ей пирожки, заедал домашним борщом и постепенно проникался симпатией к милой, домашней барышне.

Их союз стал наглядным подтверждением тезиса о том, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок.

Рискну предположить, что вкусная домашняя еда символизировала для будущего президента тепло семейного очага. Сам-то он сызмальства питался впроголодь, заманчивые разносолы видел только в книге «О вкусной и здоровой пище» и совершенно искренне высшим наслаждением почитал сосиски, сваренные с добавлением сливочного масла. (Недаром, даже в книге мемуаров, процитированной мной выше, едва ли не главным подтверждением нищенского своего детства Ельцин называет отсутствие «сладостей, деликатесов или чего-нибудь вроде этого».)

Да и по всем другим параметрам как нельзя лучше соответствовали они друг другу. В этой лишь с виду несуразной паре каждая сторона отлично дополняла друг друга. Как у поэта:

«Они сошлись – вода и камень,

Стихи и проза, лед и пламень…»

«Всегда была скромная, приветливая, какая-то мягкая, – пишет по этому поводу Ельцин. – Это очень подходило к моему довольно неуемному характеру».

Правда, о своих чувствах Ельцин долго не распространялся, предпочитая сметать Настины пирожки без поэтических *экзерциссов* . Косвенно он и сам признается в этом:

«Наши взаимные симпатии нарастали постепенно, но виду мы не подавали; и даже если с ней целовались, то, как со всеми девчатами, в щечку. До каких-то пылких объяснений дело не доходило… Помню, первый раз мы объяснились друг другу в любви на втором курсе…»

Борис Николаевич, как всегда, страдает некоторыми провалами в памяти. Он точно запамятовал, что объяснение это, произошедшее, с его слов, «на галерке фойе перед актовым залом института», никаких дальнейших шагов за собой не повлекло.

Ну да, объяснились. Целовались. Но в студенческой среде такое происходит сплошь и рядом и к любви отношение имеет самое отдаленное.

Никаких серьезных авансов бедной девушке Ельцин не давал. Ее студенческие подруги вспоминают, что она тяжело мучилась этой неопределенностью. Воспитанная в старообрядческих традициях, на поэзии Асадова и Щипачева, торопить события Анастасия не могла, объяснений от экспрессивного ухажера не требовала, и лишь плакала по ночам в подушку.

На последнем курсе она с ужасом узнала – как водится, не от него: Ельцин, по обыкновению, целыми месяцами *торчал* на сборах и матчах – что распределяют их в разные концы страны. Ее – домой, в Оренбург. Его – в Верхнюю Исеть.

Тут бы самое время ей и объясниться – как же так, милый, пора определяться, зря, что ли, пять лет пирожки пекла – но куда там! Другая бы и в бюро ВЛКСМ пошла, и родителей привезла бы – птицу-счастья надо хватать за хвост обеими руками – но комсомолка Гирина предпочитает тихо страдать. Так и не дождавшись *предложения* , грустная и обманутая, уехала она в Оренбург, свято веря, что никогда Бориса Николаевича больше не увидит.

А что же наш герой? Он продолжает жить в свое удовольствие, ставит личные рекорды, поражает окружающих неуемностью характера.

Тут на него и обижаться не приходится: в этом весь Ельцин. В пылу общественных дел чувства всегда отходили у него на второй план.

(Так было и с отчим домом, покинув который, он почти запамятовал о родителях, писал от случая к случаю, и даже не всегда поздравлял мать – любовь к которой, став уже президентом, столь настойчиво культивировал – с днем рождения. Да и малую свою Родину – деревню Бутку – он тоже позабыл, и это здорово задевает земляков-односельчан.

В 2001 году, после того как проигнорировал он 325-летний юбилей села, бутчане – или как их там? бутчаки? буточники? – объявили во всеуслышание, что не будут боле посылать ему поздравлений с днями рождения и праздниками.

Да что там односельчане! Он и родного-то брата Михаила не поздравил с 60-летием: ни Ельцин, никто из его домашних даже телеграммы к юбилею ему не отправил.)

Это даже не черствость. Скорее это существование в другой системе координат, где нет места эмоциям, и все должно крутиться вокруг одного только человека.

Такое чувство, что женщины Ельцина вообще не интересовали. Или – интересовали постольку-поскольку.

Черт его знает, может, от спорта и трудовых подвигов удовлетворение он получал большее, чем от секса?

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Сексуальные расстройства, не обусловленные органическими нарушениями, проявляются при фактическом отсутствии отклонений от возрастных и конституциональных норм. Они могут выражаться в форме полного или относительного безразличия к представителям противоположного пола и в проявлении явной сексуальной инфантильности.

Но, оказавшись по распределению в Верхней Исети, Ельцин о студенческом романе не забывает.

То ли никого другого за это время он не встретил, то ли пришло время обзаводиться семьей, а может, не давали покоя сдобные Настины пирожки…

(К слову, личный президентский повар Дмитрий Самарин, который потчевал Ельциных еще со времен МГК, рассказывал мне, что все уверения в исключительных кулинарных способностях первой леди не более чем миф.

«С профессиональной точки зрения, – утверждает Самарин, – готовит она несерьезно. Тем не менее Ельцин постоянно ставил нам ее в пример. “Вот у Наины Иосифовны такие мягкие

котлетки. Почему вы таких не делаете?" Я однажды не сдержался. Говорю: "Борис Николаевич, мы можем такие приготовить, но не имеем никакого права. Мы стоим на защите вашего здоровья"».

Каким образом создавалась кулинарная слава Ельциной, становится ясно из другой поучительной истории, которую услышал я от президент-ского фотографа Дмитрия Соколова.

Однажды с визитом в Москву прибыла какая-то высокая чета. Наина Иосифовна взялась приготовить для них особый французский суп. Перепортила все продукты. Но поскольку суп первой леди был уже проанонсирован, его спешно пришлось варить двум кремлевским поварам.)

…Свадьбу играли в верхнеисетском доме колхозника – в лучших традициях того времени, комсомольскую, сиречь без водки. Так, по крайней мере, уверял сам молодожен – по прошествии, понятно, многих лет – только верить ему на слово – дело неблагодарное.

Он и многолетнюю неопределенность свою – расставание после выпуска – объяснял вовсе не своими *заморочками* , а тем, дескать, что решили они с любимой проверить чувства на прочность. Ни дать ни взять – Андрей Болконский с Наташей Ростовой, хотя мы-то знаем с вами, что испытывал Ельцин свою любовь не год, а целых четыре…

Тестю с тещей жених понравился. Был он тогда не пьющим, не курил и даже не выражался. Все это придет позднее – за исключением разве что табака – уже на стройке. К тому времени и молодая жена сменит свое обычное имя Анастасия на почти былинное Наина: зачем ей это понадобилось – ответа нет, зато у ненавистников Ельцина из патриотического стана появится через много лет возможность уличать президентскую супругу в скрытом еврействе…

Через год после свадьбы родилась первая дочь – Лена. Потом появилась вторая – Таня.

Борис Николаевич, правда, мечтал о сыне: даже топор и фуражку укладывал под подушку, но народная примета не сработала. Да и уверился счастливый отец вскоре, что девочки – ничуть не хуже, а может, и лучше мальчиков. Особенно полюбил он младшую, Татьяну, «очень мягкого, улыбчивого ребенка». (Как же, как же: вся страна знает эту улыбчивую мягкость, но об этом позже.)

Словом, типичная средняя советская семья. Анастасия-Наина трудилась в институте «Водоканалпроект», где все любили ее за тихий, незлобивый характер. Борис Николаевич пропадал на стройке. Девочки ходили в детский сад.

У молодой жены оказался редкий и удивительный талант:

она была незаменимой половиной своего супруга. Всегда в тени, спокойная и рассудительная, беспрекословно снося всевозможные срывы и выходки, она ненавязчиво, плавно помогала ему раскрываться.

Именно Наина Иосифовна – в этом нет сомнений – сыграла колоссальную роль в становлении Ельцина. Без нее он бы просто спился.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Бытовой алкоголизм – начальная стадия алкогольной зависимости, при которой еще не так сильны признаки опьянения, когда напитки только поднимают настроение, жизненный тонус и двигательную активность. Хотя подъем жизненной активности может периодически сменяться длительными периодами раздражительности и конфликтности.

С трудовыми буднями нашего больного… простите, нашего героя мы расстались на том самом месте, когда за год овладел он 12 рабочими специальностями.

Вскоре после этого Ельцина назначают мастером. Он искренне был уверен, что готов уже к самой сложной, ответственной работе, а вместо этого в первый же день ему поручили построить «пожарку».

Его напарник Артур Ежов вспоминает, сколь возмущенное негодование вызвало это у молодого бригадира: как так! «Пожарка»! Занятие для новичков! И Ельцин выполнять приказ отказался, за что был мгновенно понижен в должности.

И вновь Борис Николаевич возвращается в родную конфликтную стихию. На общем собрании он высказал все, что думал о *безмозглом* начальстве, возмутился нерациональным использованием профессиональных кадров – словом, все как обычно.

Начальство с интересом посмотрело на молодого специалиста и направило его на более сложный участок. Вскоре Ельцин становится прорабом.

…Первый объект, который построил будущий президент, стоит в Екатеринбурге и по сей день. Пятиэтажный дом № 22 по улице Грибоедова – главной артерии микрорайона Химмаш – выдержан в духе классической сталинской архитектуры, с фронтонами и колоннами. Он был сдан к ноябрьским праздникам 1957 года и с тех пор ни разу не переживал капитального ремонта.

В 57 квартирах дома с легкостью уживаются обнищавшие пенсионеры, бюджетники, бомжи, чиновники и даже один «новый

русский», сделавший себе евроремонт.

Крыша в доме уже давно протекла, подвал залит нечистотами, задраен намертво вход в бомбоубежище, но с парадной стороны светится огнями цветочный магазин, работает муниципальный гастроном, торгует колбасами частная мясная лавка.

Словом, перед нами – точь-в-точь уменьшенная копия современной России, что, собственно, неудивительно: рука мастера-то одна…

…Ельцин быстро растет, продвигаясь по ступеням карьерной лестницы. Прораб, старший прораб, главный инженер.

Сам Ельцин считает, что успехи эти были обусловлены исключительно его личными и профессиональными качествами.

Работал он, ничего не скажешь, действительно на износ, но насчет исключительных талантов – что-то я сомневаюсь. Ничем выдающимся среди коллег он не выделялся. Разве что, собственно, непреодолимым желанием *выделиться* .

С самого начала своего трудового пути Борис Николаевич постоянно ставил какие-то эксперименты, внедрял стахановские методы, придумывал всевозможные новаторские методы.

Свердловский журналист Андрей Горюн описывает примечательный случай:

«В начале 60-х годов Ельцин был начальником одного из строительных подразделений, но очень быстро перерос очередные служебные рамки и решил дать знать о себе начальству старым пропагандистским трюком – стал организатором рекорда.

Одна из подчиненных ему бригад вдвое повысила производительность труда. Секрет успеха был прост – бригада “передовиков” обеспечивалась всеми необходимыми материалами в первую очередь, нередко за счет других. Отблеск этой славы стал падать и на Бориса Ельцина, который к тому времени получил очередное повышение и стал главным специалистом домостроительного комбината. Ему теперь не нравилось, когда кто-то отказывался славить организованный им “рекорд”».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Демонстративный тип акцентуации. Главная черта – действия напоказ. Ни одно слово, ни один жест не производится просто так, а только с целью приковать к себе внимание окружающих, представить себя как интереснейшую, необыкновенную личность. С этой же целью допускается лживость, фантазируют такие личности только для публики.

По рассказам очевидцев, стиль ельцинского руководства

неизменно отличался жесткостью, подчас даже жестокостью.

Одного своего работника, например, который в процессе земляных работ повредил телефонный кабель, Ельцин заставил за ночь восстановить обрыв. И хотя поломка была устранена, поутру он все равно его уволил: в назидание другим.

Вообще, демонстративные порки воспринимались им как нечто необходимое, неотъемлемое, подобно отцовскому ремню. С подчиненными был он резок и груб, требовал от них такого же фанатизма в работе, какой выказывал сам. Если кто-то не выдерживал заданного ритма, и уходил, человек для Ельцина просто переставал существовать.

Уже оказавшись начальником Свердловского ДСК, Борис Николаевич установил систему штрафов, увольнял работников при первом же подозрении на непрофессионализм.

Понятно, что при таком характере врагов и недоброжелателей было у него с лихвой.

И по прошествии многих десятилетий Ельцин помнил их всех поименно. О самых ненавистных он даже упоминает в мемуарах, буквально разделывая под орех, как бы ставя тем – уже постфактум – точку в неразрешенных давнишних спорах: точно так же, как и в истории с нелюбимой *классной* .

«Управляющим трестом был Николай Иванович Ситников – человек оригинальный, мягко говоря, упрямый, злой, и его упрямство доходило иногда до элементарного самодурства, – пишет он, допустим, о своем непосредственном начальнике, который за один год *влепил* ему 17 выговоров. – Едешь с ним в машине, поспоришь, он останавливает машину где-нибудь на полпути: “Вылезай!” – “Не вылезу. Довезите до трамвайной остановки”. Стоим полчаса, стоим час, наконец он не выдерживает, поскольку куда-то опаздывает, хлопает дверкой и довозит до трамвая. Или, скажем, вызывает к себе, начинает ругать последними словами: такой-рассякой, что-нибудь не так – хватается за стул, ну и я тоже, идем друг на друга. Я говорю: “Имейте в виду, если вы сделаете хоть малейшее движение, у меня реакция быстрее – я все равно ударю первый”».

Ничего не скажешь – высокие отношения. Поставьте себя на место этого Ситникова. Вместо того чтобы выслушать критику – пусть даже и излишне бурную – подчиненный замахивается на тебя стулом. Такого не то что возненавидишь – со света сживать начнешь. Да и грех Ельцину было обижаться на подобные методы руководства: можно подумать, со своими подчиненными он обращался галантнее…

«Самодурство управляющего продолжалось до тех пор, пока меня не направили на работу главным инженером

домостроительного комбината, который был крупнее, чем его трест», – со скрытым торжест-вом заканчивает Ельцин двухстраничный пассаж о происках старинного врага.

Но это опять – от истины весьма далеко, ибо столь ненавистный ему Ситников тоже вскоре отправился на повышение: зам.начальника Главсредуралстроя. То есть он вновь оказался над Ельциным, но не в пример строптивому подчиненному счеты сводить с ним не стал.

Тогдашний первый секретарь Свердловского горкома Яков Рябов конфликт этот видит совсем в ином свете.

«Напрасно он (Ельцин. – *Авт* .) оплевывает старших товарищей по работе, которые его оберегали, растили и рекомендовали на выдвижение по службе. Особенно неприятно, что он Н. И. Ситникова выставил в негативном плане. А этот специалист-строитель с довоенным стажем был во многом честней и квалифицированней Бориса».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

У лиц с неустойчивой психопатией наблюдается беспричинная вспыльчивость, подчас раздражительность. Они бывают достаточно злобными даже при незначительных конфликтных ситуациях. Эти вспышки непродолжительны и могут сменяться состояниями апатии или пониженного настроения. Если эти аффекты резко выражены и более продолжительны, носят постоянную злобную окраску и сопровождаются агрессией, то речь идет о возбудимом типе психопатии.

Словам Рябова – впоследствии первого секретаря Свердловского обкома, а затем секретаря ЦК и зампреда Совмина СССР – доверять, полагаю, можно вполне.

Именно Рябов и стал для Ельцина путеводной звездой; папой Карло, вырезавшим из полена своенравного уродца. Это с его легкой руки Борис Николаевич был назначен главным инженером, а потом и директором ДСК, *рекрутирован* на работу в обком. Он же оставил Ельцина первым секретарем, когда уходил в ЦК.

Все это, впрочем, случится позднее. Пока же Ельцин работает еще начальником одного из стройуправлений, а Рябова – только-только – назначили первым секретарем Свердловского горкома.

Это было время масштабного, монументального строительства. Вслед за Москвой проблему коммуналок принялись решать и на Урале. По замыслу ЦК Свердловск должен был окунуться в пучину крупноблочного и крупнопанельного домостроения.

Грандиозность задачи требовала грандиозности исполнения. Решено было объединить разрозненные прежде стройуправления в единый ДСК. На должность главного инженера требовался молодой, но уже зарекомендовавший себя энергичный специалист.

Секретарь горкома Рябов остановил свой выбор на Ельцине.

«В те годы 32-летний Ельцин производил впечатление перспективного молодого человека. Борис взялся за работу со всей своей настырностью. Он схватывал все на лету».

«Объективно говоря, работал он неплохо, – рассказывает Рябов уже в другом интервью. – Через 1,5–2 года мы выдвинули его на должность директора этого комбината. Но горком партии и руководство Главсред-уралстроя (начальником ГСУС в то время был С. В. Башилов, а его замом работал *Н. И. Ситников,* который и был у истоков создания ДСК) следили за работой Ельцина, спрашивали с него за ввод жилья, и в то же время серьезно помогали. Особенно в конце года, когда за 2 – 2,5 месяца до его окончания необходимо было сдавать по 100 – 150 тыс. кв. м жилья».

Я не случайно выделил в этом абзаце фамилию Ситникова – того самого Ситникова, бывшего ельцинского начальника и злейшего врага. Это что же получается, Ельцин поливает его на чем свет стоит, а тот, оказывается, даже после всех раздоров «серьезно помогал» строптивому подчиненному?

Такая, понимаешь, *загогулина* …

Назначению Ельцина на должность директора ДСК предшествовала еще одна весьма показательная история.

Домостроительным комбинатом руководил тогда человек по фамилии Микунис. К ельцинскому *новаторству* относился он скептически, упорно не замечал его *рекордов* и категорически отказывался воспевать *достигнутые успехи* . На каком-то партийном собрании, когда речь за-шла о передовиках, Микунис по обыкновению предпочел отмолчаться, и тогда слово взял Ельцин.

Что в действительности случилось там – покрыто уже пылью древности, рассказы свидетелей прямо разнятся друг с другом – но, очевидно, в присущем ему ключе Борис Николаевич принялся наводить критику и высказывать *наболевшее* .

Сразу после заседания Микунис свалился с сердечным приступом, оправиться от него не смог и вскоре скончался. Нетрудно догадаться, кто занял освободившееся кресло: конечно же, передовик и новатор.

Правда, к бригаде этих самых передовиков, еще недавно своей красе и гордости, он мгновенно утратил интерес. Отныне-

то уже все эти потемкинские деревни были ему ни к чему.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

При психическом автоматизме у человека преобладают идеи собственного величия на фоне приподнятого или пониженного настроения. Больной ощущает себя центром мироздания.

А теперь посмотрим на всю эту ситуацию с другой стороны. Ладно, организовывал Ельцин дутые рекорды, но разве не по такому же точно принципу жила тогда вся страна; разве не по разнарядке спускали в коллективы звезды Героев и ордена?

Пусть тяжелый, неуживчивый характер; да, постоянно *собачился* со своим начальством. Зато никто не в силах упрекнуть его в карьеризме и приспособленчестве.

В 34 года возглавить многотысячный коллектив, крупнейший в Свердловске домостроительный комбинат – это, извините, не марксизм-ленинизм студентам *втолковывать* и не в парткоме штаны протирать. А ведь именно этим занимались в те годы большинство будущих политических светил, да еще *статейки* в партийную печать пописывали.

Что же до его жесткости, то, наверное, по-другому на стройке было и нельзя. (Всякий, кто хоть раз соприкасался с представителями этой древнейшей профессии, меня поймет.)

Масштабы задач, которые стояли перед Ельциным, были действительно гигантскими. (Чего стоит упомянутая Рябовым сдача 100 – 150 тысяч метров жилья за два авральных месяца?)

Здесь не было места сантиментам и розовым соплям. Метры, метры и еще раз метры. Но даже при такой жесткой дотошности не обходилось без эксцессов.

В 1966-м в Свердловске произошло ЧП: обрушилась недостроенная пятиэтажка. Возводил ее ельцинский ДСК. Как установила комиссия, причиной аварии была спешка строителей, заливавших фундамент зимой. На морозе бетон не успел схватиться, и когда потеплело, он начал «таять». Здание «поплыло».

Слава богу, обошлось без жертв: в момент обрушения на объекте не было ни души. В противном случае вся история страны могла пойти совсем по другому пути. Здесь же отделался Ельцин исключительно легким испугом. Его даже не наказали по партийной линии, хотя первый секретарь обкома Николаев и требовал снять бракодела с работы. Но вновь вмешался «добрый ангел» Яков Рябов: он к тому времени был уже вторым секретарем обкома.

«Я заявил, что сам разберусь с этой ситуацией и доложу о

ходе расследования на бюро ОК КПСС», – рассказывает Рябов в интервью журналистам.

Разобрался. Доложил. А вскоре Ельцин получил первую свою награду – орден «Знак Почета», именуемый в партийных кругах «Веселые ребята». Это стало единственным его наказанием, ибо по итогам пятилетки обещан ему был орден Ленина – высшая награда страны.

А злополучный дом в итоге все равно достроили: прежними ускоренными темпами…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Маниакальные состояния включают в себя переоценку собственной личности, легко переходящие в манию величия – ощущение могущества и неограниченных способностей, уверенность в своей гениальности и избранности.

Принято считать, что Ельцин испокон веку был идейным борцом со всяческими привилегиями. Однако никаких свидетельств этой красивой легенде нет.

А ведь став начальником ДСК, Борис Николаевич автоматически попадал в узкий круг «особо избранных». Отныне он получал доступ к *спецжизни* : спецпайкам, спецполиклинике, спецсекции в универмаге.

Охотно верю, что такое неравноправие, тем паче в Свердловске, который всегда славился отвратительным снабжением, вызывало у Бориса Николаевича отвращение. Он наверняка даже протестовал. Но… исключительно внутренне.

Зато когда дело касалось внешней стороны, эффектных жестов и фраз, по части борьбы за справедливость Ельцину не было равных.

Его однокурсница Аннета Львова описывает, как однажды обратилась к Борису Николаевичу за помощью. В ее новой квартире, построенной таким же *скоростным* методом, не хватало тепла. И она по простоте душевной позвонила Наине: поговори с Борисом, срочно нужна батарея.

«Выходит на крыльцо хмурый, сам себя перебарывает, конечно. Вот, знаешь, говорит, если бы у тебя не болел папа, никакой батареи ты бы не получила. Вот квитанция, заплати за батарею, но это последний раз. Завтра у меня попросят рамы, послезавтра – дверь, так в хозяйстве не годится».

Прямо-таки – ленинская честность. Но что поразительно, однокурсница Львова воспринимает это не то что с обидой, наоборот даже: с гордостью.

«Он был прав, – восклицает она, – и сам никогда ничего не

просил для себя у начальства. Никаких себе квартир и преимуществ. Это друзья за него просили и просто заставили как-то переехать в новую квартиру. Он это очень совестливо переживал».

Ой-ой-ой, сейчас заплачу! Это Ельцина-то, с его железобетонным характером, кто-то заставил переехать в новую квартиру? Схватили родимого под грудки и давай переселять!

Ни за что не поверю. А вот в то, что, переехав в новую, явно улучшенную *жилплощадь* , он списал это на назойливую заботу друзей – в это как раз я верю охотно.

С самого начала карьеры Борис Николаевич придавал огромное значение своему внешнему образу: «пиару», как сказали бы сегодня. Ему нравилось складывающееся о нем мнение, как о жестком, принципиальном руководителе, который и с людей спрашивает, и себя не бережет.

Он даже родном брату Михаилу никогда и ни в чем не помогал, хотя работал тот монтажником на соседнем участке. Так и вышел на пенсию – простым *работягой* .

А однажды, когда брат построил себе маленький садовый домишко, использовав без разрешения какие-то стройматериалы, не поленился, хоть и был уже первым секретарем обкома, самолично поехал на участок, осмотрел дом и пригрозил: вскроются нарушения – снесу своими руками. И председателю комиссии, разбиравшей этот случай, тоже позвонил – никаких скидок на родство, у нас все равны…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В июле 1941 года, под Витебском, в плен к немцам попал старший сын Сталина Яков Джугашвили. Когда «вождю народов» предложили обменять его на плененного советскими войсками фельдмаршала Паулюса, Сталин, пососав неизменную трубку, ответил исторической фразой: «Я солдат на фельдмаршалов не меняю».

Правда, и его дочь С. Аллилуева, и многие другие очевидцы отмечают, что старшего сына Сталин не любил никогда, не в пример младшему – Василию – которого, несмотря на беспробудное пьянство, сделал генералом и командующим авиации Московского округа ВВС. Но на сей счет никаких исторических фраз генералиссимус благополучно не произносил.

Мать Ельцина, Клавдия Васильевна, описывает, как впервые проявился у него протест против социальной несправедливости.

В каком-то магазине, куда пришли они с малолетним

Борисом Николаевичем, пытливый ребенок обнаружил *особый* отдел: для избранных. Он даже пролез туда, обалдел от представленного ассортимента – сыр, пшеничный хлеб, американская тушенка – словом все то, чего и на картинках люди тогда не видывали.

На расспросы сына мать объяснила: это, Боречка, специальная секция, для начальников, нам *отовариваться* там не положено.

Интересна реакция дошкольника:

«Мама, – заявил он в ответ, – несмотря ни на что, я буду начальником».

Вот вам и борец с привилегиями. Это уже потом, переехав в Москву, Ельцин примется *показно* разъезжать в общественном транспорте и ходить по магазинам, требуя от обомлевших продавцов объяснений, почему на прилавках – хоть шаром покати.

В прежней, уральской жизни ничего подобного он себе не позволял. Даже когда назначили его секретарем обкома и Наина Иосифовна по инерции продолжила посещать *обычные* магазины, он не только не похвалил ее за скромность, а напротив, устроил жесткий разнос. «Секретарь обкома, – объявил жене Ельцин, – не демонстрировать должен близость к народу, а реально повышать уровень его жизни».

Если бы Борис Николаевич выкинул хоть один из тех *фортелей* , которыми прославится потом в Москве, он мог бы навсегда позабыть не только о будущей карьере – даже с начальственным креслом на стройке пришлось бы ему распрощаться. *Софья Власьевна* дама была суровая, и *выпендрежа* не поощряла. Удивительно даже, как Ельцина – с его тягой к фрондерству и подмоченной биографией – вообще призвали на партийную службу.

И вновь на подмостки выходит добрый ельцинский ангел – Яков Рябов; тот, что сделал его главным инженером, а потом спас от неминуемой расправы.

В должности второго секретаря обкома Рябов *курировал* строительство. Участок этот был непростой, объемы колоссальные: два с половиной миллиарда капвложений – ежегодно. И когда пришло время отправлять на пенсию обкомовского зав.отделом строительства, Рябов вспомнил о своем крестнике.

Решение это было небесспорным. Многие пытались отговорить Рябова.

«Как-то встретился я с друзьями, – воспроизводит те события Рябов, – они мне задают вопрос: “Яков Петрович, вы собираетесь

заменить Гуселетова (тогдашнего зав. отделом строительства. – *Авт* .), вроде рассматриваете кандидатуру Бориса Ельцина? Имейте в виду, у него неуравновешенный характер". Как оказалось, многие мои друзья учились с Борисом, знали его со студенческих лет и прямо говорили о его властолюбии, амбициях, устремлениях к власти любым путем. Как говорится, он готов перешагнуть не только через товарищей, но если потребуется – и "через родную мать"».

Характеристика, надо заметить, не лучшая. И тем не менее Рябов советчиков не послушал. Теперь он объясняет свое решение тем, что личные качества кандидата волновали его меньше всего. Зато Ельцин «разобьется, но выполнит поручение начальства». А в партийной работе – это, ясно, самое главное.

Думаю, причина совсем в ином. Рябов относился к молодому строителю с отеческой заботой. Он тоже вышел из самых низов – из семьи плотника – и детство свое провел в таком же точно дощатом бараке.

Несмотря на пустяковую разницу в возрасте – всего-то три года – Рябов видел в нем продолжение себя. Он хотел сделать из Ельцина своего преемника, а потому усиленно *тащил* наверх, закрывая глаза на многочисленные огрехи и недостатки. Даже сегодня, несмотря на многолетний разрыв, у Рябова то и дело прорываются признаки нежности к бывшему воспитаннику.

«37-летний зрелый мужчина, высокого роста, спортивного телосложения», – так описывает он достоинства тогдашнего Ельцина. Ни дать ни взять объявление в рубрике знакомства, но никак не характеристика кандидату в зав.отделом.

И на странную реакцию питомца, когда перед назначением пожурил он его за тяжелый нрав, Рябов внимания тоже не обратил. А стоило бы.

«Вместо того чтобы сказать: да, действительно характер у меня не сахар, надо будет следить за собой, он мне задал вопрос: "Интересно, кто же вам, Яков Петрович, мог это сказать?"»

По словам Рябова, всех, кто давал ему нелестные характеристики, Ельцин старательно потом вычислял и перекрывал кислород. Никто из его критиков в люди выйти так и не смог.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Страдающие шизоидной психопатией обычно весьма равнодушны к невзгодам и заботам окружающих, они никому не сочувствуют, а если и делают это, то только «для виду», формально. В то же время они крайне чувствительны к мелким обидам и даже незначительным

попыткам ущемить их личные интересы. Часто проявляют черствость и равнодушие.

Итак, в 1968 году начинается партийная карьера Ельцина. Он становится заведующим строительным отделом Свердловского обкома. Должность эта мало располагала к кабинетной работе.

Он ежедневно мотается по области, инспектирует стройки, лазает по грязи и завалам.

Строители – народ своеобразный, время течет у них совсем с иной скоростью, а к каждому празднику – май, ноябрь, новый год, наконец, – вынь да положь, но объекты надо сдавать.

На такой сволочной работе даже у железной статуи откажут нервы. Но вечный аврал – это стихия Ельцина. Он не только не бегает от работы, он ищет ее сам.

У него есть лишь один серьезный недостаток: чрезмерная грубость, переходящая порой в хамство.

Для лощеной партийной работы такое поведение выглядит вызывающе, и Рябову – все знают, что это он протежирует Ельцину – коллеги то и дело выказывают недовольство: «Уйми ты его наконец!».

Но унять Ельцина – невозможно. Его стиль – это вовсе не хамство, а образ жизни. Он и к себе относится так же, как к подчиненным, а родных и вовсе не щадит.

«Подвыпив, Ельцин мог прикрикнуть, нахамить своей жене, – рассказывает Рябов. – После одной из таких посиделок я вызвал Ельцина к себе и сказал ему: “Как ты можешь так вести себя со своей женой?! Она же мать твоих детей!” Борис как всегда лишь хмурил брови и отводил глаза в сторону. Наина Иосифовна в те годы была кроткой и скромной. Двух своих дочек они воспитывали очень строго. Лена и Таня знали, что если они что-то натворят, – поблажки не будет».

По воспоминаниям бывшего обкомовского водителя, Ельцину ничего не стоило высадить жену где-нибудь посреди поля – неважно, дождь или снег – если позволит она что-нибудь непочтительное. (Например, мягко упрекнет супруга в чрезмерном *объеме* , взятом на грудь.) Оставшиеся километры Наине Иосифовне приходилось покрывать пешком.

И ведь ничего, терпела! Потому что так уж было изначально у них заведено: Борис Николаевич – непререкаемый авторитет, все в семье подчинено его интересам.

Вечерние приходы Ельцина домой напоминали посещение падишахом гарема. Вся семья – Наина Иосифовна, дочери – выбегали в прихожую, вперемежку с поцелуями и объятиями, стаскивали с него пальто, снимали ботинки, подсовывали мягкие

тапочки, торжественно вели к загодя накрытому столу.

Обратите внимание, на кого распространялись ельцинские грубость и, выражаясь языком 30-х годов, *комчванство* ? На семью. Подчиненных. Сиречь людей, от него зависимых.

В общении с вышестоящими ничего подобного Борис Николаевич себе не позволял. В противном случае, он никогда бы не смог продвинуться по служебной лестнице и навечно застрял бы в зав.отделом, а то и вовсе отправился бы укреплять *народное хозяйство* .

Принцип трех «У» – угадать, угодить, уловить – всегда отличал советскую партийную номенклатуру. И не только, кстати, советскую. Испокон веков российское чиновничество лебезило перед начальством, *гнобило* подчиненных, и наш герой – вовсе здесь не исключение. Напротив, на общем фоне он еще даже и выигрывал, ибо порученный ему участок всегда исполнял *справно* . В конце 1960 – начале 1970 годов промышленное и жилищное строительство в Свердловске было на подъеме. Ежегодно сдавалось свыше полумиллиона метров жилья. Возводились шахты, новые заводские цеха, объекты ВПК. Конечно, нельзя сказать, что все эти успехи исключительная заслуга Ельцина, но и его роль – явно здесь не последняя.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Помощники Сталина обращались к нему уважительно на «вы» и называли «товарищ Сталин». А он позволял себе обращаться с ними по-хамски на «ты». Никакой привязанности ни к одному из своих сотрудников он не испытывал и ценил их исключительно по степени полезности. Своих самых преданных помощников под конец жизни Сталин велел арестовать. В тюрьме оказались, например, заведующий его секретариатом Поскребышев и начальник Главного управления охраны МГБ Власик. Оба они служили Сталину еще с 1920-х.

В 1971 году ельцинский покровитель Яков Рябов становится первым секретарем Свердловского обкома. Отныне перед Борисом Николаевичем открываются новые, манящие горизонты.

Он уже напрочь заражен наркотиком власти. Ему нравится повелевать судьбами людей, чувствовать свое превосходство. Рамки строительного отдела Ельцину уже тесны. Ему хочется большего.

«Он стал грезить о карьерном росте. Жаждал повышения по партийной линии», – говорит Рябов, добавляя при этом, что никаких авансов амбициозному подчиненному он не давал.

Напротив, еще и отговаривал от сторонних, заманчивых предложений – стать, например, секретарем Костромского обкома или зампредом Госстроя СССР. (Первое предложение сделал костромской секретарь Баландин, второе – председатель Госстроя Новиков.)

«Ты еще не готов, – примерно так объясняет *подшефному* Рябов, – надо поднабраться опыта».

Слушать это самолюбивому Ельцину невмоготу, но и пойти поперек Рябова он не в силах. Уж Борис Николаевич-то отлично знает, сколь легко сломать чужую судьбу. Приходится подлаживаться, мимикрировать.

И вновь обратимся к свидетельствам Рябова.

«Я ему неоднократно намекал, что если он изменит свой характер – рост ему гарантирован… Он в общем-то заметно изменился, его как будто подменили. В своем поведении он поменял тактику, начал искать дружеские контакты со своими коллегами в обкоме партии, заигрывать с членами бюро и секретарями обкома, с облисполкомом и другими вышестоящими кадрами».

Новая хитроумная политика очень скоро дала себя знать. В 1975 году в обкоме образовалась вакансия – второй секретарь Геннадий Колбин ушел на повышение в ЦК Грузии.

Тот год вообще был богат на кадровые взлеты со стартовой свердловской площадки. Директора Уралмаша Рыжкова назначили первым зам.министра тяжелого машиностроения. (Впоследствии он дорастет до предсовмина СССР.) Директора Уральского турбомоторного завода Неуймина – первым зам.министра транспортного и энергетического машиностроения.

Звезды явно благоволили к уральцам, и грех было не воспользоваться их удачным расположением.

С подачи Рябова Ельцина назначают секретарем обкома. Его прежнее место занимает Олег Лобов – верный оруженосец, притащенный Ельциным из проектного института, с которым им долго еще предстоит работать вместе: через 20 лет Лобов будет секретарем Совбеза и вице-премьером.

Но вот странная метаморфоза! Едва только Борис Николаевич получил желанное повышение, разом улетучились вся его вежливость и политкорректность. Он вновь становится прежним неотесанным Ельциным, и снова льются Рябову жалобы рекой.

Обеспокоенный *первый* решил поговорить с протеже «по душам». Он упрекнул Ельцина в высокомерии, грубости, нетактичности. Потребовал поработать над собой.

Критику тот выслушал молча, опустив голову. Надулся, нахмурился.

«Это все?» – «Пока да».

В тот же день в своем дневнике Рябов записал:

«Вынужден ему снова сделать замечания.

1. За его высокомерие.

2. Неуважение к товарищам по работе, в том числе и к членам бюро ОК КПСС, грубость, резкость в обращении и ненароком напоминание им, что вы, мол, не лезьте не в свое дело, если не понимаете.

3. Это выражается в том, что он очень болезненно воспринимает замечания в адрес строителей, как обиду для себя.

4. Сам резок с людьми, даже груб и нетактичен, до оскорбления, в то же время обидчив и вспыльчив даже при законной просьбе.

5. Никак не может отойти от ведомственности, а это плохо, даже пагубно».

Парадоксальная вещь. Со всех сторон сыплются на Ельцина *кляузы* . О его резкости знают даже уборщицы. То и дело секретаря обкома *сношают* , воспитывают, а он и в ус не дует.

Любого другого на его месте давно бы примерно наказали или вовсе убрали, а ему – только пальцем грозят, да и то издали.

Неужто такой он незаменимый? Вряд ли. Это еще товарищ Сталин, которого товарищи по ЦК тоже, кстати, обвиняли в грубости и нелояльности, сказал: «Незаменимых у нас нет».

А значит, вывод напрашивается только один. Борис Николаевич был абсолютно уверен в своей непотопляемости. За широкой надежной спиной Рябова чувствовал он себя в полнейшей безопасности.

Рябов и сам это теперь признает, посыпая голову пеплом. Только поздно: поезд уже ушел.

«Как я понял, но, к сожалению, значительно позже, Борис вел себя как типичный подхалим и карьерист, старался исполнять все мои пожелания, и мне это импонировало. Я и в мыслях не думал, что это его тактика для дальнейшего стратегического рывка в карьере, а наоборот, считал, что молодец, Борис, наконец-то понял задачи области и делает все, чтобы их осуществить. Мы продолжали дружить семьями. Я почему-то в него верил».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Параноидальные психопаты воображают себя людьми наполеоновского масштаба, которым в отличие от остальных позволено все. Они высокомерны, грубы, отрицательно реагируют на критику. Это люди несокрушимой воли, для которых важно претворение в жизнь любой своей идеи. Последствия их деятельности

бывают тем тяжелее, чем большей властью они обладают.

На третьих ролях в обкоме пробыл Борис Николаевич недолго. И года не прошло, как Рябова забрали в Москву – секретарем ЦК КПСС: *курировать* ВПК.

Это историческое известие застало Ельцина в столице, где поднимал он свою квалификацию на курсах в Академии общественных наук. Совпало это очень удачно, ибо вскоре Бориса Николаевича тоже вызвали на Старую площадь.

«Я знать ничего не знаю, по какому вопросу меня приглашают, – пишет он в “Исповеди…”, – хотя, конечно, где-то в душе чувствовал, какой может произойти разговор, но старался эти мысли отогнать».

Ельцин в который по счету раз лукавит. Прекрасно он знал, зачем вызывают его в ЦК, просто маска застенчивого скромника нравится ему куда больше, чем образ расчетливого службиста.

Очередным своим взлетом он вновь был обязан Рябову. Это именно Рябов сумел убедить Брежнева, что кандидатуру лучше ельцинской на вакантное место хозяина Свердловска не найти.

Сделать это было очень непросто. По неписаным партийным законам первым секретарем назначали обычно секретаря второго. Ельцин же был всего-навсего простым секретарем обкома, да еще и проработавшим в этой должности меньше года. Отсутствовало у него и партийное образование (злополучные курсы АОН, кстати, он окончить так и не успел), в ЦК никто его толком не знал. Он даже не был депутатом Верховного Совета, и все же Рябову удалось невозможное: он уломал генсека, и тот, не выдержав натиска, сдался. В конце концов, кто лучше новоиспеченного секретаря ЦК знает свои *местные* кадры…

Накануне похода в верха Рябов научил Ельцина как правильно вести себя. Говорить надо спокойно, размеренно, взвешивая каждое слово. (Это к вопросу о неожиданном вызове!)

И вот, пройдя через сито секретарей ЦК Капитонова, Кириленко и Суслова, Борис Николаевич вместе с Рябовым отправляется в Кремль.

Слово – главному герою.

«Брежнев сидел в торце стола для заседаний. Я подошел, он встал, поздоровался. Потом, обращаясь к моим провожатым, Брежнев говорит: “Так это он решил в Свердловской области власть взять?” Капитонов ему объясняет: да нет, он еще ни о чем не знает. “Как не знает, раз уже решил власть взять?” Вот так, вроде и всерьез, вроде и в шутку начался разговор. Брежнев сказал, что заседало Политбюро и рекомендовало меня на

должность первого секретаря Свердловского обкома партии.

В тот момент вторым секретарем обкома в Свердловске был Коровин, то есть нарушалась привычная перестановка. Получалось, что рядовой секретарь выдвигается сразу на должность первого, а второй остается на своем месте. Хотя, объективно говоря, Коровин, конечно, для первого секретаря со своим характером не годился. (А Ельцин с его характером? – *Авт* .) Это понимали все.

“Ну как?” – спросил Брежнев. Все это было, конечно, неожиданно для меня (! – *Авт* .), область очень крупная, большая партийная организация… Я сказал, если доверят, буду работать в полную силу, как могу. Поднялись, он вдруг говорит: “Только пока вы не член ЦК, поскольку уже прошел съезд, выборы закончились”. Я, естественно, и вопроса такого не мог задать, но он почему-то таким оправдывающимся голосом это проговорил. Потом смотрит, а у меня нет депутатского значка Верховного Совета, и говорит: “Вы не депутат?” Я отвечаю: “Депутат”. Он оглядывается на секретарей с удивлением: “Как депутат?” Я вообще-то совершенно серьезно говорю: “Областного Совета”. Это, надо сказать, вызвало большое оживление, поскольку депутат областного Совета на их уровне за депутата не считался. Ну, в общем, на том и расстались. Давайте, говорит, с пленумом не тяните».

2 ноября 1976 года на пленуме Свердловского обкома Борис Ельцин единогласно был избран первым секретарем.

В своей первой же, тронной речи он сказал, что главное – забота о людях, «а на добро они всегда откликнутся с повышенной отдачей».

«Это кредо, – скромно добавляет он в “Исповеди…”, – осталось у меня и сейчас, и я в него верю».

Какова она, ельцинская забота о людях, Яков Петрович Рябов имел возможность испытать на собственной шкуре.

В «Исповеди…» о нем – человеке, вытащившем Ельцина из грязи в князи, – не найти практически ни слова…

Словно это не Рябов сделал из строителя средней руки хозяина крупнейшего региона, а все случилось само собой, по мановению волшебной палочки, ибо таланты и достоинства нашего героя были столь очевидны, что не заметить их мог только слепой.

Как там у Бориса Николаевича?

«Надо прежде всего заботиться о людях, а на добро они всегда откликнутся с повышенной отдачей».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

> Параноики не терпят никаких возражений. Они постоянно выясняют отношения и вступают в тяжелые конфликты с окружающими, требуя от них беспрекословного подчинения. Всех вокруг они подозревают в недоброжелательном к себе отношении. Они обычно высокого мнения о себе и о своих умственных способностях.

Каким образом удалось Ельцину проскочить через сито КГБ – одному Богу известно. Назначение первым секретарем обкома – это не поступление в «Политех». Человек должен быть проверен со всех сторон, до седьмого колена.

Дед – кулак, отец – враг народа. С такой биографией к сановному креслу и близко подпустить были его не должны.

Кто он, тот неведомый растяпа из Свердловского УКГБ, не удосужившийся когда-то детально покопаться в его личном деле? Без этой спецпроверки взять в обком Ельцина попросту не могли. Но взяли. А уж потом, когда оказался он в строю небожителей, кому же в голову придет разглядывать секретаря обкома под микроскопом. *Наш* , проверенный товарищ.

А ведь окажись этот *опер* из далекого 1968-го подотошнее, не ограничься он формальным изучением анкеты, а съезди бы к *проверяемому* на родину или хоть запроси местный райотдел, вся история страны могла пойти по другому пути.

Так ленца одного-единственного майора или капитана определила последующую судьбу планеты.

Вообще, халатность провинциальных чекистов дорого обошлась Союзу, ибо не один только Ельцин *произошел* из семьи репрессированных. Многие из тех, кто встал у руля в 80-х, имели врагов народа в роду. И у Шеварднадзе, и у Горбачева, и у Бакатина папы с дедушками тоже прошли через молох НКВД.

Это вовсе не значит, что они сводили счеты с советской властью и развалили СССР в отместку за невинно убиенных предков. Все эти параноидальные идеи о вселенском заговоре, масонах и агентах ЦРУ, обманом пробравшихся к руководству партии, – годятся разве что для читателей газеты «Завтра».

Мне думается, дело здесь совсем в другом. Всем этим людям – так или иначе – советскую власть любить было не за что. Они лишь вступали с ней в брак по расчету.

А потом, по тому же самому расчету, развалили страну, ибо каждый рассчитывал урвать кусок пирога пожирнее.

Вины их в том нет. Они действовали как и положено карьеристам и приспособленцам во все времена: искать в первую очередь собственную выгоду. Да и с растяп-оперов тоже теперь не

спросишь: померли уже, должно быть, давным-давно…

Но кто же думал тогда, как повернется история. Ведь со всех других сторон Ельцин как нельзя лучше подходил на роль хозяина региона – одного из крупнейших, кстати, в стране.

К 1976 году Свердловская область была четвертой по численности в РСФСР: после Москвы, Ленинграда и Краснодара (4 миллиона 383 тысячи жителей), тринадцатой по территории (194,8 тысяч квадратных километров) и третьей по объемам промышленного производства.

«Одна из наиболее развитых в индустриальном отношении областей СССР, – читаем мы в Большой Советской Энциклопедии того времени. – Основные отрасли специализации – металлургия (чёрная и цветная), машиностроение и металлообработка, химическая, стройматериалов и лесная промышленность».

Лишь сухое перечисление свердловских предприятий занимает полторы страницы *фолианта* . Большинство из них остаются на слуху и сегодня. Знаменитый «Уралмаш», Нижнетагильский металлургический комбинат, Уралвагонзавод, Качканарский ГОК, Первоуральский трубный и прочая, прочая. И это еще не считая предприятий ВПК, ибо большинство советских танков, артиллерийских орудий и зенитно-ракетных установок делалось, например, именно на Урале.

Я привожу эти справочные сведения, дабы показать, сколь тяжеленная ноша свалилась на плечи молодого еще, в общем, человека. Первым секретарем Ельцин стал в сорок пять – возраст по советско-геронтологическим меркам практически младенческий.

У него не было ни достаточного опыта, ни энциклопедических знаний. Кроме строительства он, по сути, другими вопросами не занимался. Словом, ничего, за исключением амбиций и безумной работоспособности.

А вот поди ж ты – справился. Уже очень скоро Ельцин сумел завоевать колоссальный авторитет – в первую очередь среди населения.

Он был не похож на своих одинаково-серых предшественников. Если большинство его коллег – первых секретарей обкомов – предпочитали работать в кабинетной тиши, то Ельцин, напротив, постоянно рвался в народ.

С первых же дней работы он взял за правило регулярно встречаться с простыми людьми, ездить по предприятиям и институтам, выступать перед врачами и пионервожатыми. И, что самое важное, встречи эти не режиссировались заранее, а вопросы не раздавались загодя, чтобы знатные передовики успели прорепетировать их перед зеркалом.

«В застойный для страны период такие встречи были скорее исключением, чем правилом, – пишет Ельцин в “Исповеди…”. – В ту эпоху было принято на всякие подозрительные вопросы не отвечать, а если и проводить встречи и конференции, то по поводу великого писателя, маршала, четырежды Героя и прочее, прочее».

В самом деле, ничего подобного в других регионах не происходило. Единственная аналогия, которая приходит в голову, это пример 1-го секретаря ЦК Белоруссии Петра Машерова. Только Машеров, в отличие от Ельцина, был не вчерашним строителем, а партизанским героем, носил полученную на войне золотую звезду, да и по возрасту годился ему в отцы.

Ельцин одним из первых в стране понял, какова сила общественного мнения. PR-технологии, взятые им на вооружение тридцать лет назад, отменно работают и сегодня.

Ну, например, он еженедельно начал вести прямые эфиры на местном телевидении, отвечая на звонки в студию – в первую очередь критические – и тут же, не сходя с места, наводил порядок. Это была едва ли не самая популярная в области передача, ибо нет для людей занятия увлекательнее, чем поглазеть на публичную порку начальства. (Нынешние рейтинги прямой линии Путина – тому подтверждение.)

Скажем, звонят жители «размороженного» дома в Краснотуринске. Прямо из студии Ельцин поднимает трубку, связывается с горкомом: «Даю 24 часа на устранение аварии в теплосети».

Или пробивается в эфир какая-то женщина из Алапаевска и жалуется, что жена первого секретаря горкома «разъезжает в служебной “Волге” по парикмахерским, магазинам и базарам, а в автопарке стоят автобусы – бензина не хватает». Ельцин тут же, не сходя с места, устраивает алапаевскому князьку разнос и дает областному прокурору команду: разобраться с бензиновым дефицитом.

А через неделю, в то же самое время, в 20.00, первый секретарь уже отчитывается о принятых мерах и наказанных виновниках. И горе тому чиновнику, кто не успеет в срок выполнить «телевизионное» поручение. Был случай, когда Борис Николаевич не сумел дозвониться из прямого эфира до какого-то коммунального начальника районного масштаба – он был снят с работы в ту же минуту.

Ельцину нравился этот образ народного заступника, Робин Гуда и Дубровского в одном лице. Он просто-таки купался в своей популярности, тешился восторженными взглядами. Но еще больше упивался он страхом своих подчиненных, не знавших, что

еще выкинет неуемный *первый* ; на чью голову обрушит он гнев в этот раз.

К кадрам Борис Николаевич относился безжалостно, искренне считая всех чиновников нахлебниками и дармоедами. Он и работу свою начал с массовых чисток, выкорчевывая любых потенциальных конкурентов.

Второго секретаря обкома Коровина – того, что *рассматривали* одновременно с ним – Ельцин сослал в областной Совет профсоюзов. (Аналогия с Брежневым напрашивается сама собой: тот ведь тоже *задвинул* главного своего конкурента, секретаря ЦК Шелепина, в ВЦСПС.) Председателя облисполкома Борисова отправил на пенсию.

Бывшие сотрудники обкома рассказывают, что Ельцину были совершенно неведомы демократические принципы руководства. Он признавал только собственную волю, и в чем-то переубедить его было практически невозможно. Если решил – значит, все, как отрезало.

(«Какой он демократ, господи боже мой! – восклицал потом Николай Рыжков; тот самый бывший директор “Уралмаша”, доросший до секретаря ЦК и премьер-министра. – Нашли демократа! Более авторитарного человека я не встречал!»)

Его диктаторские замашки распространялись на всех без исключения. Обкомовскую знать, например, – секретарей, членов бюро и заведующих отделами – он лишил обеденного перерыва, обязав решать рабочие вопросы в неформальной обстановке. Свободного времени у них тоже почти не оставалось: все сотрудники обкома должны были теперь регулярно играть в волейбол, не взирая на возраст и спортивную подготовку. Зимой же свердловчане в обязательном порядке вставали на лыжи. (О теннисе Ельцин, к счастью, тогда еще не знал.)

Он по-прежнему требовал от людей того же, что делал сам. И если бы в молодости довелось ему заниматься не волейболом, а альпинизмом: будьте уверены, все *начальники* вынуждены были бы лазать по горам с альпенштоками, благо Уральский хребет под боком.

Это касалось всего: спорта, досуга, работы. Врач Свердловской спецбольницы Калерия Шадрина, отвечавшая за здоровье Ельцина и его семьи, вспоминает такой эпизод:

«Как-то лечила ему второй палец на правой ноге – периодическое воспаление сустава, а он и говорит: “Завтра в пять утра я должен быть в Талице на утренней дойке”. – “Да как же вы с такой ногой-то? – говорю. – Это же в три ночи выезжать надо, а вам бы хорошо отлежаться. Неужели заместители съездить не могут?” – “Ты не понимаешь, – говорит. – Я вот приеду, а там

коровы стоят недоенные, вымя у них в г.., а доярки пьяные. Я им всем там разгон устрою, и месяц в этот район мне можно не заглядывать. А заместители только зря съездят”».

Не удивительно, что среди пациентов Шадриной регулярно появлялись партработники и прочие чиновники с приступами стенокардии и инфарктами – последствиями перенесенных ельцинских «разгонов».

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Общеизвестно, что русский царь Иван Грозный обладал тяжелым характером, был капризен, отличался злопамятностью и мстительностью. Периодически у него случались страшные приступы ярости. Во время одного из таких приступов 9 ноября 1582 года в Александровской слободе, загородной резиденции, царь случайно убил своего сына Ивана Ивановича, попав посохом с железным наконечником ему в висок.

В лице Ельцина свердловчане увидели исконно любимый народом образ сильной руки: сурового, но справедливого. Таким остались в истории Петр Первый, Иван Грозный, отчасти Сталин. Масштабы, конечно, разные, а суть одна.

Борис Николаевич всячески поддерживал этот миф. Он постоянно выдумывал новые приемы, какие-то нетрадиционные ходы.

Об одном из них позже поведал его телохранитель Александр Коржаков:

«Как-то во время встречи на стройке он меня спрашивает:

– Александр, какие у вас часы?

Я показал.

– О, эти не подходят, нужны какие-нибудь поинтересней.

Я подхожу к коллеге из группы сопровождения и интересуюсь:

– У тебя какие часы?

– “Сейко”. А что?

Поясняю ему:

– Снимай, шеф просит.

Он отдал. И шеф тут же подарил эти часы какому-то строителю. У Ельцина, оказывается, манера была – дарить часы. Она сохранилась со свердловских времен. Жест этот предполагал исторический смысл: первый секретарь поощрял “своими” часами отличившихся тружеников почти так же, как командарм своих солдат – за боевые заслуги в Великую Отечественную. Я этот фокус с часами запомнил и потом специально носил в кармане запасной комплект. Часы же брал казенные, в горкоме».

В этом нехитром приеме – весь Ельцин. С одной стороны, вроде эмоциональный, искренний жест: не грамоту ведь дарит, не набивший оскомину вымпел; снимает часы – с собственной руки. Но с другой – все заранее продумано, просчитано, и даже комплект казенных хронометров всегда у помощника в кармане.

И ведь верили! Эдуард Россель, даже став уже свердловским губернатором, искренне продолжал считать, что золотые часы, которые Ельцин принародно застегнул у него на запястье, были передаренным подарком Брежнева. (Молодой строитель Россель пустил новый металлургический комбинат в точно указанный Ельциным срок – 19 декабря, в день рождения дорогого Леонида Ильича.)

Нечто подобное рассказывал мне один из свердловских функционеров, пожелавший остаться неизвестным.

В Свердловске остро не хватало колхозных рынков. Жители одного из городских районов много писали в обком, требовали свежих овощей и фруктов. В результате решение о строительстве рынка было принято, но когда к Ельцину пришли подписывать бумаги, он отложил их в сторону: «Пока не время».

А через несколько месяцев, приехав на встречу с жителями этого района, принялся расспрашивать: «Какие проблемы? Чем помочь?»

Граждане, понятно, начинают опять *талдычить* о строительстве рынка. Ельцин внимательно их выслушал и прямо на месте, «идя навстречу пожеланиям трудящихся», чуть ли не на коленке подписывает решение о строительстве. Еще и подчиненным досталось – «за нечуткое отношение к просьбам населения».

(Как похоже это на будущие его эффектные акции, типа подписанного на броне БТРа указа о прекращении чеченской войны.)

Даже из пары этих нехитрых примеров отчетливо видно, что за хваленой ельцинской экспрессивностью, импульсивной его непредсказуемостью скрывался на деле тонкий расчет. Все это – не более чем хорошо срежиссированный образ; весьма талантливый, надо заметить, ибо в те времена политтехнологов не было еще и в помине и до всего Ельцину приходилось доходить самому.

Известный академик Леонид Абалкин рассказывал мне, как увидел впервые Ельцина на идеологическом совещании году в 1984-м. Свердловский секретарь впечатлил всех присутствующих своей статью, манерами, зычным голосом. Он выступал не как другие, по шаблону, а говорил эмоционально, рублеными отточенными фразами.

«Рядом со мной сидел помощник Щербицкого – первого секретаря ЦК Украины. Как сейчас помню, он нагнулся и говорит: "Надо же, какие секретари обкомов теперь пошли. Нам бы на Украину хоть одного такого. Вернусь – сразу же расскажу Щербицкому"».

Впрочем, для успешной карьеры нестандартности и яркости совсем и не требовалось. Для ЦК и престарелого Политбюро народная любовь значения никакого не имела. Критерии отбора – если представить, что Ельцин хотел выделиться, продвинуться наверх – заключались совсем в другом: в преданности, послушании, предсказуемости. Десятки партийных бонз на всех необъятных просторах страны жили припеваючи, не терзали себя и подчиненных, а в массы спускались лишь для того, чтобы зачитать доклад и сорвать ДПАПО (было в советской печати такое стенографическое сокращение: «долгие, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию»).

Думаю, в этом и заключается феномен Ельцина. Ему постоянно нужно было брать новые высоты.

Высшее удовлетворение для него – победа над самим собой. Ельцин сознательно ищет самые трудные участки, лезет напролом, ставит всевозможные эксперименты.

Так было и в детстве, и в юности, когда, отправляясь в поход, он специально выбирал маршруты потруднее, а потом выводил заплутавших и оголодавших спутников из тайги. Когда за год осваивал он двенадцать рабочих специальностей, залезал в разгар бури на башенный кран и отгонял перед носом мчавшегося поезда застрявшую на переезде машину с бетоном.[1]

Может быть, сам того не подозревая, он все время боролся с собственным комплексом неполноценности, намертво вбитым в него отцовским ремнем. Потому-то все свои подвиги Борис Николаевич неизменно совершает на публике. Подобно мифическому Антею, черпавшему свои силы из земли, Ельцин заряжается энергией от зрителей. Без них – он просто недвижим.

Та же злополучная граната, оторвавшая у него пару пальцев, украдена была из воинской части на глазах у восторженных приятелей, а потом, под их же зачарованными взглядами, начала разбираться. А первый в его жизни публичный бунт во время выпускного? Если бы не массовое скопление школьников, родителей и учителей, бьюсь об заклад, никакого демарша не случилось бы.

Теперь же зрителей у него – хоть пруд пруди: без малого четыре с половиной миллиона…

Годы ельцинского правления ознаменовались в Свердловске проведением множества шумных кампаний. Он едва ли не первым

в стране начал возводить МЖК – молодежно-жилищные комплексы, строящиеся силами самих же потенциальных новоселов; изобрел *великий почин* «коллективной ответственности», когда за прогул или любую другую серьезную провинность одного премий и наград лишали весь коллектив.

После него свердловчанам остались новые городские районы: Юго-Западный и Кировский. Десятки помпезных объектов и зданий – Дом актера, Театр драмы, Дворец молодежи, Дом политпросвещения. (Собственно, все, что возводилось в Екатеринбурге до недавнего времени, строилось по ельцинскому образу и подобию, ибо генплан города утверждался при нем.) Он провел в Свердловске метро. Реконструировал множество шахт и заводов. Заасфальтировал сотни километров дорог.

Правда, и новое здание обкома он тоже построил: одно из шикарнейших в стране…

Это уже потом Борис Николаевич примется рассказывать о вечном своем нон-конформизме, потаенном диссидентстве и нелюбви к привилегиям.

В «Исповеди…» он пишет, что ни друзья, ни родственники, ни близкие или дальние знакомые – никто даже не пытался прийти к нему, с его неограниченными возможностями, за какой-нибудь помощью или в поисках блата.

Конечно, Ельцин, мягко говоря, лукавил. Будучи первым секретарем обкома, практически невозможно не пользоваться определенными привилегиями. Например, роскошной пятикомнатной квартирой – 167 метров без учета 4 лоджий – в самом лучшем свердловском доме на улице 8 Марта, прозванном, естественно, «дворянским гнездом», с бассейном, бильярдным залом и круглосуточной охраной.

У него была большая зарплата, дача, служебная и семейная машины с водителями, свора челяди, прислуги, возможность ездить за границу.

Но все это – сущие пустяки в сравнении с другой, самой главной привилегией, которую получил он, очутившись в кресле *первого* : фактически безграничная, никем не контролируемая власть.

О такой власти над людьми Ельцин мечтал с самого детства, еще стоя в магазине, где за отдельным прилавком обслуживалась номенклатурная знать. Он словно рожден был для того, чтобы править, направлять и указывать.

Встречавшийся с ним в то время Сергей Алексеев, крупный юрист, будущий депутат Верховного Совета и творец Конституции, вспоминает:

«Производили впечатление и крупная фигура Бориса

Николаевича, стиль его поведения, его стремительность – в речах, поступках, даже в походке, в том, как он вбегал на трибуну, и – как ни странно – властная отчужденность, отстраненность, и оттого, наверное, неизбежное одиночество.

Запомнилось мое первое зрительное впечатление о нем: в холле областной спецбольницы, где я ожидал приема, вдруг все замерли: по коридору, не глядя ни на кого, стремительно, в окружении нескольких сотрудников и врачей двигался крупный человек. Сидящая рядом сотрудница обкома, вскочив с места, громко крикнула вслед: “Борис Николаевич!” Он приостановился, прищурился, всматриваясь, кто это, и поднятой рукой властно остановил, уже было обращенные к нему слова: “Потом!”»

Власть была чем-то от его исконной природы, и это позволило мгновенно воспринять нужный образ поведения, казавшуюся теперь естественной привычку быть лидером…»

Супротив него в области никто и слова пикнуть не смел. Зная скверный нрав Бориса Николаевича, каждый предпочитал держать язык за зубами. Чиновники готовы были заранее одобрить все его действия, согласиться с любыми предложениями, поменять свое мнение на диаметрально противоположное, лишь бы только угодить неуемному шефу.

Виталий Воротников, будущий российский премьер, а тогда первый зампред правительства РСФСР, посетив Свердловск, записал:

«Ельцин очень активен, напорист, дает безапелляционные указания селянам. Никто ему не перечит… Показался он мне человеком волевым, но крутым, даже жестким в общении с людьми».

Все успехи области неизменно достигались жесточайшим авторитаризмом, накачками и порками. Ельцинские методы работы были сродни сталинским: великий вождь тоже ведь великие свои стройки – Беломоро-Балтийский канал, Днепрогэс, Комсомольск-на-Амуре, даже знаменитые московские высотки – возводил, не стесняясь в методах и средствах.

Надо было ему решить, допустим, продовольственную проблему: в промышленной области с собственным сельским хозяйством было туго. В обязательном порядке всем предприятиям было приказано создавать подсобные хозяйства.

Или решил Ельцин, к примеру, проложить магистраль на север своего региона: от Свердловска до Серова. Но денег Москва не давала. Тогда он собирает районную *знать* – партийных и советских секретарей – через чьи *вотчины* должна идти трасса, и объявляет: «Строить будете сами, собственными силами, за счет районных организаций».

А потом, когда сроки подошли к концу – весьма, кстати, жесткие, – посадил их всех в автобус и во главе гоп-компании отправился инспектировать *объект* . Те из номенклатурщиков, на чьей территории работа не спорилась, пинками выгонялись из салона: прямо в придорожную пыль.

И ведь сходили: безропотно, покорно. Еще и благодарили за науку, ибо всякие проявления инакомыслия Ельцин подавлял на корню, безжалостно и сурово. Только членов бюро обкома и исполкома облсовета он успел поменять четыре раза кряду.

Власть его была безраздельной.

Снизу – сонм покорившейся челяди. Сверху – полное отсутствие контроля.

«В это время Брежнев страной не занимался или, скажем так, все меньше и меньше занимался, – пишет сам Ельцин, – его примеру следовали другие секретари ЦК. Так получилось, что мы работали полностью самостоятельно».

Даже у самого воспитанного, благонравного субъекта от такой вседозволенности *поедет крыша* . А уж тем более у нашего героя – человека, прямо скажем, не шибко интеллигентного и лишней скромностью не страдающего.

«Да, власть первого (секретаря. – *Авт* .) – практически безгранична. И ощущение власти опьяняет», – признается он в «Исповеди…». И тут же:

«Я пользовался этой властью, но только во имя людей, и никогда – для себя».

Ой ли?

Весь вопрос в том, что понимать под словом *пользовался* . Если речь о наживе – то здесь вопросов нет: Ельцина трудно заподозрить в стяжательстве и мздоимстве. (Как, впрочем, и большинство других руководителей российских регионов. Зачем воровать, если и так живешь ты практически в коммунизме?)

Но разве можно все измерять одними лишь деньгами и борзыми щенками? Власть над другими, возможность решать чужие судьбы – вот что опьяняло Бориса Николаевича по-настоящему; вот за что любил он ее, власть, безмерно, до последнего вздоха.

Стараниями подхалимов и лизоблюдов он возомнил себя первым после Бога. Все успехи области Ельцин неизменно относил на собственный счет, как будто всевозможные шахты, дороги, объекты он возводил в одиночку; как будто не было рабочих, строителей, архитекторов, инженеров, союзных министерств и ЦК, наконец.

(Это, впрочем, типичная его черта, ибо и прежде, когда возглавлял Ельцин Свердловский ДСК, все трудовые подвиги,

которыми похвалялся он, в действительности были результатом коллективных усилий. На строительство домов и объектов, обком сгонял рабочих со всей области – лишь бы уложиться в сроки, – а *пенки* снимал потом один Борис Николаевич.)

Если раньше над ним постоянно доминировал его учитель Рябов, вечно талдычащий о чуткости и почтении (потому-то, может, любовь к *учителю* так быстро и закончилась, едва только переехал тот в Москву), то отныне никаких сдерживающих центров у Ельцина попросту не осталось.

Все чаще Борис Николаевич начинает прикладываться к бутылке. Для него было в порядке вещей за обедом и ужином выпивать по стакану водки: причем не залпом, а прихлебывая точно компот. Те, кто играл с ним в волейбол, перед матчем в обязательном порядке должны были *употребить* по 150 граммов. За компанию с *застрельщиком* , ясное дело.

В минуты особого душевного расположения, то есть где-то после четвертой рюмки, Ельцин частенько демонстрировал подчиненным свой коронный номер – *двустволку* : широко распахивал рот и вливал в себя водку сразу из двух бутылок.

Стрельба из *двустволки* кончилась печально. В 1982 году у Ельцина случился первый сердечный приступ, и эти показательные выступления пришлось сворачивать.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Длительное употребление чрезмерного количества алкоголя повреждает многие органы, в первую очередь печень, головной мозг и сердце. От воздействия спиртных напитков у больного может возникнуть патологический ритм сердечных сокращений (аритмия) и острая сердечная недостаточность.

Пыталась ли жена бороться с его пьянством? Вряд ли. Во-первых, потому, что бороться с Ельциным само по себе занятие неблагодарное. А во-вторых, имелась и еще одна, щекотливая весьма причина. По отзыву ельцинской матери Клавдии Васильевны, когда Борис Николаевич «принимал на грудь», он сразу же «терял интерес к противоположному полу». Это было весьма кстати, ибо мужская стать его, сила и положение не могли не провоцировать повышенного женского интереса.

(Его студенческий друг Яков Ольков вспоминал: «Бориса женщины обожали».)

По слухам, наибольшую взаимную симпатию вызывала у Ельцина его лечащая женщина-врач. Была и другая, описанная журналистами история, когда Борис Николаевич на загородной обкомовской даче отправился провожать заезжую актрису в ее

апартаменты – после обильного ужина – но был застукан актрисиным мужем в самый неподходящий момент: якобы *усталый* первый секретарь тщетно пытался стянуть с гостьи длинное театральное платье.

Полагаю, что о подобных проделках Наина Иосифовна догадывалась, но вида – по крайней мере, внешне – не подавала, и *аморалок* на супруга не слала.

Подобно сонму подчиненных, она тоже оставалась лишь пылинкой, малой планетой в орбите Ельцина. И это воспринималось им как нечто закономерное.

Если внимательно проанализировать его «Исповедь…», то без труда можно заметить, что почти ни о ком Борис Николаевич уважительно и почтительно не пишет. А коли и упоминает, то исключительно в контексте собственной персоны. «По моему поручению… Я ему велел… С заданием он справился…»

И все проблемы, стоявшие перед страной, он тоже понимал, оказывается, лучше других, тем более, как мы помним с его слов, Брежнев и секретари ЦК от управления державой отошли. Один только Ельцин трудился не покладая рук. Прямо-таки – былинный богатырь. Атлант, держащий небо на каменных руках…

А тем временем в свердловских магазинах из продажи окончательно исчезло мясо, а вместо него появились забытые еще с войны продуктовые карточки…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Мания величия – сочетание маниакального синдрома с бредом величия. Человек в этом состоянии становится очень активным, нетерпеливым, бестактным и назойливым. Любые попытки корректировать его поведение вызывают раздражение.

Девять лет ельцинского правления остались в истории не только как пора великих починов и массовых строек.

За это время происходили и другие события, заставляющие взглянуть на фигуру Ельцина совсем другими глазами.

О первом из них – знает каждый. О втором – единицы, поэтому с него и начнем.

В 1979 году в Свердловске вспыхнула эпидемия сибирской язвы. Появились жертвы. По сей день причины произошедшего до конца не ясны. Экологи убеждены, что виной всему – утечка «исследовательских материалов» из военно-биологического центра Минобороны, более известного в народе как городок № 19.

Центр этот занимался разработкой сверхсекретного

бактериологического оружия. Захоронение его отходов велось на Седельниковской свалке в непосредственной близи от города. И якобы «материалы» из подземных стоков-накопителей просочились наружу, попали в воду и вместо потенциальных врагов штаммами сибирской язвы были попотчеваны честные советские труженики.

По версии экологов, одним из тех, кто несет прямую ответственность за случившееся, был первый секретарь обкома. Именно Ельцин не принял упреждающих мер, не предотвратил трагедию, а потом сокрыл всю правду от жителей и на суровых репрессиях к виновным не настоял.

Так это или экологам просто требуется крайний – сказать затруднительно. Зато в другой истории роль Ельцина недооценить трудно.

> «Секретно.
> ЦК КПСС.
> О сносе особняка Ипатьева в городе Свердловске.
> Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в г. Свердловске.
> Дом Ипатьева продолжает стоять в центре города. В нем размещается учебный пункт областного управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов.
> В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом Ипатьева станет объектом их серьезного внимания.
> В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города.
> Председатель Комитета госбезопасности
> при Совете Министров СССР
> Ю. Андропов
> 26 июля 1975 года»

История сноса ипатьевского особняка, в котором большевики расстреляли в 1918 году царскую семью, включая детей и челядь, одна из самых черных страниц в истории Ельцина. Именно будущий демократический президент и сравнял с землей это

здание.

Сам Борис Николаевич упоминает о сносе дома Ипатьева в нескольких своих книгах, не забывая неизменно каяться.

(«Я хорошо себе представлял, что рано или поздно всем нам бу-дет стыдно за это варварство», – пишет он, например, в «Исповеди…».)

Казалось бы, эпизод этот достаточно известен. И все же есть в нем *нечто* , разрушающее привычное его восприятие.

Это *нечто* – даты.

Судя по приведенному выше документу, инициатором сноса дома Ипатьева был именно Андропов (хотя в других источниках нередко встречаются кивки в сторону Суслова и даже Щелокова).

Как видно из письма, КГБ вышел с таким предложением 26 июля 1975 года. Секретное решение Политбюро было принято 4 августа – завидное рвение.

Однако особняк был снесен… ровно через два года. В ночь с 27 на 28 июля 1977 года.

Как-то не вяжется.

Вот что пишет по этому поводу наш герой в своей «Исповеди…»:

«Читаю и глазам своим не верю: закрытое постановление Политбюро о сносе дома Ипатьевых в Свердловске. А поскольку постановление секретное, значит, обком партии должен на себя брать всю ответственность за это бессмысленное решение».

А это уже – цитата из другой книги, «Записки президента», вышедшей в 1994 году:

«Не выполнить постановление Политбюро? Я, как первый секретарь обкома, даже представить себе этого не мог. Но если бы даже и ослушался – остался бы без работы. Не говоря уж про все остальное. А новый первый секретарь обкома, который бы пришел на освободившееся место, все равно выполнил бы приказ».

Странная вещь. Невозможно допустить, что решение Политбюро шло из Москвы два года. Такие директивы выполнялись незамедлительно или сразу же отменялись; третьего не дано.

Но в августе 1975 года, когда постановление состоялось, Ельцин не был еще первым секретарем. Однако он продолжает настойчиво утверждать, что получил секретную депешу, сидя уже именно в этом кресле – сиречь летом 1977 года. (На выполнение приказа у него ушло несколько дней.)

Конечно, проще всего списать сию загадку на обычную ельцинскую забывчивость – очередное проявление старческого склероза.

Но, чудится мне, дело совсем в другом. Потому что у этой

исторической метаморфозы есть лишь одно внятное объяснение.

Пакет из Москвы мог быть получен исключительно в 1975-м – это аксиома. Однако по каким-то неведомым причинам тогдашний *первый* , Яков Рябов, указания центра не выполнил. (Сам он утверждал позднее, что не спешил его исполнять, ибо сносу особняка противились местные историки и краеведы.)

Выходит, что уже в 1977 году, когда директива пропылилась два года, Ельцин обнаруживает ее. (Вариант того, что ему поступила запоздалая команда сверху, я отметаю напрочь: в противном случае Рябову должно было не поздоровиться, чего не случилось.)

Молодому партийному вождю нужно завоевывать очки перед Москвой. И он решает наверстать упущенное, продемонстрировав начальству излишнее служебное рвение.

«Через несколько дней, ночью, к дому Ипатьевых подъехала техника, к утру от здания ничего не осталось. Затем это место заасфальтировали…»

Снос здания – еще одно, пусть и косвенное подтверждение – происходил в авральной спешке. Дом стерли с лица земли в июле, а из реестра памятников истории и архитектуры исключили лишь 3 августа: специальным постановлением Свердловского горисполкома. Официальное же решение о сносе приняли и вовсе через два месяца: 21 сентября. Причем в документе говорилось, что объект «в порядке плановой реконструкции города» ломаться будет поэтапно, за два месяца. То есть Борис Николаевич обезопасил себя со всех сторон.

Любой следователь скажет вам, что ссылки на плохую память – лучший способ уйти от ответственности. Твердишь на допросе, как пономарь: «не помню» – и никто к тебе не подкопается.

А как, с другой стороны, должен был повести себя Ельцин? Признаться в том, что, сгорая от служебного рвения, снес ипатьевский особняк? В конце 1980-х – это было бы подобно смерти. А потом, совравши однажды, поздно уже отступать от выбранной версии…

Через двадцать один год после свого трудового *подвига* , в июле 1998 года, Ельцин примет личное участие в торжественном перезахоронении останков царской семьи. Я хорошо помню эти виденные по телевизору кадры из Петербурга. Скорбное, суровое лицо президента. Плотно сжатые губы. Минор в глазах.

Его артистизму и театральным талантам можно только позавидовать. Впрочем, любой хороший политик – неизменно хороший актер.

А на месте снесенного Ельциным особняка в 2003 году был построен православный храм. На церемонию его освящения Борис

Николаевич приехать не смог…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Английский философ Джордж Беркли, согласно своему видению мироустройства, утверждал, что на свете существует только он один, а все остальное существует лишь в его воображении. На инквизиционном суде ему был задан вопрос: «А как же английская королева? Ее тоже не существует?» На что Беркли, подумав, ответил: «Существую только я и английская королева. Все остальное существует в нашем с ней воображении».

1985 год стал переломным не только для всей страны, но и для нашего героя.

Молодой и энергичный генсек Горбачев, едва придя к власти, принялся расчищать авгиевы конюшни. Ему позарез нужны были новые, свежие кадры.

С Ельциным были они знакомы давно: еще с тех пор, когда Горбачев служил на равнозначной должности в Ставрополе. Отношения у них были хоть и не близкие, но весьма теплые. Они даже обнимались и лобызались при встречах.

После перевода Горбачева в Москву – секретарем ЦК – лобызания, понятно, прекратились. Но неординарного свердловского секретаря Михаил Сергеевич из поля зрения не терял и имел на него *виды* .

Сам Ельцин утверждает в «Исповеди…», что в столицу не рвался. Когда в апреле 1985 года прямо в машину ему позвонил секретарь ЦК Долгих и от имени Политбюро предложил перейти в ЦК, зав.отделом строительства, Борис Николаевич, «подумав буквально секунду-две», отказался.

«Здесь я родился, – как бы объясняет он, – здесь жил, учился, работал. Работа мне нравится, хоть и маленькие сдвиги, но есть. А главное – есть контакты с людьми, крепкие, полноценные, которые строились не один год».

И вновь – верится в это с трудом. На посту *первого* Ельцин отработал уже девять лет. Срок – приличный. За это время он просто не мог не устать от суеты и однообразия.

Для его неуемного, кипучего характера ежедневная рутина была чужда. Ельцину требовалось постоянно сворачивать горы. По своей природе он был «кризис-менеджер», а не тягловая лошадь.

Да и кроме того: какой же русский не любит быстрой езды! Любой провинциальный секретарь всегда мечтает об одном: карьерном росте. В Свердловске Ельцин занимал уже высшую

ступень. Что дальше? Уход на пенсию? Тихая заслуженная старость?

Да нет, конечно. В противном случае для чего еще нужны были ему рекорды, зачем постоянно стремился он выделиться, проявить себя, выказать ретивость (одна только описанная выше история сноса ипатьевского особняка чего стоит).

Отчасти Ельцин этот тезис мой подтверждает.

«В тот момент я себе в этом отчет не дал, но, видимо, где-то в подсознании мысль засела, что члена ЦК, первого секретаря обкома со стажем девять с половиной лет – и на заведующего отделом строительства ЦК – это было как-то не очень логично. Я уже говорил, Свердловская область – на третьем месте по производству в стране, и первый секретарь обкома партии, *имеющий уникальный опыт и знания* (выделено мной. – *Авт* .) мог бы быть использован более эффективно. Да и по традиции так было: первый секретарь обкома партии Кириленко ушел секретарем ЦК, Рябов – секретарем ЦК, а меня назначают зав.отделом».

Оставим на совести автора его неуклюжие попытки уйти от обвинений в карьеризме и завышенной самооценке. Он-де, отказывая Долгих, не думал вовсе торговаться. Это у него «в подсознании мысль засела».

Полноте. Разумеется, такая расчетливая натура, как Борис Николаевич, давным-давно все продумал. Он понимал, что когда-нибудь кадровое предложение ему поступит – не век же сидеть в Свердловске. Наверняка даже заранее прокручивал возможные варианты, изначально выстраивал линию своего поведения. Так что «подсознанием» никаким здесь и не пахло. Просто Ельцин был в обычном своем репертуаре.

Он хотел и рыбку съесть, и на шарабане покататься. И в Москву переехать, и цену себе набить. А потом еще представить это как проявление собственной скромности и заботы о людях, хотя сквозь строчки прорывается совсем другое; «имеющий уникальный опыт и знания», так даже светлой памяти Леонид Ильич о самом себе никогда не говорил.

Ельцинское обостренное самолюбие не могло не тешить, что новый генсек зовет его в свою команду буквально через неделю после собственного назначения. (Черненко-то умер всего-ничего – 10 марта.) И если правда все то, что описывает Борис Николаевич в своей книге – недовольство устаревшими методами, бюрократизмом, партийной геронтократией – тогда в чем же дело? Тебе и карты в руки. Вперед!

Был ли у Ельцина страх перед Москвой? Несомненно. К тому времени ему исполнилось уже 54. Для того чтобы начинать все

заново, довольно поздно. То есть он боялся рисковать, менять синицу в руках на залетного журавля.

(«В столице предстояло заново самоутверждаться, в Свердловске же авторитет и влияние Ельцина были безграничными», – пишет по этому поводу его многолетняя тень генерал Коржаков.)

И в то же время – Ельцин ничего не терял. Картинно отказываясь от должности зав.отделом, он лишь повышал собственную *капитализацию* . Пусть там, в Москве, знают, что он тоже *не пальцем деланный* . Да и совсем не *комильфо* это – соглашаться с первого же захода, сделанного вдобавок всего-то кандидатом в члены Политбюро.

Зато, когда в бой вступила тяжелая артиллерия, Борис Николаевич, слегка поломавшись для вида, предложение принял.

По свидетельству очевидцев (например, Коржакова или члена Политбюро Медведева), решающую роль в его переезде сыграл секретарь ЦК Егор Кузьмич Лигачев: тот самый знаменитый впоследствии инициатор антиалкогольной кампании и заклятый ельцинский враг. Собственно, не кто иной, как Лигачев, и предложил Горбачеву кандидатуру неординарного уральца, о чем, надо полагать, не раз потом горько пожалел.

О свердловском секретаре Лигачев впервые услышал в декабре 1983 года еще от Андропова. Умирающий генсек позвонил ему прямо из больничной палаты и «попросил при случае побывать в Свердловске и “посмотреть” на Ельцина».

Через месяц повод такой представился: областная партконференция. Приехав на Урал, Лигачев мгновенно попал под каток ельцинского обаяния.

«Меня привлекли в Ельцине живость общения с людьми, энергия, решительность», – писал он по прошествии многих лет…

Вот оно – опять – роковое стечение обстоятельств. И опять – напрямую связанное с болезнями и хворобами.

Если бы не тяжелейшее состояние Андропова, он вполне мог *посмотреть* Ельцина сам, лично поехать в Свердловск, и здесь уж – будьте уверены – многолетний председатель КГБ, психолог от Бога, – сразу бы разобрался, что к чему. У провинциального Лигачева (только-только переехавшего в Москву из далекого Томска) такого жизненного опыта попросту не было. Именно его местечковая восторженность и проторила Ельцину дорогу наверх.

Но об этом, правда, Борис Николаевич в своих мемуарах не упоминает. По обыкновению он не хочет делиться успехами с посторонними, да еще с такой одиозной фигурой, как Егор Кузьмич.

Трудно сказать, с какими чувствами наш герой покидал

весной 1985 года родной Свердловск. Вряд ли были они минорными и грустными.

Опытный аппаратчик, он прекрасно понимал, что назначение – это лишь прелюдия, пролог перед новыми высотами. А брать такие высоты он любил сильнее всего на свете; еще с самого детства…

ПРИМЕЧАНИЯ АЛЕКСАНДРА КОРЖАКОВА

1 Несмотря на крестьянское происхождение, Ельцин любил напускать туману насчет своей родословной. При росте 186 сантиметров, нога у него была маленькая: 41-го размера. Это – он считал – признак аристократии, и полушуткой, полувсерьез рассказывал всем, что у него какие-то аристократические корни. Даже сравнивал себя с Петром Первым: у того нога тоже была 41-го размера.

Когда Ельцина стали называть «царем» – первым запустил это кремлевский завхоз Бородин – Борис Николаевич на полном серьезе принялся размышлять вслух: может, он и вправду потомок царской фамилии?

Но обувь он все равно старался носить большую. Специально покупал на два размера больше: чтобы казаться крупнее.

2 Борис Николаевич, действительно, уделял слишком много внимания форме, а не содержанию. Он ставил сам себе какие-то абсурдные цели, а потом с гордостью их преодолевал. Несколько раз, например, он хвалился мне, что прочитал все собрание сочинение Ленина: все 53 тома. Причем – дважды.

Я ему говорю: «Борис Николаевич, зачем целиком-то читать? Всякую переписку с Каутским? Вам это в жизни точно не пригодится».

– Ты не понимаешь. Я должен знать все.

3 Приходы Бориса Николаевича домой я сам видел. Тысячу раз. Прямо в прихожей Наина с Татьяной бросались к нему, а он только руки и ноги приподнимал, изображая изнеможение. Раздевали целиком – прямо до белых трусов: он носил трусы исключительно белого цвета.

4 Ельцин очень плохо всегда отзывался о Рябове. Всячески его костерил. Помню его рассказ, как он подловил Рябова и уважать себя заставил.

Когда Рябов был первым секретарем Свердловского обкома, они еженедельно ходили в баню. Парились и, понятно, выпивали.

Причем пили на равных, но всякий раз почему-то выходило, что Ельцин оказывался более пьяным, чем Рябов. Борис Николаевич здорово это переживал. Как же так! У меня, мол, и рост, и габариты – больше, а перепить его не могу.

И вот приходят они однажды в баню. Мокнулись в бассейне, тут же на бортик ставят поднос со стопками и фужерами. И Рябов, видно, расслабился. Опрокинул рюмку, взял фужер с водой и как будто бы запивает. А на самом деле он водку набирал в рот, а потом незаметно выплевывал ее в фужер. Ельцин это дело просек.

Я, говорит, таким зверем на него посмотрел, Рябов замельтешил, засуетился. И с тех пор стал пить на равных и приходить с Ельциным домой вместе: жили они в одном доме.

5 Насчет того, что спасал он якобы застрявшую на переезде машину с бетоном – вранье. Это Ельцин придумал специально для книжки.

Он машину не научился водить до сих пор. Я его лично экзаменовал по вождению: чуть всех нас не угробил. А тем более – бетономешалка. Там лишнее движение-то делать опасно; не дай Бог, резче на газ нажмешь.

Помню, году в 1994-м был случай: с «АвтоВАЗа» пригнали в Кремль новую модель «Жигулей» – «десятку» – еще опытный образец. Борис Николаевич решил на ней прокатиться. Поскольку он уже с обеда был «хорош», то ездил исключительно зигзагами: от столба – к столбу. Нам пришлось даже экстренно закрывать Кремль для посетителей: спасать людей от президента.

6 То, что был он активным руководителем, ничего не скажешь. Но зачастую эта активность граничила с глупостями и кампанейщиной.

Он все время хвалился, например, что единственный из всех первых секретарей посетил в Свердловске двести птицефабрик. «Зачем? – спрашиваю. – Проблемы-то у всех хозяйств одинаковые. Достаточно съездить на две-три». «Нет, я себе дал такой зарок: объехать все до единой». А сколько при этом горючего было сожжено, сколько людей понапрасну от работы отвлекли – это его не волновало. «Я решил, и все!»

7 Очень показательной была его поездка в Чехословакию во главе свердловской делегации. В Праге у них возникло свободное время, и они зашли в оружейный магазин. От ружей, которые он увидел, Борис Николаевич ошалел: таких в Союзе отродясь не бывало. Но особенно ему запал в душу карабин «Зброевка». Уж он и прикладывался к нему, и прицеливался, только денег – все одно

– не было. Даже руководителю делегации в загранпоездки давали гроши. Ельцин, грустный, ушел.

А перед самым отлетом ему вдруг преподносят эту самую «Зброевку». Оказалось, что Федор Михайлович Морщаков – секретарь обкома (он потом будет у нас работать управделами в Кремле) – обобрал всю делегацию, чтобы потрафить первому секретарю. Вытряс всю валюту до копейки.

Так Ельцин искренне посчитал, что это – знак любви подчиненных. Когда он пересказывал мне эту историю, специально подчеркивал: видите, как люди меня любили. Уж так любили, что ни детям, ни внукам – подарков, ни больной матери – лекарство: последний кусок дорогому Борису Николаевичу.

Глава вторая
ПОКОРЕНИЕ МОСКВЫ

Подобно большинству провинциалов, Ельцин не любил Москву. Однажды его публично даже обвинят в этом – на приснопамятном октябрьском пленуме, когда догматик из КГБ Виктор Чебриков станет трясти крючковатым пальцем: «Не полюбил, Борис Николаевич, ты москвичей».

На самом деле это не совсем верно. Ельцин не то чтобы не любил Москву, а тем более москвичей. Скорее он страшился ее, как страшатся всего далекого, недоступного, а потому непонятного.

В своей «Исповеди…» Ельцин пишет, что «с предубеждением относился к москвичам». Из многочисленных с ними встреч вынес он уверенность, что москвичи-де – снобы, не скрывающие высокомерного снисхождения к глубинке. Тогда как согбенная провинция «рвется отдать своих выросших детей в Москву, на любых условиях, за любые унижения».

Этакая сценка у парадного подъезда: *наш* не любит оборванной черни.

Хотя, понятно, с каким *контингентом* пересекался Ельцин. Не с артистами или учеными, а с холеными номенклатурщиками. С тем же успехом представление, скажем, об Азербайджане можно вынести из посещений колхозных рынков, а отношение к славянам строить сугубо под впечатлением сценок из вытрезвителя…

«Не было никогда у меня мечты или просто желания работать в Москве, – кокетливо сообщает Ельцин дальше. – Я не раз отказывался от должностей, которые мне предлагали, в том числе и от должности министра. Свердловск я любил и люблю, провинцией не считал и никакой ущербности для себя в этом вопросе не чувствовал».

Борис Николаевич, как обычно, в своем репертуаре. Зовут его в столицу, зовут, чуть ли не на коленях умоляют, должности министров сулят (*каких* , правда, не называется; вряд ли союзного масштаба, скорее – республиканского, иначе он не преминул бы уточнить, *сакцентировать*). А герой наш – неприступен, как Уральский хребет.

Такие наивные уловки могут впечатлить разве что восторженных пенсионерок. Конечно же, Ельцину очень хотелось переехать в Москву, о чем подробно написал я в предыдущей главе. Но столица одновременно и манила, и пугала его: вроде и

хочется, и колется…

Яков Рябов, «крестный отец» Ельцина, свидетельствует, что регулярно слышал от своего питомца один и тот же вопрос: почему в ЦК выдвигают людей из областей, несравнимой с нашей Свердловской? Эта мысль не давала будущему президенту покоя.

Он ждал приглашения в Москву, как влюбленные барышни – звонка от предмета своего обожания. А предмет – подлец! – не звонит и не звонит, и вот уже барышня вся извелась, и на смену любви приходит раздражительная обида. До первого, впрочем, звонка.

Уже умер Брежнев, не стало Андропова. Уже *отправил* страной, не приходя в сознание, Черненко, а приглашения так и не поступало. Или поступало – но уровня его не достойное, вроде того, неназванного, таинственного министерства.

Справедливости ради следует признать, что и пост зав.отделом строительства ЦК, который предложили ему весной 1985 года, по степени престижности тоже уступал прежнему, свердловскому креслу. Но, как говорилось уже, это был лишь трамплин перед следующим броском.

По иронии судьбы, к работе в ЦК Ельцин приступил 12 апреля. Для него это было тоже датой своеобразного начала покорения космоса: только политического.

«Включился бурно, и отдел заработал активно, – с типичной ельцинской *скромностью* пишет он в мемуарах. – Возвращался домой в двенадцать – полпервого ночи, а в восемь утра уже был на работе».

Наверное, в вопросах строительства Ельцин толк действительно понимал. Только профессионализм его был весьма узок. Нигде, кроме Урала, он не работал. Специфики других регионов не знал, хотя любому понятно: стройки в Средней Азии или в Магадане не имеют ничего общего с уральскими. Это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Да и за последние десять лет от проблем отрасли Ельцин давно уже отошел.

Неудивительно, что о каких-то конкретных итогах его работы на посту зав.отделом строительства ничего не известно. За исключением лишь того, что и в столь короткий период Борис Николаевич успел не раз продемонстрировать крутой норов и даже разругаться со своим непосредственным куратором – секретарем ЦК Владимиром Долгих («ему первому пришлось столкнуться с моей самостоятельностью»).

Он продолжал действовать в своей привычной дерзкой манере: что мое – то мое. Никакого вмешательства в *свои* дела, советов и указаний Ельцин не терпел. Он никак не мог, да и не хотел расставаться с прежними начальственными замашками.

«Практически никогда мне не приходилось ходить в подчинении, – неуклюже объясняется он в мемуарах. – Я не работал замом. Пусть начальник участка, но не зам.начальника управления… и поэтому всегда привык принимать решения, не перекладывая ответственность на ко-го-то… Конечно, для моего вольного и самолюбивого характера такие холодно-бюрократические рамки оказались тяжелым испытанием».

Ладно хоть стульями на начальников своих не замахивался, как когда-то в ДСК. И на том спасибо.

Но ведь опять никто и слова дурного ему не сказал. Внутренняя жизнь ЦК проистекала совсем с другой, куда более замедленной скоростью. (Это все равно как пластинку на тридцать три оборота воткнуть в проигрыватель, где пружина *заточена* под семнадцать.) Тот же Долгих едва только примерился он к строптивому зав.отделом; едва решился приступить к *воспитательному процессу* , как уже – фью-ить – только Ельцина и видели.

И трех месяцев не проработал он в этой должности, не успел даже мало-мальски войти в курс дел, как сразу был отправлен на повышение: секретарем ЦК. Отныне с Долгих они находились на равных, но при этом отдел строительства по-прежнему оставался за Ельциным.

Это была первая волна горбачевской смены *экспозиции* . Летом 1985 года новый генсек начинает избавляться от доставшейся ему по наследству команды. Первой полетела голова секретаря ЦК Григория Романова – еще недавно его наряду с Горбачевым прочили в генсеки. С креслом министра иностранных дел распрощался вечный, как Дункан МакГлауд, Андрей Андреевич Громыко: знаменитый «mr. No». Их места заняли выходцы из регионов: лидер ленинградских коммунистов Зайков, 1-й секретарь ЦК Грузии Шеварднадзе.

Михаилу Сергеевичу требовались новые люди: не свидетели его *восхождения* , помнящие генсека юным провинциальным князьком и снисходительно взирающие на потуги нового генерального. А его личные выдвиженцы – горбачевцы – им самим приведенные на Олимп, благодарные и преданные ученики.

По крестьянской наивности Горбачев считал, что Ельцин подходит под эту категорию как нельзя лучше. Потом, конечно, выяснится обратное, но будет уже поздно…

29 июня на заседании Политбюро Горбачев, посетовав на низкие темпы строительства и замораживание капиталовложений, предлагает «посмотреть» Ельцина на посту секретаря ЦК.

«Посмотреть» – хорошее, хоть и забытое слово из прежнего

партийного обихода. Есть в нем очевидный подспудный смысл – присмотреться, приглядеться, опробовать.

У Горбачева – большие виды на активного уральца. Впоследствии Михаил Сергеевич признается, что, *выписывая* Ельцина в ЦК, он уже примеривал его на Москву – главный партийный форпост, где правил бессменный кремлевский старец Виктор Гришин.

Надо думать, члены Политбюро о планах генсека догадывались, а посему инициативе его не препятствовали. Да и не принято такое было: генеральный секретарь – это партия, а партия – ошибаться не может.

Лишь престарелый премьер-министр Тихонов позволил себе в ходе заседания пробурчать что-то невнятное. Мол, «не чувствует» он Ельцина. Но замечание это вызвало только улыбку: к тому времени Тихонову стукнуло уже восемьдесят и *чувствовать* он мог разве что смену погоды, вызывающую ломоту в старческих, ревматических костях.

(Через три месяца Тихонова тихо сплавят на пенсию «по состоянию здоровья», так что злопамятному Ельцину даже мстить ему не придется.)

1 июля пленум ЦК утверждает Ельцина секретарем по строительству. Назначение это неожиданностью для него не было. (Описывая свои размолвки с недолгим куратором Долгих, он пишет, что тот понимал: «Мое нынешнее положение временное, и скоро мой статус может резко измениться».)

Была ли теперь его душенька довольна? В том-то и *закавыка* : казавшийся еще вчера недоступным и таким вожделенным пост секретаря ЦК стал для него теперь лишь очередным*транзитом.* Планка ельцинских амбиций росла не по дням, а по часам. Аппетит, как известно, приходит во время еды.

Если внимательно пролистать его первую книжку, складывается странное ощущение, что ему вообще ничего не нравилось, все казалось мелким и недостойным.

Должность – не та. Секретарство в ЦК – не сразу. Избрание в Политбюро – лишь через год (точнее, 10 месяцев). Опять же – партийная дисциплина.

Вот дают ему московскую квартиру – пятикомнатную! – в самом центре, на 2-й Тверской-Ямской. До Кремля – 10 минут пешком, дом – элитный, кирпичный, «только для своих». Но и это ему не по нутру.

«Шум, грязный район. Наши партийные руководители обычно селятся в Кунцеве, там тихо, чисто, уютно».

На самом деле Тверская – намного престижнее Кунцева. В Кунцеве живут те, кому не положена служебная дача, только и

дача Ельцину не нравится. «Небольшая дачка», «одна на две семьи». Прямо-таки несчастная сиротка![2]

Через три месяца, после избрания секретарем ЦК, ему дают новую дачу – еще недавно на ней жил Горбачев. И что же?

«Уже снаружи дача убивала своими огромными размерами… холл метров пятьдесят с камином: мрамор, паркет, ковры, люстры, роскошная мебель… Одна комната, вторая, третья, четвертая, в каждой – цветной телевизор, здесь же на первом этаже огромная веранда со стеклянным потолком, кинозал с бильярдом, в количестве туалетов и ванных я запутался… Больше всего убивала бессмысленность всего этого».[3]

Подождите: маленькая «дачка» – плохо. Большая – тоже плохо. На него просто не угодишь. Будь Борис Николаевич женщиной, впору подумать, что живет он под гнетом вечного ПМС.

Он даже на Горбачева *дуется* , даром что тот вытащил его из далекого Свердловска, за полгода сделал секретарем ЦК, даже старую дачу свою отдал, хотя по иерархии подобная роскошь полагалась только членам Политбюро.

Но все это – вроде как само собой разумеющееся. Зато Горбачев не находил времени с ним встречаться, разговаривал только по телефону, и этих мелочных деталей оказалось вполне достаточно, чтобы перечеркнуть остальной позитив.

«Горбачев отлично понимал, – талдычит как пономарь Ельцин, – что он, как и я, тоже перешел в ЦК с должности первого секретаря крайкома. Причем края, который по экономическому потенциалу значительно ниже, чем Свердловская область».

Ау! Какой, к лешему, экономический потенциал. Уже семь лет как уехал Горбачев со Ставрополья; он отныне генеральный секретарь, глава государства, но Ельцин все не может забыть прежнего равенства, по старинке продолжая местечковое соперничество.

Он ведет себя точь-в-точь как одноклассник какой-нибудь знаменитости, который, видя своего школьного приятеля на телеэкране, не преминет заметить: тоже мне – звезда. Помню, как в третьем классе накостылял я ему по шее…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Маниакально-депрессивный синдром, как правило, сопровождается депрессией с проявлениями необоснованной раздражительности или даже злобности. Это единственный вариант депрессии, где на фоне тоскливо-злобного аффекта больные высказывают претензии не к себе, а к окружающим. Они испытывают

мучительное желание как-то разрядить свое внутреннее напряжение, выместить раздражение на ком-нибудь или на чем-нибудь.

Впрочем, тогда еще всех особенностей характера своего протеже Горбачев не знал. Ельцин импонировал ему своей активностью, неординарным подходом к работе.

Не все разделяли этот щенячий восторг. Секретарь ЦК и будущий премьер Николай Рыжков, например, весьма скептически относился к Ельцину. Когда Горбачев с Лигачевым поинтересовались мнением бывшего директора «Уралмаша» (он-то знал Ельцина еще по Свердловску), тот дал земляку простотаки уничижительную характеристику.

«Ельцин… по натуре своей – разрушитель. Наломает дров, вот увидите! Ему противопоказана большая власть. Вы сделали уже одну ошибку, переведя его в ЦК из Свердловска. Не делайте еще одну, роковую».

Но генсек советам Рыжкова не внял. Хотя правая рука его – небезызвестный Егор Лигачев – и вызвался для очистки совести скататься в Свердловск: проверить, так сказать, факты.

Горбачев позднее вспоминал:

«Выехал, через несколько дней звонит:

– Я здесь пообщался, поговорил с людьми. Сложилось мнение, что Ельцин – тот человек, который нам нужен. Все есть – знания, характер. Масштабный работник, сумеет повести дело».

Через пару лет этот *масштабный работник* схватится с Лигачевым не на жизнь, а на смерть. Именно в нем Ельцин узрит главного своего врага, перенеся на бедного Егора Кузьмича весь обличительный правдоискательский пафос.

Вот уж воистину: не делай добра – не получишь зла…

Уже потом, распрощавшись с властью, и Горбачев, и Лигачев наперебой кинутся уличать Ельцина во всех смертных грехах.

«Лично я знал его мало, а то, о чем знал, настораживало, – как бы отгораживается от своего питомца бывший генсек. – У меня была информация, свидетельствующая о том, что свердловский секретарь очень властолюбив и несамокритичен. Вспомнилось и такое наблюдение: как-то в разгар дискуссии на сессии Верховного Совета Ельцин покинул зал, опираясь на чье-то плечо. Многие заволновались – что произошло?.. А земляки улыбались: с нашим первым случается, иной раз перехватит лишнего. Этот человек дома строил, правда, не знаю как, но, по-моему, в основном “обмывал” их пуск».

Может, я чего-то недопонимаю? Если Ельцин – такая противоречивая личность, да еще и «перехватывает лишнего»,

какого рожна потребовалось Горбачеву его возвышать? Сидел бы себе в Свердловске, да и дело с концом.

Человек неизвестно как строит дома, в основном «обмывает» их пуск, а его вместо вызова на ковер разом назначают секретарем ЦК по строительству. С тем же успехом заподозренного в браконьерстве субъекта можно сделать министром рыбного хозяйства.

Вообще, разница в оценках Ельцина – в зависимости от времени их – тема для целой диссертации. Те, кто вчера еще всячески продвигал нашего героя и нарадоваться на него не мог, в одночасье вдруг опомнились, прозрели и начали вытаскивать какие-то пропахшие нафталином упреки, мелочные обиды и кляузы.

Особо преуспел в этом секретарь ЦК Яков Рябов, который, собственно, и вывел Бориса Николаевича *в люди* .

Послушать его – уж такой Ельцин сякой: и характер тяжелый, и культуры не хватает, и с людьми груб, и карьерист до мозга костей. Одно только непонятно: зачем, в таком случае, тот же Рябов тащил его наверх просто-таки за уши?

Отговорки, будто изменился он, переродился, в расчет, извините, не принимаются. Ельцин всегда оставался одним и тем же: и на стройке, и в обкоме, и в ЦК. Просто бульдожья хватка его, маниакальное упорство и жесткость недостатком прежде не считались. Наоборот даже, почиталась за достоинство.

Это как в футболе: все зависит от того, за какую команду ты болеешь. Пока побеждают твои любимцы – и откровенное подсуживание судьи, и грубость игроков воспринимаются в порядке вещей – лишь бы выиграть. Но как только происходит обратное, и судью – на мыло, и хулиганов – с поля.

В противном случае никогда в жизни Горбачев с Лигачевым не доверили бы Ельцину важнейший стратегический пост – московский горком.

Надо сказать, что тогдашний первый секретарь МГК Виктор Гришин, правящий столицей без малого два десятка лет, давно уже вызывал недовольство Горбачева.

Гришин – человек сталинского склада (подчиненные боялись его как огня, были случаи, когда прямо в кабинете *первого* они падали в обморок, а если кого-то называл он по имени-отчеству, это приравнивалось к величайшей похвале) – явно не вписывался в команду нового генсека.

Его пытались *уйти* и прежде: именно Гришин был основной мишенью в начатой Андроповым антикоррупционной кампании. Тогда, в начале 80-х, по Москве прокатились масштабные чистки. Были арестованы начальник Главторга Трегубов, директор

Елисеевского магазина Соколов, директор «Океана» и десятки торговых работников рангом поменьше.

Столицу сотрясали слухи один кошмарнее другого – о гигантских взятках, передаваемых якобы «наверх», чуть ли не самому Гришину; о найденных в тайниках миллионах. Впрочем, слухи эти, почти уверен, тоже были частью антигришинской операции, ибо Лубянка, как никакая другая организация, мастерски умела целенаправленно распускать нужные себе сплетни.

Вообще, история эта темная, овеянная множеством легенд и мифов. В массовом сознании крепко-накрепко застыло убеждение, что Гришин и верхушка московского горкома венчали собой многоуровневую мафиозную пирамиду. Впрочем, массовое сознание – штука весьма ненадежная…

Если вдуматься, кто попал тогда под чекистско-прокурорский каток? Десяток директоров? Начальники торгов и плодовоовощных баз?

Эка невидаль. В советской торговле воровали испокон веку. Еще со Сталина зарплату работникам прилавка платили смехотворно мизерную. Остальное, дескать, доворуете сами.

Вот и *доворовывали* . Как, впрочем, и во всех остальных отраслях. При Андропове, помнится, пытались даже объявить борьбу *несунам* , которые тащат с предприятий и учреждений образцы своей продукции – от колбасы до автозапчастей – но кампания, не успев толком набрать обороты, заглохла. Потому как иначе всю страну пришлось делить на две части: одни бы сидели, другие – охраняли.

Даже слабоумному ясно, что начатое Андроповым наступление на московскую коррупцию имело под собой вовсе не процессуальную, а чисто политическую причину.

Когда в начале 1982 года из председателей КГБ Андропов перешел в секретари ЦК, вопрос с будущим вождем завис в воздухе. Мнения в Политбюро разделялись: далеко не все жаждали видеть на посту генсека вчерашнего шефа Лубянки. В их числе был и Гришин.

И тут, по случайному совпадению – *стихия* , ничего не скажешь – и начинается борьба с коррупцией. *Метут* одного за другим директоров и торговых начальников. Опять же *сами собой* возникают слухи об их связях с Гришиным и столичной верхушкой.

А дальше все проходит как по маслу. В ноябре умирает Брежнев. Недовольная прежде часть Политбюро по умолчанию избирает Андропова генсеком. И кампания разом сбавляет обороты.

Да если б даже и не сбавила, ничего это не изменило, потому как ни одного показания против Гришина арестованные торгаши не дали. Не в пример Узбекистану, где под молох КГБ и прокуратуры угодили десятки партийных вождей.

Теперь ответьте мне на один вопрос. Можно ли было найти на бескрайних просторах страны хоть один регион или республику, где в торговле не наличествовали бы массовые хищения и приписки? Ответ понятен априори. Значит, арестовать можно было каждого торгового номенклатурщика: бери любого – не ошибешься.

Но означает ли это, что все без исключения партийные вожди – секретари горкомов, обкомов, крайкомов – воровали вместе с ними? Сильно сомневаюсь.

Да и какой был смысл тому же Гришину собирать взятки с подчиненных торговцев, если и так жил он практически в раю? Бескрайняя дача, роскошная квартира, членовоз под боком. Зарплата – тыща двести. Продукты и вещи – на любой вкус. Захоти он даже полакомиться птичьим молоком – не тортом, понятно, а натуральным, волшебным этим напитком – орава лизоблюдов и прихлебателей в лепешку расшиблась бы, но поручение шефа исполнила.

Он был в прямом смысле слова небожителем. Не удивлюсь, если Гришин даже не знал, как выглядят деньги: доставать портмоне много лет ему уже не доводилось…

Я никоим образом не пытаюсь обелить Гришина и ему подобных. Грехов у этих людей выше крыши. Но *своих* , а не придуманных, приписанных грехов.

Да и на фоне нынешних коррупционеров те, прежние – Соколовы, Трегубовы, Чурбановы – выглядят просто нашкодившими пионерами.

За что в итого осудили того же злополучного Чурбанова, всесильного зятя генсека, первого зам.министра внутренних дел? За взятку в виде расшитого золотом халата. Все остальные обвинения – более 60 эпизодов – в суде развалились.

И не развалиться не могли, ибо в антикоррупционной горячке следователи не особо утруждали себя закреплением доказательств. Есть признание – и слава богу. Причем частенько доказательства эти выглядели весьма и весьма смехотворно. (Скажем, заведующую Гагаринским райторгом посадили на 8 лет за флакон духов «Красная Москва», полученный в подарок ко дню рождения.)

Знаете, например, в чем знаменитые Гдлян-Иванов (именно так, через дефис, точно сиамские близнецы, они и остались в истории) обвиняли председателя Верховного Суда СССР

Теребилова?

Цитирую показания первого секретаря ЦК Узбекистана Усманходжаева:

«Осенью 1985 г. Владимир Иванович (Теребилов. – *Авт* .) прибыл в республику для встреч с избирателями… В беседе я воспользовался случаем и попросил Теребилова увеличить штаты судебных работников Узбекистана… Утром у себя в кабинете положил в дипломат черного цвета красочные альбомы и буклеты об Узбекистане и деньги – 20 000 руб. в конверте. Приехал к Владимиру Ивановичу в номер. Поставил на пол дипломат… Спустя некоторое время Теребилов мне позвонил и сообщил, что смог разрешить вопросы о расширении штатов судебных работников республики. Действительно, в 1986 г. Верховным судом СССР Верховному суду Узбекистана было выделено 24 или 26 дополнительных единиц судебных работников…»

Нехитрый арифметический подсчет: 20 тысяч за 25 (для ровного счета) штатных единиц. Получается 800 рублей за одну судейскую голову. Не слишком ли? И главное, какой республиканскому вождю с этого *навар* ? Ну, будет в Узбекистане на 25 судей больше. И толку-то?

Ладно, бог с ним, с Узбекистаном. Там-то как раз я охотно готов поверить в то, что вся республиканская верхушка превратилась в воровскую малину: Восток есть Восток.

Вернемся лучше к Гришину.

В 1984 году, после смерти Андропова, борьба с торговой столичной мафией резко пошла на спад. Гришин, ясное дело, успокоился. Но ненадолго.

С приходом Горбачева весь этот компромат – реальный, надуманный, не суть важно – мог быть снова запущен в дело.

Конечно, Горбачеву было далеко до Андропова. Организовывать кампании, проводить аресты и обыски – было не в его стиле. Генсек предпочитал действовать плавно, извечными аппаратными методами, и в «Советской России» появляется разгромная публикация о недостатках строительства в Москве, о процветающих приписках и воровстве.

Гришин понял намек правильно. Он даже собрал самых доверенных своих подчиненных, посетовал, что статья прямо направлена против него. «Может быть, мне уйти самому?»

Но не ушел. До тех пор, пока Горбачев напрямую не вызвал его и не сделал предложение, от которого тот не смог отказаться.

Забегая вперед, скажу, что в начале 90-х Гришин умер в глубокой нищете, сидя в собесовской очереди, куда пришел хлопотать насчет персональной пенсии. Может, я наивен, но как-то не вяжется это с образом «крестного отца» московской мафии.

…С уходом Гришина новым столичным вождем становится Ельцин.

«22 декабря 1985 года меня вызывают на Политбюро, – так описывает он свое назначение. – О чем пойдет разговор, я не знал, но когда увидел, что в кабинете нет секретарей ЦК, а присутствуют только члены Политбюро, понял, что речь будет идти, видимо, обо мне.

Горбачев начал примерно так: Политбюро посоветовалось и решило, чтобы я возглавил Московскую городскую партийную организацию – почти миллион двести тысяч коммунистов, с населением города – девять миллионов человек. Для меня это было абсолютно неожиданно. Я встал и начал говорить о нецелесообразности такого решения. Во-первых, я – инженер-строитель, имею большой производственный стаж. Наметились мысли и какие-то заделы по выходу отрасли из тупика. Я был бы полезнее, работая секретарем ЦК. К тому же в Москве я не знаю хорошо кадры, мне будет очень трудно работать».

Час от часу не легче. Только что жаловался он на «мелкий» участок работы, точно птица рвался на простор. И тут же – едва делают ему восхитительнейшее предложение (лучше и придумать трудно), идет в отказ.

Правда, абзацем ниже Ельцин сам себя опровергает:

«В тот момент действительно я оказался наиболее, ну, что ли, удачной кандидатурой для тех целей, которые он (Горбачев. – *Авт* .) ставил».

Скромностью наш герой явно не страдал: это мы уже не раз с вами проходили. Да и *приемчики* его новизной тоже не отличались. Сначала – поломаться, пококетничать для виду, а потом, набив себе цену, нехотя согласиться. Надо ведь чтобы не только он, но и руководство оценило: более «удачной кандидатуры» не найти.

Ход удался.

«Сегодня день ликования всей Москвы, – записал в дневнике 24 декабря горбачевский помощник Анатолий Черняев, – сняли наконец Гришина, заменили Ельциным».

Со времени ельцинского отъезда из Свердловска прошло всего восемь месяцев. С такой скоростью никто еще вершин кремлевского Олимпа не штурмовал.

Свою работу Ельцин начинает с привычного: сразу же показывает, кто в доме хозяин.

Зав.орготделом горкома Юрий Прокофьев вспоминает:

«На четвертый день утром раздается телефонный звонок: “Прокофьев, почему люди приходят так поздно на работу?”

Звонок был где-то без четверти десять. Я объяснил, что в свое время Хрущев распорядился, чтобы горком начинал работу с десяти утра, с тем чтобы вечером члены горкома работали подольше. Ельцин был недоволен таким положением и добился, чтобы работу начинали в девять часов утра».

За 18 лет гришинского владычества Москва отвыкла от потрясений и суеты. Чиновничья жизнь текла здесь размеренно и чинно; все было известно и понятно заранее.

С воцарением Ельцина эта степенная плавность мгновенно закончилась. Он ворвался в мещанский столичный мирок, подобно комете Шумейкера-Леви, и все завертелось, закружилось и помчалось кувырком.

Как и в Свердловске, перво-наперво Ельцин принялся *чистить* кадры. Аппарат горкома был обновлен практически полностью. Из 33 секретарей райкомов сменилось 23, причем в некоторых районах перестановки происходили по несколько раз.

Ельцин разогнал 40 процентов партноменклатуры, 36 процентов городских чиновников, 44 процента профсоюзной элиты.

Достаточно было одного ельцинского косого взгляда, одного оброненного слова, и вчерашний полубог вылетал из теплого кабинета, точно пробка из бутылки. Если *первому* кто-то не приглянулся – спасти бедолагу уже ничто не могло: все прежние заслуги были не в счет.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В 1700 году был издан указ Петра I – всем русским подданным, кроме крестьян, монахов, попов и дьяконов, брить бороду и носить платье немецкое (сперва венгерское, а потом мужескому полу верхнее – саксонское и французское, а нижнее и камзолы – немецкие). Женскому полу – немецкое. Ослушникам велено назначать штраф в воротах (московских улиц): с пеших 40 копеек, с конных – по 2 рубля. Запрещено купцам продавать и портным не шить русского платья под наказанием кнутом.

Работавший тогда в горкоме Юрий Прокофьев (потом он станет первым и последним секретарем МГК) приводит один весьма показательный эпизод. Ельцин поставил вопрос о снятии секретаря Ленинградского райкома Шахманова. Формально для этого требовалось решение районного пленума, однако район своего вождя сдавать отказался.

«Все работники горкома были брошены в район – собирать компрометирующие материалы на Шахманова для того, чтобы

убедить директоров, сломать их. И опять райком не освободил Шахманова. Тогда Ельцин пошел на таран – бюро МГК, под его нажимом, объявило, что пленум Ленинградского райкома партии “еще не созрел, чтобы принимать самостоятельные решения”, и поэтому бюро МГК своей волей освобождает Шахманова от занимаемой должности».

По тому же сценарию – волевым решением горкома – был снят и секретарь Тимирязевского райкома Графов.

Все эти чистки происходили неизменно шумно, с публичными обвинениями во вредительстве перестройке. (Звучит жутковато: враг перестройки – почти как враг народа.)

Ельцину мало было просто снять человека: жертву требовалось непременно *распять* , воспитать на его примере других.

Александр Коржаков, пришедший тогда в охрану первого секретаря, пишет:

«Один раз я присутствовал на бюро горкома, и мне было неловко слушать, как Борис Николаевич, отчитывая провинившегося руководителя за плохую работу, унижал при этом его человеческое достоинство. Ругал и прекрасно понимал, что униженный ответить на равных ему не может».

Эти показательные порки нередко абсурдны были изначально. Тот же цитировавшийся мной Юрий Прокофьев описывает, например, как Ельцин, утверждая нового начальника главного управления торговли, приказал ему наладить работу за две недели. Разумеется, сделать что-либо тот попросту был бессилен, и в указанный срок – ровно две недели спустя – его принародно сняли на бюро горкома, как «не оправдавшего доверия». И тут же – обязательная публикация в «Московской правде», главном ельцинском рупоре…

Вот из-за этих унижений столичная элита и не принимала Ельцина. Если бы он просто снимал людей – за конкретные провалы и ошибки – к этому можно было б еще приноровиться. В конце концов, исстари власть в России держится на страхе, а где страх – там и уважение.

Но Ельцин не желал разводить антимонии. Он не любил, презирал *аппарат* и брезгливости своей и не думал даже скрывать. Первый секретарь относился к чиновникам, точно какой-нибудь гауляйтор к белорусским крестьянам. Он измывался над ними, форменным образом глумился, постоянно выдумывая новые издевательства.[4]

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Издевательства, садистский синдром –

патологическая склонность к насилию, получение удовольствия от унижения и мучения других.

Были установлены, например, «санитарные пятницы»; в эти дни чиновники обязаны были, точно буржуи 20-х годов, покидать кабинеты и отправляться убирать городские улицы.

По его приказу сотрудники ГАИ тормозили на МКАДе служебные «Волги» из горкомовского гаража, придирчиво выясняя цель выезда из Москвы. Таким изощренным способом Ельцин пытался бороться с неслужебными поездками номенклатуры, особенно их домашних. Понятно, что в большинстве *досмотренных* машин восседали начальственные жены, и в результате число персональных авто было резко сокращено.

Ельцин любил назначать служебные совещания, а то и заседания бюро чисто по-сталински – после 12 ночи. И горе тому партийцу, кто осмелится хоть раз зевнуть!

Сам он при этом успевал после обеда отдохнуть, восстановить утраченные силы, так что в горком приезжал бодрым и выспавшимся.

Ближайший соратник Ельцина, редактор «Московской правды» Михаил Полторанин рассказывал позднее:

«Он утром даст всем указания, пообщается с начальством, потом пообедает, поедет (сам мне признавался) на Ленинские, Воробьевы горы подышать воздухом. Там воздух хороший, вид великолепный – Москва как на ладони. Едет отойти, оттянуться. Оттуда – в медцентр, ложился в барокамеру и насыщался кислородом. К вечеру возвращался в горком и начинал всем разгон давать».

Подобный стиль работы выдержать могли далеко не все. Вновь, как когда-то в Свердловске, эпидемия инфарктов и инсультов начала косить местную номенклатуру.

Некоторые пытались покончить жизнь самоубийством. Первый секретарь Перовского райкома Аверченко выбросился с четвертого этажа, но, к счастью, уцелел. Первый секретарь Киевского райкома Коровицын испытывать судьбу не стал: он выпрыгнул уже из окна седьмого этажа.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Власть, по утверждению царя Ивана Грозного, должна была внушать всем покушающимся на нее страх. Бояться власти должны были все подданные, независимо от их общественного положения.

Царь делил людей только на две категории: на «благих» и на «злых», сиречь преданных ему и изменников. Жалование первых и наказание вторых он

считал главной добродетелью христианского царя.

Избиение партийных кадров потом не раз будут ставить Ельцину в вину, особенно гибель секретаря Коровицына. Но Ельцин не был бы Ельциным, если бы даже собственные просчеты не обратил в свою пользу.

Кадровую чехарду он подавал не иначе как борьбу с застойной коррупцией.

«Я считал, что аппарат горкома, особенно те люди, которые проработали с Гришиным долгие годы, должны быть заменены, – распинается он в “Исповеди…”. – Эти аппаратчики были заражены порочным стилем эпохи застоя – холуйством, угодничеством, подхалимством. Все это было твердо вбито в сознание людей, ни о каком перевоспитании и речи быть не могло, их приходилось просто менять».

В очередной раз Ельцин противоречит самому себе. Всего несколькими страницами раньше, объясняя, почему со скрипом соглашался он перейти в МГК, Борис Николаевич пишет:

«Я отлично понимал, что меня используют, чтобы свалить команду Гришина».

То есть слепым оружием в чужих руках быть он не желал. (Тоже, нашли дурака – таскать кому-то каштаны из огня.) Но почему-то, едва только назначение это состоялось, все сомнения разом были забыты, и полетели над столицей боярские головы – «особенно те, которые проработали с Гришиным долгие годы».

Парадокс!

Но разве не парадокс – другое утверждение нашего героя: «В аппарате (МГК. – *Авт* .) сложился авторитарный стиль руководства. Авторитарность – да еще без достаточного ума – это страшно».

Можно подумать, будто сам Борис Николаевич – воплощение застенчивой интеллигентности. По степени авторитарности, особенно бездумной, Гришин и рядом с ним не лежал.

Тем не менее новые порядки первого секретаря приходятся москвичам по душе. Ельцин им нравится ровно за то, за что боятся и ненавидят его аппаратчики.

Общество жаждало перемен, неважно даже каких. Страна, и столица в частности, устала уже от безликих, серых, унылых вождей.

В глазах москвичей Ельцин выглядел реформатором, бунтарем, нонконформистом; воплощением этакого уральского Че Гевары.

Не в пример своему дряхлому предшественнику, Ельцин энергичен, молод и свеж. Точно заведенный, он мотается по

стройкам и предприятиям, беседует с рабочими и студентами. (Потом он будет говорить, что объездил двести предприятий.)

Вот когда пригодился наработанный в Свердловске опыт. *Откатанные* на Урале PR-технологии без труда прививаются на столичной земле.

Бурю восторгов вызвали его внезапные ревизии столичных магазинов. Врываясь в какой-нибудь окраинный гастроном, первый секретарь с истинно лубянским пристрастием начинал допытываться у обомлевших продавцов:

– Сколько сортов мяса в продаже? Наименований молочной продукции? Куда девается свежая колбаса?

Работники прилавка без сознания валились штабелями, и довольный Ельцин принимался рассказывать случайным покупателям, как вредители и спекулянты мешают проводить перестройку, но победа все равно будет за нами; дефицита не станет, продовольственную проблему решим, жилищные неурядицы – ликвидируем.

Его простецкий стиль общения, напускные открытость и доступность поражали непривычных к такому обхождению горожан. Да и сам он выглядел как плоть от плоти народа: великан с простым крестьянским лицом, которое то и дело озарялось чуть застенчивой глуповатой улыбкой.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Пришедший к власти в 1982 году Юрий Андропов остался в памяти советских людей как человек, пытавшийся весьма своеобразным способом ужесточить трудовую дисциплину. Чекисты и их добровольные помощники устраивали массовые облавы в кинотеатрах, магазинах и даже банях в надежде заставить людей находиться в рабочее время на рабочем месте. Ко всем обнаруженным не там, где им положено было находиться, приклеивали ярлык прогульщиков и тунеядцев. После чего к ним применялись различные методы воздействия: от устных нравоучений до серьезных партийных взысканий.

Эти хождения *в люди* приносили Ельцину колоссальную популярность. В считанные месяцы он стал народным любимцем, причем симпатизировали ему – случай беспрецедентный – все слои общества, не взирая на кастовые противоречия: от интеллигентов до работяг. Такого массового признания удостаивались в новейшей истории единицы: разве только Высоцкий и Шукшин…

Конечно, с высоты сегодняшних политтехнологий, его

приемы не отличаются разнообразием, но тогда для Москвы все это было в новинку.

Первый секретарь ездил в общественном транспорте вместе с обычными гражданами. Давился с ними в переполненных автобусах. Средь белого дня спускался в метро.

Он демонстративно вставал в очереди в магазинах, посещал поликлиники и химчистки.

В Ельцине москвичи увидели столь любимый в народе образ народного царя, борющегося со злыми боярами. (Недаром все без исключения предводители крестьянских бунтов выдавали себя за наследников трона – от Лжедмитрия до Пугачева.)

О нем слагались легенды и мифы. Говорили, например, что Ельцин одним мановением руки заставляет вороватых торгашей доставать из подсобок желанный дефицит и продавать его простым трудящимся. Везде, где ни появляется он, разом торжествует справедливость, мздоимцев и казнокрадов снимают, а тем, кого неправедно зажимают, *первый* самолично раздает награды.

И ведь так нередко оно и бывало.

Корреспондент радиостанции «Маяк» Александр Рувинский вспоминает, как в «Останкино», на встрече Ельцина с журналистами, ему прислали из зала записку: почему у нас работает спецбуфет для начальства? Реакция была мгновенной.

«Он… публично принимал извинения от руководства Гостелерадио. Буфет тут же закрылся. После отставки Ельцина в конце того же года он был восстановлен».

Огромную роль в создании его имиджа сыграли регулярные встречи Ельцина с общественностью. Опять же, не в пример Гришину, этот уральский увалень мог разговаривать с людьми без бумажки, отвечать на любые, пусть даже нелицеприятные вопросы.

В начале 1987 года в доме политпросвещения состоялась его шумная, вошедшая в историю встреча с пропагандистами и агитаторами. Зал был набит битком – по свидетельству очевидцев, людей собралось не меньше тысячи. Вместо обычного косноязычного доклада, Ельцин сразу же предложил задавать ему вопросы, на которые отвечал шесть часов кряду.

«Записки посыпались водопадом, их было несколько сотен, – рассказывает участник той встречи Михаил Антонов. – О чем его спрашивали? Обо всем. Какой у него оклад, какая семья, когда можно ожидать жилье очередникам, которые ждут его уже много лет, когда улучшится снабжение Москвы продуктами питания, как его встретили товарищи по Политбюро? Почему-то больше других запомнился вопрос: в каком ателье Ельцин заказывает

гардероб? Он ответил, что носит только отечественную одежду, которую покупает в магазине, а ботинки на нем купленные еще в Свердловске (назвал и цену – очень умеренную), и очень ими доволен.

Из ответов Ельцина следовало, что в Москве неразрешимых проблем нет, было бы желание у руководителей улучшить жизнь населения. Так, отвечая на какой-то вопрос о неполадках в торговле, он сказал: неужели так трудно построить легкие торговые городки, куда подмосковные хозяйства могли бы привозить свою продукцию? Действительно, скоро появилось множество таких городков, но после отставки Ельцина они пустовали.

Уже на следующий день вся Москва говорила об этом выступлении Ельцина. У всех на устах была будто бы сказанная им фраза: «Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой; не могу глотать импортные лекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка».

Знали бы, набившиеся в этом зале люди, какой издевкой будут звучать лет через десять эти красивые слова об осетрине и аспирине! Но…

Грех не вспомнить здесь пушкинские строки:

«Ах, обмануть меня не трудно,

Я сам обманываться рад».

Это было чем-то сродни наваждению. Эпидемия поголовной любви к секретарю МГК накрыла столицу, и немногочисленные здравые голоса терялись в гуле оваций.

Когда замечательный писатель Юрий Поляков написал одну из лучших своих повестей – «Апофегей» – ее долго не решались печатать. И не то чтобы художественные достоинства повести вызывали сомнения. Вовсе нет! Но слишком прозрачными были поляковские намеки и аналогии.

В одном из героев «Апофегея» – 1-м секретаре Краснопролетарского райкома партии Михаиле Петровиче Бусыгине по прозвищу БМП – без труда угадывался образ Ельцина.

По сюжету БМП приезжает в Москву из провинциального городишка Волчьешкурска и обрушивается на райком, «как ураган “Джоанн” на курорты Атлантического побережья».

Засучив рукава, он принимается устанавливать свежие порядки, разгоняя старые проверенные кадры – тех, «кто не хочет работать по-новому».

Он ходит по магазинам, интересуясь, «куда девались мясо и колбаса», закрывает спецбуфеты и проводит многочасовые встречи с восторженным населением, раздавая автографы. Его

боятся аппаратчики и боготворят простые жители.

Как ни странно, при всем этом назвать БМП персонажем положительным – просто не поворачивается язык.

«Он упивается властью, – устами главной своей героини ставит *диагноз* автор. – Это плохо кончится… Людьми может управлять только тот, кому власть в тягость».

Уже потом, когда «Апофегей» увидел свет, Ельцина часто спрашивали о его отношении к повести.

«Это провокация и гнусные происки партократов», – неизменно ответствовал он, и в эти минуты сходство его с вымышленным БМП становилось особо заметным…

> МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ
>
> Маниакальное состояние средней степени выраженности – это повышенное настроение, характеризующееся многоречивостью и чрезмерной подвижностью. В этом состоянии человек блещет остроумием, обилием идей, речь его сопровождается остротами и цитатами. Такие люди полны оптимизма, грандиозных планов и уверенности в их осуществлении, при этом они легко дают обещания, которые часто не выполняют.

Впрочем, для достижения всенародного признания одних только встреч и хождений в народ явно недоставало. В конце концов, скольких очевидцев, *зрителей* мог охватить один, пусть даже и очень моторный человек? Ну, тысячу, две. Даже – десять. Для девятимиллионного города – песчинка.

Газета – вот что требовалось для всеобъемлющего покорения аудитории. Партийная печать, которая, как учил Ленин, есть не только коллективный агитатор и пропагандист, но и коллективный организатор.

Органам столичного горкома испокон веку служила газета «Московская правда». Издание на редкость скучное и пустое.

И Ельцин решает превратить этот официальный листок в рупор своих реформ и идей.

Возможно, мысль эта пришла ему в голову после городской партконференции, на которой он делал свой первый доклад в новом качестве. Было это 24 января 1986 года. А уже на другой день у киосков наблюдалось невиданное прежде столпотворение. Люди рвали «Мосправду» с докладом из рук друг у друга, не веря собственным глазам.

Впервые в жизни не какой-нибудь диссидент, не диктор-клеветник с радиостанции «Свобода», а самый что ни на есть *посконный* большевистский руководитель во всеуслышание

заявлял *такое* ! О бюрократии, показухе, о костном мышлении партруководства и отрыве его от народа.

Редактором «Московской правды» работал тогда некто Владимир Марков. О профессионализме его мне судить трудно, но гибкостью мысли человек этот явно не отличался.

При первом же посещении Ельциным редакции Марков позволил себе непростительную ошибку. Когда коллектив собрался в комнате для совещаний, первый секретарь, естественно, занял председательствующее место – сиречь кресло главного редактора. Марков возражать не посмел, но придвинул свой стул к Ельцину и уселся рядом с ним, образовав этакий *президиум* .

Борису Николаевичу это очень не понравилось. Он кинул презрительный взгляд на редактора и ногой отпихнул его стул вместе с седоком в сторону. Журналисты переглянулись: они уже заранее поняли, что последует дальше.

И верно. Вскоре в «Мосправде» появился новый редактор – Михаил Полторанин, работавший до этого корреспондентом «Правды». Он станет одним из ближайших соратников Ельцина, в российском правительстве займет кресло министра печати, успеет даже побыть вице-премьером. Потом, правда, президент выкинет его на свалку истории – подобно абсолютному большинству своих прежних наперсников – но случится это не скоро.

Пока же Полторанин, с подачи Ельцина, начинает коренную *перестройку* газеты. Из боевого горкомовского листка «Мосправда» начинает превращаться в массовое, популярное издание. В ней, к примеру, появляется невозможная прежде рубрика «Октава», где пишется о новостях современной музыки. То и дело публикуются острые, критические материалы – на журналистском жаргоне «гвозди» – которые бичуют сановные пороки, вызывая понятный читательский ажиотаж.

«Мосправда» пишет о стягивании элитных спецшкол к министерским кварталам; первая говорит о ежегодных дебошах в парке культуры на День пограничника, воюет с привилегиями.

На ее страницах в обязательном порядке освещаются все проводимые первым секретарем порки; отчеты городских пленумов публикуются теперь без купюр, с упоминанием всех подвергшихся обструкции *товарищей* . Уговоры, что удары эти приходятся не только на самих *провинившихся* , но и на их родных, Ельцина не впечатляют.

«У нас не должно быть зон, свободных от критики», – гневно сдвинув брови, отвечает он чрезмерно *добреньким* советчикам…

(Через год, когда в соответствии с его же заветами

«Мосправда» напечатает отчет с пленума МГК, на котором Ельцина снимали с должности, – целиком, со всеми обвинениями и эскападами, – о былой принципиальности Борис Николаевич забудет враз и примется обвинять ЦК в жестокости и бессердечности.)

Острота материалов и как следствие рост популярности газеты (за год со стотысячного тиража она рванула за миллион) вызывает изжогу у центральной власти. Недовольство высказывает даже Горбачев.

На апрельском пленуме ЦК 1987 года он во всеуслышание заявляет с трибуны:

«Пресса разжигает страсти. Особенно “Московская правда”. Крикливо: “Знать России”, “Новоявленные аристократы”, “Бить по штабам”, “Куски с барского стола”. Это – пена на перестройке. МГК пора разобраться. Прессу надо поддерживать, но из рук не выпускать».

Сегодня роль «Мосправды» в прорыве цензурных твердынь как-то подзабылась. Таранами свободной печати принято считать «Московские новости», «Огонек», мой родной «Московский комсомолец». Но первой была все же именно «Мосправда», за что и пострадала.

С уходом Ельцина газета резко изменила свою тональность. Уже через два месяца после его снятия Михаил Полторанин покинул редакцию. «Мосправда» попыталась отойти от политики, ударившись в чисто бытовые, житейские темы, вроде здоровья, погоды и огородов.

Ясное дело, ее прежний бойцовский стиль быстро забылся, благо на авансцену выходили другие, более резвые перестроечные издания. А потом, стараниями новых кураторов, «Мосправда» и вовсе растеряла былую славу, ибо вступила в схватку со своим вчерашним вдохновителем.

19 марта 1989 года, когда Ельцин баллотировался в народные депутаты СССР, газета напечатала открытое письмо члена ЦК КПСС рабочего Тихомирова (существовала при советах такая мода: выбирать для проформы вечно покорных, безмолвных рабочих и крестьян в ЦК и Верховный Совет, ибо власть-то была рабоче-крестьянской). Письмо называлось лирично: «Считаю своим партийным долгом».

Рабочий Тихомиров возмущался двуличностью Ельцина, который-де, будучи членом ЦК, позволяет себе политически вредные заявления, вроде призывов к многопартийности и подчинения партии Советам. Да и борьба его с привилегиями есть не что иное, как демагогия, ибо знатный этот борец продолжает пользоваться услугами 4-го главного управления Минздрава и

даже попросил давеча путевку в один сановный санаторий.

«Вот как рождался еще один миф “о демократизме” Бориса Николаевича, – гневно *строчил* Тихомиров. – Будучи первым секретарем горкома партии, он однажды прибыл на завод трамваем. Но лишь немногие из тех, кто умилился этому, знали, что Б. Н. Ельцин и те, кто его сопровождал, пересели с машин в трамвай всего за остановку до проходной».

Скорее всего так оно и было. По степени всевозможных мистификаций и театрализованных постановок Ельцину не было равных. Только общество об этом еще не знало, и накат на своего любимца восприняло как личное оскорбление.

Гнев народа был столь велик, что перед зданием редакции прошел даже несанкционированный митинг в поддержку Ельцина. Дабы сохранить лицо, газете пришлось публиковать ответ самого обвиняемого, где он, понятно, камня на камне не оставил от сановного рабочего и его *кукловодов* из ЦК и горкома.

Словом, Борис Николаевич в очередной раз продемонстрировал свой коронный номер: умение превращать минусы в плюсы…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Во второй половине XVIII века Россия завоевала новые земли на южных границах – Крым и Малороссию. Эти территории были отданы во владение князю Григорию Потемкину, самому властному и удачливому фавориту Екатерины II.

В 1787 году императрица пожелала осмотреть новые российские владения.

Дабы поразить государыню богатством края, которым он управлял, Потемкин распорядился вдоль пути ее следования построить нечто вроде театральных декораций – красивые деревни с великолепными хоромами. Царица ехала не слишком поспешно, и бутафорские деревни за время ее остановок срочно перевозились вперед и устанавливались в новых местах, среди совершенно необитаемой степи. Кроме того, с места на место перегонялось одно и то же тучное стадо скота.

Екатерина с удовольствием отмечала густую населенность только что покоренного края. В награду за труды и усердие она пожаловала Потемкину титул «князя Таврического».

Использовал ли Ельцин дешевые популистские приемы для поднятия своей популярности? Несомненно. Каждое лыко было в

строку. Даже из случайных оплошностей первый секретарь умудрялся извлекать дивиденды.

Уже цитировавшийся мной Юрий Прокофьев описывает случай, когда Ельцин приехал в Новые Черемушки осматривать одно из первых в городе кооперативных кафе. Но вместо кафе местные жители форменным образом схватили его за пиджак и потащили по аварийным пятиэтажкам, демонстрируя ужасающие условия обитания.

А на другой день «Мосправда» поведала о том, «какой замечательный у нас первый секретарь горкома партии! Он не побоялся приехать в район пятиэтажек, он прошел с жителями по чердакам и подвалам».

«Но я ведь точно знал, – заключает Прокофьев, – что планировалась не экскурсия по пятиэтажкам, а осмотр кооперативного кафе».

А теперь посмотрим на эту ситуацию с другой стороны. Предположим, что в Черемушки приехал бы не Ельцин, а Гришин. Можно ли себе представить, чтобы этого небожителя кто-то позволил затащить в аварийный подвал, ломая запланированный ход *официального мероприятия* ? Боже упаси! Да этих бедолаг к Гришину просто не подпустили бы; еще б и в *околоток* свезли – за антисоциальное поведение.

Если бы достоинства Ельцина ограничивались исключительно театральными акциями, вроде магазинных и автобусных десантов, уже одного этого было достаточно, чтобы выделить его из общего блеклого партийного ареопага. И неважно, что злопыхатели толкуют о популистских приемах и ловле дешевой популярности.

«То он неожиданно являлся на завод, брал руководителя предприятия, вел его в рабочую столовую и там устраивал публичный разнос, выставляя себя в роли радетеля народа, а руководителя в роли изверга, – уничижительно пишет, например, Горбачев. – То садился в автобус или трамвай, заходил в магазины или поликлинику, и на следующий день об этом полнилась слухами вся Москва.

Под восторженные аплодисменты москвичей обещал им в самые короткие сроки решить проблемы жилья, торговли, медицинского и бытового обслуживания. Демонстрировал красочные диаграммы развернувшегося вокруг столицы строительства мясокомбинатов и молокозаводов, способных снять с повестки дня извечный вопрос о дефиците колбасы и кефира. Обо всем этом трубили московская пресса, радио и телевидение».

Бывший генсек считает, что все ельцинские акции были элементарной показухой и популистскими трюками.

А если даже и так. Что мешало ему самому пойти по тому же пути? Или народная любовь Михаилу Сергеевичу не требовалась?

Ерунда! Еще как требовалась! Он тоже объезжал города и веси, раздавал на улицах обещания за обещаниями. В чем же здесь его отличие от шагающего в народ Ельцина? Разве что качеством исполнения. Но так это претензия точно не по адресу.

Разница между Ельциным и Горбачевым заключалась в том, что первый много обещал и хоть что-то, но делал, а второй – исключительно обещал. Первоначальная эйфория, захлестнувшая страну в 1985 году, начала постепенно спадать, рассеиваться как утренний туман. От верховной власти ждали реальных шагов, но вместо этого она продолжала кормить страну обещаниями, а жизнь тем временем становилась все хуже и хуже.

И тут на сцене появляется этот самый свердловский увалень, который ни минуты не сидит на месте, вечно в движении, и главное – пытается что-то делать, да еще и ненавистных партократов крушит налево-направо. Ну как такого не возлюбить?

Тот же Юрий Прокофьев, который станет последним лидером столичных коммунистов, при всей своей нелюбви к Ельцину, и то вынужден признавать:

«У него была цепкая память, он все цифры, фамилии, факты запоминал быстро, держал в памяти, анализировал и всегда этим пользовался. Он не страшился авторитетов. Ельцин не считался с тем, кто и как на это посмотрит “сверху”. Он искал и находил выходы из ситуаций, которые обычным, накатанным путем нельзя было решить».

Менее чем за два года московского княжения Ельцин успел сделать немало. Он начал наводить порядок с распределением жилья, добился прозрачности городского бюджета. На руководящие посты стали приходить люди с нестандартным мышлением, да даже и *стандартные* вынуждены были подровняться, ибо череда репрессий вселяла в чиновников – не только партийных, но и торговых, коммунальных, городских – настоящий животный ужас.

В микрорайоне Раменки, откуда избрали его депутатом Моссовета, Ельцин сумел построить универсам, поликлинику, школу, детский сад с бассейном.

Целый пласт ельцинских нововведений существуют в столице до сих пор, о чем многие подчас забывают. Это он придумал ярмарки, когда по всему городу, прямо с колес, предприятия и колхозы торговали продуктами напрямую, минуя торговых посредников. (Отчего, понятно, цена только шла вниз.)

Это он развивал сеть магазинов «Диета» – прообраз будущих супермаркетов, которые массово строились по всем московским

окраинам. (Полторы тысячи новых магазинов были открыты при Ельцине.) И День города, без которого Москву сегодня просто невозможно представить, тоже целиком его заслуга.

Первый День города столица отпраздновала с широкой помпой 19 сентября 1987 года. На его проведение из московского бюджета были выделены колоссальные деньги, но это того стоило. Праздник – я хорошо это помню – получился грандиозный: с народными гуляниями, скоморохами, повсеместной продажей дефицита и оркестрами в скверах и парках.

Ничего подобного Москва прежде не знала. Праздники официальные – Первомай, 7 ноября, День Победы – неизменно были закованы в панцирь официоза. Какие там скоморохи! Колонны трудящихся, собранных по разнарядке; парад, куда простых смертных не допускали, да массовое распитие спиртных напитков. Пожалуй, лишь День Победы считался всенародным праздником, только под 9 мая большинство москвичей предпочитало отправляться на дачу, к законным шести соткам, дабы не терять редкие выходные. То ли дело – сентябрь!

Но эти торжества оказались для Ельцина первыми и последними. По официальной версии, секретарь МГК так разошелся в погоне за праздничной помпой, что перешел все допустимые рамки приличий. Он – о ужас! – осмелился в одиночку взобраться на трибуну Мавзолея – святая святых! – и приветствовать оттуда колонны радостных москвичей. Этого Горбачев спустить ему не мог.

Честно говоря, такое объяснение кажется мне весьма сомнительным. С каких это пор секретарю МГК единолично позволено распоряжаться мавзолеем? Для того чтобы *взойти* туда, необходима была как минимум *санкция* комендатуры Кремля и Девятого управления КГБ – то есть органов, Москве никак не подвластных. Да и просто по определению Политбюро или хотя бы кто-то из руководителей его – тот же Лигачев, например, – не могли не знать о готовящейся акции.

Такое *мероприятие* даже сегодня, в относительно свободные времена, не так-то легко провести. А уж в 1987 году, когда каждый шаг был жестко регламентирован и без воли ЦК и вздохнуть не позволялось…

Другое дело, что Горбачев мог сначала милостиво позволить Ельцину временно *ангажировать* мавзолей, а потом – пожалел.

К тому моменту отношения их здорово уже осложнились. Вопреки надеждам генсека и правой руки его, Егора Лигачева, Ельцин так и не стал проводником их идей и замыслов.

Он даже великий лигачевский почин – антиалкогольную

кампанию – умудрился… ну не то чтобы просабботировать, но, по крайней мере, особого рьяна не выказал. В отличие от других регионов, в Москве не создали, например, общества трезвенников. А инициативу некоторых районов (Ждановский, Краснопресненский), где полностью запретили продажу спиртного, Ельцин хоть публично и не критиковал, но и не поддерживал.

Это, конечно, можно объяснить не трезвым его умом, а как раз обратным – с зеленым змием Борис Николаевич подружился давно. Только сути это ничуть не меняло. Такая прохладца вызывало в Политбюро раздражение.

С каждым днем отношения между первым секретарем МГК и генсеком давали все большую трещину.

Уже потом Михаил Сергеевич, с присущей ему велеречивостью, примется объяснять их зародившийся конфликт дурным ельцинским характером, его грубостью и неуправляемостью.

Отчасти он, наверное, прав. Но лишь отчасти. Потому что главная причина разрыва небожителей заключалась совсем в другом.

Два этих человека никогда не являлись антиподами. Скорее наоборот: у них было чересчур много общего, а как известно из школьного курса физики, одноименно заряженные заряды не притягиваются, а отталкиваются.

Смотрите сами: ровесники – родились в один год. Оба из деревни. У каждого – раскулачены деды. Они и жизнь свою, поступая в институт, начинали с одинаковой лжи: Ельцин утаил свое родство с репрессированными. Горбачев – приписал себе лишку трудового стажа, дабы скрыть факт нахождения на оккупированной территории.

Если проанализировать их жизненный путь, можно увидеть, что они с самого начала шли параллельными курсами, а в какой-то момент даже сравнялись: оба возглавили крупнейшие регионы, пока в 1978 году Горбачев не вырвался вперед – в ЦК.

Но это лишь внешняя, напускная схожесть. При всех своих противоречиях, при резкости домашнего тирана Ельцина и приторности подкаблучника Горбачева, две эти фигуры роднила еще одна, крайне важная особенность. Они были до беспамятства влюблены в себя.

Для них не существовало большего удовольствия, чем упиваться собственными лаврами и всенародной любовью. (Горбачев всю страну под шумок спустил, заслушавшись *серенадами* Буша, Тэтчер, Колля и Миттерана.)

И когда один из них (Ельцин) явно начал обходить другого

(Горбачева) по степени популярности, этот самый другой снести такого унижения не мог.

Отчасти это было похоже на негласное соперничество двух кокоток, щеголяющих друг перед другом новыми нарядами и поклонниками. А теперь вообразите, что обе они приходят на роскошный прием, только первая одиноко стоит в углу, а вторая напропалую вальсирует с лучшими кавалерами и громогласно нарекается королевой бала.

Вообразили?

То-то. В лучшем случае та, которая простояла весь вечер в углу, просто прекратит разговаривать с недавней подругой. А то и вовсе – плеснет в лицо флакончиком с соляной кислотой.

Так что все, что происходило потом, можно без труда было предугадать заранее. Политики, как и кокотки, чужого успеха никому не прощают. Даже лучшим друзьям…

С весны 1987 года между Ельциным и Политбюро начинаются трения. О разрыве с Горбачевым речи пока еще не идет, но кошка промеж них уже пробежала. Генсеку все меньше нравится стремительно набираемая 1-м секретарем МГК народная популярность. Да и независимые замашки его вызывают у него опаску. В Политбюро такое не принято.

Показательная деталь: за все годы работы в Москве – в ЦК ли, в горкоме – Ельцин так и не сошелся ни с одним из высокопоставленных коллег. Он чурался других небожителей, уходил от любых попыток завязать неформальные связи. То есть сохранял подчеркнуто официальные отношения.

Сам он этот дискомфорт и холод объяснял следующим образом:

«Меня не покидало ощущение, что я какой-то чудак, а скорее чужак среди этих людей: что я не вписываюсь в рамки каких-то непонятных мне отношений».

Так и тянет добавить: чудак на букву «м». А чего, простите, он ожидал, отправляясь в Москву? Простоты нравов и искренности чувств?

Из уст человека с 20-летним номенклатурным стажем все это звучит как минимум нелепо. Уж он-то в подковерных интригах и *сволочизме* власти давным-давно должен был разобраться. Целомудренных девственниц в первых секретарях обкома я что-то не встречал.

Но в том-то и закавыка, что Ельцин в самом деле будучи опытным политиком (вся его последующая судьба и девять годов президентства – тому пример), очутившись в Москве, повел себя наперекор установленным правилам. Если бы, к примеру, сойдясь

с одними *товарищами* , он принялся дружить против других – это было бы в порядке вещей.

Однако он – факт непреложный – не заключая ни с кем союзов, начинает портить отношения со всеми подряд.

Хуже всего сложились они с главным партконтролером Соломенцевым и секретарем ЦК Лигачевым, хотя именно последний и сыграл в его судьбе решающую роль. Они начинали схватываться публично, прямо на заседаниях Политбюро, особенно когда в отсутствие Горбачева вел их Егор Кузьмич.

Лигачев, конечно, не сахар. Но и Ельцин – тоже не подарок. Как обычно, конфликты эти начинались на пустом месте – в том числе и по причине ельцинской неуживчивости. Борис Николаевич искренне считал себя, любимого, выше на две головы любого члена Политбюро, в чем, ничтоже сумняшеся, расписывался самолично.

В своей «Исповеди…» он по обыкновению не жалеет черных красок для описания недавних сослуживцев. В его изложении Соломенцев – неуверенный неврастеник, Рыжков – занимается не своим делом, Лукьянов – паникер, Язов – тупица, Чебриков – «кагэбэшник». И только он сам – Борис свет Николаевич – краса и гордость советской страны.

(О Лигачеве – фактически втором тогда человеке в партии – разговор впереди.)

Как будто не было у него за спиной партийного прошлого. Как будто все эти годы не играл он по установленным сверху правилам, не читал фальшивых речей и не клялся в верности идеалам коммунизма – в том числе письменно. (Одна из *подписанных* им статей называлась, к примеру, «Воспитанию в труде – партийную заботу». Она была опубликована во 2-м номере журнала «Народное образование» за 1981 год.)

…Первый звонок, предвестник грядущей бури, прозвучал зимой. 19 января 1987 года, на заседании Политбюро, Ельцин позволил себе раскритиковать проект горбачевского доклада к пленуму: «О перестройке и кадровой политике».

Собственно, в случившемся виноват был сам Горбачев. Все то время, пока доклад обсуждался, Ельцин молчал, и генсек – впрямую – спросил его: а твое мнение, товарищ Ельцин? (Михаил Сергеевич с крестьянской прямотой «тыкал» всем без исключения: даже тем, кто годился ему в отцы.)

И тут Остапа понесло.

Ельцин заявил вдруг, что оценки хода перестройки в докладе завышены.

«Мы пока на пути к перестройке. Негативные явления живы», – начал резать правду-матку секретарь МГК. Он

предложил дать каждому из бывших членов Политбюро публичную персональную оценку, ибо они повинны в застое и кризисе, но Горбачев быстренько прервал его: в медлительности перестройки виноваты кадровые просчеты.

«Надо вести линию на приток свежих сил, но недопустимо… устраивать гонения на кадры, ломать через колено судьбы людей».

Фамилии Ельцина в этой отповеди не прозвучало, но намек был более чем прозрачен. К тому времени о масштабах столичных чисток знали все.

«Ельцин был смущен и подавлен, – писал потом Горбачев, – из столицы в то время уже поступало много жалоб на его грубость, необъективность, жестокость в обращении с людьми… Ельцин вновь взял слово: “Для меня это урок. Думаю, он не запоздал”».

«Самое трудное – привыкнуть к тому, что и тебя могут огреть», – с сибирской простотой подвел итог дискуссии Лигачев. Борис Николаевич этих слов ему не забудет: очень скоро он сам огреет Лигачева – уж огреет так огреет…

Вообще, к Ельцину того времени – 1987–1988 годов – как нельзя лучше подходит одно выражение: «Грешу и каюсь». С одинаковой легкостью он бросался в атаку, громя всех и вся на своем пути, а потом, когда получал в ответ по *сусалам* , с той же горячностью принимался виниться и плакаться.

Когда упомянутое выше январское заседание Политбюро завершилось, Ельцину даже стало плохо с сердцем. Все уже разошлись, а он никак не мог подняться со стула. Пришлось вызывать врача и приводить его в чувство.

А уже на другой день он принялся, как побитая собака, обзванивать членов Политбюро, ища у них сочувствия и поддержки.

«Занесло меня опять. Видимо, я перегнул где-то, как считаете?» – доверительно вопрошал он, например, у российского премьера Воротникова.

Воротников, точно заправский психотерапевт, успокаивал впечатлительного секретаря МГК: «Нередко и другие вступают в споры».

Но и этого Ельцину показалось недостаточно. Хоть и выступил он на заседании с покаянным раскаянием, все равно пробивается на прием к Горбачеву, *плачется* , просит «учитывать особенности характера».

Их задушевный разговор продолжался 2,5 часа. Вроде бы индульгенция была выпрошена. Но и месяца не прошло, как Ельцина стало *заносить* опять.

Эти странные особенности его поведения кое-кто склонен объяснять тонкостью политической игры. Дескать, он как зимний рыбак: сначала пробует ногой крепость льда, и если тот недостаточно прочен, поворачивает обратно.

Не знаю. Мне лично кажется, что причина такой неврастенической ветрености лежит не в политической, а сугубо в медицинской плоскости.

Выражаясь языком психиатров, особенности ельцинского характера именуются «застреванием аффекта». То есть если человек искренне во что-то уверовал, а потом видит, как это «что-то» умаляется или уничижается, ему, извините за прямоту, начисто сносит башню. Все происходящее он воспринимает как вызов самому себе.

Вне всякого сомнения, Борис Николаевич поначалу искренне поверил в перестройку: впрочем, как и подавляющая часть дружного советского народа. Он хотел перемен, обновления. Но дальше слов дело не шло, перестройка явно буксовала, и виновными в этом Ельцин считал ретроградов из Политбюро (Лигачева в первую очередь), которые лишь мололи языками, пока он занимался конкретными делами: строил дома, проводил дороги, собирал урожаи.

Нелишне напомнить, что знаменитое узбекское дело имени Гдляна-Иванова, приведшее в итоге к прямым обвинениям против Егора Кузьмича, инициировано было тоже Ельциным.

Об этом сейчас многие запамятовали, но именно он, побывав осенью 1985 года в Узбекистане, предложил Горбачеву снять 1-го секретаря республиканского ЦК Усманходжаева, одного из главных подозреваемых. Генсек ответил отказом, сославшись на рекомендации Лигачева. А через год, в ноябре 1986 года, когда Гдлян-Иванов написали Ельцину обширную докладную об узбекских безобразиях, Борис Николаевич вынес этот вопрос на Политбюро.

В итоге Кремль разрешил привлечь ряд узбекских бонз, а заодно генерала Чурбанова к уголовной ответственности, а по Усманходжаеву началась проверка.

Обо всех этих перипетиях Гдлян-Иванов рассказывали весьма подробно, не скрывая, что с самого начала косились в сторону Лигачева. Как, скажите, мог после этого относиться Ельцин к Егору Кузьмичу? Исключительно как к врагу перестройки и вселенскому воплощению зла.

Не с царем, а со злыми боярами начинал он войну. Ельцин наивно считал, что, напротив, помогает генсеку защищать перестройку, а когда тот сажал его на место, разом включал заднюю скорость.

Полагаю, где-то до середины 1988 года – до окончательного разрыва – Горбачев оставался для него единственным человеком на планете, чьи унижения и окрики он мог безропотно сносить. В отличие от выпадов всех остальных индивидуумов, особенно Лигачева…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Застревание аффекта наиболее ярко проявляется, когда затрагиваются личные интересы акцентуированной личности. Аффект в этих случаях оказывается ответом на уязвленную гордость, на задетое самолюбие, а также на различные формы подавления, а обиды в первую очередь касаются самолюбия, сферы задетой гордости. На вопрос о склонности вступиться за других в случаях несправедливости, застревающие личности отвечают утвердительно. Сильнее всего их задевает несправедливость по отношении к себе. Такую черту они считают ценным качеством и не скрывают ее.

Вспоминает генерал Коржаков – тогда еще, впрочем, скромный майор КГБ:

«Горбачева на первых порах Борис Николаевич боготворил. У него с Генеральным секретарем ЦК КПСС была прямая связь – отдельный телефонный аппарат. И если этот телефон звонил, Ельцин бежал к нему сломя голову.

Сначала Михаил Сергеевич звонил часто. Но чем ближе был 1987 год, тем реже раздавались звонки. Борис Николаевич был убежденным коммунистом, старательно посещал партийные мероприятия, и его тогда вовсе не тошнило от коммунистической идеологии. Но в рамках этой идеологии он был, наверное, самым искренним членом партии и сильнее других партийных боссов стремился изменить жизнь к лучшему…»

Коржакова трудно упрекнуть в особой любви к бывшему своему патрону. Больше, чем он, Ельцина не *раздевал* , пожалуй, никто. Тем ценнее эти утверждения.

Наверное, Ельцин образца 1987 года действительно был еще искренним коммунистом – насколько это, конечно, возможно – верящим в торжество перестройки.

Даже Горбачев косвенно подтверждает это. В его мемуарах, где через слово он пытается побольнее уколоть Ельцина, есть, например, такой пассаж.

Когда на Политбюро обсуждался проект праздничного доклада генсека к 7 ноября, Ельцин раскритиковал документ в пух и прах. Потому как тот был недостаточно идейно выдержанным.

«В докладе смещены акценты в пользу Февральской революции, в ущерб Октябрьской, – в изложении Горбачева восклицал он, – недостаточно показана роль Ленина и его ближайших соратников; несоразмерны по подаче материала индустриализация и коллективизация».

«Как видите, замечания проникнуты духом консерватизма и идеологической догматики. Таков был Ельцин тогда», – подводит генсек-неудачник жирную черту.

Он явно хочет показать этим двуличность и лицемерие своего извечного соперника, но на деле лишь подтверждает мою правоту. Ельцин, не в пример многим другим членам Политбюро, не кривил душой. Он лишь верил в то, во что хотел верить: черта, присущая всем без исключения истероидным личностям, артистам и беременным женщинам…

Чем больше времени проходило с момента появления Ельцина в столице, тем сильнее разочаровывался он в происходящем, а Политбюро и генсек, в свою очередь – в 1-м секретаре МГК. Они никак не могли понять друг друга.

Масла в огонь только подлила ситуация, случившаяся в августе 1987 года, когда Ельцин поднял на Политбюро вопрос о демонстрациях и митингах. Он сказал, что трудящиеся страстно желают митинговать не только в праздники, и надо позволить вырваться наружу их возвышенным чувствам.

Горбачев отреагировал на предложение вяло. Пропустил фактически мимо ушей, и молчание это Ельцин воспринял как знак согласия.

Вскоре он на свой страх и риск утверждает правила проведения митингов и демонстраций в Москве. Отныне гражданам позволялось, заблаговременно подав заявку, устраивать манифестации в любое удобное время.

Руководство страны узнало об этом нововведении из газет. Тут было от чего прийти в ярость. На сентябрьском заседании Политбюро Ельцина едва не разорвали на кусочки. Больше всех бесчинствовал Лигачев. Он кричал, что коммунист Ельцин покусился на самое святое – партийную дисциплину, и разве что не предлагал его публично четвертовать.

Тут надобно пояснить, что по этому поводу между секретарем МГК и Политбюро обострения случались и прежде.

За пять месяцев до того, 6 мая, в Москве произошло невиданное по тем временам действо: активисты приснопамятного общества «Память» устроили несанкционированный митинг прямо у стен Кремля.

Пикетчиков собралось прилично: человек 500. С плакатами и транспарантами они выстроились на Манежной площади и стали

требовать встречи с Горбачевым или Ельциным.

Так вот. Ельцин, вместо того чтобы разогнать молодчиков силой, благо и плакаты были у них соответствующие, пригласил их всех в Моссовет, куда они и отправились походной колонной, шокируя непривычных еще к плюрализму горожан.

И не суть, о чем шла речь на этой двухчасовой встрече. Важно, что партийный работник нарушил неписаные аппаратные каноны, не посоветовавшись с *вышестоящими товарищами* , фактически пошел на поводу у бородатых наглецов. Он даже вступил с ними в дискуссию – весьма, кстати, вялую – то есть поставил себя на одну ступеньку с нарушителями порядка.

За эту вольность Бориса Николаевича долго *жучили* на Политбюро. Но все как с гуся вода. И полугода не прошло, как он снова полез на те же самые грабли.

Ясное дело, после всего случившегося Горбачев защищать вольнодумца не стал. Напротив, он санкционировал создание специальной комиссии, которая должна была разобраться в действиях секретаря МГК. И это оказалось для Ельцина самым сильным ударом: он-то по-прежнему считал, что работает на генсека.

В расстроенных чувствах Ельцин пишет Горбачеву гневное и одновременно слезное письмо. Он обижен на весь мир. Ему очень жалко себя – такого несчастного, несправедливо униженного – и Борис Николаевич тщательно смакует эти сладострастные чувства, словно неврастеничная курсистка. (Разве что слезы не капают на листок, оставляя чернильные кляксы.)

Смысл письма сводился к тому, что он, Ельцин, хотел оправдать высокое доверие генсека, но секретари ЦК относятся к нему холодно, работать в Политбюро он не может по причине своей прямоты, парторганизации плетутся в хвосте событий, аппарат надо сокращать, и вообще перестройка буксует.

«Я неудобен, – пишет Борис Николаевич, и пелена жалости застилает глаза. – Число вопросов, связанных со мной, будет возрастать и мешать Вам в работе. Этого я от души не хотел бы… потому что, несмотря на Ваши невероятные усилия, борьба за стабильность приведет к застою».

А посему: «Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС… Это не слабость и не трусость».

Не знаю, как насчет трусости, а вот по поводу слабости… Демонстрацией силы письмо это явно не назовешь.

В обращении – семнадцать абзацев. Двенадцать из них посвящены упрекам в адрес «некоторых товарищей из состава Политбюро», которые «умные, поэтому быстро и

“перестроились”». Правда, фамилия звучит лишь одна – Лигачев.

Когда-то Егор Кузьмич настоял на переводе Ельцина в Москву. Теперь он сполна расплачивается за свою кадровую «прозорливость». (Не в последний, кстати, раз. Это именно с его подачи малоизвестный украинский писатель Коротич стал редактором столь же заштатного тогда журнала «Огонек».)

Ельцин обвиняет Лигачева во всех смертных грехах. У него «нет системы и культуры в работе», он наносит вред партии, расстраивает ее механизм, культивирует страх в партийных комитетах. И «скоординированную травлю» против секретаря МГК организовал тоже Лигачев. В общем, «он негоден».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Инфантилизм – задержка в развитии, проявляющаяся в сохранении у взрослого человека черт характера и элементов поведения, присущих детскому возрасту.

Поиск врагов, виновников всех бед – неважно, кого: масонов, коммунистов, евреев, армян или ренегатов из Политбюро – излюбленный метод любого инфантильного политика. Это очень удобный, простой, а главное, самоуспокоительный прием.

Чем копаться в себе, гораздо легче найти крайнего.

Впоследствии, говоря о подоплеке своего снятия, Ельцин будет винить кого угодно: Горбачева, Лигачева, даже столичную мафию, чье влияние «на различные сферы жизни» он недооценил. Только не себя самого…

Кстати, интересная историческая метаморфоза. При внимательном рассмотрении это сентябрьское ельцинское послание очень напоминает знаменитое письмо Булгакова товарищу Сталину. И хотя слова и обороты в двух этих документах почти не повторяются, смысл их примерно один и тот же…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

…После того, как все мои произведения были запрещены, среди многих граждан, которым я известен как писатель, стали раздаваться голоса, подающие мне один и тот же совет.

Сочинить «коммунистическую пьесу», а кроме того, обратиться к Правительству СССР с покаянным письмом, содержащим в себе отказ от прежних моих взглядов, высказанных мною в литературных произведениях, и уверения в том, что отныне я буду работать, как преданный идее коммунизма писатель-попутчик…

Этого совета я не послушался. Навряд ли мне удалось бы предстать перед Правительством СССР в выгодном свете, написав лживое письмо, представляющее собой неопрятный и к тому же наивный политический курбет…

…Мое имя сделано настолько одиозным, что предложения работы с моей стороны встретили испуг, несмотря на то, что в Москве громадному количеству актеров и режиссеров, а с ними и директорам театров, отлично известно мое виртуозное знание сцены.

Я предлагаю СССР совершенно честного, без всякой тени вредительства, специалиста-режиссера и автора, который берется добросовестно ставить любую пьесу, начиная с шекспировских пьес и вплоть до сегодняшнего дня.

Я прошу о назначении меня лаборантом-режиссером в 1-й Художественный Театр – в лучшую школу, возглавляемую мастерами К. С. Станиславским и В. И. Немировичем-Данченко.

Если меня не назначат режиссером, я прошусь на штатную должность статиста. Если и статистом нельзя – я прошусь на должность рабочего сцены…

(Из письма М. Булгакова И. Сталину.

Москва, 28 марта 1930 г.)

История с ельцинским *письмом протеста* исполнена загадок и странностей. В тот момент, когда оно было написано – в сентябре 1987 года – генсек находился на даче в Пицунде.

Послание, несомненно, до адресата дошло. Горбачев это подтверждает.

Не вызывает сомнений и тот факт, что, вернувшись в Москву, Горбачев сразу же позвонил Ельцину. Как вспоминал помощник генсека Анатолий Черняев, он уговаривал секретаря МГК не пороть горячку и вообще вел себя исключительно мирно.

«Положив трубку, Горбачев с облегчением вздохнул:

– Уломал-таки, договорились, что до праздников он не будет нервничать, гоношиться».

То есть все *вводные* – непреложны. Однако в трактовке всего, что письмо окружало, участники тех событий отчего-то расходятся.

Ельцин утверждает, что Горбачев в телефонном разговоре сказал, что готов встречаться, но не сейчас. Позже.

Что такое *позже* , Борис Николаевич не понял. Или сделал вид, что не понял. Монаршего приглашения он не дождался,

уверился, что Горбачев объясняться с ним не желает и по обыкновению своему, затаив обиду, приготовился устроить публичный скандал на приближающемся октябрьском пленуме ЦК.

Люди из горбачевского окружения считают совсем по-другому. Член Политбюро Вадим Медведев, например, убежден, что Горбачев и не думал отмахиваться от Ельцина. Просто возникла накладка. Генсек пообещал встретиться после праздника, имея в виду 7 ноября, а Ельцин, дескать, подумал о тогдашнем Дне конституции – 7 октября.

Довольно странный аргумент. Не знаю, как в Политбюро, но в народе День конституции за праздник никогда особо не считался. Его и установили-то всего десятью годами раньше…

Правда, и ельцинские доводы тоже не отличаются здравым смыслом. Что, собственно, мешало ему поднять трубку и позвонить Горбачеву напрямую? Раньше он делал это регулярно, стеснений никаких не испытывая.

Более того, в тот период они виделись друг с другом: как минимум трижды Ельцин присутствовал на заседаниях Политбюро, где председательствовал Горбачев, но не обмолвился и словом о своих страданиях.

Час от часу не легче. Сначала было письмо в стиле истеричной курсистки. Теперь – демонстрация какой-то девичьей, уязвленной гордости а-ля Татьяна Ларина.

«Я вам пишу, чего же боле,

Что я могу еще сказать…»

По версии В. Медведева, все эти загадки разъясняются чрезвычайно просто. Ельцин сознательно шел на развязывание публичного конфликта. Он искал лишь повод…

Сам Борис Николаевич это, понятно, отрицает наотрез.

«О том, что мы встретимся после пленума, разговора не было, – рассуждает он в “Исповеди…”. – Позже – и все. Два дня, три, ну минимум неделя – я был уверен, что об этом сроке идет речь. Все-таки не каждый день кандидаты в члены Политбюро уходят в отставку и просят не доводить дело до пленума. Прошло полмесяца, Горбачев молчит. Ну и тогда, вполне естественно, я понял, что он решил вынести вопрос на заседание пленума ЦК, чтобы уже не один на один, а именно там устроить публичный разговор со мной».

Ельцин явно лукавит. Это хорошо видно из стенограммы пленума ЦК, состоявшегося 21 октября.

Весь документ, целиком, приводить мы не будем (желающие могут найти его в приложении). Остановимся лишь на ключевых моментах.

Итак. По замыслу Горбачева, пленум должен был ограничиться его торжественным докладом, посвященным 70-летию Октябрьской революции. (Назывался он «Октябрь и перестройка: революция продолжается»; это так, для справки.) Члены ЦК, ясное дело, доклад одобрят и радостно-уставшие отправятся на банкет.

О ельцинском вопросе – ни слова ни полслова. Борис Николаевич не мог этого не знать: повестка пленума заблаговременно утверждалась на Политбюро.

Об этом, выступая на пленуме, упоминал и сам Горбачев. Цитирую дословно:

«В своем письме Борис Николаевич говорил, что “прошу рассмотреть вопрос. Не ставьте меня в такое положение, чтобы я обращался сам к пленуму ЦК с этой просьбой”. Но мы с ним договорились, и потому на той стадии я даже членов Политбюро не информировал, считая, что до объяснения в этом нет необходимости. Я не думал, что после нашей договоренности товарищ Ельцин на нынешнем пленуме Центрального Комитета… представит свои претензии…»

Если бы не личная инициатива Ельцина (хотя личная ли?), ничего и не случилось бы.

Горбачев прочитал бы доклад. Сорвал порцию положенных аплодисментов. Потом председательствующий Лигачев обратился бы к залу с чисто риторическим обращением: есть, мол, у кого-нибудь вопросы?

Вопросов, понятно, возникнуть не могло. Все роли здесь были расписаны заранее, точно в заправском театре, и значит, пленум, утвердив доклад, преспокойно разошелся бы.

Поначалу все так и происходило. До того самого момента, пока Лигачев не задал привычный *безответный* вопрос.

Здесь и начался *кавардак* . Неожиданно Ельцин поднимает руку. Лигачев как будто не замечает его, хотя секретарь МГК сидит прямо напротив, пятый в третьем ряду. Даже Горбачев вынужден одернуть председательствующего.

«ГОРБАЧЕВ: У товарища Ельцина есть вопрос.

ЛИГАЧЕВ *(по-прежнему не замечая руки Ельцина):* Есть ли необходимость открывать прения?

ГОЛОСА ИЗ ЗАЛА: Нет! Нет!

ЛИГАЧЕВ: Нет.

ГОРБАЧЕВ *(настойчиво):* У товарища Ельцина есть какое-то заявление».

Тут уж Егору Кузьмичу ничего не остается, кроме как предоставить слово заклятому своему врагу.

(Помните брошенное им Ельцину – насчет того, кто кого

может огреть? Вот уж отлились кошке мышкины слезки.)

Борис Николаевич выходит на трибуну. Зал замер.

О чем же говорит Ельцин?

О том, что у общества «стала вера какая-то падать» к перестройке. Что с начала ее люди «реально ничего… не получили».

ЦК зарылся в бумагах, бюрократия множится, люди не верят бесчисленным постановлениям и решениям. Исчезает коллегиальность руководства, создается культ личности Горбачева. Не делается выводов из уроков истории.

Закончил он с надрывом:

«…Видимо, у меня не получается работать в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другие, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Критическая оценка чужих взглядов и деятельности приводит страдающих психопатией к конфликтам с окружающими, которых они постоянно подозревают в недоброжелательном к себе отношении. Они постоянно выясняют отношения и вступают в тяжелые конфликты с окружающими. Мышлению этого рода людей свойственна еще одна особенность – резонерство, пустое рассуждательство по ничтожному поводу.

Сказать, что в зале возник шок – не сказать ничего. Ельцин нарушил все мыслимые и немыслимые правила игры. Ничего подобного ЦК не помнил со времен троцкистской оппозиции.

«Все как-то опешили, – вспоминает член Политбюро Воротников. – Что? Почему? Непонятно… Причем такой ход в канун великого праздника!»

И здесь сразу же возникает череда вопросов.

Первое. Было ли это выступление экспромтом?

Нет, конечно. Ельцин явно готовился к докладу, об этом косвенно свидетельствуют и его воспоминания.

Например, такие:

«Когда я принимаю какое-то серьезное решение, потом никогда не извожу себя дурацкими мыслями, что надо было

сделать как-то иначе, можно, наверное, было по-другому… Я не убивал когда-то себя мыслями, почему я, например, тогда выступил на октябрьском (1987 года) пленуме ЦК… Принимая решение, я бросаюсь как в воду». (Из книги «Записки президента».)

Следующий, еще более важный вопрос: знал ли Горбачев о ельцинских планах?

Если не знал, то зачем предоставил ему слово, ведь без горбачевских окриков Лигачев спокойно проигнорировал бы Ельцина, да и дело с концом.

Вообще, эта странная перепалка, возникшая в президиуме, этакая *возня в дверях* , и по сей день вызывает массу недомолвок.

Лигачев, без сомнения, видел поднятую Ельциным руку. (Это признает и Горбачев.) Однако демонстративно не замечал ее. Почему? Потому что знал, чем закончится дело, то есть был *осведомлен* заранее, или же по причине всеобъемлющей антипатии к бывшей своей креатуре?

И что имел в виду Горбачев, обмолвившись о том, что «у товарища Ельцина есть какое-то *заявление* ». Заявление! Хотя предлагалось исключительно записаться на вопросы, а о заявлениях и выступлениях – речи не шло.

Это что? Обычная оговорка? Или же нечто большее? Свидетельство посвященности в ельцинские планы?

В одном издании мне довелось прочитать весьма занятную версию. Дескать, Михаил Сергеевич специально выставил Бориса Николаевича на ринг, дабы стравить его с Лигачевым и вообще реализовать нехитрую формулу плохой–хороший следователь. (Горбачев, ясно, хороший, Ельцин – плохой.)

Лигачев косвенно означенную версию подтверждает. «Горбачеву было нужно, – уверен Егор Кузьмич, – чтобы с одной стороны был Лигачев, а с другой – Ельцин и Яковлев. Словом, разделяй и властвуй».

Честно скажу, вариант этот меня не впечатляет. Есть в нем что-то из заумной философичной гипотезы, что зло – это порождение добра, ибо добру нужно постоянно бороться со злом и доказывать свое превосходство.

Чересчур сложно это, господа!

При всей своей хитромудрости, Горбачев явно не производил впечатление мазохиста. Любой публичный демарш с выпадами в адрес перестройки бил в первую очередь по нему самому. Да и не имелось у них с Ельциным настолько доверительных, близких отношений, чтобы можно было доверить ему столь щепетильную комбинацию.

Если принять вышеназванный вариант за основу, получается,

что Борис Николаевич как бы под *легендой* внедрялся во враждебное окружение, надевал на себя маску оппозиционера, а потом, в решающий момент, должен был бы вытащить из кармана партбилет и взмахнуть им, точно Хома Брут крестом пред очами летающей панночки.

Что же до стравливания, науськивания *соратников* друг на друга, какая проблема была устроить этот *петушиный бой* в более узком составе, на том же Политбюро?

И последнее: что двигало Ельциным? Желание посильнее хлопнуть дверью? Правдоискательский зуд? Нетерпение?

«В нем говорило уязвленное самолюбие», – уверен Горбачев. Через десять лет в своих мемуарах «Жизнь и реформы» он даст собственную трактовку тех событий:

«Правы были те, кто указал на пленуме на его гипертрофированную амбициозность, страсть к власти. Время лишь подтвердило такую оценку».

Но это лишь одна причина. По версии Горбачева, имелась и вторая, не менее важная. Якобы Ельцин не справлялся с Москвой.

Все его обещания и прожекты висли в воздухе, ибо «как реформатор Ельцин не состоялся уже тогда. Повседневная, рутинная, деловая работа и особенно трудные поиски согласия были не для него… Ощущение бессилия, нарастающей неудовлетворенности от того, что мало удалось добиться в Москве, вывело из равновесия, привело к срыву».

Ну, насчет московских успехов – мы уже говорили. Вряд ли Ельцина угнетало «ощущение бессилия»: здесь он мог дать сто очков вперед любому секретарю обкома. Если что-то и терзало его, так это исключительно конфронтация с Политбюро и предстоящая порка: комиссия-то, созданная по инициативе Лигачева, явно не собиралась ограничиться одной только проблемой демонстраций и митингов. Проверять собирались всю его работу в Москве, причем с результатом, понятным заранее: был бы человек, а статья найдется.

Мне думается, причина крылась именно в этом. Когда Ельцин понял, а точнее, сам себя убедил, что Горбачев не желает *тихой* его отставки, он решился пойти ва-банк. Нападение – лучший способ защиты.

В конце концов, он ничего не терял. Сняли бы его так и так. Но одно дело – уйти с позором, под улюлюканье недругов и завистников. И совсем другое – с гордо поднятой головой, этаким страдальцем за идею, народным героем.

Горбачева, однако, вариант такой совсем не устраивал. Все то время, пока Ельцин выступал, он еле сдерживал себя. («Я видел его разъяренное, багровое лицо, желание скрыть досаду, –

свидетельствует руководитель горбачевского аппарата Валерий Болдин. – Он старался подавить эмоции, но упоминание о его стремлении к величию попало в цель».)

Генсек берет ответное слово.

В своей короткой речи он как бы подытожил предыдущий доклад, кратко перечислив высказанные претензии. Особое негодование вызвала у него фраза насчет того, что ельцинскую судьбу будет-де решать пленум московского горкома.

«ГОРБАЧЕВ: Что-то тут у нас получается новое. Может, речь идет об отделении Московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил на пленуме поставить вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желание побороться с ЦК».

Ельцин пытается возражать. Он встает с места, но Горбачев раздраженно машет рукой.

«ГОРБАЧЕВ: Садись, садись, Борис Николаевич. Вопрос об уходе с должности первого секретаря горкома ты не поставил: сказал – это дело горкома партии…

Давайте обменяемся мнениями, товарищи. Вопросы, думается, поставлены принципиальные… Члены ЦК знают о деятельности Политбюро, политику оценивают, вам видней, как тут быть. Я приглашаю вас к выступлениям, но не настаиваю…»

Фразочка типично в горбачевском стиле. «Приглашаю вас к выступлениям, но не настаиваю». Из уст генерального секретаря это звучит как минимум занятно.

Конечно же, все сидящие в зале поняли его однозначно. Это был отличный повод проявить себя, выказать верноподданнические чувства, вволю потоптавшись на костях ослушника. Такой повод упускать грех.

И к микрофону устремляется поток ораторов. Трибуну дают всем, а, значит, надо отличиться, выделиться, блеснуть красноречием. Члены ЦК наперебой соревнуются в злословии. В эти минуты они похожи на стаю волков, учуявшую вкус свежей крови.

«Казалось, что выйдут не самого крупного калибра и не самые близкие люди, – пишет в “Исповеди…” Ельцин, – а вот когда все началось на самом деле, когда на трибуну с блеском в глазах взбегали те, с кем вроде бы долго работал рядом, кто был мне близок, с кем у меня были хорошие отношения, – это предательство вынести оказалось страшно тяжело…»

Первым слово взял Лигачев. Он обвинил Ельцина в клевете, и зал радостно вскочил, захлебываясь в овациях. Один за другим выступают секретари обкомов, члены Политбюро – Рыжков, Яковлев.

(Да-да, тот самый архитектор перестройки, столь любимый нашими демократами, о чем впоследствии старался он никогда не вспоминать.)

Ельцина обвиняют в политической незрелости, чрезмерных амбициях, безответственности, дезертирстве, бесчестии, капитулянтстве и прочая, прочая. Все 27 выступающих в выражениях не стесняются. (Только директор Института США и Канады Георгий Арбатов промямлил что-то в его защиту, за что тут же подвергся обструкции со стороны последующих ораторов.)

Даже его свердловский учитель Яков Рябов говорит о «негативных явлениях в его характере», которые, мол, он так и не сумел изжить, вопреки ожиданиям ЦК.

«Я наблюдал за Ельциным из президиума пленума, – напишет потом Горбачев, – и понимал, что происходит у него в душе. Да и на лице можно было прочесть странную смесь: ожесточение, неуверенность, сожаление – все, что свойственно неуравновешенным натурам».

О другом Горбачев не пишет. О том, что ему, как и Ельцину, недостаточно было просто низвергнуть противника: непременно надо еще и унизить его, публично раздавить, уничтожить.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Из стенограммы июльского 1957 года пленума ЦК КПСС:

Каганович: Мы имеем дело с авантюристом, проходимцем и провокатором, пробравшимся к руководству партии и государства и поставившим своею целью сделать попытку использования своего положения для захвата власти. Но это субъективная сторона дела. Какова же объективная основа, какую линию он клал в основу своей деятельности? Обычный авантюрист ставит перед собой цель личной выгоды, но когда мы имеем дело с политическим авантюристом, мы должны смотреть глубже, он подтягивал какие-то взгляды, беспринципные, безыдейные, но все же свои принципы. В отличие от идейных принципов партийца-большевика, который свою работу, свое положение, свой пост подчиняет принципам идейного служения делу рабочего класса, делу коммунизма. А авантюрист и карьерист Берия, наоборот, подчинил свое поведение, свою линию, свои принципы своим авантюрным замыслам – захвату власти в свои руки.

По требованию генсека Ельцин вновь поднимается на трибуну. Он подавлен и смятен. Со стороны кажется, что он даже

стал меньше ростом.

Борис Николаевич пытается объясниться, оправдаться. Потом, правда, он будет уверять, что о бунте своем никогда не жалел; говорил одну лишь правду и ничего, кроме правды. Только документы – упрямая вещь. Стенограмма его публичного покаяния свидетельствует совсем о другом.

«ЕЛЬЦИН: Суровая школа сегодня, конечно, для меня за всю жизнь, с рождения, и членом партии, и в том числе работая на тех постах, где доверяли Центральный Комитет партии, партийные комитеты.

Сначала некоторые уточнения. Что касается перестройки, никогда не дрогнул, и не было никаких сомнений ни в стратегической линии, ни в политической линии партии. Был в ней уверен, соответственно проводил вместе с товарищами по бюро, по городскому комитету партии эту линию…

В отношении единства. Нет, это было бы кощунственно, и я это не принимаю в свой адрес, что я что-то хотел вбить клин в единство Центрального Комитета, Политбюро. Ни в коем случае я это не имел в виду, как, между прочим, и в отношении членства в Политбюро…

В отношении славословия. Здесь опять же я не обобщал и не говорил о членах Политбюро, я говорил о некоторых, речь идет о двух-трех товарищах, которые, конечно, злоупотребляют, по моему мнению, иногда, говоря много положительного. Я верю, что это от души, но тем не менее, наверное, это все-таки не на пользу общую…»

Эту стенограмму можно читать точно пьесу. Здесь даже не требуется авторских ремарок, все понятно и так.

Вот генсек перебивает Ельцина. Горбачеву нужны не общие рассуждения, а зримое посыпание головы пеплом. Уж каяться так каяться.

«ГОРБАЧЕВ: Борис Николаевич…

ЕЛЬЦИН: Да.

ГОРБАЧЕВ: Ведь известно, что такое культ личности. Это система определенных идеологических взглядов, положение, характеризующее режим осуществления политической власти, демократии, состояние законности, отношение к кадрам, людям. Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовывать здесь?

ЕЛЬЦИН: Нет, сейчас уже не надо.

ГОРБАЧЕВ: Сейчас вся страна втягивается в русло демократизации. И в реформе главное – демократизация, ибо такие ее элементы, как новый хозяйственный механизм, связанный с самостоятельностью предприятий, развитием

инициативы, направлены на укрепление чувства хозяина у людей. То есть, в конце концов, речь идет о развитии демократизации. И после этого обвинить Политбюро, что оно не делает уроков из прошлого? А разве не об этом говорилось в сегодняшнем докладе?

ЕЛЬЦИН: А, между прочим, о докладе, как я…

ГОРБАЧЕВ: Да не между прочим! У нас даже обсуждение доклада отодвинулось из-за твоей выходки.

ЕЛЬЦИН: Нет, я о докладе первым сказал…

ИЗ ЗАЛА: О себе ты заботился. О своих неудовлетворенных амбициях.

ГОРБАЧЕВ: Я тоже так думаю. И члены ЦК так тебя поняли. Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный Комитет занимался тобой? Уговаривал, да? Правильно товарищ Затворницкий сделал замечание. Я лично переживаю то, что он вынужден был сказать тебе в глаза. Но не жалею, что этот разговор, начатый тобой, на пленуме состоялся. Хорошо, что он состоялся».

Горбачев возбужден. Он накручивает себя, распаляется все сильнее. Если вначале он старался еще как-то держаться в рамках, то теперь все приличия отброшены вконец. Генсек требует от Ельцина четкого признания ошибок; он загоняет его в угол.

«ГОРБАЧЕВ: Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию! Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке. Скажи по существу, как ты относишься к критике?

ЕЛЬЦИН: Я сказал политически, как я отношусь к этому.

ГОРБАЧЕВ: Скажи, как ты относишься к замечаниям товарищей по ЦК? Они о тебе многое сказали и должны знать, что ты думаешь. Они же будут принимать решение.

ЕЛЬЦИН: Кроме некоторых выражений, в целом я с оценкой согласен. То, что я подвел Центральный Комитет и Московскую городскую организацию, выступив сегодня, – это ошибка».

Уф, слава богу. В математике это называется ЧТД – что и требовалось доказать. Но Горбачев на достигнутом не останавливается.

«ГОРБАЧЕВ: У тебя хватит сил дальше вести дело?

ИЗ ЗАЛА: Не сможет он. Нельзя оставлять на таком посту.

ГОРБАЧЕВ: Подождите, подождите, я же ему задаю вопрос.

Давайте уж демократически подходить к делу. Это же для всех нас нужен ответ перед принятием решения.

ЕЛЬЦИН: Я сказал, что подвел Центральный Комитет партии, Политбюро, Московскую городскую партийную организацию и, судя по оценкам членов Центрального Комитета партии, членов Политбюро достаточно единодушным, я повторяю то, что сказал: прошу освободить и от кандидата в члены Политбюро, соответственно и от руководства Московской городской партийной организацией».

Теперь можно и перевести дух. Смутьян раздавлен и уничтожен. Никому отныне и в голову не придет считать его народным трибуном.

Горбачев возвращается к прежнему сценарию. Он просит пленум дать оценку его докладу, но получив единогласное и заранее понятное одобрение, вновь обращается к Ельцину.

Видимо, что-то не дает ему покоя. То ли он не выговорился до конца, то ли порка показалась ему недостаточно суровой.

В своем обычном пространно-велеречивом стиле Горбачев нудно и долго рассуждает о партийной дисциплине и перестройке, о великой октябрьской дате, которую с нетерпением ждет весь мир.

«ГОРБАЧЕВ: И в этот момент товарищ Ельцин выдвигает свои эгоистические вопросы. Ему, *понимаете* , не терпится, не хватает чего-то! Суетится все время. А нужна выдержка революционная на таких крутых поворотах, когда кости трещат и мысли напряжены. Тащить надо эту огромную ответственность перед партией и народом. Насколько же надо быть безответственным, потерявшим чувство уважения к товарищам, чтобы вытащить все эти вопросы…»

Перечитайте этот абзац еще раз. Если не знать, что дело происходит в 1987 году, его вполне можно принять за разнос самого же Ельцина, устроенный какому-нибудь Бурбулису и Чубайсу. Здесь есть даже фирменное «понимаете», оно же «понимашь».

Жажда безграничной власти роднила двух этих людей, двух титанов, схватившихся друг с другом и развалivших в пылу сражения огромную страну.

По сей день историки спорят, какую дату принимать за точку отсчета распада СССР. Лично у меня даже и тени сомнений нет.

21 октября 1987 года. Именно в этот день, ознаменовавшийся началом разрыва между Ельциным и Горбачевым, и полетел вниз первый камень, который приведет через 4 года к невиданному по масштабам горному обвалу.

Это падение было тогда еще незаметным, невидимым

постороннему глазу. Михаил Сергеевич с незабвенной Раисой Максимовной искренне полагали, что проблемы под названием «Ельцин» более не существует. Она закончилась вместе с постановлением пленума, в котором выступление Ельцина признавалось «политически ошибочным», а Политбюро и МГК поручалось «рассмотреть вопрос» о его освобождении с поста первого секретаря горкома.

Но эта победа оказалась поистине пирровой. Потому что, скатившись с Олимпа на грешную землю, Ельцин не только не разбился, но и, напротив, сам превратился в титана.

Через много лет Горбачев будет сетовать, что не проявил должной жесткости, пожалел опального бунтовщика и не отправил его послом в какую-нибудь Зимбабве.

Это еще Макиавелли учил: врага недостаточно победить. Его нужно еще и непременно добить…

Не исключаю, что поначалу, в первые дни после пленума, Ельцин не перешел еще той черты, за которой начинается зона невозврата.

Он чем-то походил на домашнего пса – лопоухого сенбернара, которого хозяин сперва нахваливал и давал сахарок за то, что тот стягивает с него по утрам одеяло. А потом, когда хозяин улегся однажды с неведомой женщиной и пес по обыкновению пришел его будить и стаскивать покрывало, вместо сахара получил веником по косматой морде.

Всю сознательную жизнь Ельцина хвалили именно за то, за что обрушились на него теперь со всей пролетарской ненавистью. За принципиальность. Бескомпромиссность. Неуспокоенность.

Что, собственно, сделал он такого? Ни единым словом не позволил задеть *хозяина* . Напротив, даже – бросился, рыча, на тех, кто мешает ему проводить перестройку.

А вместо благодарности – его обхаживают теперь веником…

Ельцин был обижен в лучших чувствах. Он не видел за собой никакой вины, и оттого было ему горше вдвойне.

А от обиды, как и от безответной любви до ненависти, известно, всего один шаг…

Сходство в биографиях Горбачева и Ельцина

Год	Горбачев	Ельцин
1931	Родился в с.Привольное (Ставрополье)	Родился в с.Бутка (Пермская обл.)
1950	Поступил на юрфак МГУ	Поступил на строительный факультет УПИ
1955	Окончил юрфак МГУ; переходит на комсомольскую работу	Окончил строительный факультет УПИ; работает по специальности
1963	1-й секретарь Ставропольского ОК ВЛКСМ	главный инженер Свердловского ДСК
1966	1-й секретарь Ставропольского ГК КПСС	Директор Свердловского ДСК
1968	2-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС	Зав. отделом строительства Свердловского ОК КПСС
1970	1-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС	
1971	Член ЦК КПСС	
1975	Депутат Верховного Совета СССР	Секретарь Свердловского ОК КПСС
1976		1-й секретарь Свердловского ОК КПСС
1978	Секретарь ЦК КПСС	
1979	Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС	
1980	Член Политбюро ЦК КПСС	
1981		Член ЦК КПСС
1985	Генеральный секретарь ЦК КПСС	Зав. отделом ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС, 1-й секретарь МГК КПСС
1986		Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС
1987		Освобожден от должности 1-го секретаря МГК КПСС
1988		1-й зампред Госстроя СССР Освобожден от должности кандидата в члены Политбюро
1990	Президент СССР	Председатель Верховного Совета РСФСР
1991	Отставка	Президент РСФСР

Сравнительная таблица карьерного роста Горбачева и Ельцина

Примечания Александра Коржакова

1 Квартиру в Москве ему дали не пятикомнатную, а шестикомнатную. Была еще комната Бори – детская. Где-то

метров десять. Но в Политбюро все, что меньше пятнадцати метров, за отдельную комнату не считалось.

2 Ничего себе – «небольшая дачка на две семьи»! Это была бывшая дача Буденного в поселке Вешки по Дмитровскому направлению. Одних спален там насчитывалось штуки четыре; кинозал, каминный зал, бильярдная, баня. Территория – гектара четыре. Даже домик для охраны, где мы останавливались вместе с водителями, имел прекрасные условия. У каждого из нас было по отдельной комнате, душ.

А «две семьи» – это он с Наиной и старшая дочь Елена с мужем. Елену он считал вроде как за отдельную семью.

3 Когда Горбачев предложил ему переселиться на свою бывшую дачу, Ельцин помчался туда сломя голову. Потом в Управделами говорили, что это был первый в истории случай, когда человек переехал жить безо всякого ремонта. После Горбачева там остались дырки в стенах, выцветшие обои, гвозди везде торчали. Но Борис Николаевич так хотел выказать преданность генсеку, что никакие неурядицы его не могли остановить. Правда, потом, когда он уехал в отпуск, на даче сделали косметический ремонт.

Эта дача – так называемый объект «Москва-река-5» – ненамного отличалась от прежней ельцинской дачи. Может, только размерами. Все остальное было как в Вешках: спальни, бильярдная, кинозал. Единственное – старую дачу строили еще при Сталине, а новая была одна из самых свежих: конец 70-х. Типичная «посохинская» коробка, но с особым, современным дизайном внутри. И еще участок – 17 гектаров.

После 1991 года Ельцин эту дачу Горбачеву вернул обратно. Там он теперь и живет.

4 Об издевательствах над людьми: Ельцин неоднократно мне хвалился, что может целый день не ходить, извините уж, в туалет. Ему доставляло удовольствие проводить многочасовые совещания – иной раз доходило до пяти часов – и наблюдать, как подчиненные мучаются: он-то был еще молодой, а большинству – далеко за пятьдесят.

5 Борис Николаевич любил рассуждать, что он то ли наследник царской династии, то ли мессия, посланный сверху. Чем это подтверждалось: у него тело было абсолютно лысое. Если он не брился пару дней, щетина почти не росла – пробивались какие-то смешные кустики. Под мышками – торчали две волосинки.

И вот он на полном серьезе говорил, что это особый знак свыше. Потому что, если б у него и голова тоже была лысой – это одно дело. Но шевелюра-то у него росла нормально…

Глава третья
ИЗГНАНИЕ С ОЛИМПА

Октябрьский пленум взбудоражил, взволновал всю страну. Слухи – один фантастичнее другого – поползли по городам и весям.

Если раньше Ельцин был широко известен лишь в Москве и Свердловске, то теперь о нем узнали даже в самых отдаленных закоулках Союза.

Из уст в уста передавалась история о каком-то уральском *мужике* , который наконец-то вывел зажравшихся *коммуняк* на чистую воду.

Текста его выступления никто не читал – в газетах по понятным причинам он не печатался – поэтому молва приписывала Ельцину самые невероятные заявления. Например, то, что он публично пропесочил уже порядком надоевшую всем Раису Максимовну. Обвинил Политбюро в невиданных привилегиях. Потребовал создать оппозиционную партию и установить свободу слова.[5]

Сначала по Москве, а потом и по Союзу в *самиздате* начал расходиться ельцинский доклад, причем сразу в нескольких вариантах. Ничего общего с реальной стенограммой он не имел, это был скорее образчик народного творчества, своеобразного эпоса, наподобие старорусских былин. (По одной из версий, впрочем, текст доклада был сфальсифицирован редактором «Московской правды» Михаилом Полтораниным и в таком виде *запущен* в заграничную прессу.)

Но людям хотелось верить в сказку о народном заступнике, и они вкладывали в ельцинские уста свои собственные мысли и помыслы. Как верх массовой любви – предприимчивые дельцы мгновенно наладили выпуск календариков с ликом опального секретаря: прежде подобных почестей удостаивался, пожалуй, один лишь Высоцкий.

Сам Ельцин легенды эти не только не опровергал, а, напротив, всячески культивировал. Своим соратникам и знакомым он рассказывал потом бог знает что, в стиле рыбацких баек, выдумывая совсем уж фантастические подробности. Особым успехом пользовался миф об обличении Раисы Максимовны, который он излагал всякий раз с новыми деталями.

(«Известно ли Горбачеву, что народ осуждает выпячивание его жены?» – спрашивают у Ельцина осенью 1989 года на встрече с избирателями. И тот, не моргнув и глазом, выдает: «Горбачеву

лично я об этом говорил в то время, когда был в составе Политбюро».)

О Ельцине заговорили на Западе. Советский посол в Великобритании Загладин свидетельствовал, что даже «железная» Маргарет Тэтчер заинтересовалась таинственным русским бунтарем и изъявила желание с ним познакомиться. «Ельцина не следует игнорировать», – будто бы сказала она приближенным.

Впрочем, сам Борис Николаевич всего этого поначалу не оценил. Он искренне считал, что карьера его загублена, жизнь кончилась и ничего хорошего впереди уже не будет.

Откуда ему было знать пастернаковские строки:

> И пораженья от победы
> Ты *сам* не должен отличать…

Человеку не дано предугадать, что ждет его за поворотом. То, что кажется нам незыблемым и вечным, в одночасье может измениться с точностью до наоборот. Если стадо верблюдов поворачивает на Запад, последний верблюд становится первым – гласит восточная мудрость.

Когда в 1990 году первый секретарь украинского ЦК Владимир Ивашко был приглашен Горбачевым на пост заместителя генерального секретаря, он не помнил себя от радости. Эта новая, только что введенная должность сулила неограниченную власть и невероятные возможности.

А через год КПСС развалилась, об Ивашке забыли, и он скончался в тихой безвестности. Тогда как сменщик его Леонид Кравчук, занимавший до отъезда Ивашки скромный пост одного из секретарей ЦК КПУ, подобно большинству республиканских лидеров, благополучно стал первым самостийным президентом.

Вот тебе и птица удачи. Знать бы, где найдешь, где потеряешь…

В какой дыре мог оказаться Ельцин, не вылези он тогда на трибуну пленума? В тьмутараканьском провинциальном обкоме? В далеком, тридесятом посольстве? В бесполезном министерстве заборостроения?

Ну да ладно: моделировать несбывшееся будущее – дело бесперспективное. История, как известно, не терпит сослагательного наклонения.

Поговорим лучше о том, что произошло в действительности. Тем более что эта самая действительность оказалась фантастичнее любых прогнозов и предсказаний.

В это трудно поверить, но 3 ноября, уже после всех скандалов, Ельцин ни с того ни с сего отправляет вдруг Горбачеву

письмо с просьбой оставить его в прежней должности.

Нормально, да? То есть сначала человек письменно просит его снять; затем устраивает *кипеж* на всю планету. А потом, как ни в чем не бывало, говорит: не обращайте внимания, я пошутил.

«Воспринять логику его поведения было просто невозможно, – подтверждает Горбачев. – Отменить решение пленума никто не имел права… В таких условиях попытка решить вопрос, что называется, “фуксом” была, по меньшей мере, странной».

Странной, еще как странной. Ведь, как выяснилось позднее, сразу после пленума Ельцин попросил секретарей МГК собраться без него, и бюро горкома порекомендовало забрать заявление об отставке.

Такого своеволия Горбачев спустить точно не мог. Оставить Ельцина – означало расписаться в собственной беспомощности. Этак каждый будет теперь творить все, что вздумается, устраивать бунты и мятежи, а потом, как нашкодивший школьник, смиренно просить прощения.

Не знаю уж, что заставило Ельцина вступать в переписку с генсеком. Он не мог не понимать, что назад хода нет.

На ум приходит лишь один вариант: Борис Николаевич рассчитывал *выказать* Горбачеву покорность и деятельное раскаяние. Чем черт не шутит: может, зачтется это, подкинут ему какую-нибудь приличную должность. Все одно – лучше, чем возвращаться на стройку.

Так оно, собственно, и случилось. Из кандидатов в члены Политбюро Ельцина убрали лишь в феврале – через три месяца. И работенку непыльную тоже нашли: *союзного* министра. Ответственности – ноль, зато почета и респекта – с избытком.

Впрочем, о столь благоприятном для себя исходе Борис Николаевич тогда еще не ведал. Напротив, он всячески терзался и мучался горбачевским молчанием, ведь на письмо его генсек никак не ответил.

Ельцин воспринял это как недобрый знак. Его охватила тяжелейшая депрессия. (И это, кстати, лишний раз доказывает, что знаменитое октябрьское выступление с Горбачевым согласовано не было.)

Правда, у него была возможность поговорить с генсеком напрямую – 7 ноября он, еще не изгнанный из Политбюро, вместе со всем ареопагом поднимался на трибуну Мавзолея, приветствовал колонны трудящихся – но вновь, как и в истории с октябрьским пленумом, Ельцин почему-то избегает прямых диалогов.

А 9 ноября он пытается… покончить жизнь самоубийством.

Или – не покончить. Подать, например, сигнал бедствия, заставить обратить на себя внимание, ибо жалость на Руси способна творить чудеса…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

К суицидальному поведению относят мысли, намерения, высказывания и действия, направленные на совершение самоубийства. В некоторых случаях суицидальные действия мотивированы необходимостью обратить на себя внимание и представляют собой как бы крик о помощи. Попытки с такой мотивацией редко заканчиваются смертью, так как совершающие их лица предпринимают защитные действия, например, не вскрывают вены, а совершают не опасные для здоровья порезы. В любом случае, попытка суицида – пример прямого аутодеструктивного поведения. Мысли о смерти – один из наиболее серьезных симптомов депрессии.

Обстоятельства того странного суицида мы подробно осветим чуть позже; тут есть, о чем поговорить и поразмыслить…

Пока же ограничусь лишь упоминанием, что был он госпитализирован, помещен в ЦКБ, и врачи констатировали, что опасности для жизни никакой нет. После чего прямо из больничной палаты, по настоянию Горбачева, его привезли на пленум МГК, где состоялся очередной акт политической трагикомедии. Было это 11 ноября…

От октябрьского пленума столичное *мероприятие* отличалось разве что масштабами.

Та же вереница ораторов, те же пылкие осуждения под пристальными взорами Горбачева и Лигачева (они специально пожаловали на пленум: насладиться триумфом).

Московских аппаратчиков особо не пришлось настраивать против бывшего вожака. За два года правления Ельцин нажил слишком много врагов и недоброжелателей. Еще вчера все они были вынуждены таиться, безмолвно сносить унижения и обиды. Но едва раздался повелительный окрик – «Ату!» – как радостное чиновничество тут же ринулось топтать недавнего повелителя. Даже Горбачев вынужден был потом признавать: «В ряде выступлений явно сквозили мотивы мстительности и злорадства».

(Впрочем, если б к Ельцину относились иначе, исход все равно был бы тем же. Испокон веку нет на Руси занятия увлекательнее, чем сбрасывать в реки вчерашних идолов.)

Вот лишь несколько образчиков тех гневных *эскапад* , брошенных с трибуны горкомовского пленума:

Первый секретарь Ворошиловского райкома А. Земсков:

«Единоличность решений, изоляция от партийного актива, от членов городского комитета партии, от секретарей райкомов – вот призма, через которую нужно рассматривать его деятельность».

Первый секретарь Кировского райкома И. Головков: «… пренебрежение принципами преемственности, неумение дорожить людьми, отсутствие должного такта и уважения к кадрам, недостаточное терпение и терпимость».

Первый секретарь Бауманского райкома А. Николаев: «Очень быстро товарищ Ельцин обрел тот самый начальственный синдром, против которого он гневно выступал на съезде партии. Вот разрыв между словами и реальными делами. Быстро уверовал в свою непогрешимость, отгородил себя от партийного актива».

Зам. председателя исполкома Моссовета В. Жаров: «Кадровые замены превратились в спортивные соревнования, о которых нам докладывали: на одном активе сменили 30 процентов первых секретарей, на другом – уже 50, на третьем – уже до 80 доехали».

Член горкома Ф. Козырев-Даль: «На вооружение брались только разрушительные действия. Товарищ Ельцин уверовал в свою безнаказанность, поставил себя в исключительное положение, когда, распоряжаясь единолично судьбами людей, он не нес никакой ответственности ни перед ними, ни перед ЦК КПСС».

Как и на пленуме ЦК, ни один из выступавших, даже те, кто были вознесены им к власти, в защиту Ельцина не сказали ни слова. Это было для него гигантским потрясением.

«Он думал, что будут просить, поднимется вся Москва, все первые секретари, которых он поставил, – вспоминает редактор “Московской правды” Михаил Полторанин. – Но этого не случилось, стал получать “по ушам” от людей, от которых этого не ожидал, поднимал глаза и ошарашенно смотрел на вчерашнего своего приближенного, который сегодня нес его по кочкам».

Последний 1-й секретарь МГК Юрий Прокофьев пишет, что «это единодушие стало неожиданностью и для самого Ельцина. Он, ошеломленный, весь почернел и уже не мог ничего говорить».

(Сам Прокофьев выступал еще *пламеннее* прочих, жалуясь, как несправедливо с ним обошлись. Эти стенания произвели на Горбачева с Лигачевым благоприятное впечатление. Через 2 года Прокофьев займет просторный ельцинский кабинет.)

Прокофьев, разумеется, лукавит. «Почернел» Борис Николаевич вовсе не от «единодушия», или, точнее, не столько от него, сколько от баралгина, которым щедро обкололи его врачи. Обычно препарат этот действует, как болеутоляющее, но в больших масштабах он вызывает торможение мозга.

«Доктор влил в Ельцина почти смертельную дозу баралгина, – вспоминал позднее Александр Коржаков, находившийся в палате рядом с шефом все дни. – Борис Николаевич перестал реагировать на окружающих и напоминал загипнотизированного лунатика. В таком состоянии он и выступил. Кратко и без бумажки. Когда же прочитал в газетах произнесенную на московском пленуме речь, испытал шок. Отказывался верить, что всю эту галиматью произнес с трибуны лично, без подсказок со стороны».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

БАРАЛГИН – комбинированный препарат, действие которого обусловлено свойствами входящих в него компонентов. Наряду с обезболивающим действием препарат устраняет спазмы сосудов и гладкой мускулатуры внутренних органов, часто возникающие во время «ломки».

Я уже упоминал прежде, что Коржакова трудно упрекнуть в пристрастности к бывшему начальнику: скорее, наоборот. Тем не менее пассаж этот – про «загипнотизированного лунатика» – вызывает самые серьезные сомнения.

И не то чтобы Коржаков выгораживал патрона. Просто он мог попасться на ту же ельцинскую удочку, на каковую попались все остальные его сподвижники и поклонники. Коржаков ведь не присутствовал на самом пленуме, а, значит, детали его знает исключительно со слов своего патрона. Как, впрочем, и мы с вами.[6]

Это очень удобная отговорка: публичное покаяние, мол (второе, кстати, по счету), произошло не по причине его слабости и лицемерия, а из-за козней врачей-вредителей. Обкололи бедолагу. Затормозили сознание. Превратили в этакого биоробота. Типичные убийцы в белых халатах!

Вот, что пишет сам *больной* :

«Если бы я не был под таким наркозом, конечно, начал бы сражаться, опровергать ложь, доказывать подлость выступающих – именно подлость! С одной стороны, я винил врачей, что они разрешили вытащить меня сюда, с другой стороны, они накачали меня лекарствами так, что я практически ничего не воспринимал…»

Итак, запомним: Ельцин, точно унтер-офицерская вдова, принародно выпорол сам себя, потому как ничего не «воспринимал» и был зомбирован. Доклад при этом, если верить Коржакову, произнес он без бумажки.

А теперь – внимание – вот он, этот самый злополучный

доклад. Я специально прочитал его вслух, засекая время. Получилось – четыре минуты с хвостиком.

То есть четыре с лишним минуты *обколотый лунатик* без шпаргалки, с ходу, произносил осмысленную, связную речь, да еще со ссылками на предыдущих ораторов. Причем речь – весьма грамотную, с необходимым самобичеванием, извинениями и славословицами в адрес дорогого Михаила Сергеевича, «авторитет которого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире».

Вы в это можете поверить? Я, например, нет.

Когда люди находятся в прострации, они не то что доклада – двух слов не могут связать. Попробуйте поставить на трибуну какого-нибудь пьяного или *обдолбанного* гражданина, и посмотрите, чего он вам наговорит.

А здесь? Любо-дорого смотреть!

Полагаю, имеет смысл привести этот уникальный документ целиком и вам тогда станет все окончательно ясно.

> Из выступления Б. Ельцина на пленуме МГК КПСС. 11 ноября 1987 г.
>
> «Я думаю, нет необходимости давать здесь себе оценку, поскольку мой поступок просто **непредсказуем** (здесь и далее выделено мной.– Авт.) Я и сегодня, и на пленуме Центрального Комитета, и на Политбюро, и на бюро горкома, и на нынешнем пленуме много выслушал того, что я не выслушивал за всю свою жизнь. Может быть, это явилось в какой-то степени причиной того, что произошло.
>
> Я только хочу здесь твердо заверить и сказать, Михаил Сергеевич, вам и членам Политбюро и секретарям ЦК, здесь присутствующим, и членам горкома партии, всем тем, кто сегодня на пленуме горкома, первое: я **честное партийное слово даю**, конечно, **никаких умыслов я не имел** и политической направленности в моем выступлении не было.
>
> Второе: **я согласен** сегодня **скритикой**, которая была высказана. Наверное, товарищ Елисеев (ректор МВТУ им. Баумана. – Авт.) сказал правильно – если бы это было раньше, то было бы на пользу.
>
> Я должен сказать, что я верю, убежден **по-партийному** абсолютно в **генеральной линии партии**, в **решениях XXVII съезда**. Я абсолютно **убежден в перестройке** и в том, что как бы она трудно ни шла, она все равно победит. Другое дело, что она, и в этом тогда

действительно у нас были разные нюансы ее оценок, она по разным регионам и даже по разным организациям идет по-разному. Но, конечно, **я в перестройку верю**, и здесь не может быть никаких сомнений. Я перед вами, коммунистами, проработавшими два года вместе в партийной организации, заявляю **абсолютно честно**. И любой мой поступок, который будет противоречить этому моему заявлению, конечно, должен привести к **исключению из партии**.

В начале прошлого года я был рекомендован Политбюро и избран здесь на пленуме первым секретарем горкома партии, формировалось бюро. И надо сказать, бюро работало очень плодотворно. Сформировался исполком Моссовета, в основном я имею в виду председателя, его заместителей, которые, конечно, и это отмечали многие, стали заниматься конкретной работой. Но, начиная примерно с начала этого года, я стал замечать, что **у меня получается плохо**.

Вы помните, мы на пленуме городского комитета партии говорили о том, что надо каждому руководителю, если у него не получается, тогда честно сказать, прийти и честно сказать в свой вышестоящий партийный орган, что у меня не получается. Но здесь, конечно, была тоже **тактическая ошибка**. Видимо, это было связано с перегрузкой и прочим. Но оно действительно стало получаться у меня, я не могу сказать про все бюро, **стало получаться в работе хуже**. Сегодня, пожалуй, наиболее четко это выразилось в том, что **легче было давать обещания** и разрабатывать комплексные программы, **чем затем их реализовывать**. Это, во-первых. И, во-вторых, именно в этот период, то есть в последнее время, сработало одно из главных моих личных качеств – это **амбиция**, о чем сегодня говорили. Я **пытался с ней бороться**, но, к сожалению, **безуспешно**.

Главное сейчас для меня, как для **коммуниста** Московской организации, – это, конечно, что же все-таки сделать, какое решение принять, чтобы меньше было **ущерба для Московской организации**. Конечно, ущерб он есть, и **ущерб нанесен**, и трудно будет новому первому секретарю городского комитета партии, бюро и городскому комитету партии сделать так, чтобы вот эту **рану**, которая нанесена, этот ущерб, который нанесен, и не только Московской организации, чтобы **залечить** ее

делом как можно быстрее.

Я не могу согласиться с тем, что я не люблю Москву. Сработали другие обстоятельства, но нет, я успел полюбить Москву, и старался сделать все, чтобы те недостатки, которые были раньше, как-то устранить.

Мне было сегодня особенно тяжело слушать тех товарищей по партии, с которыми я работал два года, очень конкретную критику, и я бы сказал, что **ничего опровергнуть из этого не могу**.

И не потому, что надо бить себя в грудь, поскольку вы понимаете, что **я потерял как коммунист политическое лицо руководителя**. Я очень **виновен перед Московской партийной организацией**, очень виновен перед горкомом партии, перед вами, конечно, перед бюро и, конечно, я очень **виновен лично перед Михаилом Сергеевичем Горбачевым**, **авторитеткоторого так высок в нашей организации, в нашей стране и во всем мире**.

И я, как **коммунист**, уверен, что **Московская организацияедина с Центральным Комитетом**партии, и она очень уверенно шла и **пойдет за Центральным Комитетом** партии».

Я сознательно выделил многочисленные примеры ельцинского самоуничижения. Такое чувство, что это не доклад народного трибуна, а последнее слово подсудимого, молящего о пощаде. И уж точно – он никак не смахивает на беспомощное бормотание зомби-лунатика. Слишком складно и грамотно для человека, пребывающего в прострации.

В чем же дело? Да все очень просто. С покаянной речью выступал один Ельцин, которого народ практически не знает. Это Ельцин – функционер, расчетливый и циничный аппаратчик, выпрашивающий себе подачку в виде какой-нибудь должности.

А слухи о врачах-вредителях распускал уже совсем другой Ельцин: герой и фрондер, бесстрашный оппозиционер. Ему ведь надо было как-то объяснить собственное поведение, совершенно не вписывающееся в рамке вылепленного им образа. Ради этого уместно абсолютно все, любые, даже самые бредовые версии.

Подобное совершенно в стиле Бориса Николаевича. Одним махом он любит убивать сразу двух (или трех: сколько получится) зайцев. И промашку свою оправдать. И популярности прибавить, ибо история с врачами-отравителями – лежит прямо-таки в русле его личного PR. Наряду с таинственными злодеями, скинувшими Ельцина с моста, хулиганами в штатском, чуть не зарезавшими

его на улице и телевизионными вредителями, пустившими выступление нашего героя в Америке с другой скоростью, отчего выглядел он пьяным идиотиком. (Окружение Ельцина называло это «эффектом Буратино».)

И неважно, что истина рано или поздно вылезет наружу и вскроется тогда, что никто не сбрасывал его с моста, и не резал ножами, а под камеру угодил он, действительно, в *невменяемом* состоянии. Когда это еще будет! В политике же – главное не завтрашний день, а сегодняшний…

О чем-то подобном – другими, понятно, словами – упоминал и его многолетний помощник, покойный ныне Лев Суханов:

«В нем как будто еще жили два Ельцина: один – партийный руководитель, привыкший к власти и почестям и теряющийся, когда все это отнимают. И второй Ельцин – бунтарь, отвергающий, вернее, только начинающий отвергать правила игры, навязанные системой».

Прямо – доктор Джекил и мистер Хайд…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Раздвоение личности – психическое заболевание, болезненная расщепленность личности на две фазы, сменяющие друг друга в характере, поведении личности и не связанные между собой.

Уже через год, в ноябре 1988 года, отвечая на вопросы слушателей Высшей комсомольской школы, Ельцин так примется объяснять свое поведение.

«Врачи накачали меня лекарствами. Что в меня вливали? Разве я допустил бы ложь и клевету? Меня бы никто не сдержал! Я ринулся бы в драку, но такого бы наговорил! Говорю врачам: “Вы нарушили клятву Гиппократа!” А они мне: “У нас свой Гиппократ!”».

И впечатлительные комсомольцы только что не плачут от жалости к жертве врачебного террора.

«Не слишком ли тяжело было потрясение?» – проникновенно вопрошают они. А Ельцин с обычной скромностью им в ответ:

«Нет. А как же декабристы, революционеры?.. Я считал, что должно быть самопожертвование, тогда перестройка получит толчок».

Ни дать ни взять – Джордано Бруно…

Ясно, что никаким самопожертвованием в действиях Ельцина и не пахло. Обычная политиканская уловка.

Но своим покаянным выступлением Ельцин добился главного. Он смягчил сердце Горбачева. И хотя в своем ответном докладе тот все равно прошелся слегка по личности *обвиняемого* ,

попенял в амбициях и карьеризме, это все равно принципиально отличалось от гневной отповеди на пленуме ЦК, когда генсек не оставил от него и камня на камне.

«Наш путь нелегкий, но мы шли в гору и сейчас опираемся не на плывуны, а на твердь и поэтому выстоим! – на высокой идейно-политической ноте закончил генсек свою *тронную* речь. – Уверен, что москвичи внесут этот вклад, на который рассчитывает страна, ЦК и правительство, а мы будем вас поддерживать».

Внести-то внесут, но уже без Ельцина. Новым секретарем МГК в тот же день был утвержден секретарь ЦК Лев Зайков. А униженный и оскорбленный Борис Николаевич окончательно занемог и воротился в больницу.

Коржаков вспоминает, что был он страшно подавлен, все время лежал в постели, а если кто-то навещал его, то пожимал протянутую руку двумя холодными пальцами.

На самом деле, особого повода для депрессии у Ельцина не имелось. В своих мемуарах он благоразумно умалчивает, что еще до приснопамятного горкомовского пленума, у них состоялся телефонный разговор с Горбачевым, в котором Ельцин выторговал себе министерский портфель. Точнее, о самой телефонной беседе он упоминает, но исключительно как о примере бессердечности и жестокости. Еле живого человека стащили, дескать, с постели и привезли на Голгофу.

«Не помню в своей трудовой деятельности, чтобы кого бы то ни было – рабочего, руководителя – увезти больного из больницы, чтобы снять с работы. Это невозможно… Как бы плохо Горбачев ни относился ко мне, но поступить так – бесчеловечно, безнравственно…»

Безнравственный Горбачев, однако, воспроизводит события иначе:

«Ельцин старался выиграть время, лихорадочно искал какие-то запасные варианты поведения. Потом, когда мы стали обсуждать возможность его работы в Госстрое в ранге министра, беседа приняла деловой характер.

– Это уход с политической арены? – прозвучал полувопрос, полуутверждение.

– Сейчас вернуть тебя в сферу большой политики нельзя, – ответил я. – Но министр является членом правительства. Ты остаешься в составе ЦК КПСС. А дальше посмотрим, что и как. Жизнь продолжается».

Примерно то же рассказывает и Коржаков.

«Я сам тогда принес телефонный аппарат в постель к шефу и вышел. Из-за двери слышал, как Ельцин поддерживал разговор совершенно убитым голосом. Горбачев предложил ему должность

заместителя председателя Госстроя в ранге министра СССР. Борис Николаевич без долгих раздумий согласился».

Согласие это свидетельствует о многом. Получается, что, выходя на трибуну, Ельцин знал уже о грядущем назначении. Не бог весть, какая *морковка* , но все же лучше, чем ничего.

Может быть, потому-то столь рьяно и бросился он признаваться в бесчисленных грехах, петь осанны ЦК и генсеку.

Борис Николаевич понимал, ради чего страдает.

Ельцин приходил в себя долго: вплоть до начала 1988 года. Унижения и позор давались ему тяжело.

Но Горбачев сдержал свое обещание. 14 января Ельцин был назначен первым зампредом Госстроя СССР в ранге союзного министра. Должности такой прежде не существовало, ее придумали специально под него.

В принципе, пост этот абсурден уже сам по себе. Зампред – то есть замминистра – и он же одновременно министр. При этом Ельцин оставался еще и кандидатом в члены Политбюро, в отличие от председателя Госстроя. То есть он числился у него в заместителях, но не только не подчинялся, а, напротив, был еще и выше по положению. Натуральная *загогулина* .

Сохранилось воспоминание о первом появлении Ельцина на новом месте. Лев Суханов, сразу же и на долгие годы ставший его помощником, так описывает это эпохальное событие:

«Представьте себе такую ситуацию: на улице Пушкина (на ней находится Госстрой) и примыкающей к ней улице Москвина в одно мгновение прерывается все движение. Дается “зеленый свет” для правительственного кортежа. Все ближайшие подъезды и переулки взяты под контроль охраны… Машины подъехали к правительственному подъезду Госстроя, из ЗИЛа вышел Борис Николаевич и в сопровождении охраны поднялся на четвертый этаж. В приемную сначала вошли телохранители, за ними – Ельцин».[7]

Интересно, а на совещания к председателю Госстроя он тоже ходил в кольце охраны? И мог ли этот самый председатель без предварительного доклада являться в кабинет к своему заму?

Госстроем руководил тогда нефтяник Юрий Баталин, человек в отрасли известный. О нем говорили, как об экспериментаторе, умудрявшемся платить своим рабочим невиданные зарплаты – чуть ли не до 3 тысяч. (Это в то время, когда инженер получал 120!)

Баталин тоже был свердловчанином, и в Госстрое многие считали, что земляки обязательно найдут общий язык. Но этого не случилось.

Тот же Суханов утверждает, будто Баталин по приказу сверху начал вскоре собирать на Ельцина компромат.

«Это было несложно “расшифровать”: в глаза бросалась резкая перемена отдельных руководителей и в первую очередь – замов Баталина… “Ледниковый период” отчуждения складывался из невидимых штрихов, тонких психологических нюансов и лишь изредка прорывался откровенной враждебностью».

Вообще, насколько мне представляется, когда кому-то приказывают собирать компромат, этот кто-то обычно не подает вида и уж тем более не удаляется от *объекта* . Напротив, он всячески идет на *контакт* , пытается задружиться и сблизиться.

Если Баталин *так* исполнял данное ему поручение, значит, он попросту его саботировал. Тем более кончилось для него все довольно печально. В июле 1989 года Баталина сняли с должности и вскоре вывели из состава ЦК. Обвиняли его – негласно, конечно, – в том, что он помог Ельцину избраться народным депутатом. Правда, Борис Николаевич и его окружение о нем никогда больше не вспоминали.

Не знаю как насчет упомянутого выше «ледникового периода», но никаких препонов на новом месте Ельцину точно никто не чинил.

Он сидел в роскошном кабинете, оборудованном «тревожной кнопкой» для экстренного вызова врача. Получал специально для него приготовленное особое кремлевское питание. Да и работой его шибко не загружали.

Формально Ельцин курировал лишь три управления – научно-техническое, проектирования и нормирования. Всеми основными текущими вопросами ведал другой, *настоящий* первый зам. по фамилии Бибин.

Но даже этими, весьма необременительными заботами Борис Николаевич занимался спустя рукава.

(Когда осенью 1988 года спросили его – удовлетворен ли он своей работой в Госстрое – Ельцин резко ответил: «Нет! Желаю динамичной, интересной работы с людьми. Сейчас же на 80% работаю с бумагами».)

О каких-то значительных итогах его деятельности в Госстрое доподлинных сведений не сохранилось.

Известно, в частности, что он согласовал строительство моста через Иртыш в Семипалатинске, который местная власть пыталась *пробить* много лет. Правда, строить его начали только через десятилетие, уже в независимом Казахстане.

Еще Ельцин успел *зарубить* прокладку новой столичной трассы – Краснопресненского проспекта, который должен был влиться в только что сданное Ново-Рижское шоссе. (К трассе этой

московское правительство приступило лишь недавно.)

Вообще, насчет*зарубить* проблем у Бориса Николаевича никогда не было.

«Пройти “через Ельцина” какому-нибудь захудалому проекту было так же трудно, как вспять повернуть эти северные реки, – восторгается его помощник Суханов. – А между прочим, этот сумасшедший проект уже обсуждался в Госстрое, как и строительство промышленных предприятий на Байкале или проблемы на просадочных грунтах Атоммаша. Ельцин был категорически против этих проектов, писал докладные, звонил знакомым министрам…»

Так ли это – сказать трудно. Вполне возможно, что роль Ельцина в очередной раз преувеличивается. Борис Николаевич и его окружение частенько страдают мюнгхаузеновским синдромом.

Журналист иркутской «молодежки», бравший в 1988 году одно из первых интервью у Ельцина, вспоминает, как тот *ляпнул* , что это именно он, Борис свет Николаевич, остановил промышленные стоки в Байкал, перекрыв трубу.

«Но мы-то знали, что заслуга была не совсем его», – до сих пор удивляется иркутский (сиречь тамошний, байкальский) корреспондент.

А когда, с другой стороны, мог Ельцин заниматься текучкой, если погружен был в совсем другие проблемы.

Работавший тогда зам. начальника одного из главков Госстроя Иван Сухомлин рассказывал журналистам:

«Госстроевские дела Бориса Николаевича совершенно не интересовали. И если он что-то и делал, то – формально, не вникая в суть… На совещаниях он просто зачитывал подготовленную ему справку, давал поручения тому или другому работнику и больше не возвращался к этому вопросу… Его неделями не было в Госстрое: то болел, то ездил куда-то, то неизвестно чем занимался».

То же самое, почти слово в слово, говорит и Михаил Полторанин:

«В Госстрое он вообще не работал! Я к нему приезжал, он так радовался, что живой человек зашел».

…18 февраля 1988 года на пленуме ЦК Ельцина вывели из состава Политбюро.

«Когда утром он пришел на работу, на нем не было лица, – свидетельствует Лев Суханов. – И тем не менее нашел в себе силы и отработал целый день».

Правда, он еще остается членом ЦК и министром. Но охрану у него мгновенно отбирают, а с ЗИЛа пересаживают – о, ужас! –

на какую-то *паршивую* «Чайку».

Это изгнание как бы окончательно перерезало *пуповину* , еще соединявшую Ельцина с прежними иллюзиями. Если раньше он тешил себя разными мыслями, мог на что-то рассчитывать, надеяться, то отныне любые сомнения были отброшены вконец.

Горбачев списал его со счетов – теперь это было отчетливо ясно.

«Часто в ночные бессонные часы я вспоминаю эти тяжелые, быть может, самые тяжелые дни в моей жизни, – читаем мы на страницах “Исповеди”. – Горбачев не задвинул меня в медвежий угол, не услал в дальние страны, как это было принято при его предшественниках. Вроде бы благородно – пощадил, пожалел. Но немногие знают, какая это пытка – сидеть в мертвой тишине кабинета, в полном вакууме, сидеть и подсознательно чего-то ждать… Например, того, что этот телефон с гербом зазвонит. Или не зазвонит».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Посттравматическое стрессовое расстройство – тревожное расстройство, вызванное тяжелым, психотравмирующим событием, при котором человек неоднократно повторно переживает это событие. Это событие может воздействовать на человека длительное время, после того как оно произошло. Травматическая ситуация неоднократно переживается повторно, обычно в ночных кошмарах или ярких зрительных образах. Люди с посттравматическим стрессовым расстройством часто чувствуют свою вину. Они укоряют себя за то, что вели себя неправильно и в этой связи испытывают угрызения совести.

Вообще-то, Ельцину не пристало гневить Бога. Очутись он сам на месте Горбачева, пощады не было б никому. (Как не будет ее потом, в 1990 годы; своих политических противников Борис Николаевич не только повсеместно *давил* , но даже расстреливал из танков.)

Не в традициях *Софьи Власьевны* было щадить противников и призывать милость к падшим. Все советские вожди – от Сталина до Андропова – с оппонентами *разбирались* неизменно сурово.

Когда на июльском пленуме ЦК 1957 года – за тридцать лет до пленума *нашего* – Маленков, Молотов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов попытались *вякнуть* что-то против Хрущева, их мгновенно вывели из ЦК и демонстративно, в назидание *прочим* , сослали подальше из Москвы на постыдно-низкие должности. Премьер Маленков уехал директором ГЭС в

Усть-Каменогорск. Молотов – послом в Монголию. Каганович – управляющим трестом «Союзасбест» в Свердловск.

А миролюбивейший Леонид Ильич? Он и *симптомов* никаких дожидаться не стал. Едва только укрепился в должности, мгновенно скинул с Олимпа всех, кто хотя бы гипотетически мог угрожать его владычеству. Секретарь ЦК Шелепин – «железный Шурик» – отправился командовать профсоюзами, а потом и вовсе был задвинут в зампреды госкомитета по профтехобразованию. Председатель КГБ Семичастный до самой пенсии прозябал на должности зампредсовмина Украины. Секретарь МГК Егорычев – стал послом в Финляндии.

О методах политической *борьбы* товарища Сталина я – из приличия – даже не упоминаю.

Вот это – да. Это, действительно, *пытки.*

А Ельцин? В чем заключались его *страдания* ? В замене ЗИЛа на «Чайку»? В снятии персональной охраны? В том, что «телефон с гербом» не звонит?

Говорить о каком-то уничтожении опального трибуна – просто смешно. Пожелай система его раздавить, он непременно был бы изничтожен, ибо Горбачев вовсе не был таким уж беспомощным болтуном-либералом. Когда припирало его, он умел становиться беспощадным, бить наотмашь. Стоило, например, отставному генералу КГБ Олегу Калугину выступить с критикой в адрес бывшей своей *конторы* , генсек мгновенно разжаловал его, отобрав все заслуженные за долгие годы награды. А ведь времена стояли тогда уже куда более либеральные.

У Ельцина же не отобрали ни-че-го. Кроме реальной, а не мнимой, оставленной ему власти. Ну, так это – вполне логично.

Надо быть полным мазохистом, чтобы после всего случившегося сохранить безбашенного, непредсказуемого смутьяна подле рычагов влияния.

Но одно дело – *опала* , и совсем другое – *расправа* .

Четырьмя годами позже Ельцин обойдется с Горбачевым в сто крат безжалостней. И дня не пройдет с момента добровольно-принудительной отставки, как бывшего президента СССР не пустят даже в собственный кабинет. Там уже обоснуется новый хозяин, и Михаилу Сергеевичу униженно придется подписывать последний в своей жизни указ, прикорнув в комнатушке помощника.

И из помещения спешно созданного им Горбачев-фонда его тоже демонстративно выгонят – чуть ли не с милицией. Внешне это будет напоминать сцену из известного фильма: «А теперь – Горбатый!»…

Унижения, которым подвергнется Горбачев, не идут ни в

какое сравнение с *санкциями* против Ельцина. Небо и земля! Знай, конечно, генсек об этом наперед, сумей заглянуть он в будущее, вся история пошла бы совсем по другому пути.

В лучшем случае Ельцин уехал бы послом в какое-нибудь Буркина-Фасо и о том, что творится в Союзе, узнавал исключительно из МИДовских шифровок и сообщений ТАСС. И из ЦК вылетел бы в одно мгновение, с межгалактической скоростью.

А вместо этого сделали его министром, никакой работы демонстративно не спрашивали. Этакий свободный художник, но при должности и погонах. Делай, мол, чего пожелаешь, твори, выдумывай и пробуй. Хотя, по всем неписаным канонам, должны были, наоборот, загрузить его текучкой с головы до ног, надавать заведомо невыполнимых, провальных поручений.

Даже в рамках Госстроя сделать это было совсем нетрудно. Закрепить, например, за программой «Жилье-2000», по которой каждой советской семье к 2000 году обещано было по отдельной квартире. И все – не стало бы трибуна, сломался бы под гнетом несбыточных задач, ибо тогда уже всем было понятно, что программа эта сродни утопии. А раз завалил он важнейшее государственное дело – с легким сердцем можно уже окончательно низвергать его в тартарары.

Но вместо этого Борис Николаевич целыми днями был посвящен самому себе. Масса свободного времени позволяла ему продолжать активную общественную деятельность.

Точно Ленин, он принимает каких-то ходоков и калик-перехожих. Чтобы попасть к нему на аудиенцию, достаточно просто позвонить в приемную и попросить его помощника Льва Суханова о встрече.

«Общение с людьми, – признается Суханов, – имело для него буквально терапевтический эффект».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Истерия – термин, использующийся для обозначения своеобразного расстройства личности, в основе которого лежит демонстративность, театральность, стремление всегда быть в центре внимания. Люди с истерическими расстройствами в своих действиях рассчитывают в первую очередь на внешний эффект.

Я уже писал, что Ельцину постоянно требовалась эмоциональная подпитка. Он должен был чувствовать людское признание, массовую любовь. Без этого был он мертв и недвижим.

В дни, когда Ельцин не заряжался энергией народного почитания, смотреть на него без слез было невозможно.

Ельцинская секретарша Татьяна Пушкина вспоминает:

«Иногда во время разговора, хватался вдруг за сердце, просил вызвать медсестру, которая делала ему внутримышечные уколы, чтобы снять боль. Лекарства, которые он всегда держал наготове в столе и носил с собой в кармане, уже не помогали…

Зайдешь, бывало, а он весь согнутый сидит – значит, судьба по нему еще раз стукнула. Потом голову поднимет – взгляд тяжелый, как будто головная боль мучает. Может что швырнуть в таком состоянии. В такой момент лучше на глаза не показываться. Но даже и через двойную дверь было слышно, как бушует один в кабинете, – бьет кулачищем по столу, по стене; стены дрожали – такой грохот стоял».

«Меня все время мучили головные боли, – вынужден был признавать и сам *больной* , – почти каждую ночь. Часто приезжала “скорая помощь”, мне делали укол, на какой-то срок все успокаивалось, а потом опять».

Куда уж в таком состоянии строить каждой семье по отдельной квартире?

Вот и получается, что, пока Горбачев с компанией – плохо ли, хорошо, – но *работали* , с утра до ночи пытались чего-то добиться, поменять, выстроить, Ельцин в то же самое время заливался соловьем перед случайными посетителями или в бешенстве крушил казенную мебель. Очень удобная позиция. Критиковать других всегда проще, чем делать чего-то самому. Хотя в Госстрое СССР – без сомнения – забот имелось предостаточно.

В архиве покойного Льва Суханова сохранился один занятнейший документ: набросок ельцинского письма к предсовмина Рыжкову. (Письмо это так и не было отправлено, потому нигде и никогда не всплывало.)

На пяти листах, исписанных крупным размашистым почерком, Ельцин доказывает, что «Госстрой – это ненужная, бюрократическая надстройка», которую следует упразднить, а вместо него создать некое Бюро Совмина по строительству, разбросав добрую половину функций по другим ведомствам.

Ельцин – по-прежнему верен себе. У него всегда найдется объяснение собственной пассивности и безделья. Зачем, скажите, гореть на работе, коли «Госстрой при наличии министерств не нужен». Вот, если сократите его, внемлете моим рекомендациям – это другое дело; тогда и поговорим.

И ладно бы, не щадил он себя, пахал сутками напролет. В таком случае его очередную революционную идею еще можно было бы объяснить тем, что Ельцин болел за дело, переживал. Так нет же.

Уже цитировавшийся ельцинский сослуживец Иван Сухомлин

вспоминает, что сотрудники ведомства не могли даже пробиться к нему в кабинет по служебным вопросам. У его приемной всегда толпилась масса пришлых людей.

«Дежурный милиционер уже не в силах был остановить поток желающих попасть к Ельцину. Они в вестибюле проводили митинги, требовали, чтобы их пропустили, кричали, что у нас полицейское государство и прочее. Кончилось тем, что Баталин разрешил создать на первом этаже штаб Ельцина. Выделили огромную комнату, посадили туда человека, чтобы записывал вопросы, с какими приходили к нему».

Вот так *травля* ! Вот так *ледниковый период* !

Сохранилась масса воспоминаний журналистов о встречах с Ельциным в это время. Борис Николаевич не отказывал во взаимности никому.

Решил, например, корреспондент иркутской «молодежки» сделать интервью с «народным героем».

«Тупо беру справочник, ищу приемную Госстроя, звоню. Попадаю на его помощника Льва Суханова. Тот говорит: позвони завтра в 14.00. Завтра в 14.00 я оказался в переходе на Пушкинской, кручу диск телефона-автомата. Суханов: “Минуточку”. И вдруг на другом конце провода: “Шта-а”. Мама дорогая, Сам!?»

А вот рассказ, поведанный журналистом Виталием Москаленко, работавшим тогда в черниговской газете «Деснянская правда»:

«Написал я ему элементарное письмо, и однажды в служебный кабинет ко мне междугородний звонок – звонит помощник Ельцина Лев Евгеньевич Суханов: “Ельцин согласен дать интервью”».

Такое чувство, обратись к нему из школьной стенгазеты, даже и это не встретило бы отказа. Суханов еще бы и в учительскую перезвонил: как найти вашего редактора из 7-го «б»?

Борису Николаевичу было абсолютно все равно, перед кем выступать. Главное – процесс. Ну, и текущей работы поменьше.

Ему, точно профессиональному спортсмену, требовались постоянные тренировки для поддержания формы. Известный олимпийский принцип: не результат, а участие.

Правда, сколько бы часов не откровенничал он с журналистами, ни слова из этого в печати так и не появлялось. Уж такую роскошь Кремль мог себе еще позволить.

Уже подготовленное к публикации интервью его в «Огоньке» в последний момент было снято по команде ЦК. Не пропустили материал в «Московских новостях».

Лишь в августе 1988 года латвийская *курортная* газета

«Юрмала» отважилась напечатать ельцинское интервью, взятое у него на отдыхе.

«Мы с вами прорвали зону молчания!» – радостно воскликнул после этого Ельцин, тряся руку журналисту Александру Ольбику.

В кратчайшие сроки интервью это разошлось по всему миру. Только в Союзе его перепечатало 140 (!) изданий. В некоторых регионах тиражи взрывоопасных газет отправлялись под нож. В ГДР, приказом Хонеккера, ввоз журнала «Спутник», его опубликовавшего, был строжайше запрещен, хотя текст являлся довольно безобидным: *экспортный* вариант по указке ЦК был безжалостно купирован.

Последний факт, кстати, вновь заставляет нас вернуться к теме ельцинской травли и жестоких репрессий.

Что же это за репрессии такие, если несчастной жертве дозволяется открыто пропагандировать свои идеи и мысли?

«Прорвавший блокаду» репортер Ольбик утверждает, что в «Спутнике» – международном советском пропагандистском журнале – сенсационное интервью было напечатано по команде ЦК КПСС.

«Готовился визит Горбачева в Штаты и наверху было решено: опубликовать в “Спутнике”, так как вопросы о демократизации в партии и об отношениях Горбачев – Ельцин были одними из самых тяжелых для советского руководителя».

Странно? Еще как!

«Не будь того интервью, – заверяет Ольбик, – не будь того резонанса, не перепечатай его сотни газет, возможно, вернулся бы Ельцин в Госстрой, поработал бы тихонько годик-другой, а потом, глядишь, и пенсия, огород в шесть соток – и все. Спичка – она маленькая, но если разлито море бензина, то такой может быть пожар!»

Иными словами, Горбачев сам себе накидывал петлю на шею. Еще и табуретку из-под ног лично пытался вышибить – чтоб никого понапрасну не беспокоить.

Чего стоит только интервью, которое Ельцин дал сразу трем американским телекомпаниям – Би-би-си, Си-би-эс, Эй-би-си – где, по обыкновению, поливал он Лигачева и власть, на чем свет стоит.

Откровения эти сделаны были с ведома и дозволения Гостелерадио СССР. Больше того, именно полководцы идеологического фронта определили список телекомпаний (желающих было куда больше) и отправили корреспондентов в госстроевский кабинет.

Потом, правда, Ельцина вызывал главный партийный инквизитор Соломенцев, *сношал,* требуя объяснений, но никаких

оргвыводов сделано все равно не было…

Впору подумать о каком-то многоходовом, заумном кремлевском сценарии, по которому Ельцину отводилась роль детонатора, а Горбачеву – кукловода. Хотя смысл такой комбинации совершенно не ясен. *Что* получал с нее генсек? Разве что международные дифирамбы за свои либерализм и вольтерьянство. Глядите, его, мол, по кочкам несут, а он лишь покрякивает в ответ: давай, не боись, смелее наяривай!

Ельцина демонстрировали мировому сообществу, словно саблезубого тигра на привязи: так хозяева зоопарка предъявляют комиссии из «Гринписа» штатных хищников. И вольер – просторный, и мясо – пять раз в день. Точь-в-точь, как в естественных условиях обитания.

И все же не верится мне в такие сложные конструкции. По-моему, генсек просто недооценивал ситуацию до конца. Власть казалась ему незыблемой, вечной, и он играл с Ельциным, точно кошка с мышкой: ловил, отпускал, потом снова ловил. Вот и доигрался!

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

По мере угасания революции 1905 года, в своей борьбе с Думой за восстановление прерогатив самодержца, Николай II все более широко использовал новые способы репрезентации своего образа. Великие исторические торжества: двухсотлетие Полтавской битвы в июне 1909 года, сотая годовщина Бородинского сражения в августе 1912 года и трехсотлетие Дома Романовых в феврале – мае 1913 года – представляли царя как лидера нации. Сами церемонии и официальное описание празднеств сводили присутствие Думы к минимуму или полностью исключали таковое; они апеллировали к союзу царя и народа, к соединяющим их узам, делавшим Николая II более истинным представителем их чувств, чем избираемые ими депутаты.

Николаевская кампания достигла апогея во время празднования трехсотлетия династии в 1913 году. Во-первых, была сделана попытка более широко популяризировать образ царя, сделать его и членов его семьи частью каждодневной жизни народа. Во-вторых, были использованы печатные средства массовой информации, чтобы изобразить царя истинным представителем народа, более близким к людям и более чутким к их нуждам, нежели Дума. Портреты царя и

царской семьи помещались на новых почтовых марках, памятных монетах и китчевых сувенирах, посвященных торжествам. Фильмы знакомили массового зрителя со сценами императорских церемоний и эпизодами из прошлого России. Статьи в прессе и широко распространенная биография Николая II должны были ознакомить растущую читательскую аудиторию с подробностями официальной и частной жизни царя и представить его демократом.

В научной литературе вступление российской монархии в эру массовых коммуникаций почти не затрагивалось. Николай II порвал с традиционными формами репрезентации и перенес образ императора на рыночную площадь, в «потребительскую культуру», возникшую с ростом коммерции и промышленности. Изображение императора украшало материальные объекты, связывая его образ с областью мирского. Но предметы того же рода, что способствовали, по выражению Томаса Ричардса, усилению «приобретенной харизмы» королевы Виктории, – эти предметы могли отрицательно сказаться на харизме российского монарха. Многие из тех, кто с пиететом относился к царю, ощущали, что новые формы репрезентации подрывали достоинство государя, делая его более похожим на правителей и лидеров западных правительств.

(Из книги Ричарда Вортмана «Николай II и популяризация его образа в 1913 году»)

Одной из ключевых ошибок Горбачева стало избрание Ельцина делегатом XIX Всесоюзной партконференции. Вне всякого сомнения, произошло это с ведома Кремля. Генсек даже закрыл глаза на грубейшие нарушения процедуры.

На партийном учете Ельцин стоял в Москве. Однако столичные коммунисты отказались доверять ему делегатский мандат.

Не прошла и попытка выдвинуть его от родного Свердловска, хотя кандидатуру бывшего вожака активно поддержали крупнейшие уральские предприятия – Уралмаш, Верх-Исетский и Электромеханический заводы.

«Систему придумали такую, – возмущенно пишет Ельцин, – партийные организации выдвигают множество кандидатур, затем этот список попадает в райком партии, там его просеивают; затем в горком партии – там просеивают еще раз, наконец, в обком или

ЦК компартии республики. В узком кругу оставляли лишь тех, кто, в представлении аппарата, не подведет на конференции, будет выступать и голосовать так, как надо. Эта система действовала идеально, и фамилия Ельцин пропадала еще на подступах к главным верхам».

Возможно, так оно и было. Но тогда тем более не понятно, как ЦК пропустил его в делегаты от… Карелии, ведь даже чисто формально это было нарушением всех правил. К Карелии он имел отношение не больше, чем к островам Зеленого Мыса.

В изложении Льва Суханова, это якобы был такой дьявольский план, который придумали «манипуляторы от аппарата». Игнорировать Ельцина, как члена ЦК, они не могли, вот и включили его в карельскую делегацию, потому как ее «планировали “поднять” на балкон – своего рода Камчатку, прорваться с которой к трибуне, минуя многочисленные кордоны КГБ, было почти нереальным делом».

Не хочется в очередной (и далеко не последний) раз уличать ельцинистов в исторических подтасовках, но выхода нет. Потому как вся последующая череда событий прямо противоречит *выкладкам* Суханова.

Надо сказать, что XIX партконференция должна была стать знаковым, переломным событием. Своего рода этапом.

Ее планировали транслировать в прямом эфире на всю страну. А значит, любое острое выступление автоматически стало бы достоянием гласности.

Я сам, помню, с замиранием следил за драматичными партийными перипетиями. Всей семьей, вместе с соседями, внимали мы делегатам, боясь пропустить хоть слово, ибо интрига понятна была заранее.

К тому моменту страна уже знала, что Ельцин входит в число делегатов. От него ждали новых подвигов. Это было очевидно всем, кроме Генерального секретаря – вот уж, прости господи, дурак дураком.

К конференции Ельцин готовился серьезно. Свою будущую речь,как уверяет Суханов, он переписывал пятнадцать (!) раз, неизменно обкатывая каждый новый вариант на благодарных слушателях – родных и помощниках. Пять или шесть ночей он и вовсе не спал: волновался.

28 июля Кремлевский дворец съездов был переполнен. Ельцина, не стесняясь, разглядывали – кто в упор, кто со стороны – как заморскую, диковинную зверушку. Со времен пленума Московского горкома – уже почти полгода – на люди он не выходил.

Вместе с карельскими *товарищами* посадили его на галерку.

Впрочем, это была единственная деталь, которая совпадает с *заговорщицкой* версией Суханова. Все остальное – уже от лукавого.

По регламенту, выступление Ельцина запланировано не было. Да и с какого перепуга должно оно было там появиться; обычного рядового делегата – одного из тысяч? Доклады делали далеко не все, даже члены Политбюро.

Но Ельцину очень нужно прорваться на трибуну. Это его последний, быть может, шанс вернуться в большую политику. И он пишет в президиум записку за запиской: дайте слово.

Реакция на них – нулевая. И тогда в заключительный день конференции, 1 июля, Борис Николаевич решается на откровенный демарш. Зажав в руке делегатский мандат – точно знамя над рейхстагом – он спускается вниз, прямиком к трибуне. Сотни вспышек фотокамер сопровождают его триумфальный марш-бросок.

Но где же те самые «многочисленные кордоны КГБ», о которых беспокоился Суханов? Ау?

Да в том-то и штука, что никаких «кордонов» не было. Точнее, охрана, конечно, по углам стояла, но распространялась исключительно на журналистов и обслугу. Чисто технически было невозможно *спеленать* делегата на глазах у многотысячного зала, под стрекот видеокамер и щелканье фотоаппаратов.

Негнущейся походкой Ельцин приближается к Горбачеву. («Трибуну брал как Зимний», – не без юмора скажет он потом.) Зал замирает. Вещающий что-то оратор – секретарь Ростовского обкома Володин – прерывается на полуслове. И в этой мгновенно образовавшейся тишине раздается сиплый ельцинский голос: «Я требую дать слово для выступления. Или ставьте вопрос на голосование всей конференции».

И генсек – странное дело! – согласно кивает.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Истерический синдром чаще всего возникает в экстремальных или конфликтных ситуациях. Благодаря своей живости и экспрессивности люди с истерическим расстройством легко устанавливают отношения с окружающими. Их эмоции выглядят преувеличенными и направлены исключительно на привлечение к себе внимания.

«Пригласи Бориса Николаевича в комнату президиума, – велит Горбачев своему помощнику Болдину, – и скажи, что я дам ему слово, но пусть он присядет, а не стоит перед трибуной».

Однако Ельцин в заднюю комнату идти отказывается. Он

бесцеремонно усаживается в первый ряд и принимается терпеливо ждать. Вскоре его приглашают на *сцену* .

Ну, и где здесь зловещий заговор? Куда улетучились хитроумные интриги «манипуляторов от аппарата»?

Можно подумать, Горбачев не понимал, чем закончится выдвижение Ельцина делегатом конференции. Разумеется, понимал. Ждать от Бориса Николаевича послушания и непротивления – было бы форменной глупостью.

Зачем же тогда пустили его в зал? Зачем предоставили слово?

А как не предоставить – возражают в ответ оппоненты. Иначе, мол, неминуемо возник бы публичный скандал.

Полноте. Во-первых, скандала можно было избежать изначально. Не включать его в список делегатов, вывести из состава ЦК – и дело с концом.

А во-вторых, такой опытный аппаратчик, как Горбачев, даже в этих условиях вполне способен был обвести Ельцина вокруг пальца.

Пообещали бы ему слово в самом конце. А потом – не дали бы. Забыли. Проморгали. Для наглядности какого-нибудь клерка еще б и уволили – за нанесенную члену ЦК непоправимую обиду, но после. Когда страсти уже б улеглись.

Или же, идя навстречу его пожеланиям, вынесли бы вопрос о предоставлении трибуны на всеобщее голосование. Результат можно было предсказать заранее.

Более того. Еще заранее Горбачев отлично знал, что Ельцин полезет на трибуну.

Уже потом, после августовского путча, выяснится, что Ельцин неустанно находился под колпаком КГБ. За ним велась негласная слежка, его телефоны прослушивались, а госстроевский кабинет был напичкан «жучками».

(«Многое из того, что мы обсуждали в его кабинете, – пишет помощник Суханов, – тут же становилось достоянием “гласности”. У нас не было сомнений, что находимся в пределах досягаемости “большого уха”».)

Если учесть, что свой доклад Ельцин *обкатывал* на помощниках в кабинете пятнадцать раз – после каждой последующей правки – даже текст готовящегося выступления должен был быть известен *наверху* .

Секретарь московского горкома Юрий Прокофьев утверждает, что вечером, накануне последнего заседания ему позвонил домой второй секретарь МГК Юрий Беляков и сказал, что предполагается выступление Ельцина, и он, Беляков, «просит меня выступить против него».

То есть никакого «штурма Зимнего» и в помине не было.

Напротив, Политбюро заведомо было готово к этому марш-броску.

Но вместо этого Бориса Николаевича любезно зовут к микрофону, и даже ставят перед ним чай в подстаканнике.

Первым делом Ельцин решает расставить акценты и отыграть назад прежние ошибки. Повод для этого представился отменный. Как раз накануне один из делегатов, начальник отделения аэрогидродинамического института Загайнов довольно резко прошелся по его персоне, возмутившись, почему это Ельцин дает интервью западным журналистам, а не советской печати? Еще Загайнов коснулся истории с МГК, сказав, что «невразумительное покаяние на пленуме Московского горкома не прояснило его позиции».

«Нам хотелось бы услышать его объяснения на конференции», – от имени рядовых коммунистов объявил он. Вот уж верно – не буди лиха, пока оно тихо.

Ельцин с радостью эти объяснения дает. Он громогласно объявляет, что его интервью в советских изданиях не пропускает цензура, вот и приходится общаться с иностранными корреспондентами.

Что же касается «нечленораздельного» выступления на *расстрельном* пленуме горкома, то был он «тяжело болен, прикован к кровати», врачи «накачали лекарствами», «и на этом пленуме я сидел, но что-то ощущать не мог, а говорить практически тем более».

Покончив со вступлением, Борис Николаевич переходит, собственно, к основной части доклада – той, что писана-переписана 15 раз.

Он вновь в своем привычном обличительно-прокурорском амплуа. Зал цепенеет, слушая его *эскапады* , время от времени взрываясь аплодисментами.

Ельцин говорит, что аппарат ЦК не перестроился, партия отстает от народа. Выборы руководителей, в том числе секретарей ЦК и генсека, должны быть всеобщими, прямыми и тайными, с четким ограничением возраста – до 65 лет – причем с уходом генерального, должно меняться и все Политбюро.

Под гул аплодисментов он предлагает незамедлительно избавиться от старого балласта, «доголосовавшегося до пятой звезды и кризиса общества», в разы сократить аппарат, ликвидировав, в частности, отраслевые отделы ЦК. Партия обязана стать открытой, с прозрачным бюджетом и свободой мнений.

Особый ажиотаж вызвали его обвинения в тотальной коррупции и чрезмерности привилегий большевистской верхушки

– «если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения».

«За 70 лет мы не решили главных вопросов, – бросает Ельцин, – накормить и одеть народ, обеспечить сферу услуг, решить социальные вопросы».

В эти минуты к экранам телевизоров, к динамикам радиоприемников прильнули миллионы людей. Ельцин говорил ровно то, о чем думал практически каждый, только публично не решался признать.

Это был истинный его звездный час, и он сам, почувствовав это, решил напоследок поставить эффектную точку.

«ЕЛЬЦИН: Товарищи делегаты! Щепетильный вопрос. Я хотел обратиться только по вопросу политической реабилитации меня лично после октябрьского пленума ЦК».

В зале поднимается шум, и Борис Николаевич, как профессиональный оратор, делает изысканный ход.

«Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда все», – разводит он руками и собирается как бы сойти с трибуны, но в дело вмешивается Горбачев.

«ГОРБАЧЕВ: Борис Николаевич, говори, просят. (Аплодисменты.) Я думаю, давайте мы с дела Ельцина снимем тайну. Пусть все, что считает Борис Николаевич сказать, скажет. А если что у нас с вами появится, тоже можно сказать. Пожалуйста, Борис Николаевич».

Генсек мало чем рисковал. Опыт октябрьского пленума и горкомовского аутодафе показывал, что по первому же мановению его руки сотни политически чутких партийцев рванут на трибуну и вновь начнут втаптывать ослушника в грязь. Каждое сказанное Ельциным слово легко может быть использовано против него. И Михаил Сергеевич, в добродушной манере, делает широкий, радушный жест.

В своей короткой, эмоциональной речи Ельцин просит отменить решение октябрьского пленума, в котором выступление его признавалось ошибочным.

Куда девалась прежняя его покаянная робость. Теперь он заявляет, что все сказанное им в октябре подтверждается самой жизнью. Единственной своей ошибкой Ельцин называет лишь момент выступления – канун 70-летия Октября. То есть претензии могут быть исключительно к форме, но никак не к содержанию.

«Это будет в духе перестройки, – восклицает Ельцин, – это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям».

Эвон как! Получается, речь идет не о частном случае, не о

конкретном выступлении и отдельно взятом партийце: о судьбе перестройки в целом. Перефразируя Людовика XIV, Борис Николаевич вполне мог бы добавить: «Перестройка – это я».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Маниакальный синдром характеризуется повышенным настроением, сочетающимся с необоснованным оптимизмом, ускоренным мышлением и чрезмерным подъемом активности. Наряду с многоречивостью отмечается переоценка собственных возможностей.

С трибуны Ельцина провожали аплодисментами. В перерыве многие подходили к нему, жали руки, выражали поддержку.

Но едва только вернулись делегаты в зал, как маховик начал закручиваться точно в обратную сторону. Повторялась история восьмимесячной давности: Ельцина ждала публичная, показательная выволочка.

Один за другим, выступавшие вновь клеймили его позором, требуя призвать к ответу зарвавшегося волюнтариста.

Приводить все эти гневные отповеди смысла, полагаю, нет, тем более ничего нового мы в них все равно не найдем. Разве что – упреки в самоубийствах московских секретарей, доведенных якобы до отчаяния.

(«Пусть товарищ Ельцин носит эту смерть у себя на сердце», – громогласно воскликнул директор завода им. Орджоникидзе Николай Чикирев, напомнив о выбросившемся из окна секретаре Киевского райкома Коровицыне: «честнейшем человеке … который не был Щелоковым, не был Рашидовым, а был преданным коммунистом».)

Самую яркую речь произнес, несомненно, злейший враг его – Егор Кузьмич Лигачев. Фраза, брошенная им тогда, навсегда осталась в истории, превратилась в идиому – «Борис, ты не прав!».

Именно так – Борис – не по имени-отчеству или по фамилии, обращался Лигачев к своему визави. В принципе, возраст это ему позволял – он был старше Ельцина на одиннадцать лет – но подобное *колхозное* панибратство сразу же вызвало у людей отторжение.

Между прочим, в официальной стенограмме знаменитой фразы этой не значится. Но многие свидетели уверяют, что выступление Лигачева было настолько эмоциональным, что стенограмму пришлось тщательно корректировать.

Конечно, по-хорошему, Лигачеву выступать не следовало. Его даже пытались удержать, переубедить. Но Егор Кузьмич был

непреклонен.

«Никакими уговорами со стороны членов Политбюро и генсека, всех нас не удалось удержать его от выхода на трибуну, – пишет член Политбюро Вадим Медведев. – Выступление было выдержано в свойственном Лигачеву наступательно-петушином духе, в стиле сложившихся “безотбойных” стереотипов и содержало в себе ряд некорректных замечаний, набившие оскомину ссылки на блестящий томский опыт. В общем, это выступление лишь прибавило очков Ельцину».

Откровенно говоря, ничего нового Лигачев не открыл. Он лишь перечислил, подытожил весь негатив, сказанный о Ельцине за последнее время.

Для наглядности – приведу пару цитат.

«…ты, Борис, работал 9 лет секретарем обкома и прочно посадил область на талоны. Вот что значит политическая фраза и реальность. Вот что означает расхождение между словом и делом…

…плохо, когда коммунист, член ЦК, не получив поддержку партии, апеллирует к буржуазной прессе. Как из песни слов не выбросишь, так и этот факт сейчас не вычеркнешь. По-видимому, хотелось товарищу Ельцину напомнить о себе, понравиться. О таких людях говорят: никак не могут пройти мимо трибуны. Любишь же ты, Борис, чтоб все флаги к тебе ехали! Слушайте, если без конца заниматься интервью, на другое дело времени и сил не остается.

…находясь в составе Политбюро, присутствуя на его заседаниях, а заседания длятся по 8–9 и 10 часов, почти не принимал никакого участия в обсуждении жизненно важных проблем страны и в принятии решений, которых ждал весь народ. Молчал и выжидал. Чудовищно, но это факт. Разве это означает партийное товарищество, Борис?»

Оттоптавшись вволю на Ельцине, сановный докладчик перекинулся в другую крайность – начал славословить генсека и возносить перестройку, чем окончательно проиграл этот бой. Да и всю войну в целом. Отныне имя Егора Кузьмича неразрывно и прочно ассоциировалось с реакционным коммунистическим крылом. Он превратился в фигуру нарицательную, отчасти карикатурную. Престарелый большевик-догматик а-ля Суслов: разве что без калош.

«Он сам себе нанес такой сокрушительный удар, что оправиться от него уже не сможет никогда», – замечал Ельцин.

Как ни странно, из всего состава Политбюро Егор Кузьмич оказался едва ли не единственным политическим долгожителем. Он даже пережил эпоху Ельцина, ибо в 1999 году был избран в

Госдуму по списку КПРФ (его включили явно с одной только целью: насолить президенту), и на правах старейшины открывал первое пленарное заседание, сидя в президиуме рядом с Ельциным, отчего оба они удовольствия точно не испытывали…

И все же партконференция отличалась уже от октябрьского пленума. За прошедшие восемь месяцев настроения в обществе разительно поменялись, и многие сидящие в зале явно поддерживали ельцинское выступление. Один из таких сочувствующих – секретарь парткома Свердловского машиностроительного завода им. Калинина Волков даже вышел на трибуну и публично защитил бывшего вожака от нападок. Волков сказал, что Ельцин очень много сделал для Свердловской области, авторитет его в регионе и по сей день высок, а с продуктами – сегодня намного хуже, чем было при нем.

Волкова, конечно, осудили, но сути это изменить уже не могло.

А самое главное, не в пример октябрьскому пленуму, когда ельцинская речь была скрыта от общества, нынешний его марш-бросок стал уже достоянием миллионов. И Горбачев с этим ничего поделать теперь не мог.

В своих мемуарах Ельцин утверждает, что покидал партконференцию с тяжелым сердцем. Он будто бы боялся, что люди поверят в ушат вылитой на него грязи.

«Не спал две ночи подряд, переживал, думал – в чем дело, кто прав, кто не прав… Мне казалось, все кончено. Оправдываться мне негде, да я бы и не стал… Отмыться от грязи, которой меня облили, мне не удастся. Я чувствовал: они довольны, они избили меня, они победили. В тот момент у меня наступило какое-то состояние апатии. Не хотелось ни борьбы, ни объяснений, ничего, только бы все забыть, лишь бы меня оставили в покое».

Полагаю, впрочем, что мы имеем дело с очередным примером ельцинского кокетства. Переживать-то он, конечно, переживал, и ночей наверняка не спал. Но эмоции неизменно шли у него рука об руку с холодным расчетом.

Ельцин отлично понимал, что симпатии большинства будут на его стороне. Он впервые – публично, на всю страну – озвучил мысли миллионов. Что же до устроенной порки, так это еще даже лучше – обиженных у нас любят.

Очень скоро в Госстрой пошли тысячи писем и телеграмм. Ежедневно в приемную Ельцина приносили новые мешки с корреспонденцией. Люди из самых разных уголков Союза выражали ему свое сочувствие и поддержку, слали варенье и лечебные травы.

Если политической реабилитации Ельцина и не произошло,

то состоялась совсем другая, куда более, быть может, важная – народная реабилитация.

Отныне все взоры страны прикованы были не к Горбачеву, а к Ельцину, именно он становился властителем дум, выразителем народного недовольства. Борис Николаевич уверенно вырывался на передний план политической борьбы…

Увлекшись экспансией Ельцина, мы ни слова не сказали о том, что обсуждалось во Дворце съездов в принципе. А ведь на партконференции звучали важнейшие вещи.

Впервые с начала перестройки был поставлен вопрос о реформе системы власти.

К этому моменту Горбачев уже понимал абсурдность существования Советов. Депутаты не имели практически никаких полномочий. Вся реальная власть находилась в руках КПСС, а они выполняли лишь роль статистов, бросая реплики, наподобие «Кушать подано!».

И генсек предлагает затеять новую *перестройку* . Уйти от безальтернативных выборов, когда 99,9% граждан голосуют за «нерушимый блок коммунистов и беспартийных», и установить выборы альтернативные.

Конечно, инициированная Горбачевым схема была еще весьма далека от выборности в нашем сегодняшнем понимании. Его вариант отличался громоздкостью и невнятностью.

Было предложено выбирать отныне два высших органа власти – Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР.

То есть граждане сперва избирают депутатов, а те уже, из своего числа, образуют постоянно действующий двухпалатный Верховный Совет – некое подобие профессионального парламента, которого не имелось в стране с 1917 года. (Прежние депутаты работали на не освобожденной основе, и лишь изредка съезжались в Москву на сессию, подобно студентам-заочникам.)

Правда, выдвигать кандидатов в депутаты получали право лишь трудовые коллективы и общественные организации, и прежде, чем допустить их до выборов требовалось пройти через многоуровневое сито окружных собраний, где «неугодных» без труда можно было отсеивать. Принятый второпях закон процедуру эту четко не оговаривал.

Всего депутатов должно было быть 2250 *гавриков* . Треть из них – никто не выбирал: их фактически назначали от лица псевдообщественных организаций (партия, комсомол, профсоюзы). Еще две трети – избиралась по национально-территориальным округам, отражая как бы представительство регионов, и округам национальным (как сегодня сказали бы,

одномандатным). Чтобы получить заветный мандат, кандидат обязан был набрать не менее половины голосов избирателей.

И все же – это были первые за семьдесят лет более-менее демократические выборы. Такой шанс упускать было верхом безумства, и Ельцин решает принять участие в гонке.

Он мог баллотироваться во многих местах: его выдвигали чуть ли не в двухстах округах. Проще всего, конечно, было избираться ему в родной Свердловской области, но это оказалась бы слишком легкая победа.

Ельцин не хотел возвращаться в политику с черного входа, точно по блату. Он жаждал триумфального похода, чтобы ни одна сволочь не могла потом попрекнуть его былыми заслугами.

И он решает замахнуться на максимально неприступную высоту – на Москву.

Московский национально-территориальный округ № 1 был самым большим в стране – более шести миллионов избирателей. Отправляясь его покорять, Ельцин здорово рисковал. Он боялся, что его снимут с дистанции, отсеют на полдороге, поэтому, на всякий пожарный, подстраховался: его выдвинули еще по нескольким территориальным округам – в Москве и Свердловске.

Всю свою жизнь Борис Николаевич строил в точном соответствии с гимном родного Уральского «политеха»:

> С крепкими, проверенными нервами,
> Бурям и невзгодам вопреки,
> Мы всегда и всюду были первыми,
> Милого УПИ выпускники.

Да и слишком глубоко засел в памяти «милого УПИ выпускника» брошенный на октябрьском пленуме упрек – «Не полюбил ты, Борис Николаевич, Москву».

> МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ
>
> Навязчивые состояния – характеризуются непроизвольным и непреодолимым возникновением мыслей. При навязчивых сомнениях преобладают неотвязные мысли о правильности уже принятых решений или совершенных действий.

И вновь возвращаемся мы к вопросу, который разбирали уже не раз: а что же Кремль? Как допустил он, чтобы человека, закусившего уже удила, выбрали депутатом, да еще от главного округа Союза?

Нельзя сказать, что победа досталась Ельцину совсем без боя.

Только ухищрения все, предпринятые властью, выглядят довольно смехотворными.

Ну, попытались на мартовском пленуме ЦК 1989 года уличить его в двуличности и антипартийности; даже дело персональное состряпали, пленум специально продлили еще на один день… Ну, взялись провалить его кандидатуру на собрании по выдвижению московских кандидатов.

И что?

Комиссия, собранная с явной подачи Лигачева, к работе так и не приступила: только популярности Ельцину добавила.

А на окружном собрании, где требовалось отсеять всех аутсайдеров, оставив лишь двоих кандидатов, космонавт Георгий Гречко, на которого делалась основная ставка, демонстративно взял самоотвод в пользу Ельцина.

(В «Исповеди…» Борис Николаевич называет этот космонавтский фортель «сюрпризом», уверяя, что тот подошел к нему лишь перед началом собрания, сказав, что «сражаться со мной… не хочет». Однако Лев Демидов, один из девяти ельцинских доверенных лиц на тех выборах, утверждает обратное: с Гречко обо всем договорились заранее.)

«Растерявшаяся партия и ее боевой отряд КГБ дали откровенную промашку, – с победительной снисходительностью сообщает Лев Суханов, – и будь они понаглее, и будь у них тогда настоящие лидеры, не надо было бы, спустя три года, творить государственный переворот».

Ой ли? У власти оставалось еще достаточно рычагов, чтобы смести с дороги всякого. Вопрос лишь в том, насколько она этого действительно хотела.

Судя по происходящим событиям, борьба против Ельцина носила характер чисто инерционный. Чиновники работали откровенно халатно, спустя рукава, для галочки. И никто их за это не одергивал.

Тот же Лев Демидов рассказывал мне, например, что в горкоме создали специальную *подрывную* группу, которая неотступно следовала за опальным кандидатом и пыталась срывать его встречи с населением. Но людей включали в эту группу по разнарядке – каждый райком должен был делегировать энное число партийцев – и уже хотя бы потому никакого рвения они не испытывали. Некоторые даже подходили к Демидову и виновато каялись: вы уж на нас не обижайтесь; не корысти ради…

Неужели в девятимиллионной Москве невозможно было найти хотя бы одного всенародно признанного авторитета, способного составить Ельцину конкуренцию? Никогда не поверю.

Но его попросту не искали. Вот и получилось, что на

финишную прямую из 32 потенциальных кандидатов вышли Ельцин и директор ЗИЛа Евгений Браков.

Для любого политтехнолога исход битвы понятен заранее. Без малого девяносто процентов избирателей – 5 миллионов 117 тысяч 745 человек–отдали свое предпочтение опальному борцу. Было это 26 марта 1989 года.

Такой сокрушительной победы не ожидал никто, в том числе и сам радостный победитель.

Через день после выборов Политбюро собралось на экстренное заседание. «Настроение у большинства было угнетенное, – свидетельствует Горбачев, – в воздухе висело – провал».

Не один только Ельцин поперек воле Кремля прорвался наверх. В десятках регионов секретари обкомов и крайкомов, крупные чиновники, генералы потерпели унизительное поражение.

Провалились все 14 командующих войсками округов, 30 секретарей обкомов и горкомов. В Ленинграде из семи партийных вождей не прошел ни один. Против московских кандидатур единодушно проголосовала Прибалтика.

Власть хотела провалить своих оппонентов, но вместо этого с позором *провалилась* сама. И винить за это было некого.

«В Москве не из-за дефицита мяса Ельцину отдали 90 процентов голосов, – вынужден был признавать на Политбюро его давний недруг Рыжков, – мясо в столице есть. Мы… сами допустили ошибки».

Поразительнее всего, что ошибки на этом почему-то не закончились. Со стороны казалось, что Горбачев делал все возможное, дабы поднять, возвысить Ельцина; он будто постоянно отдавал ему пасы, не забить которые было невозможно по определению.

Как понимать, например, тот удивительный факт, что Ельцину никто не помешал пройти в Верховный Совет – сиречь в орган постоянно действующий, хотя вполне можно было его забаллотировать и оставить рядовым депутатом. (Большинство голосов было ведь у Горбачева.)

Причем избрание это, как и в истории с выдвижением на партконференцию, происходило в нарушение всех формальностей.

От РСФСР в Совет Национальностей могло попасть только 11 депутатов. Ельцин оказался двенадцатым. И тогда свой мандат уступает ему один из одиннадцати счастливчиков – омский доцент Алексей Казанник, будущий российский генпрокурор.

Никаких проблем опротестовать схему эту – не было. Мандат

– все-таки не пол-литра, его кому попало не передают. Но Горбачев почему-то опять смолчал.

Обратимся к официальному документу – стенограмме пятого заседания Съезда (29 мая 1989 года). Председательствует – Горбачев.

«ПОПОВ Г. Х. (депутат от Союза научных и инженерных обществ СССР):

Как вы знаете, при выборах депутатов в Верховный Совет СССР от Российской Федерации было выделено 11 мест, как и положено по Конституции. На эти 11 мест было предложено 12 кандидатов. Последним по числу голосов оказался Борис Николаевич Ельцин, хотя он и набрал больше 50 процентов голосов, то есть мог бы проходить.

В тот же день, как вы знаете тоже, два депутата всеми нами любимого Ленинграда товарищи Собчак и Денисов уже выдвигали идею выйти из Верховного Совета для того, чтобы решить проблему Нагорного Карабаха…

И я хотел сказать, что такой же пример, как пример ленинградцев, теперь уже продемонстрировали представители нашей славной Сибири, депутат Казанник Алексей Иванович, которому я попрошу сейчас предоставить слово, депутат от Омского национально-территориального избирательного округа, доцент Омского государственного университета. Он вошел в список одиннадцати победивших депутатов, просит рассмотреть вопрос о снятии своей кандидатуры из Совета Национальностей с тем, чтобы тогда следующим по большинству голосов в Совет Национальностей вошел Борис Николаевич Ельцин. Спасибо.

(Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Товарищ Казанник, вы хотите высказаться? Подтвердите ли?

(Аплодисменты.)

КАЗАННИК А. И. (Омский национально-территориальный избирательный округ РСФСР). Уважаемые товарищи депутаты! Дело в том, что я сам свою кандидатуру предлагал в качестве альтернативной. И трижды выступал на совещании представителей с просьбой, чтобы включили меня в состав Верховного Совета СССР. Я действительно говорю, что я очень хочу

работать. Дело в том, что я юрист и намерен был трудиться в профессионально грамотном Верховном Совете СССР. Я говорю, что мне интересно работать именно в первый год, поскольку будут приниматься важнейшие пятьдесят законов, которые будут определять судьбу нашей страны, может быть, и до 2000 года. Но когда прошли выборы в Верховный Совет СССР и я посмотрел, что мы в силу своей политической близорукости «зарубили» выдающихся ученых, что мы в силу своей недальновидности не пропустили туда политиков, я принял, на мой взгляд, единственно правильное решение о том, чтобы в Верховном Совете СССР, а точнее в Совете Национальностей, работал Борис Николаевич Ельцин.

(Аплодисменты.)

Если бы я был первым секретарем обкома партии, я мог бы не принимать это решение и смело вернулся бы к себе на родину, отгородился бы в обкоме частоколом милиционеров, и ко мне бы не попал ни один избиратель. А мне так возвращаться… будет стыдно смотреть им в глаза. Поэтому я прошу вас включить без голосования в состав Совета Национальностей Бориса Николаевича Ельцина, только на этих условиях я снимаю свою кандидатуру, только на этих условиях. Я опасаюсь, товарищи, что если назначат повторное голосование, то Бориса Николаевича опять «завалят», а это совершенно недопустимо. Так я смотрю на эти проблемы.

(Аплодисменты.)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Товарищи, ну я не очень большой юрист, и поэтому нужна консультация, можем мы это сделать или нет? То, что мы можем принять заявление о сложении полномочий депутата, – это, я уверен, мы можем сделать. А вот можем ли мы на освободившееся место в Совете Национальностей от России просто засчитать итоги предыдущего голосования, я не уверен.

(Шум в зале.)

Подождите, надо же, чтобы мы, делая дело, не сотворили глупость какую-то. Поэтому я прошу или дать возможность к завтрашнему дню эту проблему изучить и внести на рассмотрение, или, если что-то кому-то ясно, высказать на этот счет соображения. Товарищ Собчак? Пожалуйста.

ИЗ ЗАЛА:

Вы поддерживаете?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ:

Я в принципе поддерживаю такое предложение.

СОБЧАК А. А. (Василеостровский территориальный избирательный округ, г. Ленинград).

Я считаю, что товарищ Казанник допустил здесь одну серьезную юридическую ошибку. Она состоит в том, что любой избранный депутат может отвести свою кандидатуру и взять самоотвод из состава Верховного Совета, но, безусловно, никаких условий при самоотводе депутат ставить не вправе. Это, так сказать, и наше законодательство, и мировая юридическая практика. Поэтому мы сейчас можем обсудить самоотвод товарища Казанника только при одном условии, что он снимает вот это условие, что он этот самоотвод берет только при том условии, что товарищ Ельцин станет вместо него членом Совета Национальностей. Это первый вопрос.

Второй вопрос. Вопрос о том, кто должен занять освободившееся в результате самоотвода товарища Казанника место в Совете Национальностей. Прямо в нашем законодательстве этот вопрос не решен, потому что вся предыдущая практика выборов Верховного Совета просто исключала подобную ситуацию.

Мировая юридическая практика различна в разных странах, но по преимуществу решение вопроса следующее. Здесь возможно только два варианта. Если берется самоотвод, то следующий за отведенным кандидат, набравший наибольшее число голосов по уже проведенной процедуре голосования, становится автоматически членом соответствующего парламента или Верховного Совета.

(Аплодисменты.)

Это первый вариант. И второй вариант. Происходит голосование среди тех претендентов на эту должность, скажем, которые уже выдвигались и которые уже голосовались, и по результатам вот этого нового голосования решается вопрос о представительстве.

На мой взгляд, наиболее верной является первая процедура. И если бы мы удовлетворили безусловный самоотвод товарища Казанника, то следующим депутатом должен стать тот, кто набрал следующее количество голосов, в данном случае – безальтернативно. Но для принятия такого решения необходимо голосование Съезда, потому что, еще раз

повторяю, в нашем законодательстве ни та, ни другая процедура не предусмотрена. Поэтому нам нужно вначале решить, по какому варианту мы пойдем…»

«Я не очень большой юрист», – скромно замечает Горбачев. Хотя, полагаю, даже объема знаний, полученных им три десятка лет назад на юрфаке МГУ, вполне достаточно, чтобы сломать этот, задуманный ельцинистами сценарий.

Генсек контролировал не менее двух третей депутатского корпуса. То есть, начни он голосование заново, Ельцин остался бы далеко на обочине.

Но Горбачев на это не идет. Он, вообще, ведет себя странно. Там, где не нужно, проявляет бессмысленную жесткость, создавая Ельцину ореол мученика. А там, где твердость как раз требуется, растекается, точно кисель на тарелке.

Сначала – позволяет Ельцину войти в Совет Национальностей. Потом – избраться председателем Комитета по строительству и архитектуре, что автоматически вводило его в президиум Верховного Совета.

Если это называется политическим противостоянием, тогда я вообще ничего не понимаю в политике.

Но у Бориса Николаевича, как всегда, наготове своя, оригинальная версия. Оказывается, Горбачев специально поставил его на Комитет, дабы «утопить… в ворохе бумаг, запросов».

«Ведь у комитета нет ни штатов, ни средств, он голенький, как новорожденный ребенок, – *плачется* Ельцин в интервью, увидевшем свет зимой 1989 года. – Наверху как раз на это и рассчитывали. В жуткой текучке, в коловращении проблем, когда уж Ельцину заниматься политикой».

И дальше:

«Я просил Горбачева не назначать меня председателем этого комитета, то есть не рекомендовать. Однако он явочным порядком вынес этот вопрос на обсуждение ВС».

Вы подумайте, какая бессердечность! У генсека – ни стыда, ни совести…

А ведь Ельцин уже показывает зубы. Если прежде личности генсека он демонстративно не касался, а к 7 ноября даже прислал Горбачеву поздравительную телеграмму с пожеланием «полного осуществления в нашей стране того, о чем думал и мечтал Ленин», то теперь картина резко меняется.

Кандидатуру Ельцина выдвигают даже на должность председателя Верховного Совета – это делает свердловский депутат Геннадий Бурбулис (вскоре он станет госсекретарем

России). Правда, Борис Николаевич берет самоотвод – он ввязывается только в те битвы, из которых заведомо выходит победителем, – но это все равно *симптом* .

Да, он еще остерегается делать резкие выпады в сторону генерального. («Посмотрите, какие успехи во внешней политике – во многом благодаря его личным усилиям», – льстиво роняет Ельцин на встрече со слушателями Высшей комсомольской школы осенью 1988 года: он прекрасно знает, что запись его беседы попадет к Горбачеву на стол.) Но та безудержная, сумасшедшая жажда власти, о которой предупреждали и Рябов, и Рыжков – словом, все, кто знает его давно, – рано или поздновырвется наружу. Непременно вырвется.

Вот и сразу после избрания в Верховный Совет, он выступает с громкой обличительной речью. Ельцин говорит о процветающей коррупции, росте бедности и расслоении общества. Предлагает революционные по тем временам меры – изъять из оборота лишние деньги; предоставить союзный суверенитет союзным республикам; принять законы о бедности и пенсиях.

Но самое взрывоопасное его предложение следующее – он призывает ежегодно проводить референдум о доверии Председателю Верховного Совета СССР. Сиречь Горбачеву.

Оно, конечно, не проходит. («Первые же голосования показали, как успешно Михаил Сергеевич дирижирует съездом», – констатирует Ельцин.) Но лиха беда начало…

«Фактически эти люди заранее давали понять, что примириться с волей большинства они не намерены и будут продолжать беспощадную борьбу за власть», – пишет в мемуарах Горбачев. Но, как обычно, ничего в противовес не делает.

Поначалу на съезде Ельцин не сильно заметен. Вся страна, точно мыльный сериал, ежедневно смотрит прямую трансляцию депутатских бдений. В первые ряды вырываются здесь профессиональные ораторы-краснобаи, профессора, адвокаты. Блистают красноречием ленинградец Собчак, историк Афанасьев, экономист Попов. На их фоне Ельцин здорово проигрывает. Он похож на деревенского модника, тракториста в лакированных *прохорях* , попавшего в город и обнаружившего, что такие *прохоря* с заправленными брюками не носят уже лет двадцать.

Борис Николаевич намного косноязычнее, посконней. Но он и не рвется к депутатскому микрофону. Его сила в другом – в последовательности, внутренней мощи, аппаратном опыте.

Летом 1989 года демократически настроенные парламентарии создают межрегиональную депутатскую группу (МДГ). В ее состав вошло 270 человек.

Дабы избежать извечной интеллигентской беды – толкания

локтями, – группа решает избрать сразу пятерых сопредседателей. Ими становятся Юрий Афанасьев, Гавриил Попов, эстонский профессор Виктор Пальм, возвращенный из горьковской ссылки академик Сахаров. И Ельцин. Четыре профессора и один строитель. Компания – прямо скажем, разношерстная.

Любви промеж ними не было изначально. Это был, скорее, брак по расчету, где каждая из сторон получала недостающее.

Вдова академика Сахарова Елена Боннэр вспоминает, как муж ее тяготился сотрудничеством с Ельциным. Услышав однажды по радио, что в МДГ грядут перемены и вместо пяти сопредседателей к власти приходит один – Ельцин – он даже вздохнул с облегчением: «Вот и хорошо, мне можно уйти. Я в этой компании под руководством секретаря обкома не работаю».

Но не все разделяли подобный идеалистический подход. Однажды горбачевский помощник Георгий Шахназаров подошел во время заседания к Гавриилу Попову. «Что вы нашли в Ельцине? – откровенно поинтересовался он. – Вы же совсем разные люди».

«Народу нравится, – цинично ухмыльнулся Гавриил Харитонович. – Смел, круче всех рубит систему».

«А если он, что называется, решит пойти своим путем?»

«Мы его в таком случае просто сбросим, и все тут».

Демократы явно недооценивали Бориса Николаевича, считая его неотесанным простаком; партократом из плотников.

Из всех театров Ельцин предпочитал оперетту режиссера Курочкина. Классическую музыку – не слушал. В литературе понимал не больше, чем в высшей математике. У него, как у гоголевского Манилова, «всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на 14 странице, которую он постоянно читал уже два года»; в данном случае – роман литературного генерала Бондарева, что для либеральной интеллигенции уже само по себе вызывало пренебрежительное отторжение.[8]

Есть такой термин в карточной игре – держать за болвана. Так вот, за этого самого болвана держали они Ельцина. Но кто из них был истинным болваном, показало время.

Умные, интеллигентные, начитанные, привыкшие к накрахмаленным манишкам и консоме из фарфоровой супницы: против дра-чуна и выпивохи Ельцина эти профессора оказались пустым местом.

Большинство из них вскоре сойдет с дистанции. Из четырех сопредседателей МДГ – скоропостижно умерший Сахаров, понятно, не в счет – в большой политике не останется ни один. Афанасьев удовлетворится местом ректора Историко-архивного

института (ныне РГГУ), Попов и двух лет не просидит мэром Москвы, эстонец Пальм вернется к себе в Тарту.

И только Ельцин – барачная шпана, с перебитой оглоблей носом и сиплым испитым голосом – на долгие годы сумеет удержаться на этом чертовом колесе, именуемом властью…

Примечания Александра Коржакова

1 Про пленум он сам рассказывал, что всех раскритиковал, разнес в пух и прах. Я, мол, Райку вывел на чистую воду… «Я их там!!! Горбачева чуть инфаркт не хватил!»

И мы ему, действительно, верили. Доклада-то его нигде не печатали. Я его прочитал только сейчас, в рукописи. И вправду: ничего особенного здесь нет!

2 На пленуме МГК я, действительно, не присутствовал. Обо всем знал со слов Ельцина. Он утверждал, что его обкололи, ничего не соображал. А тут, оказывается, все так гладко и благопристойно! Одно слово – сказочник.

3 Не знаю, почему Лева Суханов считал нас во множественном числе – «в сопровождении охраны», «вошли телохранители». Ельцина всегда сопровождал только один прикрепленный. Всего нас было трое, работали посменно. Плюс – водитель с оружием, но он обязательно оставался в машине.

4 Я никогда не видел, чтобы он читал какие-нибудь серьезные книжки. Только детективы типа Чейза, да и то – на отдыхе.

Хотя дома у него была хорошая библиотека. В основном собрания сочинений. Но он получал их по выписке. Это было тогда модно и престижно.

Сомневаюсь, чтобы хоть одну из этих книг он читал…

Единственная книга, которая на моей памяти ему очень понравилась, была подарена Хазановым: томик произведений какого-то классика. Открываешь, а внутри – спрятана бутылка водки…

Глава четвертая
УТОПЛЕННИК, ИЛИ СЕНТЯБРЬСКАЯ НОЧЬ

Пришла пора поговорить о череде и поныне таинственных историй, связанных с именем Ельцина. С какой-то мистической прямо настойчивостью они сопровождали нашего героя все то время, пока двигался он к вершине власти.

Об этих загадочных, запутанных событиях мало кто вспоминает сегодня. Хотя во многом, как раз благодаря им, образ Ельцина и наполнился столь любимой в народе роковой сакральностью.

Это уже потом, в конце столетия, любой начинающий политик будет считать своим долгом пережить какое-нибудь покушение, чудесным образом спастись от неминуемой гибели.

Вспоминаю, например, жуткий детектив с популярным бизнесменом Боровым, чей «Мерседес» был расстрелян в окрестностях Ярославля, но сам он успел, под шквальным огнем, выскочить из салона и скрыться в придорожном лесу.

И неважно, что свидетелей этому покушению не было. Неважно, что экспертиза однозначно установила – стрельба велась по машине, находящейся в статичном (сиречь неподвижном) положении, никуда Боровой не убегал и, выходя из авто, сумел даже поставить ее на ручной тормоз и передачу. Неважно, что расстреляв «Мерседес» зажигательными пулями, предупредительные террористы заблаговременно открутили крышку бензобака, а саму машину Боровой успел накануне застраховать.

В массовом сознании четко закрепилась нехитрая формула: в Борового стреляли за правду – значит, он молодец. Вскоре *недострелянный* мог уже щеголять думским удостоверением.

А история другого депутата, Николая Лысенко, чей кабинет взорвали прямо в Думе опять-таки накануне выборов? Потом, правда, выяснилось, что бомбу установил он сам, и вместо нового депутатского срока Лысенко получил срок тюремный. В отличие от коммуниста Илюхина. Этого *деятеля* террористы подкараулили на лестничной клетке, когда он выносил мусорное ведро. Как был – в тренировочных штанах и тапках – Илюхин запустил пустым ведром в киллеров, те, понятно, опешили, да и ведро было пустое – примета нехорошая – так что даже в упор не смогли попасть они в жертву.

Список подобных трагикомичных, умозрительных историй можно продолжать бесконечно. В борьбе за симпатии избирателей годятся любые средства. Но первым понял эту незамысловатую истину именно будущий президент.

В конце 80-х ничего подобного страна еще не знала. Политики того времени были, как на подбор, скучными, бесцветными субъектами в одинаковых костюмах и блеклых галстуках. На них и глядеть-то без зевоты было тяжко.

И тут на авансцену выходит человек совершенно иного толка. Нестандартный, яркий, горлопан и бунтарь. Опять же – страдалец за идею.

Он первым осмелился бросить вызов системе, и за это подверг себя смертельной опасности. Его резали ножом хулиганы в штатском. Его сбрасывали с моста в реку. Таранили машинами. Всячески пытались дискредитировать, запуская, например, по центральному телевидению запись, где он, якобы пьяный вдребезги, еле ворочал языком.

Но все было Ельцину нипочем. Он шел вперед всем смертям назло, поднимаясь во весь свой высоченный рост, наперекор коммунистическим невзгодам. И чем больше *гнобили* его, тем крепче становилась народная любовь…

После скандального выступления на октябрьском пленуме над головой Ельцина сгустились тучи.

Сразу после ноябрьских праздников его должны были снимать с московского горкома.

Последний раз, 7 ноября, Борис Николаевич поднялся на трибуну Мавзолея. Со стороны было это незаметно – он так же точно, как и остальные члены Политбюро призывно размахивал шляпой, приветствуя колонны трудящихся, – но в том кругу был он уже инородным телом; живым мертвецом. Остальные вожди старались даже не смотреть в сторону вчерашнего соратника; вроде как нет его.

Я специально залез в календарь: 7 ноября приходилось в 1987 году на субботу.

Дни недели играют в этой истории принципиально важную роль. Ведь 9 ноября, при таинственных обстоятельствах, Ельцина срочно госпитализируют в ЦКБ.

9 ноября – это был, в свою очередь, понедельник. Улавливаете мою мысль?

В субботу – праздник, причем со слезами на глазах. Если для кого-то он и был торжеством, то для Ельцина являлся, скорее, трауром; своеобразными поминками. (Повторяю: в тот день в последний раз всходил он на трибуну Мавзолея.)

Мог ли Борис Николаевич его не отметить? Ясное дело: еще и *усугубил* , должно быть, снедаемый тоской и печалью. А где суббота, там и воскресенье. А в понедельник с утра – хочешь не хочешь, надо выходить на работу. И тут же увозит его, завывая сиренами, «скорая»…

«Видимо, организм не выдержал нервного напряжения, – жалуется Ельцин в мемуарах, – произошел срыв. Меня сразу накачали лекарствами, в основном успокаивающими, расслабляющими нервную систему. Врачи запретили мне вставать с постели, постоянно делали капельницы, новые уколы. Особенно тяжело было ночью, в три – пять часов я еле выдерживал эти сумасшедшие головные боли. Ко мне хотела зайти проведать жена, ее не пустили, сказали, что беспокоить нельзя, слишком плохо я себя чувствовал».

То, что Ельцин именует «нервным напряжением» и «срывом», в народе называется куда проще: похмельный синдром. Отягощенный вдобавок жуткой депрессией. В таком состоянии и на стену полезешь.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Посталкогольный синдром (алкогольная абстиненция). Обычно начинается через 12–48 часов после употребления алкоголя. Легкие симптомы включают тремор, слабость, потоотделение и тошноту. Психические расстройства выражаются в нарушениях сна, сниженном настроении с оттенком тревоги. Больной испытывает выраженное желание выпить.

Впрочем, окажись все произошедшее обычной *белочкой* – это бы еще полбеды. Но в том-то и штука, что обстоятельства этой понедельничной госпитализации выглядят намного загадочней.

По версии Ельцина и его окружения, в больницу он был увезен по причине сильных приступов головной и сердечной боли.

(Ельцинский помощник Лев Суханов уверяет, к примеру: «В конце 1987 года из-за непрекращающихся стрессов он попал в больницу».)

Стрессы, конечно, были. Но к ЦКБ никакого отношения они не имели. В больничную палату Ельцин угодил совсем по другой причине. Ввиду… попытки самоубийства.

«В первой половине дня, кажется, 9 ноября мне доложили, что в московском горкоме ЧП, – пишет Горбачев. – В комнате отдыха обнаружили окровавленного Ельцина. Сейчас там бригада врачей во главе с Чазовым. Вскоре дело прояснилось. Ельцин канцелярскими ножницами симулировал покушение на

самоубийство, по-другому оценить эти его действия было невозможно. По мнению врачей, никакой опасности для жизни рана не представляла – ножницы, скользнув по ребру, оставили кровавый след. Ельцина госпитализировали».

Крови опальный секретарь потерял изрядно, но это был, скорее, психологический эффект. Если он в самом деле решил свести счеты с жизнью, путь для этого выбран был довольно странный и бесперспективный – харакири ножницами. Дрожащей рукой он воткнул их себе в грудь.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Кровотечение – излияние крови в просвет анатомической полости или полого органа при механическом повреждении артериальных и венозных стволов, аррозии сосудов, разрыве аневризмы.

В то время 4-м Главным управлением Минздрава руководил бывший брежневский врач Евгений Чазов.

Состояние Ельцина – в первую очередь злоупотребление снотворным и алкоголем: смесь гремучая – и раньше вызывало у него тревогу. Чазов даже устроил ему консультацию опытных психиатров во главе с известным профессором, член-корром Академии медицинских наук Наджаровым.

Е. Чазов:

«Состоялся консилиум, на котором у Ельцина была констатирована появившаяся зависимость от алкоголя и обезболивающих средств… Наши рекомендации о необходимости прекратить прием алкоголя и седативных препаратов Ельцин встретил в штыки, заявив, что он совершенно здоров и в нравоучениях не нуждается. Его жена, Наина Иосифовна, поддержала нас, но на ее просьбы последовала еще более бурная и грубая по форме реакция».

Пил Борис Николаевич давно и много, еще со времен строительной молодости. Что, в принципе, не удивительно. Ритм, в котором он существовал, был невыносим для любого человека. Ельцин начинал работу в восемь, а заканчивал не раньше полуночи. Весь его день был заполнен постоянными встречами, совещаниями, поездками, выступлениями. Его «шахматка» – ежедневный график – разбивалась на каждые 15 минут.

Ельцину, кровь из носу, требовалось постоянно снимать стресс, отходить от дел, забываться хоть на короткое время. И нет здесь средства лучше выпивки. (Разве только наркотики.)

Очень показателен рассказ бывшего его телохранителя Михаила Моржанова. Когда, уже после избрания председателем Верховного Совета, Борис Николаевич начал формировать свою

службу безопасности, Моржанов пришел на «смотрины». Отбор проводил ельцинский помощник Валентин Мамакин.

«Валентин Иванович мне говорит: “Полтинник выпьешь?”

– Выпью, – уверенно отвечаю я.

– А сто? – тоже как бы между прочим спрашивает Мамакин.

– Выпью.

– А сто пятьдесят? – уже пристально глядя на меня, интересуется.

– Выпью.

– А двести? – заинтересовался Мамакин. Я глубоко вдохнул и на выдохе выдал:

– Выпью.

– Наш человек, – решил Мамакин и отправил меня на собеседование к Ельцину».

Комментарии, полагаю, излишни. То есть главным критерием для охранника в понимании Ельцина были вовсе не профессионализм, выносливость и физическая сила, а умение пить. Короля, как известно, делает свита…

Вот в таком примерно депрессивно-похмельном состоянии, после двух выходных дней, Ельцина и находят с ножницами в груди.

Послушаем *анамнез* от Евгения Чазова:

«Это был нервный срыв, в общем понятный с учетом структуры личности Б. Ельцина, типа его нервной системы. Для такого типа превыше всего власть. Все, что на пути к ней, должно быть преодолено или сметено. В обычных условиях эту особенность человек сдерживает, контролирует. Но алкоголь, особенно если им постоянно злоупотреблять, обязательно ее выявит, доведет до состояния патологии».

Теперь вам все ясно?

> МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ
>
> Нервный срыв на почве алкогольной патологии – это вариант острого алкогольного психоза, развивающийся на пике похмельного синдрома. Характеризуется страхом, ощущением враждебности окружающего мира. Больные могут быть крайне опасны для себя и окружающих, часто пускают в ход оружие, если оно окажется под рукой.

Политбюро и Горбачеву ясно все было тоже с самого начала. Но как **донести** правду широким массам? Таких прецедентов в новейшей истории никогда не бывало: чтобы кандидат в члены Политбюро, секретарь МГК, пусть и опальный, на почве алкогольного синдрома сделал себе *харакири* ? Ладно бы пустил

пулю в лоб – это хоть выглядит благородно, по-офицерски. Но взрезать грудь канцелярскими ножницами – явно не *комильфо* .

И не то чтобы Горбачев щадил Ельцина. Уж ему-то, напротив, чрезвычайно было выгодно выставить этого бунтаря на всеобщее посмешище. Но у генсека оказались связаны руки. История с ножницами касалась не одного только Ельцина. Другим концом она прямиком била по Политбюро и генсеку. Это какие ж кадры подбирает Кремль?

Правда о суициде шла в разрез с самым главным секретом власти – с ее сакральностью. Хоть и перемалывал народ кости партийным богам, хоть и крыл, на чем свет стоит, но неизменно соблюдалась при этом некая дистанция. Те, кто сидел в Кремле, – при всех их минусах и огрехах – казались людьми иного сорта, неприступными небожителями. Все, что делали они, исполнено особого, не всегда даже понятного для простых смертных смысла.

А тут вдруг вскроется, что они не просто такие же, как мы. Они еще хуже и примитивнее. Потому как пронзить себя спьяну ножницами может исключительно алкаш дядя Вася с первого этажа, но никак не среднестатистический советский человек.

В очередной раз Горбачев оказался заложником ельцинских выходок. Он даже вынужден в тот же день экстренно собирать Политбюро, вызывать на ковер врачей. В итоге решено было не откладывать пленум горкома, но огласке крамольную историю тоже не предавать.

По официально принятой версии, которую занесли даже в историю болезни, Борис Николаевич случайно напоролся на ножницы. Он якобы потерял сознание, упал на стол, а ножницы держал в это время в руках.[9]

Прямо как в анекдоте про человека, который, согласно милицейскому протоколу, стал жертвой несчастного случая, поскользнувшись и упав на нож 18 раз кряду.

Сам Ельцин легенду эту не отрицал. Он, правда, и про ножницы тоже нигде публично не упоминал, гневно отметая любые упреки в суицидальных наклонностях. («…Я другой, мой характер не позволяет мне сдаться».)

Зато история про нервный срыв и сердечный приступ кочевала из одного его интервью в другое, как наглядное доказательство бессердечной травли, развязанной Кремлем.

Но Ельцин не был бы Ельциным, если бы ограничился малым. И параллельно – явно не без его подачи – рождается слух, будто ночью на него совершено злодейское нападение. Два бандита с финками наголо попытались *пырнуть* трибуна. Он, понятно, расшвырял их, как котят, но ножом все-таки успели его задеть.[10]

С учетом всего, что мы знаем о Ельцине теперь, рискну

предположить, что придумал эту красивую сказку Михаил Полторанин – ельцинский «Геббельс».

Самое поразительное, что люди в нее поверили, и мгновенно заподозрили в случившемся длинную руку Лубянки.

(А чью же еще? Этот синдром – тотальной *чекистскофобии* – замечательно описал мой любимый Довлатов:

«Пожар случился – КГБ тому виной. Издательство рукопись вернуло – под нажимом КГБ. Жена сбежала – не иначе, как Андропов ее ублудил. Холода наступили – знаем, откуда ветер дует!»)

Сказку про ножи Борис Николаевич, естественно, тоже не отрицал. В его «Исповеди…» есть даже короткое упоминание о ране на груди, полученной в результате столкновения с хулиганами. Иными словами, один и тот же инцидент подается им, как два совершенно разных события, и в каждом – ни слова правды…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

На самоубийство Наполеон всегда смотрел как на проявление слабости и малодушия… Но 11 апреля 1814 г., через пять дней после отречения, когда уже во дворце Фонтенебло начались сборы к выезду его на остров Эльбу, Наполеон… ушел в свои апартаменты и, как потом обнаружилось, достал пузырек с раствором опиума, лежавший у него в походном несессере, с которым он никогда не расставался. Наполеон еще в 1812 г., после сражения у Малоярославца, где ему грозила опасность попасть в плен, приказал доктору Ювану дать ему сильнодействующий яд на всякий случай и получил этот пузырек с опиумом, который и не вынимал из несессера полтора года.

Теперь, в Фонтенебло, он его вынул и выпил все содержимое. Начались страшные мучения. Коленкур, чуя недоброе, вошел к Наполеону, приняв это за внезапную болезнь, и хотел бежать за доктором, бывшим во дворце. Наполеон просил никого не звать и даже гневно приказал ему не делать этого. Спазмы были так сильны, что Коленкур все же вырвался, выбежал из комнаты и разбудил доктора, того самого Ювана, который и дал Наполеону после Малоярославца опиум. Доктор, увидя пузырек на столе, сейчас же понял в чем дело. Наполеон начал жаловаться на то, что яд слаб или выдохся, и стал повелительно требовать у доктора, чтобы он немедленно дал нового опиума. Доктор убежал из комнаты, сказав, что никогда такого преступления не сделает во второй раз.

Мучения Наполеона продолжались несколько часов, так как он отказался принять противоядие. Он категорически требовал скрыть от всех происшедшее: «Как трудно умирать! Как легко было умереть на поле битвы! Почему я не был убит в Арси-сюр-Об!» – вырвалось у него среди страшных конвульсий.

Яд не подействовал смертельно, и Наполеон с тех пор не повторял уже попытки самоубийства и никогда не вспоминал о своем покушении.

(Из книги Е. В. Тарле «Наполеон»)

Но и этого Ельцину тоже кажется мало. Уже после того, как убрали его из горкома, он выдумывает очередную эффектную легенду. Якобы врачи-убийцы, пока лежал он в больничной палате, специально обкололи бедолагу психотропными средствами, отчего ум зашел у него за разум и в таком невменяемом состоянии вытащили на пленум МГК.

Изнанку этого психотропного мифа, как бы объясняющего ельцинское самобичевание, мы подробно *вывернули* уже в предыдущей главе.

Остановимся лишь на деталях.

По версии самого Ельцина, главным виновником его мучений (помимо, конечно, Горбачева) был начальник 4-го управления Минздрава академик Чазов.

В «Президентском марафоне» читаем:

«Чазов приехал в больницу: “Михаил Сергеевич просил вас быть на пленуме МГК, это необходимо”. А умру я или не умру после этого – не важно. Меня накачали лекарствами, посадили в машину. На пленуме чувствовал себя так плохо, что казалось – умру прямо здесь, в зале заседаний.

Наина говорила: “Но как же так! Ведь он же врач!” А что врач? Врач тоже лицо подневольное. Не было тогда просто врачей, просто учителей, все, так или иначе, были солдатами партии. Солдатами государства».

Но вот, что пишет он в «Исповеди», то есть десятью годами раньше:

«Они накачали меня лекарствами так, что я практически ничего не воспринимал, и, может быть, я должен быть благодарен им за это, что они в тот момент спасли мне жизнь…».

Они – это, значит, врачи. В первую очередь Чазов. К подобным *шараханьям* Бориса Николаевича мы уже привыкли.

Ему никогда невозможно угодить. «Накачали» лекарствами – плохо. Спасли жизнь – тоже плохо.

А если б не накачали? Не спасли? Если б оставили умирать от потери крови или же раструбили на всю Ивановскую, что герой и трибун пырнул себя ножницами по пьяной лавочке?

Это было бы лучше?

Между прочим, по версии Коржакова, лошадиную дозу баралгина Ельцину вводил отнюдь не Чазов, а другой доктор – Дмитрий Нечаев.

Но о Нечаеве Борис Николаевич ни разу не упоминает. Более того, через пяток лет, даже, узнав, что человек этот стал лечащим врачом премьера Черномырдина, и не подумал требовать его увольнения.

Впрочем, Нечаев все равно проработал недолго. В апреле 1996 года, при таинственных обстоятельствах, он был застрелен наемными убийцами у подъезда собственного дома. Преступников, ясное дело, не нашли…

А так и оставшаяся загадкой история с экстренной ноябрьской госпитализацией, нападением хулиганов и врачами-вредителями стала одним из тех мифов, которые обеспечили Ельцину всенародное сочувствие, а значит, и признание…

Таинственные происшествия с Ельциным неизменно смахивают на хороший детектив. И это вполне объяснимо.

Не было в советской стране жанра более популярного. Эту метаморфозу филологам и обществоведам лишь предстоит еще разгадать, но я хорошо помню, как вымирали улицы во время показов сериала о «Знатоках» или «Мгновений», а толпа страждущих граждан сметала с прилавков любые, даже самые затрапезные, завалящие книжонки, если в них присутствовало хоть какое-то подобие детективного сюжета.

На черном рынке столицы самым котирующимся изданием был тогда сборник Агаты Кристи «Загадка Ситафорда» (как сейчас помню, в серой ледериновой обложке). Она оценивалась в баснословную сумму – сорок рублей. (У бабки моей, например, пенсия была тридцать.)

Немудрено, что детективные перипетии в судьбе Ельцина, появление завораживающих слухов о нем, мгновенно вызывало массовый ажиотаж.

Феномен Ельцина объясняется, по-моему, тем, что каждый видел в нем то, что желал увидеть. Это был собирательный образ

героя. Что-то от Иванушки Дурачка, что-то от Че Гевары, что-то от комиссара Каттани.

Кстати, знаменитый сериал «Спрут», из которого советские люди впервые узнали о существовании мафии, кажется, и появился именно в 1988 году. Это было событие национального масштаба. Конечно, и раньше киногерои стреляли друг в друга, дрались и любили роскошных красавиц. Но все это было… несерьезно, что ли.

«Спрут» знаменовал собой совершенно новую эпоху в массовой культуре. Никогда еще кровь на экране не выглядела так натуралистично.

А поскольку мы привыкли проецировать киногероев в реальную действительность, отважного комиссара Каттани невольно принялись сравнивать с Ельциным, а его злейшего врага, хитроумного адвоката Терразини – с Егором Кузьмичем Лигачевым.

Вот и то, что случилось в сентябре 1989 года, как нельзя лучше соответствовало этому «комиссарскому» имиджу. Потому как, в отличие от Италии, народных депутатов никогда прежде не сбрасывали у нас в реки завернутыми в мешок.

Эпохальное это событие произошло 28 сентября 1989 года. Вокруг него, как и вокруг ноябрьского приступа, *наверчено* тоже немало. И пришла, наконец, пора разобраться: что же стряслось тогда на самом деле…

Для начала – предоставим слово главному герою.

«Ехал к старому свердловскому другу. Недалеко от дома отпустил машину. Прошел несколько метров, вдруг сзади появилась другая машина. И… я оказался в реке. Вода была страшно холодная. Судорогой сводило ноги, я еле доплыл до берега, хотя до него несколько метров. От холода меня трясло».

В тот день, как потом выяснится, Ельцин с Полтораниным встречались с избирателями в столичном микрорайоне Раменки.

«Зал не мог вместить всех желающих, – читаем в отчете о встрече в малотиражке МИФИ «Инженер-физик«, – и жители района собрались на площади перед ДК “Высотник”, где шла трансляция… Б. Н. Ельцин отчитался по итогам своей поездки в США… высказал свое возмущение публикацией в “Правде”».

Откуда слушателям было знать, сколь драматично завершится этот вечер, который породит новые «чудовищные» обвинения в адрес их любимца.

Верный помощник и наперсник его Лев Суханов, присутствовавший на *мероприятии* , говорит, что посадил Ельцина в служебную «Волгу», а сам, с другими доверенными лицами, отправился домой. Больше *патрона* никто в тот вечер не

видел…

Л. Суханов:

«Вечером мне позвонила Наина Иосифовна и спросила – где Борис Николаевич?.. Я позвонил водителю Ельцина и попросил того объяснить ситуацию. Оказывается, он довез Бориса Николаевича до Успенских дач, где тот вышел из машины и дальше пошел пешком».

Пошел, значит, себе «к старому свердловскому другу», в правительственный дачный поселок. А около полуночи позвонил домой и дрожащим голосом попросил его забрать.

– Где ты? – враз охрипнув от ужаса, кричала в трубку Наина Иосифовна.

– На КПП в Успенском…

Встревоженная Наина Иосифовна вместе с зятем, Татьяниным мужем, орлицей ринулась на выручку супруга.

Родственники застали Ельцина на КПП. Он был вымокшим до нитки и отогревался горячим чаем, которым потчевали его милиционеры.

Тут-то и поведал он жуткую историю про таинственных злоумышленников, кинувших его в реку.

Якобы, когда от поворота на Рублевке шел он в сторону искомых дач, сзади подъехали «Жигули», и четверо выскочивших злоумышленников набросили ему на голову мешок.

«Не успел я очухаться, как меня куда-то понесли, и очнулся уже в воде, под мостом», – воспроизводит его рассказ помощник Суханов.

Мокрый и обезумевший, клацая зубами (погоды стояли зябкие), Ельцин добрел до КПП на входе в поселке.

«Ребята-милиционеры, дежурившие на посту, сразу меня узнали… Пока пил чай, который ребята мне дали… про себя ругался – до чего дошли…»

«До чего дошли» – это явный кивок в сторону Лубянки. А на кого же еще пенять? Только заплечных дел мастерам, извините уж за каламбур, по плечу такое злодейство…

Цитата из показаний милиционера отделения по охране спецдач Одинцовского УВД В. Костикова:

«28 сентября в 23 часа 15 минут совместно с сержантом милиции Макеевым А. Я. я находился у проходной госдач Успенское. Вовнутрь помещения со стороны улицы зашел народный депутат Ельцин Б. Н., одетый в костюм темного цвета, светлую рубашку. Одежда была совершенно мокрая, с нее капала вода. Мы помогли ему снять пиджак, ботинки, напоили горячим чаем…»

Как видно, *показания* Ельцина и милиционеров совпадают в

точности. Но лишь с того момента, когда *приплелся* он на КПП. Ни похищения его, ни драматического заплыва не видела ни одна живая душа. Водитель, как мы помним, уехал, высадив патрона на повороте. Милиционеры – узрели, уже полумертвого, вымокшим с головы до пят.

Все, что происходило до и после, известно со слов исключительно Бориса Николаевича, верить которому на слово – дело неблагодарное.

Что ж, попробуем сами восстановить череду событий того дня.

Итак, где-то в начале одиннадцатого вечера Ельцин уезжает из Раменок. До Успенского ехать ему недалеко – это в том же, западном направлении.

Поворот, где высадил его водитель, расположен в 18 километрах от Москвы. Время было довольно позднее, тем более – будний день, четверг. Получается, не позднее 23 часов он должен был добраться до места.

Ельцин отпускает машину на перекрестке Рублевского и 1-го Успенского шоссе. От поворота этого до проходной в Успенском – всего-ничего: метров двести. (Могу засвидетельствовать лично.)

Милиционерам, однако, он заявляет, что после чудесного спасения, «отлеживался еще около часа на берегу».

Стоп. Но ведь на КПП он пришел примерно в 23.15. То есть никакого часа на лежку у него попросту не оставалось.

Это отнюдь не единственный довод, разбивающий ельцинскую версию в прах.

Потерпевший утверждал, что сбросили его с моста. Но ближайший мост расположен примерно в километре от проходной, по другую сторону Рублево-Успенского шоссе, и высота там – запредельная: не меньше десяти-двенадцати метров.

Если б падал он оттуда, шансов на спасение у него попросту не осталось. (Местные жители рассказывали мне как-то, что один деревенский мальчишка сиганул на спор с этого моста и разбился на месте.)

Дотошные эксперты даже подсчитали потом: при ельцинском росте в 186 сантиметров и стокилограммовом весе прыжок с такой высоты должен был оказаться смертельным. Чтобы затормозить падение, избежать перелома конечностей и позвоночника, требуется как минимум 6-метровая глубина водоема. Но в этом месте она не превышала полутора метров.

Но, может быть, под мостом он подразумевал что-то иное? Например, *мостки* у пруда, что проходит по границе поселка.

Возле этого пруда, в самом деле, протекает… Как бы помягче сказать – ну типа ручеек. Так вот в одном, максимально *глубоком*

месте – это значит метр с кепкой – заботливыми жильцами, действительно, был перекинут узкий, дощатый мостик.

Мостик, правда, огорожен перилами. Чтобы упасть с него, нужно здорово постараться. Еще труднее принять его за полноценный мост, откуда сбросили тебя, точно спеленатую мумию.

Именно этот злополучный ручей и сыскал поутру будущий генерал Коржаков, когда выехал на *место преступления* .

«Следов борьбы не обнаружил. Поразило другое: глубина реки в этом месте – не более метра… а шеф рассказывал, что воды было с головой и он, пока развязывал мешок, прыжками добирался до берега, выныривая, чтобы вздохнуть…»

Интересная деталь: этот самый *ельцинский* пруд находится в трех минутах ходьбы от дачи № 38, куда направлялся он якобы в гости.

Жил на ней бывший председатель Госстроя СССР Сергей Башилов, под началом которого Ельцин работал еще в Свердловске.

Только вот незадача: в тот день и сам Башилов, и его супруга вот уже как несколько дней лежали в больнице на диспансеризации.

К кому же тогда, спрашивается, шел Борис Николаевич?

> МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ
>
> Бред – это совокупность идей и представлений, не соответствующих действительности, искажающих ее и не поддающихся логическому объяснению. Это абсолютно ложные суждения, возникающие без адекватных внешних поводов.

Никто из участников той злополучной трагикомедии по сей день не решается назвать вещи своими именами. Хотя кое-какие откровения у них невольно и прорываются.

«Шеф уехал со встречи в Раменках, слегка возбужденный», – пишет, допустим, Коржаков.[11]

Слегка – это сколько? Двести граммов? Или все четыреста?

«Шеф попросил его остановиться, чтобы последние 300 метров до ворот дойти пешком. Борис Николаевич взял цветы и пошел по дороге вверх… Когда я подъехал днем к Успенскому, то действительно обнаружил недалеко от ворот брошенные, увядшие цветы…»

Какой галантный воспитанный визитер! Едет к старому другу с женой, но обязательно берет с собой букет. Каковой, правда, остается лежать у ворот.

Знал ли Ельцин, что Башиловы лежат в больнице? Вернее, не

так: *мог* ли он это знать? Конечно, мог. Все дачи были оборудованы в Успенском городскими телефонами: поселок-то правительственный.

Но он почему-то, наобум Лазаря, на ночь глядя, едет из Москвы за город, отпускает (!) машину.

Зачем? А если он никого не застанет? На дворе четверг, и вероятность эта – весьма велика. Как же добираться обратно?

Куда проще – со всех точек зрения – было доехать ему прямиком до дачи, убедиться в наличии хозяев и лишь потом отправить водителя восвояси. Ни одного мало-мальски внятного объяснения на сей счет Ельцин не дает.

Впрочем, оно напрашивается само собой: водитель – кстати, пришедший совсем недавно, и не успевший еще заслужить доверие – мог оказаться нежелательным свидетелем. Потому что, как выяснится позднее, люди на 38-й даче все-таки были. Там находилась башиловская сестра-хозяйка Елена Степанова.

Не в пример обычным домоправительницам, всяким там фрекен Бок, была Степанова молода и хороша собой. По ее уверениям, она осталась в ту ночь на даче, дабы сделать генеральную уборку.

Все, кто работал тогда в Успенском – поварихи, охранники, строители: словом, многочисленная армия *обслуги* , чьей осведомленности позавидует любая разведка – по сей день убеждены, что Ельцин шел именно к Степановой. Ей же и предназначался букет.

Но Степанова то ли прогнала (как там у Коржакова? слегка возбужденного?) ухажера, то ли вышла промеж ними какая-то размолвка. В итоге Борис Николаевич несолоно хлебавши, повернул назад.

Дальше – версии разнятся. Либо он *от возбуждения* рухнул в ручей. Либо сцепился с неведомым соперником, каковой также добивался взаимности симпатичной домоправительницы.

Сама Степанова оба этих варианта отметает с ходу. Она уверяет журналистов, что с Ельциным ничто их не связывало.

Да, он часто приезжал к хозяевам в гости, но все общение их ограничивалось сервировкой стола и подачей блюд. Если и делал комплименты, так исключительно по причине хорошего своего воспитания.

«Здоровались, конечно, перебрасывались несколькими ничего не значащими фразами, и все. Да и не до флирта мне было – за день так набегаешься, что не до любви».

И все-таки, к кому же шел тогда Ельцин ночью, да еще с букетом?

Парадоксально, но Степанова настаивает: к ним, на 38-ю

дачу.

«Просто он, наверное, не знал, что их (хозяев. – *Авт* .) нет дома».

Успенские милиционеры косвенно подтверждают ее слова. В своих объяснениях они указали, что Ельцин, придя на пост, сразу же попросил связаться с 38-й дачей, но там никто не ответил…

…После всех этих перипетий Степанову долго таскали на допросы, требовали признаться, что она была любовницей опального политика. Степанова отнекивалась. В скором времени – и девяти месяцев не прошло – у нее родился сын Павел. Замуж Елена не вышла до сих пор…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Дошедшие до биографов письма Ленина к Инессе Арманд (их было более 150, но большинство не сохранилось: Ленин попросил вернуть их ему и, вероятно, впоследствии уничтожил) свидетельствуют о быстро сложившихся близких отношениях, которые продолжались вплоть до смерти Инессы. Арманд была незаурядной личностью, способной загораться, эмоционально отзываться, волновать окружающих, и лидер русской социал-демократии оказался в числе ее поклонников. Потомки И. Арманд отрицают романтические отношения между ним и «русской француженкой».

Как водится, слухи об успенском *падении* Ельцина разлетелись по стране в считанные дни. В очередях, на кухнях, в курилках и банях люди обсуждали новые козни Кремля и Лубянки.

Резонанс достиг такого размаха, что вопрос вынесли даже на Политбюро. Спикер российского парламента Виталий Воротников записал в своем дневнике, что 16 октября у Горбачева до членов Политбюро *довели* обстоятельства «мокрого» дела.

Сам Борис Николаевич шумной огласке был поначалу не рад. На другой же день после случившегося он позвонил министру внутренних дел Бакатину и попросил расследования не проводить. Мол, ничего страшного не произошло; незачем поднимать сыр-бор.

Однако МВД не вняло его мольбам. Формально у Бакатина имелись на то все основания. В соответствии с УПК, для того, чтобы начинать расследование, вполне достаточно и устного заявления о преступлении.

Заявление такое было. Первым ведь полудетективную историю похищения Ельцин поведал сотрудникам отделения по

охране спецдач Одинцовского УВД. Те и соответствующие рапорты написали.

И вот, на сессии Верховного Совета СССР – ясно не без ведома Горбачева – полицейский министр Бакатин делает сенсационное заявление. Когда его спрашивают о таинственном покушении, министр охотно пускается в откровения. Сначала он воспроизводит рассказ самого Ельцина. Затем уточняет:

«Что касается версии Ельцина, то никто – ни его водитель, ни пост ГАИ, мимо которого якобы шел Борис Николаевич, ни фактическая обстановка (высота моста около 15 метров), ни время происшествия ее не подтверждают».

Это выступление дорого потом обойдется Бакатину: в 1991 году, когда тот станет последним председателем КГБ, именно Ельцин добьется его отставки.

Он, правда, пригласит напоследок Бакатина к себе, радушно предложит на выбор любой министерский портфель или верительную грамоту посла, но…

«Он знал, что я откажусь, – усмехается Бакатин. – Я отказался… Однако позже три моих попытки вернуться на государственную службу в исполнительные структуры Ельциным демонстративно игнорировались, как бы не замечались. “Бакатин?.. А кто это такой?..” – соизволил он как-то пошутить перед журналистами.

Бывший министр внутренних дел Латвии Бруно Штейнбрик рассказал мне, что слышал, как Ельцин в пьяной компании пообещал меня “по стеклу размазать”».

Между тем, как бы Ельцин к нему ни относился, но в той *мокрой* ситуации Бакатин повел себя достаточно щепетильно. О симпатичной домоправительнице он не обмолвился и словом, хотя к тому моменту Степанова была уже установлена и допрошена. А в секретном докладе, отправленном Горбачеву, министр внутренних дел настаивал даже на прекращении дела.

Этот документ столь лаконичен, что я позволю себе привести его целиком.

> «Совершенно секретно!
> Генеральному секретарю ЦК КПСС,
> Председателю Президиума Верховного Совета СССР
> тов. М. С. Горбачеву
> Уважаемый Михаил Сергеевич!
> В соответствии с Вашим поручением по поводу распространившихся в Москве слухов о якобы имевшей место попытке нападения на депутата Верховного Совета т. Ельцина Б. Н. докладываю:

6 октября заместитель начальника Следственного управления ГУВД Мособлисполкома т. Ануфриев А. Т., в производстве которого находится данное уголовное дело, в целях выяснения обстоятельств происшедшего разговаривал с Ельциным Б. Н. по телефону. Тов. Ельцин заявил: "Никакого нападения на меня не было. О том, что случилось, я никогда не заявлял и не сообщал и делать этого не собираюсь. Я и работники милиции не поняли друг друга, когда я вошел в сторожку. Никакого заявления писать не буду, т. к. не вижу в этом логики: не было нападения, следовательно, и нет необходимости письменно излагать то, чего не было на самом деле".

С учетом изложенных обстоятельств уголовное дело принадлежит прекращению. Поводом для распространения слухов о якобы имевшем место нападении на т. Ельцина Б. Н. является его заявление, не нашедшее своего подтверждения.

Министр внутренних дел СССР
генерал-лейтенант милиции В. Бакатин».

И сразу же – для контраста – еще один документ. Заявление Ельцина для печати, сделанное под впечатлением бакатинских откровений на сессии:

«16 октября 1989 года на сессии Верховного Совета СССР под председательством М. С. Горбачева был обнародован инцидент, затрагивающий мои честь и достоинство. Против моей воли к разбору данного вопроса был привлечен министр МВД СССР товарищ Бакатин, который, смешивая ложь с правдой, не имел морального права способствовать распространению слухов, порочащих меня в глазах общественности. Более того, товарищ Бакатин ранее заверил, что никакого расследования, а также оглашения информации, касающейся лично меня, проводиться не будет.

Новый политический фарс, разыгранный М. С. Горбачевым на сессии Верховного Совета и раздуваемый официальной прессой как событие первой величины в стране, объясняется, конечно, не заботой о моем здоровье и безопасности, не стремлением успокоить избирателей, а новой попыткой подорвать здоровье, вывести меня из сферы политической борьбы.

Создание Межрегиональной депутатской группы, сплотившей на своей платформе почти 400 народных депутатов СССР, избрание меня одним из руководителей ее координационного совета, независимость нашей позиции, альтернативные

предложения, идущие вразрез с консервативной точкой зрения сторонников административно-командной системы, и даже моя частная поездка в США – все это вызывает яростное озлобление аппарата. По его команде была состряпана целая серия провокационных, лживых, тенденциозно настроенных публикаций в советской печати, в передачах Центрального телевидения, распускались среди населения самые невероятные слухи о моем поведении и частной жизни.

В связи с вышеизложенным считаю необходимым заявить следующее:

1. все это является звеньями одной цепи акции травли меня и творится это под руководством товарища Горбачева М. С.;

2. вопросы моей безопасности и моей частной жизни касаются только меня и должны конституционно ограждаться от любых посягательств, в том числе со стороны партийного руководства;

3. в случае продолжения политической травли я оставляю за собой право предпринимать соответствующие шаги в отношении лиц, покушающихся на мои честь и достоинство как гражданина и депутата;

4. считаю неприемлемым и опасным перенос акцентов с методов политической борьбы на безнравственность, беспринципные методы морального и психологического уничтожения оппонента. Это ведет к полному краху морально-этических установок, к демонтажу демократических начал перестройки и в конечном итоге – к жестокому тоталитарному диктату.

17.10.89

Народный депутат СССР Б. Н. Ельцин»

Подождите, но *чем* министр опорочил Ельцина «в глазах общественности»? Тем, что назвал вещи своими именами? Поймал его за руку на вранье?

Хорошенькое дело. То есть когда человек плетет невесть что – это в порядке вещей. Но стоит призвать его к порядку, сразу же поднимается крик и гомон.

Борис Николаевич в который по счету раз противоречит самому себе. Если покушение, действительно, произошло – МВД просто-таки обязано искать преступников. Народный депутат, член ЦК – это не какой-нибудь пудель; его не пристало безнаказанно швырять в реки с мостов.

Наоборот даже, пострадавший еще и благодарен должен быть за «заботу о здоровье и безопасности».

А он вместо этого – раздувает целое политическое дело,

обвиняет Горбачева и министра МВД в разыгрывании «политического фарса», хотяавторство фарса этого в действительности принадлежит ему самому.

«В случае продолжения политической травли я оставляю за собой право предпринимать соответствующие шаги в отношении лиц, покушающихся на мои честь и достоинство как гражданина и депутата», – угрожает Ельцин.

Это как понимать? Он тоже будет кидать таких нахалов в реку? Или же выискивать их любовниц?

Непонятно.

Зато другое – понятно точно. Ельцин мог противиться расследованию этому лишь в одном только случае: если никакого покушения не было.

Своей суетой Борис Николаевич выдал сам себя. Ну а то, что Горбачев воспользовался остротой момента – за это точно грех его осуждать. На месте генсека так поступил бы любой политик. В конце концов, это намного приличнее, чем крутить на телеканале пленку с голыми проститутками и человеком, похожим на генпрокурора.

Сразу после случившегося Ельцин собрал ближний круг в своем офисе в гостинице «Москва»: помощников и доверенных лиц:

«Сейчас корреспонденты будут меня атаковывать. Что делать?»

Мнения разделились. Прозвучало даже предложение списать все на случайно проезжавшую мимо поливальную машину (это в одиннадцать-то вечера!). Но в итоге решено было ничего не объяснять, ни перед кем не оправдываться. Это, мол, ваша сугубо частная жизнь.

Такую линию поведения он и избрал поначалу. Впрочем, в последний момент Ельцин, по своему обыкновению, постарался отыграть ситуацию, превратить минусы в плюсы.

На-гора выдается новая версия. Оказывается, молчание его обусловлено было тем, что он хотел… удержать страну от потрясений.

«Я легко предвидел реакцию людей, которые с большим трудом терпят моральные провокации против меня, но спокойно воспринять весть о попытке физической расправы они уже не смогут, – на голубом глазу пишет Ельцин в “Исповеди…”. – В знак протеста мог остановиться Зеленоград, а там большинство оборонных, электронных и научных предприятий, остановился бы Свердловск, а там еще больше военных заводов, остановилось бы пол-Москвы… И после этого, в связи с забастовками на стратегических предприятиях, в стране вводится чрезвычайное

положение. Начинается “вечный и идеальный порядок”».

Спасибо вам, Борис Николаевич! Низкий земной поклон! Если б не ваша ленинская скромность, страна непременно была бы ввергнута в пучину путча.

Это, оказывается, так легко – совершить ползучий переворот. Кинули депутата в подернутый ряской прудик, и дело с концом.

Непонятно лишь, почему злодеи эти остановились на полдороге. Что мешало им окунуть Ельцина снова? Или вовсе – отравить угарными газами, уколоть ядовитым зонтиком, бросить в клетку к голодным хищникам, раздавить башенным краном; да мало ли вариантов. Когда на кону стоит судьба страны и всего человечества, любые средства хороши.

«Конечно, если бы захотели Ельцина по-настоящему угробить, угробили бы элементарно, – походя замечает на сей счет его помощник Суханов, – Борис Николаевич был почти беззащитен, но при этом надо учитывать два обстоятельства. Во-первых, мой шеф везунчик и, во-вторых, физическое его устранение всколыхнуло бы всю Россию, что вызвало бы непредсказуемые последствия».

Похоже, Суханов «Исповеди» своего патрона не читал. Откуда ему было знать, что именно этого – «непредсказуемых последствий» – как раз и добивались коварные демоны из Кремля и с Лубянки…

…Борис Николаевич напрасно мандражировал. Эта скандальная история не только не убавила ему популярности, а совсем наоборот.

Ельцина стали любить еще сильнее. «Мокрое» дело широко шагнуло в народ, о нем слагали анекдоты и даже поэмы.

Например, такие:

Вот мост через тихую местную реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.
А вот и Борис, что с моста сброшен в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.
А вот и мешок от вьетнамского риса,
Который, по слухам, надет на Бориса,
Который был сброшен с моста прямо в реку,
С которого сбросить нельзя человека,
Поскольку, по данным замеров, река
Под этим мостом чрезвычайно мелка.

Так что своей последующей карьерой Ельцин отчасти обязан и этому таинственному заплыву.

Борис Николаевич находился тогда в зените своей славы, и любой выпад против него восторженная публика воспринимала как личное оскорбление. Даже если б застукали его в момент, когда разрывал он кладбищенские могилы, все равно списали бы это на злые козни Кремля.

«Лично я слышал до полусотни различных версий “покушения”, – пишет Суханов, – в которых были замешаны не только его недоброжелатели, но и хорошенькие обольстительницы, ненавидящие его гэбисты и даже пришельцы с летающих тарелок…»

К этой полусотне можно добавить и еще одну, не менее звучную. Якобы из Раменок он отправился в гости к Рыжкову, но неожиданно застал там Горбачева. Титаны повздорили и Ельцин был окачен водой из брандспойта…

Это еще доктор Геббельс сказал: чем чудовищней ложь – тем легче в нее верится…

Несмотря на обилие вариаций и версий, правды об осеннем падении мы не узнали до сих пор. Лично мне наиболее правдоподобным кажется совершенно иное объяснение, до сегодняшнего дня не звучавшее ни разу.

Впервые я услышал его от Льва Демидова, бывшего доверенным лицом Ельцина в трех выборных кампаниях (1989, 1991, 1996).

Демидов тоже присутствовал на эпохальной встрече в Раменках. Он хорошо помнит, в каком возбуждении Ельцин вышел из зала. Вся машина была завалена цветами. Его только что не качали на руках.

«Он шел и думал: как же так! Народ меня обожает. Я – самый популярный человек в стране. А Горбачев – не ставит и в грош.

И вот эта жалость к самому себе, неудовлетворенность амбиций и могла толкнуть его на неожиданный поступок: сымитировать собственное покушение, чтобы привлечь к себе повышенное внимание. Учитывая его склонность к суициду, Ельцин вполне мог попросту залезть в реку, а потом придумать историю про таинственных злоумышленников и пыльный мешок».

Если принять эту неожиданную версию за основу, все окончательно встает на свои места…[12]

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Алкоголизм – хроническая болезнь, характеризующаяся тем, что человек употребляет

алкоголя больше, чем намеревался, совершает неудачные попытки бросить пить и продолжает злоупотребление, несмотря на негативные социальные и профессиональные последствия.

«Мокрый» скандал был вовсе не первой попыткой Горбачева дискредитировать своего ненавистника в глазах народа. Но все потуги его – ладно бы – просто оканчивались бесславно. Они еще и прибавляли Ельцину славы и признания.

Подобный феномен в политике не новость. Если власть непопулярна, все, что делает она – заранее играет против нее самой. И чем сильнее эта власть топчет какого-нибудь ослушника, тем лишь ширится его авторитет.

В новейшей российской истории таких примеров можно вспомнить с избытком. Например, красноярский бизнесмен Анатолий Быков (он же Толик Бык), выигравший выборы, сидя в тюремной камере. Или – нижегородец Андрей Климентьев, по кличке Прыщ.

Уж как не изгалялись над ним, в каких только смертных грехах не обвиняли, но с каждым разом Климентьев лишь набирал голоса новых сторонников. Дважды снимали его с выборов в Госдуму, после победы на мэрских выборах отправили в колонию, не допустили до губернаторской гонки. Когда я пишу эти строки, бедняга Прыщ вновь *чалится* за решеткой – на этот раз его *закрыли* в разгар выборов в областное заксобрание.

И все равно – ниже отметки в тридцать процентов электоральный ресурс его не опускается. Напротив даже, еще и растет: после каждой новой *посадки* …

…18 сентября 1989 года – за десять дней до исторического падения – в главной газете страны появилась вдруг небольшая, но крайне эффектная заметка: «”Реппублика” о Б. Н. Ельцине».

Это была перепечатка материала журналиста Витторио Дзукконе из итальянской газеты «Реппублика» о недавнем визите Ельцина в США.

Борис Николаевич впервые ездил тогда в Америку по приглашению сразу нескольких институтов и фондов. Это были своего рода смотрины. Запад приценивался к новой звезде на небосклоне советской политики.

Его даже принимал президент Джордж Буш – неофициально, понятно, всего-то на 12 минут, хотя потом Ельцин всячески будет *обсасывать* эту короткую аудиенцию, уверяя в бесчисленных интервью, что успел даже представить Бушу развернутый план спасения перестройки. (Помощник президента по национальной безопасности генерал Скоукрофт возмущенно назвал это «погоней

за двухгрошовой рекламой».)

Но для Горбачева, который искренне считал себя единственным экспортным политиком, это все равно был смертельный удар. И Ельцину он его не простил.

Уже на другой день после возвращения Ельцина в Москву, в «Правде» появляется вышеназванная перепечатка.

Итальянец Дзукконе писал не о произведенном Ельциным фуроре; не о его встречах со студентами и элитой, прочитанных лекциях и сделанных заявлениях. Репортера светской хроники интересовало совсем другое.

Перелистаем старые подшивки:

«За пять дней и пять ночей, проведенных в США, Ельцин спал в среднем два часа в сутки и опорожнил две бутылки водки, четыре бутылки виски и несметное количество коктейлей на официальных приемах».

Из заметки Дзукконе взыскательный читатель мог узнать, что Ельцин заснул прямо во время официального ужина, все свободное время проводил в магазинах, скупая ширпотреб на полученные за лекции деньги и вообще вел себя как «пьяный, невоспитанный русский медведь, впервые очутившийся в цивилизованном мире».

«Пол-литровые бутылки он выпивает в одиночестве за одну ночь в своем гостиничном номере в Балтиморе, – не стеснялся в выражениях репортер. – Ошалевшего “почетного профессора”, который рано утром приехал за ним, чтобы отвезти его в конференц-зал университета, Ельцин одарил слюнявым пьяным поцелуем и наполовину опорожненной бутылкой виски. “Выпьем за свободу”, – предложил ему Ельцин в половине седьмого утра, размахивая наполненным стаканом, одним из тех, в которых обычно хранятся зубные щетки и паста в ванной комнате. Но выпил он в одиночестве».

Боже! Какая волна народного гнева поднялась тут! Какие страсти закипели повсеместно!

«Телефоны в редакции звонили, не переставая, – вспоминал тогдашний редактор “Правды” Виктор Афанасьев. – Потом шли телеграммы, письма… У подъезда редакции были выставлены пикеты. Номер газеты демонстративно сожгли…»

И редактор «Правды», и Горбачев, и члены Политбюро впоследствии будут отнекиваться, уверяя, что заметка появилась просто так, без всякого злого умысла и команды свыше. Она якобы поступила по обычным каналам ТАСС и пошла в номер по причине ее остроты и сенсационности.

Не знаю. Если даже это и так, «Правда» в любом случае играла на руку Горбачеву. Вернее, хотела сыграть, но получилось,

как водится, в точности до наоборот.

Обвинения Ельцина в пьянстве были восприняты народом с небывалым воодушевлением.

Наш человек, плоть от плоти народа! Не какой-нибудь там заумный болтун со своей ненавистной Райкой. Исконно русский мужик, великан двухметрового роста. Он и в отдыхе, и в работе не знает полумер. Работать – так до упаду, пить – так до потери пульса.

Ельцина полюбили ровно за то, за что раньше возненавидели Горбачева. Не начни в 1985 году генсек бездумной антиалкогольной кампании, не подними цены на водку, не введи талоны – может быть, история пошла совсем по другому пути.

Недаром даже Андропов, на которого Горбачев так хотел быть похожим, свое правление начал с массового выпуска нового сорта водки – в народе ее так и назвали «Андроповкой», – потому и остался в массовом сознании добрым, справедливым правителем.

Ельцин не торопился опровергать обвинения в свой адрес. Он вновь избрал беспроигрышную тактику полунамеков.

«Тут итальянец явно недофантазировал, – саркастически пишет он в “Исповеди…”, – посчитанное (количество спиртного. – *Авт* .) могло бы свалить только слабенького иностранца».

Уже в день выхода перепечатки ее автор, нежданно для себя ставший враз знаменитостью, принялся раздавать интервью коллегам.

Отвечая на вопросы радиостанции «Свобода» итальянец заявил, что не разрешал «Правде» публиковать его статью.

«Пьет он или нет, что покупает – это никого не касается, – вещал Дзукконе. – Я не учел, что в России не понимают разницы между политической корреспонденцией и светской хроникой. К тому же у итальянцев другое представление о поведении людей. Если человек выпивает, то это только повышает его в их глазах».

Накал страстей был столь велик, что 21 сентября «Правда» была вынуждена дать опровержение и извиниться перед Ельциным. Редактор газеты Виктор Афанасьев через месяц был снят с работы.

Казалось бы, инцидент исчерпан. Но Ельцину этого, как обычно, кажется мало. Вместе со своим окружением он продолжает накручивать истерию, обвиняя Кремль и Лубянку в провокациях против себя.

«Для нас с Борисом Николаевичем было абсолютно ясно, что пасквиль Дзукконе попал на страницы “Правды” с благословления КГБ», – пишет его помощник Лев Суханов.

И тут же:

«Мы стали задумываться – а не была ли поездка Ельцина в

США кем-то отрежиссирована? И какую роль при этом играл Фонд социальных изобретений (организатор поездки с советской стороны. – *Авт* .), поддержанный генсеком?»

Приехали! Уже и само рандеву подстроили, оказывается, спецслужбы. Может, они еще и президента Буша специально к нему подвели: для отвлекающего маневра? И выпивку – надо думать – подливали Борису Николаевичу тоже агенты КГБ, потому что выпивка – никуда не денешься – действительно, была.

И неважно, что итальянец Дзукконе от обвинений своих потом открестился. У американских похождений Ельцина имелось немало других очевидцев.

Обратимся к свидетельствам одного из организаторов поездки, советника президента США Джеймса Гаррисона (его уж точно не заподозришь в связях с КГБ). В конфиденциальном отчете он писал:

«Приблизительно в 11 часов вечера Ельцин и его делегация из восьми человек вылетели из Нью-Йорка в Балтимор на частном самолете Дэвида Рокфеллера-старшего…

Когда самолет приземлился, Ельцин спустился с трапа, но вместо того чтобы приветствовать ожидавшую его делегацию, прошел по взлетно-посадочной полосе к хвосту самолета и, повернувшись спиной к нам, стал мочиться на задние колеса самолета. Потрясенные, мы стояли в неловком молчании, не зная, что и думать. Ельцин вернулся, не сказав ни слова, пожал руки должностным лицам, получил букет цветов от молодой женщины и сел в ожидавший его лимузин. Все сделали вид, как будто ничего не произошло».

МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

Диссоциальное расстройство личности характеризуется обращающим на себя внимание грубым несоответствием между поведением человека и господствующими социальными нормами.

О первой встрече Ельцина с Америкой со всеми вытекающими отсюда (в прямом смысле слова) последствиями – американская пресса писала довольно активно.

Вот о чем следовало сообщать «Правде», если, действительно, хотела она *размазать* нового демократического мессию.

В очередной по счету раз Горбачев совершил досадную, непростительную ошибку.

Правда, народ все равно бы советской печати не поверил: грязь к Ельцину не приставала.

Потребуется еще пяток лет, чтобы на смену восхищению пришел досадный стыд.

Сегодня уже никого не надо разубеждать, что в шеннонском аэропорту президент не вышел к премьеру Ирландии вовсе не по причине козней спецслужб, опоивших его накануне. А разудалое дирижирование немецким оркестром – отнюдь не видеомонтаж.

На что способен он, мы знаем теперь отменно. Но тогда, в 1989 году, радостная эйфория и любовный хмель затмевали голос разума. Эта глобальная эпидемия разила всех наповал. И Запад – в том числе.

Когда во время своего *частного* визита в США, Ельцина повезли в Вашингтон, на рандеву с помощником президента по нацио-нальной безопасности Скоукрофтом, он опять начал выкидывать коленца.

Сопровождавший его в поездке Лев Суханов пишет:

«Борис Николаевич во всеуслышание заявляет, что он не поедет на встречу со Скоукрофтом. Не тот, мол, уровень… Переводчик и Гаррисон едва от удивления не потеряли дар речи… А Борис Николаевич все больше нагнетает обстановку: “Ну представьте себе, Лев Евгеньевич, что Буша встречаете вы, мой советник, а не я?”…»

От скромности Ельцин точно никогда не умрет. В мыслях он видел себя уже первым лицом государства, ровней американскому президенту. Хотя в 1989 году был еще никем – всего-то председателем комитета Верховного Совета по строительству и архитектуре.

Тут бы американцам самое время – вслед за Горбачевым – щелкнуть его по носу, каждый сверчок знай свой шесток. Но куда там!

Пока они препирались, машина въехала тем временем в Белый Дом. Остановилась у бокового входа.

Ельцин кипятится еще больше:

«Когда гостя привозят к президенту, то входят не здесь».

Встречавшая советского депутата Кондолиза Райс – та самая, будущий советник президента по национальной безопасности, – на приличном русском возразила:

«У вас встреча с генералом Скоукрофтом».

А в ответ – снова здорово:

«Зачем мне идти, если меня не примет президент?»

Ельцин не знал еще железного характера Кондолизы.

«Хорошо, – отвечает она. – Если мы не собираемся идти к генералу, его надо предупредить, он человек занятой».

Тут уж вариантов у капризного посетителя не оставалось. Бурча что-то под нос, он вынужден был войти в здание с западного входа.

Но здесь – новая напасть.

Л. Суханов:

«Вышла симпатичная мулатка и вручила нам карточки визитеров. На них так и написано: “Визитер”. Борис Николаевич вроде бы даже немного обижен и потому с ударением говорит: “Я – Ельцин”. Мол, какие тут визитки… Я положил его визитку к себе в карман, свою же повесил на грудь».

МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

Параноидное расстройство личности часто проявляется в виде чрезмерной чувствительности к различного рода неудачам и отказам.

Час от часу не легче! Для полноты картины Ельцину не хватало еще помочиться прямо здесь, на мраморных ступенях Капитолия.

Только американцы – прагматики до мозга костей – готовы закрыть глаза на что угодно, лишь бы приблизиться к поставленным целям.

Классическая формула: разделяй и властвуй. К тому моменту Запад смекнул уже, что акции Горбачева резко падают вниз. Ельцин был тем человеком, с чьей помощью они могли ослабить советскую, горбачевскую власть. Надо лишь самую малость: поиграть на его слабостях, потрафить ему, высказать респект и уважение.

И вот уже входит в кабинет президент США собственной персоной.

«Он долго тряс ему руку, другая рука президента дружески пожимала его предплечье, – свидетельствует Суханов. – Они доброжелательно улыбались, и в какой-то момент Ельцин сказал: “Да, мы стоим друг друга”. Эту фразу переводчик не стал переводить».

На самом деле все эти капризы и вычуры объяснялись вполне прозаично: обильной дегустацией виски, которую всю ночь накануне проводил он в отеле.

Еще прямо перед поездкой в Белый Дом Ельцин успел *отколоть* пару подобных номеров. Когда поутру он вышел на сцену Института им. Гопкинса, и президент его (в смысле института) стал приветствовать гостя, Борис Николаевич молча подошел к нему и забрал с пюпитра текст зачитываемого обращения.

«Раз я говорю без бумажки, значит, и вы говорите без нее», – криво усмехаясь, объявил он обомлевшему ректору.

И ведь ничего, сошло с рук. Даже еще и бурю оваций вызвало. Поведение Ельцина полностью соответствовало наивным американским представлениям о грубоватом, но искреннем

русском народе в стиле «калинка-малинка».

За что же тогда, спрашивается, корить его? Как и все дурно воспитанные, экспрессивные люди, Ельцин вел себя ровно настолько, насколько ему позволяли.

Не прошел, например, номер с парадным подъездом Белого Дома – отправился, как миленький, через боковой вход.

Зато, если разрешалось ему выпивать без меры, да еще и под аплодисменты принимающей стороны – для них-то был форменный аттракцион; русский самоубийца глушит виски стаканами – значит, так и положено.

Тогда еще тяга к алкоголю сочеталась у него с фантастической работоспособностью. Меньше, чем за неделю пребывания в Штатах, он успел посетить 11 (!) городов и провести несколько десятков встреч.

«Я спал по два-три часа в сутки, – напишет он впоследствии, – перелетал из одного штата в другой, за день проходило по 5–7 встреч и выступлений, и так всю неделю без остановки. Очнулся от этой спринтерской гонки я лишь в самолете, который уносил меня в Москву».

Вообще, словечко «очнулся» читается в этом абзаце весьма двусмысленно. Потому как спринтерская гонка, если уж выражаться спортивной терминологией, сопряжена была с постоянным допингом.

Помимо рассказов очевидцев тому имелись и куда более зримые доказательства.

Уже в Москве выяснилось, что пресловутое выступление в Институте им. Гопкинса было заснято на видеокамеру. Явно не без команды свыше запись решили запустить по центральному телевидению: для наглядности.

27 сентября Ельцину позвонил председатель Гостелерадио СССР Михаил Ненашев и сообщил, что собирается показать фильм о его американском вояже.

«Понимаю, что восприятие его будет неоднозначно, и потому ставлю в известность, ибо не хочу это делать за спиной».

На самом деле, Ненашев вполне мог героя об этом и не предупреждать. Никаких обязательств перед Ельциным он не имел. Но после «правдинского» скандала Ненашев решил проявить неподобающее благородство.

«И сама публикация, и манера ее подачи чем-то дурно припахивали, – вспоминал Ненашев позднее. – Я считал для себя идти тем же путем невозможным и неприличным. Поэтому сам позвонил Ельцину… Сказал, что если будет желание предварительно посмотреть, мы готовы ее показать».

Ясное дело, Борис Николаевич ухватился за это предложение

двумя руками. Вместе с Сухановым он отправляется в Останкино и садится перед монитором.

«И вот он смотрел, смотрел на телеэкран и вдруг начал мрачнеть, – свидетельствует Суханов, – на лице появилось выражение озабоченности, и я чувствую, что этот “видик” ему не по душе… Борис Николаевич, естественно, не дал “добро” на демонстрацию этой не самой удачной встречи в США».

А почему, собственно, запись эта вызвала столь жгучую реакцию? На сей счет имеется два объяснения.

Первое – самого Ельцина и его окружения. Второе – Made in USA.

По ельцинской версии, выглядел он в тот день не лучшим образом, ибо долго не мог накануне уснуть, «растревоженный впечатлениями, физической нагрузкой, усугубляющимся перепадом во времени».

Лишь в четыре утра Борис Николаевич якобы забылся, наглотавшись транквилизаторов, а уже в семь надо было ему вставать.

«Я чувствую, что не смогу подняться, совершенно разбитый, – оправдывается он в “Исповеди…” – Прошу отменить встречу. Мне говорят – это невозможно, будет скандал, хозяева этого не переживут. Я говорю, что я не переживу сегодняшний день… И вот, абсолютно без сил, собрав всю свою волю, я провел первую встречу, затем вторую, ну, а дальше было легче, я разошелся, да и действие таблеток прошло…»

Версия американской стороны – прямо противоположная. Цитировавшийся уже Джеймс Гаррисон, советник президента США, в составленном по горячим следам официальном отчете, утверждал, что всю ночь Ельцин с коллегами налегали на виски «Джек Дэниэлс», и *забылись* они лишь с рассветом. Так что состояние у Бориса Николаевича было поутру соответствующим. Гаррисон, правда, предлагал ему отменить самые первые встречи, но Ельцин в категорической форме отказался, несмотря на свою невменяемость.

Скажу сразу, эти объяснения кажутся мне намного правдоподобнее. Если внимательно проанализировать записки верного помощника Ельцина Суханова, между строк читается примерно то же.

Судите сами:

«Заканчивался трудный день, – пишет Суханов. – Но ночного застолья мы все же не избежали… Пошли спать поздно – где-то около четырех утра… и долго не могли уснуть… И когда я наконец заснул, меня вдруг разбудил Ярошенко (народный депутат, один из тогдашних соратников Ельцина. – *Авт* .). “В чем

дело?” – спрашиваю. “По-моему, Борис Николаевич не спит”. Я поднялся и пошел в номер к Ельцину. Застал его бодрствующим. “Очень тяжело, – сказал он, – никак не могу уснуть”».

Этими объяснениями Суханов как бы пытается дезавуировать упреки в пьяном загуле. Но выходит все наоборот. Потому что «ночное застолье» до четырех утра в привязке к Ельцину воспринимается однозначно: они до рассвета явно не сухое вино по глоточку цедили.

А потом еще давай по номерам *колобродить* , ибо уверения, что будили они друг друга, снедаемые страхом оттого, что патрон их никак не может уснуть, звучат очень уж смехотворно. С такой заботливостью им не визиты президентам наносить, а в пионерлагерях вожатыми работать; контролировать тихий час.

Да и как, собственно, депутат Ярошенко мог понять, что Ельцин не спит? По отсутствию храпа?

На ум сразу же приходит аналогичная история, когда в 1990 году Ельцин полетел в Париж, где работал послом бывший его учитель и наставник Яков Рябов, отношения с которым расстроились после октябрьского пленума ЦК. По понятным причинам, встречать его Рябов не поехал, но в четыре утра вдруг звонок:

– Петрович, хотелось бы встретиться.

Только-только отбился, через час – снова здорово.

– Давай встретимся.

Вполне обыденная, жизненная ситуация: принял человек лишнего, вот и потянуло его среди ночи на лобызания и выяснение отношений: ты меня уважаешь?

К слову, парижская эта поездка закончилась весьма показательно. На обратном пути в Москву Рябов и Ельцин оказались в одном самолете. Крепко выпили. Настолько крепко, что по прилете в «Шереметьево» Борис Николаевич был уже нетранспортабелен, и его пришлось вывозить через черный ход, дабы спрятать от глаз восторженной публики.

Вдова Льва Суханова, которая приехала в тот день встречать мужа, хорошо помнит, как вместе с Наиной Иосифовной они начали уже беспокоиться: все пассажиры прошли, а Ельцина с Сухановым – нет и нет.

«Наконец Суханов появился. Тут-то и оказалось, что Ельцина прямо от трапа отправили домой. Он был в таком состоянии, что даже вещей своих забрать не смог…»

Кстати, Светлана Суханова поведала мне и о том знаменитом американском вояже. Несмотря на озвученную Сухановым вышеприведенную версию, своим домашним рассказывал он совсем другое.

«Все было так, как писали газеты, – подтверждает Светлана Михайловна, – Лев признавался потом, что едва не получил инфаркт. Утром, когда им надо было ехать в университет Гопкинса, он еле-еле сумел растолкать Ельцина и вытащил его из номера на себе. А Ельцин-то – весил ого-го!»[13]

МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

Алкогольная зависимость определяется как комплекс психических и соматоневрологических расстройств здоровья, связанных с регулярным употреблением алкоголя в опасных для здоровья дозах. Возникает патологически болезненное влечение к алкоголю.

1 октября 1989 года злополучная американская запись, вопреки причитаниям Ельцина, была все же показана по советскому телевидению. Это вызвало гнев и ярость нашего героя.

Борис Николаевич в очередной раз вступил в схватку с самим собой. С одной стороны, он активно ратовал за демократию и свободу слова. Но почему-то, едва только свобода эта касалась его личных интересов, вся демократическая шелуха разом слетала, и под ней обнаруживался панцирь типичного партократа с большевистскими замашками.

Что, в сущности, произошло? Журналисты засняли пьяные выходки популярного политика: не в кругу семьи или на частной вечеринке, а перед огромной аудиторией.

Сенсация? Ясное дело.

Попади в аналогичный *переплет* любой из западных его коллег, тот же Буш, которого он считал уже себе ровней, никто и лишних вопросов не осмелился бы задать. Запись эта – превратилась бы в главную национальную новость, обошла все мировые каналы, стала предметом всенародного обсуждения.

Но Ельцин талдычит, как пономарь: ни к чему это. Показывайте лучше другие съемки: из Чикаго, Филадельфии, а лучше всего – из Колумбийского университета. Я намного удачнее там получился.

Довольно странное восприятие свободы слова. *Свобода* – должна быть одинакова для всех. Попробуй он на Западе остановить подобный эфир: еще бы и из парламента отозвали, за грубейшее попирание демократии и конституции.

Но в понимании Ельцина демократично лишь то, что на пользу ему самому. Все остальное – происки диктатуры.

И на свет рождается очередная контрпропагандистская уловка. Оказывается, на пленке запечатлен вовсе не он.

Точнее, не так. Снят, разумеется, Ельцин, но сама запись

подверглась якобы иезуитскому техническому монтажу.

«Где надо – замедляя на доли секунды изображение, а где надо – растягивали слова, буквы, – пишет Борис Николаевич. – Об этом мне сообщили видеоинженеры из Останкино. Они даже написали письмо, которое было передано в комиссию, разбиравшую предвзятое освещение в прессе моей поездки. Но, естественно, этот вопиющий факт с пленкой разбирать и проверять никто не стал. К тому же главная цель была достигнута: растерянные люди, их было немного, но они были, говорили – а может, он действительно был пьяный?.. Объяснять, оправдываться я считал неуместным».

Насчет оправданий и объяснений – Ельцин, как обычно, лукавит. (На встрече с избирателями в Доме кино в ноябре 1989 года он даже утверждал, что видеозапись была сделана… ЦРУ, и «по закону нашего телевидения не имеет права транслироваться в эфир, поскольку низкого качества».)

В той же «Исповеди…» он подробно описывает, что заторможенность его стала следствием транквилизаторов.

«Принятое накануне снотворное, – вторит патрону Суханов, – было сильнее его воли. Все его движения – вялые, заторможенные».

Широкую советскую общественность эти беспомощные объяснения вполне удовлетворили. Они полностью совпадали с бесчисленными мифами и легендами о всемогуществе коммунистического режима.

В те годы наивные граждане с легкостью готовы были верить в любую *лабуду* . В зомбирование и биороботов. В тотальное прослушивание. В чудесное воскрешение Гагарина, которого-де два десятка лет держали в закрытом дурдоме. В крыс-мутантов, терроризирующих столичное метро.

А уж – растянуть на экране звук, выставить нормального человека идиотом, при современном развитии техники – вообще пара пустяков.

Это явление с подачи ельцинского окружения получило название «эффекта Буратино».

Увещевания специалистов, что такое, в принципе, невозможно – никто и слушать не желал.

«Нет у нас такой аппаратуры, – объяснял председатель Гостелерадио Ненашев, – чтобы изобразить человека пьяным, если он на самом деле трезв. И никакое замедление звука тут не поможет – заметно будет. В телевизионной записи была представлена встреча, а не просто монолог… Технически невозможно… исказить манеру поведения и речи одного человека, не трогая других».

Ненашев говорил правду. Я сам проработал на телевидении ни один год и могу подтвердить, что подобные приемы – а уж в те стародавние времена и подавно – нечто из области фантастики. При растягивании фонограммы, голос Ельцина просто не совпал бы с его артикуляцией. Это походило бы на дубляж, и было бы заметно даже неспециалисту.

Но… Люди хотели верить исключительно в то, во что хотели верить.

Даже если Ельцин и был пьян, это никак его не компрометировало. Как раз – наоборот.

Пусть знают сытые капиталисты, как умеют гулять русские люди…

> МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА
>
> Часто встречающимися симптомами алкогольной зависимости являются ухудшение памяти, несвязность мыслей, затруднение переключения внимания и снижение интеллекта.

Конечно, задним умом мы все крепки. Вряд ли сегодня кто-то будет сомневаться, что в американском вояже Ельцин, действительно, упивался в стельку, и с моста никто его не кидал.

Слава богу, за годы, прошедшие с того славного времени, мы имели возможность увидеть истинное лицо нашего национального героя.

Для сомневающихся же – напоследок – процитирую несколько фрагментов из книги заместителя госсекретаря США Строуба Тэлботта «Рука России», вышедшей уже после отставки Ельцина.

«На первой встрече с Клинтоном в Ванкувере на обеде Ельцин опрокинул три рюмки виски и четыре бокала вина и почти ничего не ел. Уоррен Кристофер передал записку: “Ничего не ест. Плохой знак”. Считать, сколько Ельцин принял, станет нашей привычкой на саммитах…

…Той ночью в “Блэр Хаус” Ельцин с пьяным рыком шатался по комнатам в трусах. Спотыкаясь, он спустился на первый этаж и стал приставать с разговорами к агенту американской Службы безопасности. Тому удалось убедить Ельцина вернуться наверх под попечительство своего телохранителя, но скоро Ельцин пришел снова, твердя: “Пицца! Пицца!” Наконец, русская Служба безопасности крепко взяла его под руки и, пытаясь успокоить, быстро отвела наверх».

Все это было бы смешно, кабы не было так грустно…

Примечания Александра Коржакова

1 Правду о том, что случилось в комнате отдыха, долго скрывали. В тот день смена была не моя; я ничего не знал. Меня очень насторожило, что по команде Наины у Ельцина поотбирали вдруг все стеклянные и колющие предметы: бокалы, рюмки, вилки, ножи. Только через несколько дней врачи мне рассказали, что Борис Николаевич якобы упал на ножницы.

2 Ельцин даже мне пытался рассказывать «сказки» об этих мифических хулиганах. От «харакири» у него на животе остался шрам. И вот всякий раз, когда мы шли с ним в баню, Ельцин гордо говорил: видите след? это на меня в подземном переходе напали… я их всех раскидал, но успели, сволочи, задеть…

Проходит пара недель. Борис Николаевич в бане опять заводит: знаете, откуда шрам?.. бандиты напали… выхожу я из гостиницы «Москва», после Межрегиональной депутатской группы, а они – уже с ножом поджидают… всех разбросал, конечно…

3 На той встрече, в Раменках, Ельцин, не пил. Редкий случай, но он уехал за город ни в одном глазу. Поэтому все, что случилось потом, придумано было абсолютно на трезвую голову.

4 После долгих раздумий я тоже склоняюсь к этому варианту: Ельцин решил в очередной раз покончить жизнь самоубийством – но так, чтоб не до смерти, а просто попугать. Скорее всего, он просто спустился к реке, окунулся прямо в одежде, а потом придумал историю со своим похищением.

5 Суханов и мне рассказывал, что они с Ельциным квасили в ту ночь до 6 утра. Только-только его стало разбирать, а надо уже выезжать. Борис Николаевич поспал полчаса и его окончательно развезло. Пили они, действительно, исключительно виски «Джэк Дэниэлс».

Глава пятая
ЛЕНИНСКАЯ СКРОМНОСТЬ

Несколько стеллажей в квартире Льва Суханова, бывшего ельцинского помощника, сплошьзабиты папками с бесценным архивом. До самых последних дней Суханов мечтал разобрать их, рассортировать, но так и не успел: в 1998 году его не стало.

Как и положено истинному помощнику, Суханов любовно собирал все бесчисленные интервью своего патрона, черновики его речей и выступлений, программы визитов и вояжей.

Часть сухановского архива мне любезно передала его вдова – Светлана Михайловна.

Читать эти исторические документы сегодня, с высоты прожитых лет, смешно и грустно одновременно.

Вообще, занятие это – перелистывать старую агитацию – предельно увлекательное. Уже и сам кандидат, верно, забыл все, что *наболтал* в период предвыборной горячки (про доверчивых избирателей – и говорить не приходится). А бумага – точно скучный бухгалтерский отчет: дебет-кредит, сдал-принял – помнит все, до последней запятой.

По степени щедрости раздаваемых обещаний Борис Ельцин – на всех своих выборах – равных себе не имел.

Первым, пожалуй, из советских политиков понял он ключевое слагаемое публичного успеха: в борьбе за любовь избирателей хороши все средства. Агитация – это та же лесть: переборщить невозможно, кашу маслом не испортишь. Главное – победить, а там уже видно будет. В конце концов, обещать – вовсе не значит жениться…

Какие только золотые горы не сулил россиянам Ельцин; какую только манну небесную не предрекал.

Вот, к примеру, главный тезис его программы 1989 года, когда избирался он народным депутатом СССР.

«Ужесточить борьбу за социальную справедливость. Добиться равных возможностей для всех граждан – от рабочего до главы государства – в приобретении продовольственных, промышленных товаров и услуг, в получении образования, медицинском обслуживании. Ликвидировать различные спецпайки и спецраспределители».

Каково!

А это уже – его обещания года 1990: первые выборы народных депутатов РСФСР:

– К 1993 году увеличить строительство жилья в 1,5 раза.

– Укрепить курс рубля, снизить уровень инфляции.

– Обеспечить право на достойное существование каждому трудящемуся и его семье путем установления соответствующей доли отчисления от результатов труда (увеличение ее за пятилетку в 2 раза) и учреждение системы социальных гарантий в период перехода к рыночной экономике.

– Вернуть народу награбленное у него, защитить от преступников новые формы экономики.

– Союзу ССР – профессиональную армию, России – территориальное ополчение (срок службы – 10 месяцев с местом службы в республике, где он призван).

– Отменить все привилегии, включая использование государственного транспорта. Передать все государственные дачи, особняки и другие социальные объекты спецназначения детям и наименее социально защищенным слоям населения.

– Вопросы выделения государственного легкового транспорта руководителям, а также охраны, должен решать персонально по каждой кандидатуре только Верховный Совет РСФСР.

– Разработать четкую программу, позволяющую оздоровить экономику через 2–3 года и ликвидировать внешнюю и внутреннюю задолженность нашей страны.

– Отдать наибольший приоритет сильной социальной политике и сделать заботу о человеке своей главной целью.

– Всячески бороться против зарождающегося в стране бюрокра-тического элитного слоя представителей коррумпированных кругов.

Не вижу нужды комментировать эти совершенно демагогические, популистские обеты. *Как* выполнял их Ельцин – каждый самолично имел возможность ощутить на собственной шкуре…

Борьба с привилегиями была излюбленным коньком будущего президента; его беспроигрышным козырем; жупелом, которым постоянно размахивал он перед лицом восторженных масс. И чем хуже становилось положение дел в стране, тем лучше тезис этот *работал* .

В отличие от заумных экономистов-горбачевцев, всяких там Абалкиных, Шаталиных и Аганбегянов, Ельцин не вдавался в тягостные рассуждения на макроэкономические темы. В экономике понимал он слабо, неплохо разбираясь зато в психологии толпы. От него ждали простых ответов на сложные вопросы, и Ельцин с легкостью давал их.

Собственно, за последние пару веков вопросы эти несильно изменились: «кто виноват?» и «что делать?».

Кто виноват в том, что из магазинов – даже столичных –

исчезли продукты, а водку и сигареты вот-вот начнут продавать по талонам?

Кто виноват, что в некогда братских республиках рекой льется кровь, в Карабахе идет уже настоящая война, а в Фергане громят турок-месхетинцев?

В конце концов, кто виноват в нашей паршивой жизни, в нищенских зарплатах и всеобщем убожестве, тогда как Запад «загнивает» нам на зависть, и вчерашняя поверженная Германия живет в тысячи раз лучше своих победителей?

У Ельцина на все имеется ответ. Главный виновник – это советско-партийная номенклатура: зажравшаяся элита, которая разваливает и разворовывает отчизну. И, конечно же, Горбачев.

Редкое его публичное выступление обходится теперь без того, чтобы не уличал он номенклатуру во всех смертных грехах.

Еще на XIX партконференции Ельцин – первым – во всеуслышанье потребовал «ликвидировать продовольственные “пайки” для, так сказать, “голодающей номенклатуры”, исключить элитарность в обществе».

Если уж зал Кремлевского дворца съездов, где голодных сирот не имелось по определению, встретил эти слова бурей оваций, то что говорить о простых смертных.

В той, конца 80-х нищей стране, трудно было найти ход удачнее: Ельцин понял это давно, еще со времен секретарства в МГК, когда устраивал показные хождения в народ и катания на автобусах в стиле Гарун-Аль-Рашида. Если ему требовалось уволить кого-то из партийных чиновников, в ход обязательно пускались обвинения в барстве и непозволительной роскоши; излюбленный ельцинский *дуплет* – одним махом он уничтожал неугодных и повышал собственную популярность.

Сняв, например, с работы второго секретаря Октябрьского райкома Данилова, он тут же сообщает притихшему пропагандистскому активу:

«Квартиру в многоквартирном доме он отгрохал себе барскую, с персональным камином и персональной дымовой трубой, пронизавшей весь дом. Таким князьям не место в партии! На партработе должны работать кристально чистые люди».

И растроганные активисты хлопают альтруисту-бессребренику, не жалея ладоней. Откуда ж им знать, что лет через десять секретарь Данилов с жалким персональным камином будет смотреться на общем чиновничьем фоне нищей церковной мышью…

«Он был “неукротим”, – рассказывал позднее Егор Лигачев. – Начал с того, что пытался прикрыть поликлинику, обслуживающую писателей, школы с углубленным изучением

иностранных языков. Пришлось поставить эти прожекты на Секретариат ЦК, и они были отвергнуты, как вредные, демагогические. Ельцин, как человек амбициозный, властолюбивый, не смог признать ошибочность своих действий и продолжал в том же духе…»

В предыдущих главах я уже упоминал, что до переезда в Москву ни о какой борьбе с привилегиями Ельцин и не заикался. Да и работа его в должности секретаря МГК не располагала к аскетичному образу жизни: элитная квартира, роскошная дача, пайки. Ни от одного из этих благ, пока был он у власти, Ельцин, кстати, не отказался, хоть и уверял позднее, будто многократно на Политбюро предлагал ликвидировать ненужные привилегии.

(«Он и на даче жил, даже когда ушел после ноябрьского пленума Московского горкома. За ним осталась черная “Чайка”, и мы с его мамой и Наиной Иосифовной садились в ту “Чайку” и ехали в кремлевскую больницу, где он лечился, – свидетельствовал позднее Михаил Полторанин. – Он никогда против этого по-настоящему и не боролся, только в политических целях. И для себя оставлял все привилегии, считая, что ему это положено».)

Но время диктует новые условия. Теперь он вынужден то и дело устраивать показательные выступления, дабы подчеркнуть ленинскую свою скромность.

«Моя супруга ходит по магазинам и ничего! – восклицает он на встрече со слушателями Высшей комсомольской школы в ноябре 1988 года. – Едим колбасу, правда, предварительно надо глаза зажмурить. Считаю, что нехватку чего-то у нас в равной степени должен ощущать каждый».

«Состою на учете в районной поликлинике, – гордо сообщает он годом позже, в интервью журналу “Родина”. – Как-то простудился, температура 39. Участковый врач выписала рецепт, но попробуй купить лекарство. Жена обошла с десяток аптек, нет антибиотиков, и все тут! Врач посоветовала: “Борис Николаевич! Да обратитесь вы в 4-е управление, вам всегда помогут…” Нет! Категорически нет! Лечился домашними средствами».

А вот другой образчик его тогдашнего творчества. В так и не опубликованном интервью, данном в сентябре 1988 года, опальный трибун заявляет:

«Слишком много людей, которые привыкли, понимаешь, быть в этой элите, что ли, и пользоваться этими благами и так далее. И надо, чтобы как-то пришел на смену им народ совершенно чистый, нравственно чистый, абсолютно преданный партии, и люди, которые были бы перед людьми абсолютно чисты и могли бы смотреть глаза в глаза».

Под «нравственно чистым народом» Борис Николаевич, несомненно, имеет в виду себя. А как иначе, если жена ходит по магазинам и самолично штопает ему прохудившуюся одежду.

(Наина Иосифовна, в одном из первых своих публичных выступлений, на голубом глазу рассказывала, что супруг, подобно Ленину, носит один и тот же костюм, и ей все время приходится латать подкладку, а также… штопать носки.

Вообще, аналогии с Ильичем в те годы Ельцину очень нравились. Свои хождения в народ он любил – ненавязчиво – сравнивать с ленинской доступностью. В первом же интервью Борис Николаевич говорил даже, что «в Ленина были выпущены пули именно в тот момент, когда он после выступления перед рабочими возвращался с завода Михельсона».)

Апофеозом этого демонстрационно-показательного аскетизма стал документальный фильм, снятый в 1989 году по сценарию придворного баснописца Юмашева (о нем разговор еще впереди). Дружная, советская семья, скромно и непритязательно одетая (ни о каких бриллиантах и заграничных особняках она еще и не помышляет), и столь же скромный ее глава в затрапезном костюме-тройке, поправляющий щетки на лобовом стекле «Москвича». (В действительности Ельцин водить машину не умел, но слишком хороша была эта *картинка* .) Они – такие же, как и каждый из нас, только еще чище и лучше, потому что болеют за всю страну, не жалея себя.

О том, что скрывалось за парадным фасадом ельцинской скромности, избирателям узнать было не суждено. Кроме тех немногих, кто жил с Борисом Николаевичем по соседству, и собственными глазами имел возможность эту самую *скромность* наблюдать: например, в обличье инспектора ГАИ, который специально был поставлен посреди улицы Горького, дабы перекрывать движение, когда Ельцину приспичит пересечь две сплошных, выезжая из дому.

В этой связи крайне занимателен рассказ бывшего пресс-секретаря президента Павла Вощанова, описывающий эпизод раннего ельцинизма (1989 год).

«Однажды мы вылетали в Японию. В аэропорту “Шереметьево-2” он спрашивает: “как пойдем – через депутатский зал или как рядовые пассажиры?” И сам же решил: пойдем как рядовые. А то журналисты увидят в депутатском зале и подумают, что Ельцин только на словах борется с привилегиями. Прошли через обычную стойку, вошли в салон самолета, и тут я получил серьезную взбучку от Бориса Николаевича. Оказывается, билеты у нас были куплены не в первый класс, а в экономический. То есть мы должны были лететь как рядовые пассажиры. Я ему говорю,

так мы вроде как живем теперь без привилегий. Он мне отвечает, дескать, соображать надо: в самолете журналистов-то нет, можно слегка и расслабиться».

No comments.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Импульсивность – ситуативность, непоследовательность, способность выйти за рамки стандартных схем действий, в крайней степени – гибкость моральных суждений, хаотичность.

Между прочим, в запале борьбы за социальную справедливость, никто так и не задался очевидным, казалось бы, вопросом: а какие, собственно, привилегии полагались ненавистным членам Политбюро? Скажем, тому же треклятому Лигачеву?

Преинтереснейшие, скажу вам, сведения.

Егор Кузьмич Лигачев, по собственному его признанию, получал зарплату в 1200 рублей, спецпаек, имел персональную автомашину, охрану из трех человек, квартиру улучшенной планировки. Персонально закрепленных самолетов членам Политбюро не полагалось. Личной дачи – тоже: исключительно казенная, причем, после ухода в отставку или в случае смерти, ее необходимо было сдавать. (О выкупе госдач за три копейки никто тогда и не помышлял.)

Нетрудно сравнить этот «райский набор» с благами, которыми пользуются сановники нынешние. Что называется, найдите десять отличий.

Бедные мы, наивные люди! Мы ведь искренне верили, что как только придет Ельцин к власти, разом наступит эра великого равенства и социальной справедливости. Министры станут лечиться в одних поликлиниках с простыми работягами, а их жены – стоять в общих очередях. Персональные автомашины – членовозы – исчезнут как страшный сон. 4-е управление Минздрава – демократы ненавидели его не меньше, чем 5-е управление КГБ – мгновенно будет упразднено. Элитные правительственные дачи – отойдут детдомам и туберкулезным санаториям.

Заповедные дачи – это был особо излюбленный конек Бориса Николаевича. Почти на всех встречах с населением в обязательном порядке он рассказывал, в какой непозволительной роскоши прозябают наши вожди; о четырех горбачевских дачах, которые обошлись бюджету в десятки миллионов рублей, тогда как у страны не хватает денег на одноразовые шприцы, и детей колют «ржавыми гвоздями».

Этот обличительный почин был радостно подхвачен депутатами. В Верховном Совете СССР появилась даже специальная комиссия по вопросам привилегий и льгот, которая с настойчивостью святой инквизиции доводила чиновников до сердечных приступов своими допросами и разносами.

Когда в июле 1990 года премьер Рыжков решил под шумок выкупить служебную дачу в поселке Ильинское, вопрос этот вынесли аж на всеобщее голосование. Устроенная обструкция так напугала Рыжкова, что он, по привычке заплакав, мгновенно расторг договор купли-продажи.

Но прошли каких-то пара лет, и Бориса Николаевича точно поразил приступ склероза: он мгновенно забыл обо всех своих обещаниях.

«Та борьба с привилегиями очень быстро закончилась, – свидетельствует Михаил Полторанин. – В 92-м году мы уже ездили к Ельцину на дачу. Они у него появлялись, как грибы: первая, вторая, третья. И горбачевские забрал. И на дачах – роскошь. Потом пошли спецсамолеты…

Однажды, это было при Чубайсе, Гайдаре и Шахрае, я при всех стал об этом говорить – был уже 93-й год… Зачем эти излишества, которые нас окружают? И тогда Ельцин покраснел и сказал, что я вообще много себе позволяю, пользуясь старой дружбой».

Без малейшего зазрения совести Борис Николаевич занял все бывшие дачи Горбачева – те самые, тысячи раз раскритикованные им за роскошь и мотовство – в том числе и объект «Барвиха-4», за возведение которого архитектор и руководитель строительства получили от генсека по ордену Ленина.

А в остальные дачи преспокойно вселились его соратники: вчерашние демократы-громовержцы. И принялись – с позволения президента – скупать их за бесценок.

Первым пробил эту брешь премьер Силаев. Еще в декабре 1991 года он выкупил дачу в Петрово-Дальнем (379,9 кв. м.) за смешную сумму: менее чем в тысячу долларов. И – понеслось.

Ельцинские помощники Пихоя и Рюриков, пресс-секретарь Костиков, шеф президентского протокола Шевченко, министры Козырев и Сидоров, спикер Госдумы Рыбкин, руководитель администрации Егоров и прочая, прочая. Все эти, без сомнения, достойные люди стали обладателями дач с огромными земельными участками в престижнейших уголках Подмосковья: Барвиха, Жуковка, Успенское. Сегодня стоимость одной сотки земли зашкаливает там за сто тысяч долларов. Они же приобретали дома и гектары по цене ржавых «Жигулей», ниже даже и без того низкой балансовой стоимости (больше десяти

тысяч «зеленых» не платил никто). Все выкупы неизменно оформлялись распоряжениями президента.

Рублево-Успенское шоссе – это не только самое дорогое место в России. Это еще и живое свидетельство того, во что трансформировалась ельцинская борьба с привилегиями.

Тем, кто еще не бывал здесь, рекомендую съездить на экскурсию: для наглядности. Желательно это сделать с утра, когда трассу перекрывают для проезда высоких чинов. Стоя в многокилометровой пробке, у вас будет достаточно времени, чтобы по достоинству оценить разбросанные вокруг чиновничьи особняки и роскошные иномарки, проносящиеся с воем мигалок по встречной полосе.

А еще попробуйте проникнуть в какой-нибудь из санаториев управделами президента – в «Лесные дали», «Сосны», «Бор» – и поговорите с местной челядью: как *было* и как *стало* . Уверен, они расскажут вам много интересного, ибо по степени размаха кремлевское Управление делами давным-давно затмило управделами ЦК, Совмина и Верховного Совета вместе взятые. Это настоящая империя, со своими поселками, жилыми кварталами, комбинатами питания и сельхозпредприятиями.

Бедные Горбачев с Лигачевым! За что же, спрашивается, гнобили и травили их? Они не имели и сотой доли той роскоши, которая окружает нынешних власть предержащих.

На фоне сегодняшнем привилегии их выглядят, как старая, побитая жучком обшарпанная мебель против резного гарнитура карельской березы с золотой инкрустацией.

Примерно такой же, что стоит на даче «Барвиха-4», с территорией в 60 гектаров и специально отведенным руслом Москва-реки. Там по-прежнему обитает Борис Николаевич с семьей. Роскошный ремонт «Барвихи» был выполнен по эскизам, утвержденным младшей дочкой экс-президента Татьяной Дьяченко (ныне – Юмашевой). В какую сумму обошелся он, а также специально привезенная по заказу мебель, не знает никто.

Зато объем государственных расходов на содержание Бориса Николаевича секретом отнюдь не является. Ежегодно налогоплательщики тратят на обеспечение достойной старости бывшего борца с привилегиями 60 миллионов рублей: больше 2 миллионов долларов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В Кремле в первые годы после революции царили аристократы эмиграции – Троцкие, Зиновьевы, Каменевы. Они насмотрелись за свою эмигрантскую жизнь на быт правящей верхушки западного общества.

Для них первым завоеванием революции была возможность устроить с максимальным удобством и максимально возможной роскошью свою жизнь. И они не отказывали себе ни в чем. Выбирали наилучшие дворцовые квартиры, обставляли их самыми дорогими и блестящими вещами. Все это было грубовато, порой смешно, как расшитый золотом кафтан аристократа на неуклюжем теле вчерашнего плебея.

Приемы, устраиваемые Наркоминделом, отличались большой пышностью. Кормили всегда тяжело по-русски. Работали полтора-два десятка поваров – лучших из оставшихся от старой России. Были вначале трудности с фарфором и хрусталем: все это было сбродное, преимущественно из частных особняков, с частными гербами и инициалами.

Бюробин – бюро по обслуживанию иностранцев – ухитрялся иногда подсунуть сервизы, ранее принадлежавшие иностранным посольствам. Так, в распоряжении Бюробина был серебряный сервиз английского посольства. Его запрещено было подавать иностранным дипломатам во избежание недоразумений. Но его все-таки подсунули, и иностранцы заговорили о том, что на приемах подается посуда, краденая у частных лиц…

(Из книги С. В. Дмитриевского «Советские портреты»)

К началу 1990 года Ельцин был уже одним из ведущих политиков в России. Со смертью академика Сахарова, он оказался ключевой фигурой демократической оппозиции в Верховном Совете – в так называемой Межрегиональной депутатской группе, а посему о прежних коммунистических воззрениях старался не вспоминать.

Но статус оппозиционера, пусть даже и сверхпопулярного, тяготил Ельцина. Он жаждал реванша. Горбачев по-прежнему оставался для него главным соперником, вот только конкурировать с ним впрямую Борис Николаевич возможности не имел.

Неважно, что его популярность росла день ото дня. Для того чтобы вступить с Горбачевым в окончательный, решающий поединок, одной популярности явно недоставало. Ельцину нужен был хоть какой-то статус: плацдарм, позволяющий не покусывать генсека из подворотни, а разговаривать на равных, с позиции силы.

Ближайший ельцинский сподвижник Михаил Полторанин так описывал этот синдром *застоявшегося броска* :

«В нем ревность разгоралась как костер. Почему он, такой умный, такой сильный, могучий, в этом не участвует, а замухрышки тут, понимаешь, политику государственную определяют».

Окружение предлагало Ельцину на выбор несколько вариантов реванша. Пойти на выборы либо в Моссовет, либо сразу в российский парламент. В первом случае, как писал его помощник Суханов, «планировался “захват” Москвы через избрание главой Моссовета». Но столичный план Борис Николаевич, поразмыслив недолго, отверг: возврат в Москву означал для него откат в прошлое.

Вариант второй казался, несомненно, куда более заманчивым: пройти в Верховный Совет РСФСР, дабы претендовать на место спикера, а потом…

Лев Демидов, один из десяти ельцинских доверенных лиц на выборах в союзный парламент, рассказал мне, что окончательную точку в *метаниях* поставил один весьма откровенный разговор.

Видя колебания Бориса Николаевича, его тогдашнее окружение объявило: надо баллотироваться в Верховный Совет. Рано или поздно в России будет введено президентство. Кто как не вы, дорогой шеф, достойны занять этот пост.

Эти музыкой звучащие слова легли на благодатную почву. Ельцин давно уже размышлял о чем-то подобном.

Конечно, определенный риск был. Нет, в том, что он получит мандат, сомнений как раз не возникало: Ельцина с ходу избрал бы любой регион. А вот за председательское кресло следовало еще побороться, слишком рано было сбрасывать Горбачева со счетов.

К тому времени взаимная нелюбовь их приближалась уже к апогею. Горбачевский помощник Шахназаров вспоминает, как на одном из заседаний Политбюро генсек принялся вдруг размышлять вслух:

«Странные вещи в народе происходят! Что творит Ельцин – уму непостижимо. За границей, да и дома, не просыхает, говорит косноязычно, несет порой вздор, как заигранная пластинка. А народ все твердит: “Наш человек!”»

По-моему, даже по прошествии десятилетий Михаил Сергеевич так и не понял, за что же народ полюбил Ельцина.

Все, о чем говорил генсек, было истинной правдой: и косноязычие, и вздор, и непрекращающееся пьянство. Но Ельцин был хорош уже тем, что разительно отличался от Горбачева. Он был искренен – так, по крайней мере, казалось. Эмоционален. Он

был живым, черт возьми!

Ельцин – это своего рода черный человек Горбачева; его антипод; мистер Хайд при докторе Джекилле. У него отродясь не водилось никаких программ и глобальных планов. Он не предлагал ничего нового, кроме общих, избитых лозунгов. Все, что делал он, ограничивалось размазыванием Горбачева и партийной элиты по стенке.

Просто раздражение горбачевской четой было в народе уже столь велико, что одно это возносило любых недругов генсека на щит: кстати, по такому же точно принципу немало политиков в конце 90-х сделали карьеру на оголтелой критике президента.

Перефразируя слова Чаадаева, можно смело сказать: «Ельцин победил не потому, что он прав, а потому что неправы его враги».

Последней решающей ошибкой, допущенной Горбачевым (а сколько их было всего? и не сосчитаешь!), стало избрание его в марте 1990 года президентом СССР. Если бы генсек отважился на прямые, демократические выборы, власть его только укрепилась бы. Но он панически, смертельно боялся провала и неожиданностей. Поэтому СССР стал единственной страной, где президента выбирал не народ, а подконтрольный ему парламент. Да и то: почти треть депутатов проголосовала «против» – результат очень показательный.

Оттого, что Горбачев гордо звался теперь «президентом», ничего существенного не поменялось. Ему бы отрешиться от КПСС, приноровиться к новым веяниям – страна уже бурлила вовсю, только за первые 2 месяца 1990 года в Союзе прошло 6,5 тысяч забастовок, самыми мощными из которых были, конечно, шахтерские стачки, но Михаил Сергеевич монотонно продолжал *бубнить* про обновление и плюрализм.

Можно подумать, Ельцин приплачивал ему за *конферанс* , ибо лучшего контраста, чем горбачевские благоглупости, трудно было сыскать даже при всем желании…

Ельцин колебался недолго. Он решает идти в депутаты от своего родного Свердловска. Почему же не от Москвы, где всего год назад, на выборах в союзный парламент, он получил рекордное число голосов: почти девяносто процентов?

На встречах с избирателями кандидат объяснял это тем, что пришло, дескать, время порадеть за малую родину.

Вряд ли. Мне думается, истинная причина была куда прозаичней. Ельцин рассуждал прагматично и здраво: повторить прошлогодний московский успех было для него задачей архисложной. Получи он теперь хоть на тысячу голосов меньше – со стороны это выглядело бы как падение его популярности.

В Свердловске же он ничем не рисковал. Земляки все еще

продолжали обожествлять бывшего своего вожака.

Расчет оказался верным. За Ельцина проголосовали 95 процентов избирателей – больше даже, чем в Москве.

Вообще, к выборам этим Ельцин и его команда готовились куда более основательно. Созданное на базе Межрегиональной депутатской группы движение «Демократическая Россия» выставила своих кандидатов практически по всем округам.

У «ДемРоссии» не было ни особых денег, ни административного ресурса. И тем не менее она одержала сокрушительную победу: демократы выиграли в каждом третьем округе. Крупные города – Москва, Ленинград, Свердловск – поголовно отдали свое предпочтение выдвиженцам Ельцина: именно выдвиженцам, ибо все обращения в поддержку кандидатов были подписаны им лично, и это во многом определило исход битвы.

Если в союзный парламент Ельцин пришел один-одинешенек, то теперь за ним стояла уже целая команда. В основном, это были те, с кем сошелся он в Верховном Совете СССР: люди яркие, неординарные, а потому очень быстро выкинутые за борт. [14]Впрочем, о командных принципах Бориса Николаевича мы поговорим отдельно, пока же скажу лишь о том, что к концу первого президентского срока никого из той, самой первой его гвардии, рядом с Ельциным не осталось…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Осенью 2005 года после достижения «оранжевыми» революционерами своих политических целей президент Ющенко разогнал практически всю свою команду за исключением генпрокурора. Наиболее яркие фигуры «оранжевой» команды во главе с Тимошенко, экс-госсекретарем Зинченко, экс-шефом спецслужб Турчиновым, экс-вице-премьером Томенко в итоге из числа соратников президента перешли в жесткую оппозицию к нему.

В одном из интервью у крестного отца Ельцина, бывшего секретаря ЦК Якова Рябова спросили: какая основная черта характера превознесла вашего ученика на вершину. Рябов, не раздумывая, ответил:

«Власть. Болезненная, ностальгическая ее жажда. Как говорится, до затмения разума и потери пульса».

Ельцин, действительно, был невероятно, чудовищно властолюбив. (Недаром, когда в 1996 году, после тяжелейшей операции, только-только стал выходить из комы, первое, что он сделал, лежа еще в постели, – забрал обратно у Черномырдина

ядерный чемоданчик.) Но это было заметно лишь тем, кто хорошо его знал.

Всеми остальными ельцинское властолюбие принималось за внутреннюю, недюжинную силу; могучий стержень, который, точно магнит, притягивал к себе людей.

В подтверждение рябовским словам имеет смысл напомнить одну *медицинскую* историю, случившуюся с нашим героем накануне выборов российского парламента.

Весной 1990 года Ельцин вместе с верными своими оруженосцами – Львом Сухановым и Виктором Ярошенко – отправился по Европе: представлять только что вышедшую «Исповедь на заданную тему».

Он побывал в Стокгольме, Амстердаме, Осло, Милане, Париже, Гамбурге, и везде встречали его с уважением и почетом. (Так, по крайней мере, утверждают его помощники, и это похоже на правду, ибо, случись по-другому, Ельцин – в один миг – наверняка прервал бы свое турне.)

В Лондоне его даже принимала Маргарет Тэтчер, чем он долго похвалялся потом перед коллегами и журналистами, подавая встречу эту, как личный триумф и «прорубание окна в Европу», хотя у «железной леди» мнение сложилось совсем иное.

(В своих мемуарах она подробно описывала, что сразу же поставила Ельцина на место, сказав, что всецело поддерживает Горбачева, поэтому о смене приоритетов и речи идти не может. Когда же Ельцин предложил ей завязывать торговые и экономические контакты напрямую с Россией – он незримо видел уже над собой шапку Мономаха – Тэтчер лишь дипломатично улыбнулась:

«Господин Ельцин, давайте подождем. Пусть Россия станет новой и свободной. И тогда… Все возможно».)

Впрочем, мы, кажется, отвлеклись…

Итак, совершая европейское турне, Ельцин отправляется в Испанию. Путь его лежал из старинной Кордовы в Барселону. Но случилось непредвиденное. В воздухе у самолета – «двухмоторной консервной банки», по оценке Суханова, – вышла из строя электрика, а следовательно, отказали и шасси. Не сумев опустить машину на воду, пилоты принимают решение: садиться на ближайший горный аэродром. Но тут, как на грех, поднялся сильнейший ветер, самолет потерял скорость и буквально упал на брюхо.

По свидетельствам Суханова и Ярошенко, высокий пассажир все это время вел себя подчеркнуто храбро; он, к примеру, отказался пристегиваться, нарочито весело крикнув пилотам: «Кому суждено быть повешенным, тот не утонет». У него нашлись

даже силы шутить: больше нет, мол, никаких привилегий, падаем все вместе; может, речку какую найдем – успеем выпрыгнуть…

(Да, уж кому-кому, а Ельцину прыгать в воду с высоты – дело привычное.)

Но шутки-шутками, а тряхануло самолет при падении прилично. Если б послушался он пилотов и пристегнулся, может, и последствия были бы иными – но в этом весь Ельцин: бесшабашный, лихой, самоуверенный. Хоть и резанула его острая боль в спине, он лишь покровительственно машет рукой: ерунда, поболит и перестанет.

Только потом выяснится, что много лет назад, когда Ельцин играл еще в волейбол, у него произошло смещение позвонков. Их как будто вправили на место, но теперь, после удара, они снова дали о себе знать.

Однако Борис Николаевич от врачебной помощи упрямо отказывается. Добравшись с грехом пополам до Барселоны – какой-то злой рок преследовал его в этот день; в полете новый уже самолет попал в грозу, тряска поднялась жуткая – Ельцин еле-еле дотянул до вечера.

«Засыпал он беспокойно, со стоном, – пишет Суханов. – Я просидел рядом с ним на диване всю ночь, ибо когда ему надо было перевернуться на другой бок, он не мог это сделать без посторонней помощи… Он засыпал, но ненадолго».

К утру муки только усилились. Приехавший врач срочно сделал обезболивающий укол и поставил диагноз: защемление нерва позвонка.

МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

Наиболее распространенная причина защемления нервного корешка – это разрыв диска, расположенного между позвонками. Нарушается целостность диска, появляются трещины, в результате чего возникает грыжа. Грыжа – это выступающее за естественные анатомические пределы образование. В данном случае таким образованием является часть разрушенного межпозвонкового диска.

Доктора настаивали на немедленной госпитализации, однако Ельцин продолжал упрямиться. Он даже умудрился поехать на радио, давать интервью, но по дороге потерял от боли сознание.

Обезумевшие помощники вернули полуживого шефа в отель, снова вызвали врача. А Борис Николаевич, как ни в чем не бывало, едва пришел в себя, вновь принялся ломаться и капризничать. «На “скорой помощи” не поеду», – прохрипел он еле слышно, когда убедили его – всем миром – что без

госпитализации не обойтись.

Даже в такие минуты самым важным для него было сохранить статус-кво: неровен час, какой-нибудь *папарацци* запечатлит, как выносят на носилках недвижимого Ельцина. Подобно большинству невежественных людей, Борис Николаевич не терпел над собой никаких насмешек. Ему было проще корчиться от боли, нежели показаться нелепым и жалким. Хотя чего здесь, собственно, унизительного? Можно подумать, лежать на носилках постыднее, чем принародно мочиться на шасси самолета…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Скопофобия – боязнь выглядеть смешным, привлечь к себе внимание.

Врачебный диагноз был скор и неутешителен: сильный удар раздробил на мелкие кусочки один из межпозвоночных дисков. При малейшем движении острые, как лезвие, осколки защемляли нерв, причиняя невыносимые страдания.

Уже в больнице Ельцина парализовало почти на восемьдесят процентов. «Если срочно не приступить к операции, – предупредили специалисты, – наступит полный паралич».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Паралич – отсутствие произвольных движений, обусловленное поражением двигательных центров спинного и головного моз-га, проводящих путей центральной или периферической нервной системы. Их причины: нарушения кровообращения, воспалительные процессы, травмы, опухоли нервной системы. Периферический паралич характеризуется полным отсутствием дви-жений, падением тонуса мышц, угасанием рефлексов, атрофией мышц.

Но Ельцин продолжал оставаться верен себе. Он потребовал… отправить его домой, в Москву, сделав предварительно новокаиновую блокаду.

Что происходило дальше – доподлинно неизвестно, ибо с этого момента свидетельские *показания* кардинально расходятся. Ельцин утверждает, что на операцию он в конце концов согласился. Ярошенко уверяет, что, напротив: от госпитализации шеф отказался, но он (в смысле Ярошенко) заявил врачам, что является доверенным лицом капризного больного и всю ответственность берет на себя.

Операция длилась несколько часов. Ее делал нейрохирург Жозеф Льевет. Закончилась она успешно.

Уже через два дня Ельцин сумел встать с постели и сделать несколько первых шагов, отбросив костыли. А еще тремя сутками позже, 5 мая, несмотря на увещевания врачей, сановный пациент улетел-таки в Москву. Он не успел до конца окрепнуть, но куда больше тревожило его не собственное здоровье, а предстоящие выборы.

До дня голосования в Верховный Совет оставалось всего-ничего: 11 дней. Ельцин просто не имел права проиграть их; лежа на больничной койке, упустить свою птицу удачи.

Как и все властолюбцы, он готов был платить даже жизнью, лишь бы дорваться до предмета своего вожделения…

Весть о постигшей Ельцина беде мгновенно разлетелась по Союзу. Сотни людей, прознав каким-то неведомым образом о времени его возвращения, пришли с цветами в «Шереметьево» встречать своего кумира.

Боль, правда, стала одолевать его вновь, но, заприметив восторженную толпу, Ельцин вернулся в прежнее свое амплуа. Он наотрез отказался садиться в карету «скорой помощи», вызванную заботливыми наперсниками, и, стиснув от боли зубы, ринулся в толпу. Это народное признание и восторженные взоры действовали на него в сто крат сильнее, чем любое лекарство.

МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

Тщеславие – поиски суетной или тщетной, вздорной, ложной славы, внешнего почета, блеска, почестей или хвалы; величаться, кичиться, возноситься, ревнуя вообще к наружным знакам почета; хвалиться заслугами, достоинствами.

Самое интересное, что в стране моментально распространился слух, будто авиакатастрофу в Испании подстроил КГБ. Люди обсуждали это на полном серьезе, а в одной крупной газете черным по белому так и написали: агенты Лубянки вывели из строя бортовую энергосистему…

(Помнится, по такой же логике нас убеждали когда-то, что крушение лайнера с юной американкой Самантой Смит на борту – дело рук ЦРУ.)

Но таков уж удел российских кумиров: что бы ни происходило с Ельциным, в какой бы только переплет он не попадал – все это тут же обрастало комом сплетен и самых фантастических мифов.

Забегая вперед, скажу, что когда в том же году Ельцин угодил в ДТП – прямо у дома, на улице Горького, в его «Волгу» врезался старый «жигуленок» – эта пустяковая, в общем, ситуация стала предметом многомесячного народного обсуждения. И хотя виноват был ельцинский шофер, слухи – один кошмарнее другого

– будоражили общество. Журналисты пронюхали, что фамилия водителя «Жигулей» Ерин, тут же вспомнилось, что в руководстве МВД работает какой-то Ерин, и пошло-поехало…

«Из десяти москвичей, – констатирует Суханов, – девять верили, что это настоящее покушение. Даже через полгода многие люди всерьез думали, что это КГБ хотел расправиться с неугодным лидером демократов».

Не знаю, как насчет расправы, но последствия этого ДТП скажутся потом на всей стране. От удара Ельцин получил сотрясение мозга, и ему пришлось даже ненадолго залечь в больницу. У него и так-то психика была надорванной[15], а вкупе с сотрясением…

Россию ждало веселенькое будущее…

> МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА
>
> Сотрясение мозга наблюдается после ударов, падений и выражается головной болью, головокружением, иногда беспамятством, чаще потерей энергии. Причина – функциональное расстройство мозга без анатомических повреждений. При весьма сильном сотрясении мозга разрыв мозговых сосудов может привести к быстрой смерти. При легком течении отмечается кратковременная потеря сознания с последующим удовлетворительным состоянием.

Выборы в российский парламент состоялись 16 мая 1990 года. Со времен февральской революции это было первое голосование в новейшей истории, когда депутатов избирали исключительно на альтернативной основе.

Несмотря на внушительную победу демократов, за свое владычество Ельцину предстояло еще побороться. Контрольного пакета голосов не было ни у одной из политических сил. Для того чтобы провести любое решение, требовался 531 голос. «ДемРоссия» же располагала примерно 465 мандатами, а коммунисты, сиречь Горбачев – 417; еще 176 депутатов ни к одной из сторон не примыкали, голосуя попеременно то за белых, то за красных.

Но Борис Николаевич не думает сдаваться. В отличие от Горбачева, еще до окончания выборов он успел создать штаб по подготовке съезда. Штаб размещается на базе Комитета по строительству и архитектуре Верховного Совета СССР, которым пока руководит Ельцин, а во главу его поставлен верный соратник, союзный депутат-строитель Михаил Бочаров.

Никакой внятной программы у Ельцина нет. Все его помыслы сведены к одному: получить кресло спикера.

Избранный тогда же депутатом Сергей Филатов – в новой России он возглавит президентскую администрацию – подробно описывает, как выдвигали Ельцина на престол.

В небольшом зале на Новом Арбате собралась группа демократически настроенных депутатов. Посокрушались, что у будущего лидера отсутствует «позиция по вопросу демократического развития страны, как, впрочем, неясны и его взгляды на будущее нашей экономики».

И тем не менее дружно поддержали кандидатуру Ельцина, хотя в ответ он и выступил с «ломаной речью и крайне расплывчатой программой действий». А что еще демократам оставалось делать? Никого лучше под рукой все равно не было.

«В основном, конечно, все у нас строилось на противоречиях с Советским Союзом», – признается Филатов. Иными словами, ничего нового Ельцин не предлагал, а все его тезисы сводились к критике действующей власти. Как там, в «Интернационале»? До основанья, а затем…

Нельзя сказать, что Горбачев и ЦК совсем уж не противились грядущему воцарению Бориса Николаевича. Коммунисты тоже вели свою *подготовительную* работу, но, как и прежде, демонстрировали чудеса благоглупости и беззубости. Они упорно продолжали считать, что нет по-прежнему в политической борьбе способа эффективнее, чем команда, спущенная сверху.

Но их ждало жестокое разочарование. Еще до начала работы съезда Горбачев собрал членов подготовительной комиссии в конференц-зале на Старой площади. Случайных людей туда не звали: исключительно преданных коммунистов. Но когда стали обсуждаться будущие кандидатуры председателя, неожиданно прозвучала вдруг фамилия Ельцина. По иронии судьбы, ее назвал свердловский депутат Владимир Исаков, который вскоре станет одним из самых оголтелых противников российского президента, и в 1993 году поведет этот же самый Верховный Совет на борьбу с кремлевским супостатом.

От такой наглости генсек оторопел. Под возмущенный гул зала он скомкал мероприятие, и быстренько подвел его к завершению. Смутьяна Исакова в приличное общество больше не приглашали, а всю дальнейшую работу Горбачев начал вести в подчеркнуто конспиративных условиях, не стесняясь уже в выражениях.

«Говоря о Ельцине, Михаил Сергеевич все время ставил акценты на его непредсказуемости, капризности и невразумительности позиции, – свидетельствует Филатов. – Обычно заканчивал словами: “Ельцин – это война!”».

Честно говоря, я не перестаю удивляться наивности

Горбачева. Неужели он, умелый, опытный аппаратчик, не мог, наконец, уразуметь, что старыми, дедовскими приемами Ельцина повалить невозможно. Если бы генсек выставил ему в противовес какую-то мощную, авторитетную фигуру, часть колеблющихся депутатов вполне могла бы пойти за ней. Но вместо этого на ринг был делегирован первый секретарь Краснодарского крайкома Иван Полозков: заскорузлый догматик с внешностью, достойной Ломброзо, да еще и с отчеством «Кузьмич» (привет Лигачеву!). Такое чувство, что из 1059 избранников ни одного достойного человека не нашлось.

Итог не замедлил себя ждать: голоса раскололись. В первом туре Ельцину отдали предпочтение 497 депутатов, Полозкову – 473.

Для победы этого недостаточно, и пару дней спустя вопрос выносится повторно.

И вновь нет ясного исхода. За Ельцина подано 503 голоса, за Полозкова – уже 458. Тенденция, как видно, налицо.

Обескураженный Горбачев вынужден резко менять на переправе коней. Вместо Полозкова был выставлен другой партократ – Александр Власов, бывший министр внутренних дел.

Самое поразительное, что у Горбачева хватило ума в день решающего голосования отправиться с официальным визитом в Канаду. «Летите со спокойной душой, – накануне уверили его заботливые соратники, – Ельцин не пройдет».

И пока Михаил Сергеевич расточал в Оттаве улыбки и собирал аплодисменты, в Москве полыхали жаркие схватки.

Существуй в природе термометр для измерения политической температуры, этот столбик зашкалил бы до предела. Нервное напряжение достигло апогея. Для того чтобы наговориться, депутатам не хватало целого дня. Голосования проходили ночью, причем большинство ельцинских сторонников по домам не расходились, дожидаясь итогового подсчета: спали на лестницах, лавках, столах.

За Кремлевской стеной, прямо на Красной площади, бушевали стихийные митинги. Тысячи москвичей пришли выразить поддержку своему любимцу.

Сам Ельцин старался демонстрировать стоическое спокойствие, хотя внутри него бушевали невиданные страсти. Окружение даже боялось, как бы не надломился он, не лишился разума. «Все ждали, – вспоминал его помощник Суханов, – кто первым не выдержит: Ельцин или съезд».

Вечером после одного из голосований, описывает тот же Суханов, вместе с патроном он отправился домой.

«Когда мы немного отъехали, он как жахнет кулаком по

передней панели… Я уж думал – машина развалится… Смотрю, слезинка по щеке шефа покатилась…»

Но в итоге, после горячих дебатов, чуть не закончившихся рукопашной, эта порядком затянувшаяся история подошла к концу. 29 мая, с третьей попытки, новым председателем Верховного Совета РСФСР был избран Борис Николаевич Ельцин. Он набрал семь голосов сверху положенной отметки, а его соперник – Власов – не получил и того, что имелось прежде у Полозкова: 535 голосов против 467.

Хотя формат нашей книги и не предусматривает установку диагнозов для других персонажей, этот клинический горбачевский идиотизм все-таки тоже нуждается в медицинском освидетельствовании.

Чтобы там ни говорилось, но все политические победы Ельцина были одержаны им не *вопреки* , а *благодаря* . Ельцина *вылепил* именно Горбачев – своей близорукостью, нежеланием принимать резких решений, боязнью ответственности. Он и страну так же проспал – в бесчисленных вояжах и *дефиле* .

Слово – доктору (правда, не медицины, но какое это имеет значение), горбачевскому помощнику Георгию Шахназарову:

«Здесь проявилась одна из уязвимых черт Горбачева – беспечность. Оптимист по натуре, которому в жизни всегда везло, он неизменно был уверен в благополучном для себя исходе всякого дела и, соответственно, не готовился к худшему. Я почти не видел его в состоянии страха перед будущим или опасений, побуждающих принять дополнительные меры предосторожности».

Неправы те, кто считают, будто умные учатся на чужих ошибках, а дураки – на своих. Михаил Сергеевич Горбачев не то что на чужих – даже на собственных огрехах не думал учиться.

В открытую конфронтацию с Ельциным вступать он опасался. Но и шагов к сближению тоже не делал; точно по ленинской формуле: ни мира, ни войны. Как будто, если в упор, демонстративно не замечать проблемы, она станет от этого меньше.

Накануне выборов в Верховный Совет РСФСР советский посол в Англии Загладин откровенно спросил у Горбачева (дело происходило на встрече с послами – членами ЦК): «А не лучше ли вам поговорить с Ельциным и принародно помириться?»

«Посмотрел бы я на тебя, как ты повел бы разговор с Ельциным, когда он и его сторонники митингуют на площадях», – был ответ.

Кстати, с избранием Ельцина спикером генсек его так и не поздравил…

Свою очередную победу Борис Николаевич отмечал в традиционном ключе. Тем же вечером он собрал у себя дома, на Белорусской, самых близких соратников и помощников.

Вдова Льва Суханова рассказала мне, что когда она приехала на торжество – это было около 23 часов – Борису Николаевичу было уже *плохо* . Гости продолжали *веселиться* , а новоиспеченный спикер лежал в спальне, на кровати ничком.

«Но он все равно потребовал, чтобы мы с Наиной к нему зашли. Картина отвратительная. Встала я в дверях, а Наина сует ему таблетки, и он их пьет вперемешку с алкоголем. Пожалуй, в тот день я впервые посмотрела на Ельцина с другой стороны».

Это уже потом, после бурно проведенного вечера, Борис Николаевич будет мучаться по утрам, не в силах подняться с постели.

Но в те сравнительно молодые годы, он был еще крепок и бодр. Сколько бы ни *принял* накануне своей любимой «Сибирской» (кто не знает – 43 градуса крепости), утром – как огурчик – все равно стоит на ногах.[16]

Уже на следующий день после *тяжелого* избрания, Борис Николаевич с головой ринулся в политическую стихию. Первонаперво он во всеуслышанье объявил: «Россия будет самостоятельной во всем и ее решения должны быть выше союзных».

Борис Николаевич отменно понимал: кресло спикера – лишь промежуточная цель; трамплин перед следующим броском.

Начинался знаменитый парад суверенитетов, лейтмотивом которого стала не менее знаменитая фраза Ельцина: «берите независимости, сколько сможете унести» («проглотить», «переварить» – вариантов было предостаточно, ибо популярный этот тезис Ельцин в разных уголках страны озвучивал регулярно).

12 июня Верховный Совет РСФСР принимает Декларацию о государственном суверенитете России. Именно этот момент, по общепринятому убеждению, окончательно дал старт будущему развалу Союза.

На самом деле роль Ельцина в этом важнейшем решении была не столь велика, как пытаются представить его ненавистники. В это трудно поверить, но инициатором российского суверенитета выступил вовсе не Борис Николаевич, а… Горбачев, который, правда, по обыкновению предпочитал действовать чужими руками.

Официальный доклад о суверенитете делал на съезде верный ленинец, бывший уже председатель бывшего президиума Верховного Совета РСФСР Виталий Воротников. За этот документ проголосовало подавляющее большинство депутатов – 907 –

соответственно, включая и коммунистов.

Каждая из сторон, как уже повелось, исходила из собственных интересов, свято полагая, что сумеет переиграть противника.

Ельцин – стремился максимально вывести Россию из-под союзного контроля.

Горбачев – заигрывал с национальными автономиями, пытаясь отколоть их от Ельцина и ослабить его влияние.

Но первым – факт непреложный – эту рискованную игру в «царя горы» затеял все же Михаил Сергеевич. Еще 26 апреля – за месяц до избрания Ельцина – он протащил через союзный парламент крайне взрывоопасный закон, который поднимал статус автономий внутри РСФСР до статуса союзных республик. В России их насчитывалось тогда – как, впрочем, и сейчас – до двух десятков. По замыслу Горбачева, если бы все они получили равные права с РСФСР, грядущая власть Ельцина мгновенно превратилась бы в пшик: так жуликоватые коммерсанты, продавая фирму, накануне выводят из нее все активы.

Хитроумный замысел удался на славу. Уже к осени 1990 года добрая половина автономных республик объявили о своем суверенитете (в том числе и безмятежная еще пока Чечено-Ингушетия). Однако, засеяв поле, собрать с него обильный урожай Горбачев уже не сумел. Ему попросту стало не до того, ибо наряду с автономиями декларации о государственной независимости кинулись принимать и республики союзные: все до единой (последней стала вечно нищая Киргизия).

Поначалу эти декларации казались лишь звучными, но бесполезными – простите уж за тавтологию – *декларациями* . Но когда Россия объявила о том, что резко сокращает выплаты в союзный бюджет, стало уже не до смеха.

Испокон веку союзный бюджет формировался преимущественно за счет РСФСР. На эти деньги жили почти все другие республики. Такого удара Горбачев точно не ожидал, но злиться теперь он мог исключительно на самого себя. Принятая с его подачи Декларация, предусматривала подобный *фортель* .

Вообще, если разобраться, более бредовой идеи, чем признание суверенитета живущих в едином государстве республик, трудно себе вообразить.

Представьте себе большую, дружную семью, в которой жена вдруг объявляет, что будет спать, с кем пожелает, муж – отказывается приносить зарплату, сын – демонстративно не приходит ночевать, дочь, напротив, водит клиентов домой, а старая бабка перегораживает общий коридор, требуя плату за проход. Но при этом все продолжают наперебой уверять, что они – единая семья, спаянная узами родства и взаимной любви.

То же самое начало происходить – в другом, понятно, масштабе – и в Советском Союзе. В борьбе за престол и Ельцин, и Горбачев жили не завтрашним днем, а исключительно сегодняшним, руководствуясь нехитрым принципом: чем хуже – тем лучше.

Ни у одного, ни у второго не было никакой внятной политической и экономической программы. Горбачев откровенно не понимал, что делать ему с разваливающейся державой. Ельцин же, напротив, предпринимал все возможное, дабы усугубить и без того незавидное положение противника: в этом и заключалась его политическая программа…

Но еще до *кастрации* союзного бюджета, Ельцин успевает нанести Горбачеву новый увесистый удар поддых.

10 июля 1990 года в Москве начинается XXVIII съезд КПСС. По заведенной традиции, партийный съезд должен одобрить все, что было сделано прежде, и наметить программу на будущее. Но этот – последний в советской истории съезд – резко отличался от 27 предыдущих.

Компартия – была одним из главных рычагов Горбачева в политической борьбе. Ослабить ее, а пуще того распустить – означало лишить президента СССР последнего арьергарда. Этот-то путь и предпочел Ельцин.

Как ни странно, его тоже избрали делегатом съезда: от Свердловской парторганизации.

Бытует версия, что на съезде Горбачев рассчитывал задобрить вконец разбушевавшегося оппонента – найти консенсус, как любил он говаривать. Генсек намеревался даже ввести его в состав Политбюро, искренне полагая, что брошенная кость удовлетворит неуемные ельцинские амбиции.

Поздновато он спохватился! Это надо было делать году в 1986–1987-м, когда Ельцин спал и видел, как из *кандидатов* перейти в полноценные *члены* . Своему окружению он жаловался не раз, что вот Гришин, даром что бюрократ и ренегат, входил в Политбюро, а его, борца и трибуна, зажимают. Может, из-за этой обиды и пустился он во все тяжкие: начал скандалить, срываться, написал то злополучное письмо перед октябрьским пленумом. По крайней мере и Горбачев, и Лигачев по прошествии многих лет, уже в 90-е, сетовали, что не доглядели, недооценили. Кто знает: повысь они тогда уязвленного властолюбца, и Советский Союз, глядишь, не распался бы.

Но в 1990 году эта *коврижка* уже не радует Ельцина. К власти он движется теперь совсем другой дорогой, и связывать себя большевистскими кандалами, идти в подчинение Горбачеву – ему

точно не с руки. Это примерно то же самое, как покупать билет на «Титаник».

Если раньше, накануне каждого пленума, он страшно переживал, что вот сейчас его выведут, вышвырнут вон из ЦК («Почему вы не выходите из ЦК?» – спросили его на встрече в Зеленограде осенью 1989 года. А Ельцин в ответ: «Я думаю, *они* этого только и ждут»), то теперь от былых страданий не осталось и следа.

Но на съезд Ельцин отправляется все равно. Лев Суханов писал, что к съезду его патрон готовился очень эмоционально, переживал и даже не спал ночей. Якобы он давно уже размышлял о выходе из КПСС, но никак не мог определиться: устраивать демарш прямо на съезде или погодить.

«Трое суток, которые отделяли его от XXVIII съезда, – непрерывные терзания. И вдруг пришло решение. Он уселся за свой стол и написал заявление о выходе из КПСС».

По версии Суханова, это заявление Борис Николаевич публично и озвучил, чем спровоцировал новую бурю страстей.

Мне не в первый раз приходится развенчивать красивые мифы, рожденные буйной фантазией Ельцина и его окружения. Легенда о разрыве с компартией – из того же разряда.

Стенограмма съезда впрямую опровергает утверждения Суханова. Потому что, выйдя на трибуну, о своем выходе из КПСС Ельцин не говорит ни слова.

Его – несомненно – яркий и экспансивный доклад был совсем о другом. Спикер российского парламента обвинил партийный аппарат в экономических и политических провалах, призвал к многопартийности и предложил переименовать КПСС в партию демократического социализма.

В противном случае, предрекал он, партия развалится, начнется национализация ее имущества, а вожди – пойдут под суд, ибо «народ спросит за все».

«Но все мы, отдавшие партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы пытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход… Партия должна освободить себя от любых государственных функций».

Как видите, о собственном разводе с КПСС – и ни тени намека.

А вот, когда зал принялся его освистывать, когда поднялась волна истерии и уничижения; только тогда он решился сделать ход конем.

12 июля, в предпоследний день съезда, смутьян вновь поднялся на трибуну и заявил о выходе из партии в связи с «огромной ответственностью перед народом и Россией, с учетом

перехода общества на многопартийность». Причем заметьте: свой основной доклад Борис Николаевич делал 6 июля. А о разрыве с КПСС объявил лишь 12-го.

Как вспоминал Суханов, перед выходом Ельцина к микрофону делегаты буквально оцепенели. Ельцин поднял руку в момент, когда зачитывался новый состав ЦК, где фигурировала и его фамилия. Уже наученные горьким опытом партийцы поняли: сейчас что-то *будет* . И когда Борис Николаевич произнес последнюю строчку своего заявления, в зале раздались крики: «Позор предателю!»

«Надо было видеть выражение лица М. С. Горбачева! – констатирует Суханов. – Он, как никто другой,понимал, что Б. Н. Ельцин своим поступком выбил и без того прогнившую опору из-под крыши “руководящей”. Борис Николаевич так и не вернулся на свое место. Он навсегда ушел не только из партии, но и покинул пространство, где эта партия заканчивала свое существование. Когда он шел по проходу, на него шипели, и это шипение напоминало пар, выходящий из зашедшего в тупик паровоза».

Честно говоря, эти «июльские тезисы» Суханова вызывают у меня некоторый скепсис. Ну, во-первых, образность аналогии: не с шипящим паровозом просится здесь сравнение, а с бегством крысы с тонущего корабля, который, к слову, и на дно-то начал уходить не без ее (крысы) прямого вмешательства.

А во-вторых, весьма сомнительно, чтобы Горбачев почувствовал, как уходит из-под ног «и без того прогнившая опора».

Михаил Сергеевич до последнего дня – пока не пришли выселять его из кремлевского кабинета – упрямо отказывался верить в скорое свое падение. Напротив, он то и дело уверял соратников, что Ельцин вот-вот сломает себе шею.

В тот же вечер, когда Борис Николаевич предпринял свой демарш, помощник генсека Анатолий Черняев записал в дневнике, что «М. С.» позвонил ему и стал объяснять, что это «логический конец» для Ельцина.

Существует и еще одно, куда более весомое доказательство тому, что Борис Николаевич изначально не планировал хлопать дверью. В архиве Суханова сохранились неизвестные доселе черновики ельцинского заявления. Вопреки утверждениям самого же Суханова, писались они, похоже, уже после программного выступления 6 июля.

В самой первой, черновой версии – дата его написания отсутствует. Она появляется лишь в окончательном варианте: 12 июля 1990 года. А это значит, что скандальная бумага готовилась

заранее, но Ельцин не спешил раньше времени сжигать мосты.

Да и сжег ли он их полностью? Как явствует из архива, до конца «идти на вы» Ельцин так и не решился.

Изначально заявление его оканчивалось тем, что он призывал последовать своему примеру «всех руководителей Советов, а также Президента СССР Горбачева М. С.». Но в итоговый документ фронда эта не вышла. В последний момент Ельцин жирно перечеркнул эту фразу и размашисто начертал прямо противоположное: «Готов сотрудничать со всеми партиями и общественно-политическими организациями республики».

Чувствуете разницу?..

Выход Ельцина из КПСС был мощным, неожиданным, но вместе с тем вынужденным шагом: в шахматах подобное именуется «цуцвангом». Не сделай он его, промолчи, это означало бы, что Ельцин фактически примирился со всеми упреками и выпадами. Сносить плевки было не в его характере.

Ельцин оказался первым общенациональным политиком, осмелившимся публично отмежеваться от коммунистов. Это уже потом сжигание партбилетов войдет в моду, станет явлением повсеместным.

Будущий президент вновь обошел всех на повороте. Пожалуй, в том и заключалось одно из главных слагаемых его успеха, присущее лишь великим – без иронии – политикам: умение опередить, обогнать свое время; первым уловить веяние конъюнктуры; пойти наперекор стереотипам; сделать то, чего ждет – само, возможно, еще не осознавая – общество.

Ельцин всегда и во всем стремился быть первым. Хоть и играл он исключительно в командные виды спорта – волейбол, баскетбол – ему по душе не общий забег, а личное первенство. (Быть может, этим и объясняется вспыхнувшая в нем уже на склоне лет любовь к теннису.)

Ему нравится шокировать, поражать, удивлять окружающих. Если все бегут налево, он непременно повернет направо.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Навязчивые состояния иногда характеризуются нежеланием быть как все, подкрепленным недостатком интеллектуальных ресурсов, выраженным в достаточно болезненной форме. Из-за нежелания следовать общепринятым стандартам искажается нормальное восприятие событий и нарушается внешняя мотивация. В поведении больного превалирует холодный прагматизм и чувство собственной неординарности и исключительности.

Но у Бориса Николаевича есть и еще одна особенность. Каждый свой шаг он непременно стремится объяснить чем-нибудь этаким, придумать красивую, броскую подоплеку.

В самом деле, признайся он, что вышел на трибуну, потому как желал поставить эффектную точку, это воспринималось бы… Ну, не то чтоб слабовато, но как-то истерично, по-мальчишески. Ах, мол, не желаете слушать моих советов? Тогда не буду с вами больше водиться.

Версия с заранее обдуманным выходом из КПСС выглядела намного основательней и серьезней. Правда, непонятно тогда, зачем человеку, уже решившему порвать с партией, требовалось бить себя в грудь, клянясь в искренней к ней любви и желании помочь…

Фамилии Горбачева в своей эмоциональной речи на съезде Ельцин не назвал, но смысл был понятен и без перевода. Горбачев, как генеральный секретарь, нес ответственность за все, что творилось в КПСС. Кроме того, прозвучавшие намеки были весьма прозрачны. Предрекая суд над вождями – в случае, если советам его не внемлют, – Ельцин сразу же расставил точки над «i».

«Могу назвать хотя бы одно из этих дел – об ущербе в результате антиалкогольной кампании».

Поскольку инициатором и творцом кампании – это знал в СССР каждый – был Михаил Сергеевич, пояснений никаких не требовалось.

И все равно застарелая вражда двух ведущих политиков наружу еще окончательно не вырывается. Хотя ни один, ни второй не скрывают более своих антипатий, они все же пытаются еще как-то сохранять хорошую мину при плохой игре. Но с каждым месяцем этих приличий становится все меньше.

В начале 1991 года – самого тяжелого года в новейшей российской истории – спикер переходит наконец к публичным эскападам.

Когда Горбачев обращается к парламенту с просьбой дать ему дополнительные полномочия, Ельцин реагирует незамедлительно:

«Такого объема законодательно оформленной власти не имели ни Сталин, ни Брежнев. Фактически центр стремится сделать конституционное оформление неограниченного авторитарного режима».

Тезис о надвигающейся горбачевской диктатуре и унижениях, которые терпит обворовываемая Россия, становится главным лейтмотивом всех его выступлений. Через пару лет, когда Горбачева уже не станет, его самого примутся постоянно – и,

прямо скажем, не без оснований – обвинять в узурпации власти. Но об этом никто еще не знает.

В январе 1991 года Горбачев вводит войска в Литву. Президент СССР мечется. Он судорожно пытается сохранить страну, совершая ошибку за ошибкой. (Одна только павловская денежная реформа чего стоила!)

Однако Рубикон уже перейден.

19 февраля, получив наконец доступ к телеэфиру (его мурыжили долго, не давая возможности выступать на центральных каналах), Ельцин громогласно объявляет: Горбачев должен уйти. «Я отмежевываюсь от позиции и политики президента, выступаю за его немедленную отставку, передачу власти коллективному органу – Совету Федерации республик».

На встрече с творческой интеллигенцией он высказывается еще резче: Горбачев завел страну в болото; мы объявляем ему войну…

В своих «Записках президента» Ельцин крайне занятно объясняет причину этой крутости.

Дескать, накануне мартовского референдума о судьбе Союза, он «испытывал острую необходимость объясниться», «но тут вдруг выяснилось, что никто выпускать меня в прямой эфир не собирается».

«Начались игры с Кравченко, тогдашним теленачальником. То он не подходил к телефону, то выдвигал какие-то условия, то переносил дату записи…

Вот тут у меня и созрела эта мысль. Вы боитесь Ельцина? Ну так получите того Ельцина, которого боитесь. И я решил в очередной раз пойти вразрез с выработанным в обществе стереотипом».

Подождите, а если б эфир дали ему сразу, по первому же зову? Выпадов против Горбачева тогда не прозвучало?

Какой-то детский сад, честное слово! Не позволили выступить, вот вам, получайте. Но речь-то ведь идет не о частных отношениях двух великовозрастных мальчишек; не бутылка стоит на кону, а судьба многомиллионной страны.

Эти эмоциональные, истеричные – если не сказать больше – особенности в характере Ельцина – страшная, взрывоопасная штука. К сожалению, мы разобрались в них слишком поздно.

Если вдуматься, все без исключения политические катаклизмы начинались при Ельцине по такому же точно принципу: кто-то что-то сказал, позволил лишнего, посмотрел косо.

Вякнул против меня Дудаев? Не буду садиться с ним за стол переговоров, а сразу объявлю войну.

Возомнил о себе Хасбулатов? Вперед, на разгон Верховного Совета.

Пытаются трепыхаться коммунисты? Значит, будем запрещать КПРФ и распускать Госдуму.

Эту любовь свою к простому разрешению сложных проблем, он вынужден признавать и сам.

«Я всегда был склонен к простым решениям, – самокритично пишет Ельцин в третьей книжке мемуаров “Президентский марафон”. – Всегда мне казалось, что разрубить гордиев узел легче, чем его распутывать».

Не ему, кстати, одному. Помнится, нечто подобное, проделывал когда-то и Александр Македонский. Правда, не со страной, а всего-то с даром никому не нужным мотком веревки.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Гордий – легендарный основатель Фригийского царства – после восхождения на престол основал город Гордион и принес в дар Зевсу свою телегу, привязав при этом ярмо к дышлу таким сложным узлом, что никто не в силах был его развязать. Предсказание оракула якобы гласило, что тот, кто развяжет этот «гордиев узел», получит господство над миром. Согласно преданию, Александр Македонский в 334 г. до н. э. пришел в Гордион и на предложение распутать узел, – недолго думая, разрубил его мечом.

17 апреля в СССР прошел референдум о будущем устройстве Союза. Три четверти населения – и россияне в том числе – высказались за единое, союзное государство.

Горбачев праздновал победу. Но на поверку она оказалась поистине пирровой, ибо наряду с общими для всей страны вопросами, жители РСФСР отвечали еще на один, дополнительный: нужно ли учредить пост российского президента. Результат был понятен заранее: более 70 процентов с таким поворотом согласились.

Бытует версия, что идею с введением президентства подсказал Ельцину депутат Геннадий Бурбулис, «серый кардинал» при его дворе.

Верится в это с трудом, потому как, идя еще на выборы в Верховный Совет, Борис Николаевич уже примерял на себя президентскую цепь (см. выше).

12 июня, в первом же туре, Ельцин одерживает внушительную победу: 57,35 процента голосов. Его основной соперник и одновременно земляк-уралец – бывший премьер Николай Рыжков – отстал аж на целых три корпуса: он набрал меньше 17

процентов. Об остальных четырех претендентах и говорить не приходится.

Горбачев совершил очередную фатальную ошибку, фактически проспав эти выборы. Но, с другой стороны, что мог он противопоставить нахрапу и натиску Ельцина? В России образца 1991 года у Бориса Николаевича просто не было конкурентов.

В связке с Ельциным кандидатом в вице-президенты шел бывший летчик-афганец Александр Руцкой. К этому персонажу нам придется возвращаться еще не раз, но сейчас остановимся лишь на ключевом и очень показательном моменте: каким образом выбирали тогда второго человека в стране.

Понятно, что в тандеме с Ельциным мог выступать кто угодно, хоть черт в ступе. При ельцинской популярности, максимум, на что способен был его напарник – добавить каких-нибудь пару процентов голосов.

Ельцин долго метался, не решаясь остановить выбор на ком-то из верных соратников. Варианты рассматривались самые разные: Собчак, Попов. «Серый кардинал» Бурбулис – и вовсе без лишней скромности предлагал сам себя.

Велись переговоры с Вадимом Бакатиным – Горбачев выдвигал его, дабы оторвать у демократов часть голосов – но тот вежливо отказался. (Для справки: к финишу он пришел последним.)

Наступил уже заключительный день регистрации, а Ельцин все не мог определиться. Тут-то его спичрайтер (или, говоря по-простому, литературный негр) Людмила Пихоя и предложила кандидатуру Руцкого. Он, дескать, красивый, видный, усатый; опять же – форма к лицу. Все бабы и коммунисты – наши (в Верховном Совете Руцкой образовал группу «Коммунисты за демократию»). И Ельцин, на свою голову, согласился. («Идея сразу понравилась мне своей полной неожиданностью», – пишет он в «Записках президента».)

Эта небольшая иллюстрация, раскрывающая внутренние механизмы высокой политики, думается мне, весьма поучительна.

То есть для того, чтобы стать вице-президентом огромной страны – фактически вторым человеком в государстве – не нужно ни способностей, ни особых талантов. Пышные усы да красивый мундир: вот и все слагаемые успеха.

Похоже, Борис Николаевич, как и большинство не служивших в армии мужчин, питал патологическую страсть к военной форме.

(Помню, как в 1999 году, когда пребывал он уже в глубокой прострации, на каком-то торжественном событии – кажется, возложении венков к могиле неизвестного солдата – принялся любовно оглаживать генеральскую шинель Сергея Степашина.

«Красивая форма, – говорил он, перебирая пальцами золоченые пуговицы. – Красиво, понимашь».)

Вот, оказывается, по какому принципу формировалась президентская команда. Так чего ж удивляться всему, что случилось потом со страной.

Даже отправляясь в поход на байдарках, нормальный человек не возьмет в компанию первого встречного. Здесь же – ни много ни мало – выборы президента. И ведь ничего, *прокатило* …

ИЗ ПРОГРАММЫ Б. ЕЛЬЦИНА НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 1991 ГОДА

– Необходим строгий государственный контроль над процессом перехода к рынку, чтобы не допустить сосредоточения материальных и финансовых ресурсов общества в руках узких мафиозных групп, чтобы экономическая свобода не превратилась в право сильного игнорировать Закон;

– надо наделить всех граждан собственностью путем поэтапной приватизации большей части государственных предприятий, жилья при максимальном учете интересов всех слоев населения;

– государство будет гарантировать уровень жизни не ниже прожиточного минимума, особенно на период перехода к рынку социально незащищенным слоям;

– создать условия для подъема рождаемости, приоритетного развития детской медицины;

– в доле расходов России на оборону необходимо увеличить часть средств, отпускаемых на социальные цели;

– увеличение в полтора раза среднесоюзного уровня минимальной зарплаты, пенсий и стипендий, увеличение продолжительности отпуска для всех категорий трудящихся, сокращение рабочей недели на 1 час.

Торжественная инаугурация Ельцина проходила в Кремлевском дворце съездов. Интересно, о чем думал он, когда, положив руку на российскую Конституцию, произносил слова президентской клятвы?

Может быть, о том, что в этом же самом Кремле, каких-то четыре года назад, его принародно втаптывали в грязь, и даже сам он не верил, что когда-нибудь поднимется уже с колен?

Человек злопамятный и мстительный, он помнил всех своих загонщиков и мучителей, но главный из них – корень его взлетов и падений – стоял сейчас за спиной, переминаясь с ноги на ногу.

И чем сильнее торжествовал Ельцин, тем кислее делалась мина у Горбачева, который специально, чтоб лишний раз насолить, демонстративно опоздал даже на инаугурацию.

Народный депутат СССР Рой Медведев, присутствовавший на этой церемонии, писал:

«Всем нам… была очевидна разница в настроениях двух этих лидеров. Ельцин был на вершине успеха, и он торжествовал… Горбачев был удручен».

Ему было от чего загрустить. Свою работу на новом поприще первый в истории российский президент начал с того, что продолжил отъем былого могущества у союзной власти.

Сразу после вступления в должность, Ельцин выпускает указ о департизации предприятий и госучреждений. Шаг этот был тщательно продуман. Бывший секретарь горкома Ельцин отлично понимал, что без партячеек КПСС обречена на умирание; это все равно, что лишить мозг связи с мышцами.

На проходившем в это время пленуме ЦК его действия подверглись жесточайшей обструкции. Члены ЦК в едином порыве выдвигали протесты, строчили заявления, критиковали и обличали. В итоге было решено подготовить некую бумагу, в которой Ельцину предлагалось приостановить действие своего указа. Даже не предлагалось – требовалось! Причем аргументы Центрального Комитета сводились к тому, что указ попирает права человека на свободное объединение, в том числе непосредственно на работе.

Эмоциональная реакция Ельцина на требование ЦК – неизвестна. Говорят, он кулуарно произнес целый ряд нецензурных выражений в адрес высшего советского руководства, хотя обычно бранные слова не употреблял. В любом случае выполнять предписание он наотрез отказался.

> МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА
>
> Для психопатоподобных состояний наиболее типичны взрывчатость, склонность к сутяжничеству, немотивированным колебаниям настроения. Характерны приступы раздражения с истерической окраской, со злобой, агрессией, потребностью нецензурно выражаться.

Возможно, каким-либо образом на ситуацию мог еще повлиять Горбачев. Но в ту пору он уже не понимал, на каком свете находится.

Когда глава Комитета Конституционного надзора Сергей Алексеев позвонил генсеку и принялся предлагать варианты выхода, ничего путного тот не ответил.

«Четкого ответа на этот счет я не получил, – вспоминает

Алексеев. – Видимо, в то время Михаила Сергеевича обуревали другие мысли. Потому что совершенно неожиданно и вопреки логике разговора он стал подробно в деталях рассказывать о том, с какой пышностью (“как у царя”) проходила недели три тому назад церемония принятия присяги президентом РСФСР, какие еще мероприятия Борис Николаевич хотел было включить в нее (“вплоть до орудийного салюта”) и как это все же удалось предотвратить».

Что за мысли «обуревали» Горбачева – известно теперь уже очень хорошо, ибо тем же летом в стране произошли события, вошедшие в историю под названием «августовский путч».

Участие в них президента СССР, равно как и президента российского, – загадка, которую предстоит еще разгадать грядущим поколениям историков. Но одно ясно неоспоримо: Советский Союз на всех парах летел в пропасть.

И два амбициозных президента – что бы не говорили они потом – дружно подбрасывали в топку лопаты с углем…

Примечания Александра Коржакова

1 Умные люди уходили от Ельцина сами. Первым, помню, все прочувствовал Александр Музыкантский: он был одним из десяти его доверенных лиц. Когда Музыкантский поближе присмотрелся к Ельцину, он сказал своим товарищам: все, ребята, оставаться там не стоит.

Это был сигнал, но его почти никто тогда услышал.

2 Никакого сотрясения у Ельцина не было. Вообще, вся эта история с ДТП происходила на моих глазах.

Борис Николаевич сидел в «Волге» на переднем сиденье: я – сзади. Когда «Жигули» врезались в нас, а мы – в забор, Ельцина ударило виском о верхнюю ручку. Он так закричал, что я подумал: все, конец! Пулей выскакиваю из машины, а дверь у него – заклинило. Лезу через разбитое стекло, отдираю обшивку… Хотел вынуть его: бесполезно. Пока не приехала сменная машина, он выходить из салона отказывался и беспрерывно стонал, хотя ничего серьезного у него не было: просто вскочила шишка.

Врачи, сколь не пытались, найти у него сотрясения так и не смогли. Но шум поднялся страшный. Все кричали: покушение, покушение!

Именно после этого случая Ельцин и пересел на «Чайку»: якобы его депутаты уговорили озаботиться своей безопасностью…

3 Вранье это, придуманное Филатовым и иже с ним. По ночам никто в Кремле не спал, дожидаясь голосования; я каждый вечер спокойно уезжал с Ельциным домой.

4 В то время он больше всего предпочитал коньяк. У Наины всегда хранились припрятанные запасы.

А «Сибирскую» – он пил исключительно со своими доверенными лицами. Они, когда приходили к нему домой, из вежливости приносили пару бутылок. Вечером в магазинах водку тогда трудно было купить. А «Сибирская» – лежала всегда: она стоила на рубль или на рубль двадцать дороже обычной, и поэтому ее никто не брал.

Глава шестая
ОПЕРЕТОЧНЫЙ ПУТЧ

Три августовских дня 1991 года прочно вошли в историю под грозным названием «путч».

На самом деле события эти можно называть, как заблагорассудится, – переворот, мятеж, революция – все равно любая из оценок до конца точной не будет.

Сегодня об августе 1991 года вспоминать как-то не принято. Эту дату, некогда справлявшуюся с официальной помпой, стыдливо обходят теперь стороной.

На 10-летнюю годовщину *путча* , в 2001 году, к местам *боевой славы* не пришло и тысячи человек, хотя сразу после провала ГКЧП количество москвичей, кичившихся своим участием в обороне Белого дома, стремилось к бесконечности и, по самым скромным подсчетам, составляло… около трех миллионов *голов* .

(Что, в общем, для российской истории вполне типично: если сосчитать всех, кто штурмовал якобы Зимний или служил на «Авроре», выйдет целая развернутая армия. Одних только напарников Ленина, таскавших с ним на субботнике историческое бревно, набиралось в прежние времена до пары сотен.)

Что такое путч? В традиционном понимании – военный мятеж. На Гаити, в Чили и Греции – там, да, случались настоящие путчи, ведомые черными полковниками в лихо заломленных беретках и непременных солнцезащитных очках. Но никто из членов приснопамятного ГКЧП – название-то подыскали, прости господи, без стакана не выговоришь – на роль эту явно не подходил. Даже в страшном сне маршал Язов или председатель КГБ Крючков не привидится в образе Пиночета.

Да и какой, к лешему, был это мятеж, если возглавили его все без исключения руководители государства: вице-президент, спикер парламента, премьер, силовые министры. В этом списке отсутствовал лишь один человек: Горбачев. Хотя лично я ничуть не удивлюсь, если когда-нибудь вскроется, что президент СССР и генсек *благословил* путчистов на святое дело спасения отчизны. Вы, мол, ребята, выдвигайтесь вперед, а я здесь, на даче обожду, дабы в нужный момент эффектно выйти на авансцену.

Версия такая, кстати, существует. Как, впрочем, и другая, не менее завораживающая: фактическим организатором событий был… Ельцин.

Это предположение абсурдно лишь на первый взгляд. Еще с

античных времен существует в юриспруденции классическая формула: «CUI PRODEST?» – «Кому выгодно?».

Сиречь, кому выгодно преступление, тот и является первейшим подозреваемым.

А кто, простите, собрал самый обильный урожай с августовских полей? Горе-путчисты? Вот уж нет. Они-то как раз потеряли власть навсегда, из теплых кабинетов переехав в тюремные казематы.

Горбачев? Тем более. И полугода не прошло, как выкинули его из Кремля пинком под зад.

Максимальную пользу от этих событий получил именно Борис Николаевич Ельцин. Одним махом он изничтожил КПСС, ликвидировал Советский Союз, избавился от Горбачева и компании, мертвым грузом висевших на его ногах, да еще и крайне невыгодный для себя Союзный договор заблокировал. Из номинального президента номинально суверенной республики Ельцин в одночасье превратился в полноправного владыку сверхдержавы – нового русского царя.

То есть, переводя эту ситуацию в приземленную плоскость, если раньше владел он всего лишь комнатой в коммуналке – пусть и самой объемной по площади – то теперь ответственного съемщика больше не стало, а комнату вкупе с местами общего пользования жилец успешно приватизировал, прорубил отдельный вход и зажил кум королю.

Если бы путча не случилось, Ельцину просто следовало его придумать. Без августа 1991 года он никогда не стал бы тем, кем стал; и Горбачев власти ему столь легко не отдал бы.

Неслучайно один из участников тех событий покойный генерал Лебедь писал дословно следующее:

«Путча как такового не было. Была гениально спланированная и блестяще осуществленная, не имеющая аналогов провокация, где роли были расписаны на умных и дураков. И все они, умные и дураки, сознательно и бессознательно свои роли выполнили».

Ельцин, надо полагать, относился, по классификации генерала, к «умным». Большинство остальных, включая и самого Лебедя, – к «дуракам»…

…О том, что консервативная (или реакционная: кому как больше нравится) часть советской верхушки замышляет какую-то *заваруху* , Горбачев узнал задолго до объявления ЧП.

Еще в июле к нему явился американский посол Мэтлок; *душка* , любимец демократической общественности. (Безумие какое-то! Ни в одной другой стране, кроме России, иностранный посол, сиречь противник по определению, не может быть

популярнее собственных лидеров.) И предупредил, что по данным Госдепа США в стране готовится дворцовый переворот. Будьте осторожны, наш дорогой Майкл!

Михаил Сергеевич американцу не поверил. Или – сделал вид, что не верит. По крайней мере, никаких упреждающих действий он предпринимать не стал.

Вообще, Горбачев с самого начала вел себя довольно странно, если не сказать больше.

На 20 августа было намечено подписание Союзного договора: важнейшего, ключевого документа, от которого напрямую зависело будущее страны и горбачевского могущества в частности. (В нем прописывались новые принципы новых взаимоотношений некогда братских республик.)

Противников у договора было едва ли не больше, чем сторонников. Большинство руководителей союзных республик явно вели двойную игру. Консервативное кремлевское крыло своего неприятия договора даже и не думало скрывать.

В такой обстановке Горбачеву нельзя было и на сутки оставлять Кремль без присмотра. Судьбу Союзного договора могло спасти лишь его личное присутствие.

Но вместо этого президент СССР отбывает вдруг в двухнедельный отпуск: якобы ему срочно нужно подлечиться, хотя за исключением радикулита все у него было в порядке.

За день до отъезда, 3 августа, собрав узкую часть кабинета министров, Горбачев произносит загадочные фразы.

«Имейте в виду, – говорит он соратникам, – надо действовать жестко. Если будет необходимо, мы пойдем на все, вплоть до чрезвычайного положения».

И потом, когда 4 августа сажают его в самолет, он еще раз повторяет эти странные *установки* .

«При необходимости действуй решительно, но без крови», – напутствует Михаил Сергеевич остающегося на хозяйстве вице-президента Янаева: тихого, беспомощного пьяницу, не способного зарезать даже курицу. (Бывший комсомольско-профсоюзный аппаратчик Янаев прославился на всю страну, когда, отвечая депутатам о своем здоровье, *ляпанул* сдуру: спасибо, жена не жалуется.)

«Надо смотреть в оба, – велит Горбачев председателю КГБ Крючкову, вступая на трап. – Если будет прямая угроза, то придется действовать».

Что имел он в виду под «прямой угрозой»? Может быть, какие-нибудь *фортели* , которые способен в его отсутствие выкинуть Ельцин. А может, и что-то иное.

По крайней мере, когда 6 августа члены будущего ГКЧП –

Крючков, министр обороны Язов, шеф горбачевского аппарата Болдин, секретари ЦК Бакланов и Шенин – приезжают на секретный объект КГБ близ московской кольцевой дороги, ни о каком заговоре и речи еще не идет. Они действовали в строгом соответствии с установками своего вождя.

Хотя именно после этой закрытой встречи и начала отсчитывать свой ход бомба с часовым механизмом, которая взорвется 18 августа…

Итак, 6 августа группа высших советских чинов приезжает на секретный объект КГБ, значащийся в лубянских бумагах, как «АБЦ»: Архивно-библиотечный центр.

Инициатива тайной этой вечери принадлежала самым близким к Горбачеву людям: Болдину и Шенину. Накануне они позвонили Крючкову и поинтересовались: читал ли тот проект Союзного договора. Шеф Лубянки договор, разумеется, читал. Чувства, которые вызывал у него этот документ, полностью совпадали с мыслями звонивших.

Подписание Союзного договора означало бы окончательную гибель страны. СССР превращался в некую конфедерацию суверенных государств с размытым, ничего не решающим союзным центром в роли свадебного генерала. Если учесть, что едва ли не в каждой республике полыхали уже националистические пожары, в Средней Азии и на Кавказе горными потоками лилась кровь, и даже вечно бессловесные татары, вспомнив вдруг времена Золотой Орды, начали требовать суверенитета, Союзный договор привел бы к полному и безоговорочному развалу единого государства.

Ни один из будущих членов ГКЧП такого развития событий допустить не мог. Помимо чисто внутренних, идейных убеждений у них имелся и формальный, неубиенный аргумент. Совсем недавно, в марте, был проведен всесоюзный референдум. Три четверти населения СССР – и Россия в том числе – проголосовали за сохранение Советского Союза.

Правда, и Ельцин, и Горбачев будут уверять потом, что горе-путчисты беспокоились не за судьбу страны, а за свои собственные кресла: почти всех их собирались якобы отправлять в отставку и они об этом прознали.

Может, оно и так, хотя одно другому не противоречит. Это как раз мог быть тот редкий случай, когда личные и общественные интересы сливались воедино…

Крючков, Язов, Бакланов, Шенин и Болдин собираются на «АБЦ» под вечер. В отсутствии Горбачева им нечего стесняться в выражениях. Они говорят обо всем, что наболело, накипело, и

решают в итоге, что любыми путями Союзный договор надо, если и не отменять, то как минимум откладывать.

Уже на другой день, 7 августа, Язов вызывает генерала Грачева, командующего ВДВ – самыми боеспособными, элитными войсками страны – и посылает его в КГБ. Грачеву вместе с лубянскими *специалистами* приказано подготовить некий план действий.

Это была первая и одна из самых серьезных ошибок путчистов. К тому времени Ельцин успел уже обаять… да что там обаять – давайте говорить начистоту – *завербовать* Грачева.

В мае Ельцин вместе с Грачевым ездил в тульскую дивизию ВДВ. Никто из руководителей такого ранга прежде не разговаривал с Грачевым столь нежно и доверительно. («Все, что налито, было выпито», – вспоминал очевидец этого визита генерал Лебедь.) Они даже уединились потом, и Ельцин, ласково приобняв Грачева, спросил его прямо в лоб: случись что, пойдешь против меня? И Грачев, разгоряченный уже выпитым – а пить он любил и умел, не уступая по темпам даже Ельцину, залпом осушал неразлучную командирскую кружку, за что, впрочем, и был любим – заплетающимся языком ответил: что вы… дорогой наш Борис Николаевич… доведется – жизнь за вас положу…

Словом, типичный разговор двух типичных субъектов из серии «ты меня уважаешь».

Зам.министра обороны Владислав Ачалов, командовавший ВДВ до Грачева (его повысили в конце 1990 года), рассказывал мне много интересного об этом историческом рандеву. Приезд Ельцина в Тулу готовил он сам, но в последний момент Язов поручил *принимать* гостя Грачеву.

Все, что творилось во время визита, скрупулезно фиксировалось разведкой ВДВ. Подробный, едва ли не поминутный отчет вкупе с фотографиями лег потом на стол Ачалову и Язову.

«Ельцин напился до беспамятства, – говорит Ачалов. – Творил черт знает что. Разделся догола и бегал в таком виде. Фотографии президента в неглиже сохранились у меня до сих пор: еще в 1993 году я спрятал их в надежном месте».[17]

Тульские *гуляния* оставили глубокий след в сердце Грачева. Он понял, что если Ельцин придет к власти, настанет и его, Грачева, звездный час. Но рисковать понапрасну Павел Сергеевич тоже не хотел: лучше быть действующим командующим ВДВ, чем отставным генералом.

Сомневаюсь, чтобы он успел предупредить Ельцина о планах Крючкова и Язова. По крайней мере, никаких свидетельств на сей счет нет. Это уже потом, в разгар событий, Грачев сделает свой

выбор и переметнется в стан демократов.

Тем временем число будущих *заговорщиков* множится. К перечисленным выше *товарищам* присоединяются премьер-министр Павлов, шеф МВД Пуго, спикер союзного парламента Лукьянов, главком сухопутных войск Варенников. То есть практически все первые лица государства.

Хотя бы уже поэтому именовать их путчистами – довольно затруднительно.

Что такое переворот с юридической точки зрения? Свержение конституционного строя. Захват власти.

Но члены ГКЧП не только не собирались ничего свергать, а, напротив, хотели этот самый конституционный строй сохранить. Да и что могли захватывать и. о. президента, премьер, спикер и три силовых министра? Власть, которая у них и без того имелась?

Ничто не мешало Крючкову с компанией ввести ЧП в любой момент. На время отсутствия Горбачева все полномочия находились в руках вице-президента Янаева. Парламент – Верховный Совет СССР, – ведомый Лукьяновым, наверняка одобрил бы любые их действия.

Но они почему-то решают отправить к Горбачеву делегацию, дабы уговорить его отсрочить Союзный договор и ввести в стране чрезвычайное положение.

Час от часу не легче. По такой логике путчистами следует признать и Гучкова с Шульгиным, которые, как известно, в феврале 1917 года убедили Николая II отречься от престола.

18 августа Болдин, Бакланов, Варенников и Шенин едут в Форос, на президентскую дачу (она же объект «Заря»), и битый час уговаривают Горбачева подписать указ о введении ЧП.

Вообще, разговор этот происходил довольно странно. Начнем с того, что каждая из сторон описывает его по-своему.

Горбачев утверждает, например, что на все предложения он ответил решительным отказом, покрыл соратников матом и назвал авантюристами.

«Авантюристы» же – в частности Болдин – уверяют, что под конец разговора генсек, наоборот, с доводами их согласился. Особенно тревожило его, будут ли распространяться меры ЧП на действия ельцинского руководства. Услышав утвердительный ответ, Горбачев якобы махнул рукой: «Шут с вами, делайте как хотите!» «И даже, – уверяет шеф президентского аппарата, – дал несколько советов, как лучше, с его точки зрения, ввести чрезвычайное положение».

Кто из них говорит правду – понять трудно. Однако существуют некие *узловые* детали, которые обе стороны признают. Так вот, детали эти заставляют задуматься о многом.

Ну, допустим: на прощание Горбачев пожал всем визитерам руки.

Нормально, да? Тебя пришли свергать, а ты чуть ли не обниматься лезешь.

Дальше. Все виды связи, как известно, с 15 часов 18 августа на даче были отключены. Но… только в самом дворце. В домике охраны связь оставалась. Более того, уже после отъезда парламентеров Горбачев сделал оттуда пару звонков.

Он позвонил, например, Аркадию Вольскому. Но исключительно для того, чтобы предупредить: по радио скажут, что Горбачев болен, но ты-то знай, я здоров! Вольский ничего не смог понять. Цирк какой-то!

С тем же успехом, когда в твою квартиру ломятся бандиты, вместо «02» следует набирать Мосгорсправку.

Почему Горбачев не позвонил Бушу, Колю или Миттерану? (Кстати, «красный телефон» для прямой связи с президентом США заблокирован не был.) Почему не связался, в конце концов, с тем же Ельциным.

Одним этим звонком он мгновенно опередил бы заговорщиков и разрушил все их планы. Но вместо этого *свергнутый* Михаил Сергеевич преспокойно отправляется ужинать, заказывает марочные вина, а потом идет всей семьей в кинозал: смотреть какой-то приключенческий боевик.

А связь ведь была не только в доме охраны. Она оставалась и в президентских машинах, припаркованных в гараже. Гараж, правда, по указанию начальника Службы охраны КГБ Плеханова опечатали. Но сорвать с ворот бумажку с лиловым штампом – сущая пара пустяков…

На своей первой же пресс-конференции после того, как вырвется он из *застенков* , Михаил Сергеевич выдвинет еще более странное объяснение собственной пассивности. Якобы 17 августа – сиречь за день до приезда парламентеров – узел правительственной связи на его даче был разрушен специально присланной группой специалистов КГБ.

Об этой версии, впрочем, никогда больше он не вспоминал. И правильно делал. Потому что уничтожить узел спецсвязи – чисто технически – попросту нереально. Эту многотонную махину можно только демонтировать и вывезти, чем никто, понятно, не заморачивался.

Да и как в таком случае Горбачев мог звонить в Москву: тому же Вольскому или, например, первому зампредсовмина СССР Щербакову (Щербаков говорил об этом сам)?

Идем дальше. Рядом с Горбачевым оставались верные телохранители: двадцать здоровяков. Табельного оружия, кстати,

ни у кого из них не отобрали: напротив, они еще и взяли в руки автоматы. Но генсек реальным страстям предпочел отчего-то страсти *киношные* .

«Если бы Михаил Сергеевич хотел изменить свое положение! – пишет начальник его личной охраны Владимир Медведев. – Ребята были у меня под рукой. В моем подчинении были резервный самолет “Ту-134” и вертолет. Технически – пара пустяков: взять их (путчистов. – *Авт* .) и в наручниках привезти в Москву. В столице бы заявились, и там еще можно было накрыть кого угодно. Было еще только 18-е…»

«У охраны были контакты с пограничниками, моряками, которые охраняли безопасность президентского отдыха, – подтверждает вице-президент Янаев. – И те несколько раз предлагали вывезти Горбачева куда угодно и связать его с кем угодно».

Странно? Еще как!

Но Горбачев на это отвечает: «Заговорщики как раз этого и добивались. Чтобы можно было открыть стрельбу и пристрелить меня».

Нет, он точно пересмотрел лишку боевиков. Да если б хотели его пристрелить, *кокнули* б как миленького безо всяких поводов, а потом инсценировали все, что угодно: и попытку к бегству, и сопротивление.

Но в том-то и штука, что никто убивать его не собирался. Ни один из членов ГКЧП подобной ответственности на себя никогда бы не взял. Все последующие события покажут, сколь трусливы и нерешительны были эти люди.

А вот еще один горбачевский пассаж. «Неужели я, президент СССР, мог полезть через забор? Чтобы повиснуть штанами на ограде?»

Не знаю, как там принято у президентов, но если бы лично от меня зависела судьба многомиллионной страны, я бы полез через забор, не раздумывая. Или хотя бы отправил на волю кого-то из надежных охранников – донести миру всю правду. (Лети на станицу, родимой расскажешь, как сына вели на расстрел.)

Не доверял он охранникам? Хорошо, но оставался еще зять Анатолий: уж он-то вряд ли повис бы штанами на ограде.

Территория объекта «Заря» была столь обширна, что затеряться на ней – труда просто не составляло. А значит, пожелай Горбачев, прорвать изоляцию можно было вполне.

Не прорвал. Получается, ему это было не нужно. Или дражайшая Раиса Максимовна не разрешала.

Зато по ее совету Горбачев записал на любительскую камеру обращение к народам мира. Но положил его… в свой портфель.

(Кассету, впрочем, пришлось потом переписывать заново. Все, что делалось в эти дни, было не слава богу. Сплошной балаган: не понос, так золотуха.

Впопыхах зять Анатолий схватил первую попавшуюся кассету, но оказалось, что это был незабвенный фильм «Девять с половиной недель». Горбачев с траурным выражением лица появлялся на экране аккурат в тот момент, когда мускулистый Микки Рурк сливался в экстазе с обнаженной красоткой Ким Бессинджер.)

Впрочем, они стоили друг друга: президент СССР и его *тюремщики* . Один, вместо того чтобы спасать отечество, усаживается в кинозале. Другие – тут же принимаются выпивать: то ли с горя, то ли с радости.

Когда ходоки вернулись из Фороса в Кремль, все они уже, как выразился потом на допросе маршал Язов, были «под хмельком»: пить бросились еще в самолете.

А в Кремле – та же картина. Вице-президента Янаева еле-еле сумели вытащить на экстренное заседание с какого-то дачного *сабантуя* . К тому времени был он уже *хорош* : вошел в зал прыгающей, хмельной походкой, с трудом уселся в председательское кресло.

«Мы тут сидим, важные дела обсуждаем, а вице-президент где-то гуляет», – укоризненно покачал головой премьер Павлов. Впрочем, тугощекий Павлов находился в состоянии не лучшем. (Той же ночью, от волнения и обилия виски он потеряет сознание прямо в кабинете, с гипертоническим кризом будет спешно эвакуирован на дачу, под надзор врачей, где в постели и переждет все «чрезвычайные» дни.)

Потом многие из участников этой тайной вечери будут говорить, что их не покидало ощущение какого-то дурного водевиля; пьяного застолья.

Никакого четкого плана действий у путчистов не было. Куда двигаться, с чего начинать – они попросту не понимали.

«Целый вечер 18 августа в кабинете… шел какой-то словесный базар, трудно было разобраться, кто и что здесь решает. Не видно было среди присутствующих государственных мужей…», – говорил на следствии зам.министра обороны Владислав Ачалов.

Самым тяжелым делом оказалось уговорить Янаева подписать указ о вступлении в президентскую должность. Без этого формального акта любые ухищрения становились бессмысленными.

Вице-президент долго отнекивался. Он прикуривал одну сигарету от другой, заплетающимся языком уверял, что не готов к

такой ответственной миссии, предлагал возглавить ГКЧП более достойным (например Лукьянову). И вообще: «пусть Михаил Сергеевич вернется, тогда и поговорим».

Соратники наперебой объясняли Янаеву, что никакой ответственности ему брать на себя не придется: его дело лишь подписывать указы, а все остальное они обеспечат сами; а как только Горбачев поправится, он тут же приступит к прежней работе. Наконец, Янаев согласился.

Подпись, поставленная им на подсунутом Крючковым указе, отменно характеризует состояние, в котором прибывал вице-президент: прыгающий, нерешительный росчерк, сделанный дрожащей рукой. Но этой хмельной закорючки вполне хватило, чтобы изменить ход мировой истории.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

После смерти Сталина в высших эшелонах власти развернулась борьба за власть. Необычайную активность в этом процессе проявил Н. Хрущев.

В середине июля 1953 г., на одном из заседаний в Кремле, которое вел Маленков, Хрущев выступил с обвинениями в адрес Лаврентия Берии. Он обвинил его в карьеризме, национализме, а также в связях с английской и муссаватистской разведками. Его поддержали Булганин, Молотов и другие члены правительства.

Как только приступили к голосованию, Маленков нажал скрытую кнопку звонка, что явилось сигналом к немедленному аресту Берии. Боясь, что сторонники Берии смогут организовать массовые беспорядки, в Москву были введены Кантемировская и Таманская танковые дивизии, занявшие ключевые позиции в центре города. Полностью была заменена охрана Кремля, арестованы сотрудники Берии. Военной стороной этой акции руководил лично Г. К. Жуков.

А что же Ельцин? Все то время, пока горе-путчисты уламывали сначала Горбачева, а потом Янаева, российский президент спокойно пребывал с визитом в Казахстане.

Нурсултан Назарбаев принимал его столь радушно, что вылет в Москву пришлось отложить даже на пару часов: Ельцину требовалось хоть немного прийти в себя.

Потом, правда, в ход будет пущена версия, что вылет задержали специально, поскольку Ельцина вроде как собирались уничтожить прямо в воздухе. В своих мемуарах Борис Николаевич пишет об этом прямо, кидая камешки в назарбаевский огород.

«Вылет отложили на час. Потом еще на час. У Нурсултана Абишевича восточное гостеприимство… но хватка та же. И вот тут я почувствовал неладное. Какой-то перебор, пережим… Меня клонило в сон. Перед глазами – сплошные хороводы».

Ясное дело. Столько выпить на жаре, да еще под жирные азиатские яства – всякие там бешбармак, лагман, манты – не то что хороводы – черти перед глазами запляшут.

И тем не менее вопрос поставлен непраздный. Почему ГКЧП не уничтожило… ну ладно, хотя бы не изолировало Ельцина. Упрячь они его в какой-нибудь комфортабельный *зиндан* , развязка всего действа была бы совершенно иной.

Заговорщики не могли, просто не имели права недооценивать Ельцина. В конце концов, он был самым популярным политиком в России – истинным народным лидером.

Самое интересное, что понимать-то они понимали, но толку никакого с этого не было.

Начальник 7 управления КГБ (наружное наблюдение) генерал Расщепов показывал на допросе, что еще 17 августа на совещании у зам. министра обороны СССР Ачалова нейтрализация Ельцина обсуждалась детально.

Разумеется, об аресте или тем паче ликвидации речи не шло. Говорилось *обтекаемо* : нужно, мол, обеспечить безопасность переговоров советского руководства с Ельциным. А для этого ельцинский самолет следует под благовидным предлогом посадить не во «Внуково», а на военном аэродроме «Чкаловский».

Цитата из протокола допроса генерала Расщепова:

«Командир особой дивизии КГБ должен был пригласить Ельцина в здание аэровокзала, где, как я понял из разговора, у него должен был состояться разговор с министром обороны Язовым. Перед подразделением ВДВ и Группой “А” ставилась задача нейтрализовать охрану Ельцина».

Группа «А» (она же «Альфа») знала в «Чкаловском» каждый камень. На этом аэродроме она регулярно проводила учения по захвату самолетов.

Однако в последний момент заговорщики дали вдруг слабину. Они будто бы опасались, что Ельцин заподозрит неладное и прикажет посадить самолет не на «Чкаловский», а в «Быково».

Объяснение довольно странное. Ельцин по определению не мог ничего заподозрить, ибо к моменту вылета из братского Казахстана был уже сильно, скажем так, *возбужден* . Да и зачем нужно было нейтрализовать его именно в «Чкаловском»? Почему не во «Внуково»? Если нейтрализация такая требовалась вообще.

Нет – говорит член ГКЧП Олег Шенин, не требовалась.

«Необходимости в его аресте не было, достаточно было лишь задержать самолет. Или принять другие меры, чтобы на момент ГКЧП Ельцин не присутствовал в столице».

Но Ельцин почему-то спокойно приземляется в итоге во «Внуково». На ногах он еще держался. Других его соратников пришлось грузить в машину штабелями…

Служба наружного наблюдения КГБ *довела* президента до правительственного поселка «Архангельское», где жил он тогда. Еще раньше *топтуны* досконально обследовали территорию поселка.

История не донесла, каким был сон Ельцина в ночь на 19 августа. Возможно, после выпитого спал он без задних ног. А может быть, как раз мучился бессонницей.

Бессонница давно уже превратилась для него в настоящий кошмар. Он ворочался часами, пытаясь считать про себя, бродил по комнате, но организм настолько был уже изношен, что вернуть сон могла одна только водка. Да и то ненадолго. Когда у Ельцина начинался… э-э, как бы помягче выразиться… некий веселый цикл, сон исчезал напрочь.

Еще со свердловских времен Ельцин привык спать один. Ни Наину Иосифовну, ни дочерей по ночам он никогда не тревожил. Уже в Москве, когда появился у него Коржаков, Борис Николаевич предпочитал будить телохранителя: выпивать в одиночку он так и не научился.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Бессонница – нарушение сна. Проявляется сокращением длительности ночного сна, поздним засыпанием, ранним пробуждением и многократным прерыванием сна в течение ночи. Сон при бессоннице становится более поверхностным, сокращается продолжительность глубокого сна. Встречается при неврозах, некоторых сердечно-сосудистых и психических заболеваниях. У здоровых людей бессонница может появляться после физического или умственного перенапряжения, утомления, сильных переживаний и т. п.

Но, судя по тому, что никто не беспокоил Коржакова в ту ночь, Ельцину удалось все же уснуть.

А тем временем, пока он видел десятый сон, в сторону Архангельского по тревоге была брошена группа «Альфа».

Командира группы, генерала Карпухина в 2 часа ночи вызвал первый зампред КГБ Виктор Грушко. От него, вместе с начальником 7 управления Расщеповым – «Альфа» структурно

входила в его состав – они пошли к Крючкову.

Сразу после путча Карпухин рассказывал:

«Я был вызван к руководству КГБ и лично от Крючкова получил приказ силами своего подразделения арестовать Ельцина и доставить в одну из специально оборудованных точек в Завидово… Мы незамедлительно прибыли на место. Тут же были расставлены наблюдатели. Мне был известен каждый шаг Ельцина, любое его движение я фиксировал. Арестовать его мы могли в любую минуту».

Сомневаться не приходится: поставленная задача была для «Альфы» сущей ерундой – интернировать сонного президента куда легче, чем захватить дворец Амина или обезоружить террористов-угонщиков; даже сравнивать неудобно.

Карпухин сформировал отряд примерно из 60 человек. Бойцы проникли в поселок, облазили соседние леса. «Что ж, работа не сложная. Двадцати человек вполне хватит», – сказал начальник отделения Анатолий Савельев – будущий начальник штаба «Альфы» и Герой России, – когда изучил план ельцинского участка вместе с постройками, уточнив высоту забора и численность охраны.

По плану операции, Ельцина должны были *спеленать* и отправить на базу КГБ в «Завидово». Но система почему-то опять дала сбой. В 5 утра Крючков приказал: всем возвращаться в расположение группы.

Это была едва ли не главная ошибка ГКЧП. По всем правилам переворота Ельцина ни в коем случае нельзя было оставлять на свободе.

Но то ли решимости у Крючкова не хватило, то ли не верил он в ельцинскую силу духа; надеялся, что с российским лидером удастся договориться – Ельцин-то Горбачева не любил сильнее, чем весь ГКЧП вместе взятый.

Российский генпрокурор Степанков излагал, правда, другую версию: «Проводить в дневных условиях операцию по интернированию Ельцина в дачном поселке, насчитывающем более пяти десятка охраняемых дач, было не с руки».

Особой логики в степанковских словах я не вижу. То есть танки вводить в Москву было с руки; запускать по телевидению «Лебединое озеро» – с руки; а провести молниеносную операцию – сколько бы она заняла? Пять минут? Десять? – зазорно: не дай бог, соседи увидят, греха не оберешься…

И потом: зачем идти на штурм дачи «в дневных условиях». Ночь – самое милое дело. Неожиданность и натиск – верные слагаемые успеха. Но…

Рано утром 19 августа с телеэкранов зазвучала тревожная музыка Чайковского. В выпуске новостей было объявлено, что в стране вводится чрезвычайное положение. По состоянию здоровья Горбачев временно передает свои полномочия вице-президенту Янаеву. Для координации усилий создан Госкомитет по чрезвычайному положению: ГК по ЧП. Деятельность всех политических партий, кроме КПСС, приостанавливается. Митинги, демонстрации и забастовки запрещаются.

Первым эту новость сообщила Ельцину дочь Татьяна. Вскоре подоспел и верный Коржаков, параллельно подняв по тревоге всю немногочисленную еще свою службу.

Один за другим, на дачу к Ельцину начали стекаться его соратники: Хасбулатов, Руцкой, Силаев, Полторанин, Бурбулис, Собчак, Кобец, Шахрай, Ярошенко, Попцов.

Сдаваться на милость победителю они не собирались и сразу же бросились к письменному столу – *ваять* обращение «К гражданам России». Сам Ельцин в этом творческом процессе участия почему-то не принимал, хотя под воззванием была поставлена и его подпись.

В одном журнале я вычитал весьма красноречивое объяснение этой утренней безынициативности.

«Борису Николаевичу некоторое время нужно было приходить в себя, – объяснял предсовмина РСФСР Иван Силаев. – И мы тут все делали в основном под моим руководством».

«Что значит “приходить в себя”? Вы хотите сказать, что он был пьян?» – незамедлительно следует вопрос интервьюера (совершенно, между прочим, логичный).

В ответ – минутная пауза.

«Нет, – подыскивает наконец *политкорректный* ответ Силаев, – он был просто потрясен».

Впрочем, по официальной версии, несмотря на «потрясение», Ельцин начал все же выходить на связь с внешним миром. Он звонит лидерам других республик, ищет поддержку.

Кстати, это еще одна странная метаморфоза – связь на даче в Архангельском отключена не была. У Ельцина работал даже факс, с которого его соратники рассылали во все концы страны спешно отпечатанные дочерьми президента воззвания.

«Этого тоже не предусмотрел Крючков, – снисходительно пишет Ельцин в “Записках президента”. – За два-три года бурного развития бизнеса в стране появилось невероятное количество новых средств связи».

Действительно: откуда ж *дуболому* Крючкову было знать, как отключаются факсы. Он и в глаза это чудо науки и техники, наверное, не видел, а из всех видов связи предпочитал телефон-

автомат…

Дальше – больше.

В начале девятого утра Ельцин звонит командующему ВДВ Грачеву.

– Что там за движение войск и какую вы имеете задачу?

(К тому моменту из донесений охраны он уже знал, что по шоссе в сторону Москвы идут танки.)

А Грачев, вместо того чтобы послать любопытствующего куда подальше – он ведь ему не подчинялся, – начинает путано объяснять: дескать, есть приказ министра усилить охрану основных административных зданий в Москве.

«Я напомнил ему наш старый разговор, – пишет в мемуарах Ельцин, имея в виду тульские *забавы* , – Грачев смутился, взял долгую паузу, было слышно на том конце провода, как он напряженно дышит. Наконец он проговорил, что для него, офицера, невозможно нарушить приказ… “Подождите, Борис Николаевич, я пришлю вам в Архангельское свою разведроту”».

Положив трубку, Ельцин радостно изрек: «Грачев наш».

А что же КГБ? Крючков? Группа «Альфа»? Куда в это время смотрели они?

В 10 часов утра, на первом же заседании ГКЧП, тема изоляции Ельцина всплыла вновь. Крючков сообщил коллегам, что говорил с Ельциным по телефону, но тот от сотрудничества отказывается. В своих записях, которые он вел по ходу, секретарь ЦК Бакланов пометил: «Брать Б. Н.».

Тут бы – самое время бросить в бой «Альфу», и тогда победа была уже в кармане. Вместе с Ельциным в руки путчистов угодили бы все российские демократические лидеры: они сами, точно мотыльки на свет, слетелись в архангельскую *мышеловку* .

Но путчисты действовали на удивление сумбурно и непоследовательно. Хотя начальнику Управления «З» КГБ (идеологическая контрразведка) и отдали приказ – задержать основное число демократов (примерно 70 человек); хотя и разбили уже сотрудников управления на оперативно-боевые группы – каждая должна была отправиться за чьим-то конкретным *скальпом* ; хоть и определили место для содержания политзаключенных – десантную часть 54164 в подмосковном поселке Медвежьи озера близ Балашихи – все закончилось в итоге очередной профанацией.

Из семидесяти человек на поверку арестовали лишь четверых: депутатов Гдляна, Камчатова, Уражцева и активиста армейского движения «Щит» Проселкова.

Да и то, говоря по правде, арестом это можно было назвать только с очень большой натяжкой.

Депутат Гдлян, к примеру, рассказывал, что его привезли «в какую-то войсковую часть в районе Медвежьих озер, но там отказались принимать “груз”. Проехали еще километра два и остановились у ворот другой воинской части… Старший офицер в звании полковника чувствовал себя неловко».

В части Гдляна поместили в солдатской казарме, накормили сытным обедом. Вскоре туда же доставили Проселкова с Камчатовым, даже не подумав разделить их поодиночке.

Депутата Уражцева – и до Медвежьих озер не удосужились довезти. Отправили в знаменитую тюрьму с поэтическим названием «Матросская тишина», но там от него… отказались. Пришлось везти Уражцева в штаб ВДВ, где его допрашивали, а точнее дискутировали два с половиной часа, накормили обедом в офицерской столовой. После чего… отпустили восвояси.

Ну, натуральные звери! Вот уж хунта – так хунта! А Уражцев еще и наглеет на глазах. «Дайте, – говорит, – автотранспорт, иначе останусь в заключении. На машине привезли, значит, на машине и везите обратно».

Это я – без всяких шуток. Вот, пожалуйста, дословный рассказ *политзаключенного* Уражцева.

«На требование предоставить транспорт… стали извиняться, что не могут дать “Волгу”… Машину я получил вместе с шофером в десантной форме, поэтому решил воспользоваться случаем и посмотреть обстановку в городе. Ехали мы специально с нарушением всех правил дорожного движения, за что у милиции, вероятно, пользовались уважением. Нам даже честь отдавали».

Еще безжалостней обошлись с депутатом Якуниным – известным попом-расстригой. Утром 19 августа он увидел на лестничной клетке трех человек, по выражению Якунина, «чекистского вида» (наверное, с рогами и копытами). Тут же позвонил в ближайшее отделение милиции. Меня, мол, арестовывать пришли.

Что бы вы думали? Минут через семь действительно приехал наряд и довел Якунина до метро. А застенчивых чекистов это, видимо, так напугало, что они тут же бросились врассыпную и бежали, не останавливаясь, аж до самой Лубянки…

Полагаю, этих весьма красноречивых свидетельств вполне достаточно, чтобы понять: все, происходившее 19 августа, имеет такое же отношение к путчу, как Борис Николаевич Ельцин к демократии, в принципе.

У руководителей ГКЧП не было ни плана действий, ни конкретных задач. Ввести войска в Москву, например, они решили лишь накануне, во время вечернего кремлевского бдения, без какой-либо предварительной проработки.

Командирам частей – Таманской и Кантемировской дивизий, 27-й мотострелковой бригады – никто ничего не объяснял. Скомандовали подняться по тревоге – и только.

Да что там комдивам! Даже руководители военного ведомства толком не понимали, что происходит.

Когда утром 19 августа в Минобороны СССР созвали экстренное заседание коллегии, министр Язов в подробности вдаваться не стал.

«Вышел, объявил, что Горбачев болен, завтра подписание Союзного договора, но в этой ситуации подписывать его нельзя. А чтобы успокоить людей, вводится чрезвычайное положение, – воспроизводил ход коллегии главком ВВС Шапошников. – Войска – в повышенную боевую готовность. Действуйте! Задавать вопросы он не позволил, да никто, в общем, и не стремился».

Более 4500 солдат, свыше 300 танков, около 270 БМП, 150 БТР: все они, войдя в город, не знали, что делать. Со стороны выглядело это довольно трагикомично. Колонны бронетехники покорно останавливались на красный свет, пропуская потоки обычного городского транспорта.

«Для нас решение о вводе оказалось полной неожиданностью, – свидетельствовал начальник штаба Московского военного округа Леонид Золотов. – Мы взяли справочник Москвы, туристические карты и стали определять, куда разместить боевую технику. Все делалось условно и приблизительно».

В итоге основную часть солдат задействовали по… парадным расчетам: расставили на Ленинских горах, дабы не пугать москвичей понапрасну.

А другую часть – десантников из Тульской дивизии – послали зачем-то охранять пять разношерстных объектов: Белый дом, Моссовет, останкинский телецентр, ТАСС, телеграф.

Ну, Белый дом или Моссовет – это я еще могу понять. Но какой смысл блокировать центральный телеграф, проку от которого не было ни на грош? Путчисты что же, боялись, что какие-нибудь злодеи-демократы кинутся отбивать шпионские телеграммы? И почему именно телеграф, а не главпочтамт или почтамт международный?

Однажды я спросил об этом у отвечавшего за ввод войск генерала Ачалова, но тот лишь усмехнулся в ответ. «Приказали. Мы взяли под охрану. Вот такие у нас были горе-начальники».

Бред! Вместо того чтобы захватить главный очаг потенциального сопротивления – Белый дом – военные берут его под охрану.

Вместо того чтобы интернировать Ельцина и всю его команду

– преспокойно отпускают в Москву.

Уже утром 19 августа было понятно, что российский президент в переговоры с ГКЧП вступать не собирается. Тем не менее он без хлопот покидает свою дачу и вместе с соратниками отправляется в Белый дом (взятый уже под охрану!), где и возглавил «штаб революции».

Кстати, с марш-броском этим – из Архангельского на Пресню – связана целая череда мифов и волшебных сказаний.

Ленинградский мэр Собчак утверждал, например, что группа захвата опоздала на 10 минут и Ельцина арестовать просто не успела.

Сам Борис Николаевич – сказочник не меньший – оживляет эту *страшилку* дополнительными красочными деталями.

Якобы бойцы «Альфы» должны были проникнуть в Архангельское под видом десантников – Грачев обещал ведь прислать ему разведроту – взять Ельцина как будто под охрану, а на самом деле схватить и интернировать.

Но чекисты – вот олухи-то! – приехали как всегда к шапочному разбору. Когда в обличье десантников ввалились они на дачу, птичка уже упорхнула.

(Ну да, откуда ж им было знать, что *объект* уехал: с рациями-то в КГБ, видно, была напряженка.) Да к тому же один из ельцинских охранников признал в старшем группы, десантном подполковнике Зайцеве своего бывшего лектора по ВКШ КГБ.

Лжедесантников, однако, впустили в столовую, накормили до отвала, они расслабились, а «сытый солдат – это уже не тот солдат». И пока бойцы *кемарили* , охрана успела эвакуировать ельцинскую семью и спрятать в частной квартире на окраине Москвы.

Ельцин до сих пор свято верит, что сумел вырваться из архангельской западни, рискуя жизнью.

«Нас могли при выезде расстрелять из засады, могли взять на шоссе, могли забросать гранатами или раздавить бронетранспортером. Позднее я узнал, что группа захвата наблюдала за нашими перемещениями из леса. Начальник группы принял двести грамм для храбрости – он ждал приказа на уничтожение или ареста в любую минуту».

«Мы опасались, что нас здесь “накроют”, – вторит ему российский премьер Силаев. – Решили разъезжаться поодиночке, надеясь, что кому-нибудь да удастся доставить в Москву “Воззвание”. На выезде на Можайское шоссе увидел несколько машин – черных “Волг” – и вокруг них крепких ребят. Но они не остановили меня».

И Ельцина они тоже не остановили, хотя отлично видели

выезжающий президентский кортеж: у «Альфы» все еще не было приказа.

Правда, Коржаков утверждает совсем обратное. Начальник охраны пишет, что командир «Альфы» Виктор Карпухин требовал якобы захватить кортеж, в бессильной злобе орал что-то в рацию, но бойцы его не послушали и брать на душу греха не стали.

Верится в это с трудом. Авторитет Героя Союза генерала Карпухина среди подчиненных был непререкаемым. Если бы он действительно приказал задержать кортеж – команда была бы выполнена мгновенно. Персональная «Чайка» с трехцветным штандартом на капоте, в которой пронесся он на дикой скорости по Калужскому шоссе, Ельцина точно не спасла бы. («У нас российский флажок на машине. С ним нас не остановят», – говорил он на прощание жене.)

Но Коржаков по-прежнему стоит на своем:

«За деревьями, как потом выяснилось, прятались сотрудники “Альфы”. Они должны были выполнить приказ руководства ГКЧП – арестовать Ельцина. На случай сопротивления с нашей стороны президент просто бы погиб в перестрелке. Вроде бы случайно».

Все-таки у людей, побывавших во власти, какое-то особое восприятие мира. За каждым кустом мерещатся им коварные убийцы. Сначала был Горбачев, уверявший, что его собирались застрелить при попытке к бегству. Теперь та же паранойя – у Ельцина.

> МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА
>
> Больной манией преследования полагает, что его преследуют другие люди, в отдельных случаях возникают зрительные и слуховые галлюцинации (восприятие существ или вещей, которых нет на самом деле). При этом человек, страдающий манией преследования, как правило, отрицает, что с ним что-то не так. Всяческие попытки корректировать его поведение вызывают раздражение.

Напрасно главком сухопутных войск генерал Варенников слал тревожные шифротелеграммы с Украины, где находился он в тот момент: время было уже безвозвратно утеряно.

Не в пример большинству своих коллег (исключение, пожалуй, составлял только маршал Язов) Валентин Иванович Варенников, знаменосец парада Победы, получивший звезду Героя еще в 1945 году, в военном деле понимал толк. Он знал, что перво-наперво следует локализовать очаг основного сопротивления и только потом продвигаться по захваченной территории.

«Просим немедленно принять меры по ликвидации группы авантюриста Ельцина Б. Н., – писал вечером 19 августа Варенников. – Здание правительства РСФСР необходимо немедленно надежно блокировать, лишить его водоисточников, электроэнергии, телефонной и радиосвязи…»

Но ничего этого опять сделано не было.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

…Вооруженное восстание есть особый вид политической борьбы, подчиненный особым законам, в которые надо внимательно вдуматься. Замечательно рельефно выразил эту истину Карл Маркс, писавший, что вооруженное восстание, как и война, есть искусство.

Из главных правил этого искусства Маркс выставил:

1) Никогда не играть с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо идти до конца.

2) Необходимо собрать большой перевес сил в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.

3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей решительностью и непременно, безусловно переходить в наступление. Оборона есть смерть вооруженного восстания.

4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

5) Надо добиваться ежедневно хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, моральный перевес.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Успех и русской и всемирной революции зависит от двух-трех дней борьбы.

(В. Ленин. «Советы постороннего»)

Где-то к одиннадцати дня Ельцин уже был в Белом доме. Рядом с ним находились тогдашние его друзья и соратники: через пару лет никого из этой когорты подле него не останется.

Горе-путчисты еще пытаются вступить с ним в сепаратные переговоры, перетянуть на свою сторону, но президент сделал уже свой выбор. Он принимает единственное правильное в той

ситуации решение: не ждать, а действовать, перехватывать инициативу в собственные руки.

Постепенно к Белому дому стекается народ. Люди, почуявшие уже воздух свободы, не хотят возвращаться в прошлое. Они объединяются в отряды, возводят смешные, карликовые баррикады

Грешным делом, я тоже был тогда у Белого дома, и в мыслях не допуская, сколь беспомощны окажутся путчисты. Советская власть казалась незыблемой, вечной, как кавказские горы. Поверить, что она доживает последние дни, было выше наших сил. И уж тем более никто не мог себе представить, что люди, за которых пришли мы сложить головы, очень быстро соорудят из голов этих лестницу к богатству и роскоши, и нищета образца 1990 года лет через десять покажется большинству благоденствием.

И когда среди дня Ельцин взгромоздился на танк и громогласно прочел свое воззвание, площадь перед Белым домом взорвалась многотысячным ревом. Из популярного, всенародно любимого президента он мгновенно превратился в народного героя, национальный символ вроде Царь-пушки или Царь-колокола.

Критики Бориса Николаевича предпочитают, правда, утверждать, что Ельцин-де ничем в те дни не рисковал. Будто бы он заведомо знал, что путч провалится, и это было своего рода театрализованным представлением: все равно, что тискать змею с вырванными зубами.

Посмотрел бы я на этих умников, окажись они сами на ельцинском месте. Несомненно, Ельцин шел ва-банк. Вряд ли рассчитывал он на беспомощность и слабость противника.

Да и не заберись он тогда на танк, вся история страны пошла бы совсем по иному пути. Руководители ГКЧП не раз потом признавались, что именно обилие людей перед Белым домом удержало их от штурма. Они панически боялись крови. Но это еще товарищ Петерс, успевший пару месяцев покомандовать Чрезвычайкой, учил: революции не делают в белых перчатках.

Если бы путчисты обладали хоть толикой ельцинской решительности и воли, исход всех событий мог быть совсем другим. Но они упорно совершают ошибку за ошибкой.

Вводят войска – но никаких задач им не ставят.

Объявляют ЧП – а народу ничего не разъясняют.

Быть может, страна и пошла бы за ними – все-таки Москва и Питер это еще не Россия, да и большинство союзных республик фактически поддержало ГКЧП: из пятнадцати республик против высказалось только пять – но для этого следовало хотя бы внятно

объяснить цели свои и задачи.

Ничего этого сделано, однако, не было. Центральное телевидение и радиостанции были заполнены исключительно классической музыкой, лишь изредка прерываемой чтением *чрезвычайных* указов.

Апофеозом беспомощности ГКЧП стала пресс-конференция, на которой Янаев с компанией мычали что-то несуразное. Когда журналистка Татьяна Малкина напрямую спросила их – понимаете ли вы, что совершили государственный переворот, – они наперебой принялись уговаривать ее в чистоте своих намерений. «Я надеюсь, что мой друг, президент Горбачев, будет в строю, и мы будем с ним вместе работать», – с фальшивым задором изрек Янаев.

Он старался выглядеть уверенным, но трясущиеся, дрожащие руки – то ли от страха, то ли с перепою – свидетельствовали совсем об обратном.

Кстати, эти ходившие ходуном вице-президентские руки стали символом грядущего краха ГКЧП. На фоне бодрого Ельцина, бросавшего рубленые фразы с танковой брони, невнятный, заикающийся Янаев выглядел жалкой карикатурой.

Хунта – непременно должна вселять страх и ужас: это закон. Если путчистов никто не боится, а они еще и позволяют над собой изгаляться (весь зал взорвался гомерическим хохотом, когда на той приснопамятной пресс-конференции политобозреватель Бовин с издевкой спросил у Янаева, советовался ли он накануне с Пиночетом), шансы их на победу близки к нулю.

И ведь все это показывалось по центральному телевидению: и вопросы-издевки, и трясущиеся руки вице-президента, снятые точно специально крупным планом.

Почему-то заблокировав десантниками телецентр «Останкино», ГКЧП не додумалось заблокировать заодно и журналистов.

Вместо того чтобы снимать репортажи про то, как заводы и предприятия единодушно поддерживают мудрые решения советского руководства (были, кстати, и такие, и очень много), журналисты главного государственного телеканала транслировали в те дни репортажи с баррикад, выступление Ельцина на танке, плотно сжатые кулаки прибалтов. А уж сюжет о первой и последней пресс-конференции вождей ГКЧП и вовсе снят был с очевидным глумлением.

Еще раз повторюсь: это показывалось не оппозиционерами и апологетами демократии, а благопристойным коммунистическим каналом, сиречь оплотом режима, в главной официозной программе страны.

Сразу после августовских событий, когда участием в обороне Белого дома принято было еще гордиться, а не стыдиться, в одном столичном издательстве мизерным тиражом вышла книжка с воспоминаниями непосредственных участников *революции* .

Перечитывать ее сегодня – одно удовольствие. Вот, что пишет, к примеру, Валентин Лазуткин – будущий руководитель службы по телерадиовещанию, а тогда первый зампред Гостелерадио СССР.

«Здание было захвачено большими силами. Глаза у наших охранников были недобрые. У меня постоянно сидел полковник КГБ, фиксируя все телефонные разговоры. Если я выходил из кабинета, то он следовал за мной.

К вечеру Сергей Медведев (впоследствии Ельцин сделает его своим пресс-секретарем. – *Авт* .) привез отснятый материал, но в нем не хватало изюминки. Он не успел попасть к Белому дому, когда там выступал Ельцин. Решили взять эти кадры у зарубежных коллег. На просмотре подготовленного к эфиру материала были также Какучая (главный редактор студии информпрограмм. – *Авт* .), Медведев, оператор Чечельницкий и полковник госбезопасности. Кстати, он прекрасно понял, какую бомбу мы изготовили. Потом, сидя у меня в кабинете, прикидывали, какие неприятности нас ожидают».

Такое чувство, что два этих абзаца – взяты из разного времени. Сначала – недобрые глаза охранников и конвой полковника КГБ. И тут же – этот самый полковник чуть ли не подсказывает своим *арестантам* , как лучше им обойти цензуру, чтобы выдать в эфир *изюминку* .

Абстрагируйтесь на мгновение от нашей действительности. Давайте представим, что дело происходит… Ну, скажем, в Чили образца 1973 года.

Вместо того чтобы разбомбить президентский дворец, Пиночет беспрепятственно позволяет Сальвадору Альенде созывать ополчение. А государственное телевидение под присмотром эмиссаров хунты еще и снимает об этом патетические сюжеты, причем записи берет напрямую у советских коллег.

И вдобавок Пиночет этот – мало того, что не расстреливает потом журналистов-вредителей на местном стадионе, еще и благодарит их за смелость и принципиальность.

А ведь в нашей истории все выглядело в точности таким же идиотским образом. Потому что, когда программа «Время» с откровенно анти-ГКЧПистскими сюжетами 19 августа вышла-таки в эфир, и на руководство Гостелерадио обрушился шквал гневных звонков – Шенина, Дзасохова, Пуго, Прокофьева – под конец

позвонил вдруг главный путчист Янаев и чуть ли не пообещал представить телевизионщиков к орденам.

«Он ответил, – пишет Лазуткин, – что мы сделали хорошую, сбалансированную передачу, что сейчас так и надо работать. Я ему сообщил об обещании нас наказать. В ответ он посоветовал посылать товарищей со Старой площади как можно дальше».

Комментарии, полагаю, излишни.

Кстати, все дни путча – с короткими перерывами – продолжалась и трансляция 5-го ленинградского телеканала – самого проельцинского и антикоммунистического, с грозной валькирией Беллой Курковой во главе. А также телеканала российского и столь же свободолюбивой радиостанции «Эхо Москвы». Выходили, несмотря на запрет, и антипутчистские газеты. 20 августа добрая половина региональных изданий опубликовала на одних полосах с документами ГКЧП решения российских властей. Даже «Правда» – средоточение партийного официоза – и та поместила выдержки из заявления Ельцина под скромным заголовком: «Позиция руководства РСФСР».

При такой *пропагандистской* работе неудивительно, что уже к полудню 19 августа у Белого дома – главного очага сопротивления – собралось несколько тысяч людей и с каждым часом становилось их все больше и больше. В итоге общее число «баррикадников» – так они будут себя называть – достигнет чуть ли не 70 тысяч.

Если бы не активность оппозиционных СМИ, эта цифра была бы, несомненно, гораздо меньше, тем более что поначалу в атмосфере всеобщей неразберихи люди группировались в самых разных местах. Часть москвичей поспешила, вообще, на Манежную площадь – к традиционной точке сбора демократических манифестаций.

Чем нерешительнее вели себя путчисты, тем большие обороты накручивал Ельцин. По его приказу у Белого дома начали сооружать баррикады. Первым же своим указом он объявил вне закона на территории России декреты ГКЧП. Ближе к 17 часам Ельцин издал новый указ, по которому все органы исполнительной власти СССР – и силовые ведомства в том числе – переходили под российскую юрисдикцию.

Иными словами, если кто и совершил переворот, так это был именно Борис Николаевич. Уж ему точно подобных полномочий никто не давал. Это было грубейшим нарушением Конституции.

Но руководители ГКЧП тем временем продолжали вести бесконечные совещания. Их хватило лишь на то, чтобы силами ОМОНа захватить рижский телецентр.

Ни границ, ни аэропортов, ни вокзалов путчисты не

перекрывали.

Тот же упоминавшийся уже ленинградский мэр Собчак, хоть и значился в списке лиц, подлежащих интернированию, преспокойно сумел улететь из Москвы к себе домой, где, точно матрос Железняк, ворвался в штаб Ленинградского военного округа, прямо на заседание городского КЧП под председательством секретаря обкома Гидаспова, и потребовал от собравшихся немедленно разойтись.

Думаете, его решили арестовать в ответ или хотя бы, выражаясь янаевским лексиконом, послали как можно подальше? Совсем наоборот. Ленинградские путчисты мгновенно разбежались и никогда более не собирались. А Собчак, оставшись с командующим округом один на один, добился у него обещания не вводить войска в город. Даже и баррикад никаких не понадобилось…

Ну ладно, Собчак: он хотя бы передвигался рейсовым самолетом. Но путчисты без звука позволили улететь и спецрейсу с ельцинской «пятой колонной». Верный президентский сподвижник Олег Лобов и два десятка российских зам.министров уже 19 августа отправились в Свердловск, где поручено было им сформировать резервное правительство в изгнании. На случай, если Москва вдруг падет.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

17 декабря 2001 года в гаитянской столице Порт-о-Пренсе произошла попытка государственного переворота. В понедельник утром на президентский дворец было совершено нападение – один из вооруженных людей бросил в здание гранату, а затем эта группа попыталась проникнуть в здание.

Началась стрельба. Погибло четверо человек, в том числе двое полицейских. Власти заявили, что организаторы путча – бывшие военные, адепты оппозиционной партии Демократический альянс. В ответ на это сторонники президента Аристида подожгли здание Демократического альянса.

У президентского дворца собрались толпы вооруженных мачете сторонников президента, скандировавших «Не допустим путча!»

Спору нет, история не терпит сослагательного наклонения. И все-таки – мог ли ГКЧП одержать победу?

По-моему, дискутировать на эту тему – только тратить напрасно время. На стороне путчистов была мощь коммунистическо-советского аппарата, армия, милиция, КГБ. В

конце концов, одна КПСС насчитывала свыше 14 миллионов партийцев, из них – 8,7 миллиона в РСФСР.

У Ельцина же не было ни-че-го. За исключением нескольких тысяч… ну ладно, пусть даже нескольких десятков тысяч разношерстных ополченцев, большинство из которых и оружия-то в руках никогда не держали.

(О том, какие порядки царили среди защитников Белого дома, красноречиво свидетельствует один из организаторов обороны генерал Константин Кобец. Для того чтобы укрепить дисциплину, Кобец даже вынужден был… сымитировать казнь некоего наиболее расхлябанного депутата, сорвавшего полученный приказ. «Я при всех приказал его расстрелять во внутреннем дворике Верховного Совета. После этого послушание было абсолютно четким, беспрекословным».)

Но не в пример Янаеву с компанией российский президент обладал куда более мощным оружием: волей к победе.

Мне думается, в те дни вновь проявилось самое главное его качество, присущее Борису Николаевичу еще с юности: тяга к адреналину.

Если б ему предложили выбрать себе какой-нибудь девиз, наподобие рыцарского, он вполне мог остановиться на эсеровском лозунге – «В борьбе обретешь ты право свое».

Пока все идет спокойно, размеренно, чинно, Ельцин пребывает в спячке, уходит в запои, развлекается показательными порками холопов. Но стоит показаться на горизонте какой-нибудь черной туче, он словно Илья Муромец мгновенно забыв про отнявшиеся ноги, вскакивает с печи и хватается за меч-кладенец.

Именно в моменты катаклизмов и кризисов Ельцин живет по-настоящему, полной грудью. Так было всегда, еще со школы, когда он сознательно искал самые трудные участки и лез туда, где жарче всего, ибо, хоть и стал он уже президентом России, только вбитый отцовским ремнем комплекс неполноценности никуда не исчез, не выветрился, а по-прежнему требовал своего выхода. И потому, стоило запахнуть где-нибудь жареным, как Борис Николаевич разом цепенел, становился в стойку, словно охотничья собака, почуявшая дичь. Прямо как лермонтовский парус: а он, мятежный, просит бури…

Эту внутреннюю его *метаморфозу* хорошо объясняет Сергей Филатов, бывший глава президентской администрации:

«Ельцин – политик не для спокойной, стабильной ситуации. Он хорош, активен, здоров в периоды обострения ситуации, в период “бури и натиска”. Такое впечатление, что ему просто необходимо все время с кем-то сражаться».

А еще ему очень нужны восторженные зрители, которые

благоговейно следят за его поединком.

Разве обязательно требовалось Борису Николаевичу залезать на танк, дабы огласить текст своего воззвания? Нет, конечно. Куда проще и уж точно безопаснее было бы зачитать его через репродуктор по громкой связи.

Но в этом – весь Ельцин. Ему важнее не победа даже, а сам процесс. Эффектные театральные жесты.

Какой смысл был раздавать защитникам Белого дома оружие? Смех, да и только.

Ладно еще – афганцам. Но ведь оружие давали даже женщинам и старикам.

(Премьер Силаев рассказывал, например, как его заместительница по социалке подошла к нему с наганом в руках. «Иван Степанович, вот мне Руцкой дал пистолет, а я боюсь его!»)

Но зато – сколько эффектности, яркости красок! Для окончательной завершенности образа не хватало лишь пулеметных лент, которыми члены правительства перетягивали бы себя…

А вот – другой, схожий по театрализованности пример. По приказу Грачева к Белому дому выдвигается десантный батальон во главе с генералом Лебедем.

Лебедь, как и положено исполнительному служаке, беспрекословно выполняет все приказы командования; приказали бы начать штурм – рванул в бой, не колеблясь.

Но Ельцин, узнав, что солдаты прибыли вроде как для охраны объекта, мгновенно объявляет: на сторону восставшего народа перешел парашютно-десантный батальон…

Если вдуматься, за всем этим антуражем, за революционной патетикой и ощетинившимися баррикадами – стояло то самое, против чего, казалось бы, и воевали демократы: чисто советская ментальность.

Аналогии напрашиваются даже против воли. Пресненские баррикады. Ленин на броневике. Усталые дружинники. Антинародное правительство.

Эта впитанная с молоком матери революционная романтика слишком глубоко сидела в каждом советском человеке, а уж в бывшем секретаре ЦК КПСС – и подавно…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Эйфория – повышенное, радостное настроение, чувство довольства, благополучия, не соответствующие объективным обстоятельствам. У лиц, подверженных эйфории, как правило, преобладает оптимистическая оценка окружающего, стремление к его

приукрашиванию. Это состояние может сочетаться с ускоренным течением мыслей, склонностью к образному фантазированию, к некой театральности. Эйфория возникает под влиянием малых доз алкоголя или наркотиков, а может быть и признаком слабоумия.

Кстати, участие в августовских событиях Лебедя, как и армии в целом, история – совершенно отдельная.

Давным-давно устоялось, *зацементировалось* уже убеждение, будто командующий ВДВ Грачев обвел вокруг пальца своих туповатых начальников и выступил на защиту демократии, за что и обрел впоследствии президентскую любовь и чин министра обороны.

«То, что на этом посту оказался человек такого склада, как Грачев, – пишет в своих мемуарах Ельцин, – волевой, самостоятельный и независимый, было для России настоящей удачей… Как раз ему и было поручено развертывание всей военной техники в Москву».

На самом деле, убеждение это – очередной миф. Давайте, разберем его по молекулам.

По версии Грачева (и соответственно Ельцина), когда зам.министра обороны Ачалов приказал командующему ВДВ вводить армию в Москву, он якобы пустился на военную хитрость. Предложил послать танки еще и к Белому дому – для спокойствия – а Ачалов, *дурилка* этакий, на свою беду согласился. Грачев же передал танки Ельцину и, вообще, спровоцировал ситуацию, когда солдаты вынуждены были спасовать перед красноречивыми москвичами, вопрошавшими: нешто, сынки, будете в нас стрелять?

Ачалов якобы не знал, что Грачев давно вошел в неформальные сношения с Ельциным и даже утром 19 августа успел встретиться с кем-то из его представителей и предупредить обо всех планах ГКЧП.

Это, повторяю, версия Грачева-Ельцина, обретшая за 15 лет форму исторического факта.

Но заковыка в том, что перечень объектов, на охрану которых надлежало отправить войска, утвержден был… заранее. Даже самому Ачалову спустили его сверху – из ГКЧП, потому что в противном случае никогда бы зам.министра обороны – грамотный, профессиональный генерал – не послал бы танки к центральному телеграфу.

То есть Грачев просто по определению не мог этот список расширить. Тем более что о дружбе его с Ельциным генерал-полковник Ачалов знал давным-давно, о чем я уже поминал выше.

Невольно возникает вопрос: почему же ввод войск был доверен тогда Грачеву – потенциальному *двурушнику* .

Да потому, отвечаю я в который по счету раз, что никакого переворота и в помине не было. Военной операции никто не готовил. Работа шла спустя рукава, формально, исключительно для галочки. Приказали? Пожалуйте. А ежели что не так – не обессудьте: какие приказы, такое и выполнение.

И армия, и КГБ, и милиция к тому времени давным-давно потеряли уже страх и всяческое уважение к кремлевской власти; слишком много раз люди в погонах становились разменной картой в чужой игре. Их предавали, сдавали, от них попросту отказывались, как от страдающих ДЦП новорожденных.

Когда в 1989 году по приказу Горбачева войска вошли в Тбилиси, и разразился скандал, генсек моментально от всего открестился и клятвенно уверял, что никому указаний никаких не давал.

(Северо-Кавказским округом командовал тогда Игорь Родионов. Через много лет он рассказывал мне, как в недоумении звонил министру Язову. «Как же так, товарищ маршал, ведь вы же мне сами приказывали выдвинуться»… А Язов – в ответ: «Извини, Игорь Николаич, тут политика, Верховный всегда прав».)

И после того как в январе 1991 года группа «Альфа» пошла на штурм Вильнюсского телецентра, и один боец ее – лейтенант Виктор Шатских – погиб, генсек тем же вечером заявил, что о штурме впервые услышал по радио, хотя спецназ посылал туда лично.

Стоит ли удивляться, что военные, уже наученные горьким опытом, не спешили проявлять инициативу и, вообще, саботировали приказы ГКЧП.

Производить аресты демократов было поручено, например, командующему Московским военным округом Калинину. Но Калинину позвонил его старый товарищ генерал Кобец и настоятельно посоветовал не торопиться с выполнением команд.

«Потом я постоянно с ним связывался, – цитирую я рассказ Кобеца, который, кажется, и не понимает даже, что уличает своего коллегу-генерала в государственной измене. – Звонил и говорил, что такой-то полк такой-то дивизии продвигается по маршруту, который для нас представляет опасность. Останови! И он выполнял, подчиняясь фактически и нам, хотя вроде бы и выполнял приказы комитета».

Примерно то же происходило и с танками, двинувшимися к Белому дому. Никаких внятных приказов командирам дано не было. Они, собственно, и не понимали, зачем послали их на Краснопресненскую набережную, но, будучи людьми военными,

приказы не обсуждали, а выполняли.

Бьюсь об заклад, если б им поступил приказ идти на штурм Верховного Совета, они бы выполнили его безо всяких проволочек, за исключением, быть может, одной только танковой роты под началом майора Евдокимова, который, действительно, перешел на сторону Ельцина.

Но у Белого дома стояли еще и десантники: 2-й батальон рязанского полка. Ими распоряжался никому еще неизвестный зам.командующего ВДВ Александр Лебедь.

По версии Грачева, он отправил Лебедя к Белому дому, дабы организовать охрану баррикад. Но это – лишь очередной волшебный миф.

(Кстати, еще в разгар событий, на рассвете 20 августа, Грачев даже устроил Лебедю по телефону разнос, обвиняя его в том, что он самовольно выдвинулся к Белому дому. Таким уж Павел Сергеевич был «волевым, самостоятельным и независимым».)

Решение о посылке Лебедя принимал зам.министра обороны Ачалов. И вовсе не для защиты ельцинистов, а как раз наоборот: для защиты *от* ельцинистов.

«От кого охраняет пост часовой? – ответствовал Лебедь, когда затащили его в кабинет к Ельцину и принялись выпытывать, зачем и по чьему приказу он прибыл. – От любого лица или группы лиц, посягнувшего или посягнувших на целостность поста и личность часового».

В принципе Лебедь лишь процитировал положение устава, но российского президента этот ответ вполне устроил: каждый хотел услышать то, что хотел услышать. И будущего секретаря Совбеза чуть ли не на руках несут в толпу, объявляют героем и защитником свободной России.

А *герой* после этого возвращается в Генштаб и сразу же садится чертить план захвата Белого дома, благо систему укреплений видел собственными глазами. Согласно этому плану, фасад и правую часть здания должны были захватывать солдаты дивизии Дзержинского под прикрытием «Альфы», левую и тыльную – тульские десантники: то есть те самые защитники демократии, перешедшие якобы на сторону восставшего народа.

План Лебедя был мгновенно одобрен генералом Ачаловым и направлен на согласование в МВД. Ну а то, что не суждено ему было сбыться, вопрос – не к Лебедю, и уж тем более не к Грачеву…

Нет никаких сомнений: если бы ГКЧП решилось брать штурмом Белый дом, оплот демократии был повержен бы в считанные минуты, и тот же свободолюбивый Грачев стремглав встрепенулся, еще б и орден получил – за героизм и усердие.

«Один залп из БТРов – и вся начинка здания заполыхает, все ваши герои попрыгают из окон», – без обиняков заявлял тогда Ельцину генерал Лебедь.

Примерно то же говорит и руководивший обороной здания, генерал Кобец:

«Как военный человек, я понимал, что против профессионалов, несмотря на то что у нас активных штыков человек пятьсот было, нас хватит максимум на несколько минут».

План под кодовым названием «Гром» должен был вступить в силу в ночь с 20 на 21 августа. Но по устоявшейся уже традиции путчисты начали готовить его лишь в самый последний момент, *верстая* чуть ли не на коленках.

Решающая роль в операции «Гром» отводилась группе «Альфа».

«В течение получаса поставленная перед “Альфой” задача была бы выполнена, – констатировал сразу после провала ГКЧП командир группы Виктор Карпухин. – Правда, с очень многочисленными жертвами. Мы знали, где находится Ельцин, другие руководители, имели поэтажный план. Каждый боец “Альфы” был обеспечен индивидуальной связью и мог действовать автономно».

Что же произошло? Почему «Гром» так и не прогремел?

Да очень просто. Первые же дни чрезвычайного положения показали всю беспомощность и несостоятельность новоявленных вождей. Если поначалу и возникали еще хоть какие-то иллюзии, то к исходу 20 августа они улетучились окончательно.

Вместо того чтобы железной рукой приступить к наведению порядка, горе-путчисты погрязли в бесчисленных совещаниях и словословиях. Вся их деятельность сводилась к выпуску указов и приказов, которые никем – хотя бы для виду – не выполнялись. Они даже не удосужились отключить телефоны и свет в Белом доме!

И когда генералы поняли, что *крайними* в очередной раз становятся они – армия, КГБ и МВД – реакция их была вполне понятной.

А тут еще и первые жертвы: когда в ночь на 21 августа колонна бронетехники пытается подойти к Белому дому, путь им преграждают ополченцы – три человека гибнут.

Самое поразительное – об этом сразу постарались забыть – колонна, на которую бросились защитники демократии, к готовящемуся штурму отношения никакого не имела: танкистов послали как раз на охрану Белого дома. По трагической иронии судьбы одни и те же солдаты и офицеры за одну ночь, сами того не подозревая, ухитрились одновременно оказаться и кровавыми

палачами и героями, перешедшими на сторону революции.

Кстати, четыре месяца спустя, уголовное дело по факту гибели ополченцев было прекращено. Следствие вынуждено было признать, что военные действовали правомерно, ибо находились при исполнении, отражали нападение и за это достойны награды. Правда, к тому времени все погибшие – Усов, Комарь и Кричевский – указом Горбачева посмертно стали уже Героями Советского Союза: звание это присваивалось в истории в последний раз. (Горбачев хотел наградить звездой Героя еще и Ельцина, но тот в грубой форме от нее отказался.)

Очередной абсурд, коего в августе 91-го набиралось с избытком: и убийцам, и их жертвам – по награде…

Узнав о гибели людей, министр обороны Язов отменяет приказ о начале операции «Гром».

Да, если б даже и не отменил: это все равно ничего уже не решило бы. Штурмовать Верховный Совет отказались по очереди внутренние войска, группа «Альфа». Против применения силы категорически возражал генерал Лебедь.

Впрочем, ни Ельцин, ни защитники Белого дома об этом еще не знали. В ту ночь они приготовились к последнему и решающему бою. Даже человеку несведущему в военной науке было ясно, что любое сопротивление бессмысленно.

Первым не выдержали нервы у предсовмина Силаева. Он распустил по домам работников аппарата и трагическим тоном объявил Ельцину, что лучше его возьмут дома, чем он погибнет в кровавой мешанине. «Сегодня ночью с нами будет покончено, – воскликнул отважный премьер. – Прощайте!»

Это малодушие Ельцин припомнит Силаеву очень скоро: уже через месяц его отправят в отставку…

Решающую ночь Борис Николаевич провел в своем кабинете. На случай штурма был разработан план его срочной эвакуации в американское посольство, расположенное неподалеку. Американцы даже специально держали открытыми задние ворота, но Ельцин в последний момент от спасения отказался.

Когда раздались первые выстрелы, президент крепко спал прямо в одежде. Он даже ничего не успел понять, как Коржаков растолкал его и, спустив на лифте в гараж, посадил в машину.

«И тут Ельцин спрашивает:

– Подождите, а куда мы едем?

Видимо, только сейчас он окончательно проснулся.

– Как куда? – удивился я. – В американское посольство. Двести метров, и мы там.

– Какое посольство?!

– Борис Николаевич, я же вам вчера докладывал, что у нас

есть два пути: или к американцам, или в свой собственный подвал. Больше некуда.

– Нет, никакого посольства не надо, поехали обратно».

(Из книги А. Коржакова «От рассвета до заката»)

Максимум, в чем удалось его убедить, так это спуститься в бомбоубежище, где и провел он всю ночь до рассвета, снимая стресс излюбленным своим методом.

Пресс-секретарь президента Павел Вощанов признавался позднее, что именно в ту ночь окончательно принял для себя решение уйти в отставку.

«Люди искренне решили защищать демократию, своего президента. Сидели на ступенях, жгли костры. А там был накрыт стол, и Борис Николаевич с ближайшим окружением “расслаблялись”, ожидая разрешения ситуации. Когда я увидел это – мне не по себе стало…»

Впрочем, у Ельцина имелась уважительная причина. Он «расслаблялся», веря, что это – последнее в его жизни застолье.

И то, что остался он в Белом доме накануне обещанного штурма, поступок – надо признать – довольно отчаянный. Впрочем, другого пути у Ельцина попросту не оставалось. Если б в ту ночь он дрогнул и сбежал в американское посольство, бросив десятки тысяч своих сторонников на произвол судьбы, его политическая карьера на этом и закончилась бы. Продолжая революционные аналогии, в истории страны Ельцин навсегда остался бы вторым Керенским – только что без женского платья. (Хотя тот же Коржаков и предлагал загримировать его, приклеив парик и усы.) [18]

Как там, у пламенной Долорес Ибарурри? Лучше умереть стоя, чем жить на коленях? Хотя, мне думается, к поведению Ельцина гораздо лучше подходит русская народная пословица: на миру и смерть красна.

Впрочем, до смерти дело вряд ли дошло бы. Генерал Кобец так излагал разработанный в Белом доме план «Х»:

«Последняя баррикада должна была сопротивляться до такого момента, пока мы не взорвем дамбу на набережной и не выведем через нее руководство правительства и Верховного Совета, а затем посадим на катера, на вертолеты и переедем в Жуковский, где нас ждал самолет».

Можно подумать, самолет сбить труднее, чем штурмом взять Белый дом…

По счастью, ничего этого не случилось. Идти на приступ, неминуемо закончившийся бы кровавой свалкой, большевики не решились.

Утром стало окончательно ясно, что партия проиграна

вчистую. «Мужики, *писец* . Мы победили» – воскликнул герой революции и будущий арестант-коррупционер генерал Кобец.

В 10 часов министр обороны Язов объявил товарищам по оружию, что коллегия Минобороны решила вывести из Москвы войска. Отныне любые попытки что-то изменить всякий смысл теряли.

Точно побитые собаки, лидеры ГКЧП наперегонки – кто быстрей – помчались каяться перед Горбачевым. «Полечу к Михаилу Сергеевичу виниться», – по-военному прямо рубанул маршал Язов.

Вопрос только: *в чем* виниться?

Прежде чем перейти к *апофеозу* августовских событий, вернемся на полгода назад, в февральскую Москву 1991 года.

Мало кто помнит сейчас, но 26 февраля в столицу тоже были введены танки. Это случилось на другой день после беспрецедентной по масштабам манифестации, организованной сторонниками Ельцина прямо у стен Кремля. По оценкам МВД и КГБ, на митинг собралось тогда не меньше трехсот тысяч (демократы утверждали, что полмиллиона) человек.

Собравшиеся требовали провести прямые выборы президента России, размахивали портретами Ельцина и чуть ли не собирались штурмовать Кремль.

Нервы у Горбачева не выдержали. Хоть и убеждал его шеф МВД, меланхоличный латыш Пуго, что пороть горячку не следует, и ситуация под контролем, генсек все равно требовал решительных мер. И тогда в город вошли танки, бронетехника, внутренние войска и десантники, вставшие на подступах к Кремлю.

Через месяц, в марте, все повторилось. Когда на съезде народных депутатов РСФСР страсти накалились до предела, Горбачев вновь приказал вводить в Москву армию. В знак протеста съезд даже прервал свое заседание и вышел на улицы.

Два этих события, на мой взгляд, есть не что иное, как звенья единой цепи. Это были генеральные репетиции будущего путча. И отнюдь, кстати, не единственные.

То, что случилось в январе 1991 года в Вильнюсе, как две капли воды смахивает на ГКЧП: просто масштаб *пожиже* .

Для тех, кто запамятовал, напомню, что в ночь с 12 на 13 января в литовскую столицу были введены танки. Группа «Альфа» штурмом захватила местный телецентр, 14 человек и один спецназовец погибли. Под контроль также были взяты телеграф, Департамент охраны края, Дом печати и центральный телефонный узел.

Председатель Верховного Совета Литвы Ландсбергис обратился к гражданам с призывом: все на защиту демократии. В считанные часы местный парламент был окружен ополченцами, началось строительство баррикад. Захватывать парламент военные в итоге не решились.

А теперь – скажите мне, в чем разница между 12 января и 19 августа? Только в том, что зимой президент СССР отсиживался в подмосковной резиденции, а летом – перебрался в Крым: строго по сезону.

В обоих случаях Горбачев поспешил откреститься от своей причастности к этим событиям, хотя в январе – сомнений никаких нет – войска и спецназ пошли в Литву именно по его прямому приказу. (По-другому просто быть не могло.)

А в августе?

Именно прибалтийские события – *агрессия* , как называла ее демократическая печать – и стали той окончательной трещиной в отношениях Ельцина с Горбачевым, после которой какое-либо примирение было уже невозможно.

Ельцин публично заявил, что союзные власти совершают реакционный поворот. Вскоре он потребовал незамедлительной отставки Горбачева, и нескончаемые многотысячные митинги москвичей полностью его поддержали. В ответ президент СССР не нашел ничего умнее, как попросту запретить проводить в Москве манифестации.

Вопрос: вы верите в столь странную череду совпадений? Я лично – нет.

Если принять за основу, оттолкнуться от того, что ГКЧП было детищем Горбачева, многие странности, необъяснимые загадки разом встают на свои места.

И беспомощность путчистов. И удивительное их нежелание переходить от слов к делу. Нескончаемая болтология вместо конкретных действий, хотя их чуть ли не упрашивали на коленях продемонстрировать жесткость и решительность.

Ладно, ввели в Москву танки, не ставя никаких задач – это еще полдела. Но как объяснить тот факт, например, что экстренное заседание Верховного Совета СССР, которое, несомненно, поддержало бы чрезвычайное положение и таким образом придало всем действиям путчистов легитимный и законный характер, было почему-то назначено лишь на 26 августа.

Что мешало собрать его 20-го числа? Или даже 18-го? Спикер Лукьянов-то был в одной упряжке с Янаевым, Крючковым и Язовым.

Бред какой-то: люди, имеющие в руках всю полноту власти,

не могут созвать подконтрольный себе парламент, в то время как оппозиционер Ельцин преспокойно *свой* , российский парламент собирает, хоть и сидит под прицелами танков.

А пленум ЦК КПСС? Провести его – вообще было делом пятиминутным. Именно с помощью пленума происходили в Союзе все предыдущие дворцовые перевороты: так низвергали Хрущева, антипартийную группу Молотова-Маленкова-Кагановича, арестовывали Берию.

Но большинство членов ЦК о готовящемся ЧП даже и не ведали. Часть секретарей разъехалась по командировкам и отпускам (Лучинский, Семенова, Дзасохов), другая – прямо накануне событий слегла в больницу, в том числе и второй человек в партии, зам.генерального секретаря Владимир Ивашко.

И если на штурм Белого дома у лидеров ГКЧП, в самом деле, могло не хватить духа, то для этих нехитрых действий решимости совсем не требовалось.

Уже к полудню 20 августа в Москву съехалось больше сотни иногородних членов ЦК. Другая половина – за исключением командированных, заболевших и загулявших – находились в столице безвылазно, ибо представляли московскую элиту. То есть кворум имелся. Но пленума проводить отчего-то не стали.

Отчего?

Невольно возникает чувство, что горе-путчисты к победе даже и не стремились. Эти люди как будто действовали не по собственной инициативе, а тупо выполняли чей-то приказ: от сих до сих и не более. Точно по такому же принципу функционировали и введенные ими в Москву войска: вошли – и встали. Потому как других команд не поступало.

Президент Горбачев, само собой, любые обвинения в своей причастности к ГКЧП гневно отметает.

«Ходит и такое: я, мол, знал о предстоящем путче, – возмущается он на страницах своей книжки “Августовский путч”. – Следствие покажет все. Так же как цену запущенного слуха, будто Горбачев имел ненарушенную связь, но устранился, чтобы отсидеться и приехать потом “на готовенькое”. Так сказать, беспроигрышный вариант. Если путч удался, то президент, давший ГКЧП шанс, выигрывает. Если путч проваливается, он опять прав».

Насчет связи – мы говорили уже довольно подробно, и возвращаться к этому вопросу смысла, наверное, нет.

Похоже, остальные его доводы – столь же *неубиенны* , и логика в них – прямо скажем железная.

Собственно, с этого вопроса я и начал главу: кому путч был больше всего на руку? Ответ очевиден.

И неважно, что Горбачев не сумел собрать урожая с августовских полей: все в одиночку заграбастал Ельцин. Откуда генсек мог предположить, как поведет себя российский президент. Ведь нейтрализуй его путчисты сразу, в первую же ночь, и не было бы никаких баррикад, развивающихся бело-сине-красных полотнищ.

Между прочим, члены ГКЧП говорят ровно об этом. Их рассказы о благословлении Горбачева, сказавшего на прощанье «шут с вами», я уже обильно цитировал.

Теперь – пришел черед откровениям новым.

Вот, например, что говорит член ГКЧП Валерий Болдин, один из самых доверенных генсеку людей:

«Горбачев в начале 1990 года пригласил к себе группу членов Политбюро и Совета безопасности – всех тех, кто впоследствии вошел в ГКЧП (среди них были Крючков, Язов, Бакланов) – и поставил вопрос о введении чрезвычайного положения. Все, кого Горбачев тогда позвал, идею ЧП поддержали, особенно учитывая нарастание националистических, центробежных тенденций в Прибалтике и Закавказье. И у нас, в аппарате Горбачева, начали готовить концепцию ЧП».

Дальше, если следовать логике Болдина, события развивались так. Генсек окончательно осознал, что сепаратные переговоры Ельцина с лидерами республик приведут в итоге к его полному низложению и «вызвал тех, с кем уже обсуждал вопрос чрезвычайного положения, отдал им необходимые распоряжения и ушел в отпуск. Горбачев не хотел присутствовать при той драке, которая должна была разгореться. Он знал (а возможно, и сам дал команду), что во время его отпуска случится то, что случилось».

Правдоподобно? Вполне.

Слово – другому путчисту, секретарю ЦК КПСС Олегу Бакланову:

«Я узнал о создании комитета от Горбачева, который еще за год или полтора до августа 1991 года, почувствовав, что его политика приходит в тупик, на одном из совещаний высказал мысль о создании некоего органа, который в случае чрезвычайной ситуации мог бы вмешаться, чтобы поправить положение в стране. Я знаю, что и Верховный Совет обсуждал и даже принял статус ГКЧП».

Очень интересные наблюдения приводит Евгений Примаков, на тот момент член Президентского совета. Когда утром 20 августа он пришел к Янаеву и посоветовал немедленно вывести войска, вице-президент виновато потупился: дескать, сам все понимаю, но не могу, выкрутили руки.

«Потом, анализируя разговор, – замечает Примаков, – я особо

выделил сказанное им: “В апреле я не поддался. А в этот раз не выдержал…” Значит, они собирались сделать это еще в апреле».

Еще более конкретно *формулирует* член ГКЧП Олег Шенин:

«ГКЧП – это несформированная структура, созданная с подачи Горбачева. Это он нас всех ранее не раз собирал в таком составе. Горбачев акцентировал внимание на том, что в стране ситуация может складываться не самым лучшим образом. Видимо, он имел в виду какие-то свои цели, а мы полагали, что речь шла о защите конституционного строя».

Иными словами, люди друг друга не поняли. Горбачев толковал про одно, подмигивал, делал какие-то пассы руками. А будущие путчисты истолковали его сигналы по-своему.

Хотели, короче, как лучше, а получилось, как всегда…

…Рано или поздно тайна ГКЧП все равно станет явью. Когда-нибудь мы обязательно узнаем об истинной роли Горбачева во всей этой истории.

Вопросов накопилось к нему – вагон и маленькая тележка.

Вот вам еще один, кратко упомянутый мной в самом начале главы.

Зачем понадобилось генсеку и президенту СССР – вполне здоровому и бодрому – оставлять Москву под предлогом медвежьей болезни, хотя подписание Союзного договора находилось под угрозой?

Более того, американцы, как уже говорилось, заранее предупреждали его о готовящемся перевороте.

Тогдашний госсекретарь США Джеймс Бейкер в своей книге «Политика дипломатии» прямо пишет, что 20 июня – ровно за два месяца до путча – он лично проинформировал министра иностранных дел СССР Бессмертных о намерениях группы вождей свергнуть Горбачева. После чего, по просьбе президента Буша, Горбачев принял американского посла Мэтлока, внимательно выслушал его и только…

«Советский президент не проявил ни малейших признаков беспокойства, сочтя саму идею переворота фантастической. Он был твердо убежден, что никто не может его свергнуть».

Между прочим, Бейкер сообщает и еще одну, не менее занятную деталь. Оказывается, Ельцина тоже предупреждали о планах заговорщиков. Об этом Борису Николаевичу сообщил не кто-нибудь, а сам президент США, когда Ельцин находился с визитом в Штатах.

То есть уже одно это – должно было его насторожить. Не насторожило. Или же – он просто сделал вид, потому что 6 августа, когда до путча оставалась каких-то пара недель, по дороге из Москвы в Кемерово Ельцин спросил вдруг у Скокова:

как бы вы отнеслись к введению чрезвычайного положения. Что характерно, в тот момент был он совершенно трезв…

Тонкая эта штука – организация политических переворотов…

Опереточный путч закончился так же сумбурно, как и начался. Никаких серьезных резонов капитулировать у вождей ГКЧП не имелось.

Даже утром 21 августа ситуация вовсе не выглядела безвыходной и тупиковой. Им надо было лишь дождаться созыва союзного парламента, который, несомненно, подтвердил бы полномочия Янаева, узаконив режим *чрезвычайности* .

Время играло на руку путчистам. Чего страшилось большинство людей? Репрессий, казней, массовых арестов – словом, всего того, чем сопровождаются обычно военные перевороты. Но где-нибудь через неделю, когда народу окончательно стало ясно, что репрессий никаких не последует, Ельцин автоматически начал бы терять свою привлекательность. Из борца с диктатурой он волей-неволей превратился бы в амбициозного конфликтера, мешающего наведению долгожданного для большинства порядка: этакое бревно, лежащее на дороге.

Никакой массовой поддержки у Ельцина не было – Москва, Питер и Свердловск не в счет. Ну и еще Прибалтика.

Призывы Бориса Николаевича к всеобщей бессрочной забастовке так и остались красивыми словами: практически ни одно предприятие зову его не вняло.

В открытую против ГКЧП выступили только лидеры Киргизии и Молдавии. Армения, Казахстан и Украина заняли выжидательную позицию: они осудили путч лишь в самый последний момент, когда исход его был уже очевиден. Грузия, Белоруссия, Азербайджан и вся Средняя Азия фактически встали на сторону Янаева.

«Помню, как утром 19 августа Ельцин и я звонили в республики, чтобы те поддержали нас против путча, – рассказывал по прошествии многих лет Силаев. – Сначала Ельцин поговорил с Каримовым. Тот отказался нас поддержать. Кравчук сказал: “А что такое? У меня пока никакой информации нет”. Мы позвонили в 3–4 республики, и все безрезультатно. На мой взгляд, они хотели, чтобы все шло по-старому…»

Даже грузинский президент Звиад Гамсахурдиа – уж на что демократ и вольнодумец – и тот прислал ГКЧП восторженную телеграмму с *докладом* , что в республике приступили уже к разоружению незаконных вооруженных формирований: его же, демократической, гвардии.

И тем не менее в 5 утра 21 августа командующий Московским военным округом Калинин отдает приказ: вывести из города войска.

Зачем? Не хотели они пачкаться в крови – ради бога: достаточно было лишь остановить штурм Белого дома и отвести войска на позиции. Никакой угрозы для ГКЧП защитники Верховного Совета не представляли. Пошумели бы, покричали – и разошлись: не вечно же сидеть им на баррикадах.

На этот вопрос ответа нет до сих пор…

…В 14 часов 15 минут президентский лайнер «Ил-62» вылетел из московского аэропорта «Внуково» в Крым. На его борту находились лидеры ГКЧП – Крючков, Язов, Тизяков, Лукьянов и примкнувший к ним заместитель генсека Ивашко.

Им почему-то было очень важно увидеть Горбачева первыми, опередив Ельцина. Настолько важно, что председатель КГБ Крючков решился даже на пошлый обман: когда предсовмина РСФСР Силаев сообщил ему утром, что российская делегация отправляется к генсеку в 16 часов, Крючков попросил отсрочить вылет – иначе он не успеет к ним присоединиться.

Обман этот вскрылся, лишь когда Крючков с компанией поднялись уже в воздух. Ельцин рвал и метал. Он требовал любым путем остановить самолет, задержать путчистов, но было поздно. Правда, главком ВВС Шапошников и предлагал ему сбить самолет – даже сам готов был тряхнуть стариной и сесть за штурвал (в прошлой жизни маршал командовал звеном истребительной авиации), – но такой разворот Ельцину точно был не с руки. Из героя он разом превратился бы в палача.

Невольно возникает вопрос: а почему, собственно, вожди ГКЧП так спешили? Что хотели донести – первыми, с глазу на глаз – Горбачеву?

Они что же, в самом деле, надеялись вымолить у генсека прощение? Вряд ли. Если горбачевская версия верна, и его действительно изолировали от внешнего мира, посадили под домашний арест («72 часа, как в Брестской крепости», – говорил он потом), то рассчитывать путчистам было не на что.

А вот, коли *оттолкнуться* от другого, поверить, что переворот начался с горбачевского благословления – прямого ли, косвенного: не суть – дело другое; все встает на законные места.

И тогда получается, что Крючков со товарищи мчались вовсе не замаливать грехи перед жертвой; они спешили уткнуться в колени своему духовному лидеру, гуру; спрятаться *в домик* , точно в разгар детской игры. Этакий вариант библейской легенды о возвращении блудного сына. «Папа, папа, мы не виноваты, мы старались как могли…»

Эти люди не поняли главного: Горбачеву они были уже не нужны. Вот, если б ГКЧП победил…

В ельцинских «Записках президента» я обнаружил странную, но очень существенную неточность.

«19.25. Самолет с путчистами приземлился на аэродроме “Бельбек”» – сообщает он. Хотя абзацем выше и указывает, что вылетел этот самолет в 14.15.

Лета от Москвы до Крыма – около двух часов. Это что же, получается, лайнер *мятежников* кружил в воздухе лишних три часа?

Да нет, конечно. «Ил-62» совершил посадку в «Бельбеке» в 16.08: факт этот документально зафиксирован следствием. Сразу из аэропорта, кавалькадой «ЗИЛов», путчисты отправились в Форос, к Горбачеву на дачу.

То есть, к тому моменту, когда «Ту-134» с Силаевым и Руцким – это случилось в 19.16 – приземлился в «Бельбеке», – опередившие их председатель КГБ и министр обороны битых два часа находились уже на объекте «Заря».

Другое дело, что Михаил Сергеевич принимать их – до приезда российской делегации – отказался. Интересно, кстати, почему?

Может быть, он боялся недавних своих соратников? Ждал, что они попытаются задушить его, словно Отелло Дездемону?

Ерунда. Дача была наводнена верной ему охраной, тогда как московские гости приехали без оружия и какого-либо силового сопровождения. Более того, их самих тотчас же взяли на мушку, напрочь игнорируя возмущенные крики начальника службы охраны КГБ генерала Плеханова. (Горбачев даже велел открывать огонь, если они попытаются прорваться к нему в апартаменты.)

Не хотел видеть их? Такой личный неприязнь испытывал, что даже кушать не мог?

Таксебе аргумент. Для политика симпатии и эмоции значение имеют в последнюю очередь.

Самый правдоподобный ответ – Горбачев хотел избежать каких-либо неприятных объяснений. С неудачниками говорить ему было не о чем. Именно поэтому, даже после приезда Руцкого и Силаева, он отказался принимать Крючкова и Язова. Встретился исключительно с Лукьяновым и Ивашко – сиречь с людьми, формально в ГКЧП не входившими.

Да и то: едва начали они что-то говорить, оборвал на полуслове. «Иди, посиди там, – резко указал он Лукьянову на дверь, – тебе скажут, в каком самолете ты полетишь».

Он словно боялся, что его вчерашние наперсники – в присутствии российских лидеров – наговорят чего-то лишнего.

Недаром, сразу по возвращению в Москву, Горбачев бросил журналистам странную фразу: «Всего я вам никогда не скажу»…

Вообще, та, первая после его *освобождения* пресс-конференция, была на редкость странной и суетливой. Журналистам из демократических изданий, запрещенных ГКЧП, не позволили задать Горбачеву ни единого вопроса. Да и многие вопросы, которые прозвучали, тоже остались без ответа.

Михаил Сергеевич – так, по крайней мере, казалось – был слишком погружен в собственные муки, искренне наслаждаясь смакованием перенесенных страданий.

И в этом заключалась главная его, роковая ошибка. Не терзаниями своими должен он был упиваться, а сразу же показать, кто в доме хозяин. Но вместо этого, едва спустившись по трапу – мертвенно бледный, чуть ли не в больничной пижаме – президент СССР помчался домой страдать.

А в это время Ельцин окончательно перехватывал бразды правления, замыкая власть на себя.

«Я спортсмен и прекрасно знаю, как это бывает: вдруг какой-то толчок и ты чувствуешь, что игра идет, что можно смело брать инициативу в свои руки», – пишет он в «Записках президента». Этот пассаж, правда, относится совсем к другим событиям – к 19 августа, – но в полной мере его можно отнести и ко всему тому, что происходило после крушения ГКЧП .

И когда на другой день после своего возвращения Горбачев принялся что-то о себе *воображать* – назначать министров, раздавать заявления, – Ельцин моментально его осадил.

Рано утром 23 августа, приехав в Кремль, он, не стесняясь уже в выражениях, потребовал отменить ранее изданные указы о назначении новых министра обороны и председателя КГБ.

Это была первая встреча двух президентов после августовских событий, но и тени дружелюбности в ней не наблюдалось. Ельцин разговаривал с Горбачевым, как директор школы с провинившимся учеником.

Когда Горбачев пообещал *подумать* насчет назначений, российский президент в грубой форме ответствовал, что не уйдет из кабинета, пока не будет по его. Он даже и новые указы Горбачеву принялся диктовать, а тот лишь тряс головой в ответ да сверкал запотевшими очками. Под давлением Ельцина президент СССР был вынужден назначить всех названных ему кандидатов. Главком ВВС Шапошников, пообещавший разбомбить Кремль, стал министром обороны. Выступивший против путча Бакатин – председателем КГБ. Посол в Чехословакии Панкин – единственный из всех послов, отказавшийся вручить документы ГКЧП правительству страны пребывания – министром

иностранных дел.

«Отныне все кадровые назначения вы будете производить только после согласования со мной», – ставит Ельцин ультиматум Горбачеву.

«Горбачев внимательно посмотрел на меня, – пишет он в “Записках президента”. – Это был взгляд зажатого в угол человека».

Ельцин соткан из категоричности и максимализма. В политике он признает только две позы: либо сверху, либо снизу. Равных себе – он не терпит по определению.

И стоит лишь человеку, еще вчера находившемуся сверху, дать слабину, подчиниться, согнуться, как моментально дожимает он его, скручивая в бараний рог, опуская ниже плинтуса.

Ему мало того, что Горбачев уже фактически признал его превосходство. Ельцину непременно надо окончательно уничтожить вчерашнего властителя, раздавить, устроить показательное судилище – на глазах у других.

Уж теперь он сполна рассчитается за все прошлые унижения и обиды. За позор октябрьского пленума, за собственную слабость на пленуме горкома.

Таким он был всегда: и в Свердловске, и в МГК. Таким он и останется, став полноправным хозяином России.

Горбачев не успел еще оправиться от утреннего *наезда* , а его ждут уже новые испытания. В тот же день, 23 августа, Ельцин вызывает президента СССР – именно вызывает, а не приглашает – на заседание Верховного Совета РСФСР.

Прямо у входа Горбачева ждет агрессивно настроенная толпа. Он продирается сквозь людей, бросающих ему в лицо оскорбления, точно сквозь строй шпицрутенов.

Центральное телевидение транслирует в прямом эфире его выступление, более похожее на публичную порку. Стоя на трибуне, Горбачев запинается, бормочет что-то несвязное. А Ельцин еще и прерывает его на полуслове – так же, как в 1987 году обрывал его во время пленума Горбачев, только теперь это выглядит намного жестче и унизительней.

Он требует, чтобы Горбачев публично утвердил все указы, изданные российской властью за три августовских дня. Это и передача под юрисдикцию РСФСР всех союзных министерств и ведомств, и принятие на себя Ельциным полномочий верховного главнокомандующего.

«Борис Николаевич, – чуть не плачет Горбачев. – Мы же не договаривались все сразу выдавать, все секреты».

Этих указов он даже не читал, но Ельцин под крики и аплодисменты депутатов с хамской усмешкой вручает ему весь

пакет документов. «Ознакомьтесь прямо здесь, на трибуне».

Но на *ознакомление* у Горбачева просто не остается времени. Ельцин – вот уж демократ, так демократ – заставляет его вслух зачитывать какую-то стенограмму заседания союзного правительства, где говорится о поддержке ГКЧП.

Через несколько минут он вновь обрывает президента СССР.

«Товарищи, для разрядки. Разрешите подписать указ о приостановлении деятельности российской компартии».

Под бурные овации зала Ельцин ставит свой размашистый автограф, нисколько не обращая внимания на жалкого, раздавленного Горбачева, который лишь испуганно повторяет: «Борис Николаич… Борис Николаич…»

Горбачев пытается еще что-то возразить – дескать не демократично преследовать людей за их убеждения, плюрализм мнений, все такое, – но Ельцина уже не остановить. Как танк, прет он без разбора вперед, добивая бывшего своего соперника.

Поверженный Горбачев, красный от стыда, сходит с трибуны. Он пытается уйти, но Ельцин зовет его к себе в кабинет – поговорить с глазу на глаз, окончательно отправить в нокаут.

«Это как пойманную мышку кот гоняет: намял ей бока, уже с нее течет, а он все не хочет съедать, а хочет поиздеваться», – вспоминал отставной генсек об этих августовских унижениях по прошествии десятка лет.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Невротические реакции обычно возникают на относительно слабые, но длительно действующие раздражители, приводящие к постоянному эмоциональному напряжению или внутренним конфликтам. Часто невроз бывает реакцией на конкретных людей, которые, по мнению больного, представляют для него определенную угрозу. В этом случае больной не всегда способен контролировать свои действия.

Огромная страна рушилась на глазах. Указ за указом, Ельцин забивал гвозди в крышку гроба, где покоилось то, что вчера еще звалось Советским Союзом.

Деятельность компартии на территории РСФСР была запрещена. Все партийное имущество передавалось советам народных депутатов. Началось тотальное мародерство и погромы, пошла охота на ведьм.

Видя такое дело, Горбачев был вынужден добровольно сложить с себя полномочия генсека и призвать членов ЦК к самороспуску. Формально он остается еще президентом СССР, но

власть его сокращается с каждым днем, точно шагреневая кожа.

Даже те республики, что вчера еще были готовы подписать Союзный договор, наблюдая крушение центральной власти, провозглашают свою независимость.

За десять августовских дней окончательный суверенитет обрели Латвия, Молдавия, Украина, Армения, Белоруссия, Азербайджан, Узбекистан, Киргизия. В октябре – последней – откололась Туркмения. Литва, Эстония и Грузия объявили о суверенитете еще раньше.

Все эти процессы происходили хаотично, на волне постреволюционной эйфории. Самое интересное, что Ельцин участия в них практически не принимал.

После того как он принародно размазал Горбачева и объявил КПСС вне закона, российский президент отправился бурно праздновать победу.

Борис Николаевич укрылся в Сочи, в будущей своей резиденции Бочаров ручей, на которую давно уже положил глаз. Чем занимался он там – доподлинно неизвестно, ибо даже самые близкие соратники связи с Ельциным не имели.

«Я вместе с другими коллегами предпринимал тогда усилия для того, чтобы вывести его из этого отпуска и побудить действовать решительно, – свидетельствует министр иностранных дел РСФСР Андрей Козырев. – Мы понимали, что страна теряет время».

А тем временем пламя пожара перекидывалось уже из других республик и в саму Россию. 1 сентября в наиболее спокойном северокавказском регионе – Чечено-Ингушетии – никому пока неизвестный отставной генерал Дудаев низвергает местный Верховный Совет. По всему Грозному полыхают митинги. Дудаевские гвардейцы захватывают объект за объектом, а под конец, распоясавшись окончательно, силой разгоняют парламент, выбрасывая депутатов из окон.

Но тщетно председатель российского КГБ Иваненко пытается связаться с президентом: Ельцин слишком упоен победой; он и на секунду отрываться от отдыха не хочет. Даже когда дудаевцы захватывают здание республиканского КГБ и растаскивают архивы и оружие, Борис Николаевич на звонки Иваненко не отвечает.

«В течение дня безуспешно я пытался связаться с президентом России, который в это время находился на отдыхе в городе Сочи, – говорит главный российский чекист. – Можно было поднять группу быстрого реагирования, выехать с ней…»

Если бы Ельцин дал спецслужбам хоть какую-нибудь *установку* , чеченского катаклизма никогда бы не случилось. Но

слишком расслабляюще действовал на него щедрый черноморский климат. Ценой пары принятых на грудь бутылок стали две войны и десятки тысяч человеческих жизней.

Потом он, конечно, спохватился, только уже было поздно. Дудаева избрали уже президентом, вся власть в Чечне окончательно вышла из-под контроля Москвы.

Правда, в ноябре Ельцин еще пытается что-то изменить. Он выпускает указ о введении в Чечено-Ингушетии чрезвычайного положения, но тут же… уходит в очередной *загул* .

Вице-президент Руцкой, которому поручено было заниматься чеченской проблемой, в течение пяти дней не мог с ним связаться. Борис Николаевич отдыхал в Завидово и беспокоить себя никому не велел.

Кончилось все тем, что ЧП пришлось бесславно отменять, а крайним во всей истории был назначен вице-президент – единственный, кто, действительно, пытался изменить ход событий.

Ельцинский пресс-секретарь Павел Вощанов рассказывал, что когда исход ЧП стал понятен, президент позвонил ему и «велел сделать заявление, что, мол, президент России всегда выступал и выступает за мирное решение чеченской проблемы. Только за столом переговоров… А то у нас есть, понимашь, такие, которым, что в Афгане деревню разбомбить, что Чечню танками подавить…»

Это абсолютно в духе Бориса Николаевича. Ни разу в жизни Ельцин не признавался в собственных ошибках. Для этого у него всегда находился какой-нибудь мальчик для битья, который мог вообще к провалам этим отношения никакого не иметь.

Еще Борис Николаевич очень любил уличать и обвинять других в своих же грехах.

Когда в декабре 1991 года оформлял он *развод* с Горбачевым, присутствовавший на той исторической встрече «архитектор перестройки» Яковлев невинно поинтересовался: правда ли, что вы собираетесь снять Примакова? (Незадолго до того он был назначен главой внешней разведки.)

А Ельцин ему в ответ: «Примаков любит выпить. Это, понимашь, недопустимо…»

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Одним из ярких проявлений алкогольной зависимости является проецирование своих собственных проблем на других людей. Догадываясь о своем патологическом влечении к алкоголю, больной пытается уличить в подобном пристрастии окружающих его

людей.

Три августовских дня кардинально изменили политическую расстановку сил. Чего бы там не думали про себя лидеры ГКЧП, какие бы цели не ставили, но добились они прямо обратного.

Советский Союз де-факто (а вскоре и де-юре) перестал существовать. Вся власть перешла в руки Ельцина.

«XX век закончился 19–21 августа 1991 года», – напишет Ельцин позднее, и будет абсолютно прав.

Ибо, обретя независимость, Россия медленно, но верно начала скатываться в давно ушедшие времена византийщины и регентства.

Порядки, воцарившиеся при дворе Ельцина, стали походить на нравы русских царей в худшие свои годы.

Если б сказать кому-то в те дни – на волне всенародного ликования и эйфории, – что очень скоро Россия будет ввергнута в пучину интриг, невежества и беспрецедентного, невиданного по масштабу воровства, что национальный герой Борис Николаевич Ельцин в считанные годы превратится в немощную развалину, не понимающую, на каком свете он находится, а страной станет управлять горстка лукавых царедворцев и президентских домочадцев – никто б не поверил. Еще б и камнями, наверное, закидали…

Что ж, таков удел всех без исключения провидцев. Людям не дано предугадать свое будущее. Может быть, это и единственное, что нас спасает…

Четырнадцать лет спустя, в 2005 году центр изучения общественного мнения провел опрос россиян: какую позицию вы бы заняли, случись августовский путч сегодня.

Более трети опрошенных – 39 процентов – ответили, что ни ГКЧП, ни Ельцин симпатии у них не вызывает. 18 процентов сказали, что поддержали бы путчистов. И лишь 13 процентов – по-прежнему на стороне Ельцина.

Думаю, что итог этот – вполне закономерен…

Примечания Александра Коржакова

1 В Туле он и не настолько пьяный был. А догола раздевался, потому что полез купаться. Его военные сами заманили.

2 Я, кстати, недавно разбирал свои вещи и неожиданно нашел эти исторические усы с париком. Почти как новенькие.

Эту идею с гримом я почерпнул когда-то из фильмов про

Ленина. Подумал: вдруг нам тоже придется уходить от слежки. У знакомых артистов взял театральный набор. У меня были с собой 3–4 парика и всевозможные накладные усы: висящие, торчащие. Но Ельцин их ни разу так и не примерил.

Глава седьмая
ПИР ЗВЕРЕЙ

Представьте себе такую ситуацию: губернаторы трех американских штатов – ну, допустим, Техаса, Невады и Аризоны – собрались в каком-нибудь мотеле на краю прерий. Хлопнули по бутылке джина. Завалили бизона. И за ужином, аккурат между третьей и четвертой *пол-литрой* , решили – к чертовой матери – распустить США.

Что ждет этих горе-губернаторов? Три равноправных президентских кресла? Три смирительных рубашки? А может, три одноместных камеры в знаменитой тюрьме Аль-Катрас?

По-моему, вопрос излишен…

…О том, что Ельцин собирается в Беловежскую Пущу, встречаться с Кравчуком и Шушкевичем, Горбачев знал заранее. В своей книге президент СССР вспоминает:

«Спрашиваю Ельцина перед его отъездом в Минск: о чем вообще будете говорить? Он отвечает: у меня есть общие вопросы с белорусами. Я хочу их решить. Заодно переговорю с украинцами. Сюда (в Москву) Кравчук ехать не хочет, а туда прибыть согласен».

Михаил Сергеевич, как водится, не придал этой поездке особого значения. В те дни он был занят другой проблемой: пытался реанимировать Союзный договор.

Власть, как песок, утекала у него между пальцев. Де-юре – Горбачев был еще президентом самой большой мировой державы. Де-факто – генералом без армии.

С каждым днем Ельцин замыкал на себя все больше полномочий. Даже те, кто формально подчинялся советскому президенту, уже смотрели в рот президенту российскому. Это была классическая формула двоевластия: оба президента даже сидели теперь в Кремле, каждый – в своем корпусе.

Если бы Горбачеву удалось, наконец, подписать злополучный Союзный договор, вся дальнейшая история могла пойти совсем по другому пути. Но Ельцина такой поворот совершенно не устраивал. Ради того, чтобы скинуть опостылевшего оппонента с Олимпа, он готов был пожертвовать чем угодно: даже огромной страной.

Вот она – та самая, неуемная, патологическая жажда власти, о которой предупреждали все, кто знал Бориса Николаевича еще с юности: государство – это я.

За всю историю, со времен варягов, в России не было второго

такого правителя. Какими бы пьяницами и дураками не казались нам ельцинские предшественники, все они – и цари, и генсеки – лишь расширяли границы империи, а если и отдавали российские земли – так исключительно после поражений в войне.

Либерал и масон Александр I – ввел войска в Париж. Почти стопроцентный прусак по крови Николай II – вступил в схватку с Германией. И даже добрый выпивоха Брежнев, «бровеносец в потемках», едва не начал войну с Китаем из-за абсолютно бесполезного полуострова Даманский.

Единственное досадное исключение – проданная американцам Аляска, да и то: можно ли сравнить эту вечную мерзлоту с рудниками Украины или газом Туркмении?

«Президент России и его окружение принесли Союз в жертву неудержимому желанию воцариться в Кремле», – утверждает Горбачев, который и по сей день продолжает называть Беловежские соглашения не иначе как «предательство».

И на этот раз, похоже, с ним приходится согласиться, потому что никаких иных мало-мальски внятных объяснений беловежской *инициативе,* кроме собственных ельцинских амбиций, – отыскать попросту невозможно.

Решение упразднить СССР созрело у российского президента вскоре после августовского путча. Когда осенью он уехал в Сочи, где *отключился* полностью от внешнего мира, из всех соратников (не считая Коржакова) рядом с ним находился один только Бурбулис.

Горбачев пишет, что именно Бурбулис окончательно обработал Ельцина, убедив, что реанимировать СССР невозможно. Да, собственно, и не нужно, ибо тогда на первый план снова вылезет Горбачев, а ему, главному творцу августовской революции, опять придется довольствоваться унизительной ролью одного из *вассалов* .

В том *состоянии* , в каком пребывал на отдыхе Ельцин, он готов был согласиться с чем угодно: лишь бы только поскорее отстали. Но потом, *возвратившись* к нормальной жизни, мысль эта, исподволь засевшая в нем, стала прорываться наружу. В самом деле, одним богатырским махом, он расправляется со всеми противоречиями, обретая, наконец, абсолютную, необъятную власть.

Не забывайте: по образованию и призванию Борис Николаевич был строителем. И рассуждал он в точности, как строитель. Сломать здание, дабы выстроить на его месте новое, и проще, и масштабнее, нежели латать и ремонтировать…

…В легендарную, воспетую в стихах и песнях Беловежскую Пущу («Заповедником добра» называл ее прежний хозяин

Белоруссии Машеров) Ельцин пожаловал поздно вечером 7декабря.

«Был отличный зимний вечер. Стоял легкий морозец. Тихий снежок. Настоящий звонкий декабрь», – лирично описывает он (а точнее, Юмашев) свои ощущения.

А он и приехал – по крайней мере, для всех, – дабы насладиться красотами заповедника и заодно поохотиться на знаменитых беловежских зубров.

Об истинной причине ельцинского визита знало считанное число людей. Даже не все из участников поездки изначально понимали ее исторический смысл: Егору Гайдару, например, по его же собственному признанию, было сказано, что «предстоит обсуждение путей к усилению сотрудничества и координации политики России, Украины, Белоруссии».

Накануне отъезда Ельцин собрал в окрестностях подмосковного Богородского, где жил он тогда, узкий круг доверенных силовиков: Баранникова, Грачева, Скокова. Без их поддержки затевать все предприятие было верхом безумия[19].

Ельцин панически боялся КГБ, поэтому увел соратников в лесок и, присев на пенек, принялся рассуждать вслух: как, мол, отнесется страна к упразднению СССР.

«Поддержит, Борис Николаевич», – тараща глаза, отрапортовали генералы, восседая на колесе от трактора, каким-то чудом закатившимся в поля. Ради того, чтобы получить внеочередную звезду на погоны, они готовы были на все.

«А операцию назовем “Колесо”, – торжественно объявил будущий секретарь Совбеза Скоков.

«Почему “Колесо”?» – удивился Ельцин.

«Так мы ж на колесе сидим».

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В январе 1853 года Николай I встретился с британским послом Г. Сеймуром и сходу предложил Англии разделить на сферы влияния Оттоманскую империю, настолько ослабевшую к тому времени, что ее скорый развал представлялся совершенно неминуемым. Николай I сказал: «Я хочу поговорить с вами как друг и как джентльмен. …Если Англия собирается в ближайшем будущем водвориться в Константинополе, я этого не позволю. Но вполне может случиться, что обстоятельства принудят меня самого занять Константинополь». Он также сообщил ошеломленному Сеймуру о намерении занять обширные и многонаселенные территории, принадлежащие Турции: Молдавию, Валахию, Сербию,

Болгарию, отдав при этом Англии Египет и остров Крит…

Развал любой империи – это неизменно событие исторического масштаба. Он и проходить должен исторически, масштабно: так, чтоб потом и оратории можно было сочинять, и картины писать, вроде «Последнего дня Помпеи».

Но в Беловежском сговоре *помпезности* не было ни на грош. Бдения трех президентов со стороны более напоминали типичную обкомовскую пьянку, но никак не великую страницу истории: баня, охота, выпивка. (Разве что только девок не привезли.)

Расчленение Союза они начали обсуждать прямо за ужином, в перерывах между рюмками. Сильнее всех активничал Ельцин. Шушкевич и Кравчук скорее молчали: выжидали. У каждого имелась на то своя собственная причина.

Больше всего президент самостийной Украины боялся, что Ельцин начнет тянуть одеяло на себя; заведет разговор о возрождении российской империи, которую – Кравчук это помнил по Академии общественных наук при ЦК КПСС – Ленин именовал не иначе, как «тюрьмой народов».

При таком раскладе он готов был тут же присягнуть Горбачеву и войти в Союзный договор: так оно – надежнее.

Шушкевича волновало совсем другое. Он-то как раз согласен был подписаться под любым решением, которое примут *старшие братья* . Или – Горбачев. Неважно кто, лишь бы самому не брать на себя никакой ответственности.

Еще год назад *профэссор* Шушкевич трудился в скромной должности проректора Белорусского университета, и к свалившейся на него – нежданно-негаданно – власти привыкнуть никак не мог. *Профэссор* жил точно во сне. Ему все время казалось, что вот сейчас появится кто-то строгий и грозно спросит: вы-то здесь откуда взялись? А ну-ка, брысь: наигрались и будет…

Единственное, что успокаивало его: от Беловежья до Польши – рукой подать. В случае любой *заварухи* президенты успели бы добежать до польской границы.

Вряд ли выбор места для переговоров был как-то обусловлен этой близостью. Скорее – случайное совпадение, хотя любая случайность – есть осмысленная закономерность…

Но Шушкевич с Кравчуком напрасно мандражировали. У Ельцина и в мыслях не было обмануть, *развести* их. Его главный противник, препятствие, мертвым грузом лежащее на его пути к Олимпу, находился сейчас совсем в другом месте: в московском Кремле. И в эти минуты Борису Николаевичу были нужны не

новые соперники, а новые союзники.

То, что предлагает Ельцин, не лишено остроумия. Формально, о чем многие уже и запамятовали, Советский Союз был учрежден в 1922 году четырьмя республиками: РСФСР, Украиной, Белоруссией и Закавказьем.

Закавказья – больше нет. Значит, три остальные братские республики имеют полное право этот Союз теперь упразднить: сами его породили, сами его и убьем.

Предложение это, рожденное изворотливой фантазией Сергея Шахрая, Кравчук с Шушкевичем принимают на «ура». Почему-то никто из них не подумал об очевидной, кажется, вещи: если Союз распускают по договору 1922 года, то соответственно, и раздел имущества должен происходить в границах 70-летней давности.

Или – наоборот – президенты это как раз смекнули, потому с такой радостью и поддержали ельцинский вариант. В противном случае у России должен был остаться и Крым, и Донбасс, и половина Белоруссии, не считая Туркестана и Киргизии: так, как выглядела она на картах 1922 года.

А вот почему не подумал об этом Ельцин – вопрос отдельный. Впрочем, к моменту, когда переговоры вошли в решающую фазу, был он уже здорово *обессилен* . Российский президент соглашался со всем сказанным, и даже когда Кравчук с ходу предложил – уж независимость так независимость – выкинуть из будущего договора положение об общих министерствах и едином рублевом пространстве, и слова не сказал поперек, хотя рубль оставался последней пуповиной, соединяющей республики меж собой. Ее *обрезание* – означало неминуемый распад единой страны…

Исторический документ ельцинские соратники – Шахрай, Козырев, Бурбулис – ваяли до самого рассвета. В силу врожденной интеллигентности, машинисток беспокоить они не стали, поэтому всю *писанину* взял на себя Егор Гайдар.

Но утром случилось ужасное. Совершенно секретный документ таинственным образом исчез. Последним, его держал в руках министр иностранных дел Козырев. Белый, как полотно, министр божился, что в 4 утра он сунул черновик под дверь номера, где жила машинистка. Однако в комнате бумаг не было.

Поднялась страшная паника. Все мгновенно уверились, что документ выкрали агенты КГБ. А тут еще, как нарочно, раздался звонок Баранникова, который доложил, что Горбачев будто бы знает все замыслы заговорщиков, и уже с раннего утра ведет переговоры с Бушем и европейскими лидерами, убеждая их не признавать новый Союз. Тут было от чего прийти в ужас. *Ликвидаторы* уже ждали властного стука в дверь, представляли заранее, как повезут их, скованными кандалами прямиком в

«Матросскую тишину» и поселят по соседству с Янаевым и Крючковым…

Спасение пришло в виде Коржакова, который, точно Шерлок Холмс в рассказе «Второе пятно», мгновенно отыскал пропавшие бумаги.

«Выяснилось, – вспоминал позднее Гайдар, – что Козырев не решился в 4 утра будить машинистку, засунул проект декларации под дверь, по ошибке не под ту».

Взрывоопасные черновики, порванные и уже частично *использованные* , преспокойно лежали в сортире у одного из президентских охранников: в корзинке для туалетной бумаги. Рождение «СНГ» начиналось, действительно, с «Г»…

Наскоро отпечатав злополучный документ, его принесли президентам. Те уже вовсю *отмечали* предстоящий распад империи.

Сытно пообедав со всеми *вытекающими* последствиями, они звонят министру обороны Шапошникову, обещая назначить его главкомом вооруженных сил нового содружества, и Шапошников, понятно, радостно им *присягает* . Если учесть, что министр внутренних дел СССР Баранников был назначенцем Ельцина, а в КГБ творился хаос и полный кавардак, ни одного штыка у Горбачева более не оставалось.

Впрочем, нет. Оставался еще Запад, который так любил ненаглядного Горби. Но американский президент Буш, едва дозвонились до него, сдал Горбачева в один присест. Он сказал, что «идея панславистского государства» ему очень нравится, и он желает всяческого успеха «дорогим друзьям».

Вот теперь можно было звонить Горбачеву: ставить его перед фактом. Эту малоприятную функцию решено было доверить Шушкевичу, как самому воспитанному. Но взбешенный Горбачев потребовал немедленно передать трубку Ельцину: он-то понимал, кто здесь главный закоперщик.

В своих мемуарах экс-президент СССР довольно прозрачно указывает, что российский президент находился уже в состоянии, мягко говоря, приподнятом.

«Ельцин взял трубку и начал что-то нудить, язык подозрительно заплетался… Я оборвал его: “Утром в понедельник встретимся и будем обо всем разговаривать”».

После этого документ, наконец, был подписан. Ельцин выпил еще и отправился спать: к назначенной вечером пресс-конференции ему надо было успеть прийти в себя…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Апатический (психопатический) синдром

характеризуется состояниями вялости, безразличия ко всему окружающему, отсутствием побуждения к деятельности и внешних проявлений эмоциональных реакций. Апатический синдром наблюдается в случае употребления больших доз алкоголя или наркотических средств, а также при некоторых душевных заболеваниях или функциональных расстройствах нервной системы.

В понедельник, 9 декабря, Ельцин возвратился в Москву. Горбачев назначил ему встречу в Кремле, но он, вопреки извечной своей пунктуальности – Борис Николаевич и на минуту не опаздывал нигде и никогда – к назначенному часу так и не появился.

Ельцин смертельно боялся, что Горбачев арестует его прямо в Кремле: как когда-то маршал Жуков арестовал маршала Берия.

В своих мемуарах Горбачев пишет, что, дозвонившись до Ельцина – «Ты что, задерживаешься?» – он сразу услышал встречный вопрос в лоб: «Я приеду, но как насчет моей безопасности: гарантирована она или нет?»

Вопрос этот был не праздным. Еще накануне, узнав об истинной причине беловежской *охоты* , Михаил Сергеевич пришел в страшную ярость и принялся обсуждать с архитектором перестройки Яковлевым возможность ельцинского ареста. Он готов был задержать трех президентов прямо по горячим следам, в Беловежье, доставить в соседний медвытрезвитель, а потом объявить на весь мир: *надрались* , дескать, до потери пульса, начали дебоширить, и спьяну чуть не распустили Советский Союз.

Однако Яковлев остудил президентский пыл. Он напомнил, что все президенты – и Ельцин в том числе – обладали статусом неприкосновенности. Их не то что арестовать: даже обыскать можно было только с согласия их же, республиканских парламентов. Да и кто, скажите на милость, будет всем этим заниматься, если и милиция, и армия, и Лубянка давно уже вышли из-под горбачевского контроля.

Но отступать без боя Михаил Сергеевич не желал. Хоть и сдал его со всеми потрохами Запад, он продолжал еще *трепыхаться* .

Вечером 9 декабря, после встречи с Ельциным, Горбачев обнародовал официальное заявление: «Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик». Но эти призывы никого уже не трогали.

Напрасно президент распадающейся на глазах державы тешил себя иллюзиями, что другие республики – тот же Казахстан во главе с лучшим другом его Назарбаевым – осудят действия

«беловежских» *заговорщиков* . Увы: все без исключения союзные республики моментально поддержали коллег.

Каждый из вчерашних правоверных коммунистов, членов ЦК и первых секретарей, волею судеб ставших демократическими президентами, в глубине души никогда не любил Москву. Спасская башня была для них чем-то вроде вышки охранника.

Все они были людьми циничными и прагматичными, и поняли сразу же, какие бескрайние возможности открывает для них соглашение. Эта бумага давала им бескровный шанс вырваться из железных объятий старшего брата; обрести истинную, а не бумажную свободу; бесконтрольную, всеобъемлющую власть. Гигантские деньги, наконец.

21 декабря, на встрече национальных лидеров в Алма-Ате, договор о создании СНГ был переутвержден, но уже в расширенном составе: его подписали все 11 республик: отказались только Прибалтика и Грузия (она присоединится к Содружеству позже).Республиканские парламенты документ мгновенно ратифицировали. (В российском Верховном Совете за «Беловежское соглашение» проголосовали почти все, включая и коммунистов.)

Последней надеждой Горбачева оставалась армия: как-никак он являлся еще Верховным главнокомандующим. По свидетельству Шахрая, «после 8 декабря и вплоть до 25-го, когда Горбачев объявил о своей отставке, он обзванивал командующих военными округами, звонил Шапошникову и просил его поддержать. Но все ему отказали».

25 декабря, ровно за 5 дней до очередной годовщины создания СССР, Горбачев вынужден был добровольно уйти в отставку. Конечно, он мог еще упираться, требовать внеочередного созыва союзного парламента. Только что бы это дало?

Как сказал раввин пришедшей к нему за советом молодой невесте: «Нет никакой разницы, ляжешь ты в первую брачную ночь голая или в ночной рубашке: все равно он тебя трахнет».

С отставкой Горбачева – первого и последнего советского президента – могучая, многомиллионная империя рухнула, точно карточный домик.

Ее можно было еще удержать, реанимировать, вернуть к жизни: принять, например, за основу китайскую модель. Но Ельцин жил не завтрашним днем, а сегодняшним. По науке это, кажется, именуется экзистенциализмом. («Ельцин всю свою деятельность строил на минутных политических моментах», – свидетельствует его бывший соратник Михаил Бочаров.)

В его «Записках президента» содержится самое оригинальное

объяснение той, проделанной им *эвтаназии* , которое только можно себе представить.

На страницах своих мемуаров он соглашается с тем, что СССР вполне реально было сохранить.

«Попытаться легально занять место Горбачева. Встать во главе Союза, начав заново его реформу “сверху”… Постепенно, планомерно демонтируя имперскую машину, как это пытался делать Михаил Сергеевич».

И дальше:

«Возможности для этого были. Бороться за всенародные выборы Президента СССР. Сделать российский парламент правопреемником распущенного советского. Склонить Горбачева к передаче мне полномочий для временного исполнения его обязанностей».

Так в чем же дело? Что остановило его?

Ни за что не поверите.

«Этот путь для меня был заказан. Я *психологически* не мог занять место Горбачева».

Перечитайте этот абзац еще раз. По-моему, то, что пишет Ельцин, – это не из области психологии, а психиатрии.

Получается, он не захотел спасать огромную страну по одной лишь только причине: в силу комплексов своих и амбиций, и в одном поле, мол, с Горбачевым не сяду.

Его сугубо личные *заморочки* оказались намного важнее миллионов человеческих судеб; национальных, государственных интересов, в конце концов.

Не в последний, кстати, раз…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Различные комплексы вызывают отклонения в поведении человека, проявляясь в виде ошибочных действий, неврозов, навязчивых представлений и т. п. Исключительная роль отводится так называемому комплексу неполноценности – ощущению индивидом своих органических или психических недостатков, что оказывает негативное влияние на формирование его характера и поведения. Обычно наличие комплексов у человека сопровождается завышенными амбициями, тщеславием, неприкрытой спесью.

Если и унижал генсек когда-то будущего российского президента, *жучил* и принародно порол, то теперь Ельцин отыгрался за все свои унижения с лихвой.

Так, по крайней мере, уверяет горбачевское окружение, бытоописуя жуткие – надо сказать – картины.

Якобы 25 декабря – в день отставки – Горбачев не успел даже дописать прощального обращения, как на дачу его, в Барвиху, уже пожаловали сотрудники охраны и потребовали немедленно очистить помещение.

Его пресс-секретарь Андрей Грачев, находившийся в тот момент в кабинете, пишет:

«Во время этой работы над текстом зазвонил телефон с дачи. Взволнованная Раиса Максимовна сообщила, что к ней явились люди из новой охраны и велели “освободить от личных вещей представительское помещение” (так на языке спецслужб называлась государственная резиденция президента). Отложив текст, Горбачев позвонил начальнику охраны Редкобородому, отвечавшему до недавних дней за его собственную безопасность.

– Прекратите хамить, – возбужденно сказал он в трубку, – ведь это же квартира, там люди живут. Что, мне в прессу сообщить об этом?

Редкобородый, оправдываясь, сослался на указания сверху и на излишнюю ретивость снизу, но пообещал отозвать своих людей с дачи».

В многочисленных публикациях и *исторических* трудах версию эту – о мелочной жестокости Ельцина, поганой метлой выгонявшего своего предшественника – мне доводилось встречать в самых разных вариациях.

Вплоть до того, что уже в день отставки вещи Горбачева были выброшены из президентской квартиры на улице Косыгина, а взамен ему милостиво предложили занять помещение своей же бывшей обслуги: общей площадью в 80 метров.

И дачу, и квартиру присмотрел уже новый президент: надо было *поспешать* .

Но все это – как-то не вяжется с образом Ельцина. Борис Николаевич был, конечно, человеком мстительным, но все же не настолько мелочным. Ему легче было кинуть Горбачеву *кость* , дабы забыть о нем навсегда, нежели *мараться* подобными коммунальными сварами. (Одна Раиса Максимовна с ее *характерцем* – чего стоила!)

Так что же происходило тогда на самом деле?

Александр Коржаков – он, а вовсе не Владимир Редкобородый отвечал теперь за безопасность вождей – отвечает:

«Квартиру у Горбачевых никто не отбирал. Он и сейчас живет там же, где и прежде. Речь шла исключительно о представительском помещении в том же доме: оно использовалось для всевозможных встреч и приемов.

Но Ельцин вселяться туда и не собирался. Только весной 1992-го он съездил посмотреть квартиру – но, по-моему,

исключительно из любопытства. Аппартаменты почти в 300 метров произвели на Наину неизгладимое впечатление. Таких хором она еще никогда не видела. Больше всего ее поразили даже не размеры, а мебель: настолько, что она приказала забрать кухню – ее перевезли потом в квартиру на Осеннюю».

Что ж. Теперь все более-менее проясняется.

А что с дачей?

Обратимся вновь к свидетельствам Коржакова:

«К моменту отставки Горбачев жил в Барвихе, на так называемом объекте “Б-4”, где одна только территория составляла 66 гектаров. Дача это была государственная, естественно, ее следовало сдавать.

Больше всех меня торопила Наина: Ельцину, вообще, все это было по барабану; он никак не мог до конца еще насладиться Кремлем. Но Наина постоянно теребила: “Когда переедем, когда передеем?”.

Никаких ультиматумов Горбачеву я не ставил. Ни с ним, ни с Раисой Максимовной мы и не разговаривали. Все общение шло через начальника его охраны Пестова.

Взамен “Барвихи” Горбачев попросил другую дачу – “Москва-река-5”: там, где он жил когда-то. Ельцин махнул рукой: пусть забирает…»

В этом широком жесте, чудится мне, скрывался, впрочем, глубинный, понятный лишь посвященным подтекст. Очень удачно, что бывший президент *выторговал* себе именно эту дачу.

Когда-то, в далеком 1986-м, генеральный секретарь Горбачев уступил объект «Москва-река-5» кандидату в члены Политбюро Ельцину: так государи жалуют холопам шубу с царского плеча.

Теперь же – все поменялось с точностью до наоборот и новому правителю очень нравилось показывать, кто в доме хозяин.

Не знаю – правда уж или нет – но как доложили Горбачеву потом, рано утром, в 8.20 Ельцин с соратниками вскрыли горбачевскую дверь и прямо на рабочем столе бывшего президента бывшей державы в ознаменование великой победы распил бутылку коньяка *под конфетку* .[20]

Когда Горбачев узнал об этом, он сказал всего одну-единственную фразу: «Пир зверей»…

Через полгода выделенный ему лимузин ЗИЛ был заменен обычной «Волгой», число охраны сократилось с двадцати единиц до трех. К середине 90-х пенсия экс-президента СССР равнялась 2 долларам США, а в его бывшей представительской квартире жила теперь дочка нового хозяина жизни: олигарха Березовского…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Цинизм – выраженное в форме издевательского глумления нигилистическое отношение к достояниям общечеловеческой культуры: к морали; к идее достоинства человека и др. Цинизм в поведении и убеждениях характерен для людей, стремящихся достигнуть своих эгоистических целей любыми средствами, нацеленных на лидерство.

Кавалеристский успех Беловежья окончательно окрылил Ельцина. Он полностью уверовал теперь, что тактика эта – наскок и натиск – единственно верная, а главное – быстродействующая, точно растворимый суп. Зачем варить чего-то, помешивать, сыпать специи: залил кипятком – и готово.

Больше всего в жизни – кроме власти, конечно, – российский президент любил быстроту и скорость. Мучительные раздумья, бесконечные совещания, просчет вариантов – все это было не по его экспансивному нутру.

Вся жизнь – один сплошной марафон. Стукнуло что-то в голову, и айда, аллюр три креста!

Главное, потом еще и виноватый обнаружится: тот, кто не доглядел, не досмотрел, не додумал. Гайдар, Коржаков, Чубайс, Кириенко, Примаков: уж с кем-с кем, а с *крайними* проблем во власти не было никогда. Мальчик для битья найдется при любой ситуации…

Его многолетний сотрудник Сергей Филатов дает очень верную, по-моему, оценку бывшему своему патрону:

«Ельцину всегда хотелось всего достичь побыстрее: побыстрее ликвидировать КПСС, побыстрее сделать Россию демократической страной с рыночной экономикой, побыстрее провести приватизацию, побыстрее принять новую Конституцию, побыстрее встать в ряд с международной элитной “семеркой”…

Эпоха Ельцина – это… радикальные перемены в обществе, но при отсутствии ясного ответа на вопрос, как их осуществить. Это и ощущение того, что нужно непрерывно бежать, бежать не останавливаясь».

Возможно, я выскажу крамольную вещь, но мне кажется, что демократы не были готовы к свалившейся на них махине власти. Они-то закладывались на многолетнее противостояние, готовились к бесконечной осаде Кремля. Но вдруг Советская власть рассыпалась в одночасье, как недостроенный Ельциным в далеком 1968 году свердловский дом.

Никакой экономической и политической программы у ельцинской команды отродясь не водилось. Все их лозунги

построены были только на критике действующего режима. Но когда режим этот рухнул, они застыли в оцепенении, не зная, что делать теперь с этим нежданно-негаданно доставшимся *счастьем.*

Демократы были похожи на старшеклассников, которые долго бахвалились друг перед другом, разбирая – в самых сочных подробностях – женскую физиологию. А потом, на какой-нибудь вечернике, попав в объятия пьяной и общедоступной пэтушницы, окаменели от робости и неуверенности, ибо первый сексуальный контакт виделся им совершенно в иных цветах.

Сергей Филатов, один из виднейших демократов той поры, прямо *показывал* потом:

«У Ельцина не было своей программы преобразования России».

«У Ельцина никогда своих идей не было, – вторит ему другой президентский соратник, Михаил Полторанин. – Помню, когда он пришел в МДГ, первое выступление было типичным выступлением партийного босса. Всем оно очень не понравилось. Но там Попов был, экономист, мозговитый мужик. Афанасьев, Пальм, Бочаров… Ельцин, как губка, все впитывал, а потом стал выступать с этими же идеями. Его программы чисто наше дело. Юра Афанасьев с ним работал, Гавриил Попов помогал, я. Но чужое – оно и есть чужое, не выстраданное. Сегодня в голове сидит, а завтра, когда начинает себя огораживать, улетучивается…»

Что такое экономические реформы – Ельцин понимал весьма и весьма приблизительно. По своей ментальности он по-прежнему оставался полупрорабом, полупартократом, привыкшим любые проблемы решать нахрапом и накачками. (Не выполнишь к сроку – партбилет на стол!).

Первое знакомство Ельцина с рыночной экономикой состоялось лишь в сентябре 1989 года, во время поездки в Америку. Правда, наблюдал он эту самую экономику исключительно из окна лимузина, да еще и находясь в состоянии вечного *возбуждения* .

Самое сильное впечатление произвели тогда на Ельцина супермаркеты, рядом с которыми даже спецпаек члена Политбюро казался бесплатной нищенской похлебкой.

На встрече с жителями Зеленограда, едва вернувшись из *круиза* , он восхищенно делился:

«Если ты в магазин пришел, то продавец за тобой ходит. Вот – во имя человека. Если там – супермаркет (это большой гастроном), то можете себе представить: там тридцать тысяч наименований продуктов. Фантазии не хватит просто, чтобы перечислить…

Если у нас 40 легковых автомобилей на тысячу жителей, то у них 40 частных самолетов на тысячу жителей. Тысячи самолетов на специальных аэродромах, на которые они в пятницу вечером сели с семьей и полетели на побережье отдохнуть… Ну, я уже не говорю, что легковых автомобилей примерно 600 на тысячу…

Я когда заходил в один магазин, продуктовый, остановился там с женщиной. Она с колясочкой, закупает продукты ровно на неделю… Получается примерно 30 долларов на человека в неделю. На члена семьи. Ну допустим, если три человека, значит, на человека выходит 120 долларов в месяц при заработной плате в среднем у них 3,5–4 тысячи долларов… Понятно, что там квартира, бензин. “Есть у вас проблемы?”, – говорю. Она думала, думала: да, говорит, проблема – рожать второго или не рожать?..»

По своей примитивности, эта картина – бескрайние супермаркеты, эскадрильи летящих на уик-энд американцев, 30-долларовая продуктовая корзина – чем-то похожа на верования древних о гигантской черепахе, на чьем панцире покоится земной шар. Но именно этот лубок и составлял основу экономической доктрины Ельцина.

Молочные реки и кисельные берега – вот главный смысл этой его программы. Дайте только свергнуть ненавистных коммунистов, которые мешают «рубль перевести в конвертируемый» (цитата с той же зеленоградской встречи), и разом настанет тотальное благоденствие, слепые прозреют, нищие разбогатеют, безногие затанцуют краковяк и будет всем счастье.

И ведь главное – народ всему этому верил. Зарплата в 4 тысячи долларов, из которой на еду всего-то уходит 120 «баксов»: вот он – истинный рай на земле.

Большинству и невдомек было, что в той же хваленой Америке кварт-плата и коммунальные платежи отбирают не менее трети всех доходов, а литр бензина, стоивший тогда в Союзе 35 копеек (при зарплате в 120 рублей), на Западе обходится в доллар. Это все станет понятно лишь позже…

Еще с конца 80-х журналисты и политологи бились над разгадкой «феномена Ельцина». По-моему, ответ на поверхности.

Ельцин – это политический Кашпировский. Усаживайтесь у телевизора с трехлитровой банкой в руках, и волшебная психотерапия принесет вам излечение от всех известных науке – и неизвестных, впрочем, тоже – болезней.

Даже Горбачев – уж на что великий сказочник – и тот собирался возродить экономику за 500 дней – сиречь за полтора года.

Ельцин же в своих обещаниях пошел еще дальше. На

президентских выборах он клятвенно заверяет, что уже через полгода начнется снижение цен и всеобщее изобилие, а к осени 1992 года – «стабилизация экономики и постепенное улучшение жизни людей». Если этого не случится – он ляжет на рельсы.

Но время идет, а улучшения – как не было, так и нет. Даже напротив. Уровень жизни катастрофически падает. Но президент продолжает делать магические пассы руками, уговаривая подождать еще чуть-чуть. Вот-вот. Еще немного. Последний рывок и сейчас, как говаривал Кашпировский, зазвонит ваш *будильничек* .

Перелистаем старые газеты. Так говорил президент:

Декабрь 1991 года:

«Нам будет трудно, но этот период не будет длинным. Речь идет о 6–8 месяцах».

Апрель 1992 года:

«Возможно, какое-то начало стабилизации может быть к концу года, а в дальнейшем, в 1993 году – улучшение жизни людей. В этом я убежден».

Октябрь 1992 года:

«В прогнозах могут быть ошибки. Но это ошибки не на годы – на месяцы».

Ноябрь 1992 года:

«В первом квартале будущего года начнется финансовая и экономическая стабилизация».

Апрель 1993 года:

«Я уверен, что 1993 год будет годом переломным, годом стабилизации, поскольку вот уже три месяца уверенно идет снижение уровня инфляции, а производство становится на ноги».

К декабрю 2000 года, когда Ельцин ушел в отставку, ни один из этих его прогнозов так и не сбылся.

Но на рельсы он почему-то тоже не лег…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

При различных формах психического расстройства у больных отмечается склонность к эпатажу, желание делать безапелляционные заявления. При этом впоследствии они впадают в состояние полной отрешенности и игнорирования данных обещаний, а также тяготеют к закулисным договоренностям.

Впрочем, у Ельцина есть одно незаменимое для политика качество: он всегда найдет «крайнего». Виновником провала ельцинской экономической реформы был объявлен Егор Гайдар, чья внешность просто-таки располагала к этой роли жертвенного овна.

Похожего на Мальчиша-Плохиша Гайдара первым отыскал Бурбулис: в 1991 году он привез его к Ельцину на дачу, прямо в парилку. Гайдар не любил баню – у него в квартире была ванна; он не знал, как следует себя вести в подобной ситуации, но на всякий случай сразу разделся и предстал перед Ельциным неглиже. Президенту такая смелость очень понравилась, хотя сам *кандидат* впечатление на него произвел двоякое.

«У него вид, как будто только что оторвали от корыта со сгущенным молоком», – пожаловался он соратникам. Но в мемуарах, как и положено, написал совсем другое:

«Гайдар прежде всего поразил своей уверенностью. Это просто очень независимый человек с огромным внутренним чувством собственного достоинства».

То, что Ельцин принял за уверенность и независимость, на самом деле было обычным апломбом книжного всезнайки. К своим 35-ти Егор Тимурович никогда и ничем не руководил: лишь год назад он возглавил им же созданный институт с коллективом в 100 человек, более похожий на симбиоз литкружка и КСП, а до этого трудился в газете «Правда» и журнале «Коммунист».

Гайдар совершенно не представлял себе, чем дышит страна, дальше Сочи никуда не выезжал (он, вообще, не понимал, зачем нужны Сибирь и Дальний Восток), и экономические модели выстраивал исключительно по учебникам. Если бы в России жило не 150 миллионов, а этак двести или триста мучеников-интеллигентов, его идеям не было б, наверное, цены.

Странное дело: никто не обращал никогда внимания на очевидную, кажется, вещь. Происхождение Гайдара, равно как и среда обитания, по определению должно было наложить неизгладимый отпечаток на его мировоззрение.

Оба деда нового мессии – Аркадий Гайдар и Павел Бажов – были главными писателями-сказочниками страны Советов. Отец – Тимур Гайдар – на страницах «Правды» создавал сказания о Кубинской революции и успехах социализма. И даже тесть – Аркадий Стругацкий – и тот был знаменитым фантастом.

В этом мире сказок и мифов, отделенном от грубой действительности забором элитного писательского поселка, и сформировался будущий творец российской реформы; отличник и бабушкина радость.

Когда Гайдар выступал перед людьми, складывалось ощущение, что он говорит на другом языке. Вместо того чтобы изрекать простые и ясные мысли, он употреблял сложные, наукообразные обороты, самыми доступными из которых были словечки типа «конвергентность» или «полифонический синдром».

Ельцин, кстати, при первом же их разговоре тоже мало что понял. Как рассказывал мне Коржаков, Гайдар несколько часов подряд излагал свои макроэкономические воззрения, сыпал учеными терминами, и президент настолько обалдел от услышанного, что едва тот уехал, потребовал немедленно налить себе фужер коньяку. Каковой тут же – для снятия стресса – и осушил.

Как и все малообразованные люди, Борис Николаевич очень боялся быть заподозренным в невежестве. Он никогда не признавал, что чего-то не знает.3 Ему было проще согласно кивать, нежели переспросить, что, собственно, имеет в виду собеседник, потому-то Гайдар и уверился, что президент понимает его с полуслова. В мемуарах он с наивной убежденностью пишет:

«Общее впечатление: Ельцин прилично для политика ориентируется в экономике, в целом отдает себе отчет в том, что происходит в стране»[21].

Коржаков, однако, свидетельствует совсем о другом. Уже после того, как Гайдару было доверено приступить к реформам, когда Ельцина просили на встречах объяснить их смысл, он толком не мог ничего ответить. Просто терялся и уходил в общие демагогические рассуждения…

К моменту появления Гайдара Ельцин находился в тяжелых раздумьях. Под давлением депутатского корпуса он вынужден был отправить в отставку прежнее правительство во главе с Иваном Силаевым, не испытывая, впрочем, к ним особой жалости, ибо не в силах был простить премьеру трусливого бегства из осажденного Белого дома.

Конечно, проще всего было ему позвать за собой Григория Явлинского – идеолога той самой сказочной горбачевской программы «500 дней», наиболее *раскрученного* экономиста страны. Но он почему-то этого не сделал. (По версии Явлинского, это объяснялось нежеланием Ельцина делиться будущими победами, ибо реформа «предполагалась как быстрая и красивая».)

Да что там Явлинский! Нобелевский лауреат в области экономики Василий Леонтьев, американец по паспорту, но русский по происхождению, тоже получил от ворот поворот, хоть и предлагал свои услуги новой власти.

Признанному мировому авторитету Леонтьеву Борис Николаевич предпочел вчерашнего журналиста Гайдара: с тем же успехом истекающего кровью больного следует везти не к знаменитому хирургу, а к полуграмотному знахарю.

Гайдар был хорош единственно тем, что в народе его никто

не знал. Кроме того, он не спрашивал лишнего, не докучал президенту вопросами (а чего докучать, если в экономике тот разбирался так же, как и в высшей математике), и готов был тащить весь ворох работы в одиночку, принимая ответственность целиком на себя.

Очень удобная тактика: если чудо произойдет – его главным творцом будет президент. Ну а если нет – ясно, на кого свалить все огрехи.

Страна не оправилась еще от новогодних празднеств, а новое правительство приступило уже к решительным действиям. 2 января 1992 года произошла либерализация цен – проще говоря, тотальное удорожание. Только за один месяц цены выросли на 352 процента. Исключение составили лишь молоко, хлеб, алкоголь, коммуналка и электричество.

В том же январе Ельцин подписывает подготовленный Гайдаром указ «О свободе торговли». Отныне торговать разрешено чем угодно, где угодно и почем угодно.

Не знаю, как в других городах, но Москва превратилась мгновенно в огромную стихийную толкучку. В магазинах скупалось все, что можно – детское питание, колготки, сигареты – и тут же выносилось на уличные рынки: только уже втридорога. Раньше это называлось спекуляцией и служило основанием для ареста; теперь же стало именоваться «рыночными отношениями».

Таким образом Гайдар победил дефицит и вечные очереди. Правда, возникла проблема другая – куда более серьезная: новые цены оказались запредельными. Если прежде большинство не могло ничего купить из-за отсутствия товаров, то теперь – из-за отсутствия средств.

Когда Гайдар увидел, что создает рынок без денег, он с той же лихорадочной поспешностью бросился формировать «класс собственников». Началась приватизация.

Ни в одной стране мира приватизация не проходила в режиме марш-броска. (Англия, например, проводила ее 80 лет.)

В России же, за каких-то пару годков, задорные экономисты-либералы умудрились продать половину госсобственности: не то что без выгоды для страны – с дикими, невообразимыми убытками.

(За 10 лет от приватизации 145 тысяч (!) предприятий государство выручило всего 9,7 миллиарда долларов: чтобы было понятно – такую сумму наши туристы ежегодно оставляют за рубежом.)

Морские порты вместе со всей инфраструктурой и кораблями продавались по цене одной проржавевшей баржи. Валютоемкие, крепко стоящие на ногах предприятия уходили за сумму, равную

размеру их месячной прибыли.

Северное морское пароходство досталось новым владельцам за 3 миллиона долларов.

Легендарный «Уралмаш» гордость Урала, центр мирового тяжелого машиностроения – за 3 миллиона 720 тысяч.

Челябинский тракторный завод – за 2 миллиона 200.

Флагман автопромышленности легендарный завод «ГАЗ» со 140-тысячным коллективом – за 25 миллионов.

И примеров таких – тысячи. (В иной день продавалось по десять крупнейших заводов кряду.)

Собственно, удивляться этому не приходится. Сформированное Гайдаром правительство реформ состояло из таких же, как он, молодых, амбициозных мальчиков, воспринимавших Россию в качестве гигантского опытного полигона.

Достаточно внимательнее присмотреться к экономическому блоку этого чудо-правительства, и все станет понятно. Это не кабинет министров, а какое-то вольное научное общество.

Егор Гайдар – вице-премьер, министр финансов. 35 лет, в прошлом – зав.отделом газеты «Правда».

Александр Шохин – вице-премьер, министр труда и занятости. 40 лет, зав.лаб. ЦЭМИ.

Анатолий Чубайс – председатель Госкомимущества. 36 лет, меньше года проработал зампредом Ленгорисполкома, до этого – доцент Ленинградского инженерно-экономического института.

Петр Авен – министр внешней экономики. 36 лет, старший научный сотрудник ВНИИ системных исследований.

Андрей Нечаев – министр экономики. 38 лет, ведущий научный сотрудник Института экономической политики.

Владимир Мащиц – председатель Госкомитета по экономическому сотрудничеству со странами СНГ. 38 лет, зав.лаб. Института проблем рынка.

В старые времена прежде, чем стать министром, человек в обязательном порядке должен был пройти сначала множество административных ступеней. Советская власть, как и положено опытной даме, тщательно предохранялась от случайных связей. Существовала четкая многоуровневая система кадрового роста: комсомол, партия, народное хозяйство. Это был долгий, но зато надежный путь, схожий с дантовскими кругами ада, по которому, кстати, прошел когда-то и Ельцин. («Стабильность кадров – залог успеха», – любил говаривать Суслов.)

В новой революционной России прежние заслуги и профессиональный опыт роли никакой теперь не играли. Сотни бездельников-горлопанов и очень средних научных сотрудников

дружно ринулись во власть. У Белого дома был? На демонстрации ходил? Коммунистов ругал? Айда с нами: править Россией будем.

По такому принципу вчерашний сотрудник НИИ института высоких температур Мурашев стал начальником всей московской милиции, а горный инженер Савостьянов возглавил столичную госбезопасность.

У большинства ельцинских министров за спиной не было ничего, кроме непомерных амбиций и молодецкой удали. Каждый из этих новоявленных руководителей, по определению самого же Гайдара, никогда «ничем, кроме письменного стола не заведовал».

Однако эти ребята почему-то были свято уверены, что умнее и опытнее их никого нет на свете, хотя для того, чтобы управлять огромной страной, недостаточно лишь начитаться умных трактатов и носить очки в роговой оправе.

Если Ельцин был политическим Кашпировским, то Гайдар – экономическим Чумаком.

Эти «мальчики в розовых штанишках», как окрестил их вице-президент Руцкой, не сумели даже составить бюджет на следующий год: впервые в новейшей истории страна входила в будущее без четкого плана расходов и доходов.

И экономические прогнозы чудо-экономисты толком тоже не смогли написать.

Они заверяли, например, что цены в результате реформ вырастут в 3–5 раз, но к концу 1992 года они увеличились на 2600 процентов (и то – в среднем: на некоторые товары и того больше).

Доходы граждан – опять же в среднем – упали на 44 процента. Подавляющая часть общества – бюджетники и пенсионеры – мгновенно оказались за чертой бедности. Все, что копили они по крохам, откладывая на сберкнижку, в секунду стало обесценившейся пылью.

За первый же год гайдаровских реформ из России было вывезено – сырьем, материалами, банковскими переводами – 17 миллиардов долларов. Потери экономики – за три года – составили 3,5 триллиона долларов.

Впервые после войны население страны сократилось на 700 тысяч. В следующем, 1993 году, эта цифра составит уже миллион. До конца ельцинского правления Россия ежегодно будет терять около миллиона человек: целую область, вроде Пензенской. В год дефолта, организованного стараниями новых реформаторов, смертность достигнет рекордной отметки: миллион двести семьдесят тысяч.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В России уровень смертности, подобный середине 90-х годов XX века, наблюдался лишь в 1926 году, после войн, революции, разрухи и голода – около 20%. По странам, где ведется регулярный учет смертности, подобный уровень, 18–20 смертей на 1000 жителей в год, был зафиксирован в Египте и Гватемале в начале 1950-х годов.

Еще со времен своей юности Ельцин привык к обожанию и почитанию. Если бы не партийно-строительная карьера, из него мог получиться отменный актер, ибо цветы и аплодисменты являлись для Ельцина главным мерилом успеха, да и с лицедейскими способностями у него тоже все было в порядке.

Придя к власти на волне всенародной любви, он настолько свыкся со своей популярностью, что любые, даже самые безобидные упреки воспринимал как личное оскорбление.

Владимир Шумейко, ставший в 1992 году вице-премьером, рассказывает, как Ельцин, сидя в кругу соратников, неожиданно поинтересовался:

«– А что, анекдоты про меня рассказывают?

– Ну что вы, Борис Николаевич! Вас в народе любят, кто же про вас будет анекдоты рассказывать, – ответил за всех Бурбулис.

– Рассказывают, рассказывают, – возразил я. – Правда, пока еще рассказывают хорошие – это когда вы положительный герой.

– А ну-ка, расскажите хоть один…»

Шумейко рассказал два. Оба – сугубо приятственные. Ельцину анекдоты понравились.

«Уже тогда было заметно, как Б. Н. любит лесть», – подытоживает Шумейко.

(К слову говоря, заметно это было намного раньше, да и собиранием анекдотов про себя Борис Николаевич увлекался еще с конца 80-х. Моему другу Андрею Караулову он, например, в 1988 году поведал следующий анекдот:

«На пленум ЦК приходит мужик. Достает пулемет. “Кто тут Ельцин?” – спрашивает. “Вон он, вон…” – кричит Лигачев. “А ну, Борис Николаевич, пригнись-ка”… и: тра-та-та…»)

1992 год принес Борису Николаевичу первые неприятные потрясения. *Шоковая* терапия вызвала в обществе вполне понятные эмоции. Те, кто еще вчера боготворили Ельцина, сегодня стали его ненавидеть.

И двух месяцев после Нового года не прошло, а в центре Москвы состоялся уже шумный антиельцинский митинг, вышло на который аж сто тысяч человек. В мае по всей стране начался

сбор подписей за отставку президента. Летом толпы оппозиции окружили кольцом телецентр «Останкино»: разгонять их было некому. Новый, демократический начальник столичной милиции Аркадий Мурашев укатил в тот момент на Филиппины: участвовать в каком-то неотложном шахматном мероприятии.

Конечно, Ельцин понимал, что начатые им реформы вряд ли вызовут у людей особый восторг. Но столь жесткой реакции он тоже не ожидал, наивно полагая, что народ по-прежнему боготворит и обожает своего президента.

Однако сухие цифры социологии говорили совсем о другом. Если летом 1991 года за Ельцина проголосовало 57 с лишним процентов россиян, то уже через год, по опросам общественного мнения, ему продолжало доверять лишь 24 процента респондентов.

Проблемы катились по стране точно снежный ком. К лету 1992 года в результате непомерного взвинчивания цен возник кризис неплатежей. Даже прибыльные обычно нефтегазовые предприятия не могли теперь покрывать убытков. Намертво встала «оборонка»: она не получала теперь госзаказов – и не получит еще очень долго; за все десять ельцинских лет российская армия не купила ни одной новой единицы военной техники – самолетов, кораблей, ракет.

Резко выросла преступность. Уличные разборки, перестрелки, вооруженные налеты – все, о чем граждане знали раньше исключительно из передачи «Международная панорама» – стали обыденной, повседневной реальностью. Улицы крупных городов заполонили проститутки.

Еще недавно на московских фасадах и заборах повсеместно красовались граффити: «Ельцин – да!». Теперь, к этому призыву, те же самые художники добавляли по две новых буквы: «Ельцин – ИУда!».

Обещанного экономического чуда не получалось. Более того, Ельцин не спешил выполнять и другие свои предвыборные обязательства. Его знаменитая борьба с привилегиями обернулась невиданным ростом привилегий для новой знати.

Еще вчера такие скромные и аскетичные демократы-ратоборцы походили теперь на дистрофиков, дорвавшихся к праздничному столу. Дачи, квартиры, машины… На смену ненавистному 4-му управлению Минздрава пришел Медцентр президента. Управделами ЦК КПСС и хозу Совмина – трансформировалось в Управление делами президента со 100-тысячным штатом обслуги.

Серый кардинал демократии, бывший доцент марксизма-ленинизма Бурбулис разъезжал теперь исключительно на

хромированном ЗИЛе с милицейским кортежем. Для его проезда, равно как и других новоявленных вождей, ГАИ перекрывала дороги.

Новый спикер парламента Руслан Хасбулатов без зазрения совести занял самую роскошную в столице квартиру на улице Щусева, от которой отказались когда-то и Брежнев, и Горбачев: даже Ельцин, посмотрев эти хоромы, постеснялся в них переезжать. В квартире общей площадью 460 метров имелись даже танцевальный и каминный залы.

А ведь народ это все видел…

В сторону оппозиции начал дрейфовать и парламент, считавшийся прежде надежным президентским оплотом. В апреле 1992 года, на Шестом съезде, депутаты приняли постановление «О ходе экономической реформы», в котором камня на камне не оставили от правительственного курса. Все громче раздавались призывы отправить в отставку гайдаровский кабинет.

Спикер Верховного Совета Руслан Хасбулатов, человек, всей своей карьерой обязанный Ельцину, из соратника превращался в злейшего противника. Рядом с ним замаячила фигура усатого вице-президента Руцкого.

Поначалу, правда, все их критические выпады не касались личности президента. Хасбулатов и Руцкой осуждали исключительно экономический курс Кремля, взваливая всю вину – по традиции – на злых бояр при добром царе (Бурбулиса, Шахрая и Гайдара). Но так уж устроен был Ельцин, что любые, даже самые разумные упреки он принимал на собственный счет.

Вообще-то, если говорить начистоту, в конфликте с Хасбулатовым и Руцким, президент виноват был сам.

В предыдущих главах я уже упоминал, что в политике Ельцин признавал исключительно две позиции: либо сверху, либо снизу. Паритета он не допускал по определению.

Став полноправным хозяином России, Ельцин окончательно почувствовал себя наместником Бога на земле: по крайней мере, в одной седьмой ее части.

Все, кто находились рядом с ним, должны были безоговорочно признавать его преимущество; этакий король-солнце, вокруг которого вращаются малые планеты и астероиды.

Профессор Плехановского института Руслан Имранович Хасбулатов поначалу очень нравился Ельцину. Во время августовских событий профессор вел себя безупречно, отказавшись в минуты опасности покидать Белый дом. «Я не могу предать депутатов, – ответил он на предложение спешно эвакуироваться. – Вы идите, а я останусь до конца».

Именно стараниями Ельцина чеченец Хасбулатов стал в итоге

председателем Верховного Совета, хотя сделать это было очень непросто. Хасбулатова фактически пропихнули в спикерское кресло, сломав упорное депутатское сопротивление.

Ельцин свято верил, что верный Руслан будет верой и правдой служить ему. Но он не учел одного: гордого, кавказского менталитета.

Все началось, в общем-то, с ерунды: с обычной бытовой *мелочевки* . Ельцин и Хасбулатов договорились регулярно ходить в баню. Но уже на второй раз Хасбулатов, не спросясь, притащил с собой личного массажиста Володю Хрякина и даже – о, ужас! – осмелился завести его в парилку, где отдувался и потел Борис Николаевич. Тот ничего на это не сказал, лишь посмотрел недобро и… перестал брать спикера с собой.

Бедолаге-массажисту и невдомек было, что его скромная персона очень скоро спровоцирует гигантский политический кризис, приведший к расстрелу Белого дома и чудом не переросший в гражданскую войну.

Но в понимании Ельцина этот мелкий, ничего не значащий инцидент имел значение принципиальнейшее. Явление массажиста означало, что Хасбулатов считает себя ровней президенту. Его болезненно гипертрофированная амбициозность допустить этого не могла.

Наверное, повинись тогда спикер, упади на колени – он был бы великодушно прощен. Банные походы, правда, на этом все равно бы закончились – к тем, кого *ломал* он, Ельцин разом терял уважение, – но никакого кризиса зато не случилось бы.

Однако Хасбулатов обладал характером не менее сильным. Да и не понимал он поначалу, в чем заключается его вина.

Руслан Имранович, напротив, искренне полагал, что Ельцину нравится его независимость и твердость; за это, дескать, он и был поставлен спикером – совсем как на Западе, где законодательная власть подстегивает власть исполнительную; это ли не основа основ демократии, о чем Ельцин сам много раз объявлял, *заседая* и в союзном, и в российском парламенте.

Хасбулатов никак не мог уразуметь, что все прежние демократические лозунги давно подверглись уже тотальной *инвентаризации* . То, что годилось для борьбы с Горбачевым, сегодня напрочь растеряло свою актуальность. От парламента требовалось теперь совсем другое: покорность, послушание, управляемость.

Когда Гайдар начал свои реформы, Хасбулатов в самом деле не понимал, куда тот столь лихорадочно торопится. Не в пример Ельцину, спикер отменно разбирался в экономике, долгие годы заведовал кафедрой экономики в Плехановском институте и даже

дослужился до член-корра Академии наук. Руслан Имранович хорошо помнил, как в 1990 году Гайдар – он работал тогда зав.отделом «Правды» – зарубил его статью об экономическом будущем страны. «Автор фактически выступает за рынок, а рынок в Советском Союзе никому не нужен и невозможен», – начертал тогда *рыночник* Гайдар.

Та многочисленная информация, которая стекалась теперь со всей России к Хасбулатову, наглядно показывала, сколь ошибочными и поспешными были расчеты Гайдара. Спикер не считал нужным скрывать свои эмоции, полагая, что тем самым помогает Ельцину корректировать выбранный курс.

Но в ответ президент – шаг за шагом – демонстрировал свое неприятие; причем делал это в привычной хамской манере.

Сергей Филатов, работавший тогда первым вице-спикером, пишет:

«Все, казалось, мог вытерпеть Хасбулатов, но он не выдержал унижения. И началось ведь с мелочей – ему перестали сообщать время прилета и вылета Ельцина, у спикера отключили телефон прямой связи с президентом».[22]

Ельцин был сумасбродным властолюбцем. Хасбулатов – горячим и гордым кавказцем. Никто из них не желал сделать первый шаг навстречу друг другу и ворох взаимных обид и мелочных претензий разрастался на глазах, навсегда погребая под собой былую дружбу.

Хотя нет. Хасбулатов еще долго был готов к диалогу с Ельциным. Тот же Филатов свидетельствует, что в апреле 1992 года, после приснопамятного Шестого съезда, Хасбулатов предложил пообедать втроем: Ельцин, Филатов и он.

«Ответ Ельцина был категоричен:

– Нет. Хватит, я натерпелся его лицемерия и изворотливости, ему ни в чем нельзя верить, тем более доверяться. Опять обманет».

То есть, как видно, эту опасную свару затеял вовсе не Хасбулатов. Вновь, как бывало уже не раз, амбиции Ельцина оказывались сильнее голоса разума. Он продолжал накручивать сам себя, культивируя высосанные из пальца обиды…

И все-таки – в итоге – встреча у них состоялась. Только лучше б ее и не было вовсе.

Это было уже в середине 1993 года. На разговоре настоял Хасбулатов: он до последнего момента верил, что войны можно еще избежать. Но, приехав на Ленинские горы, в правительственный особняк, спикер сразу понял, что разговора не получится.

Ельцин находился уже в сильном… э-э… возбуждении. Прямо

с порога он сказал Хасбулатову какую-то гадость, и Руслан Имранович поймал в этот момент торжествующий взгляд Коржакова.

«Ты хотел Ельцина? – читалось в генеральских глазах. – Вот тебе Ельцин: кушай на здоровье».

> МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ
>
> Алкоголизм обычно мешает социальной адаптации и работе, а также провоцирует различные виды антисоциального и деструктивного поведения. У больного искажаются представления о нравственных ценностях и о взаимоотношениях между людьми.

Примерно та же *возня* творилась и вокруг Александра Руцкого. Когда накануне выборов Ельцин предложил ему идти в *спарке* , будущий вице-президент от волнения даже потерял голос.

«Борис Николаевич, да я… Не подведу никогда… Верьте: преданней человека не найти…»

Кадровый вояка Руцкой, как и профессор Хасбулатов, попался ровно на ту же самую удочку: он возомнил о себе невесть что. Но все стало понятно уже во время президентской инаугурации: Руцкого даже не позвали на сцену. За ельцинским бенефисом он скромно следил из зала. Не нашлось ему и кабинета в 14-м президентском корпусе Кремля, куда вскоре переехал вместе со всей командой Ельцин. То есть для помощников и халдеев кабинеты имелись, а для вице-президента – нет.[23]

«Главной ошибкой Руцкого, – без обиняков пишет Ельцин, – было упорное нежелание понять и принять собственный статус. С самого первого дня он считал, что вице-президент – это, если по-простому, первый заместитель президента».

На самом деле, во всем мире – в той же Америке, с которой *слизали* мы институт президентства – именно так и заведено: вице-президент – это второй человек в государстве. Так что в своих обидах и претензиях Руцкой был совершенно прав.

Просто поначалу он никак не мог уразуметь, что его попросту использовали как статиста; яркую приманку для избирателей, вроде насаженного на крючок дождевого червя.

«Внешность заслуженного артиста, боевой летчик – Герой Советского Союза, говорит резко и красиво. Одним словом – орел…» – так описывает Ельцин свои мотивы при выборе кандидатуры Руцкого.

Ну что тут скажешь?[24]

Сам того не подозревая, Руцкой оказался в роли веселого лопоухого щенка, подаренного заботливыми родителями своим чадам во время дачного сезона. Но за лето щенок подрос, погрыз

все обои и мебель. Пора возвращаться в город, а куда его девать? И выкинуть – жалко, и с собой – не возьмешь.

Простите, но кого за это следует винить? Щенка? Или горе-родителей?..

Никогда и ни с кем Ельцин не собирался делиться властью: ни с парламентом, ни с вице-президентом. Власть была для него смыслом жизни; ради нее он терпел мучения и унижения, рисковал здоровьем, пер напролом.

Даже став президентом, Ельцин – в глубине души – продолжал ощущать себя, как и прежде, секретарем обкома. Вице-президент – в этой конструкции – всего-навсего был вторым секретарем, а спикер парламента и вовсе – бессловесным председателем облисполкома. Для премьер-министра же места в этой иерархии просто не нашлось, поэтому первое правительство Ельцин возглавил самолично.

Рано или поздно эта заложенная мина противоречий и взаимных обид должна была взорваться. И она-таки взорвалась.

В конце 1991 года Руцкой отправился с поездкой в Сибирь. То, что увидел он там, потрясло вице-президента до глубины души. Люди перестали получать зарплаты и пенсии, во многих городах не было тепла и света.

Резкий на слова Руцкой, не сдержавшись, бросил тогда во всеуслышанье сразу же ставшими крылатыми слова насчет «мальчиков в розовых штанишках». Неважно, что потом он будет уверять, будто имел в виду вовсе не Гайдара с Бурбулисом, а молодых депутатов. Президенту мгновенно внушили, что это – выпад против его ставленников, а значит, и против него самого.

Надо сказать, что от смены декораций нравы в Кремле нисколько не изменились. Наряду с грызунами, тараканами и воронами, облюбовавшими церковные купола, Кремль достался Ельцину вкупе с многолетними традициями великосветских интриг.

Соратники – наперебой – настраивали президента друг против друга. Они образовывали коалиции, попеременно враждовали, боролись за близость к телу. Все сказанное Хасбулатовым и Руцким мгновенно передавалось Ельцину, только еще в более гипертрофированных размерах.

Эти семена падали на благодатную почву. Всякий раз, выслушав новую порцию *сплетен* , Борис Николаевич впадал в ярость и гневно сжимал кулаки.

Примерно то же самое происходило и в *покоях* спикера и вице-президента, где такие же точно интриганы и наушники настраивали своих патронов против Ельцина.

Внешне походило это на коммунальную свару а-ля «Воронья

слободка». Каждая из сторон пыталась уязвить и зацепить противника побольнее, не стесняясь уже ни в методах, ни в выражениях.

После того как два вице-спикера – Сергей Филатов и Владимир Шумейко – ушли от Хасбулатова в ельцинский стан, Руслан Имранович, случайно встретив их, задиристо бросил:

– Что, доигрались, сукины дети?

В ответ рослый Шумейко, резко повернувшись к спикеру, ответствовал с той же учтивостью:

– Ну, ты, сморчок, помолчи, а то я тебя размажу по этой стенке!

Другой раз с Филатовым столкнулся Руцкой.

– Я тебя, блядину, первого повешу, когда к власти приду, – ласково пообещал вице-президент.

Это высокая политика, да?

Каждый съезд народных депутатов проходил отныне в стиле мексиканского сериала. На Седьмом съезде, в декабре 1992 года, Хасбулатов попытался даже провести поправку в Конституцию, ограничивающую президентскую власть и дающую право парламенту самостоятельно формировать правительство: для принятия поправки не хватило всего-то четырех голосов. Тем не менее депутаты признали работу правительства неудовлетворительной.

Этот *наезд* окончательно вывел Ельцина из равновесия. Как он сам признается потом, со съезда на дачу президент приехал в «полном трансе».

«Наверное, такое со мной случилось впервые за пять лет, с 1987 года… Задним числом я понимаю, что моя болезненная реакция на такие экзекуции – это рецидив того психологического надлома, который произошел у меня после пленума Московского горкома партии».

Аналогия между ноябрем 1987 и декабрем 1992 годов, действительно, напрашивается сама собой, даже против воли.

Если человек хотя бы раз ступил на скользкий путь суицида, в его сознании – неизменно – происходит сдвиг; рано или поздно он вновь задумается о самоубийстве.

9 ноября 1987 года, накануне горкомовского пленума, Ельцин пытался сделать себе харакири при помощи канцелярских ножниц.

28 сентября 1989 года он – так, по крайней мере, полагают его соратники – прыгнул в воду, чтобы инсценировать покушение на себя.

9 декабря 1992 года, вернувшись со съездовского *аутодафе* , президент намертво запирается в жарко натопленной бане.

«Заперся. Лег на спину. Закрыл глаза. Мысли, честно говоря, всякие. Нехорошо… Очень нехорошо».

(«Записки президента».)

Из парилки его вытащит, взломав дверь, верный Коржаков…

Что это было? Очередная попытка суицида напоказ, желание попугать родных и соратников, вызвать у них жалость и страх? Или же – обычный нервный срыв?

«Дверь в бане была закрыта изнутри, – вспоминает его спаситель. – Но когда я взломал ее, оказалось, что Ельцин лежит не в парилке, а предбаннике. Глаза у него были прикрыты, он демонстративно тяжело дышал».

Довольно странный способ – сводить счеты с жизнью в предбаннике; для этого ему как минимум пришлось бы провести там пару недель – без еды и питья.

Скорее, он в очередной раз решил попугать своих родных и близких, сладострастно рисуя в воображении жуткие картины собственных похорон. Вот уж, когда пожалеют все, что не ценили, не понимали его; горькими слезами зарыдают, только поздно уже будет…

Отставленный начальник президентской службы безопасности свидетельствует, что тяга к театральному суициду возникала у Ельцина регулярно. В начале 1993 года, когда ему впервые попытались объявить импичмент, Борис Николаевич устроил настоящую трагисцену перед Илюшиным, Барсуковым и Коржаковым, угрожая пустить себе пулю в лоб из подаренного накануне Баранникова пистолета ПСМ, а соратники наперебой уговаривали его не стреляться…

Как тут не вспомнить диагноз, поставленный однажды ельцинским «крестным отцом» Яковом Рябовым:

«Срывается очередная его авантюра с прорывом к власти – и он жалок, безволен, подавлен, впадает в депрессии и запои, а то и инсценирует попытку самоубийства или загадочно падает с моста в реку… Он такой смолоду».

МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

В литературе приводятся разноречивые данные о частоте суицидных мыслей и попыток при эндогенной депрессии, однако следует, вероятно, исходить из предположения, что у всех или почти у всех больных с этим заболеванием возникали в период фазы суицидные мысли или нежелание жить. Часто от больного можно услышать, что у него никогда не было мыслей о самоубийстве, но жизнь настолько тяжела и безрадостна, что если бы смерть наступила от несчастного случая, то

это было бы не так уж плохо.

В других случаях больной говорит, что он мечтает о смерти, но никогда, ни под каким видом не попытается кончить жизнь самоубийством. Однако врач должен помнить, что для совершения самоубийства иногда нужны считанные минуты, и именно в эти минуты состояние больного может резко ухудшиться либо спонтанно, либо под влиянием непредвиденных психотравмирующих ситуаций или известий. Это тем более относится к больным, у которых имеются стойкие суицидные наклонности.

Делать нечего: хоть и не по его это нутру, но с Верховным Советом приходится вступать в переговоры. Ельцин предлагает депутатам компромисс: он снимает ненавистного Гайдара, предлагая взамен три других кандидатуры – на выбор. А за это парламент назначает общенародный референдум: пусть народ, мол, сам определит, за кем будущее.

Новым премьером стал в итоге бывший министр газовой промышленности Виктор Черномырдин, сразу же объявивший, что он за рынок, но не за базар. Так бесславно завершилась эпоха шоковой терапии…

Отдание Гайдара на заклание далось президенту нелегко. И не то чтоб было очень жалко ему Егора Тимуровича. Вовсе нет. Просто никогда и никому не привык он уступать.

Это точно как в детском стишке:

Я свою сестренку Лиду
Никому не дам в обиду.
Я живу с ней очень дружно,
Очень я ее люблю…
А когда мне будет нужно –
Я и сам ее побью…

Но со *сдачей* Гайдара великое противостояние все равно не закончилось. Следующий, Восьмой съезд, открывшийся в марте 1993 года, был ознаменован новым скандалом. Депутаты наложили мораторий на проведение референдума и предложили отрешить Ельцина от власти, на что тот отреагировал бурно и крайне экспрессивно. Президент демонстративно покинул зал заседаний, призвав своих сторонников-депутатов выйти за ним. Но его примеру последовали только считанные единицы, и это стало для президента ударом, может быть, даже большим, чем съездовская атака.

МЕДИЦИНСКАЯ СПРАВКА

Истерическое расстройство личности – чрезмерная эмоциональность и стремление к привлечению внимания, которые проявляются в различных жизненных ситуациях. Больные непостоянны в своих привязанностях, капризны, проявляют непреодолимое стремление быть всегда в центре внимания, вызвать к себе сочувствие или удивление. Их действия отличаются демонстративностью.

Хасбулатов с Руцким избрали заведомо проигрышную тактику. С Ельциным нельзя говорить языком ультиматума; от этого он лишь *заводится* и еще сильнее рвется в бой.

Если бы они не торопились, а просто смиренно выжидали, все могло бы разрешиться само собой. В команде Ельцина начались уже разброд и шатания. Президент, в привычной своей манере, регулярно начал уходить в 10-дневный *отпуск* , когда связаться с ним никто не мог.

Рано или поздно это яблоко непременно упало бы с ветки: и без особой посторонней помощи. Но оппозиции не хватало выдержки: она слишком жадно алкала власти.

Не в характере Ельцина было сносить плевки и обиды. После обструкции, устроенной ему на Восьмом съезде, от угроз он приступил к *делу* .

20 марта президент неожиданно выступает с телеобращением к народу. Он объявляет, что работа парламента приостановлена; в стране вводится особый порядок управления.

Нет, все-таки права древняя корейская легенда о драконе: каждый, кто побеждает чудовище, непременно становится драконом сам.

И двух лет не прошло с августовского *путча* , а история повторяется с точностью до деталей. Разница – только в именах собственных.

Все то, что Ельцин еще недавно публично разносил в пух и прах, теперь он преспокойно берет на вооружение.

Разгон парламента, особый порядок управления – чем не ГКЧП?

Через месяц он повторит и еще один *подвиг* путчистов: запретит любые массовые мероприятия на Красной площади и прилегающих территориях.

Неужели это тот самый Ельцин, которого выгнали когда-то из Политбюро как раз за разрешение проводить манифестации и митинги в Москве; который на грубо сколоченных трибунах рвал глотку за свободу демонстраций?

Между тем Конституционный суд признает ельцинский указ незаконным. Хасбулатов спешно созывает внеочередной, Девятый съезд. Он ставит на голосование вопрос об отрешении президента. Если импичмент состоится, вся полнота власти перейдет к Руцкому.

Затаив дыхание, страна следит за драматической *постановкой* . Но нет: для окончательного решения не хватает каких-то трех десятков голосов. Когда результаты голосования становятся известны, Ельцин выходит к своим сторонникам, *митингующим* на Васильевском спуске.

Выглядит он очень плохо. Его хватает лишь на то, чтобы хрипло выкрикнуть:

– Это победа!

Хотя, какая, к черту, победа! В те дни страна оказалась на грани гражданской войны. В стан оппозиции, вслед за Руцким и председателем Конституционного суда Валерием Зорькиным перешли и такие мощные фигуры, как министр безопасности Виктор Баранников и генпрокурор Валентин Степанков. (Как это произошло – рассказ впереди.)

Все зависело теперь от итогов референдума, на котором народу предстояло ответить на 4 вопроса: а) доверяете ли вы Ельцину?; б) его экономической политике?; в) нужны ли досрочные выборы президента?; г) парламента?

Депутаты были твердо уверены, что страна не поддержит Ельцина, а уж его реформы – тем паче. Но произошло непредвиденное. Вопреки всем прогнозам, большинство предпочло президента.

Почему это случилось, ведь шоковая терапия вызвала в народе бурю недовольства? Я думаю, причина заключалась не в симпатиях к Ельцину, а в отсутствии харизматичных личностей в стане оппозиции.

Как остроумно подметил замечательный писатель Юрий Поляков, страна выбирала между пьющим секретарем обкома и ширяющимся чеченцем.

Если бы у оппозиции имелась хотя бы одна внятная, привлекательная фигура – такая, какими станут потом генералы Лебедь или Рохлин – исход был бы совсем иным. Но при всех раскладах пьющий секретарь обкома – все же лучше, чем ширяющийся чеченец…

Наверное, нет нужды напоминать все, что происходило потом. Как в сентябре 1993 года Ельцин окончательно распустил съезд (о подготовке такого указа оппозиция знала заранее, и еще за два дня спикер Хасбулатов произнес пространную речь о том, что в состоянии непрерывного запоя Ельцин может подписать, что

угодно; для наглядности спикер даже характерным жестом щелкнул себя по горлу); как депутаты забаррикадировались в Белом доме, объявив новым президентом Руцкого; как оппозиция штурмом брала Останкино и мэрию; как, в конце концов, Белый дом, принялись расстреливать из танков.

История повторялась вновь. Часть из тех, кто в августе 1991 года строил вокруг Белого дома баррикады, теперь шла на его приступ: другая часть – оборонялась.

Два года назад у ГКЧП не хватило решимости применить силу; жестокие путчисты пуще всего боялись крови.

А вот демократ и либерал Ельцин крови совсем не боялся.

Его *миролюбия* хватило лишь на то, чтобы попытаться перекупить депутатов: за уход из осажденного Белого дома каждому обещали два миллиона рублей наличными, московскую квартиру и престижное место в госаппарате.

(Кстати, многие на эти подачки купились. Если к началу Десятого чрезвычайного съезда в зале собралось примерно шестьсот народных избранников, то в момент штурма их насчитывалось не более сотни. Большинство из перебежчиков были вознаграждены Ельциным по-царски. Вице-спикер Николай Рябов стал председателем Центризбиркома, Рамазан Абдулатипов – заместителем министра (потом он дорастет даже до вице-премьера), Евгений Амбарцумов – послом в Мексике, Александр Починок – министром труда и прочая, прочая).

Но идти на серьезные компромиссы Ельцин не желал. Когда в сентябре, на переговорах, проходящих под эгидой Патриарха Алексия II, оппозиция предложила так называемый «нулевой» вариант – то есть стороны возвращаются на исходные позиции, аннулируя все свои *чрезвычайные* решения, – президент ответил категорическим отказом.

Ему было проще расстрелять парламент, нежели договариваться с ним о разделе власти…

…3 октября оппозиция перешла к новым решительным действиям. Защитники Белого дома захватили здание мэрии и ринулись на штурм телецентра. Началась стрельба. Ценой многих человеческих жизней телецентр удалось отстоять.

О беспорядках в городе первым доложил Ельцину начальник Главного управления охраны Михаил Барсуков. В этот момент президент находился на своей даче в Барвихе.

Ехать по городу было уже небезопасно: мятежники перекрыли Новый Арбат. Ельцин решает лететь в Москву вертолетом.

В 19.15 он приземлился на Ивановской площади Кремля. Пришел к себе в кабинет. Выслушал доклады подчиненных.

А вот то, что случилось дальше – просто не лезет ни в какие

ворота. В момент, когда всеобщее напряжение достигло максимальной отметки и гражданская война уже стучалась в дверь, Борис Николаевич изъявил вдруг желание… поспать.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Реактивный психоз сопровождается явлениями расстроенного сознания. Больные теряют способность критически оценивать свое состояние, координировать поступки и адекватно вести себя в сложившейся ситуации. Психической травмой, вызывающей реактивный психоз, могут послужить трагические события личного и общественного характера, а также коллизии, представляющие угрозу для жизни. В состоянии реактивного психоза больной совершает необъяснимые, абсолютно нелогичные поступки.

Начальник охраны генерал Коржаков не отходил от Ельцина ни на шаг. В своих мемуарах он так описывает эту роковую для страны ночь.

«Часов около одиннадцати вечера Борис Николаевич пошел поспать в заднюю комнату, а меня попросил сесть за пульт управления страной. Я просидел в президентском кресле почти всю ночь с третьего на четвертое октября. В критический момент президент разрешил мне “порулить”, не одергивал замечаниями типа “не лезь в политику”.

Расположившись за пультом, я нажимал определенную кнопку… а дальше принимал доклады, раздавал команды, собирал информацию, чтобы потом рассказать о последних событиях Верховному главнокомандующему».

А потом Ельцин еще возмущался: слишком много, дескать, было разговоров, что упустил он в тот момент нити управления; никто не слушал его.

«Не было у меня растерянности. Не было ни секунды замешательства или неуверенности», – напишет он, как отрежет, в «Записках президента».

Ой ли?

Хроника свидетельствует об обратном: он спал безмятежным младенческим сном, полностью отрешившись от разгорающихся страстей. А в это время его подчиненные фактически замещали собой президента.

Коржаков разбудил Ельцина лишь около трех часов ночи. К тому моменту окончательно стало ясно, что министр обороны Грачев от ситуации целиком устранился. Без участия армии дальнейшие действия становились бессмысленными, но в *стойло* «лучшего министра обороны» мог поставить только президент.

Раздраженный и сонный Борис Николаевич отправляется в Минобороны, где битый час заседает уже коллегия полководцев: это, кстати, к вопросу о послушании. Не генералы едут к президенту: президент – к генералам.

И вновь обратимся к свидетельствам Коржакова, одного из самых активных участников тех ночных бдений:

«Атмосфера мне сразу не понравилась – комната прокурена, Грачев без галстука, в одной рубашке. Через распахнутый ворот видна тельняшка. Другие участники заседания тоже выглядели растерянными, понурыми…

Борису Николаевичу доложили обстановку. Никто ничего из этого доклада не понял. Ельцин спросил:

– Что будем делать дальше?

Наступила мертвая тишина. Все потупили глаза…»

Генерал Грачев – ельцинский любимец – был в своем репертуаре. Никто лучше его не умел щелкать каблуками и зычно рапортовать. Но когда дело доходило до дела, когда требовалось брать на себя ответственность и принимать жесткие решения, Грачев мгновенно уходил в кусты. Так было и в августе 91-го. Так будет и во время чеченской кампании.

Весь день накануне Грачев докладывал Ельцину, что войска вошли уже в город; вот-вот встанут на исходные позиции. Но в действительности армия даже не пересекала МКАД.

Уже после того, как Таманская дивизия выдвинулась к Останкино – в разгар штурма – кто-то неведомый остановил колонну. То же самое случилось и с частями 27-й мотострелковой бригады.

Дошло до того, что министр обороны просил Барсукова прислать ему солдат Кремлевского полка для охраны здания: о чем еще можно говорить, если армия не способна даже защитить собственную штаб-квартиру. И на вопрос президента, есть ли у Грачева танки, генерал не нашел ничего умнее, чем ответить: танки есть, но все танкисты сейчас на картошке…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Первые же две российские Думы, созданные по манифесту Николая II, были распущены не проработав и по полугоду. Первая Дума просуществовала с апреля по июль 1906 года и провела всего одну сессию, на которой потребовала амнистии политзаключенных, всеобщего равенства и предоставления политических свобод. После того как председатель Совета министров И. Л. Горемыкин отмел все ее требования, Дума приняла резолюцию о полном недоверии правительству и

потребовала его отставки.

9 июля 1906 года парламентарии обнаружили на запертых дверях Таврического дворца извещение о роспуске Государственной Думы под тем предлогом, что депутаты «уклонились в не принадлежащую им область». Войска были приведены в боевую готовность на случай беспорядков, однако дело до этого не дошло. Часть депутатов собралась в Выборге, на территории Великого княжества Финляндского, где не действовала имперская юрисдикция, и призвала население не платить налоги, уклоняться от воинской повинности и оказывать пассивное сопротивление властям. Ни к каким практическим последствиям Выборгское воззвание не привело, кроме того, что подписавшие его депутаты впоследствии были привлечены к ответственности и потеряли право участвовать в выборах.

Вторая Дума также успела провести лишь одну сессию и была распущена через пять месяцев работы, 3 июня 1907 года. Поводом к ее роспуску стали обвинения министра внутренних дел П. А. Столыпина в адрес социал-демократической фракции о подготовке заговора с целью установления республики. Столыпин требовал выдать властям социал-демократическую фракцию, но получил отказ. Специально созданная комиссия из числа депутатов пришла к выводу, что все обвинения являются подложными.

Минобороны Ельцин покидал крайне раздосадованным. Но, приехав в Кремль, он снова отправился отдыхать: то ли спать, то ли…

Существует версия, что в ту ночь президент позволил себе несколько *злоупотребить* . Косвенным подтверждением этому служит то, что поутру он почему-то не стал записывать телеобращение к гражданам. Вместо этого Ельцин предпочел выступить исключительно по радио, где, понятно, лица его не было видно.

Это октябрьское утро было, действительно, *похмельным* во всех отношениях. Едва придя в себя, президент узнал, что знаменитые спецподразделения «Альфа» и «Вымпел» отказываются идти на штурм Белого дома.

Вновь, как и в августе 91 года, спецназовцы не желали становиться разменной картой в чужой политической игре. Тогда их называли героями. Сегодня, ровно за то же, обвиняли в трусости.

По плану захвата парламента, разработанному накануне зам.начальника Службы безопасности президента Геннадием Захаровым, «Альфе» и «Вымпелу» отводилась важная роль. После того как танки должны были открыть огонь по верхним этажам, именно спецназу под прикрытием десантников поручалось ворваться в одно из крыльев здания.

Но «альфисты» и «вымпела» твердо стояли на своем: не пойдем. Их даже собрали в Кремле, пред светлые очи президента, но на прямой вопрос – Вы будете выполнять приказ? – офицеры ответили молчанием. Взбешенный Ельцин удалился ни с чем.

Максимум, в чем удалось убедить их – это доехать до Белого дома и провести на месте рекогносцировку.

То, что случилось затем, остается до сегодняшнего дня одной из самых больших загадок новейшей истории.

Уже возле самого Белого дома группа «альфистов»-добровольцев пересела на БМП. Машины подъехали к зданию. Увидев лежащих на земле раненых и убитых солдат, бойцы попытались их эвакуировать. И тут от пуль неизвестного снайпера смертельное ранение получает младший лейтенант «Альфы» Геннадий Сергеев.

«После того как бойцы “Альфы” узнали, что погиб их товарищ, никого уже не надо было уговаривать, – читаем мы в “Записках президента”. – Почти вся команда пошла на освобождение Белого дома».

Иными словами, выходит, что все последующие действия спецназа были спровоцированы смертью Сергеева.

Это – принципиально важная деталь. Потому что, как рассказывают бойцы «Альфы», пуля, поразившая Сергеева, выпущена была вовсе не из Белого дома: откуда-то со стороны. Причем стрельба по «альфистам» велась прицельно. Такой же версии придерживается и командир группы генерал Зайцев.[25]

Если это и случайность, то случайность, прямо скажем, довольно странная, оказавшаяся роковой.

Вряд ли снайперы охотились непосредственно за Сергеевым. Им достаточно было уничтожить любого из спецназовцев. Но, если в действительности существовал какой-то дьявольский, иезуитский план, ставящий своей целью поднять спецназ в атаку, то гибель Сергеева вписывалась в этот план особенно четко. До перехода в «Альфу» Сергеев служил в «Вымпеле», а значит, для обеих групп был *своим* .

Надо отдать должное сотрудникам «Альфы» и «Вымпела». У этих людей, привыкших к крови и смерти, выдержки оказалось больше, чем у генералов и президента.

Без единого выстрела вошли они в Белый дом – сами, никто

им не поручал – и заявили собравшимся, что имеют приказ взять здание штурмом.

«Мы не хотим убивать соотечественников, – объявил подполковник «Альфы» Владимир Келехсаев, выступавший в качестве парламентера. – Не хотим убивать безоружных людей. Поэтому прошу – скорее сдавайтесь».

Спецназовцы предложили защитникам Белого дома выходить через образованный ими же живой коридор. Безопасность и жизнь они гарантировали.

Так, без крови и жертв, был повержен российский парламент. Последние защитники вышли из него в 18 часов: Хасбулатова арестовывал лично Коржаков.

В Кремле в это время полным ходом шла уже грандиозная триумфаторская *пьянка* . Ельцин с соратниками принялись отмечать победу еще до начала штурма.

Сильнее прочих веселился главный герой октября генерал Грачев: вскоре за «отвагу и героизм» он получит из рук президента боевой орден.

Истинных героев – офицеров спецназа – к столу, разумеется, не позвали. Несмотря ни на что, Ельцин не простил им того утреннего, гулкого молчания; свой повисший в кремлевском воздухе немой вопрос.

Вскоре он отдал приказ расформировать и «Альфу», и «Вымпел».

Борис Николаевич не думал тогда, что еще как минимум дважды ему взбредет в голову разгонять российский парламент: в 1996 и в 1997 годах…

примечания Александра Коржакова

1 Инициатива этого обсуждения принадлежала Юрию Скокову. Я тоже присутствовал там, правда, самого разговора не слышал: стоял в стороне. Говорил в основном Ельцин: остальные – только поддакивали.

Ну а потом, как водится: бутылочка, закуска. У нас в машине всегда имелся дежурный набор.

2 О том, что Ельцин взломал дверь в горбачевский кабинет, я, честно говоря, никогда не слышал. Вряд ли он стал бы делать это без меня.

В Верховном Совете РСФСР, когда Ельцин въехал в бывший кабинет Воротникова, – там, да, действительно, в ознаменование победы мы «окропили» кабинет в первое же утро: Ельцин,

Суханов, я.

3 Ельцин, действительно, не переносил, если чего-то он не понимал. Наоборот, ему обязательно требовалось показать, что он даже в самых узких вопросах разбирается лучше других; удивить, поразить окружающих.

Для этого у него всегда существовали «домашние заготовки». Скажем, еще со свердловских времен Ельцин выучил, что кур на птицефабриках кормят шротами. Это такой специальный препарат, очень дорогой, только на валюту, вроде куриной виагры.

И вот, если приезжает он на птицефабрику или собирает совещание по сельскому хозяйству, непременно интересуется: а что вы добавляете курам в пищу?

Обычно водили его по хозяйствам не специалисты, а директора, они, конечно, таких тонкостей не знали. «Что добавляем? Ну, комбикорм…». – «А шроты?» И, поставив собеседника в тупик, Борис Николаевич расплывался в многозначительной, торжествующей улыбке. Хотя, кроме одного заученного этого слова, ничего больше о птицеводстве не знал.

4 Никто телефон прямой связи Хасбулатову не выключал: Ельцин просто перестал брать трубку. А Хасбулатову неудобно было в этом признаваться: одно дело – вырубить связь, и совсем другое – игнорировать звонки.

5 Руцкому выделили целый блок в 1-м корпусе Кремля. Но его это, действительно, здорово задевало. Он считал, что вице-президент должен сидеть рядом с президентом, но все кабинеты в 14-м корпусе расхватали ельцинские помощники.

6 Первое время Руцкой очень нравился Ельцину. Свое мнение он изменил после одного случая.

Когда Ельцин выиграл президентские выборы, Баранников организовал роскошный праздник: на острове, недалеко от Москвы. Руцкой выпил три рюмки, моментально опьянел и понес всякую ересь: через слово мат. Шеф сквернословия не терпел органически: он сам не ругался и другим не позволял…

А что вытворяла Людмила, жена Руцкого, даже стыдно вспоминать. В общем, от всего увиденного Ельцин с Наиной пришли в ужас: но было поздно – выборы прошли.

7 Я уже заранее знал о его «фокусах», поэтому все патроны в пистолетной обойме были мной сварены в кипятке. А боек – я и вовсе спилил: он до сих пор валяется в 14-м корпусе Кремля.

8 Я в это не верю. Как, интересно, они могли по уже эвакуированному с поля боя офицеру определить, откуда велась стрельба. Все это – сказки из той же серии, что на стадионе «Красная Пресня» был организован якобы лагерь смерти, где мы расстреливали патриотов.

Глава восьмая
РУССКАЯ НЕДВИЖИМОСТЬ

Всю свою сознательную жизнь Ельцин провел на Урале: в момент переезда из Свердловска в Москву, было ему уже 54.

Урал – это стык Европы и Азии; уже не Европа, но еще и не Азия.

Если подавляющая часть российского населения были евразийцами, то Ельцин – точно – азиопом.

В его взбалмошном, противоречивом характере, словно в алкогольном коктейле, смешалось все сразу: крестьянское раболепие, бунтарство первопоселенцев, восточное коварство, славянское простодушие.

Когда Ельцин *откалывал* – перед всем миром – свои *коленца* , это и прорывалось из него азиопство…

Первое время, правда, об этом никто старался не думать: слишком глубоко засел в людях тот, горбачевской поры еще, иммунитет. Общество гнало от себя прочь крамольные мысли, уговаривая само себя, что президент у нас… непосредственный просто… по-ребячески искренний…

После того как в 1994 году Ельцин не вышел из самолета в Шенноне на встречу к ирландскому премьеру Рейнолдсу, журналисты и политологи на полном серьезе писали, что это был такой хитроумный дипломатический ход, исполненный особого, недоступного широким массам, значения. Никто и подумать не смел, что президент всего-навсего *перебрал* накануне лишку и не смог поутру встать с кровати…

Это еще вопрос – от чего он хмелел больше: от водки с коньяком или же от осознания собственного всесилия, вседозволенности, помноженной на совершенную безнаказанность.

Он точно мстил за прошлые свои унижения, стараясь побыстрее забыть, как вечерами, по-воровски, начальник охраны заходил к нему в горкомовский кабинет, пряча под полой пиджака бутылку. Это гнетущее ощущение собственного бесправия вызывало в Ельцине бессильную злобу, и от собственного бессилия неистовствовал он особо.

Власть в его понимании обязательно должна была сочетаться с самодержавным абсолютизмом. Но получалось, что он – Первый секретарь МГК, кандидат в члены Политбюро – властью обладал исключительно умозрительной. Да, он легко распоряжался человеческими судьбами и многомиллионными суммами, но при

этом не мог позволить себе элементарно выпить на рабочем месте.

В Свердловске все было гораздо проще. Там он, действительно, был *хозяином* : до Москвы – далеко, до Бога – высоко. Директора местных заводов и по сей день с ужасом вспоминают выездные заседания обкома, заканчивавшиеся грандиозными *театрализованными* пьянками. Если кто-то отказывался пить наравне с *Первым* , он легко мог вылить за шиворот *отступнику* непочатый стакан.

Переехав в Москву, Ельцин с ужасом обнаружил, что власть его, несмотря на все формальные регалии, не только не увеличилась, но и, напротив, съежилась. Это была самая настоящая золотая клетка: пусть золотая, но клетка.

Михаил Полторанин рассказывает, что пить его патрону первые годы приходилось тайком, специально выбирая в собутыльники кого-нибудь одного, помолчаливее.

«Они в субботу вмажут, в воскресенье соберутся вечером, отдыхают, добавят еще, а утром перегаром и разит. Ельцин глушил запах, от него всегда какими-то духами пахло».

«Каждый вечер моего дежурства заканчивался одинаково, – свидетельствует в свою очередь Коржаков. – Ельцин приглашал меня в кабинет, я закрывал дверь изнутри, доставал заранее припасенную бутылку – коньяк “3 звездочки”. Бутылку мы приговаривали ровно за 3 минуты – я засекал – безо всякой закуски. Уже в лифте Ельцин клал в рот леденцы: от запаха».

Его знаменитый скандал с поездкой в Америку – что это, как не опьянение свободой. В Америке он больше мог не бояться ревностной опеки Горбачева, всевидящего ока КГБ, вот и повел себя, как муж-подкаблучник, впервые оказавшийся в командировке. (Откуда ж ему было тогда знать, что газетчиков нужно опасаться еще сильнее, чем агентов Лубянки.)

Став президентом, полноправным *владыкой* страны, по существу – царем, Ельцин сразу же отрешился от прежних догм и докучливых рамок.

У него не существовало больше никаких сдерживающих центров. Все представления о нормах приличия и этикете сводились у Ельцина к одному нехитрому принципу: власть – должна быть всласть.

В предыдущих главах я приводил уже немало примеров экстравагантных выходок первого президента. Но все это были еще цветочки.

А вот и *ягодки* .

В начале 1990 годов Борис Николаевич едет в Кемеровскую область к своим любимым шахтерам. Утром, когда стало ему по

обыкновению скверно, он остановил кортеж, разделся и полез в какую-то окрестную речку. А потом, как свидетельствовал Жириновский, выбравшись на берег, снял трусы и преспокойно принялся их выжимать. Публика, в первую очередь женщины, обомлели. А Ельцин лишь ухмыльнулся и демонстративно потряс своим *прибором* : «Вот таким могучим предметом мы их всех, коммуняк, перебьем».[26]

1992 год. Президент приезжает в Дагомыс на встречу с главами СНГ. Друг Кравчук щедро потчует высокого гостя, и когда разомлел тот в конец, ему на глаза попадается какая-то безвестная девушка: скорее всего, из местной обслуги. Как рассказывал пресс-секретарь одного из президентов, Борис Николаевич, ни слова не говоря, схватил несчастную дивчину и столкнул ее в море: прямо как Стенька Разин. (Хотя нет: атаман, бросив княжну за борт, вряд ли гоготал потом и глупо ухмылялся.)[27]

И ведь ничего: сошло. Никто и слова не сказал поперек; даже вымокшая до нитки *купальщица* .

И пресс-секретарь его Вячеслав Костиков, когда точно так же, по команде начальника, скинули его с палубы в реку, – на потеху президенту – тоже не позволил себе проявить недовольства: напротив, даже хихикал и всячески демонстрировал верноподданство. (История эта случилась в 1994 году, когда Ельцин совершал прогулку по Енисею.)

Что ж тогда удивляться? Подобно всем партийно-советским бонзам, президент вел себя ровно настолько, насколько ему дозволялось. На него даже и обижаться за подобные выходки было бессмысленно.

Идеалом Ельцина был Петр Первый с его дикими ассамблеями и сонмом придворных *клоунов* . Президентское представление о природе смеха было каким-то провинциально-пещерным. Он искренне забавлялся, издеваясь над царедворцами, ибо свято полагал, что все окружающие должны быть счастливы уже хотя бы потому, что могут потрафить Его Величеству. Его упоение властью было бесконечным, даже к самым близким людям относился он безжалостно и жестоко.

Очень показательный эпизод услышал я от Светланы Сухановой, вдовы многолетнего ельцинского помощника Льва Суханова. (Впоследствии его дополнил недостающими деталями Коржаков.)

Осенью 1989-го Ельцин с Сухановым и Владимиром Михайловым, своим доверенным лицом, поехали на дачу Коржакова: проводить выходные. (Наина Иосифовна как раз укатила в Свердловск и Ельцин остался один.)

Вечером в субботу хорошо погуляли, а утром пошли в лес пострелять из ружья по бутылкам. (Ельцин не попал ни разу, чуть не убив Суханова: но это так, к слову.)

Как на грех, по пути им встретился мостик. Погода стояла уже довольно холодная, выпал снег, но разгоряченному Ельцину захотелось вдруг остудиться. Он схватил обомлевшего Суханова за руку и вместе с ним прыгнул в реку: Суханов даже понять ничего не успел; шапка уплыла, на голове – тина…

«Ельцин всегда вел себя так, как хотел, – свидетельствует вдова Суханова. – Никаких приличий для него не существовало. Сидим, например, пьем чай. Что-то ему не понравится. Возьмет и стукнет вдруг кулаком по столу со всей силы, чашки взлетают, переворачиваются, а ему – хоть бы что.

Он любил куражиться, демонстрировать свою власть над людьми. Но при этом, в любом состоянии, оставался артистом. Он мог хулиганить, творить черти что, но если чувствовал, что может получить отпор, мгновенно останавливался».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Больные, на протяжении длительного времени испытывающие на себе воздействие алкоголя или психоактивных препаратов, со временем теряют контроль над своими действиями. У таких лиц отмечаются явные и неосознаваемые вспышки гнева или, наоборот, приступы необъяснимой эйфории. Им становится тяжело контролировать свою реакцию, чаще она возникает спонтанно.

Все, кто близко работал с Ельциным, поначалу неизменно попадали под его обаяние. Он обладал редким качеством – умением влюблять в себя окружающих.

«Ельцин был удав, а все вокруг кролики, – свидетельствует Светлана Суханова. – Он мог загипнотизировать, подчинить своей воли любого».

Дмитрий Рюриков, проработавший без малого шесть лет помощником президента по международным делам – да и не он один – тоже рассказывал мне нечто подобное.

«Ельцин магнетически действовал на людей. Первые годы он показывал чудеса работоспособности и интеллекта. Выходишь от него – как будто зарядился энергией».

Когда Ельцин был трезв и бодр, это был сильный, цепкий и волевой человек с потрясающей работоспособностью и феноменальной памятью. Но стоило ему выпить первую рюмку, Ельцина точно подменяли. Какой-то бес вселялся в него, президент начинал куражиться, глумиться. И чем сильнее пьянел

он, тем большее похмелье охватывало окружающих. Только тогда они воочию понимали, что представляет собой российский президент.

«Первый раз я посмотрел на Ельцина другими глазами в конце 1992 года, – продолжает свои откровения Рюриков. – Мы поехали в Бишкек, на саммит СНГ. Ничего сверхординарного там не произошло, но президент очень быстро дошел до соответствующей кондиции. Демонстративно при всех снял Егора Яковлева с должности руководителя центрального телевидения, якобы за неправильный сюжет.

Он топтал его, откровенно издевался на глазах у глав СНГ, и Яковлев в сердцах ушел с саммита, вернулся на борт и просидел в пустом самолете много часов, ожидая делегацию. Весь полет обратно он не подходил к первому салону. И вот тогда я впервые задумался: что же это такое происходит…»

В первые годы своего владычества Ельцин мог выпить очень много. Особой привередливостью в напитках он никогда не отличался: водка, коньяк, пиво и даже вино – в ход пускалось все, что было под рукой.

Его тогдашняя норма составляла от стакана до литра. Причем употреблять обычно он начинал прямо с утра.

Один из бывших президентских врачей доверительно рассказывает, что Ельцин нередко отправлялся в Кремль засветло: часов в семь утра, когда на работе никого еще, кроме уборщиц, не было. Но тлеющая жажда гнала его прочь из дома: в кругу семьи Борис Николаевич старался не расслабляться, у Наины Иосифовны его *бдения* вызывали истерики.

«Ельцина трудно назвать алкоголиком, – констатирует придворный лекарь. – Скорее, речь идет о бытовом пьянстве. Первые несколько лет он употреблял алкоголь постоянно, чуть ли не ежедневно. При этом от похмельного синдрома лечился традиционным способом: 150 граммами».

«Сколько лет я знаю Бориса Николаевича, – подтверждает Коржаков, – Он пил каждый день. Его обычное утро начиналось всегда одинаково:

Приезжаем в Кремль. “Дима, ланч!” – вызывает он повара Самарина. Тот на подносе несет сто грамм водки в аэрофлотовском стаканчике, яичницу, маленькую баночку икры и 4–5 кусков бородинского хлеба с обрезанной коркой».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Синдром измененной реактивности: максимальная переносимость спиртного, человек пьет каждый день понемногу, перерывы объясняются внешними

обстоятельствами, иногда наличием престижной работы. Седативный эффект алкоголя исчезает, наблюдается только активизирующий. При внешней упорядоченности поведения потихоньку начинает проявляться неспособность к активной умственной работе. Прием спиртного восстанавливает физические функции, но происходит утрата контроля над своими действиями.

Когда на Ельцина накатывало возбужденно-дурашливое состояние, подходить к нему с рабочими вопросами становилось бессмысленно. В такие дни Борис Николаевич напрочь забывал о делах. Он уезжал в свое любимое охотхозяйство в Завидово или на дачу в Барвиху: подальше от семейных *сцен* . Тревожить его даже по самым неотложным вопросам подчиненным строжайше было запрещено. (Именно так началась в 1991 году вакханалия в Чечне, когда из-за отсутствия Ельцина там провалилось введение чрезвычайного положения.)

Известно как минимум два примера, когда даже Клинтон не сумел связаться с «другом Борисом»: якобы тот не мог подойти к телефону.

«Нам, кто по долгу службы общался с Ельциным, его исчезновения доставляли массу неудобств, особенно когда они затягивались», – недвусмысленно пишет в мемуарах шеф его администрации Сергей Филатов, сообщая о «фантастической способности» президента «куда-то исчезать в самые критические и напряженные моменты».

Это отсюда, из его регулярных отлучек, уходов в *астрал* , во многом и брал свое начало развившийся при ельцинском дворе фаворитизм. Президент не терпел одиночества. В неотложных ситуациях он, конечно, мог выпить и сам с собой, но это было, скорее, исключением из правил. В обыденной жизни ему обязательно требовались *собеседники* .

(Александр Коржаков приводит, например, эпизод, как однажды, во время поездки в Германию, он решил погулять по ночному Кельну и ушел из гостиницы. Но посреди ночи президент вдруг проснулся, принялся искать неразлучного телохранителя, и даже приказал поставить на ноги всю местную полицию.)

Все ельцинские любимцы эпохи раннего фаворитизма – Баранников, Грачев, Коржаков, Барсуков, Тарпищев, Бородин, Шумейко – отличались одним общим качеством: они могли много выпить. Тех, кто не *употреблял* , президент в ближний круг не допускал: какие бы ключевые должности не занимали эти люди.

Алкоголь и доверие в понимании Ельцина – есть неразрывное

целое. Он и фаворитов подбирал исключительно по образу своему и подобию: таких же высоких, здоровых, крупных. Нередко алкогольная устойчивость и умение говорить тосты становились главным критерием в кадровой политике.

Именно по такому принципу Виктор Баранников стал министром безопасности, а Владимир Шумейко – первым вице-премьером: никто лучше него не умел вести застолья…

Специально для того, чтобы душевно проводить время с любимыми наперсниками, Ельцин распорядился устроить на Воробьевых горах, в бывшем брежневском доме приемов, президентский клуб. Главным девизом клуба – он сообщает об этом сам, в мемуарах – стало одно только слово: «Соображай!».

Вот они и *соображали* : с завидным постоянством. После открытия клуба Ельцин чуть ли не каждый день уже в обед уезжал на Воробьевы горы и с концами…

Самое занятное, что семья президента – в первую очередь Наина Иосифовна – искренне считала, что это окружение разлагает Бориса Николаевича.

На отдыхе в Сочи Светлана Суханова невольно оказалась свидетельницей малопочтенной сцены, когда первая леди демонстративно отчитывала жену Коржакова.

«Она выговаривала ей как девчонке: “Почему твой муж спаивает Бориса Николаевича? Это все от его дурного воспитания. Немедленно повлияй на Сашу”. И Ирина стояла, вся красная, но молчала»[28].

Такие же точно претензии Наина Иосифовна предъявляла и другим ельцинским *вассалам* , хотя абсурдность их понятна всякому. Заставить Ельцина сделать что-либо против его воли – эта задача не под силу даже Дэвиду Копперфилду.

«Никто его не спаивал, – до сих пор возмущена Суханова. – Это он всех спаивал. Года до 1995-го к нему без бутылки зайти было просто нельзя. Муж постоянно жаловался, что Ельцин заставляет всех выпивать вместе с ним».

О регулярных уходах президента в *астрал* в Кремле знали все. Многие этим умело пользовались.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Стол императора Клавдия обычно ломился от блюд и вина. Доброе и обильное застолье было его главной слабостью. Ел он до тех пор, пока не «отваливался» от стола. А уж что касается вина, то он давно прослыл пьяницей. Пил помногу и всегда. Из-за страсти к выпивке император заработал множество болезней, но несмотря ни на что ограничивать себя не собирался. Клавдий

заставлял пить с собой не только сенаторов, но и своих слуг, а отказ присоединиться к пирующим мог стоить жизни. Все это знали и безропотно выполняли прихоти императора.

Один из тогдашних президентских помощников, утверждал, например, что Геннадий Бурбулис, пока не растерял своего влияния, вывел даже целую методу: в какое время и с какими бумагами лучше всего заходить к Ельцину.

Еще многоопытные соратники замеряли по часам, сколько времени должно пройти после первой рюмки, чтобы президент подписал нужную бумагу.

Когда Ельцин еще только начинал впадать в состояние утренней *прелести* , его охватывало чувство бескрайней щедрости и широты. Именно в такие минуты он *отписал* , допустим, Юрию Никулину московский цирк, а другому знатному весельчаку – Михаилу Задорнову – едва не подарил гостиницу «Метрополь»: под фонд помощи русским в Прибалтике. (Слава богу, Задорнов вовремя успел обнаружить, что дом № 1 по проспекту Маркса, который безвозмездно передавался фонду, это не что иное, как знаменитый памятник архитектуры с врубелевскими фресками на фронтоне. Уже подписанный указ был остановлен.)

Но эти ельцинские особенности были известны не только его окружению: о них хорошо были осведомлены и иностранные лидеры.

Дмитрий Рюриков рассказывал мне как-то, что во время поездок Ельцина на саммиты СНГ президенты братских республик специально подпаивали его, чтобы был податливей и мягче.

Примерно то же происходило и на международных переговорах. Хорошо изучившие Ельцина коллеги знали, что если вовремя поднести стаканчик-другой, договориться с ним будет намного проще. Единственным, кто мешал обрабатывать Ельцина, был как раз Рюриков.

В своей нашумевшей книге «Рука Москвы» бывший заместитель госсекретаря США Строуб Тэлботт красочно описывает, на какие только ухищрения не приходилось идти американцам, дабы отсечь Ельцина от Рюрикова: целые комбинации проводили они.

Вот один лишь такой пример. В октябре 1995 года на саммите в Гайд-парке Клинтон пытался убедить Ельцина не выходить из договора по ограничению обычных вооружений в Европе, как того требовали российские военные.

Сначала он пробует обработать его за обедом, подливая «русскому другу» калифорнийское вино – бокал за бокалом. («В

прошлом он уже имел успех с захмелевшим Ельциным, так что он решил попробовать…») Но первая попытка закончилась неудачей. Выпив три бокала подряд, российский лидер резко потерял интерес к делам, и вернуть его в нужное русло уже не представлялось возможным.

Тогда хозяин Белого дома пускается на новую хитрость. После обеда он под благовидным предлогом отсылает из комнаты неуступчивого Рюрикова и быстро хватает Ельцина за рукав.

Цитирую дословно:

«Борис, посмотри на меня! Не важно, что говорит твой парень. Это касается только нас двоих… Мы должны сделать это быстро. Договорились?»

Ельцин мало что понимает, но доверительный тон «друга Билла», его апелляция к личным их отношениям заставляет президента согласно кивать головой. Когда вернувшийся Рюриков пытается что-то возразить, американцы мгновенно затыкают ему рот. «Ваш президент дал уже согласие на наши предложения».

Всякий раз, возвращаясь потом в Москву, Ельцин вместе с Козыревым неустанно рассказывали о новых внешнеполитических победах и неуклонности российского курса. А Клинтон со своим госсекретарем Кристофером только хихихали, глядя на эти показательные выступления.

«На пленарных заседаниях с большим числом присутствующих по обе стороны стола Ельцин играл решительного, даже властного лидера, который знает, чего он хочет, и настаивает на получении этого, – раскрывает Тэлботт самые страшные тайны американо-российской дипломатии. – Во время закрытых встреч он становился восприимчив к уговорам и увещаниям Клинтона. Затем во время заключительных пресс-конференций Ельцин из кожи вон лез, чтобы скрыть, как уступчив он был за закрытыми дверями».

И ладно бы президент сдавал позиции и соглашался на заведомо невыгодные для России условия по какой-нибудь *отвратительной* , но *уважительной* причине. Если б был он, например, агентом ЦРУ. Или получал от американцев миллиардные взятки.

Нет же. Самое обидное, что лидера сверхдержавы *вербовали* всякий раз за каких-то пару бокалов вина или виски; так забулдыги в качестве платы за утренний *опохмел* , регистрируют на свои паспорта фирмы-однодневки и ворованные машины.

Даже когда на переговорах обсуждались вопросы первостепенной важности – скажем, расширение НАТО на Восток – Борис Николаевич продолжал демонстрировать чудеса мазохизма. В сентябре 1994 года в Вашингтоне, по словам

Тэлботта, Клинтон за один присест сумел переубедить Ельцина, что бояться НАТО не надо, Америка и Россия – братья навек, а их, двух президентов, до конца дней будет связывать «великая дружба».

«Я понял, – согласно кивнул он (Ельцин. – *Авт* .), сидя за столом. – Благодарю за то, что ты сказал».

Отныне все официальные заявления Москвы об «абсолютной неприемлемости» расширения НАТО воспринимались в Вашингтоне исключительно с ухмылкой.

Ради этого вполне можно было закрыть глаза на бесчисленные выходки русского царя. («По меньшей мере, он не агрессивен, когда пьян», – саркастически изрек как-то Клинтон.)

Кстати, и знакомство-то свое с российским коллегой Клинтон тоже начинал при *известных* обстоятельствах.

Еще когда Ельцин только позвонил поздравить Клинтона с победой на выборах, был он уже изрядно навеселе. Тэлботт пишет, что язык у Ельцина заплетался, и он никак не мог уразуметь, что же отвечает ему собеседник.[29]

А в апреле 1993 года на первом же их совместном саммите в Ванкувере, где Клинтон по неопытности додумался организовать морскую прогулку, Ельцин мгновенно осушил три стакана виски, потом хлопнул столько же вина: не закусывал он принципиально.

«Его речь становилась все более бессвязной… Его все больше нервничающие с каждой минутой помощники пытались отогнать официантов с напитками, но президент им не давал».

А как вам история с попыткой Ельцина уволить одновременно своего министра Козырева и его американского коллегу Кристофера?

Вновь – слово Тэлботту:

«Ельцин заметил госсекретаря Уоррена Кристофера и Мадлен Олбрайт как раз в тот момент, когда официант принес им шампанское. Он схватил один из фужеров на подносе. “Г-н президент, – сказал Крис, – на нем уже есть отпечатки пальцев!” Ельцин рявкнул, потребовал собственный стакан, осушил его одним глотком и вновь повернулся к Крису. “Давно вас не видел, – сказал он с настолько преувеличенным выражением угрозы на лице, что это казалось даже комичным. – Вы и Козырев – оба неудачники! Абсолютные неудачники!”»

Вообще, надо сказать, что с дипломатическим этикетом Борис Николаевич знаком был весьма и весьма приблизительно; оттого, что переодевали его во фрак, галантнее он не становился ничуть.

Вся Британия ахнула, увидев в новостях, как во время визита Елизаветы II в Москву Ельцин, вопреки традициям и протоколу, поцеловал августейшей особе руку.

А в ходе официальной поездки в Германию, когда супруга немецкого канцлера Гельмута Коля закурила на званом обеде, Борис Николаевич выхватил сигарету прямо из рук первой леди и затушил в пепельнице: табачного дыма он не переносил на дух.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Никотинофобия – непереносимость человеком табачного дыма. После вдыхания табачного дыма у больного может появиться головная боль, учащенное сердцебиение, одышка и аллергия. Аллергическая реакция обычно проявляется в виде отека слизистой носовой полости.

Собственно, с Германией был связан один из самых громких и скандальных *номеров* , отколотых Ельциным. Я имею в виду приснопамятное дирижирование оркестром, случившееся в августе 1994 года, во время торжественного вывода ЗГВ.

Об эпизоде этом, впрочем, написано и сказано немало, а кадры с дурашливо улыбающимся Ельциным, размахивающим дирижерской палочкой, давно уже стали символом эпохи, поэтому повторяться смысла, думаю, нет.

Лишь кратко позволю себе напомнить, что 30 августа президент отправился с визитом в Берлин, где в первую же ночь пригласил к себе в номер в гостинице «Маритим» своего любимца – министра обороны Грачева.

В книге «Эпоха Ельцина», написанной группой бывших президентских советников, говорится без обиняков:

«Для “лучшего министра обороны всех времен” каждая выпитая с президентом рюмка водки была как звезда на генеральском погоне. Никогда не перечивший президенту, он не мог ни остановиться сам, ни намекнуть, что хватит».

Верховный главнокомандующий и военный министр соревновались в крепости духа до самого рассвета. Когда утром Ельцин вышел из своих покоев, всем стало ясно, что визит перестает быть *томным.* («Глядел неприветливо. Лицо бледное, одутловатое», – сообщается в той же книжке.)

Придворный лекарь, правда, попытался кое-как привести его в чувство, но выпитое вскоре для утоления жажды душевное немецкое пиво напрочь свело на нет все врачебные ухищрения.

Конфузы начались в первые же минуты официальных мероприятий. Сначала Ельцин, выступая на уличном митинге, при скоплении тысяч берлинцев объявил, что «в войне России с Германией не было ни победителей, ни побежденных». Потом он чуть не рухнул кубарем, когда поднимался на холм в Трептов-парке, к памятнику воину-освободителю.

А затем, *поправившись* за обедом красным вином, отправился в берлинскую ратушу, где и узрел на свою беду духовой оркестр, играющий бравурные марши. Недолго думая, президент отобрал у дирижера палочку и принялся размахивать ею, приплясывая в такт и издавая при этом нечленораздельные звуки.

Еле-еле его увели в ратушу, но когда через полчаса он снова вышел на улицу, на месте оркестра стоял уже детский хор и юный солист лет десяти старательно вытягивал дискантом «Калинку».

Эта «Калинка» окончательно его и добила. Ельцин ринулся к микрофону, оттолкнул солиста и дурным голосом протяжно затянул свою любимую песню на потеху хохочущей публике.

Большего позора Россия на немецкой земле никогда еще не переживала… Но «друг Гельмут» ни словом, ни намеком не показал «другу Борису», сколь шокирован произошедшим. Что, в общем, легко объяснимо: в те дни Россия досрочно выводила из Германии свои войска. Никаких серьезных контрибуций Ельцин за это не требовал. Полчаса отвратного зрелища – совсем неплохая цена за сэкономленные миллионы…

Шестью годами позже, в своей третьей книге мемуаров «Президентский марафон», Борис Николаевич, с присущей ему виртуозностью, так примется объяснять берлинские *казусы* :

«Это были тяжелые для меня дни. Со стороны такое поведение могло показаться диким, нелепым. Но я-то знал, чего не знали ни мои помощники, ни журналисты, ни все яростные обличители. Стресс, пережитый в конце 93-го года, во время путча и после него, был настолько сильным, что я до сих пор не понимаю, как организм вышел из него, как справился. Напряжение и усталость искали выхода. Там, в Берлине, когда вся Европа отмечала вывод наших последних войск, я вдруг почувствовал, что не выдерживаю. Давила ответственность, давила вся заряженная ожиданием исторического шага атмосфера события. Неожиданно для себя не выдержал. Сорвался…

Я помню, что тяжесть отступила после нескольких рюмок. И тогда, в этом состоянии легкости, можно было и оркестром дирижировать».

Аргументация, прямо скажем, малоубедительная. Путч, на который ссылается Ельцин, завершился 4 октября. В Берлин же он приехал – 30 августа. То есть времени прошло уже с избытком: без малого год. Срок более чем достаточный, дабы выйти из стресса (если он, конечно, был вообще, этот стресс).

Да и рюмок, после которых «тяжесть отступила», Борис Николаевич употребил явно не несколько.

Хотя – смотря, что подразумевать под словом «рюмки»…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Шизофрения – прогредиентное заболевание, характеризующееся постепенно нарастающими изменениями личности, в том числе появлением у больного различных странностей и чудачеств. Клиническая картина характеризуется нелепой дурашливостью, грубым кривлянием, утрированными гримасами.

С момента берлинского позорища не и прошло месяца, как в мире запахло новым скандалом.

В сентябре 1994 года Ельцин отправился на переговоры в США. Уже в первое же утро окружение заметило, что президент пребывает в *приподнятом* настроении. Во время совместного завтрака он целиком сосредоточился на вине, почти забыв о еде. Клинтона такая прыть немного смутила, но виду он не подал. Ельцин же с каждой минутой веселел все сильнее. Он беспрерывно и глупо шутил, громко хохоча над собственными остротами.

Но, по счастью, в этот раз обошлось без дебошей: с грехом пополам Ельцин отбыл, наконец, в аэропорт, где без особых инцидентов был загружен на борт личного самолета.

(Заместитель госсекретаря Строуб Тэлботт вспоминает, что в аэропорт он должен был отправиться в одном лимузине с Ельциным, но российский посол Воронцов объявил, что президент очень устал и хотел бы ехать вместе с супругой.

«Моя догадка о настоящей причине вскоре подтвердилась. Спускаясь по трапу, он крепко держался за перила и сосредоточивался на каждом шаге. На последнем, оступившись, он схватил за руку Наину».)

Следующим пунктом назначения должен был стать ирландский аэропорт Шеннон, где Ельцину предстояло встречаться с премьер-министром Рейнолдсом. Однако в полете он устроил новый *банкет* и *разошелся* так, что посреди ночи рухнул в салоне без чувств.

Насмерть перепуганная Наина Иосифовна растолкала верного Коржакова. С трудом тот сумел поднять Ельцина с пола и переложить на кровать. Сбежавшиеся врачи пытались реанимировать бездыханного президента. Кое-как тот пришел в себя, но был еще очень плох: почти не говорил и с трудом мог шевелить руками.

Похоже, это был очередной микроинсульт (первый случился годом раньше, в Китае, но об этом – чуть дальше).

Идти в таком состоянии на встречу с ирландским премьером

было верхом безумия, но Борис Николаевич, даже стоя одной ногой в могиле, оставался верен себе.

Он раздраженно шипел на врачей, требуя привести в чувство, «сделать нормальным». Тем временем самолет приземлился уже в Шенноне, и премьер Рейнолдс в окружении сонма журналистов подошел к трапу. Назревал новый международный скандал.

Бедный ирландский премьер! Он так ничего и не смог понять. Сначала минут сорок Рейнолдс, как бедный родственник, переминался с ноги на ногу. Потом, без каких-либо объяснений к нему спустился вдруг совсем не Ельцин, а никогда прежде не виденный им первый вице-премьер Олег Сосковец. Впрочем, ирландец тоже был человеком воспитанным, а посему сделал вид, что ничего странного не случилось…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Инсульт – остро развивающееся нарушение мозгового кровообращения, сопровождающееся повреждением ткани мозга и расстройством его функций. Наиболее частыми причинами инсульта являются гипертоническая болезнь и атеросклероз или их сочетание; нередко он развивается при заболевании сердца, ревматизме, иногда при болезнях крови. Непосредственным толчком к развитию кровоизлияния в мозг во многих случаях бывает эмоциональное или физическое перенапряжение. Излившаяся кровь отчасти разрушает, а отчасти сдавливает окружающую нервную ткань и вызывает отек мозга.

Истинная подоплека инцидента стала известна далеко не сразу. Какие только головокружительные версии не выдвигали поначалу журналисты. Впрочем, на это и делался расчет.

«Что будем делать, как объясним случившееся?» – напряженно спросил Ельцин у Коржакова перед тем, как приземлились они в Москве.

«Борис Николаевич, скажите, что очень сильно устали. Перелет тяжелый, часовые пояса меняются. Крепко заснули, а охрана не позволила будить. Нагло заявила, что покой собственного президента дороже протокольных мероприятий. И вы нас непременно накажете за дерзость».

«Он согласился и все это повторил перед журналистами, – пишет Коржаков. – Вид у президента в Москве после сна был более или менее свежий, и мысль о том кошмаре, который на самом деле пришлось пережить, журналистам в голову даже не пришла».

Ельцинское окружение сделало все возможное, чтобы навести

тень на плетень. Шеф президентского протокола Владимир Шевченко убеждал, например, журналистов:

«Была очень напряженная программа всего визита. Слишком много часовых поясов… А что в итоге получилось? После большого напряжения человек провалился в сон. (Может быть, вам знакомо это чувство?)»

И ведь, действительно: с кем не бывает. Ну, устал человек. Переутомился. Все-таки страной руководить – не кукурузу охранять…

О том, что президентские соратники – то есть те же самые люди, которые наперебой уверяли страну, что ничего сверхъестественного ни в Шенноне, ни в Берлине не произошло, – только что написали Ельцину конфиденциальное и будто бы очень гневное письмо, журналисты узнают намного позднее.

Идея этого послания родилась у ельцинского окружения по пути из Берлина в Москву: когда все еще находились под впечатлением его *дирижерства* .

«Многие члены команды президента были просто в отчаянии, испытывали чувство стыда и досады, – пишут они о себе сами в книге “Эпоха Ельцина” почему-то в третьем лице. – Бездействовать в этой ситуации, делать вид, что ничего не произошло, было невозможно. Первое, что пришло в голову, – подать в отставку. Но эта идея была отвергнута, в том числе и из-за категорического несогласия С. Филатова: “Это ничего не изменит. Ситуация только ухудшится”. После некоторых размышлений решили поступить иначе».

По общему решению, пресс-секретарь Вячеслав Костиков – тот, что плавал уже в Енисее, – подготовил Ельцину специальный дайджест прессы, где особо подчеркнул массовость критических публикаций.

Ничего подобного президенту никогда еще не докладывали: главный читатель страны негатива не терпел по определению. Все доклады пресс-секретаря делались обычно в розовых, восторженных тонах.

Реакция последовала незамедлительно. Приехав на другой день в Кремль, президент демонстративно прошел мимо Костикова, не подав ему руки. «Много развелось советчиков», – процедил он сквозь зубы.

Казалось бы, выводы напрашиваются сами собой. Но свита успокаиваться не желала. Чтобы довести до Ельцина свои тревоги, она (свита) выбрала совсем уж нетрадиционный путь: написала коллективное письмо.

Соратники рассуждали примерно так: говорить с Ельциным напрямую – бессмысленно, ничьих советов он не слушает, а

критики не признает и подавно. Письмо же, тем паче отправленное сонмом помощников, он прочитает наверняка…

Подписали его, как утверждается в «Эпохе Ельцина», семеро ближайших президентских сподвижников: Коржаков, Барсуков, Костиков, Илюшин, Рюриков, Шевченко, спичрайтер Пихоя.

На самом деле среди подписантов значился еще и министр обороны Грачев, но об этом «коллективный автор» почему-то умалчивает: либо слишком нравится *ему* волшебная цифра семь, либо не желает *он* отождествлять себя со столь одиозной фигурой.

Это – далеко не единственная неточность, обнаруженная мной в помощничьи-спичрайтерских воспоминаниях.

Самое главное: письмо, которое воспроизводят они на страницах книги, имеет к подлинному историческому документу примерно такое же отношение, как одеколон «Саша» к французском парфюму.

Читаем в воспоминаниях:

«История письма, получившего название “письмо семерых”, весьма интересна. Ни разу не публиковавшееся, оно вызвало бурную реакцию прессы, общественности и чуть было не привело к коллективной отставке помощников президента…

Письмо носило не морализаторский, а сугубо *политический* характер и лишь в незначительной мере затрагивало тему “вредных привычек”».

Выходит, самого письма никто никогда не видел. Впервые – как было заявлено – оно появилось только в этой книге. Соответственно, возможности сравнить *копию* и *оригинал* ни у кого, кроме авторов его и читателя – нет.

Очень удобно.

Еще, когда я только первый раз прочитал его (в той самой «Эпохе Ельцина»), показалось оно мне весьма странным. Ну, во-первых, объем: 31 абзац – это не послание, а чуть ли не диссертация, хотя общеизвестно, что документы больше, чем на полутора листах, Ельцин никогда не читал.

И второе – самое, пожалуй, важное: его содержание.

Для примера – несколько цитат:

«Налицо снижение активности президента… Утрачивается постоянный и стимулирующий контакт с политической средой, президент оказывает все меньшее воздействие на политическую ситуацию. Политическое планирование, столь необходимое для поддержания стабильности в стране, все в большей мере подвержено иррациональным факторам, случайности, даже капризу…

…пренебрежение своим здоровьем, известное русское

бытовое злоупотребление. Имеет место и некоторая успокоенность, даже переоценка достигнутого. Отсюда – высокомерие, нетерпимость, нежелание выслушивать неприятные сведения, капризность, иногда оскорбительное поведение в отношении людей».

Каково?

Прямо хоть сейчас бери и печатай в газете «Завтра»: в 1994-м даже *свободная* пресса подобных вольностей себе еще не позволяла.

Вы что, хотите всерьез убедить меня, что помощники – Шевченко, Илюшин, Пихоя – осмелились бы в открытую указывать президенту на «известное русское бытовое злоупотребление»? Укорять его за высокомерие и нетерпимость?

Ни за что не поверю.

«Это было наимягчайшее письмо, – укрепляет мои подозрения один из подписантов, генерал Коржаков. – О пьянстве ничего и близко не было. Текст примерно такой: “Дорогой Борис Николаевич! Мы очень просим, чтобы вы поберегли здоровье, снизили нагрузки в работе, потому что вы очень нужны России”».

Оригинала письма у Коржакова не сохранилось. Как, впрочем, ни у кого из других соавторов. Они и писали-то его, в чем признаются и сами, по кускам: «решили, что каждый помощник даст “элементы” по своему профилю, а сводить все в единый текст будет пресс-секретарь».

Откуда же взялось оно теперь? Итоговый документ Ельцину передал его первый помощник Илюшин – в самолете, пока летели они в Сочи на отдых.

Да очень просто. Каждый, видно, взял свои черновики, добавил для эффектности по паре новых фраз, и готово.

Я охотно допускаю, что именно так и *хотели бы* они его написать, будь их воля. Но выдавать желаемое за действительное – как-то это не комильфо.

Впрочем, даже в выхолощенном варианте помощничье послание вызвало у высокого адресата истерику. (Существует даже версия, что он швырнул Илюшину папку с бумагами прямо в лицо.)

«Извиняться перед помощниками не стал, – между делом *смиренно* сообщает в своих мемуарах Ельцин. – Вряд ли кто-то из них мог помочь мне. Дистанция между нами была слишком велика».

Господи, о чем это он? Какие, к лешему, извинения? Все происходило совсем наоборот: президент по одному *выдергивал* потом каждого из подписантов, грозил страшными карами, требовал покаяться и признать ошибки. Еще и от первой леди

досталось им на орехи: за то, что испортили, дескать, Борису Николаевичу отпуск; он у нас такой впечатлительный…

В следующую свою поездку – в Америку; ту самую, окончившуюся Шенноном, – Ельцин демонстративно не взял с собой трех подписантов. Фамилии Костикова, Пихои и даже помощника по международным делам Рюрикова он собственноручно вычеркнул из утвержденного уже списка делегации. Два месяца спустя Костиков – как самый активный и злостный *клеврет* – был отправлен в почетную ссылку: послом в Ватикан. С Пихоей Ельцин не разговаривал еще полгода: до своего дня рождения…

Больше всего президента возмутило даже не то, что челядь осмелилась делать ему, самодержцу, какие-то упреки (Как там у него в мемуарах? «Дистанция между нами была слишком велика».), а сам факт коллективного написания петиции.

Это что же получается? Сегодня, понимаешь, за спиной президента они строчат подметные письма. А завтра, сговорившись, и заговор какой-нибудь организуют…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Параноидное расстройство личности часто выражается в тенденции приписывать окружающим злые намерения на фоне мысли об особом значении собственной личности.

К любой критике Борис Николаевич всегда относился удивительно болезненно. Еще с партийных времен он не терпел никаких жалоб, особенно письменных. Достаточно было кому-то накатать хоть одну *кляузу* – пусть даже совершенно обоснованную – к этому человеку доверие исчезало у него враз.

А еще он не выносил постороннего вмешательства в вопросы своего здоровья. Здоровье – было самым уязвимым его местом, истинной ахиллесовой пятой.

Когда в начале 90-х годов впервые пошли разговоры о плохом его самочувствии, министр печати Михаил Полторанин на правах старинного товарища осмелился дать журналистам некие комментарии. Дескать, у Ельцина, как и у всех сибиряков, в организме ощущается нехватка йода; отсюда и корень большинства проблем.

Ельцина эта вольность здорово разозлила.

«Вы что, доктор? – раздраженно спросил он у Полторанина при первой же встрече. – Кто вам дал право комментировать мое здоровье?»

Полторанин принялся объяснять, что хотел, мол, как лучше; он и сам сибиряк, и у него тоже пошаливает сердце, но президент

и слушать его не желал.

«Вы это бросьте. Вот о себе и рассказывайте».

И дело здесь заключалось даже не в природном ельцинском высокомерии; он сам чувствовал уже, как постепенно покидают его силы, и это осознание бессилия душило Ельцина, вызывало в нем бешенство и злобу. Он пытался забыться, уйти от проблем, но от *расслабления* становилось ему только хуже и хуже.

Как и у всех физически крепких от природы людей, мысль о том, что силы могут однажды оставить его, просто не укладывалась в президентском сознании.

«Сколько лет я сохранял в себе самоощущение десятилетнего мальчишки: я все могу! – сокрушается он в мемуарах. – Да, я могу абсолютно все! Могу залезть на дерево, сплавиться на плотах по реке, пройти сквозь тайгу, сутками не спать, часами париться в бане, могу сокрушить любого противника, могу все, что угодно. И вот всевластие человека над собой внезапно кончается. Кто-то другой становится властен над его телом – врачи, судьба».

Все болезни Ельцина, его недуги и хворобы – были исключительно следствием его образа жизни. Он не щадил ни себя, ни окружающих, изнурял непомерными нагрузками.

Его проблемы с сердцем – это не что иное, как последствие подхваченной еще в институте ангины: лечиться не желал, всю болезнь перенес на ногах.

Он не слышал на одно ухо, потому что, застудив его в Свердловске, вместо того чтобы ставить компрессы, в ту же ночь помчался на совещание в Нижний Тагил, а потом еще и регулярно нырял в ледяную воду.

Там же, в Свердловске, Ельцин посадил и печень – от чрезмерного употребления алкоголя, особенно 30-градусной «Можжевеловой», которую любил он в то время больше всего.

И радикулит, который время от времени разбивал его, делая недвижимым и беспомощным (этакая, прости господи, русская недвижимость), тоже был результатом перенесенных в молодости травм.

До тех пор, пока Ельцин был просто Ельциным, его здоровье являлось сугубо личной его проблемой. Но, став президентом страны, он перестал принадлежать самому себе. Здоровье президента превратилось в дело государственной важности. (Неслучайно после каждой его госпитализации цены на акции российских компаний резко падали вниз.)

Достаточно посмотреть на хронологию ельцинских болезней, чтобы увидеть, сколь глубинно отражались они на судьбе всей страны.

Июнь 1990 года. Принятие Декларации российской

независимости. Накануне Ельцин переносит операцию на спине.

Осень 1993 года. Разгон парламента. Перед тем, как послать танки к Белому дому, президента разбивает паралич.

Декабрь 1994 года. Бесславный ввод войск в Чечню. Ельцин госпитализирован в ЦКБ.

О президентских выборах 1996 года – и упоминать даже не приходится…

Но все равно, стоило заговорить с Ельциным о его здоровье, как он мгновенно менялся в лице, замолкал, пунцовел от злости. Эту тему он не позволял поднимать даже самым близким соратникам, а уж политическим противникам и подавно…

Еще весной 1991 года, когда первая президентская кампания только-только набирала обороты, Ельцин сделал все, чтобы *снести* предложенную депутатами поправку об обязательном медосвидетельствовании всех кандидатов. С его подачи автор поправки – председатель парламентского Комитета по конституционному законодательству Федосеев – был заклеймен позором за попрание норм демократиихотя еще совсем недавно *пел* Борис Николаевич совсем по-другому. («В США есть президентский тест со времен Эйзенхауэра. Сдают его все… Я сейчас справляюсь с этими нормативами и активно занимаюсь спортом…» – это из его выступления перед слушателями Высшей комсомольской школы в ноябре 1988-го.)

Но уже через год депутаты вновь заговорили о здоровье *гаранта* .

Тревожный звонок прозвенел весной 1992 года. 15 мая на заседании Верховного Совета депутат Исаков заявил во всеуслышанье, что во время недавнего визита в Ташкент Ельцин был сильно нетрезв и, давая интервью, еле стоял на ногах. Исаков потребовал, чтобы парламент дал оценку случившемуся, и, вообще, настаивал на принудительном освидетельствовании президента…

Все-таки есть в истории какие-то неведомые нам магические пружины, которые заставляют время бежать по кругу.

Может быть, не случайно *суета* вокруг ельцинского здоровья началась именно с узбекской столицы. Ташкент – город не только хлебный, но и роковой для отечественных правителей.

Аккурат за 20 лет до этого скандала, как раз в Ташкенте навсегда оборвалось здоровье Брежнева. Когда в марте 1982 года генсек осматривал корпуса местного авиазавода, на него обрушились стропила. Престарелый вождь упал навзничь, до крови ободрал ухо, сломал ключицу. После этого ЧП оправиться Брежнев уже не смог и вскоре отошел в мир иной.

Для него Ташкент – стал концом. Для Ельцина – наоборот,

началом.

Дело, конечно, прошлое, но в своих обвинениях Исаков был абсолютно прав. Участники той поездки (например, президентский фотограф Дмитрий Соколов) единодушно подтверждают, что Ельцин по дороге в Ташкент *набрался* порядочно. Это увидел летевший с ним корреспондент РИА «Новости» Лев Аксенов. С его подачи и разгорелся скандал.

Правда, серьезного развития он так и не получил. К тому времени разлад между парламентом и президентом подходил уже к отметке критической, поэтому обвинения депутата Исакова восприняты были исключительно как новый виток политической борьбы. (В одной газете Исакову порекомендовали даже устроиться на службу в ГАИ.)

Тем не менее репортера Аксенова из РИА «Новости» уволили: чтоб другим не повадно. А медицинское обследование все-таки вынуждены были провести. Не сразу, конечно, только летом. И вовсе не по требованию депутатов, а якобы по просьбам трудящихся, для чего и поместили документ в газетах:

«После 5-летнего перерыва проведено диспансерное обследование здоровья президента. В целом состояние здоровья президента признано хорошим. Его беспокоит ощущение переутомления, которому соответствуют умеренно выраженные вегетативно-сосудистые реакции. Частота пульса, малые колебания артериального давления, а также состояние сердца и крупных сосудов не выходят за пределы нормальных значений. Со стороны легких не обнаружено патологических симптомов. Клинико-рентгенологическое, ультразвуковое исследование почек, желудочно-кишечного тракта, печени, поджелудочной железы и биохимическое исследование крови не выявили патологических изменений.

Пробы с физическими нагрузками, в том числе спортивными, подтвердили высокую выносливость пациента.

Для коррекции самочувствия и поддержания высокой работоспособности рекомендовано использование физических нагрузок (велотренажер, теннис, плавание и др.)».

Под документом этим стояли подписи медиков довольно авторитетных: директора Института хирургии им. Вишневского академика Федорова, профессоров-однофамильцев Мартыновых (оба они были кардиологами), гастроэнтеролога профессора Минушкина, лечащего врача президента Григорьева. Впрочем, титулованность подписантов ни в коей мере не гарантировала объективности заключения: если такое обследование вообще проводилось.

Уверял ведь в декабре 1991 года другой ельцинский врач,

Анатолий Зверев, что случаев злоупотребления алкоголем аж с 1985 года он «не отмечал, хотя осматривает его каждое утро».

«В случае переутомления Ельцину достаточно поиграть часа полтора-два в теннис, и он снова готов вести интенсивную государственную деятельность, – сообщал Зверев в интервью газете “Начало”. – Он восстанавливается гораздо быстрее даже, чем кое-кто из сотрудников службы его безопасности».

Полагаю, тезисы эти даже не требуют комментариев. Гораздо интереснее здесь другое.

Дело в том, что никакого Анатолия Зверева просто… не существовало в природе. В то время с Ельциным работало всего два эскулапа: Анатолий Григорьев и Генрих Овчинников. Человека же по фамилии Зверев ни в 4-м управлении Минздрава, ни в президентском медцентре отродясь не водилось. Ветеран кремлевской медицины Владлен Вторушин, который вскоре станет лечащим врачом Ельцина, утверждает это на все сто процентов.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В 1981 году президент Франции Франсуа Миттеран подвергся медицинскому обследованию, результаты которого, по закону, должны были публиковаться в печати. Однако врачи поставили Миттерану онкологический диагноз. Дабы скрыть от избирателей этот факт, президент публично объявил, что самым страшным его недугом являются проблемы со спиной.

Вскоре в поведении Миттерана начались серьезные изменения – он стал раздражителен, легковозбудим, его постоянно угнетали мысли о смерти. Французский президент резко отошел от дел. Все основное свое внимание он сосредотачивал теперь на увековечивание собственного имя в грандиозных проектах и стройках истинно фараоновского масштаба. В ответ на предложения парламента о проведении немедленных реформ Миттеран только раздражался. В результате в стране произошел невиданный рост безработицы, значительно увеличилась коррупция, а строительство пышных объектов обошлось налогоплательщикам в миллиарды франков…

Возвращаясь, кстати, к медицинскому заключению образца 1992 года, есть смысл обратить внимание на несколько весьма любопытных пассажей.

«Для коррекции самочувствия и поддержания высокой работоспособности рекомендовано использование физических

нагрузок», – пишут медики.

Довольно странный способ лечения. Если учесть, что к середине 1992 года у Ельцина начались уже проблемы и с сердцем, и с позвоночником, любые нагрузки были для него вещью крайне опасной.

Американскому президенту Бушу доктора почему-то советовали, как можно больше отдыхать и соблюдать щадящий режим. Нашему – напротив: изнурять себя работой и спортом; это при том, что спал он ежедневно не больше 4–5 часов.

Какие-то просто врачи-вредители; натуральные убийцы в белых халатах…

Сдается мне – рекомендации эти были такой же *липой* , как и клятвы виртуального доктора Зверева.

Никаких врачебных советов Ельцин не соблюдал смолоду. Он даже с тех пор, как убрали его из московского горкома, не проходил ни одного обследования.

Это был тот редкий случай, когда не пациент следует предписаниям врачей, а как раз врачи – подстраивались под пациента; почти как в анекдоте о двух приятелях. «Мой доктор запрещает мне пить». – «А я дал своему сто долларов, и он разрешил».

Для того чтобы притупить бдительность и успокоить граждан – слухи-то о регулярных исчезновениях президента широко барражировали уже по стране, – Кремль усиленно лепил образ неуемной ельцинской энергии. После каждого отпуска или даже воскресного пикника пресс-служба непременно распространяла фотографии бодрого и энергичного президента: на корте, в бассейне.

Логика вполне понятная: дескать, алкоголь и спорт – как гений и злодейство – две вещи несовместные…

Но с каждым месяцем скрывать от страны правду становилось все сложнее и сложнее.

В декабре 1992 года Ельцин впервые слег на «бюллетень»: тогда это объяснили элементарной простудой.

Но летом 1993 года его уже разбил микроинсульт: динамическое нарушение мозгового кровообращения. Случилось это во время визита в Китай. Как вспоминал потом Коржаков, среди ночи Ельцин резко перестал чувствовать свои ноги и руки, плакал – что было для него совсем уж непривычно – и приговаривал: «Все, это конец».

Визит пришлось резко сворачивать. Китайцам было сказано, будто президенту надо срочно возвращаться домой: политическая ситуация накалилась до предела. Против обыкновения отлет Ельцина из Китая проходил без участия прессы и почетного

караула. Еле-еле его удалось поднять по трапу, не прибегая к носилкам, но во «Внуково» – обойтись без них было уже невозможно.

Что делать? Как объяснить случившееся стране? Сказать правду? Но тогда Хасбулатов с Руцким непременно воспользуются остротой момента; их противостояние как раз перешло в эндшпиль.

Если бы оппозиция узнала, что Ельцин – пусть даже на время – оказался парализован – депутаты, несомненно, отрешили бы его от должности, передав всю власть усатому вице-президенту.

Между прочим, в «Записках президента» Ельцин краем бока касается того, летнего недуга.

«Летом 93-го, – пишет он, – снова пронесся слух о моей болезни, о мифическом приступе. Мне снова звонят, снова волнуются…

Ну что ж, и это, наверное, хорошо. А тем, кто волнуется за меня – большое спасибо».

Вы что-нибудь поняли из этого пассажа? Я – лично нет, кроме того, что приступ – «мифический».

Очень удобная, филигранная тактика. Точно как в детской считалке: да и нет – не говорить, черное и белое – не надевать…

В итоге решено было вообще не городить огород. Факт болезни попросту скрыли от народа, благо вскоре *больной* отошел и вернулся на рабочее место. Он раздухарился до того, что вышел даже на теннисный корт. В первых числах сентября президентская прессслужба с придыханием сообщила, что *гарант* принял участие в теннисном матче между парами Ноткин – Караченцов и Ельцин – Тарпищев.

Вот и доигрался. Спортивная бравада привела к острым болям в спине, которые при ходьбе отдавались в ногу. Ельцин опять оказался на больничной койке с диагнозом «радикулит».

10 сентября кремлевская пресс-служба распространила срочную информацию:

«Группа врачей из Барселоны, ранее оперировавшая Б. Н. Ельцина, прибыла в Москву и совместно с врачами медицинского центра при правительстве РФ приняла участие в обследовании состояния здоровья президента России. Результаты обследования подтвердили диагноз радикулита и не имеют прямой связи с ранее перенесенной операцией. Других отклонений в состоянии здоровья Б. Н. Ельцина не выявлено. Президент продолжает работать».

Вообще, если хорошенько вдуматься в смысл – звучит это как полнейшее безумие. Какой смысл выписывать из-за границы врачей лишь для того, чтобы осмотрели они высокого пациента?

Понятно, если б речь шла о самых лучших в мире специалистах; но ведь госпиталь в Барселоне, где в 1989 году Ельцину делали операцию позвоночника, был самым обычным, городским: он сам подчеркивал это тысячу раз – там, мол, и миллионеры лежат, и простые испанские граждане.

Причина этой несуразности может быть только в одном: испанских хирургов позвали для того, чтобы обсудить последствия сделанной ими операции.

Неровен час – боли в монаршей спине спровоцированы той, испанской аварией.

Журналистам об этом не сообщалось. Чтобы не вызывать излишнего ажиотажа, в ход была пущена история с мнимым радикулитом, не имеющим «прямой связи с ранее перенесенной операцией»…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Радикулит – наиболее частое заболевание периферической нервной системы человека, возникающее вследствие поражения корешков спинномозговых нервов. Причины радикулита: травмы, обменные нарушения; при множественных поражениях корешков (полирадикулит), кроме того, – интоксикации.

Очень скоро кремлевской пресс-службе придется регулярно распространять подобные успокоительные заявления. Постоянные нагрузки и неумеренность в питии делали свое дело. Ельцину становилось все хуже и хуже.

В феврале 1994 года президент отменил заранее назначенное оглашение послания Федеральному Собранию. Поскольку даже ребенку было ясно, что послания сам он не пишет, причиной переноса могло быть только его *некондиционное* состояние.

Однако ельцинский пресс-секретарь Костиков на голубом глазу увещевал журналистов: «Капитал здоровья Б. Н. Ельцина вполне позволяет ему надежно и уверенно осуществлять руководство страной». По официально озвученной версии, президента вновь свалила простуда.

В декабре 1994 года – новая госпитализация. На этот раз ему делали операцию на носовой перегородке.[30]

Уже с начала 1994 года Ельцин практически не занимается текущими делами. Теперь он уезжает с работы сразу после обеда, ломая все графики и отказываясь от встреч. Все хозяйственно-экономические вопросы полностью перепоручены отныне премьер-министру Черномырдину.

«Приходя к нему в кабинет, я нередко заставал его за пустым столом в глубокой и грустной задумчивости», – вспоминает пресс-

секретарь Костиков.

Если раньше за здоровьем президента следили всего-навсего двое врачей, причем основной из них – Анатолий Григорьев – по специальности был терапевтом, то теперь в медцентре вынуждены были сколотить целую бригаду из восьми человек: для постоянного контроля и наблюдения. Был создан и научный консилиум, куда вошли крупнейшие медицинские светила: академик Воробьев, профессора Мартынов, Гогин, Шмырев.

Ведущим лечащим врачом стал зам.главврача ЦКБ Владлен Вторушин. Он находился с президентом постоянно, каждый день. Кроме того, остальные врачи и медсестры должны были работать посменно – сутки через трое.

К приходу Вторушина состояние Ельцина было уже изрядно подорвано. Его мучили непрекращающиеся головные и сердечные боли, перепады давления. Президент плотно сидел на лекарствах. Ежедневно он пил горстями таблетки: клофелин и коренфар.

Все увещевания врачей, однако, на президента не действовали. Он не желал ломать привычный образ жизни, продолжая, как ни в чем ни бывало, выпивать чуть ли не каждый день.

Доходило до того, что Коржаков прятал от него в Кремле спиртное, а потом раздобыл даже специальное приспособление для закручивания водочных пробок и нещадно разбавлял напитки, подаваемые к столу. (Это называлось «Операция “Закат”».) Ельцина такой «Закат» очень удивлял. Он искренне возмущался тем, что современная водка пьется, оказывается гораздо легче, чем стародавняя, советская.

«Разучились, что ли, делать?» – сокрушался Борис Николаевич…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

«Король ужасов», знаменитый режиссер Альфред Хичкок, узнав о смертельном диагнозе свей жены, практически потерял над собой контроль и начал постепенно спиваться. Его не останавливала даже болезнь сердца и наличие вшитого ранее кардиостимулятора. Напившись, Хичкок расстегивал рубашку и демонстрировал всем четырехугольный предмет, вмонтированный в грудную клетку.

Жизнь окружавших его людей со временем превратилась в настоящий хичкоковский кошмар. Они все время боялись, что он ум-рет от сердечного приступа, прятали от него все спиртное, а иногда просто разбавляли алкоголь водой.

В массовом сознании словосочетание «Ельцин и алкоголь» стали такой же идиомой, как, к примеру «Ленин и печник».

Если Сталина мы представляем исключительно с трубкой, а Горбачева с Раисой Максимовной под ручку, то Ельцина – непременно с рюмкой.

Кажется, он и сам в какой-то момент это понял, потому и перестал гневно отметать упреки в дружбе с зеленым змием.

В румяной агитационной брошюре, отпечатанной миллионными тиражами к президентским выборам (она называлась «57 вопросов избирателей Президенту»), я обнаружил дивный пассаж.

«Правда ли, что вы злоупотребляете алкоголем?» – задается как будто Борису Николаевичу вопрос.

Ответ:

«Скажу “да” – это будет неправдой. Скажу просто “нет” – тоже покажется неубедительным, у нас ведь пока сами не проверят, все сомневаться будут да еще скажут: “Какой же ты русский мужик, если выпить не можешь?” Так что скажу одно: выпить могу, но не злоупотребляю”».

Этот гениальный по своей изворотливости тезис напоминает мне формулировку, изобретенную много лет назад многоопытными кадровиками КГБ. Брать на службу в органы людей непьющих – считалось зазорным (либо больной, либо придуривается). Пьющих – подавно. Тогда и родилось блестящее определение: выпить может много, но с отвращением и не пьянеет…

Говорили старому Билли Бонсу: «Ром – это смерть!» Билли не слушал мудрого доктора, поэтому и хватил его удар.

Борис Николаевич чем-то неуловимо походил на знаменитого пирата. У него тоже были проблемы и с сердцем, и с ромом…

Если бы не постоянное присутствие врачей, Ельцина давно бы не было уже в живых. Факт этот – никаких сомнений не вызывает. Именно своим придворным экскулапам Борис Николаевич обязан жизнью, о чем, правда, никогда он теперь не вспоминает.

Летом 1995 года у Ельцина случился первый инфаркт. Точнее, первый *президентский* инфаркт, ибо, как рассказывает его земляк, экс-премьер Николай Рыжков, еще в Свердловске эта беда поражала Ельцина дважды.

Об этом страна, правда, так и не узнала. Как не суждено ей было узнать и о том, что случилось летом 1995 года.

В тот день, 10 июля, Ельцин пригласил на обед в Кремль двух ближайших соратников – Коржакова и Барсукова, – чтобы объявить последнему о принятом решении: назначить его директором ФСБ. (Замечу в скобках, что Барсуков назначению

этому долго и упорно противился.)

Застолье, как водится, сопровождалось усиленной выпивкой. По самым скромным прикидкам, президент в одиночку осушил литровую бутылку сорокаградусного ликера «Куантро», каковой попробовал тогда впервые, придя от напитка в восторг.

Результат не замедлил сказаться. Той же ночью, примерно в 3 часа, дежурный врач Андрей Котов подошел к президентской спальне в Барвихе, дабы проверить, все ли у *пациента* в порядке. Однако в постели Ельцина не оказалось.

Недолгие поиски привели врача к туалетной комнате. Взломав закрытую изнутри дверь, он обнаружил президента лежащим без чувств на кафельном полу. Кое-как Ельцина откачали: Котов вкачал ему «гепарин». (Антикоагулянт прямого действия. Применяется для предотвращения образования тромбов в коронарных артериях.). Померили давление: 90 на 60. Немолодой организм не смог справиться с таким объемом сахара и алкоголя.

Рано утром 11 июля с диагнозом «инфаркт» Ельцин был срочно эвакуирован в ЦКБ.

> МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ
>
> Инфаркт миокарда – заболевание сердца, обусловленное острой недостаточностью его кровоснабжения, с возникновением очага некроза в сердечной мышце; важнейшая клиническая форма ишемической болезни сердца.

Как и прежде, официально об этом нигде не сообщалось. Прессе было стыдливо заявлено, что у президента обострилась ишемическая болезнь сердца. (Позже это откровенное вранье попытается оправдать один из личных его врачей, который разъяснит, что «инфаркт – это проявление ишемической болезни сердца…»)

Если раньше *официальные источники* вообще не спешили комментировать ельцинские недуги, то теперь действовали они прямо обратно: на опережение. Первая информация о госпитализации президента была обнародована еще до появления тревожных слухов. Всеми силами кремлевские пиарщики пытались убедить журналистов, что ничего страшного с Ельциным не случилось, а состояние его – вполне стабильное.

Для наглядности пресс-служба решилась даже на очевидный подлог. В газеты были разосланы фотоснимки, изображающие довольно бодрого и веселого Ельцина в «адидасовской» форме, сделанные якобы в больничной палате. Идея этой фальсификации принадлежала бессменному спецпропагандисту, гендиректору

ИТАР-ТАСС Виталию Игнатенко, который еще в мохнатые советские годы был удостоен Ленинской премии за героическую сагу о Брежневе, а потом еще успел поработать пресс-секретарем Горбачева.

Но тут, как любил говаривать Глеб Жеглов, случилась промашка страшная. Дотошные журналисты с удивлением обнаружили, что июльские фото как две капли воды совпадают со снимками, отснятыми еще весной президентским фотографом Соколовым в Кисловодске. Разразился неприятный скандал. Кремлевская пресс-служба от объяснений благоразумно отказалась…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Ишемическая болезнь сердца – хронический патологический процесс, обусловленный недостаточностью кровоснабжения миокарда. В подавляющем большинстве (97–98%) случаев является следствием атеросклероза коронарных артерий сердца.

По науке, постинфарктный период должен составлять не менее пяти недель, а то и несколько месяцев. Но Ельцин пролежал в ЦКБ каких-то десять дней. Все доводы медиков, что лечение не завершено, на него не действовали. Едва только он начал приходить в себя, как тут же потребовал выписки.

«Я отлеживаться не намерен, – сурово объявил Ельцин врачам. – Мне надо работать».

В августе Борис Николаевич вышел на службу. Похоже, он вообще не верил, что перенес инфаркт, считая, что окружение специально сгущает краски.

(Максимум, в чем удалось его убедить – восстановить в спальне кнопку экстренного вызова врача: когда-то ее ставила еще Раиса Максимовна, но, въехав в резиденцию, президент распорядился тревожную кнопку убрать. «Вот еще, – бросил он подчиненным, – что я, больной, что ли!»)

В верности поставленного диагноза Ельцину пришлось убедиться уже очень скоро.

Октябрь 1995 года президент провел в Сочи. Вопреки рекомендациям врачей – «покой и только покой», – он по-прежнему жил в свое удовольствие. Играл в теннис, выпивал, расслаблялся.

Неудивительно, что к концу месяца состояние его резко ухудшилось. Начались периодические боли в сердце.

Когда Ельцин вернулся в Москву, незамедлительно был собран медицинский консилиум. 26 октября с новым инфарктом Ельцина снова отправили в ЦКБ.

Июльская ситуация повторялась до мелочей. Прессу опять принялись потчевать байками про мифическую ишемию сердца.

Вот, что писала, например, 28 октября (то есть через день после госпитализации) газета «Сегодня»:

«По сообщению президентской пресс-службы, вчера в Центральной клинической больнице состоялся врачебный консилиум, установивший, что у Бориса Ельцина “сохраняется нестабильное кровоснабжение сердечной мышцы, однако признаков сердечной недостаточности в настоящее время нет”. Артериальное давление и температура президента вчера были нормальными. Тем не менее медики прогнозируют, что до конца ноября президент “скорее всего, должен будет оставаться под их пристальным наблюдением”».

Кремлевские сановники наперебой упражнялись в изворотливости и красноречии.

«Самочувствие президента не вызывает никаких опасений… для выздоровления президента потребуется всего неделя», – клялся на всю страну премьер Черномырдин.

«Борис Ельцин полностью контролирует ситуацию в стране, получает полную оперативную информацию», – бил себя в грудь пресс-секретарь президента Медведев.

Оригинальнее всех оказался министр спорта Тарпищев. В те дни он рассказывал журналистам, что преспокойно продолжает *рубиться* в теннис с генералом Коржаковым. «Разве смог бы Александр Васильевич позволить себе играть в теннис, если бы была хоть малейшая угроза жизни президента!» – восклицал заботливый министр.

А в это время «неопасно болеющий» Ельцин лежал на больничной койке, опутанный проводами и датчиками…

Вскоре, однако, его перевели из ЦКБ в санаторий. На этом все лечение, по сути, и завершилось.Уже через пару недель Ельцин вышел на волю.

«Эх, если бы я своим сердцем занялся не в год выборов, а немного раньше!» – деланно сокрушается он в своих мемуарах. Нечто подобное заявляли потом и Наина Иосифовна с Татьяной Борисовной. Они якобы не знали, что Борису Николаевичу плохо и требуется операция; никто им об этом не говорил.

Все это – ложь. Кремлевские врачи много раз предупреждали семью об опасности, но они и слушать их не желали.

Еще в ноябре придворные медики впервые заговорили о необходимости сделать президенту коронарографию – сердечное исследование. Они всерьез опасались, что коронарные артерии у 64-летнего *пациента* сужены, и без операции дело может не обойтись.

Однако и президент, и его семья от коронарографии отказались наотрез. На носу был уже 1996-й, выборный год, и семья очень боялась, что как только «гарант демократии» окажется в кардиоцентре, информация об этом моментально просочится в прессу.

«Вот пройдут выборы и тогда делайте, что хотите; хоть режьте, – сказал Ельцин. – А пока отстаньте!»

(За дословность цитаты не ручаюсь, но смысл ее воспроизвожу предельно точно.)

И врачи – действительно, отстали. Но ненадолго. Потому что следующие инфаркты настигли Ельцина всего через несколько месяцев. К лету следующего года их – инфарктов – наберется уже пяток…

примечания Александра Коржакова

1 Я был в этой поездке в Кемерово. Ельцин тогда, действительно, раздевался догола, чтоб искупаться, но женщин вокруг не было. И никаким «прибором», а уж тем более «могучим» он не тряс.

2 И эта история – тоже из разряда баек. Как было дело? В Дагомысе, на волнорезе, хозяева накрыли столы. Не скажу, чтоб сильно Ельцин был пьян – так, навеселе. Мимо шла какая-то женщина, и он стал с ней заигрывать.

«Вы купаться идете?». – «Купаться». – «Ну, давайте, я вам помогу». И легонько подтолкнул ее в воду. А чтобы швырять ее, как Стенька Разин княжну – не было такого.

3 Впервые слышу, чтоб Наина выговаривала что-то моей жене. С тем же успехом она могла отчитывать и сухановскую жену: Лева пил с президентом не меньше моего.

4 У Ельцина, сколько б он не выпил, язык никогда не заплетался. Он просто начинал говорить громче и принимался нести всякую ерунду.

5 На эту операцию – по исправлению носовой перегородки – мы легли одновременно. Как только Ельцин стал отходить от наркоза, он улучил момент, когда Наина отвлеклась, явился ко мне в палату, и мы на радостях распили бутылку водки.

Глава девятая
ГОЛОСУЙ ИЛИ…

В мае 1896 года, когда на престол входил новый помазанник божий Великий князь Николай Александрович, по Москве разнесся слух о чудесных подарках, которыми государь станет будто одаривать православный народ. На Ходынское поле, где воздвигнут был царский павильон, с самой ночи потянулись*подданные* . Историки колеблются в точных оценках, но единодушно признают, что народу собралось невиданно – где-то под миллион.

Стояли долго. От тесноты и духоты в толпе начались обмороки. По рядам пошла паника. Возникшая давка была сопоставима с явлением апокалипсиса. В общей сложности затоптано и раздавлено оказалось 1389 человек.

Николай Александрович, узнав об этом, пришел в страшное расстройство. Но заранее намеченных торжеств отменять все равно не стал, и пока москвичи растаскивали по дворам обезображенные трупы, молодой государь премило забавлялся и вальсировал на роскошном балу…

Прошло без малого сто лет. 30 декабря 1994 года в Кремле тоже гремел бал: теперь уже новогодний. Специально для президента устроители придумали праздничную забаву: притащили весы и начали взвешивать гостей. Тому, кто окажется самым тяжелым, полагался приз – жареный поросенок.

Ельцин, как и ожидалось, потянул больше всех: 105 килограммов. Под раздавшиеся аплодисменты ему уже вынесли было *тушку* , но тут, словно чертик из табакерки, выпрыгнул откуда-то адвокат Макаров и побил президентский рекорд. С результатом в 122 кило Макаров увел из-под носа Ельцина приз. Он не сразу даже сообразил, какую грубую политическую оплошность совершил: всегда и во всем президент должен быть первым. Но было уже поздно…[31]

А в те самые часы, пока Ельцин и его окружение радостно отплясывали на веселом балу, в каких-то полутора тысячах километров от Кремля шли жестокие бои. Брошенная бездарными генералами на убой армия безуспешно пыталась овладеть чеченской столицей. В ночь на 31 декабря в Грозном погибло более полутора тысяч солдат и офицеров: его, Ельцина, *подданных* …[32]

А ведь никакой чеченской проблемы могло и не быть. Демократы придумали ее сами, в пылу затяжной борьбы с

Горбачевым. Когда в сентябре 1991 года дудаевские гвардейцы разгромили законно избранный чечено-ингушский Верховный Совет, повыкидывав депутатов из окон (20 человек оказались в больнице, один – разбился насмерть), Хасбулатов – тогда еще лебший ельцинский соратник – отбил бандитам восторженную телеграмму: «*С удовольствием* узнал об отставке Председателя ВС республики».

Советский генерал Дудаев – это абсолютное порождение Кремля. Его (Дудаева) специально привезли в Грозный, чтобы генеральскими руками скинуть с престола тогдашнего правителя Чечни Доку Завгаева; позволили разогнать парламент, захватить основные жизненно важные объекты, сколотить ополчение.

Даже когда дудаевцы ворвались в местный КГБ, ранив дежурного и похитив весь арсенал и секретные архивы, никто и слова поперек не сказал: напротив, спешно приехавший в Грозный зампред российского, сиречь ельцинского КГБ Пятаков объяснил ошарашенным контрразведчикам, что противиться воле народа – преступно, сдавайте оружие и ищите новое место работы.

«Узнав о захвате здания, – рассказывал впоследствии председатель КГБ РСФСР Иваненко, – в течение дня я безуспешно пытался связаться с президентом России, который в это время находился на отдыхе в городе Сочи… Можно было как бы поднять группу быстрого реагирования, выехать с ней…»

И наконец самое главное:

«Однозначной оценки, что это антироссийский режим, с которым надо бороться вооруженным путем, не было. Вообще, никаких установок не было спецслужбам».

Ельцин и его свита попросту проспали Чечню. Сначала они – занимались этим Хасбулатов с Бурбулисом – собственными руками вылепили Дудаева. А потом, когда выпущенный из бутылки джинн затеял свою собственную игру, почему-то не решились обратно его в эту самую бутылку запихнуть.

В ноябре 1991 года опомнившийся Ельцин дерзнул было объявить в Чечне чрезвычайное положение, поручив всю координацию вице-президенту Руцкому. Но после этого – уехал *отдыхать* в Завидово, и Руцкой битых пять суток не мог до него дозвониться. Итог понятен: ЧП пришлось отменять…

Я лично до сих пор пребываю в убеждении, что дудаевский режим все годы умело подпитывался из Москвы. Его можно было свергнуть бессчетное множество раз. Но никто и палец о палец для этого не ударил.

Уже после того, как Дудаев объявил о выходе из состава России, прекратил платить налоги в общий бюджет, закрыл въезд

в республику для сотрудников российских спецслужб; даже после всего этого федеральный центр – совершенно официально – продолжал перечислять ему деньги. Регулярные транши шли и из Пенсионного фонда, и из Центробанка: в проекте федерального бюджета-1993 на Чечню, например, закладывалось десять с половиной миллиардов рублей, а на Калининградскую область – для сравнения – 140 миллионов.

Вплоть до самой войны, до конца 1994 года, в мятежную республику, как и прежде, поступала российская нефть: совершенно безвозмездно, никакой оплаты за поставки не шло, хотя Дудаев тут же и перепродавал наше «черное золото» за рубеж.

А оружие? Почти весь свой арсенал, из которого будет он потом убивать наших солдат и офицеров, Дудаев получил от России в подарок. Весной 1992 года директивой Грачева ему было оставлено 37 тысяч единиц стрелкового оружия, 27 вагонов боеприпасов, 42 танка, 34 БМП, не считая таких мелочей, как зенитные установки, ракеты и артсистемы. Этим арсеналом без труда можно было оснастить регулярную армию какого-нибудь среднеевропейского государства.

Российские ПВО регулярно давали «коридоры» для пролета чеченских самолетов с оружием и контрабандой на борту (за месяц «неопознанных» судов проходило до ста пятидесяти штук). Сам Дудаев преспокойно летал по всему миру, а когда однажды ооновские «голубые каски» задержали его в Боснии, он был освобожден по просьбе… российских властей.

Москва не только привела Дудаева к власти – это лишь полдела. Она еще и удерживала его на троне, пичкала нефтедолларами, дозволяла воровать миллиарды, оберегала от любой напасти и хворобы.

Ельцин просто не мог не знать всего этого. Как знал он и то, что Чечня превращается в самую опасную черную дыру на территории России, в которой бесследно исчезают украденные миллиарды, объявленные в розыск убийцы и бандиты, процветает геноцид и работорговля.

Много раз президенту докладывали об этом, испрашивали команд – перекрыть хотя бы нефтяную трубу – но Борис Николаевич только супил в ответ брови.

Если по телу распространяется гангрена, нужно немедленно ампутировать больную конечность. Лучше отрезать руку, чем потерять все тело. Но Ельцин на операцию почему-то упорно не шел…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

> Гангрена – омертвение, прекращение жизненных процессов в какой-либо ткани или части тела, наступившее или вследствие остановки местного кровообращения (закупорка приводящей артерии), или вследствие механических причин (сдавление, образование пролежней, сотрясение тканей), химических действий (кислот, едких щелочей, ядов, продуктов распада) и физических факторов (чрезмерное нагревание или охлаждение).

В принципе чеченской войны можно было избежать, даже не прибегая к *хирургическому* вмешательству. Если бы Ельцин встретился с Дудаевым, дело могло решиться миром.

Генерал Куликов, в те дни командующий внутренними войсками, а впоследствии шеф МВД, до сих пор убежден, что случись такой диалог, он мог «предотвратить либо саму войну, либо существенно повлиять на то, что сопротивление чеченцев, оказанное нам впоследствии, было бы не таким ожесточенным».

И ведь попытки такие были: я знаю минимум о восьми. Но всякий раз, едва доходило до дела, в последнюю минуту Ельцин встречи эти отменял.

И Ельцин, и Дудаев обладали одним и тем же комплексом, присущим большинству недалеких людей: они панически боялись продемонстрировать свою слабость и увидеть неуважение к собственной персоне.

«Нет! Если я его приму, подумают, что мы слабые!» – отвечал президент на уговоры, например, Коржакова.

В этом-то и кроется основная причина, почему языку дипломатии Кремль предпочел артиллерийские залпы: одноименно заряженные заряды не притягиваются, а отталкиваются.

Как это ни покажется парадоксальным, но у Ельцина было очень много общего с Дудаевым. И взрывным характером, и бэкграундом своим (для чеченца генеральские лампасы, может быть, еще почетнее, чем для русского – пост секретаря обкома) они удивительно напоминали друг друга.

К власти оба президента приходили по одному и тому же сценарию: объявив крестовый поход советско-партийной номенклатуре.

У Ельцина был август 1991 года, баррикады у Белого дома. У Дудаева – такие же в точности баррикады, только размером поменьше, а взамен трех дней ГКЧП – три дня просто ЧП, столь же бездарно проваленного Центром.

Ельцин умело спекулировал на угрозе коммунистического

реванша, группируя вкруг себя общество. Дудаев – на российской имперской угрозе.

А первые годы их правления? Объясните мне, в чем разница?

Одинаково вороватое окружение. Интриги недавних соратников. Провалы во внутренней и внешней политике.

Оба столкнулись с противостоянием депутатского корпуса, набранного из числа их же союзников, и почти синхронно разогнали парламенты танками.

Оба вынуждены были переписать конституцию под себя, ввести прямое президентское правление, более напоминающее монархию.

Мало кто знает, что Дудаев регулярно отправлял Ельцину преинтереснейшие послания, в которых желал старшему коллеге всяческих благ, и вообще демонстрировал несвойственное себе раболепие.

Политика Ельцина именовалась в них «историческими реформами», за которые тот «самоотверженно борется». Сам же Дудаев объявлял себя «сторонником социально-экономических преобразований, проводимых в России», и заверял в «полной поддержке со своей стороны» (это из его письма от 11 апреля 1993 года).

После того как Ельцин разогнал Верховный Совет, Дудаев послал ему *эпистолу* , составленную в лучших традициях обращений советской общественности, когда знатные сталевары, хлопкоробы и доярки «решительно осуждали» и «единодушно одобряли».

Вот лишь несколько цитат:

«Правительство Чеченской Республики одобряет Ваши действия по подавлению коммунистическо-фашистского мятежа в Москве, имевшего своей целью захватить власть в России и потопить в крови демократию…

Желаем Вам и Вашим сторонникам решительности и стойкости в закреплении достигнутого успеха, последовательности в осуществлении курса демократических реформ…

В этот суровый час, когда решается судьба России, мы еще раз хотим заверить Вас, что мы готовы помочь в любой момент всеми средствами, которыми располагаем». (7 октября 1993 года.)

Довольно странные для злейших врагов отношения.

А может, не для врагов? Ведь не в пример политологам и журналистам, сами-то Ельцин с Дудаевым прекрасно чувствовали схожесть между собой. А любая схожесть, как известно, влечет взаимосимпатию. Да и нет больших врагов, нежели бывшие друзья…

Ельцину очень хотелось маленькой победоносной войны: именно так изволил выразиться его верный наперсник секретарь Совбеза Лобов. (Навряд ли высоколобый Лобов знал, что дословно цитирует он царского министра внутренних дел, который в 1904 году объясняя, почему Россия вступила в *кампанию* с Японией, тоже говорил о маленькой победоносной войне.)

Со всех сторон президента убеждали, что кампания – непремен-но будет короткой и молниеносной: вражьей кровью, могучим ударом…

Министр Грачев – тот, что навсегда останется в истории со своей фразой про парашютно-десантный полк – клятвенно обещал занять Грозный уже к 13 декабря, а еще через неделю – полностью овладеть всей мятежной республикой. Другой, титулованный *ястреб* , министр по делам национальностей Егоров уверял, что чеченцы будут даже посыпать дорогу нашим солдатам мукой, ибо 70% населения горячо поддерживают дорогого Бориса Николаевича.

Историческое заседание Совбеза 29 ноября, на котором окончательно было принято решение о начале войны, проходило именно в таком шапкозакидательском ключе.

«Обсуждение было безалаберным, – напишет потом в своих мемуарах Евгений Примаков. – В основном дискутировались две темы: сколько дней нужно на подготовку – семь, десять или две недели – и кому поручить операцию – Грачеву или Ерину».

Лишь два члена Совбеза – собственно Примаков и министр юстиции Калмыков – высказались против войны. Но их голоса утонули в гомоне победных реляций.

К началу кампании Генштаб не успел даже разработать мало-мальски сносного плана. У военных отсутствовали карты местности, не было никаких данных о дудаевских укреплениях и линиях обороны. Силы противника разведка представляла весьма приблизительно, занижая их как минимум впятеро.

Не мудрено, что война начала проваливаться, еще не успев начаться. Ни к 13, ни к 20, ни к 25 декабря федеральные силы – ладно что не сумели овладеть Грозным, даже не приблизились к нему на расстояние выстрела.

Штурм города, организованный бездарными генералами в предновогоднюю ночь, закончился невиданной кровью: более полутора тысяч солдат и офицеров погибли. (Генералы очень хотели преподнести Грачеву подарок ко дню рождению: 1 января ему исполнялось 47 лет.)

Грозный окончательно будет освобожден только 6 марта: ценой неимоверных человеческих жертв.

Все, что происходило потом, можно назвать одним коротким словом: позор.

Истинная, настоящая война велась отнюдь не в Чечне, а в московских кабинетах. Что толку оттого, что героически сражавшаяся армия брала город за городом, село за селом: их победы оказывались никому и даром не нужны.

В мае 1995 года федеральные силы зажали в горах крупную группировку противника. В тот момент, когда требовалось нанести последний, решающий авиаудар, из Кремля поступил вдруг приказ: отставить.

Тогдашний главком внутренних войск генерал Куликов сохранил эту предательскую телеграмму до сих пор. Она очень короткая:

«Грачеву, Куликову. С 00 часов 1 июня прекратить применение авиации. Причину не объяснять. Ельцин».

Но причина была понятна и без того. Накануне *слухачи* МВД запеленговали Масхадова, который требовал от своих полевых командиров любой ценой продержаться до полуночи, а потом он «устроит концерт» федералам. «Переговоры на этот счет я веду», – кричал в трубку Масхадов.

Кто из окружения Ельцина вел эти переговоры с боевиками – так и осталось тайной. С чеченской стороны занимался ими дудаевский помощник Хамат Курбанов.

В высшем политическом руководстве России рядом с Ельциным находились предатели: это не паранойя, не бред, это правда. Во многом именно стараниями этих людей война искусственно затягивалась.

Начальник ГРУ Федор Ладыгин рассказывал мне, что военная разведка регулярно получала перехваты, когда полевые командиры звонили напрямую в Москву: в Белый дом, на Старую площадь.

О чем еще можно говорить?

Вместо маленькой победоносной войны Ельцин получил череду непрекращающегося позора. Страна с ужасом обнаружила, что хваленая российская армия не может победить горстку полудиких туземцев.

Чечня стала ельцинской Цусимой.

Будденовск, Первомайское – эти мало кому известные прежде географические названия превратились в символы национального срама.

Даже заблокировав со всех сторон боевиков Радуева в Первомайском (Ельцин, помнится, уверял тогда всю страну, что за каждым шагом их следят 38 мифических снайперов: почти 33 богатыря), спецслужбы не сумели разгромить банду. Она

прорвала окружение и ушла в Чечню, а шеф ФСБ Барсуков лишь стыдливо разводил потом руками: кто же мог представить, что чеченцы – собаки этакие – умеют бегать босиком по снегу.

После Первомайского – ни о каких выборах президенту и мечтать было нечего. Его рейтинг катастрофически падал. В начале 1996 года он дошел уже до трех процентов («рейтинг практически отрицательный» – самокритично признает в мемуарах Ельцин) и вот-вот должен был приблизиться к нулевой отметке. Прошедшие накануне парламентские выборы закончились полной победой коммунистов и жириновцев.

Государственники не могли простить Ельцину чеченской слабости. Либералы – напротив – имперской твердости.

В таких условиях Борису Николаевичу следовало думать уже о вечном и начинать упаковывать чемоданы…

Мало, кто знает, что после Буденновска Ельцин пытался подать в отставку. Произошло это на закрытом заседании Совбеза, 30 июня 1995 года.[33]

Уволив краснодарского губернатора Кузнецова и министра внутренних дел Ерина, президент отодвинул в сторону заранее написанный текст и пустился в пространные объяснения. Он заводил сам себя, накручивал, сгущал краски, и в итоге, дойдя до высшей эмоциональной точки, неожиданно объявил: «Я принял решение подать в отставку с поста президента».

В зале воцарилась мертвая тишина. Все оторопели. Первым пришел в себя Черномырдин:

«Борис Николаевич, мы очень просим вас… не надо горячиться… виноваты все… подумайте о России»

И все разом кинулись уговаривать, успокаивать президента, наперебой объясняя, что страна без него пропадет. Продолжалось это довольно долго, доставляя президенту неимоверное удовольствие.

«Ладно, – махнул он в итоге рукой, – убедили. Люди ж действительно не поймут. Как-нибудь дотяну этот последний год, и тогда уж все – и не уговаривайте»[34].

Очень скоро о своем самобичевании Ельцин напрочь забыл. (Кассету с записью заседания предусмотрительный Илюшин успел изъять у президентского телеоператора Кузнецова.)

И сказанные в тот день слова – «дотяну последний год, и больше не уговаривайте» – Борис Николаевич тоже никогда больше не поминал.

Напротив: чем меньше времени оставалось до конца его полномочий, тем сильнее укреплялся он в мысли, что надо идти на второй срок.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Первый срок американского президента Ричарда Никсона не был отмечен какими-то особыми достижениями. Более того, начальный период пребывания у власти республиканской администрации совпал с экономическим кризисом (1969–1971 гг.). Огромным бременем продолжали оставаться военные расходы, которые в 1969 году составили 81 млрд. долл. (в т. ч. 29 млрд. долл. на войну во Вьетнаме). Быстро росла инфляция. В 1971 году число безработных превысило 5 млн человек.

В борьбе с забастовочным движением правительство Никсона, как и его предшественники, применяло антирабочее законодательство, включая закон Тафта – Хартли. В условиях резко ухудшившегося экономического положения, в частности роста инфляции, правительство Никсона пошло на введение государственного контроля над ценами и зарплатой. Однако реальная зарплата в результате инфляции и повышения местных и косвенных налогов продолжала снижаться. По уровню развития социальных институтов США продолжали отставать от многих развитых стран капитализма (в стране сохранилась дорогостоящая система здравоохранения и высшего образования, высокая квартирная плата, составляющая до 1/3 заработка, отсутствовали многие формы государственного социального обеспечения). Несмотря ни на что, в 1972 году Никсон был переизбран на второй срок.

В мае 1992 года, отвечая на вопросы журналистов, относительно еще бодрый Ельцин говорил: «На следующих выборах, когда кончится мой срок, я не буду баллотироваться. Знаете, есть предел и физических, и других возможностей человека».

Ан нет. Нет, оказывается, такого предела, ибо сравнивать, каким был он в 1992 году и каким стал в 1996 году – как-то даже неприлично.

До последнего дня Ельцин не торопится озвучивать свои планы. Наступил уже выборный, 1996 год, а от президента не было ни ответа, ни привета.

«Мне немного надо подождать, чтобы набраться сил как следует, – объяснял он 23 января членам Совета Федерации. – Сейчас врачи пока даже в теннис не разрешают играть».

Логика – довольно странная. Если у тебя нет сил на то, чтобы сделать всего-то одно заявление, то откуда же взяться им на предвыборную кампанию?

К тому времени, когда решился он объявить, что намерен переизбираться, это был уже тяжелобольной, измученный старик, только что перенесший два инфаркта. Всякие нагрузки были ему категорически противопоказаны. Изношенное сердце могло остановиться в любую минуту.

Даже в момент оглашения этого исторического решения Ельцин не смог дочитать до конца свою речь: он потерял голос, ибо на сей раз мучился фарингитом.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Фарингит – острое или хроническое воспаление слизистой оболочки глотки. У человека основную роль в возникновении острого фарингита играют микробы (стрепто-, стафило-, пневмококки) и вирусы (гриппа, аденовирусы). Нередко воспалительный процесс распространяется на глотку из полости носа и его придаточных пазух при остром насморке и синусите. Причины фарингита – повторные острые заболевания глотки, хронические заболевания носа и его придаточных пазух, миндалин, длительное раздражение слизистой оболочки глотки при курении, злоупотреблении спиртными напитками, воздействии пыли, вредных газов и переохлаждении.

Существует версия, будто семья всячески отговаривала Ельцина от выборов.

В «Президентском марафоне» он уверяет:

«Наина очень не хотела моего выдвижения. Да и меня самого постоянные стрессы совершенно измотали, выжали все соки».

На самом деле это – очередной блеф. Именно семья – жена и младшая дочь Татьяна – повлияли на окончательное его решение. В противном случае им не было никакого смысла отговаривать Ельцина от коронарографии. Но семья очень боялась возможных утечек.

Потеря власти страшила их больше, нежели потеря близкого человека. Недаром во вступлении к этой книге лечащий врач президента Владлен Вторушин открыто пишет:

«Порой, особенно накануне выборов 1996 года, мне начинало казаться, что близким Ельцина – Наине Иосифовне, Татьяне Борисовне – нужнее не муж и отец, а президентская должность».

А ведь в начале 1996 года Ельцина разбил очередной, третий за последние месяцы инфаркт.

Это случилось в любимом его Завидове. Приступ настиг президента, когда находился он на втором этаже своей резиденции. Никого из врачей и близких в тот момент рядом не было.

Его спасла лишь волшебная радиокнопка, с которой Ельцин не расставался теперь никогда: российские умельцы соорудили ее сразу после Шеннона; помимо сигнала тревоги кнопка излучала еще и радиоволны, по которым владельца могли найти с точностью до сантиметра.

По тревоге охрана и доктора пулей примчались наверх. Президент был настолько плох, что не мог даже самостоятельно спуститься по лестнице. Как на грех, носилок в Завидове не оказалось. Коржакову пришлось отломать от какого-то дивана спинку. Вшестером, еле-еле, недвижимого президента эвакуировали вниз и прямо на вертолете спешно отправили в ЦКБ.

В таком состоянии идти ему на выборы – было сравни самоубийству.

Но он все равно пошел. И это уже – вопрос не к нему, а к его близким.

Если Ельцин рисковал своей собственной жизнью, то жена и дочка – точно чужой…

О желании баллотироваться на второй срок Ельцин впервые публично объявил 15 февраля на сцене Дворца молодежи родного своего Екатеринбурга. Говорил он (пока не осип) очень эмоционально, особо упирая на то, как дорог ему именно этот зал и именно этот город. Хотя – сомнений нет – это был заранее просчитанный предвыборный прием: Ельцин всегда любил эффектные, красочные ходы, и чем искреннее выглядели они, тем тщательнее, значит, продумывались изначально.

Вот и эта, *осипшая* его февральская речь внешне выглядела очень непритязательно-трогательной. Скромно потупившись, Ельцин заверял земляков, что, несмотря на настойчивые призывы уйти, он не может поступить безответственно и оставить свой пост именно в тот момент, когда мы практически оказались уже на пороге цивилизованной жизни. Кроме того, сейчас как никогда России грозит опасность коммунистического реванша; вся страна может погибнуть «под красным колесом прошлого». Другого выхода, кроме как начатое дело довести до конца, он, понятное дело, не видит.

Борис Николаевич вновь пытается примерить на себя разночинскую тужурку демократа: он выходит прямо в народ, направо и налево раздает обещания. Под прицелом телекамер Ельцин, как и в старые добрые времена, подписывает бумаги о

выделении средств на *богоугодные* дела: пять миллиардов – госпиталю ветеранов войны, десять – кондитерской фабрике, три – на роддом. «Помогу во всех проблемах, если изберете», – клятвенно заверяет Ельцин, хотя екатеринбуржцы избирали его, кажется, уже дважды: сначала в народные депутаты, потом – в президенты. И что толку?

Всеми своими речами и жестами президент пытается продемонстрировать несокрушимую волю и железную непоколебимость. «Мы победим, чтобы не допустить возврата к временам, когда Россию считали “империей зла”», «У меня есть силы и воля к победе!», «Лучше я умру, чем проиграю!»

Он подписывает массу популистских указов: «О повышении стипендии студентам…», «О предоставлении бесплатных участков земли», «Об обеспечении прав вкладчиков и акционеров», «О государственной поддержке граждан в строительстве и приобретении жилья». Каждый из этих документов – не более чем красивый предвыборный жест: за исключением, быть может, повышения студенческих стипендий. Ни один из них выполнен никогда не будет, но этого и не требуется: главное показать, как президент заботится о чаяниях народа.

Перед вторым туром стране и вовсе было обещано, что всем обманутым вкладчикам вернут деньги. Президентский помощник Александр Лившиц обещал от имени своего патрона, что указ такой появится в течение трех дней: сразу после победы. Вкладчики не дождались этого указа до сих пор…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

рамках психопатий у больного могут появляться суждения, которые возникают в результате реальных обстоятельств, сопровождаются чрезмерным эмоциональным напряжением и преобладают в сознании над всеми остальными суждениями. Сверхценные идеи развиваются как патологическое преобразование реальных событий и занимают в сознании доминирующее положение, рассматриваются больными как вполне обоснованные, что и побуждает их активно бороться за реализацию этих идей.

Но для того чтобы выиграть выборы, недостаточно лишь одних театральных жестов и прошлой, увядшей, точно гербарий, славы. Все основные соперники Ельцина – Зюганов, Явлинский, Лебедь, даже Жириновский – серьезно обходят его по уровню популярности.

Бытует мнение, что победу Ельцина определило два слагаемых успеха: вмешательство олигархов и ударная команда

избирательного штаба.

Если даже согласиться с этим тезисом, то сводится он так или иначе к одному: все решили деньги.

Олигархи – деньги давали. Штаб – деньги тратил.

Надо сказать, что к концу первого срока у Ельцина так и не установилось каких-то особых отношений с новоявленными российскими капиталистами. Вряд ли даже добрую половину из них знал он лично. Состояния в то время делались чуть ли не из воздуха. В мгновение ока люди становились миллионерами и столь же быстро превращались в банкротов.

Но целый ряд *господ* – потом с легкой руки Немцова их назовут олигархами – обосновались на финансовом олимпе уже довольно прочно. Гусинский, Березовский, Ходорковский, Смоленский, Потанин, Фридман, Виноградов, Бойко – большинство этих людей, *заработав* уже гигантские состояния, исполнены были самых амбициозных планов. Они имели деньги и влияние, но не имели власти. То есть могущество их оставалось довольно призрачным: один кивок из Кремля – и никакие миллионы тебе не помогут.

Владелец «Мост-банка» Владимир Гусинский испытал эти метаморфозы на собственной шкуре. Будучи по профессии театральным режиссером, Гусинский был крайне восприимчив к внешней форме и всевозможной атрибутике. Он дружил с руководителями страны. Устраивал званые вечера. Передвигался в сопровождении вереницы бронированных машин с мигалками.

Но стоило Ельцину раздраженно посмотреть в его сторону, как тут же прогремела на всю Москву лихая операция, получившая название «Мордой в снег»: сотрудники СБП заблокировали кортеж Гусинского, положили его телохранителей лицом на асфальт, а когда банкир бросился за подмогой к своему другу Савостьянову, начальнику столичной контрразведки, тот мгновенно оказался пенсионером. После этой *профилактики* Гусинский покинул Россию и вернулся, лишь получив гарантии личной безопасности.

Президентские выборы раскрывали перед олигархами бескрайние горизонты. Отныне миллионеры получали возможность не просто крутить с властью романы, а заключить с ней брачный контракт. Если сегодня они помогут Ельцину – деньгами, идеями, ресурсом, СМИ – то завтра Ельцин поможет им. Выборы – это то же поле чудес: зароешь золотой – выкопаешь пять…

Да и положа руку на сердце, не было у олигархов другого выхода: победа Зюганова означала для них полный крах. (Что, впрочем, не помешало потом тому же Ходорковскому вступить в

интересные отношения с КПРФ.)

Созданный поначалу Ельциным предвыборный штаб не отличался подвижностью и мобильностью. Это была громоздкая многоуровневая структура, во главе которой стояли не профессиональные политтехнологи, а назначенные по разнарядке чиновники. Интриги и противоречия раздирали штаб изнутри.

И тут появились семеро олигархов.

(Участие этих людей в управлении России получит впоследствии остроумное прозвище «семибанкирщина» по аналогии с «семибоярщиной».)[35]

В марте 1996 года их привел к Ельцину Анатолий Чубайс: незадолго до того уволенный из правительства.

Никогда прежде Борису Николаевичу не доводилось выслушивать в собственном кабинете столь нелицеприятных речей. Банкиры прямым текстом заявили Ельцину, что если не сменит он тактику кампании, не перетряхнет штаб, проигрыш ему обеспечен.

Что удивительно, Ельцин их послушал. В обновленном штабе Чубайс возглавил аналитическую группу, в ее состав вошел и вездесущий Березовский. Шеф НТВ Малашенко стал отвечать за работу со СМИ.

А еще – в штаб была введена Татьяна Дьяченко: младшая дочь президента. («Таня отлично вписалась в эту группу» – радостно восклицает Ельцин.)

Именно этой миловидной женщине суждено будет сыграть решающую роль в судьбе страны. На ближайшие четыре года Дьяченко (а точнее те, кто наловчился манипулировать ею) фактически заменит собой отца…

> ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ
>
> Семибоярщина – правительство в России, образовавшееся после свержения в июле 1610 года царя В. И. Шуйского. В состав Семибоярщины вошли члены Боярской думы, оказавшиеся к этому времени в Москве: князья Ф. И. Мстиславский, И. М. Воротынский, А. В. Трубецкой, А. В. Голицын, Б. М. Лыков, И. Н. Романов и Ф. И. Шереметев. Одним из первых решений этого правительства было постановление не избирать царем представителей русских родов. Семибоярщина передала фактическую власть польским интервентам; было ликвидировано Вторым ополчением под руководством К. Минина и Д. Пожарского в октябре 1612 года.

Если верить официальному отчету Центризбиркома, вся выборная кампания Ельцина обошлась в 14 миллиардов 428

миллионов рублей (около 2,5 миллиона долларов). Это была максимальная сумма расходов кандидата, определенная законом о выборах.

Что такое 2,5 миллиона «баксов»? Всего-навсего – пять коробок из-под «ксерокса». Этих денег не хватило бы даже на одну только наружную рекламу.

Для того чтобы остаться гарантом Конституции, Ельцин, и минуты не колеблясь, готов был перешагивать через любые законы.

Реальный бюджет его кампании в сотни раз превышал официально установленные пределы. Разные источники оценивают эту цифру по-разному: от 700 миллионов до 4 миллиардов долларов.

Вот когда пригодились добрые сердца олигархов, предложившие, по выражению президента, «весь их ресурс – информационный, региональный, финансовый». Крупнейшие российские банки без звука скидывались на выборы. По самым скромным подсчетам, они выделили Ельцину 500 миллионов долларов. (Впоследствии каждый из них получит за это щедрую компенсацию: возможность скупить по дешевке прибыльнейшие казенные предприятия.)

Участвовали в спонсорстве и многие другие структуры: «Газпром», РАО «ЕЭС». Только из Национального фонда спорта – загадочной, полукриминальной организации, ставшей с позволения Ельцина крупнейшим импортером алкоголя и табака – в штаб перешло 10 миллионов «зеленых». (Президент НФС заявлял об этом в открытую.)

Но основную часть средств давал Ельцину Запад. Почему-то именно к началу предвыборной гонки над Россией буквально пролился золотой дождь иностранных кредитов.

Полмиллиарда дали французы. Десять миллиардов – МВФ. Только за первое полугодие 1996 года наш внешний долг вырос на четыре миллиарда «зеленых», а внутренний – на шестнадцать.

Я доподлинно знаю, что переговоры с Западом вели тогда президентский управделами Бородин, министр внешней экономики Давыдов и генерал Коржаков.[36]

Самую оригинальную помощь Ельцину оказали американцы. Официально они не выделяли никаких кредитов: их вклад в дело демократии поступил к нам в виде… дипломатического груза.

Вообще, история эта мутная, но крайне занимательная, посему остановлюсь на ней поподробнее.

В марте 1996 года в Москву дипбагажом прибыла партия туго набитых мешков. Внутри их находились банковские упаковки общей суммой в полмиллиарда долларов. Из аэропорта

«Шереметьево-2» груз был доставлен в здание американского посольства. Дальнейшие следы его теряются.

А теперь загадка на сообразительность: угадайте, как оформлены были эти полмиллиарда.

Ни за что не додумаетесь: согласно официальным бумагам, это был якобы специальный банковский резерв, присланный «на случай возникновения чрезвычайной ситуации, когда возникнет необходимость удовлетворить повышенный спрос на новые банкноты» (цитирую письмо посольства США в российский МИД).

В те дни проходил как раз ввод в обращение стодолларовых купюр нового образца. Вот американцы будто и забеспокоились: а вдруг россияне «бросятся в банки и обменные пункты, для того чтобы обменять свои старые стодолларовые банкноты на новые». Тогда и «было решено заранее приготовить достаточное количество новых банкнот, чтобы российские граждане не сталкивались с какими-либо проблемами на начальном этапе их ввода в обращение». (Это выдержки из официального ответа, полученного мной в американском посольстве.)

Никакого ажиотажа вокруг замены долларов, конечно же, не случилось. Да его и не должно было быть, ибо вводу свежих ассигнаций предшествовала мощная пропагандистская кампания, заботливо разъяснявшая, что старые доллары никто отменять не собирается: они будут иметь хождение наравне со свежими и лишь постепенно вытесняться из обращения.

Я долго пытался получить хоть мало-мальский внятный ответ и от посольства США, и от нашего Центробанка: что заставило американцев размещать полмиллиарда в своем посольстве, гораздо проще ведь было отправить их в денежное хранилище Центробанка? И почему Россия оказалась единственной страной на планете, где подобный резерв почему-то потребовалось держать именно в дипломатическом представительстве?

За 10 лет ответа я так и не дождался. Но, если честно, он понятен мне и без того.

Все дело в том, что полмиллиарда в посольстве долго не залежались. Официальные его представители под давлением улик признались, что купюры были проданы ряду российских банков. Деньги вывозились прямо из посольства, а расплата якобы шла уже по безналу, на территории США.

Всей операцией лично руководил американский посол Томас Пикеринг. При переговорах с российскими ведомствами он прямо ссылался на указания Вашингтона, говоря, что американская сторона придает исключительное значение гладкому ее проведению.

Имена банков-покупателей узнать я, правда, не сумел, но

почти уверен, что это были те же самые банки, которые спонсировали ельцинские выборы. А расплатились они с американским правительством или нет – никто, понятно, проверить никогда не сможет.

Вот таким хитроумным способом и растворилось полмиллиарда долларов на просторах страны. Надо заметить, что в тот момент в США тоже намечались выборы. Положение президента Клинтона было крайне сложным. Симпатии народа разделились ровно поровну между демократами и республиканцами. В такой ситуации рисковать Клинтону было совсем не с руки. Окажи он прямую помощь ельцинскому режиму, этот козырь – рупь за сто – его противники обязательно подняли бы на щит.

К описанной же мной схеме докопаться практически невозможно: следов нет, а концы – в воду…

Ельцин, впрочем, рисковал еще больше, чем Клинтон. Статья 45 Федерального закона «О выборах Президента РФ» прямо гласит:

«Не допускаются пожертвования в избирательные фонды со стороны: иностранных государств, организаций и граждан».

Уже одного этого вполне хватило бы, чтобы снять Ельцина с дистанции или оспорить результаты голосования. Но… Кто же мог осмелиться поднять руку на гаранта Конституции?

Если бы Запад и олигархи просто давали Ельцину деньги – это было бы еще полбеды. Но в том-то и закавыка, что средства предвыборного штаба до назначенной цели доходили отнюдь не полностью. Их просто самым безбожным образом разворовывали.

По-другому, собственно, и быть не могло. Никакого контроля, под предлогом секретности, за миллионами не велось. Деньгами распоряжались те же самые люди, кто и давал их, и было бы глупо рассчитывать, что такой восхитительной возможностью они не воспользуются.

Еще с тех времен в моем архиве сохранились сметы подлинных, а не *фуфловых* , нарисованных специально для ЦИКа, затрат.

На 13 мая, например, общая смета предвыборного штаба составила 332,691 млн долларов плюс 49 с небольшим миллиардов рублей. (Курс тогда был примерно 5,5 тысячи за доллар, значит, всего выходит – 341,5 млн «баксов».)

Всего смета эта включала в себя 75 всевозможных проектов – от знаменитой акции «Голосуй или проиграешь» ($ 7 млн) до экзотических сеансов Алана Чумака ($ 300 тыс.). Дороже всего обходилось, конечно, телевидение.

«НТВ, – указано в бумагах, – 78 млн у. е.; ОРТ – 169 млн у. е». К последней графе любопытная приписка: «Закрыто налоговыми освобождениями». (Вот вам и еще один путь наполнения избирательного фонда.)

Даже клиническому идиоту понятно, что проследить за деньгами при таких оборотах – просто невозможно. Если воровать с каждой сотни хотя бы по доллару – это все равно гигантский *навар* .

А ведь объемы росли постоянно, каждый день.

Только за одни сутки (с 30 по 31 мая) и только по нескольким направлениям расходы штаба составили без малого 7 миллионов долларов.

Первыми эту вакханалию узрели сотрудники коржаковского ведомства. За работой штаба они наблюдали особенно пристально, ибо с воцарением Чубайса и Дьяченко самого Коржакова и его людей от выборов начали отодвигать.

«Уже в апреле 1996 г. из источников в ближайшем окружении Кузнецова (зам.министра финансов, основной казначей штаба. – *Авт* .) и Чубайса к нам стали поступать сигналы о том, что деньги, отпущенные на выборы, разворовываются, – пишет начальник отдела «П» президентской службы безопасности Валерий Стрелецкий. – Схема предельно проста: по фиктивным документам их переводят за рубеж на счета конкретных фирм, затем распыляют по своим, личным счетам».

Потом Коржакова будут обвинять, что он якобы хотел сорвать выборы; строил козни против штаба; чуть ли не планировал даже государственный переворот.

Если бы все это было так, генералу следовало действовать совсем по-другому: громогласно схватить жуликов с поличным; объявить на всю страну, что олигархи и Запад финансируют ельцинскую кампанию; назвать ее реальные цифры, в сотни раз превышающие законные пределы.

А он, простите, что сделал вместо этого?

Отправился на доклад к президенту, сиречь к своему непосредственному начальнику?

Вот уж заговорщик так заговорщик.

Именно с ведома и указания Ельцина и происходили все дальнейшие события.

Вечером 18 июня сотрудники СБП тайно вскрыли сейф в кабинете зам.министра финансов Кузнецова в Белом доме. За несгораемой дверью они обнаружили полтора миллиона долларов и кучу платежек на переводы в иностранные банки – якобы в оплату за полиграфические услуги. Каждая из платежек была составлена на пять миллионов «зеленых».

«Мы решили не суетиться, а подождать, пока кто-либо из активистов не придет за деньгами, – объяснял позднее полковник Стрелецкий, главный *мотор* этой акции. – Задержание “ходока” с поличным – лучшее доказательство и подтверждение нашей правоты».

В кузнецовском кабинете была установлена прослушка. Через сутки она сработала…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Организация партий и подкуп – вот два могучих средства, которые во все времена употреблялись для манипулирования голосами избирателей. Еще античный историк Фукидид описывал действие этих средств в древних греческих республиках.

История Римской республики представляет поистине чудовищные примеры подкупа. Дорогостоящие брачные контракты, беспорядок в финансах и военные расходы опустошали государственную казну. В эпоху правления императора Максимилиана последний был вынужден прибегнуть к получению крупных займов, главным образом у богатых магнатов Фуггеров из Аугсбурга. Взамен те получили концессии на добычу полезных ископаемых в Тироле и других районах. Из того же источника брались средства на подкуп голосов выборщиков императора Священной Римской империи.

Не было рядом с Ельциным человека надежнее и преданнее Коржакова.

У Горбачева была Раиса Максимовна. У Ельцина – Коржаков.

Он не просто был его охранником, доверенным лицом, собутыльником и другом; Коржаков заменял ему семью; Ельцин с ним проводил времени даже больше, чем с женой и дочерьми и уж, точно, намного был откровеннее.

Предшественник Коржакова в Кремле, начальник горбачевской охраны Владимир Медведев дал очень точное, по-моему, определение феномену под названием «генерал Коржаков»:

«У русских правителей всегда, задолго до династии Романовых, телохранители были еще и няньками».

Они познакомились в 1985 году. Коржакова, скромного майора 9-го управления КГБ, откомандировали в охрану нового секретаря МГК.

«Когда меня “погнали” из Политбюро, уволили и моих охранников, – пишет Ельцин в “Записках…” – А Коржаков все равно остался со мной… Возил на своей личной машине».

За связь с опальным смутьяном Коржакова из КГБ уволили. Друзья устроили его охранником в некий кооператив «Пластик», но он лишь получал там зарплату, а все свое время проводил с Ельциным.

Они были вместе и в горе, и в радости. Однажды, спьяну, даже дали друг другу клятву на крови: идти до конца, что бы с кем ни случилось.[37]

Если бы в августе 1991 года «Альфа» пошла на штурм Белого дома, Коржаков ни секунды не сомневался бы – он готов был погибнуть, но закрыть президента грудью. И в октябре 1993 года он тоже был рядом с Ельциным, до последней минуты.

Именно тогда, после октябрьских событий, и загорелась в полную силу звезда Коржакова.

Ельцин никогда не доверял КГБ. Он хорошо помнил, как по указанию Горбачева чекисты неотступно следили за ним, записывали все его разговоры, даже в министерском кабинете стояли тогда *жучки* .

В ноябре 1989 года, встречаясь с интеллигенцией в Доме кино, Борис Николаевич наотмашь *рубил* с трибуны:

«Шпионов поймать не могут. Зато собирают сплетни внутри коллектива и потом их доносят начальству. Вот к чему сводится их роль. В Свердловске у меня в обкоме партии 10 лет были кагэбисты. Ни одного шпиона не поймали».

Никакое другое ведомство не *реформировалось* им с такой частотой, как Лубянка. За первые четыре года ельцинского владычества эта *контора* подверглась аж шести реорганизациям: КГБ, АФБ, МБВД, МБ, ФСК, ФСБ.

После предательства министра безопасности Баранникова – любимца его и фаворита, – который перебежал в 1993 году к Хасбулатову с Руцким, Ельцин окончательно уверился в мысли, что верить гэбистам нельзя ни на грош: рано или поздно сдадут все равно.

Тогда-то и создал он свою личную службу безопасности с верным Коржаковым во главе – карманный мини-КГБ.

(Как не вспомнить здесь его предвыборный тезис образца 1990 года:

«Сократить численность КГБ за счет упразднения 9-го Управления, обслуживающего руководство, их представителей на предприятиях и учреждениях».)

Коржакова часто упрекали в узурпации власти; в том, что он влезает в вопросы, от кремлевской охраны весьма далекие. СБП пыталась контролировать торговлю оружием, алмазно-бриллиантовый комплекс, экспорт нефти и алюминиевый рынок. Коржаковские люди работали в Белом доме и на Старой площади,

следили за министрами и чиновниками.

Одного слова Коржакова было тогда достаточно, чтобы поднять кого угодно из грязи в князи и – наоборот.

Все это так. За одним только исключением: Коржаков *сам* не присваивал *себе* никаких функций. Все могущество генерала было *делегировано* ему Ельциным.

Коржаков служил у президента в должности цепного пса. На кого указывал ему *хозяин* , того он и рвал; что приказывали караулить, то и охранял – ни больше ни меньше…

И по закону, кстати, если собака кусает прохожего, вся ответственность лежит на ее хозяине…

Я ничуть не идеализирую бывшего телохранителя. Он был типичным представителем эпохи раннего ельцинского фаворитизма.

Просто все познается в сравнении. И когда его сменили новые фавориты, оказалось, что Коржаков на их фоне – чуть ли не ангел в белых одеждах. Потому что работал он в первую очередь не на себя, а на хозяина – так, как понимал это в меру своего воспитания и менталитета…

«Очень порядочный, умный, сильный и мужественный человек… острый ум, отличная и ясная голова», – так писал Ельцин о Коржакове в 1994 году.

А это уже – цитата из следующих его мемуаров, они вышли в 2000 году:

«Коржаков окончательно присвоил себе функции и прокуратуры, и суда, и вообще всех правоохранительных органов – по его приказу люди в масках готовы были “положить лицом на асфальт” любого, кто не нравился главному охраннику, кто, по его мнению, нарушал некие одному ему ведомые правила игры… Он давно перешел все границы дозволенного начальнику службы безопасности».

«Лицом на асфальт» (или «мордой в снег») Коржаков клал людей один только раз – в 1994 году. Исключительно по приказу Ельцина, который потребовал проучить зарвавшегося олигарха Гусинского (см. выше). Но об этом Борис Николаевич благоразумно не пишет.

И о том, какие события предшествовали коржаковской отставке, президент тоже старается не упоминать. Но мы-то, слава богу, все это еще помним…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Последний русский царь Николай II отличался крайней непоследовательностью и частой сменой своего окружения.

Его министр внутренних дел князь Святополк-Мирский так оценивал государя: «Царю нельзя верить, ибо то, что он сегодня одобряет, завтра от этого отказывается».

«Он увольнял лиц, долго при нем служивших, с необычайной легкостью, – писал начальник канцелярии министерства двора в 1900–1917 гг. генерал Мосолов. – Достаточно было, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам установить, кто прав, кто виноват, где истина, а где навет… Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения».

Первый тур президентских выборов прошел 16 июня. До последнего дня Ельцин был уверен в своей победе, но едва начался только подсчет голосов, эйфория мгновенно сменилась разочарованием.

Несмотря на все усилия и миллионные траты, Ельцин и близко не достиг необходимой для победы 50-процентной отметки. Он набрал всего 35,2 процента голосов, опередив Зюганова только на 3 про-цента.

Эти результаты президент узнал, лежа в постели. Ни Наины, ни Татьяны рядом не было: они уехали в дом приемов «ЛогоВАЗа», к олигарху Березовскому. Подле него оставался лишь адъютант Анатолий Кузнецов, который смотрел телевизор, записывая цифры, чтобы тут же отнести их в президентскую спальню.

Следующий, решающий тур был назначен на 3 июля. Но за эти две с половиной недели в России успели произойти важнейшие события, на долгие годы изменившие ход истории…

А началось все с появления Бориса Березовского.

Этого человека давно уже принято считать злым гением российской политики. Ему и самому, кажется, нравится этот вылепленный журналистами образ. («Чертовски приятно, когда тебя считают дьяволом», – говаривал Мюллер в исполнении артиста Броневого.)

Самое парадоксальное, что в Кремль Березовского привел не кто иной, как Коржаков.

Когда в 1994 году Ельцин искал издателя для второй своей книжки, ее литературный автор журналист Юмашев рассказал начальнику СБП о богатом и щедром коммерсанте, который с

радостью готов проспонсировать тираж.

На самом деле никаких проблем с книгой у Ельцина быть не могло. Любое издательство с великой радостью подписало бы с ним контракт, но хитрый Юмашев просто навешал Коржакову с Ельциным *лапши* : дескать, книжный бизнес – это сплошные убытки, по доброй воле никто мемуаров печатать не станет…

Так бывший доктор физико-математических наук Березовский пролез к президентскому телу…

Впрочем, нет: поначалу к телу его еще не допускали. Все кремлевское общение Березовского блокировалось на уровне Коржакова и Юмашева, который очень быстро станет лучшим его другом и партнером.

И все же стараниями Юмашева Бориса Абрамовича приняли в Президентский клуб (помните – тот, где все время *соображали)* . Он начал обрастать связями, заводить отношения с нужными людьми.

В награду за выпуск книги Березовскому отдали главный телеканал страны – ОРТ. В 1995 году позволили купить одну из крупнейших нефтяных компаний – «Сибнефть». Тогда, по указу Ельцина, он с *подмастерьем* своим Абрамовичем приобрел ее всего-то за 100 миллионов долларов. Через 10 лет государство выкупит компанию обратно уже… за 13 миллиардов. Хитрая эта наука – математика…

Но чем богаче и влиятельнее становился Березовский, тем сильнее разгорались его аппетиты. Неуемный характер Бориса Абрамовича постоянно толкал его во всевозможные авантюры. Роль рядового миллионера была для него слишком мелка. Березовский хотел могущества – не только финансового, но и политического. Чтобы обязательно – десять тысяч курьеров в приемной, вертушка с золоченым гербом и машина с фиолетовой мигалкой.

Березовского, как и Паниковского, не любили девушки, и этим было все сказано…

При помощи Юмашева ему удается невозможное – подлезть наконец к президенту.

В моем архиве есть аудиозапись крайне занимательного телефонного разговора двух друзей, который состоялся сразу после встречи Березовского с Ельциным.

Судя по всему, это вторая в его жизни аудиенция у президента, и потому придает он ей огромнейшее значение…

Б. Березовский – В. Юмашев

Березовский: Валь, ну что я тебе хочу сказать, я встречался сегодня, а-а-а, понятно?

Юмашев: Ага.

Березовский: Ну, в принципе, положительно, конечно, Валь. Долгий разговор. Валь, ты знаешь, я хочу тебе сказать, я еще раз убедился, Валь, он офигительный, Валь… Его никак нельзя потерять, Валь… То есть, и более того, не просто нельзя потерять, а вот и вместе можно решить совсем кардинальные проблемы. Может быть, впервые можно решать то, что мы вообще не могли подступиться даже…

Юмашев: Здорово.

Березовский: Ты знаешь, как бы… Валь, его нужно принять совсем в компанию. Понимаешь? Вот это – тот человек, с которым можно начать, и, ну как, вот… я не говорю, как у нас с тобой отношения, да? Ну, близкие к этому, Валь.

Юмашев: Угу, угу.

Березовский: Вот поэтому нужно совершенно по-другому подходить к этим отношениям… Прецедента этому не существует…

Юмашев: Угу… А самое главное, что просто… Ключевая фигура еще к тому же.

Березовский: Абсолютно, Валь. Поэтому я тебе и говорю… Это – совсем отдельная тема. Причем, с моей точки зрения, просто ключевая, главная тема. Все остальное – второстепенно.

Вообще, если вдуматься, фраза «его нужно принять в компанию» – из уст Березовского звучит как минимум кощунственно.

Какой-то полукриминальный коммерсант предлагает взять в долю – а читается это именно так – ни много ни мало президента страны.

И ведь будущий глава президентской администрации даже и не думает возмутиться подобной наглости; он еще и поддакивает вдобавок, делая затем все возможное, чтобы циничный этот план осуществился.

Важнейшим звеном доктрины Березовского стало его сближение – опять же усилиями Юмашева – с младшей дочерью президента.

Главный секрет Березовского заключался в том, что с нужными людьми он говорил на их языке. Это профессиональное коммивояжерское качество очень помогло понять ему мятежную душу Татьяны Борисовны.

Президентская дочь давно уже тяготилась должностью *просто*

дочери . Дьяченко тоже хотелось играть во взрослые игры, но никто всерьез ее не принимал, в первую очередь – Коржаков.

Березовский с ходу уловил эту ключевую струнку. Дьяченко бы-ла очень похожа на своего папу. Она тоже отличалась неимоверным честолюбием и упрямством. Просто нужно было, чтобы кто-то придал ее действиям импульс; помог сломать привычные стереотипы.

Этим добрым и мудрым советчиком и стал для нее Березовский…

Но, заполучив в свой *актив* президентскую дочь, Борис Абрамович обрел головную боль в лице Коржакова, который к семье своего патрона относился как к своей собственной, а Дьяченко воспринимал на правах… ну, если не отца, так уж точно – старшего брата.

Конечно, тогда еще тягаться с Коржаковым было ему совсем не по зубам. Но Березовский и не собирался вступать в открытую схватку. Его тактика была совсем иной.

Исподволь, тихой сапой, вбивает он в голову неискушенной в политике барышне, что именно Коржаков – и есть главное зло. Он рассказывает ей душераздирающие истории про многомиллионные взятки, убийства и прочие пакости.

Специально для Дьяченко в своем доме приемов он устраивает красочный спектакль – *антрепризу* президента Национального фонда спорта Федорова, который рисует перед обомлевшей дочерью жуткие картины генеральских злодеяний. Коржаков, Барсуков и Тарпищев, уверяет Федоров, хотят его убить, вымогают миллионы долларов. Все они связаны с бандитами и уголовниками.[38]

Женская психика таких ужасов не в силах выдержать. Да и с Коржаковым отношения у нее ухудшаются с каждым днем.

Дьяченко ревнует его к отцу, а начальнику охраны совсем не по душе, что президентскую дочь ввели в предвыборный штаб и выделили даже отдельный кабинет в Кремле. Он прекрасно понимает, что через нее олигархи рассчитывают влиять на отца.

Так оно, собственно, и вышло…

19 июня коржаковская «прослушка», установленная в кабинете «казначея» ельцинского штаба Кузнецова, наконец зафиксировала появление долгожданных ходоков.

Ими оказались активисты ельцинского штаба: заместитель гендиректора ОРТ Аркадий Евстафьев (бывший пресс-секретарь Чубайса) и гендиректор «ОРТ-реклама» Сергей Лисовский.

В 17 часов 20 минут при попытке выноса полумиллиона долларов в коробке из-под «ксероксной» бумаги они были задержаны, прямо на проходной Белого дома.

Еще 38 тысяч 850 долларов сотрудники СБП изъяли у сотрудника Национального резервного банка Бориса Лаврова, который остался сидеть в кузнецовском кабинете. Он сразу же честно признался, что деньги получил по указанию Кузнецова, после чего передал их Лисовскому под расписку.

И сама расписка, и объяснения задержанных, и аудиозаписи их переговоров – мгновенно легли в основу уголовного дела, которое ФСБ возбудило через пару часов.

Ни Коржаков, ни Барсуков не собирались раздувать из этой истории шума. Все, чего хотели они, – лишь положить президенту на стол конкретные доказательства масштабного воровства его окружения.

В противном случае на проходной Белого дома Евстафьева с Лисовским поджидали бы не люди в штатском, а съемочные группы, и уже через час-полтора в ОРТ, «Президент-отеле» (штаб располагался там) и других *известных* местах полным ходом велись обыски.

(Прокурорский *важняк* Георгий Чуглазов, который вел впоследствии дело о «коробке», даже возмущался такой *нерасторопностью* коржаковцев:

«Спецслужбы проводили слуховой контроль не для последующего привлечения к уголовной ответственности лиц, которых держали под “колпаком”, а для того, чтобы собрать компромат на неугодных членов Совета предвыборной кампании и предоставить его руководству страны… Для них было главным – задержать курьеров, доложить выше».)

Информация об аресте *активистов* утекла из дома правительства совершенно случайно. Охрана Лисовского, оставшаяся за воротами, увидела какое-то копошение у подъезда. Прошел час, другой, но патрон их так и не выходил.

Встревоженные охранники позвонили члену штаба телемагнату Михаилу Лесину (вскоре семья назначит его министром печати). Тот – другому «подберезовику», Игорю Шабдурасулову, будущему гендиректору ОРТ…

В своих мемуарах Ельцин пишет, что его дочь узнала об аресте от Юмашева.

Это не так.

Первым сообщил ей об аресте именно Березовский.

Известие о задержании соратников застало Березовского в своем доме приемов на Новокузнецкой улице – эпицентре тогдашней политической жизни. Не мешкая, олигарх принялся обзванивать единомышленников. На всех парах в клуб примчались Чубайс, Гусинский, гендиректор НТВ Малашенко, телеведущий Киселев, тот же Шабдурасулов.

Звонит он и Татьяне Борисовне. Факт этот – абсолютно *медицинский* , ибо еще с 1995 года все помещения в доме приемов были оборудованы подслушивающей аппаратурой.

Березовский, как и положено политическому авантюристу, собирал компромат на всех и вся – просто так, на будущее – авось при-годится. Занимался этим богоугодным делом его *домашний* ЧОП «Атолл».

«К Березовскому ежедневно приходила масса людей, весь цвет, начиная от Черномырдина и Татьяны Борисовны и заканчивая половиной Думы, – признавался мне через много лет создатель и руководитель “Атолла” Сергей Соколов. – Мобильных почти ни у кого еще не было. Все они звонили из клуба по разным делам, и Борис приказал поставить телефоны на контроль».

Так вот. В архивах «Атолла», которые попали не так давно в мое распоряжение, сохранились и записи большинства телефонных разговоров, которые велись из дома приемов вечером 19 июня.

Есть там и беседы Татьяны Борисовны, главного действующего лица той ночи.

Б. Березовский – Т. Дьяченко

Б. Березовский: Танечка, добрый вечер.

Т. Дьяченко: Да, здрасти.

Б. Березовский: Тань, у нас такая информация есть… мы тут сидим: Володя Гусинский, Чубайс, Малашенко… Что Лисовского арестовали.

Т. Дьяченко(испуганно): Да вы что!

Б. Березовский: Тань, дело принимает совсем другой оборот. Мы сейчас подтягиваем сюда камеры НТВ. Сюда едет тоже Бадри*(* Б. Патарцикашвили, компаньон Березовского.*–Авт.*). Мы сейчас подтягиваем камеры на всякий случай. Чтобы было понятно, что будет происходить.

Т. Дьяченко: Где? Куда подтягиваете?

Б. Березовский: Ну, сюда, где мы сейчас находимся. В клубе.

Т. Дьяченко (умоляюще): Борис Абрамович, ну, это точно?

Б. Березовский: Давай сделаем так. Если это точно, я постараюсь, если будет работать еще связь, тебе позвонить.

Т. Дьяченко: А вы где, вообще, находитесь?

Б. Березовский: В клубе! В клубе!

Т. Дьяченко: Мне это все очень сильно не нравится.

А это не провоцирует кто-то?

Б. Березовский (раздраженно): Подождите. Еще раз! Позвонил Игорь Шабдурасулов и дал эту информацию.

Т. Дьяченко: А не провоцирует кто-нибудь вас?

Б. Березовский: Провоцировать могут только Александр Васильевич и Михаил Иванович (Коржаков и Барсуков.– *Авт.*), больше никто. Других мы не знаем.

Т. Дьяченко: Ну, они.

Б. Березовский: Они? А что мы должны ждать, пока всех, что ли, арестуют? Как вы считаете, Тань?.. Сейчас я Володе (Гусинскому. – *Авт.*) передам трубку, одну секундочку.

В. Гусинский: Танечка, вы не расстраивайтесь. Пока ситуация очень напряженная. Пришла информация, что как бы задержали Лисовского.

Т. Дьяченко: А вы уверены, что это правда?

В. Гусинский: Сейчас будем выяснять. Здесь, вообще, море левых машин стоит снаружи, поэтому все достаточно нервничают… Танюш, я даю Боре…

Т. Дьяченко: Борис Абрамович, может быть, напрасна эта информация по поводу там выборов про Федорова (Б. Федоров, президент НФС.– *Авт.*)…

Б. Березовский: Не понял? Какая информация?

Т. Дьяченко: Что он отказался финансировать там кого-то.

Б. Березовский: Кто-кто-кто?

Т. Дьяченко: Федоров.

Б. Березовский: Одну секундочку. А где был комментарий?

Т. Дьяченко: Вот сейчас было в 10 часов на НТВ.

Б. Березовский: Ну, извините, Тань, я этим процессом абсолютно не управляю. Просто не управляю… одну секунду, я Игоря (И. Малашенко, гендиректор НТВ. –*Авт.*) дам.

Т. Дьяченко: Игорь, добрый вечер.

И. Малашенко: Добрый.

Т. Дьяченко: Может быть, это все провокация?

И. Малашенко: А что происходит? Что провокация?

Т. Дьяченко: Ну, я не знаю. Как-то толкают на такое обострение.

И. Малашенко(издевательски): Обострение где, в Чечне?

Т. Дьяченко: В какой Чечне! Здесь, в Москве. Сейчас по НТВ сказали, что Федоров отказался финансировать

предвыборную кампанию…

И. Малашенко: Тань, ну вам же Борис Абрамович как раз говорит, что довольно серьезная ситуация.

Т. Дьяченко (виновато): Я понимаю.

И. Малашенко: Ну. Так в чем вопрос?

Т. Дьяченко (ученически): Что вот специально толкают на такие действия.

И. Малашенко: Тань, ну, наверное, толкают… Вот арестован Лисовский. Чего мы еще должны дождаться?

Т. Дьяченко: Может, это еще неправда?

И. Малашенко: Ну, может быть, конечно… (Березовскому): На, поговори, я уже не могу.

(Трубку берет Березовский.)

Б. Березовский: Танюш, я думаю, что подъезжать… Я не знаю, нужно или нет. Давайте мы все-таки выясним до конца все это. Пока я просто сообщаю ту информацию, которой владеем мы. Это первое. Ну, и на всякий случай мы подтягиваем сюда СМИ, чтобы, если что-то будет происходить, это уже было все как у взрослых. Но, конечно, никакой истерики, ничего не будет, если будет опровергнут слух, что Лисовский арестован. Ну, если они действительно его арестовали, больше ждать совершенно нечего.

Т. Дьяченко: А вы узнать это можете?

Б. Березовский: Мы сейчас и пытаемся узнать. Сейчас Игорь Шабдурасулов подъедет сюда.

Т. Дьяченко: Борис Абрамович, вы можете мне позвонить?

Б. Березовский: Тань, давай будем все время на связи. Ты по мобильному или дома тоже?

Т. Дьяченко: Я в «Президент-отеле».

Б. Березовский: Отлично! Прежде чем будешь уезжать, позвони сюда… Мы в клубе.

Т. Дьяченко: Борис Абрамович, ну, я вас умоляю.

Б. Березовский: Тань, ты не волнуйся, никаких действий опрометчивых не будет.

Оставим в стороне тон, которым беседуют с президентской дочкой медиа-магнаты и олигархи – примерно так начальники разговаривают с докучливыми, надоевшими до смерти подчиненными: с издевкой, свысока, уничижительно.

Поговорим лучше о вещах куда более значимых.

«Здесь, вообще, море левых машин стоит снаружи, поэтому все достаточно нервничают…» – между делом сообщает

Гусинский.

Эту довольно известную версию – будто Коржаков собирался уже брать приступом дом приемов «ЛогоВАЗа» – мы без труда находим и в книге Ельцина (а точнее, Юмашева):

«Таня поехала, уже около часа ночи, в офис “ЛогоВАЗа”, где собрались большинство членов аналитической группы и просто сочувствующие – Немцов, Гусинский, журналисты, телевизионщики. Охрана сообщила, что на крышах дежурят снайперы, а вокруг здания – сотрудники спецслужб. Всем казалось, что Коржаков и Барсуков никого оттуда не выпустят.

Таня сидела там до пяти утра, пила кофе, успокаивала всех: не бойтесь. И она была права. Ни арест, ни какая-либо провокация были невозможны, пока в офисе находилась она…»

Звучит красиво! Так вот кто, оказывается, спас российскую демократию, заслонил ее своей грудью. Отважная дочь президента!

Однако руководитель «Атолла» Сергей Соколов полностью опровергает это героическое *сказание* :

«Березовский специально нагнетал обстановку. Он приказал мне привести охрану в повышенную боевую готовность. Я расставил по периметру человек 15 с помповыми ружьями. Подогнал к клубу наши машины.

В действительности и он, и я прекрасно понимали, что никто арестовывать нас не собирается. Это был элементарный спектакль, устроенный персонально для Дьяченко. Когда Татьяна вскоре приехала в клуб, он подводил ее к окнам, нагонял жути: смотри, вот уже люди в камуфляже, вот машины с антеннами, нас собираются брать. Но это ведь были мои люди и мои машины!..»

Очередной спектакль удался на славу. Если поначалу Дьяченко как-то еще сопротивлялась, говоря, что сперва надо во всем разобраться, то после такой массированной обработки поддалась общему психозу.

Березовский, впрочем, особо и не психовал. Профессиональный математик, он просчитал всю комбинацию от начала и до конца. Игра сама шла к нему в руки.

Послушаем шефа «Атолла» еще раз:

«Я слишком хорошо знал Березовского, чтобы не увидеть: на самом деле внутренне он даже торжествовал. Боря мгновенно оценил, что для него это выигрышная ситуация, шанс нахлобучить наконец Коржакова.

И вот я смотрю на Березовского и чувствую: у него в глазах нет испуга. Наоборот даже, азарт, как при игре на мизере. И он произносит фразу, смысл которой из присутствующих понял, наверное, я один: “Ситуация-то блестящая, – говорит Боря. – Если

мы сейчас ее разрулим, то сможем точно победить". Все подумали, что он имеет в виду победу на выборах. Но я-то видел: речь идет совсем о другой победе – в борьбе за тело».

Березовский просчитал все четко. Коржаков с Барсуковым не собирались раньше времени придавать скандал огласке. На это и сделал Борис Абрамович свой расчет.

Мгновенно по информагентствам и телевидению была запущена информация о задержании активистов штаба; все это подавалось как попытка государственного переворота.

Параллельно Чубайс с Березовским решают подключить к ситуации генерала Лебедя, который только накануне был назначен секретарем Совбеза. По их замыслу именно Лебедь должен взять на себя роль спасителя отечества от нового ГКЧП.

Однако генерала найти они долго не могут. К поискам Лебедя вынуждены подключиться даже дочь и жена президента.

Н. Ельцина – Т. Дьяченко – Л. Дьяченко

Н. Ельцина: Ну, у него только мобильный.

Т. Дьяченко: У кого?

Н. Ельцина:У Лебедя.

Т. Дьяченко: Ну, пусть на мобильный.

Н. Ельцина:Он на мобильный не отвечает. Меня с ним не соединили.

Т. Дьяченко: Он что, в лесу, что ли, ночует?

Н. Ельцина:Я квартирного его не знаю… У него, наверное, и нет квартиры.

Т. Дьяченко: Мам, ну такого не может быть.

Н. Ельцина:Сейчас я спрошу… Мобильный 968-67-92.

Т. Дьяченко: Мам, ну если он не отвечает, он по какому-то другому телефону.

Н. Ельцина (в сторону): Скажите, а квартирного нет Лебедя? А городского номера? Приемная не знает, да? (Дьяченко): Они не знают.

Т. Дьяченко: Ну как это так, если надо с ним связаться! Такого не может быть! Мам, тебе не кажется странным, что спецкоммутатор не может найти секретаря Совета безопасности.

Н. Ельцина:Я телефон приемной возьму тогда.

Т. Дьяченко: Возьми телефон приемной. Они могут туда позвонить? (Ельцина долго пытается объясниться с телефонисткой).

Н. Ельцина:Таня, вот телефон приемной: 206-35-96.

Т. Дьяченко: Сейчас, минуточку. (В сторону): У вас

нет ручки?

Н. Ельцина:Таня, может быть, ты еще позвонишь Михаил Иванычу (Барсукову. – *Авт.*)?

Т. Дьяченко(раздраженно): Мама, это бесполезно, понимаешь. У папы единственная возможность, чтобы выиграть выборы – это уволить их обоих. Мам, ты понимаешь! И на самом деле это и для страны будет лучше, потому что так невозможно. Я на этих выборах насмотрелась. Решает все один только человек, так нельзя. Еще ладно бы, был какой-то супер. Ну ужасно это. Ты понимаешь!

Н. Ельцина:Я не понимаю этого человека тоже. С «Мостом» тогда накрутили.

Т. Дьяченко: Мам, у папы выход только один!

Н. Ельцина:Да.

Т. Дьяченко: Значит, постарайся его убедить в этом, и ничего страшного в этом нет.

Н. Ельцина:Кого убедить?

Т. Дьяченко: Папу.

Н. Ельцина:Ну я же не могу.

Т. Дьяченко: Почему?

Н. Ельцина:Он ругается.

Т. Дьяченко: Мама! Иначе другого выхода у него нет. Ему там уже накрутили вот на этих ребят. Видишь, как он мне сказал. Подготовили его. Специально подготовили!

Н. Ельцина:А может…

Т. Дьяченко (закипая): Мам, только вот не надо этого. Я кампанией этой занимаюсь не два дня и не неделю даже. Я все это вижу на протяжении месяца. Да как он (Барсуков. – *Авт.*) смел мне такое говорить: вы что, хотите быть причастны к этому делу? Запугивание прямое. Чубайсу говорит: никого не знаю. Черномырдину говорит: да, Лисовского задержали. Ну как так!

Н. Ельцина:Черномырдину? А вы звонили?

Т. Дьяченко: Звонили.

Н. Ельцина:И что?

Т. Дьяченко: Ну ему же Михаил Иванович и Александр Васильевич не указ. И сейчас у папы блестящий просто выход уволить их обоих. И тогда мы выборы выигрываем… Значит, Леша там где? Дай ему трубочку.

Н. Ельцина:А что, это самое…

Т. Дьяченко: Мам, ладно, дай Леше трубку… (Трубку

берет ее муж Л. Дьяченко) Леш, папа заснул?

Л. Дьяченко: Да. У него приступ.

Т. Дьяченко: Значит, Леш, когда утром папа придет в себя.

Л. Дьяченко: Я буду ждать этого момента, я спать не буду.

Т. Дьяченко: Значит, ты жди этот момент и нужно сказать, что это будет лучше и для него, и для страны, если он уволит обоих, и ничего страшного в этом нет. Его подготовили. Ты видишь, как он мне сказал. Его подготовили!

Л. Дьяченко: Он в курсе, я же тебе говорил.

Т. Дьяченко: Леш, его подготовили. Так вот надо ему сказать, что это специально сделали.

Л. Дьяченко: А что тебе ЧВС сказал?

Т. Дьяченко: А что ЧВС? Он не руководит ни Михаилом Ивановичем, ни Александром Васильевичем.

Л. Дьяченко: У него Куликов (министр МВД. – *Авт.)* есть.

Т. Дьяченко: Леш! Скажи, пожалуйста, папе и все, что ты думаешь и про того, и про другого, и про Шамиля (Тарпищева.– *Авт.)*. Вот они где!

Л. Дьяченко: Они меня грохнут!

Т. Дьяченко: Леш, я тебя прошу. У папы это единственный выход, иначе кампанию мы проигрываем… Немцов, там все: устали все от этих людей, они правят страной, а не он.

Л. Дьяченко: Валюшку (Юмашева.– *Авт.)* отстранили?

Т. Дьяченко: Не знаю, Валюшка там выехать не может.

Л. Дьяченко: Выехать не может?.. Лебедя не нашли? Может, мне через Панскова поискать?

Т. Дьяченко: Поищи, чтобы мне на мобильный позвонил.

Л. Дьяченко: Мне сейчас могут телефон перекрыть.

Т. Дьяченко: Звони-звони. Пока.

Бедный Ельцин!

Родная дочка, которая на всех углах кричит о безумной любви к отцу, слышит от мужа: «У него приступ».

Любой нормальный человек после этих слов как минимум забеспокоился бы, всполошился. Но нет.

«Значит, Леш, когда утром папа придет в себя…» – деловым

тоном приказывает в ответ заботливая президентская дочка. И все, о состоянии Ельцина больше ни слова. Ее не интересует, что за приступ, как чувствует себя тяжелобольной отец. Власть и деньги – вот что по-настоящему тревожит Дьяченко в эти минуты.

Вернитесь на пару страниц назад, перечитайте первый ее разговор и сравните с последующим – небо и земля.

Она точно зомбирована уже. Куда девались былые сомнения, тревоги. Теперь Дьяченко лишь повторяет чужие мысли – причем практически дословно.

После того как Лебедь был найден в итоге Чубайсом и сделал искомое заявление – прямо на Красной площади, для наглядности – про мятеж и попытку срыва выборов, дело оставалось за малым.

Теперь требовалось обработать главного зрителя страны, но никто, кроме супруги его, сделать этого посреди ночи не мог.

Татьяна как заведенная звонила Наине Иосифовне, кричала, плакала, требовала разбудить отца. Принцесса знала, как обращаться с матерью, и президентская супруга, которая сперва возмущалась поднятой шумихой, в итоге полностью сдалась…

Как там у Маршака? А то, чего требует дочка, должно быть исполнено. Точка…

Т. Дьяченко – Н. Ельцина – Л. Дьяченко

Н. Ельцина (отчитывает): Подожди, а что они, не могли потерпеть до утра? Вы что там, выяснили все? Зачем сразу давать такое сообщение по телеканалам. Народ на ушах стоит! Они что, не понимают? Какой переворот! Мало ли, задержали до выяснения. Зачем такую шумиху поднимать по телевидению.

Т. Дьяченко: Мам, а скажи, пожалуйста, зачем задержали?

Н. Ельцина: Слушай, мало ли задержали кого, зачем сразу говорить по телевидению такие вещи.

Т. Дьяченко: Мама, это единственная защита. Другого ничего нет. Найти на людей какую-то управу, ну хоть чуть-чуть, чтоб они испугались.

Н. Ельцина: Какое пугаться-то. Кто пугается, скажи?

Т. Дьяченко: Ты понимаешь, что другого выхода нет… Выход только один!

Н. Ельцина: Лена… Таня, это наоборот нагнетает обстановку. Папа отвернется, и все отвернутся. Ну, до выяснения, до утра можно подождать, неужели сразу делать такие сообщения.

Т. Дьяченко: Мамочка, это правильно. Это сделано

все совершенно правильно. Поверь, другого выхода нет.

Н. Ельцина: Да какой выход? Утром отпустят этих людей. Зачем это?

Т. Дьяченко: Мама, они специально это сделали. А завтра они папе скажут: видите, мы-то ничего такого не делали, а товарищи забываются.

Н. Ельцина: Они скажут папе: мы просто задержали проверить, а по телевидению уже дали такую информацию. И правильно Барсуков говорит: это Березовский все делал, а я при чем?

Т. Дьяченко: Мам, ну вот не надо этого. Я на эту кампанию насмотрелась, как она что делает.

Н. Ельцина: Ты пойми, что таких вещей, для народа нельзя делать сообщений.

Т. Дьяченко: Вот для народа, для народа это как раз очень хорошо. И папа после этого должен их снять. Это единственный для папы путь победить на выборах, потому что вся страна уже устала жить под властью Александра Васильевича.

Н. Ельцина: Папа их убирать не будет.

Т. Дьяченко: Почему?

Н. Ельцина: Я не знаю.

Т. Дьяченко: Тогда папа не выиграет выборы, мама. Ты спроси у Леши, он тебе все расскажет.

Н. Ельцина: Просто такие вещи по телевидению нельзя заявлять. Это смех. Ну вот завтра их отпустят, и что?

Т. Дьяченко: Мам, это детский сад. Другого выхода нет. Ты понимаешь.

Н. Ельцина: Завтра кто-то будет отвечать за это. Тот же Березовский. Барсуков не будет отвечать. Он мне уже сказал, чтоб я ему не звонила больше до утра.

Т. Дьяченко: Правильно. Боится.

Н. Ельцина (издевательски): Ну конечно!

Т. Дьяченко: Мам, как настолько безнаказанно все делать, ты мне объясни. Как это так?

Н. Ельцина: Ты Барсукова не убедишь ни в чем и папу не убедишь.

Т. Дьяченко: Почему?

Н. Ельцина: А в чем ты его убедишь?

Т. Дьяченко: По крайней мере, я папе скажу все, что я думаю.

Н. Ельцина: Он тебя слушать не будет.

Т. Дьяченко: Мам, а чего тогда затевать? Тогда все.

Тогда даже очень хорошо, что не изберут, потому что это, действительно, для страны не нужно. Ты просто не понимаешь всю глубину этой проблемы. Это сейчас единственный выход, это действительно так. И не надо говорить, что я попала под чье-то влияние или еще что-то. Нет. Мамочка, поверь, сделано все, чтобы отгородить папу от этого. Но другого выхода нет, не говорить нельзя. Потому что эти люди…

Н. Ельцина: Таня, ты пойми, что отгораживать нечего. Его невозможно отгородить ни от кого, это одно целое.

Т. Дьяченко: А я считаю, что возможно.

Н. Ельцина: Нет!

Т. Дьяченко (упрямо): Возможно! Ну, другого выхода нет просто.

Н. Ельцина (остывая): Ну, хорошо. Но все равно говорить такие вещи по телевидению нельзя.

Т. Дьяченко: Это единственно возможный вариант. Все уже продумано двести пятьдесят раз.

Н. Ельцина: Ну, утром их отпустят, и что?

Т. Дьяченко: Мам, а это как называется? А никто работать больше не будет на этой кампании. Это прямое запугивание. Ты понимаешь, как все это делается… Ты мне скажи, папа спит?

Н. Ельцина: Да.

Т. Дьяченко: Я просто боюсь, как бы он все это выдержал. А потом – они, конечно, почву подготовили. Конечно, они капали долго. Какие тут все гады занимаются выборной кампанией. А кто сделал все эти проценты-то?

Н. Ельцина: Они палец о палец не ударили.

Т. Дьяченко: Вот в том-то и дело. Я сегодня ездила к Лисовскому, я видела, как он делает, вообще, как что.

Н. Ельцина: Вот и пожинает… Я одного не понимаю: они хотят, чтобы Зюганов, что ли, был?

Т. Дьяченко: Они хотят сами править.

Н. Ельцина: Ну, как они сами-то будут?

Т. Дьяченко: Папу отстраняют, силовой какой-нибудь вариант, и привет.

Н. Ельцина: А как отстранить папу, если второй тур сейчас должен быть?

Т. Дьяченко: Да какой сейчас второй тур, если они такие вещи творят. Как можно брать людей, которые занимались финансированием кампании… Это ключевые

люди. И ключевой этот проект: «Голосуй или проиграешь»… Не знаю, мам, единственный выход – это действительно их уволить…

История про переворот, который будто затевают силовики, чтобы «сами править» – это такая же точно дьявольская *придумка* Березовского, как и *страшилки* со спецназом, взявшим в кольцо «ЛогоВАЗ».

Если кто и организовывал в ту ночь переворот – так исключительно Березовский с Чубайсом.

Но в ельцинской книжке, написанной умелой рукой Юмашева, миф этот вновь подается как непреложная истина.

«Дальнейший ход событий просматривался тоже достаточно четко: на волне борьбы с чеченским сепаратизмом, на волне “коммунистической угрозы” к власти приходит полувоенная команда постсоветских генералов: начальник службы безопасности Александр Коржаков, директор ФСБ Михаил Барсуков, которых прикрывает своим могучим телом первый вице-премьер Олег Сосковец. Найдутся и другие…»

Кстати, в истории с «коробкой» Сосковец никакого участия не принимал. Даже когда Чубайс звонил Лебедю, он специально оговаривался:

«Я предполагаю, что реально руководит процессом Олег Николаевич Сосковец, хотя он пока себя никак не обнаружил».

И все равно усилиями Чубайса его давний противник – они с Сосковцом схлестнулись насмерть еще в правительстве, когда оба работали первыми вице-премьерами – навсегда остался *пристегнутым* к «ксероксному» скандалу…[39]

Утром 20 июня, едва только Ельцин приехал в Кремль, Коржаков с Барсуковым были уже в кабинете президента. Наина Иосифовна успела обработать супруга: он знал уже о задержании активистов и требовал теперь объяснений.

В своих мемуарах Коржаков пишет:

«Ельцин вялым голосом спросил нас:

– Что там случилось?

Барсуков доложил. Прочитал сначала рапорты милиционеров. Затем – показания задержанных. Втроем, без раздражения и напряжения, мы обсудили ситуацию. Президент недовольно заметил:

– Что-то пресса подняла шум…

Мы возразили:

– Борис Николаевич, скажите тому, кто этот шум поднял, пусть теперь он всех успокоит… Никто, кроме нас, не знает, что на самом деле произошло. Документы все тоже у нас. А мы

никому ничего не скажем.

Президент согласился.

– Ну хорошо, идите».

Генералам, должно быть, казалось, что победа у них уже в кармане. Ан нет! Сразу после них к Ельцину ринулся Чубайс.

Установленная в «ЛогоВАЗе» спецтехника зафиксировала вскоре следующий диалог:

А. Чубайс – Б. Березовский

А. Чубайс: Ну, я переговорил… Плохо. «Коржаков и Барсуков были у меня». Меня принимать не хочет. Примет только в 12 часов. До 12 занят. Ситуация горячая. Он: все распланировано, времени нет. Я знаю ситуацию, поговорил с Коржаковым и Барсуковым, ну там ничего страшного, просто за порядком следят, здесь пытались деньги украсть, я посмотрел показания, видно, что пресекли вовремя. Говорю: ну, ваш штаб прекращает свою работу, ни один человек не сможет принять ни одного решения. Ну, если вы так ставите вопрос, как ультиматум, тогда смотрите… Вот такой примерно разговор. Он как бы все про себя решил. Он на 12 меня записал. Мне кажется, что я не смогу его переубедить. Я сейчас разбужу Володю (Гусинского. *–Авт.),* попрошу, чтобы он с Лужковым поговорил.

Б. Березовский: Я все понял. Я думаю, что ваша оценка правильная… Давайте подумаем, что дальше. Я думаю, что выправится ситуация, безусловно.

А. Чубайс: Да, конечно, только непонятно, какими словами ее ему вписывать.

Б. Березовский: А это уже… Их можно найти… Вы будете в полдесятого? Вы сейчас там?

А. Чубайс: Да.

Б. Березовский: Сейчас подъеду.

Для рыжего приватизатора это был последний шанс вернуться в большую политику. Ему просто нечего было уже терять: в случае проигрыша Коржаков с Барсуковым – он в этом нисколько не сомневался – сжили бы его со света.

И когда Чубайс прорвался-таки в итоге к Ельцину, он поставил ему фактически ультиматум: либо мы, либо они. Либо весь штаб – в полном составе – уходит в отставку, либо вы убираете Коржакова с Барсуковым и Сосковца в придачу.

В иной ситуации Ельцин, конечно же, выгнал бы наглеца прямо с порога – никаких ультиматумов он не терпел.

Но положение его было патовым. Уйди сейчас штаб, о победе

можно просто забыть. Да и уговоры семьи тоже что-то да значили…

Когда перед Ельциным стоит выбор: власть или дружба, он, не задумываясь, выбирает власть…

В *его* мемуарах, однако, читаем мы совершенно другое:

«Утром я принял окончательное решение. Коржаков, Барсуков, Сосковец по моему приказу написали прошение об отставке… Однако увольнение Коржакова, Барсукова и Сосковца не было следствием только этого скандала. Длительное противостояние здоровых сил и тех, кто шел на провокации, чтобы захватить власть в предвыборном штабе, наконец, перешло в открытый конфликт. И я разрешил его».

Ни о чубайсовском ультиматуме, ни об утреннем разговоре с генералами, когда одобрил он все их действия, – ни слова ни полслова…

«Они много брали и мало отдавали», – так объяснил Ельцин в тот день свое решение ошарашенным журналистам.

Чубайс был более конкретен. На спешно собранной пресс-конференции он заявил, что вбит «последний гвоздь в крышку гроба иллюзии военного переворота»; никакой коробки с долларами не было – это была «типичная гэбэшная провокация». Что, правда, не помешало ему на другой же день попросить у зам.начальника СБП Георгия Рогозина вернуть полмиллиона назад…

Самое поразительное, что даже после всего случившегося у Наины и Татьяны хватило совести позвонить Коржакову домой и выразить Ирине – его супруге – самое искреннее соболезнование.

«Мы так переживаем, так переживаем, – чуть не плача говорили они той, чьего мужа сами же и подвели под монастырь. – Ты, главное, не отчаивайся. Все еще образуется…»

21 июня 1996 года генерал-лейтенант Коржаков последний раз в жизни переступил порог своего кремлевского кабинета. Напоследок он попросил президентского адъютанта Анатолия Кузнецова отнести Ельцину прощальное письмо. Но президент даже не стал его читать. Он взбесился настолько, что ударил даже – случай беспрецедентный! – Кузнецова по лицу.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Психозы – группа психических заболеваний, манифестирующих в возрасте 45–60 лет, протекающих в форме либо депрессии, либо бредового психоза паранойяльной или парафренной структуры. Для реактивных психозов характерно соответствие содержания психопатологических явлений и

исчезновение их после ликвидации причины.

«Почему Коржаков в Кремле?!! – неистовствовал Ельцин. – Немедленно опечатать кабинет, отключить телефон, отобрать машину и удостоверение».

До сегодняшнего дня ненависть его к бывшему другу, с которым поклялись они когда-то на крови быть вместе до последнего вздоха, остается такой же дикой и всеобъемлющей.

Когда годом позже пятеро кремлевских сотрудников – президентские повар, фотограф и врач, а также два офицера СБП – будут уличены в том, что праздновали они победу Коржакова на выборах в Госдуму, их уволят со службы в одну секунду: «за появление на работе в нетрезвом состоянии» – случай для Кремля уникальный…

Следствие по «коробке» закончится еще раньше: для этого из Уголовного кодекса специально будет изъята статья 162.7 – «незаконные валютные операции»…

примечания Александра Коржакова:

1 Все вокруг знали, что Ельцин непременно должен быть везде первым. И Барсуков, и Грачев и я, играя с ним, например, в бильярд, обязательно поддавались. Если я хотел его обидеть, то проигрывал не с сухим счетом, а забивал пяток шаров. В таких случаях Ельцин мгновенно вскипал, ломал кий об колено и уходил прочь.

2 Когда в ночь на 1 января в Грозном шли затяжные бои, Ельцин отмечал в «Завидове» Новый год. Он, правда, поднимал тост «за наших ребят», но исключительно для проформы; очень быстро набрался и начал дурачиться.

А рано утром Борис Николаевич вспомнил вдруг, что у Грачева день рождения, вызвал меня с Барсуковым и приказал отвезти Павлу Сергеевичу подарок. Барсуков с Сосковцом полетели на один день в Ханкалу. Как они потом рассказывали, Грачев был здорово с похмелья. Пока солдаты гибли в Грозном, их министр вовсю праздновал Новый год.

3 В момент нападения Басаева на Буденновск Ельцин собирался как раз вылетать на саммит в Галифакс. Его многие уговаривали остаться в России, но Борис Николаевич даже и слушать этого не хотел. «Ничего серьезного, – отвечал он. – Пусть Черномырдин во всем разбирается».

4 До конца 1995 года он постоянно твердил, что на второй срок не пойдет. Решение переизбираться Ельцин принял, когда после первого инфаркта лежал в Барвихе.

5 «Семибанкирщина» – это чистая выдумка журналистов. Просто семеро банкиров написали Ельцину письмо об угрозе коммунистического реванша, но лишь несколько из них финансировали потом его избирательную кампанию. Вот те, кто был спонсором – всего 10 банков, – и стали реально влиять на ситуацию.

6 Подтверждаю, что Запад активно давал деньги под выборы Ельцина. Миллиард долларов обещал Гельмут Коль. По полмиллиарда скинулись Ширак и Мейджор. Все переговоры с ними вел управделами Бородин.

Я был причастен к одному такому траншу – итальянскому. Весной 1996 года мы с Бородиным и министром внешней экономики Давыдовым летали в Рим на переговоры с итальянским премьером Берлускони. Как сейчас помню, встреча проходила на какой-то закрытой, чуть ли не конспиративной квартире. В итоге Берлускони выделил миллиард долларов – без отдачи. Все остальные – давали деньги как бы в долг.

7 Мы давали с ним клятву на крови даже дважды. Году в 1991-м, во время поездки в Якутию, Ельцин спьяну полоснул меня подаренным ножом по руке. Пошла кровь. Ему стало неудобно. Давай, говорит, ты меня тоже резани. Я, понятно, отказывался, но он настоял. А потом, выпив еще, неожиданно загорелся идеей: побрататься кровью. Ну, мы и побратались.

Через несколько лет то же самое он повторил уже в президентском клубе на Воробьевых горах. Следы от этих ельцинских порезов сохранились у меня до сих пор.

8 Эту встречу Дьяченко и Юмашева с Федоровым Березовский, по обыкновению, тайно записал. Но буквально через день сам прибежал к Барсукову и трясущимися руками отдал ему пленку. Борис Абрамович клялся, что идея всей комбинации принадлежала Юмашеву, а он – лишь жертва чужих интриг.

9 Сосковец никакого отношения к истории с «коробкой», конечно, не имел: он о ней даже не знал. Но их конфликт с Чубайсом зашел слишком далеко. Как раз 18 июня – за день до скандала – после заседания штаба Чубайс сказал своим

тогдашним единомышленникам – Березовскому, Гусинскому, Малашенко: «Все, с Сосковцом надо кончать». Вот его, под надуманным предлогом, и кончили.

Глава десятая
СОБАЧЬЕ СЕРДЦЕ

Четыре месяца предвыборной гонки показались Ельцину целой вечностью. Никогда еще власть не давалась ему такой дорогой це-ной.

Как заведенный, носился он по городам и весям, демонстрируя былую мощь и стать. Он проводил встречи, выступал с трибун, даже танцевал: это тогда, в Ростове, были засняты знаменитые кадры его *коленец* в паре с Евгением Осиным под зажигательный твист: «Я-я-ялта-а-а, где растет золотой виногра-а-д»; Ельцину казалось, что именно так и *делали* буги-вуги уральские стиляги 40-летней давности, но со стороны это больше напоминало брачные пляски орангутанга с нарушенной координацией движений…

Перед каждым выступлением Ельцина пичкали таблетками и терзали уколами – для поднятия тонуса.

Во всех поездках его неотлучно сопровождала отныне бригада врачей. Они работали по принципу «Скорой помощи»; при первом же недомогании в ход пускались все имеющиеся средства, включая реанимационные.

Он и сам вынужден это теперь признавать:

«Врачи ходили по пятам, хуже, чем охрана. Все их специальные чемоданчики, бледные от испуга лица я уже спокойно видеть не мог. Слышать не мог одно и то же: “Борис Николаевич, что вы делаете! Ограничьте нагрузки! Борис Николаевич, вы что!”…

Всюду за спиной стояли с инъекциями и таблетками. И имели для этого веские основания: сердце прихватывало постоянно. Причем капитально, с комом в горле, с уплывающим горизонтом, все как положено».

Когда у человека за спиной три инфаркта – подряд, друг за другом – и перед лицом уплывает горизонт, какие уж тут, казалось бы, выборы. Неровен час – *отбросишь коньки* прямо посреди очередного концерта, на глазах у многотысячного *электората* .

Но Ельцин по-прежнему *талдычит* одно и то же:

«Никакое сердце, никакие предупреждения врачей не могли снизить мой эмоциональный тонус, мой огромный настрой и желание выиграть этот бой».

Да вовсе не в настрое или тонусе крылась главная причина. Совсем в другом.

Наверное, будь Ельцин одиноким как перст *бирюком* – даже его хваленая жажда власти отошла бы в итоге на задний план; инстинкт самосохранения в любом человеке перебарывает все остальные инстинкты: гордыню, стяжательство, похоть.

Но за спиной президента *заградотрядом* стояла его семья, в первую голову дочь Татьяна; и флюиды, которые означенная семья распускала, мало чем отличались от известного сталинского приказа № 227: «Ни шагу назад!»

Новоявленный член избирательного штаба не выпускала царственного папу из поля зрения ни на минуту Она всегда и везде была рядом: заботливая, любящая, непреклонная.

«Папочка, ты можешь… Папочка, покажи им всем…»

После каждого выступления Дьяченко писала ему подбадривающие записки:

«Очень хорошо, папа», «Молодец. Вел себя замечательно».

Родительская любовь слепа. Ельцин и в мыслях не допускал, что дочка возит его по стране, демонстрируя избирателям, точно ученого медведя. Напротив, напускная забота ее трогала престарелого родителя до глубины души.

«Таня теперь была все время где-то рядом. Насколько спокойнее я стал себя ощущать!.. Подойдет, поправит галстук, застегнет пуговицу на рубашке – и у меня настроение улучшается».

Ему и невдомек были слова, брошенные как-то в сердцах одним из его же доверенных лиц: «Доведется, Татьяна и из гроба отца поднимет, лишь бы он помахал электорату ручкой…»

Если Ельцин был просто эгоистом, то его младшая дочь – эгоистом даже не в квадрате, в двадцатой степени…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Эгоизм – ценностная ориентация, морально-этический принцип, характеризующий поведение человека, стремящегося к удовлетворению лишь собственных потребностей и интересов, пренебрегающего интересами других, относящегося к другому человеку как к объекту и средству достижения своекорыстных целей.

Не обходилось, конечно, и без проколов. В Архангельске, выступая на местном ЦБК, Ельцин неожиданно поприветствовал собравшихся словами: «Здравствуйте, дорогие астраханцы» – и принялся рассуждать о том, что добываемая в области черная икра – залог процветания и могущества региона.

На встрече с ветеранами в Краснодаре ему прямо в глаза было предложено немедленно уйти в отставку и снять свою

кандидатуру с выборов. Порядком растерявшийся Ельцин спросил, все ли собравшиеся с этим согласны, и к ужасу своему услышал гул толпы: «Все!!!»

После такого *приема* – не то что у больного, у чемпиона мира сердце может не выдержать.

Вот и приходилось то и дело щадить его: возить по образцово-показательным хозяйствам, всевозможным потемкинским деревням, где заранее проинструктированные граждане демонстрировали Борису Николаевичу любовь свою и признание.

В Подмосковье Ельцина доставили, например, в далекий поселок Атепцево. Специально *выписали* молодоженов из соседнего села, в Атепцеве никто в ту пору не *сочетался*. *Подобрали* образцового рабочего и ветерана – к ним, под светом софитов, президент должен был зайти на огонек, *погутарить* за жизнь.

«За несколько часов до появления Ельцина охрана была уже на месте, – описывают этот спектакль его же постановщики в цитировавшейся уже книге “Эпоха Ельцина”. – Молодожены, чтобы не опоздать, приехали намного раньше намеченного. Чтобы не портили сценарий, их послали ехать на второй круг…

И вот на дороге показался кортеж. Президент был на эмоциональном подъеме. Сразу двинулся точно по программе – осматривать магазин. Потом в дом рабочего. Тот, слава богу, взял себя в руки, стал разговаривать…

Поздравив молодоженов и пообщавшись с народом, президент отправился к ветерану на садовый участок… Навстречу шел дед, смущенно улыбаясь и сверкая орденами и медалями. И, о ужас! В руках он держал две граненые рюмки, до краев наполненные водкой. А. Лившиц показал ему кулак.

Ветеран все понял по-своему, просиял и объяснил: “Ребята, рук не хватает. Сейчас и вам принесу. Победа, это ж понимать надо!” И принес. А потом увел Б. Ельцина на картофельные грядки и что-то долго ему рассказывал».

Это даже не театр! Это цирк!

Но большинство россиян принимали весь этот спектакль за чистую монету. Олигархи слов на ветер не бросали. Ведомые ими СМИ творили настоящие чудеса, показывая Ельцина энергичным, здоровым и бодрым.

Одна из участниц тех событий, журналистка Татьяна Малкина, писала через пару лет:

«Вы не можете себе представить, сколько нелепых, ужасных и опасных выступлений и выходок Ельцина довелось наблюдать тем, кто проехал с ним всю Россию в ходе предвыборной

кампании. Мы так никогда о них и не написали…

На НТВ тогда лежала особая ответственность – миллионы доверчивых зрителей. И НТВ не подкачало – Ельцин в исполнении Независимого телевидения был бодр, свеж, румян, голосист. Репортажи безбожно монтировались. Кто знает, не будь Евгения Киселева, удалось бы Борису Николаевичу опять стать президентом или нет».

То есть существовало как бы два совершенно разных Ельцина: Ельцин – телевизионный, виртуальный, одно слово – клон. И Ельцин – настоящий, так сказать, для служебного пользования.

Причем чем румянее выглядел клон, тем безжизненнее делался Ельцин-ДСП.

«Правда ли, что мое здоровье никуда не годится?» – задавал он вопрос сам себе на страницах агитационной брошюры. И сам же отвечал:

«В прошлом году действительно из-за больших эмоциональных и физических нагрузок попал в больницу, но врачи быстро поставили на ноги. А теперь и вспоминать о “болячках” некогда – каждый день с пяти утра до глубокой ночи кипит работа».

А в то время, пока Ельцин-клон в кипучих буднях и не вспоминал о «болячках», Ельцину-ДСП становилось с каждым месяцем все хуже и хуже; даже лошадиные дозы транквилизаторов не способны были вернуть его в чувства.

20 мая встревоженные президентские лекари вынуждены были написать письмо Коржакову – пока еще самому близкому к их пациенту человеку:

«За последние две недели в состоянии здоровья Президента РФ Б. Н. Ельцина произошли изменения отрицательного характера. Все эти изменения напрямую связаны с резко возросшим уровнем нагрузок, как в физическом, так и в эмоциональном плане.

Существенную роль играет частая смена климатических и часовых поясов при перелетах на большие расстояния. Время сна сокращено до предела – около 3–4 часов в сутки. Подобный режим работы представляет реальную угрозу здоровью и жизни Президента».

Этот взволнованный документ подписали гендиректор президентского Медцентра Миронов, главные терапевт и гастроэнтеролог Медцентра Воробьев и Минушкин, зам.главного невропатолога МЦ Шмырев, научные руководители ЦКБ Мартынов и Гогин, лечащие врачи Вторушин, Григорьев, Котов, Ионкин – всего 10 подписей…

Мне не раз уже приходилось обращаться к последним

мемуарам Ельцина «Президентский марафон» – по степени лживости и исторических *подтяжек* они превосходят даже знаменитую работу Берии «Об истории революционного движения в Закавказье».

Вот и пассаж касательно этого врачебного письма явно расходится с реальной действительностью.

В *своей* книге Ельцин утверждает:

«Мне это письмо не показали, семье тоже. Прочитал я его много позже».

Сами врачи, однако, говорили мне, что письмо до семьи дошло, им даже пришлось выслушать в свой адрес немало «лестных» слов. Семья обвинила медиков в нагнетании страстей и в том, что идут они на поводу у врагов демократии.

Но кто такие враги, станет понятно уже очень скоро…

23 июня Ельцин прилетел в Калининград. Накануне он был в Белоруссии, где встречался с Лукашенко. Как рассказывают очевидцы *саммита* , в самолет российского президента пришлось буквально заносить.

Вот уж когда семья пожалела, что нет больше рядом верного Коржакова. «Кто же теперь будет это безобразие прекращать», – причитала в голос Дьяченко. Ан поздно. Отныне некому стало отбирать у Бориса Николаевича *чарку* .

При подлете к Балтийску президента разбил четвертый по счету инфаркт. Прямо в вертолете личному врачу Вторушину пришлось откачивать его, вводить наркотики. Собравшаяся на площади толпа недоумевала: уже 40 минут как Ельцин должен был приземлиться, а его все нет и нет.

А через три дня, 26 июня, случился новый, теперь уже пятый инфаркт. Это произошло вечером, в Барвихе, когда присел он в кресло передохнуть, прежде чем подняться на второй этаж (даже это ему давалось теперь с трудом). Прямо в кресле Ельцин начал терять сознание.

Он был практически обездвижен и лишь на следующий день сумел кое-как приподняться, сидя в постели.

Кардиограмма и лабораторные исследование подтвердили диагноз с ужасающей отчетливостью.

Что делать? До второго тура выборов оставалась ровно неделя. Окажись кандидат сейчас в больнице, победа коммунистам стопроцентно была бы обеспечена.

И семья решает в очередной раз рискнуть. Вопреки требованиям врачей, Ельцина везут не в лечебницу, а оставляют на даче, в Барвихе, наспех переоборудовав гостиную под больничную палату. Из ЦКБ доставляется необходимая техника, аппаратура.

При этом препараты, которые вводились Ельцину (например, фибринолитики, растворяющие тромбы) применяться могли исключительно в стационарных условиях. Но в тот момент это мало кого тревожило.

«Кроме семьи, об инфаркте, разумеется, знали только лечащие врачи, несколько человек из охраны и персонала, – откровенно пишет в мемуарах Ельцин. – Не то что ближний круг – ближайший!

Буквально на следующий день после приступа, 27 июня, Таня и Чубайс встретились в “Президент-отеле”, там, где работал штаб. Весь график встреч между первым и вторым туром, все акции, поездки на предприятия пришлось отменить под благовидным предлогом – изменение тактики: президент, мол, уверен в успехе. И ни в коем случае не допустить утечки информации о болезни.

Конечно, я и мои помощники ходили по лезвию бритвы: позволительно ли было скрывать такую информацию от общества? Но я до сих пор уверен в том, что отдавать победу Зюганову или переносить выборы было бы во много раз большим, наихудшим злом».

Вот так, ни больше ни меньше. Ложь во спасение – разве ж это ложь?

Вновь, как бывало уже не раз, народ принялись потчевать небылицами о том, что президент всего лишь переутомился и решил отдохнуть.

Его пресс-секретарь Медведев громогласно заявил, что у шефа «сел голос в связи с многочисленными публичными выступлениями». Аналогичную сказку поведали Черномырдин, Илюшин, Лебедь.

«На второй тур выборов президенту хватит сил, – бодро врал журналистам министр спорта Шамиль Тарпищев. – Он здоровее всех нас, вместе взятых».

Именно в эти дни родилась, кстати, легендарная фраза о крепком президентском рукопожатии…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В последние годы жизни состояние здоровья императора Александра III было крайне тяжелым. Неумеренность в питье и последствия ранее перенесенной травмы (в 1883 году царский поезд потерпел крушение, и самодержец был вытащен из-под обломков вагона) привели к расстройству рассудка. Окружение фактически удалило Александра от управления страной и перевезло в крымскую резиденцию в Ливадии. Однако самодержец полностью игнорировал

советы врачей.

Опасаясь смуты, царский двор скрывал от народа истинное состояние царя. Даже после кончины Александра 20 октября 1894 года во всех храмах империи еще продолжали служить молебны о его выздоровлении. Впоследствии в смерти императора был обвинен врач Григорий Захарьин, который якобы осуществлял «злонамеренное лечение»; возбужденная толпа разгромила дом Захарьина.

Согласно официальному заключению, причиной смерти царя стал хронический интерстициальный нефрит с последовательным поражением сердца и сосудов, геморрагический инфаркт в левом легком, с последовательным воспалением.

Но никакие, даже самые звонкие убеждения соратников не могли заменить собой живого Ельцина. Его исчезновение с телеэкранов мгновенно породили вереницу самых страшных слухов и домыслов.

Чтобы окончательно успокоить страну, нужно было предъявить народу целого и невредимого президента.

Идею эту подсказал ельцинскому пресс-секретарю Медведеву кремлевский фотограф Дмитрий Соколов, в чем откровенно и винится сегодня. И Медведев, а точнее – семья ухватились за нее двумя руками.

В авральном порядке спальня, где Ельцин лежал недвижим, была задекорирована в кремлевский кабинет. Несмотря на строгие запреты врачей, Бориса Николаевича подняли с кровати, отмыли, причесали. Сложнее всего было его *мумифицировать* – как раз накануне у президента случился жесточайший сердечный приступ: самый серьезный за последнее время. Но телевидение вкупе с гримом способно творить и не такие чудеса.

Теперь Ельцин без обиняков сознается в мемуарах:

«Оператор (наш, кремлевский) долго мудрил, чтобы ничего лишнего в кадре не было, особенно рояля, который по традиции всегда тут стоял, и, само собой, кровати. Медицинскую аппаратуру чем-то накрыли. Наина умоляла об одном: “Боря! Только не вставай! Сиди в кресле! Тебе нельзя вставать!”»

2 июля полуживой президент обратился к народу. Он сумел произнести лишь несколько фраз, читая по телесуфлеру, но и этого было вполне достаточно.

А наутро грянули выборы.

О том, чтобы тревожить его вновь, не могло идти и речи, но Татьяне Борисовне во чтобы то ни стало требовалось вывести

любимого отца в свет: хотя бы на минуту, в момент только голосования.

Разумнее всего было вызвать в Барвиху переносную урну, но семья отвергла это с ходу, избиратели могли заподозрить неладное.

Голосовать в Крылатском, по месту прописки, было тоже опасно: там требовалось подняться по лестнице и пройти по длинному коридору – Ельцин элементарно мог не добраться до конечной точки.

В итоге Татьяна придумала компромисс: голосовать будем в санатории «Барвиха», расположенном по соседству с дачей.

Утром Ельцина кое-как одели, загримировали и потащили на избирательный участок. Выглядел он ужасно, краше в гроб кладут.

Но свезенные в Барвиху журналисты были как на подбор люди идейные и надежные. Их задача заключалась в том, чтобы показать народу не настоящего, а здорового, просто слегка подуставшего президента.

По счастью, все закончилось вполне благополучно. Ельцин, невероятным усилием воли сумел сконцентрироваться и дрожащей рукой опустил бюллетень в урну. На этом его силы иссякли и отвечать на вопросы журналистов он уже не смог.

Спектакль вышел на славу. Избиратели, вновь увидев живого *гаранта* , успокоились и проголосовали как надо.

С приличным отрывом Ельцин сумел победить главного соперника. Свои голоса ему отдали более 40 миллионов человек – 53,8 процента избирателей…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В 1984 году во время выборов в Верховный Совет СССР советская печать опубликовала фотографию генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко, голосующего на избирательном учас-тке.

К тому времени К. У. Черненко давно уже был тяжело болен и практически не вставал с постели. Поэтому расторопные пропагандисты еще за полгода до выборов, улучив подходящий момент, соорудили в его больничной палате декорацию, имитирующую избирательный участок; расставили массовку – людей, изображающих членов избирательной комиссии, а также других голосующих. Престарелый генсек был запечатлен в тот миг, когда он якобы опускал бюллетень в урну.

После появления снимка дотошные читатели были немало удивлены: выборы проходили поздней осенью, но

за окнами «черненковского» участка почему-то виднелась пышная летняя листва.

А ведь в отечественной истории это все уже было: немощные цари, полуживые генсеки.

Когда в феврале 1984 года умер Андропов, выбор Политбюро пал на товарища К. У. Черненко.

К тому времени Черненко шел 73-й годок. Он мало уже что соображал, предпочитая отвечать на любые вопросы одной-единственной излюбленной своей фразой: «Все хорошо».

Список его болезней мог сравниться по объему с книгой «О вкусной и здоровой пище». Среди бесчисленных недугов нового вождя значились, к примеру, эмфизема легких и бронхиальная астма. Из-за одышки Черненко почти не мог ходить и говорить и даже траурную речь на похоронах своего предшественника произнес с огромным трудом.

И все равно – единогласно был он избран лидером партии, и из тринадцати месяцев, проработанных в этой должности, больше половины провел в больнице, а в последнее время практически не вставал с постели. По этому поводу широкое хождение получил анекдот: на 73-м году жизни, не приходя в сознание, товарищ К. У. Черненко приступил к обязанностям генерального секретаря…

Вот именно, анекдот. Точнее – и не скажешь.

Коронация Черненко – анекдот. Последняя *пятилетка* впавшего в детство Брежнева – анекдот, причем прескверный.

А избрание Ельцина на второй срок?

Борис Николаевич мало чем отличался тогда и от Константина Устиновича, и от позднего Леонида Ильича. Он вообще не понимал, на каком свете находится, пребывая в глубокой прострации.

За одним только исключением.

Советская империя могла выдержать и Брежнева, и Черненко: работала отлаженная, многоуровневая система управления; колесики и шестеренки крутились в автономном режиме.

А вот Россия – *больного* Ельцина вынести *безболезненно* уже не могла, ибо власть замыкалась теперь на одного-единственного человека. Он сам выстроил такую модель – президентскую монархию – где заточено все было исключительно под кремлевский рычаг – ручной привод. Или, если угодно, кривой стартер. Не покрутишь его с утра – машина не тронется с места…

Все то время, пока Ельцин был недвижим, государством вообще никто не управлял. У этого корабля и раньше-то было неладно с лоциями, давным-давно сбился компас, маршрут прокладывали исключительно наобум Лазаря: по звездам. Но

прежде хоть горделиво высился на мостике капитан. Теперь же – и капитана не стало, и к штурвалу, отпихивая друг друга, ринулась всякая шваль, ведомая капитанской дочкой. Каждый желал порулить сам.

Вот и *дорулились* : до новой чеченской войны, дефолта, массовых забастовок и рельсовой войны. В накладе не остались только те, кто успел *порулить* …

Весь 1996 год Ельцин не занимался делами страны. Сначала он целиком был погружен в выборы. Потом – в собственное здоровье.

Он даже на инаугурацию свою *приплелся* с огромным трудом. Лучшие медицинские силы готовили *гаранта* к этим торжествам; пришлось специально *обкарнывать* сценарий, лишь бы только удержался он на ногах. Пробовали было отрепетировать с ним *тронную речь* , обязательную при вступлении в президентскую должность, но Ельцин и пары связных фраз не мог осилить. Максимум, на что хватило его, – прочитать с монитора несколько предложений.[40]

Увидев переизбранного президента, страна оторопела. В верности отчизне клялся натуральный живой труп – реинкарнация Брежнева в худшем его проявлении.

Куда же исчез бодрый и энергичный Ельцин, все выборы не слезавший с экрана?

А никуда он не исчезал. Просто чудеса иллюзионного жанра закончились. Ельцина уже выбрали, стесняться боле нечего – все равно ведь назад не переизберут.

По такой же ясноглазой циничной логике наперсточник, выдоивший вас уже до нитки, снисходительно демонстрирует жертве секреты своего мастерства: эдак вот я шарик прятал в рукав, эдак – незаметно доставал из кармана…

Кстати, при внимательном прочтении «Президентского марафона» эта *наперсточная* логика становится особенно заметна. Автор безо всякого стеснения, доверительно даже, повествует, как обманывал он страну; какие фокусы выдумывал; как, лежа при смерти, изображал бурную и кипучую деятельность.

Он, по-моему, еще и удовольствие от этого получает: экий я молодец! всех вокруг пальца обвел, а никто и не *чухнул* …

…15 августа Ельцину делают наконец коронарографию. Обследование показывает, что к операции с ходу он не готов: череда инфарктов окончательно подорвала его здоровье, нужно восстанавливать силы. Но и затягивать тоже нельзя: по прогнозам медиков, следующий инфаркт должен был случиться уже в ноябре. Он мог оказаться последним…

В мемуарах Ельцин пишет:

«Сначала поехал в Завидово. Любимые места. Так хотелось надышаться перед больницей этим душистым, сладким воздухом. И вдруг чувствую – не могу. Слабею с каждым днем, есть не хочу, пить не хочу, только лежать… Позвал врачей. Это что, конец? Да нет, говорят, Борис Николаевич, не должно быть.

Все идет по плану. А сами бледные. Таня, Лена, Наина – в шоке. За несколько дней я сильно осунулся. Оказалось, у меня упал гемоглобин. Анемия. Это был первый предоперационный кризис. Из-за него операцию пришлось перенести на месяц».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Анемия (малокровие) – резкое уменьшение количества эритроцитов или снижение гемоглобина в крови. Может являться как самостоятельным заболеванием, так и синдромом, сопровождающим течение другого патологического процесса.

Аорто-коронарное шунтирование, которое предстояло Ельцину, мероприятие довольно серьезное. Оно предполагает затяжную послеоперационную реабилитацию.

В этих условиях скрывать болезнь становилось уже невозможно. Дорогие россияне не видели президента здоровым аж с конца июня.

Только теперь Ельцин вынужден был публично признать, что давно и тяжело болен: саднит подорванное в боях за Россию сердце – нужна операция.

Конечно, проще всего было сделать эту операцию за кордоном: в России шунтирование не поставлено еще на поток.

Но это выглядело бы уже чересчур. Ельцин патриотично решает доверить свое сердце российским врачам.

Максимум, что позволяет он себе, – выписать из Америки знаменитого кардиохирурга Майкла Дебейки. Вместе с его российским учеником Ренатом Акчуриным они составили дивную пару, сразу же окрещенную прессой как *Добей-ка* и *Окочурин*.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Суть аорто-коронарного шунтирования (АКШ) состоит в создании обходных путей кровоснабжения сердечной мышцы – шунтов, минуя пораженные атеросклерозом коронарные артерии. Называется такой обходной путь анастомозом и чаще всего представляет собой вену самого же пациента, взятую из-под кожи бедра. Один конец вены вшивается в аорту, второй – в коронарную артерию ниже места сужения (закупорки).

Главная цель аорто-коронарного шунтирования

сердца – вернуть человека к нормальной, полноценной жизни. Основное, что дает человеку АКШ, – избавление от мучительных приступов стенокардии, одышки и сопровождающего их страха смерти.

Известие о предстоящей операции вызвало смятение не только в России, но и далеко за ее пределами. Хотя медики и успокаивали, говоря, что процент смертности при шунтировании не превышает двух-трех процентов, даже этой мизерной *вероятности* было вполне достаточно для всеобщей паники.

В течение одного лишь дня котировки акций российских компаний на Лондонской фондовой бирже рухнули сразу на 10 процентов. Снижение цен облигаций внутреннего валютного займа составило от 1,5 до 2 пунктов по всем выпускам кряду. (Как не вспомнить тут изречение самого *больного* : «Болячки президента – его личное дело».)

Чудо – то, что Ельцин выжил в те дни, чудо – по-другому и не скажешь. Его изношенное сердце вполне могло не выдержать операции, тем более что готовился он к ней весьма своеобразно. (Врачи уже тогда публично сетовали, что во время подготовки занимался он охотой и рыбалкой, что является «не очень желательной нагрузкой для больного».)

Впрочем, у этого чуда имелась фамилия, имя и даже отчество: Ренат Сулейманович Акчурин, зав. отделением сердечно-сосудистой хирургии кардиоцентра.

Именно золотым рукам Акчурина президент обязан был своим волшебным исцелением.

5 ноября Ельцину была сделана операция. Длилась она шесть часов. А первое, с чего начал *пациент* , едва придя в сознание, рано утром другого дня (в 6 часов), – подмахнул дрожащей рукой указ о возвращении себе президентских полномочий (на время *анабиоза* они были возложены на премьера Черномырдина).

История болезни так ничему и не научила его. Уже 8 ноября, несмотря на протесты врачей, Ельцин добился перевода в ЦКБ. А параллельно медики *застукали* Наину Иосифовну, когда пыталась она пронести под халатом *мерзавчик* коньяка. «Борис Николаевич очень просил», – смущенно объясняла первая леди, тиская ридикюль…

На седьмой день после операции Ельцин работал уже с документами и принимал *посетителей* .

На семнадцатый – из ЦКБ переехал в санаторий.

Через месяц – вернулся на дачу.

Титанические усилия хирургов разбивались о стену ельцинской самонадеянности. И пяти недель не прошло, как

поставили ему шунты, а президент уже охотился в Завидово.

Он постепенно возвращался опять к прежнему своему образу жизни: принимая сначала по 100 граммов, потом – по 200. И итог не замедлил себя ждать.

7 января с диагнозом «пневмония» Ельцин вновь попал в ЦКБ. Это произошло после того, как сходил он на радостях в баню, а потом прыгнул в холодный бассейн; ослабленный иммунитет не поспевал за его прихотями.

Впрочем, пневмонии никакой и не было, – это была лишь очередная отговорка кремлевской пресс-службы. В действительности у президента произошел ранний кардиосрыв в виде прогрессирования явлений сердечно-легочной недостаточности…

Его тогдашний помощник Георгий Сатаров говорил потом, что именно эта лжепневмония окончательно его и добила – Ельцин стал дряхлеть буквально на глазах…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Пневмония (воспаление легких) – заболевание, характеризующееся воспалительным процессом в альвеолах, межуточной ткани лёгкого. Воспаление захватывает долю легкого (крупозная пневмония) или отдельные его участки (бронхопневмония), нередко с поражением стенки бронхов и париетальной плевры, с острым или хроническим течением.

Сердечная недостаточность – комплекс расстройств, обусловленных главным образом понижением сократительной способ-ности сердечной мышцы. Возникает при перегрузке и переутомлении сердца или при нарушении его кровоснабжения. Как следствие – застой крови. Сердечно-лёгочная недостаточность – клинический синдром, характеризующийся сочетанием сердечной недостаточности и присоединившейся к ней лёгочной недостаточности.

История повторялась. И непомерные нагрузки, и неумеренность в питье, и недолеченные инфаркты – он ни разу не отлежал до конца послереабилитиационный период – все это никуда не исчезло, не растворилось в безвоздушном пространстве.

Врачей, как известно, президент никогда не слушал, а заботливые родные не решались лишать его маленьких радостей.

«У Татьяны ведь день рождения», – говорили они и наливали главе семейства праздничный бокал. А утром осматривавшие его доктора фиксировали признаки недостаточности в работе сердца.

Уже в 1997 году Ельцина вновь начали мучить головные и сердечные боли.

Семья взбеленилась.

«Для чего ж мы тогда делали операцию?» – возмущенно отчитывали они придворных медиков и, слыша в ответ, что больной переживает постоперационный (он же посторокатомический) синдром, только раздражались еще сильнее.

«Вы специально даете ему такие препараты, чтоб на людях он выглядел дураком, – заявляли президентские дочь и супруга. – Лечите, лечите, а ему все хуже и хуже».

(Цитирую практически дословно.)

Был в античной истории такой царь: Эгей. Так вот, когда флотилию эгейских кораблей поглотило однажды море (тоже, впрочем, Эгейское), царь разозлился настолько, что приказал высечь непокорную стихию цепями, чтоб неповадно было.

Эгей в своих бедах винил море. Кремлевская семья – врачей.

Любви промеж ними не было никогда; да ладно – любви; даже элементарной человеческой благодарности царственная династия не выказывала этим людям, столько раз спасавшим президента от неминуемой гибели.

Но в понимании семьи медики были исключительно *челядью* ; бессловесной обслугой, не имеющей права указывать им, господам, как вести себя, и уж тем более докучать назойливыми рекомендациями и запретами.

Их мнением пренебрегали, их советы не ставили и в грош. Татьяна Борисовна, не стесняясь, консультировалась где-то на стороне, прямо по телефону, а потом безапелляционно указывала, как следует лечить папу.

Большинство лечащих врачей были людьми высокопрофессиональными, а потому откровенно жесткими. Их упрямство давно уже выводило семью из себя, но до тех пор, пока Ельцин держал вожжи в своих руках, медики продолжали работать. С воцарением семьи участь этих людей была окончательно решена: стараниями Наины Иосифовны и Татьяны Борисовны в Кремле *занялось* новое *дело врачей* .

В 1997 году из состава медицинского консилиума были исключены его научный руководитель академик Воробьев – светило мирового масштаба, профессора Мартынов и Гогин. Причина одна: они-де старые, замшелые, а больному все хуже…

Весной того же года был уволен Александр Антропов, бывший врач первого секретаря МГК Зайкова, пришедший к Ельцину в 1992 году. Он провинился в том, что вместе с другими «изменниками» отмечал победу Коржакова на выборах в Думу.

В декабре настал черед лечащего врача Владлена Вторушина, в прошлом любимого доктора Ельцина; в период операции Вторушин три месяца неотступно просидел у постели больного, заезжая домой только переодеться. Этот вызывал у семьи раздражение своей независимостью.

Весной 1998 года от двора отказали члену консилиума Ренату Акчурину – тому самому Акчурину, вытащившему президента из могилы: он тоже не угодил Дьяченко.

Семья не пожалела даже старейшего ельцинского доктора Анатолия Григорьева, который работал с Первым пациентом аж с 1981 года, с момента избрания его в ЦК (по существовавшему тогда правилу, провинциальных членов ЦК прикрепляли к Четвертому управлению Минздрава).

Долгое время Григорьев оставался вообще единственным лекарем Ельцина – и в московском горкоме, и первые годы президентства. Вместе они пережили четверо выборов, два путча, пять инфарктов и одну операцию.

Самое поразительное, что герой наш даже и тени признательности к своему эскулапу не испытывал. Особенно его бесила невозмутимость Григорьева («Мне плохо, а ты спокойно смотришь», – выговаривал Ельцин врачу). Много раз Григорьеву приходилось элементарным образом прятаться от непредсказуемого пациента, но в свое время от расправы его спас Коржаков: сделал начальником медицинского отделения президентской службы безопасности.

Коржаков же его и «сгубил». После того как Григорьев осмелился сходить на банкет в честь пятилетия СБП (это было в ноябре 1998 года), его немедленно вызвали в кадры и объявили об увольнении – по сокращению штатов. Из всех сотрудников *охранного* медотделения сократили, однако, только его одного, даже не дав дослужить трех месяцев до окончания контракта.

Нехитрая кремлевская арифметика: к началу второго срока с Ельциным работало пятеро врачей. Сегодня из пяти – с ним остался лишь один, самый невозмутимый и непробиваемый – Николай Мальков.

Остальных под разными предлогами уволили, не сказав на прощание даже дежурного «спасибо». Что, в общем, для Ельцина и его семьи абсолютно нормально: когда в Свердловске скончалась врач Тамара Курушина, лечившая его много лет, Борис Николаевич и не подумал выразить соболезнования ее семье.

Как тут не процитировать еще один пассаж из «Президентского марафона»:

«Спасибо вам, мои врачи, медсестры, нянечки. Всех вас не

перечислить в этой книге, но все ваши лица помню и люблю!»

Видимо, президентская любовь чем-то отличается от нормальной, общечеловеческой любви…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

В январе 1953 года в СССР по приказу Сталина было сфабриковано так называемое «дело врачей-вредителей» (они же – «убийцы в белых халатах»). Формальным поводом для него послужило письмо врача кремлевской больницы Л. Тимашук, в котором сообщалось, что кремлевские врачи якобы применяют неверное лечение к сановным пациентам.

За бдительность и патриотизм Л. Тимашук была награждена орденом Ленина, а сотрудники МГБ арестовали более десяти ведущих советских ученых-медиков (Вовси М. С., Коган Б. Б., Фельдман А. И., Гринштейн А. М., Этингер Я. Г., Виноградов В. Н., Коган М. Б., Егоров П. И. и др.). Все арестованные являлись врачами кремлевской поликлиники и ЦКБ и лечили членов Политбюро, правительства и высший генералитет. Большинство арестованных «сознались», что по заданию иностранных разведок они «путем вредительского лечения» умертвили секретарей ЦК Жданова и Щербакова, хотели убить маршалов Василевского, Говорова и Конева, генерала армии Штеменко, адмирала Левченко и даже покушались на Сталина.

Через несколько месяцев после смерти Сталина все они были реабилитированы и освобождены из тюрьмы, а «патриотка» Л. Тимашук – лишена врученного ордена.

Возникновению нового *делакремлевскихврачей* предшествовала, впрочем, еще одна малопочтенная история.

Дело в том, что аккурат в 1997 году, когда и начался вал *медицинских репрессий* , возле тела царственного пациента нарисовался один весьма любопытный субъект. Звали его Геннадий Сухих.

Доктор Сухих первым в России начал практиковать так называемую клеточную терапию: омоложение организма путем введения стволовых клеток. Клетки эти, чтобы было понятно, добываются из абортивного материала; проще говоря – из тканей неродившихся младенцев. По уверению Сухих, пересаженные юные клетки зародышей заменяют собой старые и больные, вызывая в пациенте прилив энергии.

Вам это ничего не напоминает? Ну как же? «Я пересажу вам

яичники обезьяны». – «Как, профессор, неужели непременно обезьяны?».

Да-да-да: профессор Преображенский, Шариков, «неприличными словами не выражаться!».

Между прочим, у булгаковского персонажа существовал вполне реальный прототип – профессор Воронцов, прославившийся опытами по пересадке обезьяньих органов. В своей лаборатории при сухумском питомнике он готовил вытяжки из яичек человекообразных обезьян, которые вкалывал затем мужчинам для поднятия потенции. Говорят, среди пациентов Воронцова были многие власть предержащие и даже несколько членов Политбюро.

Этот-то принцип и лег в основу учения доктора Сухих.

Когда кремлевские медики узнали о появлении Сухих, они, понятное дело, страшно возмутились. Клеточная терапия – область малоизученная. Официальная медицина во всем мире выступает категорически против использования человеческих эмбрионов.

Препараты, которые пользовал доктор Сухих, не проходили никаких клинических испытаний. Откуда брал он свои вытяжки – никто тоже не знал.

Да, поначалу *омолаживающие* уколы давали эффект: появлялся прилив сил, бодрость, жизненный тонус. Но кто мог поручиться за последствия этих инъекций? Что не приведут они в конце концов к еще худшим последствиям? Профессиональная медицина тем и отличается от знахарства, что главный принцип ее: не навреди.

Наука – это не абстракционизм. На вопрос, сколько будет дважды два, здесь не может быть приблизительного ответа. Тем более если речь идет о человеческих жизнях.

Но президенту и его семье очень хотелось чуда: чтобы как в сказке про молодильные яблоки и животворящую воду – прыгнул в котел с кипящим молоком – и готово дело.

Старые проверенные способы облегчений Ельцину не приносили; да и не нравились они ему никогда, ибо влекли за собой целую кучу неудобств в виде режима, диет и прочих *заморочек* .

И тогда он решил в очередной раз рискнуть своим здоровьем, благо всячески убеждал его в этом новый фаворит семьи Андрей Фесенко –педиатр, успешно, а главное, беспрекословно лечивший президентских внуков и потому приближенный к телу.

В борьбе между наукой и шарлатанством победа досталась… правильно, шарлатанству.

Надоедливых академиков из Кремля изгнали. Новым

лечащим доктором Ельцина стал педиатр Фесенко. А чудесный исцелитель Геннадий Сухих приступил к делу своей жизни: спасению президента.

Врачи кремлевского медцентра по секрету признавались мне, что на протяжении нескольких лет Ельцину кололи омолаживающие уколы, сделанные из органов неродившихся россиян.

Никто всерьез препараты эти поначалу не проверял, но при первом же рассмотрении оказалось, что содержание солей тяжелых металлов в эмбриональных тканях превышало нормы положенности в несколько раз: иными словами, мать неродившегося ребенка жила в неблагополучном экологическом месте. Хорошо, если в Капотне. А вдруг в Чернобыле?

После этого инцидента руководство президентского медцентра распорядилось проверять эмбрионы самым строжайшим образом, но от всех напастей застраховаться все равно не смогло. Через недолгий промежуток времени в результате уколов Ельцин заразился сепсисом…

Кажется, Клеопатра пыталась продлить свою молодость, плескаясь в ваннах, наполненных кровью.

Первый президент отличался от нее не намного. Кто не знает: все религии – и православие, и ислам, и иудаизм – категорически запрещают аборты.

Мне доводилось наблюдать, что представляет собой означенный абортный материал; картина – леденящая кровь: натуральные детские трупики, с ручками, ножками и крохотной головкой. Уже к 10 неделям плод начинает превращаться в человека, в России же прерывание беременности разрешено до 22 недель; и чем старше убитый младенец – тем ценнее его клетки…

Я не собираюсь морализаторствовать, *нудить* о нравственности и этике. В конце концов, церковь отделена у нас от государства и формально Ельцин имел полное право пробавляться лекарствами, изготовленными из своих же неродившихся подданных, хотя во всем цивилизованном мире операции с эмбрионами строжайше запрещены.

Ну да ладно: если ему приспичило… Просто на его месте я выбрал бы тогда что-то одно: либо снадобье из детских трупиков, либо походы в церковь вперемежку с рассказами о вере.

Это как в известном анекдоте: или трусы надень, или крест сними.

Кстати, в награду за старания целителю Сухих был сделан поистине царский подарок. Российский Минздрав – первым в мире – легализовал клеточную терапию, разрешив повсеместно использовать для лечения ткани эмбрионов. Сделано это было в

обход Фармацевтического комитета, Комитета по биоэтике Минздрава и Академии медицинских наук.

Крупнейшие ученые, светила медицины встали буквально на дыбы. Они говорили в открытую, что приказы эти протолкнул не кто иной, как Сухих: в этой области он был главным законодателем *моды* .

С категорическими протестами выступили такие величины, как главный акушер-гинеколог страны Кулаков, директор НИИ нейрохирургии Коновалов, президент Академии медицинских наук Покровский, директор института экспериментальной кардиологии Смирнов, председатель Комитета по биоэтике Лопухин, тот же самый Ренат Акчурин (само собой все до единого – академики).

В итоге приказы пришлось отменять. Хотя на докторе Сухих это отразилось несильно: он по-прежнему потчует пациентов вытяжками из неродившихся младенцев…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Клеточная (фетальная) терапия – лечение стволовыми клетками. Эмбриональные стволовые клетки выделяют из эмбрионов, то есть из абортивного материала и применяются для стимуляции иммунной системы и для долгосрочной активизации ресурсов организма. Несмотря на то что только Екатеринбургский НИИ вирусных инфекций обладает соответствующим сертификатом на производство стволовых клеток из эмбрионов, этот препарат вовсю используется на черном рынке. Поскольку в кустарных условиях практически невозможно очистить стволовые клетки, конечный препарат вместо омоложения может привести к возникновению раковой опухоли или спровоцировать новые болезни. Есть пациенты, у которых стволовые клетки вызвали тяжелейшие аутоиммунные нарушения. Как правило, результаты такого «омоложения» остаются на всю жизнь.

«Весь второй срок Ельцина – это непрерывная болезнь. Он отсутствовал на рабочем месте и практически не работал».

Не подумайте только, что слова эти принадлежат какому-нибудь ярому оппозиционеру наподобие Зюганова или Илюхина. Вовсе нет. Их произнес самый что ни на есть благонадежный демократ Евгений Савостьянов, отвечавший в период означенной «непрерывной болезни» за всю кадровую президентскую политику.

Те, кто верил, что после операции Ельцин вновь обернется

прежним, энергичным и бодрым Ельциным, глубоко заблуждались.

Больше 2–3 часов в день работать он не мог. Его резиденция в Горках-9 была превращена в филиал ЦКБ с соответствующим оборудованием и постоянно дежурящей бригадой врачей. Для снятия боли Ельцину приходилось постоянно принимать наркотики (промедол, баралгин, препараты анальгетического ряда). Стоимость лекарств, которые специально выписывали ему из заграницы, была сопоставима со всей внебюджетной прибылью ЦКБ.

(Помните: «Я не могу глотать импортные лекарства, зная, что у соседки нет аспирина для ребенка»?)

Когда в марте 1997 года президента решили первый раз после операции и болезней вывести в свет – на послание Федеральному Собранию – для организации этого действа пришлось привлекать профессиональных режиссеров: постановку *спектакля* осуществил главный режиссер «Школы современной пьесы» Иосиф Райхельгауз, вволю наигравшийся со звуковыми и световыми эффектами. Главная задача, которую поставили ему – максимально сократить выступление Ельцина и отсечь от микрофонов всех нежелательных депутатов.

Даже живительные *молодильные* уколы не могли уже вернуть его к жизни… Это был совершенно больной, дряхлый старик, то мерно дремлющий на своей даче в Барвихе (официально сие именовалось «работой с документами»), а то вдруг начинающий откалывать очередные *коленца* – хоть стой хоть падай.

В Красноярске, на встрече с японским премьером Рю, Ельцин объявил, что дарит ему Курильские острова. Первый зампредсовмина Немцов, узнав об этом, буквально упал перед Ельциным на колени. «А почему я не могу сделать приятное своему другу?» – искренне удивился тот. И лишь после долгих уговоров и апелляций к общественному мнению нехотя смирился: «Хорошо. Я их обману».

В Норвегии он одновременно по-македонски *облапывал* королеву и премьершу, чмокая и приговаривая: «Малина со сливками!» В Швеции, *дернув* шампанского, расцеловывал в обе щеки королевскую фрейлину, а вслед за ней – принцессу Викторию, подбивая сгорающего от стыда Немцова последовать его примеру и вообще жениться на принцессе: «Смотри, какая девушка симпатичная».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

О наличии у больного патологического влечения к алкоголю можно догадаться по некоторым косвенным

признакам: оживлении больного после первой же выпитой рюмки, суетливости, приподнятому настроению, желанию совершать необдуманные поступки, что провоцирует различные варианты деструктивного поведения.

Там же, в Стокгольме, на пресс-конференции, он поведал обомлевшим журналистам, что приказал уже в одностороннем порядке сократить на одну треть российские ядерные боеголовки и ждет теперь ответных мер Запада; при этом к ядерным странам Ельцин почему-то причислил Германию с Японией, а саму Швецию перепутал с Финляндией, объявив (дословно), что «между нами была не только дружба, но и война».

Кстати, о ракетах. Еще до Стокгольма Ельцин объявлял, что снимет нацеленные на страны «большой восьмерки» ракеты. Но после того как НАТО принялось бомбить Югославию, громогласно провозгласил совсем обратное: российские боеголовки будут перенацелены «на столицы стран, чьи вооруженные силы участвуют в агрессии», а «преступное руководство этих государств ждет скамья подсудимых вроде Нюрнберга». А затем предложил Клинтону срочно встретиться – «на корабле или даже на подводной лодке».

Время от времени Ельцин терялся в пространстве и времени, забывал имена приближенных, путался в должностях и фамилиях.

Нового премьер-министра, бывшего главу МИДа Евгения Примакова он почти две недели упорно именовал «Сергеем Максимовичем», а выслушав как-то доклад его сменщика – внешнеполитического министра Иванова – наклонившись к «Сергею Максимовичу», громко, на весь зал произнес:

«Хорошо докладывает! Ну просто готовый министр иностранных дел. Нужно назначить!»

Попавшему к нему на прием зам.руководителя кремлевской администрации Сысуева он спутал с директором погранслужбы и долго объяснял, как важно держать на замке границы; китайского лидера, посетившего с визитом Москву, принял за японского премьера. Обалдевший китаец никак не мог уразуметь, с чего вдруг российский глава восторженно вещает ему о стратегической оси Москва – Токио.

Ни один российский телеканал – даже НТВ – не осмелились показать кадры его встречи с Клинтоном, когда в разгар беседы повернулся он вдруг к американскому президенту задом и устремился к своим министрам, стоящим поодаль с одним-единственным вопросом: «А где журналисты?» (Журналисты стояли в другом углу, но Ельцин их почему-то не заметил.)

И репортаж о посещении им столичной школы № 1130 тоже прошел с серьезными купюрами. Телезрителям так и не суждено было услышать откровения президента, который на голубом глазу поведал ученикам, что в детстве любимым его литературным героем был, оказывается, Пушкин и что каждые пять лет вместе с одноклассниками он путешествует по стране и до сих пор переписывается со своей первой учительницей (учитывая, что пошел Борис Николаевич в школу еще накануне войны, интересно, сколько лет сейчас старушке: если вообще, она жива).

Это было даже посильнее, чем знаменитые признания его, что всей семьей сажает он на зиму картошку, чем и кормится потом: «И я, и Наина Иосифовна, и дочки, и зятья, и внуки. Восемь мешков сажаем, восемь собираем, и нам на зиму хватает».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Болезнь Альцгеймера – дегенеративное заболевание центральной нервной системы, характеризующееся прогрессирующим снижением интеллекта, расстройством памяти и изменением поведения. Заболевание обычно возникает у людей пожилого и старческого возраста. Болезнь Альцгеймера является ведущей причиной слабоумия у пожилых. Первые симптомы могут появиться уже после 40 лет, а после 70-летнего возраста частота заболевания доходит до 30%. В результате исследования выяснилось, что наследственность играла роль в 79% случаев болезни Альцгеймера, в остальных случаях основное значение имели внешние воздействия.

Самое занятное, что после каждой новой выходки, когда журналисты вновь принимались обсуждать, в каком… э-э… состоянии находится президент, Кремль аж захлебывался в приступах праведного гнева.

Перелистаем старые газеты. Год 1998-й.

Март. На вопрос журналистов о состоянии его здоровья Ельцин предлагает «посоревноваться с любым в бассейне, на теннисном корте или беговой дорожке».

Апрель. «Я здоров как никогда!»

Май . «Я по всем показателям здоров… Предлагаю всем желающим посоревноваться в спорте, доказать друг другу, кто здоровее».

Июнь. «Всю прошлую неделю мы работали практически круглосуточно».

Июль. Пресс-секретарь президента С. Ястржембский: «Слухи о нездоровье президента распускаются преднамеренно кем-то, кто

преследует собственные политические, экономические или иные интересы».

Довольно?

Это был тот самый 1998 год, когда в стране началась рельсовая война; когда зарплату бюджетникам и пенсии не платили месяцами; когда по всей России гремели забастовки (в апреле на улицы вышло более миллиона) и в отставку отправилось сразу два правительства подряд. Закончился он, как вы помните, дефолтом, который обесценил рубль в четыре раза, уничтожив на корню только-только зародившийся средний класс – становой хребет любой экономики.

Правда, накануне кризиса Ельцин ушел в очередной нескончаемый отпуск. Все мало-мальски грамотные экономисты, все министры и кремлевские советники знали уже, что сейчас разразится крах, но президент тем временем преспокойно отдыхал на Валдае.

«Твердо и четко заявляю: девальвации рубля в России не будет, – во всеуслышание объявил он 14 августа, и не думая прерывать отпуск. – Это просчитано, это моя работа и мой контроль».

Через три дня – 17 августа – начался дефолт…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

К концу 1970 года средний возраст членов Политбюро приближался к 80 годам. Все без исключения кремлевские небожители страдали тяжелыми старческими заболеваниями.

Министр иностранных дел Андрей Громыко и председатель Совета Министров Николай Тихонов регулярно, допустим, теряли координацию и падали – прямо во время торжественных собраний.

Страдающий атрофией головного мозга секретарь ЦК Андрей Кириленко постоянно путался в своих мыслях, забывая, что хочет сказать.

Начальник личной охраны Брежнева генерал Владимир Медведев вспоминает:

«Мне приходилось быть свидетелем телефонных разговоров Кириленко с Брежневым. Тот звонит:

– Леонид, здравствуй.

– Здравствуй.

– Это я, Андрей.

– Слушаю, слушаю тебя, Андрей.

– Ты знаешь… – вдруг замолкал. Наступала длительная пауза. Леонид Ильич сидит, улыбается, ждет:

– Леонид, извини, вылете-ло из головы…

– Ну ничего. Вспомнишь – позвони».

При этом, однако, добровольно в отставку никто из стариков отправляться не желал. Даже когда Брежнев предложил окончательно впавшему в маразм Кириленко уйти на пенсию, тот напи-сал в ответ слезное письмо с просьбой оставить его на работе – и ведь оставили.

В 1998 году Ельцин, «здоровый как никогда», трижды – только по официальной версии – оказывался на больничной койке (ларинготрахеит, трахеобронхит, пневмония).

В октябре, приехав с визитом в Ташкент, он едва не рухнул прямо на летном поле, и буквально был подхвачен в воздухе президентом Узбекистана. Тем же вечером, на торжественном обеде, Ельцин долго запинался и, несмотря даже на подсказки Наины Иосифовны, так и не смог произнести до конца ответный тост. Свое выступление он закончил словами, что «остался доволен осмотром объектов и магазинов».

А утром, проснувшись в правительственной резиденции «Дурмень», приказал срочно вести его в Кремль; даже разнос устроил обслуге – почему 7 утра уже, а никто до сих пор не готов, он же на работу опаздывает… Вот уж точно – «Дурмень» …

Визит пришлось резко сворачивать – по причине «медицинской необходимости». Официально было объявлено, что Ельцина одолел… трахеобронхит.

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Трахеит – воспаление слизистой оболочки трахеи. Часто сопутствует воспалению верхних дыхательных путей инфекционного, токсического или др. происхождения. Основной симптом –кашель, усиливающийся по утрам. При вовлечении в воспалительный процесс слизистой оболочки бронхов ставят диагноз: трахеобронхит.

В первые годы своего владычества Ельцину очень льстили сравнения его с царем: Царь Борис. Действительно, звучит!

Он и вправду демонстрировал поначалу черты, присущие государям-реформаторам, крутым норовом своим и самодержавными замашками стараясь походить то на Ивана Грозного, то на Петра Великого.

Но чем больше времени проходило, тем условнее делались эти аналогии. Если и смахивал он теперь на кого-то из исторических персоналий, так исключительно на беспомощных и слабых императоров, а особенно – императриц. Что-то было в нем

от малолетнего царя Федора Алексеевича, 16 лет от роду вступившего на престол, держась за маменькину юбку; что-то – от Анны Иоанновны с ее дикими забавами и бироновщиной; что-то – от Екатерины Великой, распределявшей земли и казну посредством постели. И очень много – от Николая II.

У Николая был позорный Портсмутский мир, у Ельцина – не менее позорный Хасавюрт: когда победившая уже было русская армия, запершая боевиков в Грозном, неожиданно была уведена из Чечни. Через пару лет, окрепнув и вооружившись на деньги от выкупов заложников (тема этого чеченско-московского бизнеса ждет еще своего Нестора-летописца), бандиты объявят новую войну.

Всей кадровой политикой императора заведовала его жена, бывшая Гессен-Дармштадтская принцесса Алиса: отстраняла и назначала министров, царедворцев, даже премьер-министров. (Последним русским премьером стал при ней 70-летний князь Голицын, заведовавший прежде благотворительными учреждениями *Ее* Величества. На вопросы друзей, зачем согласился он на этот хлопотный пост, Голицын изрек: «Чтобы было одним приятственным воспоминанием больше!»)

У Ельцина была великовозрастная дочь Татьяна, без соизволения которой ни одно серьезное решение в Кремле не принималось.

(«Дело доходило до того, – вспоминал бывший глава президентской администрации Сергей Филатов, – что без “Татьяниной точки”, поставленной в условленном месте, не подписывались документы».)

И даже некое подобие Распутина у Бориса Николаевича тоже имелось: эти функции выполняли зараз несколько приближенных ко двору олигархов – Березовский, Абрамович и примкнувший к ним бывший журналист Юмашев.

«Он смотрел на своих министров как на обыкновенных приказчиков», – писал о Николае очевидец. (Назначая министром Коковцева, царь спросил его прямо: «Надеюсь, вы не будете заслонять меня так, как это делал Столыпин?»)

«Ничтожный, а потому бесчувственный император. Громкие фразы, честность и благородство существуют только напоказ, так сказать, для царских выходов, а внутри души мелкое коварство, ребяческая хитрость, пугливая лживость», – говорил о нем Витте. «Убожество мысли и болезненность души», – это уже Дурново.

Когда в 1905 году царь велел министру внутренних дел Святополк-Мирскому вступить в переговоры с лидерами земского движения, он одновременно приказал подготовить проект рескрипта о его отставке: за «уступчивость» в переговорах с

оппозицией.

Похоже, правда?..

До тех пор, пока рядом с Ельциным находились яркие, неординарные *личности* – министры, советники, помощники – они хоть как-то могли еще на него влиять. Эти люди даже осмеливались иногда спорить с ним, чего Ельцин не терпел категорически.

Но с избранием его на второй срок любое свободомыслие, даже жалкие попытки оного – были вытравлены из Кремля *дустом* .

К концу 90-х годов возле Ельцина не осталось практически ни одного из тех людей, с кем начинал он когда-то. Ни столь нелюбимых демократами фаворитов: Коржакова, Барсукова, Сосковца, Грачева. Ни – самих же гордых и принципиальных демократов.

Внешне он походил на капризного ребенка, то и дело выбрасывающего еще любимые недавно, но опостылевшие в одночасье игрушки; причем игрушки новые ждала та же незавидная участь…

Честно говоря, метаморфоза эта долго не давала мне покоя. Я никак не мог уразуметь причин раздвоения ельцинской личности.

С одной стороны, как и все *употребляющие* люди, президент должен был по идее отличаться чувственностью и сентиментальностью. Но почему-то он без всякого сожаления расставался с соратниками, с которыми связывала его многолетняя близость.

Загадку эту мне помог уяснить бывший помощник президента по международным делам Дмитрий Рюриков, проработавший с Ельциным шесть лет – с 1991 по 1997 год – и узнавший о своем увольнении из выпуска теленовостей. (Президент даже не пригласил его на прощание и никакой работы взамен, естественно, тоже не предложил.)

«Да ничего странного, – усмехнулся в ответ на мои вопросы Рюриков. – Просто у Бориса Николаевича есть одно исключительное качество: он легко обо всем забывает. Негативные эмоции не откладывались в его памяти. Был человек – и нет, словно и не было никогда».

К людям, окружавшим его, подобным образом Ельцин относился всегда: еще с юности. Не то чтобы был он совсем уж черствой, бессердечной натурой. Нет, просто все вокруг имели для него исключительно временную ценность: как только человек переставал быть нужен, он забывал о нем враз…

Он даже о единоутробных своих родителях почти никогда не вспоминал; уехав в город, редко виделся с ними, забывал

поздравлять с днями рождения.

Его младший брат Михаил рассказывал, что когда стариков потребовалось забирать из деревни – мать тяжело заболела, отца парализовало, – Борис Николаевич и не подумал поселить их у себя.

«У тебя, Михаил, конечно, тесновато, – сказал он брату, – но и у меня, пойми: двое детей, жена, ответственная партийная работа. Так что ухаживай за стариками, а я мысленно с тобой».

Младший брат работал в то время простым монтажником и жил в однокомнатной квартире; старший – был уже секретарем обкома и занимал роскошные, по свердловским меркам, хоромы…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

При функциональных расстройствах нервной системы человек может проявлять полное равнодушие к родным и близким. Он проявляет неблагодарность, бесчувственность, нечувствительность. Становится индифферентным, безразличным к происходящему и абсолютно равнодушным к вопросам общественной жизни и морали.

Мать Клавдию Васильевну, любовь к которой, уже будучи президентом, он всячески культивировал, Ельцин заберет к себе лишь в 1992 году: когда станет ей совсем худо и потребуется постоянный присмотр врачей. (Хотя мне лично кажется, что причина не только в этом. Просто в Екатеринбурге пошли уже разговоры о неблагодарном, бросившем мать президенте, и негоже было, чтобы расходились слухи эти на всю страну.)

Он поселит ее на даче в Барвихе, в боковом крыле, рядом с караулкой и комнатой охраны, но мать на то и мать: она не обижалась на сына, даром что не звали ее никогда к общему столу; питалась старуха отдельно от всей семьи…

По полуофициальной кремлевской версии, Клавдия Ельцина скончалась от переживаний за сына: в разгар противостояния Ельцина с Верховным Советом. Но работавшая на даче в день ее смерти обслуга говорила совсем другое: невестка – Наина Иосифовна – страшно накричала на свекровь, и та в расстроенных чувствах закрылась в своей комнате. Борис Николаевич узнал о кончине матери последним: спустя шесть часов после того, как *преставилась* она…

Похоже, родственные чувства вообще были ему чужды. До последнего времени Ельцин не общался ни с братом, ни с родной сестрой; сколько бы ни приезжал в Екатеринбург, никогда не навещал Михаила, но при этом – демонстративно – мог начать

обниматься с шофером, который когда-то возил его, или отправиться с букетом цветов к врачу, лечившему мать, – разумеется, под прицелом журналистских камер.

По этому поводу генерал Коржаков недоумевает до сих пор:

«С братом при мне он не встречался ни разу. Михаила я вообще никогда не видел, а Валентину – сестру – только дважды: когда она переехала в Москву. Бородин дал Валентине квартиру в Проточном переулке, и Ельцин посылал меня посмотреть дом: сам он, разумеется, ни тогда, ни после к ней не ездил».

Реакция сестры на такое к себе отношение неизвестна, но Михаил Николаевич – еще в эпоху правления Ельцина – горячо уверял журналистов, что на московскую родню он совсем не в обиде: просто брат сильно занят. Он даже пытался помочь ему – услышал по телевидению, что Ельцины вынуждены всей семьей копать себе на зиму картошку и решил послать им два мешка. У него, пенсионера, времени чай больше – но *высокие* родственники от подарка почему-то отказались. «Говорят, у самих, мол, поспел хороший урожай», – простодушно объяснял бывший монтажник…

Люди – неважно: родственники, соратники, помощники, случайные встречные – были в восприятии Ельцина всего-навсего попутчиками; они заходили и выходили из вагона, навсегда оставались на пролетающих мимо перронах; иногда приходилось даже дергать стоп-кран, чтобы высадить кого-то, но до конечной станции вместе с ним не ехал никто…

Летом 1989 года Ельцин задавил человека. Генерал Коржаков хорошо помнит, как было дело.

– Мы поехали ко мне в деревню, в Молоково. Попарились, употребили, как полагается: у меня была бутылка вонючего китайского спирта; я, правда, разбавлял, а он – пил чистый. Ночью заснуть он не мог. Едва рассвело, в 6 утра, Ельцин заставил своего водителя завести его «Москвич», выгнать на улицу и сам сел за руль: развеяться. Как на грех, на выезде из деревни ему под руку попалась компания местных автолюбителей. У обочины стояли «Жигули» и мотоцикл: водитель «Жигулей», распахнув дверь, беседовал о чем-то с мотоциклистом.

– Не знаю уж, что случилось, – продолжает Коржаков, – но Борис Николаевич на всем ходу врезался в них. От удара у «жигуленка» отлетела дверь, а мотоцикл просто вынесло с дороги. Когда я примчался на место, там была уже полная каша. Кое-как мы уговорили пострадавших не писать заявлений, сами отремонтировали машину. Да черт с ней, с машиной! Главное, что пассажир мотоцикла, которого он сшиб, оказался в

тяжелейшем состоянии. От удара у него повредился позвоночник, надорвались почки. Мы с друзьями, как могли, пытались его спасти. Покупали самые лучшие лекарства, возили по больницам. Но через полгода мужик скончался. Хоронить его пришлось тоже нам, потому что родственников у него не имелось: обычный деревенский пьянчужка…

Самое дикое в этой истории даже не то, что будущий президент лишил, пусть и неумышленно, человека жизни. Но Ельцин ни разу не поинтересовался судьбой своей жертвы. Даже когда Коржаков объявил ему, что тот умер, Борис Николаевич преспокойно пропустил это мимо ушей…

Что тут скажешь?

Вся жизнь – как скорый поезд: урчат гудки, стучат колеса на стыках, проносятся за окном полустанки. И только он – главный пассажир – определяет, кого и когда ссаживать; а если ненароком и раздавило кого по пути – так не по злому же умыслу, а исключительно во имя высшей цели.

Крестного своего отца Якова Рябова, сделавшего из строительного начальника средней руки крупного руководителя; буквально за руку приведшего Бориса Николаевича в обком; настоявшего, чтобы назначили его первым секретарем, – Ельцин ссадит первым, еще в 80-е годы.

Потом были демократы, межрегиональная депутатская группа, сплоченная, как одна семья. И что же? Даже тех немногих, кого взял он потом в Кремль, всех до единого убрал.

А доверенные его лица – самая первая команда, работавшая на выборах и в союзный, и в российский парламент; по уши влюбленная в него; каждый готов – в огонь и в воду. Их всего-то было девять человек; казалось, чего проще, возьми с собой, они-то уж точно – заслужили. Куда там! Из девятерых *трудоустроен* был только один – Владимир Камчатов, он стал полпредом президента в Москве. Но тоже ненадолго…

На самом деле с Ельциным все было ясно уже в тот момент, когда самым пошлым образом *кинул* он верного своего соратника Михаила Бочарова. Был такой популярный депутат, тоже, кстати, строитель, президент концерна «Бутэк». В 1990 году, став спикером российского парламента, Ельцин обещал ему кресло предсовмина республики. Но в премьеры предложил потом… Ивана Силаева.

Ума не приложу: как люди, окружавшие тогда Ельцина, не замечали очевидных, кажется, вещей; тешили себя наивными мыслями: с нами, мол, такого не будет.

Все, кто находился рядом с ним, обречены были просто по определению. Даже те, кто считал себя ближайшими его

соратниками, кичился дружбой – в мгновение ока растворялись в небытие: Бурбулис, Полторанин, Скоков.

Равных себе Ельцин не терпел. Тех, кто слабее, – презирал.

Первыми из Кремля начали вылетать прекраснодушные демократы – вчерашние повелители уличных трибун, романтики и мечтатели.

(Из состава первого ельцинского правительства больше двух лет не проработало и половины министров.)

И проблема была вовсе не в профнепригодности этих чиновников: просто Ельцину неприятно было осознавать, что рядом с ним работают люди, помнящие его падения; видевшие его в опале и забвении; они были живым напоминаем его прошлого, о котором президент хотел позабыть, как можно скорее. Кроме того, среди них попадались и особо опасные *субчики* – с принципами, – что совсем уж ни в какие ворота не лезло, ибо все принципы сводились теперь к одному – что хорошо для президента, хорошо для России.

Демократы никак не могли уразуметь, что нет больше горлопана и бунтаря Ельцина, а есть президент, царь, самодержец.

«Если рассуждать, сколько на самом деле было Ельциных, то я знал троих, – делится наблюдениями его первый пресс-секретарь Павел Вощанов. – Ельцина, который не имел власти и понимал, что в одиночку этот путь не пройти и ему нужны были соратники. Ельцин, который получил власть, но еще не знал, как ею распорядиться. И Ельцин, который уже забронзовел… Знаешь, какие последние слова в своей жизни я услышал от Бориса Николаевича, лично обращенные ко мне? “Иди и делай, что тебе царь велел!”»

Вощанов – кстати, случай уникальный – отказался «делать, что велит царь» и покинул Кремль. Но таких, как он, были единицы. (Кроме Степашина и Ерина, подавших рапорты после буденновского позора, больше никого и не припомню.) Те, кто оказывались возле трона, по своей воли никогда не уходили.

Поначалу, правда, Ельцин расставался с наперсниками истинно по-царски, жалуя на прощание… Ну, не расшитый золотом кафтан, конечно, но тоже неплохо.

Виктора Ярошенко, одного из самых ранних своих соратников (он даже успел поработать полгода министром внешних связей), Ельцин отправил в почетную ссылку: торгпредом в Париж.

Пресс-секретаря Вячеслава Костикова – послом в Ватикан.

Под Юрия Петрова, первого главу кремлевской администрации и бывшего секретаря Свердловского обкома, была создана корпорация «Госинкор», с уставным капиталом в 1,25

миллиарда долларов: предполагалось, что корпорация займется привлечением в Россию иностранных инвестиций, но через 10 лет оказалось, что ни инвестиций, ни доброй половины государственных денег и драгметаллов давно уже нет и в помине. (Пол-миллиарда бюджетных долларов, точно корова языком слизала.)

Даже когда его любимец, столичный мэр Попов, задумал уйти в отставку, ему на прощание были отписаны бывшие брежневские угодья – многогектарный санаторий «Заречье»: точнее, не Попову, а некоему американскому университету, который радостно принялся торговать участками под коттеджи. Возглавлял же университет… ну, разумеется, бывший мэр-демократ.

Это потом уже, расставаясь с соратниками, Ельцин мгновенно будет забывать о них, немало не тревожась их будущим…

Власть при Ельцине была чертовым колесом. Ты можешь сколько угодно цепляться за стенки, но рано или поздно центробежная сила все равно выкинет тебя прочь: либо президент охладеет, либо противники интригу сплетут.

Вот еще образчик откровений опального пресс-секретаря:

«Был один эффектный способ, как избавиться от ненужного человека в Кремле. Надо было прийти к Ельцину и сказать: “Борис Николаевич, а все-таки вы не ошиблись с Ивановым! Такой человечище оказался! Тут и там ездит, выступает перед людьми, и все говорят: “Второй Ельцин!” Многие даже спрашивают: “Не он ли будет вашим преемником?” Две-три таких похвалы – и этого человека в Кремле не будет!»

Властолюбие было самым мощным движителем Ельцина…

Весной 1993 года у выступавшего на «Эхе Москвы» Шахрая – он был тогда вице-премьером – спросили: президентом хотите быть? – Очень хочу, – честно признался Шахрай, имея в виду 2000 год. Но Ельцину-то все преподнесли по-другому: глядите, подсиживает вас в открытую, всякий стыд потерял…

Через неделю, на встрече с главными редакторами, президент вдруг *понес* : «Не дождутся, понимашь, никакие Шахраи… Ничего они не дождутся!»

Шахрай не медля написал заявление об уходе, пошел к Ельцину. Тот смутился. «Мне ж не сказали, что это через срок… Кругом одни сплетники, понимашь… Никому нельзя верить…»

Другой аналогичный пример. Осенью 1995 года министр иностранных дел Козырев прилетел в Мурманск. «Ты как отнесешься к моему выдвижению в президенты?» – интересуется он у мурманского губернатора Комарова, пока едут они в машине. Никого, кроме водителя, в салоне не было. Детектив! Потому что стоило Козыреву вернуться в Москву, как Ельцин

мгновенно перестал его принимать и в упор – даже на официальных мероприятиях – не замечал. Две недели спустя Козырев был уволен.

Время от времени Ельцин специально устраивал соратникам проверки на вшивость.

«Вот такой преемник мне и нужен, – доверительно говорил он очередному фавориту, любовно оглаживая его по плечу. – Вы готовы… ежели чего…»

Если наивный *преемник* соглашался, карьера его – можно считать – была закончена.

Несколько раз он даже изображал приступы, хватался за сердце, начинал хрипеть.

«Болит, понимашь, сердце… в любую минуту могу умереть… на кого оставить Россию?»

От реакции *испытуемого* целиком зависела его будущая судьба…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Возникновение истерического симптома обычно происходит в экстремальных ситуациях и нередко сопровождается бурным и демонстративным выражением чувств, обычно неадекватным силе психогенного раздражителя.

Несмотря на смену флага и герба, нравы в Кремле остались теми же, какими были и при советах, и при царях: истинная Византия. Чиновники сбивались в коалиции, интриговали друг против друга, наушничали и ябедничали. Помню, как даже в те былинные еще годы кремлевские сановники – не клерки какие-нибудь, а фигуры первого порядка – выходили в коридор, чтобы поделиться секретами. Сергей Филатов – так тот прямо говорил, что все кабинеты в Кремле и на Старой площади прослушиваются.

Но такое положение дел Ельцина очень устраивало: Византия же! Разделяй и властвуй!

Кадровая свистопляска достигла при Ельцине невиданных, головокружительных оборотов.

За восемь с половиной лет он успел сменить девять министров финансов, восемь руководителей госбезопасности, семь министров экономики. Получается: в среднем по министру – за год.

В ведомствах не успевали даже – ладно к новым руководителям привыкнуть – вовремя таблички на дверях менять и обновлять справочники.

«Ельцин сдавал всех и всегда, – скажет потом в сердцах его

несостоявшийся *преемник* Борис Немцов, поддавшийся уговорам Дьяченко и Березовского и бросивший Нижний Новгород ради призрачной любви президента (они увезли его в Москву прямо на личном самолете). – Президент уволил пятерых премьер-министров, сорок пять вице-премьеров и сто шестьдесят министров».

Большинство министров, которых я знаю, о своих отставках узнавали исключительно по радио; при такой политике – какая уж к черту работа.[41]

На втором *сроке* чехарда эта превратилась уже в вообще настоящий карусельный цирк. В иных ведомствах руководители сменялись по два раза в год.

В 1998 и 1999 годах Ельцин поставил непревзойденный мировой рекорд: ежегодно он отправлял в отставку по два кабинета министров.

И не то чтоб премьеры не справлялись со своей работой, вовсе нет. Причина отставок была до банальности примитивна: как только Ельцину начинало казаться, что очередной премьер становится самостоятельной фигурой и – о ужас! – покушается на его популярность, он мгновенно багровел и хватался за *перо* .

Так было с Черномырдиным, которого безо всяких объяснений уволили в марте 1998 года, а потом после дефолта, спохватившись, принялись возвращать обратно, ан поздно: тут уж взбеленилась Дума; премьер-министр все-таки – не беспородный Бобик: утром выставили за дверь, вечером – поманили сосиской.

Потом был *сталкер* Примаков, взявший на себя неблагодарную роль *дезактиватора* последствий дефолта. В благодарность за наведенный порядок его тоже выгнали взашей.

Степашин – это вообще отдельная песня: хоть и объявили его уже преемником, но продержался он меньше всех – ровно 82 дня, ибо возложенных ожиданий оправдать не сумел. Отказался, например, начинать кампанию против «Мост-Медиа», не назначал рекомендованных ему семьей министров, огрызался на Березовского.

«Мы с вами остаемся в одной команде», – ласково сказал ему на прощание Ельцин. Больше они никогда не встречались…

Большинство этих увольнений проходило в худших коммунальных традициях: с выбрасыванием вещей и отключением телефонов. (Лебедя вообще едва не арестовали – боялись, что он увезет со Старой площади свои архивы.)

Причем Ельцин не только вычеркивал изгнанников из памяти и сердца, но и запрещал общаться с ними другим.

Глава кремлевской администрации Сергей Филатов вспоминал, например, как президент выговаривал ему за дружбу

с Бурбулисом и Степашиным: «Перестаньте с ним дружить, если хотите остаться в нашей команде».

Впрочем, сам Филатов очень скоро получил возможность на собственной шкуре ощутить знаменитое кремлевское великодушие.

В январе 1996 года, после того как сняли его с должности, Филатов позвонил Илюшину, первому помощнику Ельцина: «Я поеду на десять дней в Железноводск, можно бумаги мои из кабинета пока не выкидывать?»

«Ну что вы, Сергей Александрович. Все будет по-человечески. Отдыхайте, я прослежу».

Филатов прослезился аж. Но едва отправил он вещи в аэропорт, как раздался звонок: люди Егорова, нового *администратора* , сорвали с дверей табличку и выносят из кабинета вещи…

…Егорова тоже уберут уже через полгода. Илюшина – месяцем позже. Первого помощника не спасла даже многолетняя близость: с Ельциным он работал еще в Свердловске и в МГК.

Из четырех личных помощников Ельцина образца 1991 года к середине второго президентского срока в Кремле не останется ни одного.

Хуже всех обошлись со Львом Сухановым – самым верным, пожалуй, его оруженосцем. Суханов пришел к Ельцину в 1987 году, еще в Госстрое. Долгое время он вообще был единственным его помощником. Вместе проводили сутки напролет, ездили друг к другу в гости семьями. Борису Николаевичу очень нравилось, как Суханов играет на гитаре.

Все события конца 80-х годов прошли через Суханова: знаменитый американский вояж, испанская авиакатастрофа, операция на позвоночник. Однажды спьяну Ельцин предложил Суханову поклясться кровью в вечной дружбе. То же самое он проделал и с Коржаковым.

…После выборов 1996 года Ельцин напрочь забыл о своем побратиме. Тот продолжал еще сидеть в кабинете, но его перестали уже звать на совещания, вокруг мгновенно образовалось кольцо изоляции.

В сентябре 1997 года перед Сухановым положили подписанный указ о его увольнении. Президент, которому верой и правдой прослужил он ровно десять лет, даже не удосужился пожать ему на прощание руку.

«Лев Евгеньевич долго просил Юмашева организовать прощальную встречу с Ельциным, – рассказывала мне жена Суханова. – Он не собирался жаловаться. Просто хотел поблагодарить за совместно проведенные годы. Но его не

приняли».

Через год Суханов скончался от сердечного приступа. Он так и не смог примириться с обидой. Семье покойного телеграмму с соболезнованиями Ельцин не прислал…

После смерти Суханова его вдова, Светлана Михайловна, живет теперь одна в просторной четырехкомнатной квартире знаменитого дома на Осенней улице.

Этот дом – не просто исторический объект, это – памятник романтическим иллюзиям первых лет демократии.

Когда-то, в самом начале правления, у Ельцина появилась мечта: поселить всю свою команду вместе, чтобы дружно, как одна семья, и в труде, и в быту.

Заброшенный дом в Крылатском – долгострой с въевшимся уже в кирпичи грибком – он приметил давно: каждый день проезжал мимо на дачу и с дачи.

Шестиэтажное строение предназначалось когда-то для руководства кремлевской больницы; его начали возводить еще в 80-е годы, но грянула перестройка, денег не стало, и объект пришлось заморозить.

В 1993 году по воле Ельцина стройка закипела по-новой. Президентский дом был сдан в авральные сроки, а Борис Николаевич, вспомнив молодость, лично инспектировал *объект* .

Всего в доме насчитывалось 20 квартир: исключительно четырех– и пятикомнатные. Все жилье Ельцин распределял сам: по степени близости. (Ему самому отошел целый этаж; старшей дочери Елене с семьей – пятикомнатная, этажом ниже; кстати, по иронии судьбы, в ее прежнюю обитель на улице Александра Невского въехал будущий арестант, и. о. генпрокурора Алексей Ильюшенко.)

Так среди новоселов оказались тогдашние его любимцы и фавориты: Коржаков, Барсуков, Бородин, Тарпищев, Сосковец, Суханов, Грачев – не домовая книга – сплошной ареопаг.

Ельцин искренне верил, что жильцы будут постоянно общаться промеж себя, дружить, ходить в гости. На первом этаже дома была оборудована сауна с барной стойкой. Одну квартиру специально оставили пустой – для совместных *гулянок* …

Ничему этому сбыться так и не довелось.

Сегодня дом на Осенней наполнен гулкой тишиной. Здесь почти никто не живет: большинство обитателей президентского дома давным-давно переехали на Рублевку. Ветшает без дела теннисный корт во дворе; давно не слышали детского смеха резные деревянные качели.

Сам Ельцин не бывал на Осенней много лет. Говорят, паркет в его квартире давно уже вздыбился, а последний раз входили в

нее лишь для того, чтобы водворить на место упавшую люстру…

Ему нечего здесь делать еще и потому, что любая встреча с бывшими соседями вряд ли вызовет у него удовольствие.

Практически все жильцы президентского дома из любимцев Ельцина уже много лет как превратились либо во врагов, либо просто перестали для него существовать. С кремлевского Олимпа он сбросил их всех. Всех до единого.

Вспоминает ли он об этих людях, которые шли рядом с ним в самые тяжелые, трудные годы? О тех, кто был *предан* ему и оказался в итоге *предан* ?

Не знаю…

Еще сравнительно недавно Ельцин вдруг спрашивал время от времени по утрам:

«Где Шамиль? Почему-то Саши Коржакова не видно? Куда девался мой любимый врач Вторушин?»

Воистину блажен живущий в царстве теней…

К концу ельцинского правления из всей многочисленной президентской команды возле него осталось три человека, переживших оба *срока* : шеф протокола Шевченко, зав.секретариатом Семенченко и начальник личной охраны Кузнецов.

В феврале 2006 года, когда Семенченко праздновал свой 60-летний юбилей, Борис Николаевич даже не прислал ему телеграммы…

примечания Александра Коржакова

1 Поначалу инаугурацию собирались проводить на Соборной площади. Ельцин должен был выходить с Красного крыльца.

Уже и трибуны построили, все приготовили, но в последний момент – отменили. Решили проводить в Большом Кремлевском дворце. Первоначально церемонию планировали на 2 часа, потом сократили до 40 минут. В итоге – все ограничилось 10 минутами.

2 Расставаясь с людьми, Ельцин даже никогда не приглашал их попрощаться. Я знаю только о двух исключениях: когда в 1993 году он увольнял Баранникова, и в 1996-м – Егорова, шефа своей администрации.

Егорову он сказал тогда: «Выбирай любую должность». Николай попросился на родину, в Краснодар, губернатором. «О чем разговор! Поможем избраться, задействуем весь ресурс!»

Уникальный был случай. Ярый антикоммунист Чубайс всеми силами поддерживал ярого коммуняку Кондратенко – лишь бы

только Егоров не прошел. И он в самом деле выборы проиграл.

Глава одиннадцатая
СПРУТ

Еще со времен «Спрута» в народе прочно укоренилось *верование* , будто итальянское слово «мафия» переводится на русский как «семья».

Я и сам, грешным делом, долгое время считал так же, и лишь забравшись недавно в словари, с удивлением обнаружил обратное.

Оказывается, «мафия» переводится дословно совсем иначе: «произвол», «насилие», «самоуправство»; о «семье» – в словарях нет ни слова.

Мне думается, в этом массовом заблуждении кроется глубокий, чисто *фрейдистский* подтекст.

В современной России термин «семья» давно уже потерял свое первородное, лексическое значение. «Семья» образца 90-х – это миллионные счета, заграничные виллы, друзья-подельники, расставленные по ключевым должностям; неограниченная, бесконтрольная власть, наконец.

Кажется, у американцев есть такая поговорка: хвост виляет собакой.

Так вот ельцинская «семья» – супруга, младшая дочь, приемный сын, приближенные ко двору олигархи – в совершенстве наловчились *вилять* президентом. Именно они управляли в действительности Россией в то время, пока больной и дряхлый глава государства, лишенный последних друзей и собутыльников, мирно дремал в кресле-качалке; царствовал, лежа на боку просыпаясь исключительно для того, чтобы озвучить очередную волю «семейного» совета.

Ельцин сам, наверное, уже и не помнил, а окружению напоминать было это совсем не с руки, что пришел он когда-то к власти именно под лозунгами борьбы с такой вот царственной *синекурой* ; на волне народного гнева против брежневско-черненковской геронтократии; вздорного владычества Раисы Максимовны, которая каждый вечер водила своего муженька *кругами* по даче, выслушивая его *отчет* о проделанной за день работе.

Кто же мог представить тогда, что пройдет какой-то пяток лет и все вернется на *круги* своя: только еще в худшем, гипертрофированном, карикатурном почти виде.

Каким бы маразматичным ни казался нам Брежнев, но его дочка – светлой памяти Галина Леонидовна – даже при всех своих

выкрутасах и не помышляла о том, чтоб управлять страной. И у Раисы Максимовны заграничных счетов и дворцов тоже отродясь не водилось…

Увы, все познается в сравнении…

До середины 90-х годов президентская родня предпочитала держаться в тени.

Ельцин слишком хорошо запомнил, какую ненависть вызывало в народе постоянное *мелькание* Раисы Максимовны – всякий раз непременно в новом наряде – и чужих ошибок повторять не хотел.

«Долгие годы в семье я о политике вообще не говорил, – пишет он в мемуарах. – Ни слова! Все новости жена и дочери узнавали только по телевизору. Я выслушивал их мнения, восклицания, реплики – и молчал. Со стороны это выглядело, наверное, довольно странно. “Боря, ну сколько же можно не платить пенсии людям! Когда правительство с этим наконец разберется?” Я молчу, как в рот воды набрал. Или отвечаю вроде бы невпопад: “Слушайте, а какая погода сегодня отличная!”»

Если внимательно проанализировать его самую первую книгу – «Исповедь на заданную тему» – в ней практически ничего не говорится о семье: так, исключительно общие фразы – женитьба, рождение дочерей.

Еще со свердловских времен в доме Ельцина был заведен негласный и строгий порядок; этакий партийно-строительный домострой: *хозяин* всегда прав. И супруга, и дочери лишний раз старались не беспокоить его, не отвлекать; не теребить понапрасну. Все в семье было подчинено исключительно интересам *главы* .

Воспитанием дочерей Ельцин фактически не занимался. Они появились на свет, когда был он сравнительно еще молод: старшая, Елена, – в двадцать шесть, младшая, Татьяна, – в тридцать.

Целыми днями Ельцин пропадал тогда на стройке, демонстрируя чудеса работоспособности и самопожертвования. А потом началась партийная карьера; он *пахал* от зари до зари, тут уж времени на дочек попросту не оставалось, и как бывает со многими трудоголиками, в один прекрасный день, оглянувшись, Ельцин с удивлением обнаружил вдруг, что стал, сам того не заметив, отцом двух юных девушек – невест на выданье.

Личная жизнь дочерей не складывалась с самого начала. Старшая, Елена, выскочила замуж сразу после школы: за своего одноклассника Алексея Фефелова, от которого вскорости и родила Ельцину первую внучку Катю.

Такая скороспелость Ельциным очень не нравилась, но дочка сумела убедить родителей в глубине своих чувств; они даже поселили молодых у себя, в пятикомнатной обкомовской квартире. Однако брак, тем паче под постоянным тещиным присмотром, оказался поразительно недолговечным. По странному стечению обстоятельств сразу после развода первый секретарь обкома Ельцин снял с работы бывшего свояка – начальника областной автобазы.

Печальный опыт сестры послужил для Татьяны хорошим уроком. Уже оканчивая школу, она твердо решила покинуть Свердловск; подальше от родительской опеки и постоянного шепота за спиной; туда, где фамилию Ельцина никто еще не знает.

Родители – особенно Наина Иосифовна – долго отговаривали дочь от необдуманного поступка (ей было заготовлено место в Уральском политехе), но уже тогда отличалась она упрямством и своенравием: вся в отца. В 1977 году Татьяна уехала в Москву поступать в МГУ на факультет вычислительной математики и кибернетики. Там же, в университете, познакомилась со своим первым мужем, золотым медалистом из Уфы Виленом Хайруллиным. В 1980 году они расписались. Через год – родился сын, названный в честь деда Борисом.

Вопреки заведенным традициям, записали ребенка на фамилию матери: это была воля сановного деда; якобы он очень хотел продлить на земле свой *род* .

Так, по крайней мере, уверяла сама Татьяна, не объясняя, однако, почему ее племяннице Кате, родившейся годом раньше, да и всем другим ельцинским внукам фамилия была дадена совсем другая. Хотя, по-моему, причина кроется в ином: негоже было секретарю обкома и члену ЦК иметь дочь и внука с труднопроизносимой *басурманской* фамилией.

Но перечить воле тестя Хайруллин тоже не мог: в конце концов, жила студенческая семья в квартире, *пробитой* Ельциным, и не где-нибудь – в самом центре Москвы, на Кутузовском проспекте. В то время о борьбе с привилегиями будущий президент еще и не помышлял.

Однако, несмотря на неустанные заботы, этот союз тоже, на удивление, быстро распался. Как рассказывал сам Хайруллин, молодая жена отказалась ехать за ним в Башкирию и предпочла остаться в Москве. Роль покорной домохозяйки совсем ее не прельщала, во всем и всегда она претендовала на главную роль.

«Я хотел оставаться прежде всего Виленом Хайруллиным, а не мужем Тани Ельциной, – скажет потом несостоявшийся президентский зять. – В нашей семье это оказалось невозможно.

Жена буквально давила на меня».

В 1982 году Татьяна забрала сына. Их размолвка переросла в окончательный разрыв.

После развода видеться с сыном Хайруллину было запрещено. Бывший тесть настоятельно уговорил его отказаться от мальчика – к тому времени Татьяна собралась замуж во второй раз. Ребенка записали на фамилию нового супруга и дали его отчество – Леонидович.

О том, что у него существует другой отец, Борис-младший узнал, лишь учась уже в старших классах; после того как журналисты раскопали семейную тайну президентского клана. Он, может, и не прочь был познакомиться с единоутробным родителем, но на пути непреодолимой преградой высилась кремлевская стена.

«Я неоднократно пытался выйти на сына, но все мои попытки терпели неудачу, – скажет Хайруллин. – Таня категорически запретила мне общаться с Борей… Мне кажется, она меня ненавидит».

Ничего не скажешь: высокие отношения!

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Истерическая симптоматика включает обратимые по своей природе нарушения и проявляется обычно в конфликтных ситуациях. Больной обнаруживает крайние меры безжалостности, бессердечия, бесчеловечности и озлобления по отношению к окружающим, причем избирательно. По отношению к конкретным людям он может быть мстительным, мелочным, жестким и получать от этого моральное удовлетворение.

Так уж повелось, что из двух дочерей Ельцин неизменно выделял младшую. Если Елена была маминой дочкой, то Татьяна – уж точно папиной.

Вообще-то, он всегда мечтал о сыне. Когда Наина Иосифовна *понесла* во второй раз, Ельцин был уверен, что вот теперь-то, наконец, родится мальчик. Но появилась Татьяна, и Борис Николаевич, погоревав недолго, утешился мыслью, что закаленный характер и воля к победе – в конце концов, вопрос не пола – воспитания.

Татьяна и росла по образу его и подобию. Она категорически не признавала юбок и платьев, а во всех драках с сестрой непременно одерживала верх – даром, что была на три года младше.

Даже по характеру сестры разительно отличались друг от друга: Елена – мягкая, спокойная, женственная. Татьяна –

властная, стервозная. Татьяна привыкла всеми вокруг командовать, Елена – подчиняться. Татьяна училась плохо, Елена же закончила школу с серебряной медалью и от частого чтения рано стала носить очки.

После первых неудачных браков личная жизнь сестер тоже сложилась по-разному. Вскоре после развода Елена вновь вышла замуж: за штурмана гражданской авиации из Свердловского авиаотряда. Муж, Валерий Окулов, как нельзя лучше подходил ей по духу: он был спокойным и доброжелательным; и жизнь, кстати, тоже повидал – от первого брака у него имелся сын.

Ельцин замужество одобрил. (Бытует версия, что жениха для дочери присмотрел он сам.) Сразу после регистрации новой семье выделили двухкомнатную квартиру, молодой муж резко пошел в гору: стал летать на международных авиалиниях. (Это опять-таки к вопросу о треклятых привилегиях.)

В общем, за старшую можно было особо не беспокоиться. То ли дело – Татьяна. Она жила вдалеке от родительских глаз, в чужой, негостеприимной Москве: такая непрактичная, доверчивая, беззащитная; одно слово – мать-одиночка. У отца с матерью просто сердце кровью обливалось от тревоги за судьбу любимицы.

И когда в 1985 году Ельцина перевели в Москву, первое, что сделал он, – мгновенно забрал дочь к себе.

В то время Татьяна служила программистом в отделе баллистики оборонного института: КБ «Салют». В том же КБ трудился и ее избранник – конструктор Леонид Дьяченко.

Это был типичный служебный роман: о какой-то бурной и яркой любви говорить здесь явно не приходится. Татьяну не смущало то, что будущий муж был моложе ее на три года; а Леонида – наличие ребенка от первого брака.

Муж Дьяченко оказался очень удачным приобретением. Он охотно смирился с тем, что Татьяна стала главной в семье. Не возражал он и против того, что жить им пришлось вместе с тестем и тещей – думаю, женатые мужчины понимают, о чем это говорит…

В эпоху Ельцина одним из секретарей московского горкома работала некая Низовцева. Иногда вместе с мужем ей приходилось выходить в свет, и супруг ее при знакомстве представлялся исключительно следующим образом: муж товарища Низовцевой.

Так вот, Леонид Дьяченко был мужем Татьяны Борисовны, и этим все было сказано…

В одном из немногих своих интервью, еще в период совместной жизни с Дьяченко, Татьяна самокритично

признавалась: «Все считают, что в семье должна быть нормальная жена, которая заботится о муже, о детях, готовит обеды, все убирает. Домашняя любящая женщина, которая всегда ждет. У нас… не то что наоборот, но близко такого не было».

Уход Ельцина в оппозицию родные переживали нелегко. Тяжелее всего им было расставаться с многочисленными номенклатурными благами, с которыми свыклись они за долгие годы; а Борис Николаевич так еще и заставлял их теперь демонстрировать аскетичную скромность *юродивых* : ходить в обычные магазины, посещать районную поликлинику.

Отговаривать его они, естественно, не пытались: это было абсолютно бессмысленно. Напротив, семья всеми силами старалась помочь своему главе, поддержать в нелегкую минуту. Татьяна даже пробовала участвовать в его выборах, тайком приходила на встречи с населением, но тогда это лишь вызывало у отца раздражение.

«Нечего ей здесь делать. Тоже мне политик великий», – бурчал Ельцин всякий раз, завидев дочку в толпе избирателей.

Он был свято убежден, что место женщин – не в политике, а дома, у плиты и стиральной машины. В его общественной жизни жена и дочки требовались исключительно для того, чтобы оттенять его суровый лик своей трогательной милотой, являя перед телекамерами крепкую, образцовую ячейку общества. О том, что в действительности происходит за стенами их квартиры на 2-й Тверской-Ямской, посторонним знать было не положено…

И Татьяна с Еленой, и Наина Иосифовна образ этот старательно поддерживали.

От того, что Ельцины стали столичными жителями, они нисколько не прекратили быть провинциалами. Больше, чем Горбачева и КГБ, вместе взятых, Наина Иосифовна боялась людских пересудов и кривотолков.

В этой семье покой и благость всегда были выставлены напоказ: как чешский хрусталь и сервиз «Мадонна».

Даже от ближайших знакомых строжайше скрывались неудачные браки дочерей; сам факт того, что первенцы остались им от первых мужей, казался Наине Иосифовне намного более постыдным, чем неприкрытая грубость супруга, порой демонстративно кричащего на нее и топающего ногами.

Наталья Константинова, бывший пресс-секретарь Наины Ельциной, вспоминала:

«Иногда мне казалось, что он не замечает эту маленькую, приветливую, разумную женщину, которая ходит за ним столько лет и в прямом, и в переносном смысле этого слова, которая в перерывах между этапами его стремительной политической

карьеры рожает ему детей, воспитывает внуков, плачет, болеет, страдает, скучает, но никогда не теряет самообладания…

Я нашла определение их отношениям. Наина Ельцина НЕСЕТ своего мужа, как хрустальную вазу. Он же лишь позволяет ей делать это».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Деспотия встречается не только как форма государственного устройства, но и как форма семейных отношений. В этом случае глава семьи (правитель), подчиняясь своим капризам и слабостям, преследует свои личные выгоды и, как ему кажется, интересы семьи, властвуя исключительно по произволу.

Итак, запомним: есть тихая, незлобивая «маленькая женщина», плачущая по ночам в подушку и довольствующая незавидной долей бессловесной спутницы великого мужа. Есть любимая, своенравная дочь, признающая в мире исключительно один авторитет. И есть, наконец, этот самый авторитет; крутой на расправу, лихой громовержец; семейный тиран и деспот.

Позвольте, но если все это так, как же могло случиться, что семья в итоге принялась управлять означенным деспотом?

Шестьдесят пять лет – возраст слишком поздний, чтоб начинать меняться; домострой есть домострой.

Я долго бился над этой загадкой, но ответ, как всегда, пришел совершенно случайно, когда услышал я рассказ известного журналиста Сергея Пархоменко о поездке с Ельциным за океан.

Внимание:

«Однажды я был в группе журналистов, которая сопровождала Ельцина в Соединенных Штатах, и была устроена такая замечательная там история, Ельцин посещал простую американскую семью. Был написан сценарий, они должны были там (и это все было проделано) печь яблочный пирог.

И действительно, нашли семью какую-то, крайне не шикарную, с детьми. Все очень красиво, и Ельцин вошел, после чего немедленно сошел с этой дорожки, перешел газон и сел на качели, которые в саду были, к дереву просто были привешены. Все кинулись это все фотографировать.

Потом он встал, схватил – надо сказать, довольно брутально – Наину Иосифовну, посадил ее рядом с собой на эти качели, при этом как-то неловко повернулся, она ему села на руку, и он на нее закричал: “Корова!”. После чего они упали с этих качелей оба, потому что они на двух взрослых были не рассчитаны».

Вы ничего не замечаете?

Как-то все фальшиво, наигранно это выглядит. Чтобы прям вот так, под прицелом журналистов, обзывать первую леди «коровой», *брутально* хватать ее, силком сажать на качели… Даже для неотесанного Ельцина – это, по-моему, чересчур.

Но мне думается, загвоздка здесь совсем в ином…

Иллюзионисты и престижитаторы, к коим, без сомнения, относится и наш герой, частенько пользуются сундуками с двойным дном.

Так вот, у Ельцина сундук этот – не с двойным даже, а с тройным дном.

Первое дно – идиллическая, пасхальная картинка: дружная советская семья.

Второе дно – античная трагикомедия: домашний тиран и святая жертвенность родни.

А вот – третье…

Никто почему-то никогда не обращал внимания, что еще с конца 80-х годов Наина Иосифовна практически во всех поездках сопровождала мужа: и по стране, и за рубежом; просто, не в пример Раисе Максимовне, она старалась лишний раз не мозолить журналистам глаза.

Коржаков рассказывал мне, что даже на дачу к нему, в деревню Молоково, Ельцин неизменно приезжал вместе с супругой, хотя присутствие ее – уж точно никому не требовалось: понятно, чем могли заниматься на природе два здоровых, рослых мужика. Лишь однажды, когда Наина Иосифовна на пару дней укатила в Свердловск, счастливый Ельцин завалился к нему на все выходные и по этому поводу был устроен двухдневный *затяжной* мальчишник: пустые бутылки выносили потом полдня.

«Она его от себя никуда не отпускала, – свидетельствует Коржаков. – Куда Ельцин, туда и Наина».

Вот вам и деспот…

У супруги президента было одно исключительное качество: она умела влиять на своего мужа не накачками и истериками, как большинство других женщин, а незаметно, исподволь, всячески демонстрируя покорность и почитание. При этом сам Ельцин оставался пребывать в святой убежденности, будто главный в доме – он один.

От многих тогдашних сановников мне доводилось слышать, как «маленькая, приветливая» первая леди, вопреки образу своему, самым активным образом вмешивалась в государственные дела. Вице-премьеру Полторанину она, например, безапелляционно указывала, кого и куда следует назначать, и запрещала транслировать по центральному телевидению репортажи о расстреле Белого дома.

Большинство *мужей* , приходивших на доклад к президенту, проходили сперва сквозь *сито* Наины Иосифовны с дочкой.

(«Меня сразу же повели к Борису Николаевичу, – записал в своем дневнике генпрокурор Скуратов впечатления об одном из таких *визитов* . – У дверей я увидел Татьяну и Наину Иосифовну. “Борис Николаевич чувствует себя не самым лучшим образом, – сказала Наина Иосифовна. – Он сегодня очень плохо спал. Постарайтесь его не перегружать”.)

Это домострой, да?

Уклад президентской семьи чем-то напоминает ельцинскую Россию: этикетка на ней разительно отличается от содержимого; этакий матриархат, выдаваемый за патриархат…

Если принять означенный тезис за основу, тогда все становится на свои места. И нарочито-грубые демонстрации ельцинской тирании. И смиренность Наины Иосифовны. И внезапное вознесение Татьяны Борисовны.

А коли так – феномен под названием «семья» запрограммирован был с самого начала…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Иногда сложившийся тип внутрисемейных отношений не в полной мере демонстрирует окружающим истинный расклад сил. Иногда члены семьи, которым отведена второстепенная роль, недемонстративно могут влиять на принятие важных корпоративных решений. При этом ввиду завуалированности их намерений главенствующая роль внешне не будет обнаруживаться.

А ведь по первости, только придя к власти, Ельцин был исполнен самых радужных и идиллических надежд.

В ноябре 1991 года, на первом же заседании *правительства мечты* , Гайдар предложил всем министрам дать торжественную клятву; прямо как в рассказе его дедушки «Горячий камень»: не воровать, не участвовать в приватизации, жить исключительно чаяниями народа.

Ельцин был очень доволен: он всегда любил эффектные жесты. Но вдруг со стула приподнялся Козырев, глава МИДа.

«Борис Николаевич… а можно… в порядке исключения… мы с мамой квартиру на Арбате разменяем… две маленькие – на одну большую…»

От недовольства Ельцин аж зажмурился: «Можно… Меняйте», но торжественность момента была уже безнадежно нарушена; клятва застыла в горле, как рыбья кость…

Сам Ельцин никогда не был склонен к алчности и

стяжательству. Тщеславие и властолюбие затмевало в нем все остальные пороки. Если бы стояла перед ним дилемма: миллиард долларов или *вертушка* с золоченым гербом, – не колеблясь, выбрал бы *вертушку* .

Но те, кто окружал его, устроены были совсем по-другому. Эти люди готовы были гибнуть в лубянских застенках и гордо молчать на допросах, но при виде пачки хрустящих банкнот полностью теряли самообладание.

Практически все *призывники* первого ельцинского набора – волшебным образом из завлабов и второсортных клерков превратились вдруг в богачей и миллионщиков; министр внешней экономики Авен и вовсе стал миллиардером.

Знаменитый борец с тоталитаризмом демократ Станкевич – новоиспеченный советник президента – самым пошлым образом попался на взятке в десять тысяч долларов. Герой обороны Белого дома генерал Кобец без зазрения совести поселился в роскошном замке, подаренном ему благодарными коммерсантами. Дьяков, первый министр топлива и энергетики, устроил зятя директором подведомственной себе компании-экспортера и купил за народные денежки самолет с переплатой в 3 миллиона долларов. Председатель комитета по драгоценным металлам Бычков за гроши отдал американской фирме золота и алмазов почти на сто миллионов «баксов».

В гайдаровском правительстве нашелся только один *растяпа* , свято исполнивший *клятву* : Михаил Полторанин; да и того убрали раньше прочих *клятвопреступников* .

Кем угодно был Ельцин, только не дураком. Я давно уже не верю в наивные сказки про доброго царя и злых бояр: дескать, окружение – сплошь ворует, а прекраснодушный президент – только хлопает ушами.

Все прекрасно видел Борис Николаевич, и цену своим министрам отлично знал. В подтверждение этого есть смысл привести один показательный эпизод, поведанный его первым пресс-секретарем Павлом Вощановым:

«Однажды был день рождения у коменданта московского Кремля. Собрался узкий круг людей – президент и ближайшие его помощники. И Бурбулис произносит тост: “Мы все должны забыть о личном, думать только о государстве и о нашем командире, потому что когда мы с вами вернемся по ту сторону Стены, мы…” И тут его Ельцин прерывает: “Вы будете голожопниками!” И возникла тягостная пауза. Борис Николаевич и говорит: “А смотрите: за Стеной – во-о такие карманы! Во-о такие кошельки! Я не вечен!”»…

То, что он не вечен, семья понимала как никто другой. Жизнь

проносилась мимо – позвякивая бриллиантами, урча сверкающими авто, а они – продолжали жить на казенной даче, ездить на служебных машинах.

Первую свою дачу Ельцины купили еще в 1989 году, точнее не дачу даже, а жалкий клочок земли – 15 соток, по соседству с Коржаковым, в деревне Молоково, 52-й километр Егорьевского шоссе.[42]

Ельцины жили тогда в неказистом казенном домишке в совминовском поселке Успенское. После размаха дач Политбюро – Вешек, «Москва-реки-5» – Успенское казалось им Гарлемом.

Борису Николаевичу очень хотелось заполучить наконец свою, личную дачу, где не будет вездесущих соседей и любопытствующих глаз. Он даже вручил Коржакову 1200 целковых и велел найти на эти деньги стройматериалов, однако дефицитные комплекты бревенчатых домов, раздобытых по блату в Шарьинском ДСК, так и не пригодились. У Ельцина быстро сменились вкусы. Став президентом, он мгновенно занял бывшую дачу Горбачева «Барвиха-4» с участком в 66 гектаров, а вслед за ней еще и особняк «Горки-9» (более 80 гектаров).

Но мечта о собственном, кровном уголке царственную семью по-прежнему не оставляла. И в 1992 году Ельцин приобретает бывшую дачу Максима Горького в Горках-10 с довольно скромным для пролетарского писателя наделом в 4 гектара. По тогдашним законам, правда, максимальный размер земли, который мог выкупаться в личную собственность, не должен был превышать 15 соток. Исключение делалось только для военных пенсионеров: им дополнительно нарезалось еще по 10 соток.

По счастью, еще в Свердловске будущий президент был произведен в полковники запаса, а посему администрация Одинцовского района с легким сердцем передала ему означенный участок «по нормативной цене для индивидуального дачного строительства»: 25 соток – в собственность, остальную землю – в аренду с правом выкупа. (Он выкупит ее в 1995 году, на основании своего же собственного указа «О регулировании земельных отношений».) Конечно, было это не совсем юридически чисто – речь-то шла об армейских отставниках, а вовсе не об офицерах запаса, коими являются все без исключения выпускники гражданских вузов: но кому охота была *крючкотворствовать* из-за каких-то десяти соток…

В те былинные уже времена Ельцин и его домочадцы вполне довольствовались немногим. Когда семья засобиралась однажды на отдых в Грецию, и президент узнал, что поездка обойдется примерно в двадцать тысяч долларов, реакция его превзошла все ожидания. Он кричал, топал ногами. Естественно, ни в какую

Грецию никто не поехал.

Но чем больше времени проходило с момента его избрания, тем все сильнее засасывала семью жажда роскоши. Ни о какой борьбе с привилегиями они уже не помышляли. От былой скромности и показного аскетизма не осталось и следа.

Наина Иосифовна увозила теперь на дачу – как хомяк в норку – даже официальные подарки, вручаемые главе государства: при старом режиме они всегда оставались на государственном хранении. От Горбачева и Брежнева в Кремле сохранился целый музей даров. У Ельциных подношения складывались в специальной 60-метровой комнате в Барвихе, со стеллажами до самого потолка…

Только сейчас Ельцин начал понимать, что даже заседая в Политбюро, он, оказывается, не представлял себе и тысячной доли тех реальных возможностей, которые открывает перед человеком власть.

«Невозможно объяснить, что такое аромат дыни, человеку, всю жизнь жевавшему сапожные шнурки», – говорил когда-то Виктор Борисович Шкловский.

Положа руку на сердце: что они вместе с семьей видели тогда? Пятикомнатную квартиру в кирпичном многоподъездном доме? Казенную дачу с желтой казенной же мебелью? Сотую секцию в ГУМе с финскими сорочками и костюмами «Большевичка», сшитыми по французским лекалам?

В сравнении с новой, открывшейся их взорам жизнью, все это выглядело теперь наивной провинциальной чепухой.

Власть и деньги – это такой же точно наркотик, как героин: стоит попробовать хотя бы один раз – и ты навсегда уже оказываешься заложником своих страстей…

Перечитайте его выступления, интервью, предвыборные обещания рубежа 90-х годов. Сегодня они звучат как издевка.

«Пока мы живем так бедно и убого, я не могу есть осетрину и заедать ее черной икрой…»

«Если чего-то не хватает у нас, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения».

«Отменить все привилегии, включая использование государственного транспорта. Передать все государственные дачи, особняки и другие социальные объекты спецназначения для детей и наименее социально защищенным слоям населения».

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Диссоциативные расстройства иногда проявляются как процесс психологической защиты, в ходе которого из сознания больного вытесняются психотравмирующие

сведения или эмоции, о которых ему не хочется вспоминать. Это своего рода социальная амнезия: разум больного пытается отделить негативную информацию от своего сознания, чтобы она его больше не травмировала.

А вот цитата совсем из раннего ельцинского интервью:

«Дети не жалеют, что лишены Петрова-Дальнего и Барвихи?» – спрашивает интервьюер.

«Думаю, нет. Они воспитаны скромно».

Стоп. На этом интервью нам придется задержаться поподробнее, ибо в судьбе Ельцина и его семьи ему суждено было сыграть совершенно особую роль.

Эта беседа увидела свет в майском номере журнала «Театральная жизнь» за 1989 год. Ничего самого по себе примечательного в интервью этом нет: дежурный набор типичный ельцинских *штампов* . Интересно здесь другое.

Автором его был известный ныне журналист Андрей Караулов. Это было едва ли не второе в жизни развернутое интервью опального трибуна, и Ельцину очень понравился карауловский стиль изложения.

Через много лет Караулов за обедом рассказывал:

«После выхода интервью Суханов стал просить меня написать за Ельцина книгу. Даже принес какие-то наброски. Но в тот момент я уже делал воспоминания Чурбанову, и это казалось мне намного интереснее. В общем, наброски пылились у меня в редакционном столе: я работал тогда в “Огоньке”.

И тут совершенно случайно ко мне зашел Валя Юмашев: он сидел в кабинете напротив, прямо у женского туалета. И я без всякого умысла рассказал Юмашеву о книге. Валентин аж подпрыгнул: “Слушай, а ты не можешь познакомить меня с Ельциным?” Да ради Бога. Привел его в дом, на Тверскую-Ямскую. Свел с Борисом Николаевичем. И сам того не заметил, как Юмашев превратился постепенно в его приемного сына…»

Все-таки сколь много в нашей жизни значат случайности. Не появись тогда в ельцинском доме скромный, малоизвестный журналист Юмашев, кто знает, как бы сложилась вся их дальнейшая судьба.

Именно Валентин Юмашев – невзрачный, улыбчивый юноша в вечно растянутом свитере и потертых джинсах – и оказался для ельцинской семьи тем змием-искусителем, который кардинально изменил их жизнь.

Поначалу, правда, никто этого еще не понимал. В ельцинской семье Юмашев занял место наряду с личным врачом, парикмахером и массажистом. Он стал личным литобработчиком

– *литрабом* , сиречь литературным рабом.

Первой книгой, написанной Юмашевым за Ельцина, была та самая «Исповедь на заданную тему» – название он позаимствовал из своей же заметки десятилетней давности о школьных проблемах, с которой дебютировал когда-то в «Комсомолке».

Книгу все хвалили, и Борис Николаевич как-то очень быстро запамятовал, что к написанию ее он имеет самое отстраненное отношение – этакий синдром «Малой земли».Осознавать себя крупным писателем было чертовски приятно, а, как потом выяснилось, еще и крайне прибыльно.

Если гонорары с первой книги Ельцин направлял исключительно на благотворительность – тоннами закупал для больниц одноразовые шприцы, – то после «Записок президента», увидевших свет в 1994 году, доходами он уже ни с кем не делился.

С этого времени в его налоговых декларациях неизменно красовалась гордая запись: авторские гонорары за книгу. В 1994 году они составили ни много ни мало 280 тысяч долларов – это только официально.

Неудивительно, что Ельцин, а вслед за ним и кремлевские царедворцы все больше и больше проникались к Юмашеву симпатией. Литературный негр часто бывал у президента в гостях – это называлось «сбором материала». В президентском доме на Осенней ему – царской милостью – выделили четырехкомнатную квартиру.

При этом Юмашев обладал одним очень важным для Кремля свойством: он нигде не кичился своей близостью к телу, предпочитая всегда оставаться в тени. На фоне горластых ельцинских соратников, курлычащих, как тетерева на току, – это было особенно заметно.

В этот-то момент и произошло историческое знакомство персонального президентского журналиста с мало кому еще известным автоторговцем Березовским.

По версии руководителя ЧОПа «Атолл» Сергея Соколова, некогда доверреннейшего лица Березовского, тропинку к юмашевскому сердцу Борис Абрамович проторил самым банальным образом: он начал бесплатно ремонтировать журналистский джип.

Остальное было уже, как говорится, делом техники. Юмашев сумел убедить Коржакова, что Березовский – лучшая кандидатура для финансирования «Записок президента» (о том, чтобы просто заключить договор с издательством, в Кремле почему-то не помышляли). Борис Абрамович тихой сапой пролез к президенту и, самое главное, сумел обаять его младшую дочь.

О том, как происходила эта классическая вербовка, я подробно поведал уже в предыдущих главах, так что повторяться не стану. Добавлю лишь, что, по свидетельству Коржакова, действовал Березовский в неизменной своей манере и первонаперво подарил Дьяченко экспортный вариант «Нивы», а потом – «Шевроле-Блэйзер»…

Тогда еще Татьяне Борисовне для счастья было нужно совсем немного: хоть и ушла она в из оборонки в коммерцию – в 1994 году устроилась в московский филиал банка с поэтическим названием «Заря Урала»,– но ни финансового, ни внутреннего удовлетворения работа эта ей не приносила. А тут как раз подоспели президентские выборы.

Никогда прежде политикой Дьяченко не занималась: ей это запрещал папа. Однако новые друзья доходчиво объяснили впечатлительной барышне, что только она способна спасти президента от злых чар и вранья вороватого окружения, ибо обладает самым главным для этого качеством: искренней, бескорыстной любовью к отцу. Особенно на Дьяченко подействовал наглядный пример ее сверстницы – дочери французского президента Ширака – Клод Ширак, которая, не в пример ей, активно занималась избирательной кампанией своего папб и немало в этом преуспела.

Именно во время президентских выборов 1996 года и зажглась наконец звезда Татьяны Дьяченко. «Просто дочка» превратилась во влиятельнейшую политическую фигуру.

Между прочим, идея ввести ее в избирательный штаб принадлежала… ну, правильно – Юмашеву. В своей книге «Президентский марафон», вышедшей под псевдонимом Б. Ельцин, он откровенно пишет:

«Как-то раз ко мне в Барвиху приехал Валентин Юмашев. Я не выдержал и поделился с ним своими мыслями: чувствую, что процесс не контролирую, вижу по потухшим глазам помощников, в частности Виктора Илюшина, что ситуация в штабе день ото дня ухудшается и мы медленно, но верно погружаемся в болото…

“Нужен свой человек в штабе”, – сказал я. Валентин послушал, покивал, задумался…

“А если Таня?” – вдруг спросил он.

Я вначале даже не понял, о ком он говорит. При чем тут Таня? Это было настолько непривычно, что меня сразу же одолели сомнения: как это будет воспринято в обществе? Что скажут журналисты, политики? Как она будет встречена в Кремле?

… С другой стороны, Таня – единственный человек, который сможет донести до меня всю информацию. Ей скажут то, чего не

говорят мне в глаза. А она человек честный, без чиновничьих комплексов, скрывать ничего не будет. Она молодая, умная, она моя дочь, с моим характером. С моим отношением к жизни».

Ельцина обуревал комплекс поздней любви к своей дочери: это понятно. (Какими только восторженными эпитетами не награждает он ее: «и потрясающее женское обаяние, и мягкость, и ум, и тонкость».) «Тонкую» Дьяченко одолевали нереализованные амбиции и врожденное честолюбие.

Ослепленные эмоциями, оба они упорно отказывались понимать, что становятся жертвой холодного, иезуитского расчета Юмашева с Березовским и примкнувших к ним *граждан* : Гусинского, Малашенко, Чубайса.

В одном из немногочисленных своих интервью Дьяченко скажет потом:

«В предвыборной кампании я была связующим звеном между мозговым штабом, аналитической группой и папой, без чего, наверное, все было бы намного сложнее. Тогда счет шел на минуты».

Неискушенная в интригах и политики Дьяченко являлась идеальным инструментом влияния на престарелого отца. Беря на себя функции связующего звена между президентом и олигархами, она заведомо попадала под их чары: с тем же успехом Татьяна Борисовна могла усесться играть в катран с профессиональным *каталой* .

Дьяченко была достойной дочерью своего отца, вскормленной его грудью. (Натурально грудью: этот исторический факт подробно описан в первой ельцинской книжке. Когда вместе с грудной Татьяной ехал он куда-то на поезде и младенец принялся кричать, Ельцин не нашел ничего умнее, как поднести дочку к своей груди и таким причудливым макаром убаюкивать ее.)

Все комплексы его – тщеславие, амбиции, самолюбование – целиком перешли ей по наследству. Плюс еще один, самый, может быть, важный – страсть к красивой жизни, но это уже вопрос к генетикам. Ради реализации своих многолетних мечтаний Дьяченко готова была на любые жертвы.

Она даже без зазрения совести бросила грудного сына Глеба, которому к началу кампании не исполнилось и полугода, а сама принялась вслед за папой мотаться по стране.

Известен такой показательный случай. Когда Татьяна вернулась из очередной предвыборной поездки, старшая сестра передала ей привет от Глеба. Реакция была по меньшей мере странной: «А кто это?» – удивленно спросила Дьяченко. На что не менее удивленная Окулова ответила: «Твой младший сын».

А ведь этому ребенку – как никакому другому – требовалась материнская забота и ласка: он появился на свет с тяжелейшим врожденным заболеванием.

Если вы внимательно просмотрите все официальные семейные фотографии Ельциных – там, где президент запечатлен со своим многочисленным кланом, – то без труда заметите, что ни на одном из снимков лица Глеба Дьяченко углядеть невозможно. Либо в момент съемки он отвернулся от объектива, либо – уткнулся в материнское или бабушкино плечо.

В отдельных газетах мне доводилось читать утверждения, будто младший сын Татьяны Борисовны страдает аутизмом, но это не совсем так. Недаром учится он в специальной закрытой школе под чужой фамилией, а до этого ходил в не менее закрытый детский сад. Как говорят осведомленные люди, Дьяченко в его воспитании принимает самое пассивное участие, и основное время ребенок проводит с няньками.

Что, согласитесь, характеризует ее довольно ярко…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Основной причиной расстройства множественной личности (РМЛ) у детей является недостаток родительской ласки и любви в детстве. Некоторые пациенты не испытывали плохого к себе отношения, но пережили в раннем возрасте или тяжелое заболевание или другую чрезвычайно травмирующую ситуацию. Для нормального развития ребенка и для полноценного овладения сложной и разнообразной информацией и навыками обязательно наличие рядом любящих родителей.

Когда в результате придуманной Березовским и блестяще проведенной Дьяченко комбинации Коржаков с Барсуковым были отлучены от монаршего тела, никаких преград у олигархов боле не оставалось: путь к президентскому сердцу был расчищен.

Ельцин – косвенно – и сам признается в этом. В «Марафоне» он пишет:

«…В момент жесточайшего политического кризиса, когда от меня отвернулись почти все бывшие союзники, семья неожиданно пришла мне на помощь. Пришла в лице дочери».

Даже внешне новые фавориты Кремля разительно отличались от своих предшественников. Старые были как на подбор – рослыми, крупными мужиками, высшим наслаждением в жизни почитающими стакан водки после обжигающей бани.

Теперешние являли собой совершенно иную картину. Это была генерация субтильных офис-менеджеров – бесчувственных,

как динамо-машина, технократов – ни выпить с ними, ни покуролесить.

С болезнью Ельцина все бразды правления окончательно перешли в руки Дьяченко: а точнее, к ее нынешним друзьям – Березовскому, Юмашеву, Абрамовичу, Чубайсу. Ей очень нравилась эта новая роль – вершителя человеческих судеб, заполняющего нужными фамилиями штатное расписание, точно клеточки в кроссворде.

В своей книге «Эпоха Ельцина» девять бывших помощников и спичрайтеров президента довольно откровенно указывают:

«После 1996 года изменилась структура новых кадров бюрократии. Если раньше про того или иного высшего чиновника гадали, какой он политический ориентации, то теперь вопрос задавался иначе: кто его “прикармливает”, к какой олигархической группировке принадлежит?»

В июне 1997 года политическая карьера Дьяченко достигла своего апогея: она была официально назначена советником президента, то есть своего же собственного отца. С точки зрения Трудового кодекса, запрещающего разводить на работе семейственность, – нарушение вопиющее, но кто же в Кремле мог осмелиться указать на это *гаранту* .

В своих выступлениях, интервью, да и в последней книге мемуаров Ельцин неоднократно пытался опровергнуть массовое убеждение, будто Татьяна с компанией имеет на него неограниченное влияние; по сути является коллективным Распутиным.

Приводить эти цитаты – смысла, полагаю, особого нет. Факты говорят сами за себя.

Начиная с конца 1996 года практически все ключевые должности в Кремле и Белом доме стали занимать ставленники олигархов. Без одобрения Дьяченко не происходило ни одно серьезное кадровое решение.

Бывший глава кремлевской администрации Сергей Филатов – человек, прямо скажем, знающий – так описывал владычество Дьяченко:

«Пользуясь плохим состоянием здоровья главы государства, в околопрезидентскую власть была введена личность, через которую начали пробиваться все силы, желающие влиять на решения Президента… В Кремле образовалась, таким образом, некая группа, которая была в очень доверительных отношениях между собой и проводила президентские решения сугубо в своих интересах или тех, кто с нею был связан».

Один из тогдашних министров откровенно рассказывал мне за чашкой чая, как накануне назначения его пригласили к себе

Дьяченко и Абрамович. «И о чем же был разговор?» – поинтересовался я. «Сказали: будете делать то, что мы вам укажем».

В марте 1997 года Валентин Юмашев стал руководителем президентской администрации: в этой должности он проведет полтора года, поганой метлой выметя со Старой площади все осколки проклятого прошлого.

А незадолго до того заместителем секретаря Совета безопасности был назначен Березовский (секретарь – бывший спикер Думы Иван Петрович Рыбкин, человек патологически трусливый и нерешительный – он даже к собственной дочке отказался идти на свадьбу: вдруг там будет кто-то нежелательный – полностью находился у своего зама под каблуком).

Кремль не остановило даже наличие у Березовского двойного гражданства. Что, впрочем, совсем не удивительно. Наличием оного могли похвастаться и люди более высокого уровня: скажем, вице-премьер Максим Бойко – как утверждал бывший полковник президентской службы безопасности Стрелецкий, у него имелась «Грин-кард» – вид на жительство в США.

Ни в одной стране мира гражданин иностранного государства не может занимать ключевого поста, тем более в сфере национальной безопасности. Но у ельцинской России была особенная стать. Мало того, что президентскую семью это нисколько не смущало; она еще и советы давала: как лучше выйти сухим из воды.

В предыдущих главах я приводил уже стенограммы телефонных разговоров Дьяченко с Березовским; их записывал сам же Борис Абрамович – на всякий случай.

Вот – еще один: он был зафиксирован ЧОПом «Атолл» – домашним разведбюро Березовского – вскоре после президентской операции на сердце осенью 1996 года.

Б. Березовский – Т. Дьяченко

Б. Березовский: Але, Танюша. Привет, Танечка!

Т. Дьяченко: Спасибо большое за поддержку, я сообщение на пейджер получила. Но такая была суета, что я просто…

Б. Березовский: Тань, о чем ты говоришь! Что значит спасибо за поддержку. Все, в общем-то, переживали. И я действительно надеюсь, что все дальше будет нормально проходить. Тем более все уже все поняли.

Т. Дьяченко: Что-что-что?

Б. Березовский: Я думаю, что все уже поняли, что происходит все нормально, и все встали в такую стойку,

ожидают, когда опустится дубина на голову.

Т. Дьяченко: Классно!

Б. Березовский: Танюш, ну как у тебя настроение? Я так понимаю, получше немножко?

Т. Дьяченко: Ну, естественно.

Б. Березовский: Ну дай Бог. Единственное, я не знаю только, все-таки больничное учреждение. Торопить ни в коем случае нельзя.

Т. Дьяченко: Да нет, конечно. Хоть Валя и говорит, что надо скорей по телевизору показывать.

Б. Березовский: Ну это уже другой вопрос. Я считаю, сейчас торопиться как раз не нужно, надо максимум сделать того, чтобы все шло правильно.

Т. Дьяченко: Там просто инфекции еще всякие. Вот это опасно… Но с этими средствами массовой информации надо что-то делать, Борис Абрамович.

Б. Березовский: А что скажешь? Что там?

Т. Дьяченко: Ну, не знаю. Во-первых, Доренко, конечно.

Б. Березовский: Ты видела Доренко?

Т. Дьяченко: Сегодня? Видела, да…

Б. Березовский: Во-первых, уже не щурится.

Т. Дьяченко: Косо улыбается по-прежнему.

Б. Березовский: Но подожди-подожди. Знаешь, я все выяснил. Он четыре года не был в прямом эфире. Это сейчас вторая передача, когда он в прямом эфире.

Т. Дьяченко: Ну у него крыша, значит, поехала… Но то, что он про вас делал, это был кошмар. Боже мой!

Б. Березовский: Тань, о чем ты говоришь! Меня не было. Но не он только виноват. Виновата и Ксения еще, она же контролировала.

Т. Дьяченко: Если он хотел вам сделать что-то приятное…

Б. Березовский: Да нет. Тань, он, конечно, рассуждал не так. Он мне все объяснил. Я тебе потом все объясню, это не телефонный разговор. Но в любом случае, он виноват, конечно, но виновата и Ксения (К. Пономарева, будущий гендиректор ОРТ. *–Авт.*), нужно тоже не забывать. Она же редактирует программы.

Т. Дьяченко: БА, ну надо что-то делать. Вы с Валей, конечно, посоветуйтесь еще, потому что это тоже такая тема. Я с Малашенко разговаривала. Тоже говорит, общее беспокойство какое-то. Надо как-то выступать, что-то сказать про гражданство.

Б. Березовский: Нет, Тань. Это просто я с Валей как раз обсуждаю. Потому что я имею документ по этому поводу, который говорит, что этого нет. Официальная бумага.

Т. Дьяченко: Может, интервью «Известиям» там, что-то еще… (Скандал вокруг израильского гражданства начался как раз с публикации «Известий». *–Авт.*)

Б. Березовский: Мы с Валей как раз обсуждаем. И он говорит тоже про «Известия». Тань, в общем, найдем решения, мы найдем за завтрашний-послезавтрашний день. То есть за два дня мы этот вопрос снимем.

Т. Дьяченко: Чтобы как-то так. Все это еще в вину ставится почему-то Чубайсу. Ну, ничего…

Б. Березовский: Нет, это серьезный вопрос… Я сейчас думаю, может, в «Итогах» что-то сказать. Это мы сейчас с Валей обсуждаем.

Т. Дьяченко: Может быть, чтобы не так много было. Тем более ваше появление у людей вызывает, честно говоря, вот такое раздражение жуткое.

Б. Березовский: Сейчас нужно просто от этой темы отъехать, и все…

Т. Дьяченко: Хорошо, Борис Абрамович. Спасибо большое. Лене привет передавайте.

Лучшие друзья, да и только…

Кстати, после Совбеза израильский гражданин Березовский успел еще поруководить исполкомом СНГ, очень успешно совмещая госслужбу со своими бизнес-проектами. А когда новый шеф президентской администрации Николай Бордюжа – человек, на удивление, приличный – подготовил указ о его отстранении, Бордюжу самого сняли с работы. Сменил его некто Александр Волошин, который прежде служил у… Березовского.

Самые проверенные, самые надежные кадры выходили из стана Березовского-Абрамовича – этой новоявленной кувырк-коллегии.

Их друг Михаил Лесин, владелец рекламной фирмы «Видео-Интернешнл», скупивший добрую половину рекламного времени на центральных каналах, стал министром печати (после чего обороты «Видео-Интернешнл», понятно, резко возросли).

Михаил Касьянов по прозвищу «Миша Два Процента» – министром финансов.

Спасенный Березовским от увольнения из органов Владимир Рушайло – министром внутренних дел.

Попавшийся на раздаче преференций нефтяным компаниям

Виктор Калюжный – министром топлива и энергетики.

Обладатель миллионных заграничных счетов Евгений Адамов – министром атомной энергетики.

А ведь я перечисляю только фигуры первой величины, не указывая всякую *мелочевку* , вроде двоюродного дьяченковского брата – некоего Александра Авдеенкова, который в 29 (!) лет стал первым зам.директора налоговой полиции – должность генерал-лейтенантская. Или Алексея Огарева, лучшего друга и однокурсника ее мужа, очутившегося в кресле главного торговца оружием – главы госкомпании «Росвооружение».

Да, старые ельцинские кадры тоже были далеки от совершенства. Они тоже воровали, творили всевозможные глупости и откровенно не справлялись с работой. Но у большинства из них было одно завидное преимущество: эти люди умели краснеть.

Воспитанные старой советской системой, они хоть и казнокрадствовали, но всякий раз очень переживали потом, пунцовели и отводили глаза.

Те, кто пришел им на смену, стыда лишены были по определению. Собственно, во власть они отправлялись с одной единственной, весьма прозаической целью: набить карманы.

Даже треклятая приватизация не шла ни в какое сравнение, скажем, с залоговыми аукционами – блестящими аферами, рожденными в иезуитских мозгах новых правителей России.

Схема подобных аукционов крайне проста и цинична. Банки как бы кредитуют государство под залог пакетов акций крупнейших предприятий. Но накануне – совершенно случайно – Минфин перечисляет этим же самым банкам означенные суммы. После чего в бюджете, естественно, не находится денег вовремя погасить долг, и предприятия отходят олигархам в полцены.

Иными словами, банки ссуживают государству государственные же миллионы, после чего получают задарма бесценные акции – этакий лохотрон, только с большими нулями.

И ладно бы участники этих схем стыдливо прятались потом от публики. Нет же. Они еще и ходили гоголем: глядите, эвон мы вас…

Один из создателей означенной схемы, министр государственного имущества Альфред Кох, в интервью американской радиостанции очень доходчиво изложил свою концепцию развития России:

«В мировом хозяйстве для нее нет места, не нужен ее алюминий, ее нефть. Россия только мешает, она цены обваливает со своим демпингом. Поэтому я думаю, что участь печальна, безусловно… Россия никому не нужна… Какие гигантские

ресурсы имеет Россия? Этот миф я хочу развенчать наконец. Нефть? Существенно теплее и дешевле ее добывать в Персидском заливе. Никель в Канаде добывают, алюминий – в Америке, уголь – в Австралии, лес – в Бразилии. Я не понимаю, чего такого особого в России? Многострадальный народ страдает по собственной вине. Их никто не оккупировал, их никто не покорял, их никто не загонял в тюрьмы. Они сами на себя стучали, сами сажали в тюрьму и сами себя расстреливали. Поэтому этот народ по заслугам пожинает то, что он плодил».

Ален Даллес – с его доктриной развала СССР – просто нервно курит в уголке…

Конечно, время от времени между олигархами вспыхивали войны и потасовки, когда кто-то – вперед других – урывал себе кусок пожирнее. В такие минуты они мгновенно забывали о былой дружбе и бросались друг на друга, по очереди призывая в свидетели главного арбитра страны – президентскую дочку…

Послушайте, например, еще один телефонный разговор Березовского с Дьяченко, случившийся после того, как олигарх Потанин выкупил пакет акций «Связьинвеста» – крупнейшего оператора связи страны. Для понимания ситуации следует добавить, что этой покупке Борис Абрамович в паре с Гусинским активно противился, особливо упирая на то, что пока Потанин был первым вице-премьером правительства, он успел закачать в свой банк счета крупнейших госструктур – таможни, Минфина – и теперь получил возможность оперировать огромными деньгами.

Б. Березовский – Т. Дьяченко

Б. Березовский: Мы вчера встречались у Анатолия Борисовича (Чубайса. – *Авт.*). Мы – это Володя Гусинский и Миша Фридман. И встреча была с семи часов вечера до половины четвертого утра.

Т. Дьяченко: Ой, кошмар какой…

Б. Березовский: Разговор был тяжелый… Чубайс глубоко был убежден в порядочности Потанина… Я думаю, что его уверенность была сильно поколеблена, поскольку мы привели целый ряд фактов, о которых он понятия не имел. Главное, он удивился: откуда такая высокая цена на аукционе… Анатолий Борисович сказал, что если все так, как ему представили, то он, скорее всего, согласится снять… (В смысле изменить результаты конкурса. – *Авт.*). Виктор Степанович подписал распоряжение о проверке сделки на соответствие действующему законодательству… Тань, понимаешь, это всей действительно неприлично. У Потанина средние

остатки по счетам, по таможне – 5 триллионов 500 миллиардов рублей. Таня, миллиард долларов! Понимаешь, это можно участвовать в любом конкурсе. За год это приносит минимум миллиард долларов… Ну, Тань, это же игра не по правилам…

Т. Дьяченко: Ну нет, Борис Абрамович, главное, что вы там все собираетесь и будут уже какие-то правила, чтобы была нормальная конкуренция.

Б. Березовский: На самом деле только он один играет не по правилам…

Т. Дьяченко: Ой, Борис Абрамович…

Б. Березовский: Что касается Коха, то я тебе могу сказать, Таня, он должен уйти. Анатолий Борисович как бы сказал, что это вопрос вообще решенный, просто должен занять некоторое время.

Т. Дьяченко: Нет, это как он решит… А как Владимир Александрович (Гусинский. – *Авт.*)?

Б. Березовский: Владимир Александрович сначала был как бешеный, а потом немножко пришел в себя.

Т. Дьяченко: А Игорь Евгеньевич (Малашенко, шеф НТВ. – *Авт.*)?

Б. Березовский: Там есть одна проблема, но между нами. Глубоко личная. Он ненавидит Чубайса, а Чубайс ненавидит его. Так что там все…

Т. Дьяченко: Ой, ну не знаю, мне кажется, он не ненавидит все-таки.

Б. Березовский: А мне кажется, что ненавидит… Мне кажется, что для Толи было еще как бы очень важно то, что начало происходить с Лебедевым (банкир, президент Нацрезервного банка. – *Авт.*). Та, наверное, слышала, что его прокуратура там, обыск и прочее… И Анатолий Борисович четко понял, что как только у нас возникнут проблемы, нас начнут сметать. Сегодня уже было заседание Ассоциации банков.

Т. Дьяченко: Что начнут делать?

Б. Березовский: Нас будут сметать силовые структуры. Они только и ждут этого… Хотя я уверен, конечно, что у Лебедева есть там, и прочее, прочее… Понимаешь, Тань, я говорил с Борей Немцовым на эту тему, когда он начал эти свои идиотические штуки с налоговыми декларациями: «Боря, прежде чем это делать, нужен закон об амнистии на первоначально накопленный капитал»… Я тебе могу с уверенностью сказать, что налоговую декларацию никто не заполнил

честно – естественно, кроме президента.

Т. Дьяченко: Нет, мы нормально заполнили.

Б. Березовский: Если я открою то, что было до настоящего момента – не я, а большинство людей – окажется, что есть очень много вопросов. Во всех странах всегда так происходило: сначала амнистия, а потом нормальная, налоговая жизнь. Не иначе.

Т. Дьяченко: Это тоже сложно. Как амнистия? Те, кто честно платил налоги всегда, не скрывал ничего, те оказываются как бы в дурацком положении: какая разница, все равно всех амнистировали.

Б. Березовский: Тань, по-другому нельзя. Это как гражданская война. Можно, конечно, брать и преследовать. Уже это дело доказали Чечней. Была проблема с военнопленными. Хорошо, не решили бы проблему, не амнистировали. И что бы было?

Т. Дьяченко: Борис Абрамович, можно, конечно, придумать, чтобы они заплатили налог больше с заявленного капитала.

Б. Березовский: Совершенно верно. Я и говорю, что надо легализировать положение. Легализировать – давай так назовем. Но не заниматься популизмом-то…

А ведь помимо залоговых аукционов в арсенале высокопоставленных жуликов было и немало других остроумнейших *комбинаций* .

Например, махинации с ОВВЗ – облигациями внутренного валютного государственного займа, которые банки скупали за 10–30% от номинала, а казна тут же принимала их по полной стоимости.

Или ставшая кремлевской народной забавой, игра: «распили международные кредиты».

До сих пор ни один ясновидящий толком не может объяснить, куда же исчезли $275 миллионов, выделенных Международным валютным фондом в 1996 году якобы на реструктуризацию угольной промышленности. А также какова судьба $1,4 миллиарда, направленных МБРР – Международным банком реконструкции и развития в 1997 году.

Не менее занимательной выглядит и история $4,8 миллиарда, которые аккурат за неделю до дефолта – в августе 1998 года – МВФ прислал в Россию. Американский министр финансов м-р Рубин прямо заявлял, что деньги эти «были использованы на другие цели неподобающим образом».

Даже не дойдя до России, искомые миллиарды тут же были

распылены по австралийским, швейцарским, американским и немецким счетам. Причем, как прозрачно намекала западная пресса, часть денег почему-то очутилась на счетах некой мало кому известной австралийской компании. А принадлежала будто бы сия компания одной весьма влиятельной кремлевской даме… Но тс-с-с! Не будем об этом …

…Если бы летом 1998 года МВФовские миллиарды пришли в страну, грянувшего дефолта вполне можно было избежать. Дефолт ведь появился не сам по себе, как грозовая туча. Это был вполне логичный итог еще одной гигантской аферы под названием «ГКО».

Аббревиатура ГКО расшифровывается так: государственные казначейские обязательства. Если объяснять кратко, правительство под предлогом острой нехватки средств (правильно: откуда им взяться, если миллиарды уходили в частные банки, под залоговые аукционы) брало у коммерсантов в долг, расплачиваясь взамен долговыми бумагами. При этом доходность облигаций (есть еще наукоемкое словечко «ликвидность») была выше всяких ожиданий. На каждый вложенный доллар кредиторы получали уже два, но через год. Или не получали, предпочитая играть на повышение, ибо проценты по ГКО росли каждый месяц ровно в геометрической прогрессии.

В общем, налицо классическая схема пирамиды, вроде «МММ» или «Властелины», с одной лишь разницей – организовали ее не проходимцы типа Мавроди и дебелой гражданки Соловьевой, а само же распрекрасное государство.

Но пирамида на то и пирамида, чтобы в один прекрасный миг со страшным грохотом обрушиться, похоронив под своими обломками чересчур заигравшихся *вкладчиков* .

Уже к началу 1998 года выплаты по ГКО превысили все доходы страны ровно вдвое. И когда по весне банки дружно принялись сбрасывать эти дутые бумажки, пирамида угрожающе затрещала.

Часть банков – особо приближенных ко двору – деньги свои успели вытащить, заработав несметные барыши. Другие – зазевавшиеся – навсегда остались в прошлом.

Но в ГКО играли отнюдь не одни только банки. Через год после дефолта генпрокурор Юрий Скуратов объявил на всю страну (не буду скрывать: с моей скромной помощью – *Авт.*) о том, что среди игроков значилось как минимум 780 высокопоставленных чиновников, в том числе два вице-премьера (Чубайс и Серов), два федеральных министра (Козырев, Тихонов) и бесчисленное множество зам.министров – преимущественно из

Минфина и Минэкономики.

А еще, утверждал Скуратов, следствие сумело задокументировать участие в означенных спекуляциях двух президентских дочек: Татьяны Дьяченко и Елены Окуловой. Они распоряжались миллионными суммами и деньги свои, естественно, благополучно успели вытащить.

«Все эти люди, – рассказывал в интервью мне генпрокурор, – имели доступ к так называемой инсайдеровской информации. То есть они сами же устанавливали правила игры, сами играли и, разумеется, выигрывали… Мы рассматривали версию того, что должностные лица, понимая, к чему приведет пирамида, сознательно не останавливали маховик. Возможность получить сверхприбыли, тем более если ты четко знаешь, что никогда не останешься в проигрыше, была для них важнее интересов страны».

Августовский дефолт надолго отбросил Россию назад. Рубль упал в четыре раза. Миллионы людей разорились. Тысячи предприятий оказались банкротами.

И только узкая горстка олигархов да 780 лучших людей России, включая кремлевских царевен, довольно потирали руки. Чем беднее становилась страна, тем ширилось их богатство…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Жена французского короля Людовика XVI юная австрийская принцесса Мария Антуанетта прославилась непомерной тягой к роскоши и богатству. Несмотря на дикую нищету, царящую в обществе, она регулярно тратила на свои развлечения гигантские суммы из королевской казны, за что получила прозвище «госпожа дефицит». Кроме того, королева активно влияла на своего безвольного мужа, заставляя отправлять в отставку министров-реформаторов, пытавшихся сократить расходы двора, и назначать взамен угодных ей вельмож.

Когда во Франции начались массовые крестьянские восстания, королева спросила у придворных: «Чего хотят эти люди?» – «Хлеба, Ваше Величество». – «Так пусть едят пирожные», – удивленно ответила Мария-Антуанетта.

После Великой французской революции королевская чета пыталась бежать из страны, но была схвачена близ границы. В августе 1792 года по решению суда Мария-Антуаннета была гильотинирована; через пять месяцев та же участь постигла и ее безвольного мужа.

Перефразируя известное изречение Тютчева, можно смело

сказать: «Русская история до выборов Ельцина – одна пьянка, а после – одно уголовное дело».

Впрочем, ни единого мало-мальски серьезного коррупционного дела – даже те немногие, что удавалось возбудить прокуратуре – в эпоху Ельцина до суда упорно не доходили; а ежели и доходили, то заканчивались полным *пшиком* . Апогеем ельцинского правосудия стал приговор, вынесенный министру юстиции Ковалеву: девять лет условно. С тем же успехом казнокрада Ковалева могли условно приговорить к смертной казни…

Громкое дело «Мабетекса» – из того же разряда.

О том, что десятки российских чиновников имеют банковские счета в Швейцарии, генпрокурор Скуратов впервые узнал в мае 1998 года, во время визита в Москву его швейцарской коллеги Карлы Дель Понте. Тогда-то впервые и прозвучало диковинное название: «Мабетекс».

Фирма «Мабетекс», которую возглавлял швейцарец албанского происхождения Беджет Пакколи, являлась основным подрядчиком ремонта московского Кремля. На восстановление царской обители государство затратило тогда чудовищные деньги: сотни миллионов долларов. Только мебель для 1-го президентского корпуса обошлась в 90 миллионов «зеленых».

То есть в стране натурально кризис, бюджетники годами не получают зарплату, а президент тем временем никак не может обойтись без кресел ценой в миллионы долларов.

Впрочем, не это даже оказалось самым страшным. По версии швейцарской прокуратуры, фирма «Мабетекс» регулярно платила взятки российским царедворцам, переводя деньги им на счета, которые и обнаружились в той же Швейцарии.

Дело в том, что по швейцарскому законодательству наитягчайшим преступлением почитается не взятка – случай парадоксальный! – а неуплата налогов. Посему швейцарские подрядчики, ничтоже сумняшеся, предъявили финансовой разведке все свои расходы – «комиссионные» русским чиновникам – и даже заплатили с них положенные налоги.

В западной прессе утверждалось, что прокуратура нашла как минимум 59 счетов российских сановников. В том числе – личные счета Ельцина и его дочерей.

Слово – главному свидетелю обвинения, бывшему советнику швейцарского банка «Дель Готтардо» Филиппу Туроверу, с которым не раз приходилось мне встречаться в период скандала; испанец русского происхождения Туровер был связником между Дель Понте и Скуратовым. Интервью, выдержки из которого вам предстоит прочесть, я записывал осенью 1999 года.

– Действительно в банке («Дель Готтардо». – *Авт .*) были открыты три карты. Одна – «Американ экспресс» – на имя Бориса Ельцина. Две – «Еврокард» – на его дочерей, Татьяну Дьяченко и Елену Окулову.[43]

– *Когда это произошло?*

– Если мне не изменяет память, в 1993 году.

– *И как чисто технически проходило открытие карт?*

– Через маленький магазинчик в Лугано, торгующий нижним бельем и всякой одеждой. Назывался он «Фенини Шоп» и принадлежал одному из вице-директоров банка «Дель Готтардо» Франко Фенини… Эти кредитные карты были приписаны к магазину Фенини. На адрес магазина приходили счета за все использования карт.

– *Сколько денег было на этих картах?*

– У Ельцина – немного: несколько тысяч долларов. У членов семьи – цифры уже другие, и в первую очередь, конечно, у г-жи Дьяченко. Общее же движение по всем трем картам – около 600 тысяч долларов.

– *Кто оплачивал их счета?*

– Наполнение шло со счетов фирмы «Мабетекс» или же частного счета ее хозяина – г-на Пакколи, через счета компании «Ля Фен С.А.». «Фен» – сокращение от Фенини: эта фирма также принадлежала вице-директору «Дель Готтардо».

– *Члены сановной фамилии пользовались этими картами?*

– Безусловно. Картами они расплачивались в самых дорогих магазинах Европы.

– *Российская сторона, однако, утверждает, что без их присутствия подобные карты открыть не могли. А поскольку никто в Швейцарию специально не летал, карты-де – фальшивка. Это так?*

– Я бы не сказал. Присутствие клиента совершенно не обязательно. Выписать карту может банковский офицер и своей властью привезти ее будущему владельцу. На тот момент Фенини такой возможностью обладал.

– *Нужно ли заявление от Ельцина?*

– Бесспорно. Обычно владелец карточки сам заполняет специальный формуляр, указывает адрес рассылки счетов, расписывается. Затем заявление поступает в банк, и банк должен выдать финансовые гарантии на определенную сумму – не менее 30 тысяч швейцарских франков (20 тысяч долларов). После этого компания, выпускающая карточку, либо отдает ее клиенту, либо присылает в банк. В зависимости от желания.

– *И вы хотите сказать, что президент Ельцин такие документы заполнял?*

– Я ничего не хочу сказать. Однако можно предложить и другую схему: банковский офицер передает уже заполненные документы человеку, близкому к Ельцину, и Ельцину остается лишь расписать-ся. Или же сам офицер приезжает к клиенту и получает автограф.

Поскольку мы ведем речь о Франко Фенини, который регулярно приезжал в Москву и был частым гостем в Кремле, вариант этот вполне приемлем.

– Вы лично видели эти карты?

– Конечно, нет – карты находились у владельцев. Но я видел их копии, видел всю банковскую историю. Их показывал мне г-н Фенини. Видимо, он хотел продемонстрировать свою значимость и уровень связей с российским руководством…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

Великокняжеский дом Романовых традиционно увлекался запусканием рук в казну и организацией различных коммерческих прожектов.

Будучи главнокомандующим в русско-турецкой войне 1877–1878 годов, великий князь Николай Николаевич пробавлялся «откатами» за поставку товаров для нужд армии. Массовое завышение цен привело к судебному разбирательству, в ходе которого подследственные принялись давать прямые показания на великого князя, посему дело благополучно было прекращено.

«Высочайший шеф» русского военного флота великий князь Алексей Александрович попался на присвоении казенных миллионов из бюджета флота, а также из средств Красного Креста. Как писал современник: «В карманах честного Алексея уместилось несколько броненосцев и пара миллионов Красного Креста, причем он весьма остроумно преподнес балерине, которая была его любовницей, чудесный красный крест из рубинов, и она надела его в тот самый день, когда стало известно о недочете в два миллиона». В результате царь вынужден был убрать Алексея Александровича из высочайших шефов флота.

Великий князь Сергей Михайлович, генерал-инспектор артиллерии, остро нуждаясь в деньгах, приказал закупать пушки французской фирмы Шнейдера, качество которых оставляло желать лучшего. Недостатки орудий прикрывались фальсификацией документов. В результате к началу Первой мировой

войны русская армия осталась без тяжелой артиллерии.

«Все эти критические годы Романовы, которые могли бы быть прочнейшей поддержкой трона, не были достойны звания или традиций семьи, – писала перед смертью сестра последнего императора, великая княгиня Ольга Александровна. – Слишком много нас, Романовых, погрязло в мире эгоизма, где мало здравого смысла, не исключая бесконечного удовлетворения личных желаний и амбиций».

В приложении к этой книге вы без труда можете узреть официальные документы швейцарской прокуратуры – перечень высокопоставленных вкладчиков. Эти бумаги еще тогда, опасаясь ареста, передал мне на сохранение генпрокурор Скуратов.

В конце взрывоопасного списка три до боли знакомых фамилии: Татьяна Б. Дьяченко, Елена Б. Окулова и… Третья, самая последняя в реестре фамилия, замазана – даже генпрокурор не решался держать в своем сейфе такой убийственный компромат; лишь позже, своей рукой, он впишет искомое имя – Ельцин Б. Н…

Дело «Мабетекса» стоило Скуратову карьеры. Получив швейцарские материалы, генпрокурор тайно возбудил уголовное дело – в прокуратуре о нем знали всего три человека.

Утечка произошла совершенно случайно. В январе 1999 года швейцарцы провели в штаб-квартире «Мабетекса» серию обысков. Среди изъятого оказались и документы, подтверждающие, что глава фирмы открыл Ельцину и его дочерям кредитные карты.

Возбужденная Дель Понте немедля позвонила Скуратову. Это было 25 января. Прекраснодушная швейцарка и в страшном сне не могла представить, что у российского генпрокурора могут прослушивать телефон.

А уже 1 февраля Скуратова пригласил глава президентской администрации и предъявил ставшую впоследствии знаменитой видеозапись «человека, похожего на генпрокурора». (На допросе Бордюжа скажет потом, что кассету… нашел у себя на столе.)

Остальное, как любил говорить комментатор Маслаченко, вы видели сами…

Когда информация о счетах президентской семьи утекла в газеты, Борис Николаевич рвал и метал. Кремль, разумеется, с ходу принялся отрицать все и вся. Самый оригинальный контраргумент привел экс-премьер Черномырдин:

«Наш президент денег уже лет пять или десять в глаза-то не видел. Он даже не знает, какие у нас деньги».

Можно подумать, будто на швейцарских счетах лежали

рубли…

Вообще, последний год ельцинского правления выдался необычайно урожайным на шумные дворцовые скандалы.

Сначала на Каймановых островах обнаружились оффшорные счета президентского зятя Леонида Дьяченко. Он давно уже переквалифицировался из конструкторов в бизнесмены, и его фирма «Белка Трейдинг Корпорейшн», по странному стечению обстоятельств, оказалась крупнейшим трейдером «Сибнефти»; той самой «Сибнефти», которую указом Ельцина за копейки продали когда-то Березовскому с Абрамовичем.

(Американские власти подозревали Дьяченко в уклонении от уплаты налогов – на счетах его лежало 2,7 миллиона долларов – даже вызывали на допрос; но никуда крон-принц, понятно, не поехал, и дело благополучно заглохло.)

Потом то в одной, то в другой стране начали всплывать следы «семейной» недвижимости.

Так, в окрестностях Ниццы, на мысе Антиб, загадочный богатей, пожелавший остаться неизвестным, – прямо мистер Оун из «Десяти негритят» – приобрел за 55 миллионов франков (это примерно – 11 миллионов долларов) старинный замок «Шато ла Гароп» с участком в 10 гектаров. Причем бывшие владельцы замка в интервью английскому журналу «Кантри лайф» честно признались, что таинственный «мистер Оун» – не кто иной, как российский президент. Их сильнее всего тревожило, сможет ли его челядь «достойным образом ухаживать за старыми оливковыми деревьями». А французский журнал «Экспресс» поместил фотоснимки «Шато ла Гароп» с пояснением, что сие теперь – собственность *мадам* Татьяны Дьяченко.

В немецких Альпах, в курортном городке Гармиш-Партенкирхен, журналисты разыскали не менее скромный *домишко* – замок Ляйтеншлессель, также купленный на подставное лицо. Жители городка с удовольствием поведали, что *фрау* Татьяна Дьяченко с недавних пор стала их соседкой, регулярно наведывается сюда с друзьями, а в почтовом ящике у ворот замка репортеры с удивлением обнаружили торчащий конверт, адресованный некой Татьяне Ельциной.

На фоне этих старинных дворцов – даже как-то неудобно упоминать о том, что и в Подмосковье, в элитном поселке Николина Гора на Рублевке, столь же таинственные незнакомцы построили кирпичный особняк площадью свыше 800 кв. метров. По рассказам соседей, которых удалось разговорить журналистам, контролировать работы много раз приезжала *гражданка* Дьяченко, а сам этот дом упорно зовется в народе «дьяченковским»…

Все вышеперечисленные факты ельцинская администрация предпочла не комментировать: ни да, ни нет.

Лишь выйдя уже в отставку, первый президент соизволил *начертать* в мемуарах:

«Многих, наверное, интересует: что там с нашими сверхдоходами? Иными словами – богатый ли я человек? Честно говоря, не знаю… Смотря по каким меркам судить. Давайте посмотрим, что у меня есть, чего у меня нет.

Итак, я живу на государственной даче. Владею (совместно с женой) недвижимым имуществом, а именно дачей в Одинцовском районе Московской области. Площадь дачи – 452 квадратных метра. Площадь участка – четыре гектара.

Есть у меня и машина марки “БМВ”, купленная в 1995 году.

Есть квартира в Москве, на Осенней улице. Есть холодильники на даче и холодильник дома. Есть несколько телевизоров.

Мебель (диваны, кресла, пуфики, шкафы – и так далее). Кое-какая одежда.

Украшения жены и дочерей. Теннисные ракетки. Весы напольные. Ружья охотничьи. Книги. Музыкальный центр. Диктофон.

Теперь немного о том, чего у меня нет совсем.

Ценных бумаг, акций, векселей – нет.

Недвижимости за рубежом (вилл, замков, дворцов, ранчо, ферм, фазенд и асиенд) – нет.

Счетов в зарубежных банках – нет.

Отдельных драгоценных камней – нет.

Золотых рудников, нефтяных скважин, алмазных копей, земельных участков за рубежом – нет.

Яхт, самолетов, вертолетов и прочего – нет.

Моя жена, мои дочери, Лена и Таня, не открывали банковских счетов ни в швейцарских, ни в английских, ни в каких-либо еще зарубежных банках, у них нет замков и вилл, земельных участков за границей, нет акций зарубежных компаний, заводов или шахт. Нет и никогда не было».

Когда я прочитал эти взволнованные строки, сердце мое исполнилось такой жалостью, что я было едва не заплакал, а вместе со мной плакали и русские денежки в швейцарских и прочих банках. Бедная (в полном смысле слова) Дьяченко – тонкая, ранимая, романтичная…

Таня и травка

(рассказ для сентиментальных девочек от 6 до 106 лет, рекомендованный для чтения в воскресных школах)

«Таня на каждой даче упорно сажала газон. Видимо, ей хотелось украсить наше казенное жилище. (…)

Как-то я спросил: “Ты зачем его сажаешь? Мы же все равно отсюда уедем”. Она говорит: “Ну и что? Пусть растет”.

…Пусть растет».

(Б. Ельцин, «Президентский марафон», с. 183)

Иногда я очень жалею, что человечество до сих пор не придумало машины времени.

Взять бы Ельцина сегодняшнего, с его холодильниками, пуфиками и напольными весами, и отправить в прошлое: даже совсем в недавнее. Год эдак в 1993-й, когда в России громыхнул первый крупномасштабный коррупционный скандал.

Кто не помнит – был такой подозрительный коммерсант Борис Бирштейн (отчества не знаю; чем черт не шутит – может, и Абрамович). И был юный, но очень способный авантюрист Дмитрий Якубовский, чуть не ставший полпредом всех российских спецслужб и правоохранительных органов в правительстве.

А еще были свежеиспеченные министры и генералы, которые коммерческого опыта пока не имели, конвертировать в деньги свой административный ресурс еще не научились, но страстно желали красивой жизни. В чем означенные господа им охотно и помогали.

Потом Якубовского с Бирштейном выперли из страны, но Якубовский – не будь дураком – увез с собой горы компромата: он еще с юности привык вести четкую *бухгалтерию* – кому, за что и сколько. Тут-то и оказалось, что на содержании у юного авантюриста находились лучшие люди России.

Часть его бывших друзей со страху тут же кинулись в стан оппозиции: министр безопасности Баранников, первый зам.министра МВД Дунаев, генпрокурор Степанков окажутся в октябре 1993 года в *красном* Белом доме; лишь у первого вице-премьера Шумейко хватило ума не делать резких движений, за что и был он потом вознагражден креслом спикера Совета Федерации.

Так вот: если сравнить Якубовского с Березовским и Абрамовичем, то разница будет примерно такая же, как между дворовой футбольной командой и клубом «Челси».

Баранникова с Дунаевым, например, подвергли обструкции только лишь за то, что их жены осмелились съездить за счет Бирштейна в Швейцарию и там прикупить пару чемоданов остромодных вещей, включая шубы и часы. (На самом деле и

поездку, и «шоппинг» организовывал не Бирштейн, а Якубовский.)

«В Москву жены привезли двадцать мест багажа, – осуждающе писал тогда Ельцин во второй книге мемуаров, – а за перегруз фирма заплатила две тысячи долларов, что в три раза дороже, чем билет на самолет в Швейцарию. Я думаю, даже самая избалованная миллионерша не смогла бы при всей фантазии за три дня истратить столько денег».

Ой, не зарекались бы вы, Борис Николаевич.

Как писала взахлеб шведская пресса, когда в 1997 году Ельцин прибыл с визитом в Стокгольм, его супруга вместе с младшей дочерью-советницей осчастливили своим присутствием лучший меховой магазин города ««Моде Пёлс», где без разговоров приобрели две норковых и одну каракулевую шубу – всего на двадцать тысяч долларов. Расплачивались они платиновыми кредитными картами «Мастеркард». (Это к вопросу о том, что никто, никогда, никаких заграничных счетов…)

$ 20 000 – много это или мало? Для Абрамовича с Березовским – гроши. Для пенсионерки и госслужащей – прилично: где-то полугодовая президентская зарплата.

А ведь были еще и речные катера марки «Фэрлайн» (Made in GB) ценой в $ 450 000, купленные за счет известной уже фирмы «Мабетекс». И новехонькая «БМВ», которую Борис Николаевич приобрел для своих личных надобностей будто бы за $ 15 000 (в действительности, машина обошлась в 130 тысяч, а названная президентом цена – это из области *развесистой* картошки, которую сажает он всей семьей). Да и старший инфант Борис Ельцин гранит науки грыз не в школе рабочей молодежи, а в престижном английском колледже Милфилд, где курс обучения ежегодно обходится в 14,5 тысячи фунтов стерлингов (примерно $ 25 000).

Это вам не 15 соток в деревне Молоково…

Но подождите: а почему, собственно, глава государства и его родные – должны жить впроголодь? Если абстрагироваться от эмоций и хорошенько поразмыслить: вряд ли нищий, оборванный президент будет способствовать поднятию престижа страны.

При тех возможностях, которыми обладал Ельцин, все, в чем обвиняли его – сущие пустяки.

Знаете, например, сколько денег обнаружилось на счетах филиппинского диктатора Маркоса? 350 миллионов долларов, не считая собственности и бессчетного имущества; гардероб его супруги Эминды, в котором восставшие массы одних только пар обуви обнаружили несколько тысяч, до сих пор остается непревзойденным рекордом женского кокетства.

У украинского премьера Лазаренко в американских и

швейцарских банках хранилось 280 миллионов.

У премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто на паях с мужем – 100 миллионов.

В сравнении с этим великолепием пара тысяч «зеленых», обнаруженных на ельцинской карте «Американ Экспресс», – даже не подлежит обсуждению.

Напротив, стыдно даже рассказывать: засмеют. У других президенты как президенты, миллионами тащат, а наш-то…. Ни украсть, ни покараулить…

Что же до дочерей его, олигархов и приемного сына Юмашева… Отцовская любовь – слепа.

Разогнав всех своих друзей и наперсников, Ельцин оказался в сплошной изоляции; никого, кроме семьи, рядом с ним больше не было.

Всю свою жизнь он не обращал внимания на родных, относясь к ним как к обязательному, но малопродуктивному своему придатку. Главным для него всегда оставались работа, карьера, власть. (В Свердловске, когда переехали они на новую квартиру, соседи много лет искренне считали Наину Иосифовну матерью-одиночкой.)

А потом незаметно наступила старость, и в лицо пахнуло могильным холодком. Наверное, тогда-то, выкарабкавшись с того света, и понял он, что жизнь, в сущности, прожил неверно, неправильно; то, что считал он главными ценностями – на поверку оказались миражами Фата Моргана. А поняв, судорожно кинулся наверстывать упущенное.

Ельцинский рецидив поздней отцовской любви – это не что иное, как попытка загладить свою вину, реабилитироваться – в первую очередь в собственных глазах. И ради этой высокой цели президент готов был поступаться любыми принципами, платить за право любить и быть любимым.

Беда только в том, что платил он за *свою* любовь исключительно *государственными* деньгами…

В отечественной истории жизнь большинства кремлевских царевен зачастую складывалась не самым лучшим образом. Часть из них сгнила в монастырях, кое-кого даже придушили, а парочку и вовсе расстреляли в уральском подвале. Светлана Аллилуева, дочь великого кормчего, точно шпионка бежала из своей страны; Галина Брежнева – окончательно спилась.

Дочери Ельцина – являют собой завидное исключение из общих кремлевских правил.

После ухода отца в отставку они мгновенно выпали из поля зрения страны, уступив место под солнцем своим преемницам: по стечению обстоятельств у нового президента тоже две дочери. Но

вряд ли забвение это удручает их, скорее наоборот. Перестав быть царственными особами, они получили наконец возможность жить в свое удовольствие: так, как понимает это каждая из них.

Старшая сестра, Елена Окулова, по-прежнему погружена в свою малую семью. Ее младший сын, рожденный в 40 лет, всего на два года старше собственного племянника – первого президентского правнука. Обе Елениных дочери успели благополучно выйти замуж: старшая – за однокурсника, младшая – за владельца мусороперерабатывающего завода. Обе родили по мальчику.

Муж Елены Валерий Окулов все так же трудится в скромной должности гендиректора компании «Аэрофлот», к назначению которым тесть, разумеется, ни малейшего отношения не имел. Живут Окуловы на роскошной даче на Рублевке, проданной им когда-то управделами президента.

Младшая, Татьяна Дьяченко… Да, собственно, и не Дьяченко уже, а Юмашева. После долгих раздумий она вышла-таки замуж за своего названного брата, сыгравшего в ее судьбе столь роковую роль.

Широко известен исторический факт, когда сценарист Алексей Каплер признался дочери Сталина в любви посредством газеты: статья в «Правде» называлась, кажется, «Письмо лейтенанта Л. из Сталинграда» и заканчивалась словами: «Из твоего окна – видна зубчатая стена Кремля»…

Журналист Юмашев сумел повторить подвиг Каплера: только еще более оригинальным способом. О своих чувствах к принцессе он написал целую книжку: «Президентский марафон», выпущенную, правда, за подписью Ельцина – ну так это не важно. (Каплер тоже писал от имени мифического «лейтенанта Л.»)

Добрая треть книги посвящена именно ей: ее подвигам, свершениям и доброте. Дьяченко упоминается здесь – я специально подсчитал – 141 раз; больше нее – только Путин, но это уже – политика…

В 2002 году Татьяна Борисовна благополучно родила Юмашеву дочку Машу: третьего ребенка от третьего брака. Чуть раньше, в этой же самой английской клинике «Хаммерсмит» – 35 тысяч долларов за все про все, как одна копеечка – разрешилась родами и ее новоявленная падчерица – Полина Юмашева.

Когда-то будущий ельцинский зять тщился мечтами породниться с царственной фамилией, выдав Полину замуж за Татьяниного сына Бориса: *отпрыски* учились в одном английском колледже. Но все сложилось куда как лучше: Полина была сосватана за олигарха Олега Дерипаску ($ 4,5 млрд. по оценке журнала «Форбс»). А породниться Юмашевы с Ельциными все

равно породнились: верно говорит народная мудрость – деньги к деньгам.

Сегодня супруги Юмашевы-Ельцины живут полноценной и очень красивой жизнью. Как и мечтала всегда Татьяна Борисовна.

Она не носит больше брюк и костюмов, предпочитая неброские, но дорогие драгоценности, а чтобы окончательно измениться, отважилась даже на пластическую операцию. И живет она теперь – после долгих лет – тоже отдельно от родителей, в роскошном доме в элитном поселке Жуковка, построенном, как пишут репортеры светской хроники, бывшим президентским *литрабом* аккурат ко дню рождения жены.

Впрочем, почти все свое время супруги проводят за кордоном, не пропуская ни одного престижного теннисного турнира или показа мод.

Часть их бывших друзей – Березовский, Гусинский – давно уже превратились в тлен истории; другая – по-прежнему при деньгах и при власти. О первых они, естественно, давным-давно постарались забыть, со вторыми – катаются вместе на горных лыжах и дружно плавают на яхтах…

Словом, жизнь удалась…

Почему-то вспоминается анекдот эпохи застоя.

Чукча возвращается из поездки в Москву.

«Правильно, однако, говорят: все для блага человека, все во имя человека. И я сам, однако, этого человека видел…»

примечания Александра Коржакова

1 Эти 15 соток в Молокове он отдал потом своему зятю – Валере Окулову, а тот попытался продать их моему свояку. Но забрал их в итоге я, присоединив к своему участку: теперь у меня 25 соток.

2 О существовании у Ельцина и его дочерей счетов в иностранных банках и кредитных карт я долго не знал: от меня это скрывалось. Лишь в 1996 году Бородин рассказал, что Лене и Тане были открыты карты, с которых они ежемесячно могли тратить по 5 тысяч долларов. Причем Бородин очень возмущался их невоздержанностью: приходят, говорят, в магазин и скупа-ют все, что попадается под руку, – лишь бы потратить искомую сумму.

Глава двенадцатая
СВЯТОЙ ПРЕЗИДЕНТ

Никто не верил, что Ельцин когда-то уйдет. Он казался таким же незыблемым, вечным, как зубцы кремлевской стены.

Да и глупо было ждать этого от человека, давным-давно потерявшего уже всякую связь с реальностью; живущего в иллюзорном, придуманном его окружением мире.

Несколько раз парламент пытался отправить президента в отставку: в 1998-м, в 1999-м. В Госдуме была создана специальная комиссия по подготовке импичмента. Депутаты точно забыли печальные уроки недавнего прошлого: чем сильнее наседаешь на Ельцина, тем быстрее возвращается он в чувство.

Российский президент являл собой прямую противоположность пушкинской формуле: чем меньше, тем легче…

Но, видно, даже у патологических властолюбцев наступает рано или поздно предел прочности.

В конце 90-х Ельцин всерьез начинает задумываться о преемнике. Это уже не *разводки* его, когда испытывал он соратников на прочность, безжалостно избавляясь от тех, кто не сдал *тестов* . Теперь президент действительно хочет подыскать преемника, которому сможет передать возведенное здание.

Критерии у него – нехитрые. Главное – соблюсти *преемственность* . Будущий наследник должен быть послушным, благодарным и безоговорочно принимать установленные правила игры; то есть – и не пытаться даже отбирать капиталы у олигархов, забыть о деприватизации и новом *переделе* . А еще он должен относиться к «Семье», как к своей собственной, свято выполняя ее волю.

Вот уж когда снова пожалел он, что не дал ему Бог сына; как бы теперь пригодился единоутробный *наследник.*

Ельцин даже подумывал над тем, чтобы *двинуть* в президенты младшую дочку – журналисты и политологи идею эту обсуждали на полном серьезе – но потом понял, видно, что вариант этот – не пройдет.

Кандидатов в преемники было много: Немцов, Чубайс, железнодорожный олигарх Аксененко, держиморда Рушайло, пограничник Бордюжа. В 1999-м казалось, что выбор семьи окончательно пал уже на Степашина; президент демонстративно кинулся пересаживать тогда кабинет министров: «Не так сели!» – усаживая Степашина по правую руку от себя.

В мае Степашина даже вывели почти на орбиту: назначили премьер-министром. Но доверия тот не оправдал.

Когда вскоре после назначения ему позвонила Татьяна Борисовна и приказала немедленно явиться, дабы обсудить состав будущего кабинета – вместе с Березовским и Абрамовичем – простодушный Степашин принялся отнекиваться: дескать, сейчас не могу, у меня совещание, вот если ближе к вечеру…

«Можешь тогда совсем не приезжать», – отрезала вельможная дочка и бросила трубку. Со Степашиным все стало ясно. О том, кто будет у него министрами, председатель правительства узнал уже из уст президента…

В не раз цитировавшемся мной «Президентском марафоне» – этом беспрецедентном по числу исторических фальсификаций *труде* – эпопея с коротким вознесением Степашина подается весьма оригинально.

«Уже внося кандидатуру Степашина, я знал, что сниму его», – пишет Ельцин. Оказывается, он должен был «заполнить паузу»: «Заполнить чисто технически. Что называется, для отвода глаз.» Ибо: «Путин должен появиться неожиданно. Когда наши политические оппоненты проявятся до конца. Когда в разгаре будет настоящая предвыборная борьба».

Подобное на блатном жаргоне именуется «взять за корову»; так по весне, уходя в побег, урки берут с собой «ушастого фраера», убаюканного рассказами о благородной воровской дружбе, – дабы его потом съесть…

Путин появился на горизонте совершенно внезапно. Что бы там ни утверждал сегодня Ельцин, но выбор на нем остановился явно не от хорошей жизни: просто в колоде кончились уже все карты.

Как и подобало выпускнику разведшколы, Путин умел нравиться. Кроме того, директор ФСБ обладал еще одним завидным преимуществом перед всеми прочими соискателями: он абсолютно не рвался к власти.

Уже после своего триумфального бегства за рубеж Березовский рассказывал, как уговаривал Путина согласиться на наследование престола: «Я бы лучше пошел в “Газпром”», – якобы ответствовал будущий гарант…

Путин был совершенно не похож на традиционных ельцинских фаворитов. Он совсем не выпивал, охоте с рыбалкой предпочитал горные лыжи и всегда держался в тени.

Может быть, этот контраст-то и стал для Ельцина определяющим. Да и «Семье» новый выбор очень нравился: *Володя,* – говорили они, – глупостей не наделает…

История нового президента – тема уже для совсем другой

книги, схожей скорее не с *анамнезом* , а с дневником спортивных соревнований.

Достаточно сказать лишь, что «Семья» и олигархи очень скоро разочаровались в своем выборе, но было уже поздно…

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАРАЛЛЕЛЬ

5 февраля 1722 года Петр I издал указ о порядке престолонаследия в России, разрушивший традицию, когда престол переходил по мужской нисходящей линии: от отца к сыну и далее – внуку. Согласно новому указу государь получал право назначать себе преемника (из числа лиц императорской фамилии) и менять свое решение в том случае, если преемник не оправдывал его ожиданий.

Есть такая восточная легенда: у одного человека тяжело заболела старуха-мать. Дабы избавить семью от лишнего рта, сын взвалил ее на носилки, унес высоко в горы и оставил там умирать.

«Забери с собою носилки», – сказала ему на прощание мать.

«Зачем они мне?» – удивился сын.

«Чтобы, когда ты тоже состаришься, детям было легче относить тебя в горы»…

…Когда Ельцин *выпихивал* из Кремля Горбачева, он совершенно не думал, что рано или поздно ему тоже понадобятся эти *носилки* . На все просьбы о неприкосновенности Ельцин отвечал решительным отказом.

«Если Горбачев что-то хочет сказать и в чем-то признаться, пусть делает это сейчас», – картинно подбоченясь, объявлял он во всеуслышание.

(В «Записках президента» Ельцин даже напишет потом, с плохо скрываемым презрением:

«Список претензий Горбачева – его “отступная”, – изложенных на нескольких страницах, был огромен. И практически весь состоял из материальных требований».)

Прошло восемь лет. И неожиданно выяснилось, что давать уходящему президенту гарантии безопасности – совсем даже не постыдно, а наоборот, благородно и по-христиански.

Ельцинский «список претензий» был намного обширнее, чем у его предшественника; и тоже – вот удивительно – «состоял из материальных требований».

Первым же своим указом Путин установил Ельцину персональную пенсию – 75% от президентского оклада (сегодня – это почти 110 тысяч). Ему вместе с семьей пожизненно была сохранена государственная охрана и транспорт, бесплатное

медицинское обслуживание.

Ну и самое главное – статус неприкосновенности.

Как и прежде, экс-президент продолжает обитать на даче в Барвихе с участком в 66 гектаров; когда-то, став президентом, он тотчас отобрал ее у Горбачева.

На его содержание налогоплательщики – то есть мы с вами – ежегодно выкладываем из своих карманов 60 миллионов рублей – этих денег хватило бы примерно на 2,5 тысячи пенсионеров.

Ну да ладно: в конце концов, при власти Ельцин обходился нам неизмеримо дороже…

Первый президент ушел в отставку, не дожидаясь конца своих полномочий: вечером 31 декабря 1999 года, в лучших традициях новогодних чудес.

Со стороны выглядело это очень эффектно и красиво – так, как и любил он всегда – но за внешней елочной мишурой крылся, разумеется, ясный, холодный расчет; Ельцин должен был оставить своему преемнику временной зазор на *раскрутку* . В противном случае выборы-2000 стали бы дурным *римейком* выборов-1996.

По доброй ли воле расставался он с властью?

Да нет, конечно. Но другого пути у него просто не оставалось. Идти на третий срок Ельцин не мог по Конституции, а сил поменять ее уже не было: парламент никогда бы этого не допустил.

Вводить диктатуру? Повторять опыт бывших коллег по ЦК, ставших новоявленными среднеазиатскими ханами?

Но на дворе стоял уже не 1993 год. Никакими посулами и красивыми сказками обмануть народ было теперь невозможно: требовалась новая сказка с новым главным героем.

Так что выбор был невелик: либо потерять все, что имеешь, либо сохранить хоть что-то – третьего не дано; если процесс нельзя изменить, его можно только возглавить.

Прощание с Кремлем далось Ельцину очень непросто.

«Было чувство одиночества и даже тоски», – сетует он в мемуарах. И дальше: «Я «*обязан* вернуть себе все то, чего был лишен эти последние годы: созерцание, размышления, покой, радыость каждой минуты, радость простых человеческих удовольствий, радость от музыки, театра, чтения».

Глагол «обязан» употреблен здесь явно неспроста.

Обычно люди заставляют себя, уговаривают в том, что *обязаны* ходить на работу, заниматься неприятными делами.

Но заставлять себя радоваться, читать книжки и *созерцать* – это что-то новенькое; типично ельцинское. Он словно пытается убедить читателя, что истинный отдых для него – это работа, а

каторжный труд – наоборот, как раз безделье.

Полноте, этими байками не впечатлить и младенца.

Даже в первые годы своего владычества Ельцин не пропускал ни одного отпуска, предпочитая устраивать по 3–4 перерыва в год. (Коржаков говорит, что за 10 лет «совместной жизни» он отдыхал не менее 50 раз.)

А уж на втором сроке…

В ЦКБ и Завидово президент проводил тогда времени больше, нежели в Кремле; недаром на даче в Барвихе ему даже был построен рабочий кабинет – точная копия кремлевского; специально для доверчивых телезрителей.

Теперь место их заняли столь же доверчивые читатели.

«Слушаю в последнее время очень много музыки, – уверяет главный пенсионер страны, – Моцарта, Вивальди, Чайковского. Знаменитые оперы. В последнее время приучился к современным мюзиклам… Слушаю вещи Вебера (“Призрак оперы”, например)».

Что хотите делайте со мной, но, убей бог, не могу я себе представить Ельцина в наушниках, мечтательно прикрывшего глаза под звуки Моцарта.

С ложками в руках – пожалуйста; отплясывающего «калинку-малинку» – сколько угодно; на худой конец – подтягивающего какую-нибудь «Уральскую рябинушку» или «Ой, цветет калина…»[44]

Только не Чайковский с Вивальди…

А он ведь еще и мемуары, оказывается, регулярно почитывает, «Интернетом» увлекается: разве что крестиком пока не вышивает. И совсем не пьет: ну ни капельки.

(«После операции врачи сказали: максимум, что вы можете себе позволить, – бокал вина. С тех пор я не нарушаю этот запрет».)

Как поразительно благотворно сказывается на людях пенсия; нет больше сумасброда и дебошира Ельцина, а есть – живое воплощение добродетели и достоинств, точно сошедшей из популярных некогда куплетов:

> Чтоб не пил, не курил,
> И цветы всегда дарил…

Впрочем, как мы помним с вами, верить первому президенту на слово – дело совсем неблагодарное.

В его *перерождении* нет ничего удивительного. Напротив даже: все эти сусальные уверения и пасхальные сказки окончательно доказывают, что остался он таким же, как и был прежде, ничуть не изменился.

На одном из Интернет-сайтов я обнаружил очень показательные воспоминания журналиста иркутской «молодежки», который в числе первых брал у Ельцина интервью: еще в сентябре 1988-го.

«Что читаете, Борис Николаевич?» Он ведь, по его словам, просыпался в 5 утра и до 7 читал. Подбирает ответ (именно «подбирает», с учетом тогдашней моды). «Назовем “Пожар” Распутина. По экономике – назовем Шмелева». – «А Селюнина?» – «Нет, этого рано – оставим Шмелева».

Вот вам и разгадка вспыхнувшей любви к Вивальди с Моцартом. Политик всегда остается политиком, даже если он на пенсии…

Выражаясь столь полюбившейся Ельцину музыкальной терминологией, весь его «Президентский марафон» от начала и до конца – одна сплошная фальшивая нота.

Если первую книгу мемуаров он писал под выборы, вторую – для гонорара, то третью – исключительно ради того, чтоб перекроить историю; мумифицировать самого себя.

Эти воспоминания – блестящий образчик кремлевской мифологии, в духе «Малой Земли» и «Истории КПСС»; за одним-единственным исключением. Если раньше вожди приписывали себе чужие победы, то теперь – приписывают другим собственные поражения.

Знаете ли вы, например, о том, что Березовского, оказывается, наш герой «никогда не любил», а исполнительным секретарем СНГ назначил его исключительно под давлением других президентов. Причем Юмашев (!) чуть ли не лег грудью, лишь бы не допустить этого назначения. («Таким злым я Юмашева ни разу не видел».)

Что именно Юмашев силился спасти петербургского мэра Собчака от развязанной силовиками травли, вместе с Дьяченко и Чубайсом отговорил Ельцина разгонять компартию и Думу и пробовал остановить разнузданных олигархов. Что Волошин, в свою очередь, «попытался поставить заслон системе, при которой холдинг “Медиа-Мост” Гусинского брал у государства кредит, но не возвращал».

Чуть ли не на каждой странице повествует он о всевозможных заговорах и злых кознях, которые то и дело замышляли враги России: коммунисты, путчисты, Руцкой с Хасбулатовым, Коржаков, Лебедь, Примаков с Лужковым, Скуратов. Главный вывод напрашивается сам собой: вот, если б не они, как здорово зажили бы мы…

…На самом деле книга эта написана для одного-единственного читателя – из Кремля, – дабы, прочитав ее, он

растрогался и пустил скупую мужскую слезу.

Автор (или авторы) настолько желал выказать свою преданность и любовь к новому президенту (кстати, предвыборный блок «Единство», чтоб вы знали, тоже придумал Ельцин), что не гнушались даже стилем «общества чистых тарелок»:

Ваня и Путин

(рассказ для детей дошкольного возраста)

Лена со своим сыном, моим внуком Ванькой, которому два с половиной года, ходила 26 марта голосовать на избирательный участок. Там Ванька, наплевав на Закон о выборах, стал громко требовать, чтобы все голосовали за Путина. А когда объявили результаты, мама Лена сказала ему: "Смотри, твой кандидат победил. Знаешь, кем он теперь будет работать?". "Знаю", – сказал Ваня. – "Ельциным".

(стр. 414).

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Диссоциальному расстройству личности свойственен повышенный уровень ориентировки в социальной ситуации. Лидерские качества позволяют широко влиять на поведение окружающих, обычно с печальными последствиями для последних. В проявляемых этими людьми эмоциях чувствуется лживость и фальшь, обусловленные непременным желанием нравиться.

Только теперь, став пенсионером всея Руси, обретя желанную неприкосновенность, Ельцин получил наконец возможность жить в свое удовольствие, не боясь окриков и упреков.

«Будучи президентом, я побывал в 60 странах, но разве я там что-нибудь видел?» – жаловался он сразу после отставки. Зато теперь ему есть чем похвастать; чета Ельциных путешествует по миру практически беспрерывно.

И недели не прошло с его ухода, а он отправился уже в первый свой частный вояж – в Израиль; получил в Иерусалиме орден Гроба Господня («Я ж теперь, понимашь, святой президент», – сказал Ельцин, принимая награду) и навел шороха на обслугу отеля «Хилтон», которая до сих пор с содроганием вспоминает, каких трудов стоило найти удлиненную кровать и ежедневно возить самолетами черешню из Лондона.

Борис Николаевич с Наиной Иосифовной постоянно ездят по свету, стараясь не пропускать ни одного серьезного теннисного турнира и пытаясь совмещать приятное с полезным.

Ежегодно он посещает берлинский кардиоцентр, где врачи тщательно обследует его сердце – теперь-то Ельцину совсем не

требуется патриотично лечиться на родине; регулярно поправляет здоровье в Сардинии – излюбленном месте отдыха олигархов; пьет нарзан в Кисловодске и набирается сил в Иссык-Куле. После того как Ельцин побывал в Китае, журналисты писали, что он прошел еще и курс китайской медицины.

Безделье удивительно благотворно сказывается на ельцинском здоровье. Он почти ничем теперь не болеет, и лишь однажды слег в ЦКБ с воспалением легких. Три операции – на глазах, по удалению катаракты, и выпрямление шейки бедра, которые перенес «святой президент» – явно не в счет. Тем паче что кость сломал он по неосторожности, поскользнувшись – извините уж – в сортире, рухнув прямо на кафельный пол.

Сие недоразумение стряслось в августе 2005-го, когда Ельцин отдыхал на вилле «La Tartarughina» в городе Порто-Ротондо на острове Сардиния ($1300–1500/сутки). С переломом бедренного сустава незадачливый турист был госпитализирован в больницу Сан-Джованни ди Дио, где ему наложили гипс. После чего он спешно улетел домой на частном самолете – долечиваться в родном ЦКБ…

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

Перелом шейки бедра бывает трех видов: переломы в областях шейки, головки и большого вертела. По степени тяжести они, безусловно, отличаются друг от друга. Первый и главный симптом перелома – это боль, которая концентрируется в паху. Она не резкая, поэтому больной может не требовать повышенного внимания к своему состоянию. При попытке движения боль становится сильнее. Она также усиливается, если попробовать постучать легким поколачиванием по пятке той ноги, которую, как вы предполагаете, человек сломал. Существуют такие переломы, при которых больные могут ходить несколько дней и даже недель, но это встречается очень редко.

Не знаю, как насчет Вивальди и Моцарта, но в числе главных страстей нашего героя прежде значились куда более приземленные *забавы* : бильярд, теннис, баня. Но самым любимым времяпровождением была, конечно, охота.

Он пристрастился к ней еще в Свердловске. Излюбленной дичью были для него тогда лось и глухарь.

Борис Николаевич и прежде никогда не отказывал себе в удовольствии поохотиться всласть. Теперь же, превратившись в пенсионера, он и вовсе лишился каких бы то ни было ограничений.

Я не раз упоминал уже в этой книге название «Завидово». Пришло время рассказать о нем поподробнее…

Краткая справка: национальный парк «Завидово» расположен на границе Московской и Тверской областей. Общая площадь – 1250 квадратных километров. На территории парка обитает 41 вид млекопитающих, 163 вида птиц, 33 вида рыб…

Первые охотники страны облюбовали «Завидово» задолго до Ельцина. Историки утверждают, что еще в 1767 году, путешествуя по Волге, тут охотилась Екатерина Вторая. Частенько бывал в «Завидове» Ленин.

Но настоящий расцвет начался в эпоху Брежнева. Будучи заядлым охотником, генсек чуть ли не каждые выходные совершал набеги на заповедник, который относился тогда к ведению Минобороны. Ежегодно на нужды «Завидова» (он же объект «Ручей») выделялось полтора миллиона бюджетных рублей. Начальник заповедника Калюжный и его заместитель Щербаков за пару лет стали генералами.

По рассказам очевидцев, Брежнев был весьма гуманным охотни-ком. Он никогда не стрелял в оленей, а раненого зверя мог преследовать по несколько километров, только чтоб не оставлять подранка.

Наш герой – являет собой прямую противоположность генсеку. Кроме личного егеря Анатолия Лепилина, ничего другого от Брежнева он не перенял.

Впервые Ельцин оказался в «Завидове» в 1992-м: его притащил сюда Коржаков. Красота этих мест поразила его. Придя к власти, он мгновенно переименовал «Завидово» в «Русь» – чтоб даже духом Брежнева и не пахло – и приказал организовать здесь национальный парк. Правда, за все эти годы никаких других посетителей, кроме Ельцина и его гостей, в заповеднике отродясь не водилось, а на охрану парка от непрошеных туристов был брошен целый батальон ФСО.

В многочисленных своих интервью и мемуарах Борис Николаевич очень любит подчеркивать, сколь трудное и хлопотное это дело – охота. На самом деле, чтобы вернуться из «Завидова» с трофеями, совсем не требуется особых навыков: ручные звери, которых прикармливают егеря, сами бегут здесь под пули. Животные не боятся людей – они привыкли им доверять – до первой пули.

«То, что делает Ельцин, – рассказывал мне один из участников ельцинских забав, – это не охота, а убийство. Зверя он бьет с вышки, рядом с которой установлены кормушки: животные привыкли сюда приходить за едой. Или разъезжает в открытом джипе «Мерседесе» по асфальтированным дорожкам и стреляет по

сторонам. Попасть в прикормленного зверя труда не составляет, но он даже не удосуживается выходить из машины, подбирать трофеи: их приносят потом егеря»[45].

Ельцин всегда Ельцин: если объезжать свердловские фермы – то непременно все двести, если читать Ленина – так обязательно 53 тома.

Гуляя в «Завидово», президент считал необходимым убивать как минимум тридцать зверей: оленей, маралов, лосей.

«Птичья» планка была у него еще выше – не менее ста уток.

«Утиная охота на зорьке – самая динамичная, – лирично пишет он. Ни дать ни взять – Тургенев. – Бьешь птицу влет, стараешься достать ее точным выстрелом с лодки. Это уже почти спорт. Настолько азартный, что иногда возвращаешься домой с огромным, величиной с ладонь, черным синяком на плече».

Однако, по рассказам очевидцев, никаким спортом в его утиной охоте и не пахнет. Он подплывает к птице на быстроходном катере «Бустер» и бьет ее прямо на воде. Взлететь жертвы просто не успевают. Да и не могут, ибо разводят их специально в инкубаторе.

Гусей же егеря гонят на него со всех озер стаями, только стреляй…

С тем же успехом можно отправиться в поход на птицефабрику. Или в рыбный отдел гастронома на Осенней улице.

Вот как выглядит типичная президентская рыбалка. Борис Николаевич сидит на стульчике у воды. Челядь нанизывает на крючок червяка, Ельцин закидывает удочку, вытаскивает рыбу. Слуги снимают ее с крючка и протягивают шефу новую, уже снаряженную удочку…

Помнится, сколько шума было, когда в конце 80-х Солоухин объявил, что Ленин – добрейшей души человек – развлекался изничтожением зайцев: в половодье раскраивал им веслом черепушки.

Если подобное происходило на самом деле, то могло это быть исключительно в «Завидово».

Только чем, скажите на милость, отличается в таком случае Ленин от Ельцина?

«Святой президент» убивал зверей не в пылу азарта, не в извечном поединке охотника с дикой природы. Он просто стрелял по движущимся, прикормленным мишеням, оставляя налево-направо подранков. Количество трофеев, набитых им зараз, неизменно было столь велико, что часть мяса приходилось отдавать собакам…

…До тех пор пока Борис Николаевич *развлекался* в

завидовском *заповеднике* , за глухим, неприступным забором, все сходило ему с рук. Он мог сколько угодно палить из джипа (для справки: статья 278 Уголовного кодекса прямо запрещает использование в охоте «механического транспортного средства»; до двух лет лишения свободы) и охотиться в любое время, даже когда сезон официально закрыт.

Но, очутившись на пенсии, «святой президент» почему-то решил вдруг расслабиться и отправиться по новым, неизведанным местам.

В мае 2001-го, например, он устроил охоту на гусей, хотя с конца апреля официальный охотничий сезон был закрыт и любая стрельба по пернатым квалифицировалась исключительно как браконьерство.

А в январе 2004-го Ельцин попался на убийстве лося, которого завалил он на Валдае в компании с новгородским губернатором Прусаком. Это был уж совсем чересчур; сезон закрылся неделей раньше, 15 января, и по закону Бориса Николаевича следовало теперь привлекать к уголовной ответственности: статья 258 УК РФ – «незаконная охота».

Но, как выяснила прокуратура, куда обратился я с депутатским запросом, никакой охоты на Валдае не было. А был… разовый научный отстрел «для уточнения эпизоотической ситуации и проведения лабораторной диагностики спарганоза, цистицекоза, трихинеллёза».

Текст прокурорского ответа вы при желании можете отыскать в конце книги: читается он на одном дыхании, как отменный юмористический рассказ.

Оказывается, пишет зам.прокурора Валдайского района, 20 января 2004 г. начальник Новгородского охотуправления Лутовинов издал приказ, разрешающий научный отстрел «для уточнения эпизоотической ситуации и проведения лабораторной диагностики спарганоза, цистицекоза, трихинеллёза». В тот же день он выдал именную разовую лицензию на отстрел лося начальнику Валдайского охотнадзора Филиппову.

Дальше необходимо уже цитировать дословно: своими словами так смешно мне не написать.

«В охотничьем хозяйстве “Вершина” Филиппов зафиксировал наиболее удобный загон на лося. 22 января выехал для проведения загона вместе с бригадой загонщиков. Подошел губернатор Прусак М.М., у него было ружье».

Откуда в этой сугубо научной экспедиции взялся губернатор, если охотовед выехал с одной только бригадой загонщиков, прокурор не объясняет. Рискну предположить, что Прусак, по причине безденежья, подрабатывает загонщиком.

Однако читаем дальше:

«Когда выскочил лось, выстрелил из ружья, выстрел убил лося. Прусак М.М. не стрелял. Был ли на охоте Б.Н. Ельцин (Филиппов)не знает».

Кто выстрелил? Охотовед Филиппов? Губернатор Прусак? Или, может, сам лось?

Хотя нет: Прусак ведь не стрелял. Он просто стоял поодаль с ружьем. Видимо, в Новгородской области появляться без ружья губернатору не принято, иначе никто его не признает. Новгородцы – народ дикий. Даже Ельцина не в силах идентифицировать. (Мало ли президентов бродит по здешним лесам, всех и не упомнишь!)

МЕДИЦИНСКИЙ ДИАГНОЗ

При психопатических состояниях больным удается составить о себе у окружающих абсолютно позитивное мнение, несмотря на то, что за внешней маской благополучия часто кроется раздражительность, враждебность и беспричинная жестокость. У больного наблюдается стойкая безответственность и пренебрежение социальными нормами, правилами и обязанностями.

Лишь в редкие дни, когда первый президент не отдыхает на заморских пляжах и не стреляет зверей и не парится в бане, он вспоминает вдруг о судьбе отчизны.

Таких случаев было всего два. Первый раз – Ельцин публично возмущался отношениями России с Белоруссией; второй – негодовал по поводу принятия нового гимна.

Обе эти рекомендации Путин демонстративно пропустил мимо ушей.

Те, кто рассчитывал, что новый президент станет лишь безвольным исполнителем чужой воли, глубоко заблуждались.

Максимум, что позволено теперь тому же Березовскому, – лишь слать своему бывшему *сюзерену* подметные письма издалека. Одно такое послание, в лучших традициях князя Курбского, Борис Абрамович прислал Ельцину в июне 2003-го. Он сетовал, что традиции демократии и свободы беспардонным образом попираются и просил его подать наконец голос.

Ельцин благоразумно предпочел отмолчаться.

Не раз доводилось слышать мне, что он по-прежнему пытается влиять на своего преемника, отговаривая от каких-то резких кадровых решений.

Но если и брал Путин на себя какие-то обязательства, то с переизбранием его на второй срок они явно потеряли волшебную

силу. Все меньше в Кремле остается сегодня людей, поставленных сюда когда-то «Семьей».

Ушел в глухую оппозицию премьер Касьянов, нет ни слуху ни духу о бывшем администраторе Волошине. И даже те *бывшие* , кто сохранился у трона, давным-давно присягнули уже новой власти.

Эпоха Ельцина закончилась много раньше, нежели это кому-то могло показаться.

Это была непростая, неоднозначная, смутная эпоха, чем-то напоминавшая ликер помещика Плюшкина: ежели повынуть оттуда козявок и всякую набившуюся дрянь, так славный будет ликерчик…

Даже трудно представить, какими словами опишут ее историки будущего; какими эпитетами одарят Ельцина. Борис Непредсказуемый? Веселый? Беспробудный?

(Впрочем, история – наука весьма условная: величайшей победой почитается у нас Бородино, даром что русская армия была тогда разбита, а Москва – сдана и сожжена… Так что дело не в истории, а в *пиаре* …)

За восемь лет ельцинского правления разница между бедными и богатыми выросла в 3,5 раза и составила 14 порядков. За чертой бедности оказалось 30 процентов граждан. Население сократилось на миллионы людей. Внешний долг вырос почти на 30 миллиардов долларов.

Могло быть хуже? Несомненно. Приди тогда к власти не Ельцин, а, допустим, *твердокаменный* Полозков или *плакса* Рыжков, сомневаюсь, чтоб жизнь стала лучше. Хуже – да, но никак не лучше.

И в 1996-м, выиграй выборы бесцветный уроженец деревни Мымрино по фамилии Зюганов, вряд ли разлились бы в России кисельные реки вдоль молочных берегов.

Беда наша в том, что мы всегда, всю свою историю, выбираем из двух зол; не из лучшего, а – из худшего.

Черчилль говорил когда-то о Хрущеве: он хотел перепрыгнуть пропасть в два прыжка.

Ельцин же – и прыгать даже никуда не собирался; в означенную пропасть рухнул он спьяну, доверившись горе-советчикам, всевозможным экономическим алхимикам, которые закону всемирного тяготения предпочитали сказки про сапоги-скороходы и ковер-самолет…

Да простит меня Борис Николаевич, но погибни он году этак в 1992-м, не было б в России второго такого национального героя; он стал бы нашим Ататюрком, Линкольном и Петром Первым в одном флаконе; а может, и того больше.

В его честь называли бы города и проспекты; возводили

памятники. (Село Бутка – уж точно стало бы Ельциным.)

Для политика, как и для спортсмена, очень важно вовремя сойти с дистанции.

(«Долго не кончать, – писал мой любимый Довлатов, – преимущество мужчины, но не оратора».)

И именно за то, что ушел он, в конце концов, подобру-поздорову, хотя бы только за это – первый президент достоин всяческого уважения…

Вновь, как бывало не раз, в самый последний миг, на грани фола уже, понял он, чего ждет от него страна; ушел с гордо поднятой головой…

Возможно, прозвучит это довольно странно, но под самый конец я хочу признаться Ельцину в любви. Потому что, не будь Ельцина, неизвестно, что стало бы в итоге со мной самим.

Я окончил школу в 1991-м, как раз в последний год советской власти. При старом режиме в лучшем случае мне следовало рассчитывать на филфак пединститута имени Ленина, куда, кстати, и собирался я поначалу направить стопы; втолковывал бы сейчас старшеклассникам русский язык, пописывая внештатно заметки в газеты и высшим смыслом жизни почитал бы *место* литсотрудника в отделе писем «Вечерней Москвы».

И то, что книга эта смогла появиться, а уж тем более то, что в основу ее легли во многом мои газетные публикации *того* периода – это тоже заслуга Ельцина…

Кому-то может показаться, что я не люблю первого президента. Это не так.

Просто всю дорогу я тщательно скрывал свои истинные чувства, стараясь быть объективным…

Его избирательная кампания проходила в 1996-м под лозунгом «Ельцин – наш президент». И он действительно – это факт – был *нашим* президентом.

В больной стране просто не могло появиться здорового лидера.

И дай Бог, чтоб последствия этой болезни, именуемой «Эпоха Ельцина», расхлебали мы как можно скорее…

Май – август 2006 г.

Примечания Александра Коржакова

1 Ни одной песни наизусть Ельцин не знал. Максимум – мог пропеть какой-нибудь единственный куплет.

2 Сколько стрелял зверей на охоте Ельцин, в «Завидове» не

убивал больше никто. Все подвалы на базе были забиты мороженым мясом: его уже девать было некуда.

Основные даты жизни Б. Н. Ельцина

1 февраля 1931 – родился в с. Бутка Талицкого района Пермской (с 1934 г. – Свердловской) области.

1950 – поступил на строительный факультет Уральского политехнического института.

1955 – окончание института. Работа в тресте «Уралтяжтрубстрой».

1957 – прораб строительного управления треста «Южгорстрой».

1956 – женитьба на Анастасии (Наине) Гириной.

21 августа 1957 – рождение первой дочери Елены (в замужестве – Фефелова, затем Окулова).

17 января 1960 – рождение второй дочери Татьяны (в замужестве – Дьяченко).

1961 – вступление в КПСС.

1963 – назначен главным инженером Свердловского домостроительного комбината.

1966 – назначен директором Свердловского ДСК.

1968 – переход на партийную работу; назначен зав.отделом строительства Свердловского обкома КПСС.

1975 – избран секретарем Свердловского обкома КПСС, ответственным за промышленное развитие области.

2 ноября 1976 – избран первым секретарем Свердловского обкома КПСС.

1979 – рождение первой внучки Екатерины (от брака дочери Елены с Алексеем Фефеловым).

19 февраля 1981 – рождение первого внука Бориса (от брака младшей дочери Татьяны и Вилена Хайруллина).

1983 – рождение второй внучки Марии (от брака дочери Елены с Валерием Окуловым).

12 апреля 1985 – назначение зав.отделом строительства ЦК КПСС.

1 июля 1985 – избран секретарем ЦК КПСС.

24 декабря 1985 – избран первым секретарем Московского горкома КПСС.

18 февраля 1986 – избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

19 января 1987 – резко оппозиционное выступление на заседании Политбюро ЦК КПСС.

12 сентября 1987 – пишет письмо М. С. Горбачеву с просьбой освободить его от обязанностей кандидата в члены Политбюро.

21 октября 1987 – выступление на Пленуме ЦК КПСС с резкой

критикой хода перестройки.

9 ноября 1987 – госпитализирован в ЦКБ при попытке самоубийства.

11 ноября 1987 – на пленуме МГК КПСС освобожден от должности первого секретаря Московского горкома.

14 января 1988 – назначен первым заместителем председателя Госстроя СССР в ранге министра.

18 февраля 1988 – решением Пленума ЦК КПСС освобожден от обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС.

16 апреля 1988 – публикация первого после отставки интервью (немецкое издание газеты «Московские новости»).

1 июля 1988 – выступление на XIX партийной конференции с новой критикой в адрес власти.

4 августа 1988 – газеты «Юрмала» и «Советская молодежь» публикуют первое в советской печати интервью опального политика.

14 января 1989 – получил поддержку как кандидат в депутаты Верховного Совета СССР на окружном собрании избирателей в Перми.

21 января 1989 – зарегистрирован кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР по Московскому национально-территориальному округу № 1.

26 марта 1989 – избран народным депутатом СССР.

27 марта 1989 – сложил с себя полномочия первого зампреда Госстроя СССР.

29 мая 1989 – избран членом Совета Национальностей Верховного Совета СССР.

28 сентября 1989 – таинственное падение с моста в Москва-реку.

16 мая 1990 – избран народным депутатом РСФСР.

29 мая 1990 – избрание Председателем Верховного Совета РСФСР.

12 июля 1990 – демонстративный выход из рядов КПСС на заседании XXVIII съезда партии.

19 февраля 1991 – Б. Ельцин впервые публично требует отставки президента СССР М. Горбачева.

12 июня 1991 – избрание Президентом РСФСР.

19–21 августа 1991 – ГКЧП. Ельцин возглавляет сопротивление путчистам.

6 ноября 1991 – Б. Ельцин берет на себя руководство Правительством РСФСР.

8 декабря 1991 – Б. Ельцин совместно с президентом Украины Л. Кравчуком и председателем Верховного Совета Белоруссии С. Шушкевичем подписывает т. н. «беловежские

соглашения», упраздняющие СССР.

21 декабря 1991 – главы 12 союзных республик подписывают в Алма-Ате договор о ликвидации Советского Союза и создании СНГ.

25 декабря 1991 – отставка М. Горбачева с поста Президента СССР. Вся власть в России окончательно переходит в руки Б. Ельцина.

3–4 октября 1993 – попытка государственного переворота. Верные президенту силы занимают очаги сопротивления, арестовывают главарей мятежа.

11 декабря 1994 – начало военной операции в Чечне.

30 августа 1995 – рождение второго внука Глеба (от брака дочери Татьяны с Леонидом Дьяченко).

16 июня 1996 – первый тур президентских выборов. Б. Ельцин набрал 35,28% голосов.

19–20 июня 1996 – скандал с «коробкой из-под ксерокса». Б. Ельцин отправляет в отставку ближайших соратников: А. Коржакова, М. Барсукова, О. Сосковца.

3 июля 1996 – повторная победа на президентских выборах. За Б. Ельцина проголосовало 53,82% россиян.

22 августа 1996 – подписаны Хасавюртовские мирные соглашения о прекращении войны в Чечне.

5–6 ноября 1996 – проведена операция на сердце.

30 июня 1997 – Б. Ельцин назначил свою младшую дочь Т. Дьяченко советником Президента России.

28 октября 1997 – старшая дочь Е. Окулова рожает третьего внука президента (Ивана).

17 августа 1998 – финансовый кризис в России. Правительство объявляет дефолт. Резкое падение рубля.

Июль 1999 – рождение первого правнука (от брака внучки Е. Окуловой с однокурсником).

Август 1999 – вторжение чеченских боевиков в Дагестан; начало второй чеченской войны.

31 декабря 1999 – добровольная отставка Б. Ельцина с поста Президента России.

14 апреля 2002 – рождение внучки Марии (от третьего брака дочери Татьяны с Валентином Юмашевым).

Будьте здоровы, Борис Николаевич (Хроника президентских недугов)

9 ноября 1987. Попытка суицида. Госпитализирован в ЦКБ с диагнозом «ухудшение мозгового кровообращения».

28 сентября 1989. Предположительно – попытка суицида.

30 апреля 1990. Раздробление диска позвоночника в результате авиаинцидента, парализация конечностей. Сделана операция на позвоночнике в г. Барселона (Испания).

Июль 1990. Легкое сотрясение мозга, ушибы в результате ДТП.

Октябрь 1991. Боли в сердце.

9 декабря 1992. Попытка суицида.

Декабрь 1992. Лечение в «Барвихе» от простуды.

Лето 1993. Микроинсульт во время визита в Китай. Временный паралич конечностей.

Сентябрь 1993. Резкое обострение радикулита. Госпитализация в ЦКБ.

29 сентября 1994. Микроинсульт во время перелета из США. Временный паралич конечностей.

Декабрь 1994. Операция на носовой перегородке в ЦКБ. Лечение от панкреатита.

11 июля 1995. Инфаркт, госпитализация в ЦКБ на десять дней.

26 октября 1995. Повторный инфаркт, госпитализация в ЦКБ на десять дней.

Январь 1996. Третий инфаркт.

Февраль 1996. Заболевание фарингитом.

23 июня 1996. Четвертый инфаркт во время полета в Калининградскую область.

26 июня 1996. Пятый инфаркт. Переведен на домашний постельный режим.

15 августа 1996. Стеноз трех сосудов сердца, обследование в ЦКБ.

Август 1996. Анемия.

18 сентября 1996 года. Недельное предоперационное обследование в Медицинском центре управления делами президента (ЦКБ).

5 ноября 1996 года. Операция аорто-коронарного шунтирования в ЦКБ.

8 января 1997 года. Госпитализирован, в связи с ранним кардиосрывом и двусторонней пневмонией.

Декабрь 1997. Простуда, госпитализация в ЦКБ на две недели.

13 марта 1998. Развитие острого ларинготрахеита, полупостельный режим в «Горках-9» на три недели.

Октябрь 1998. Тяжелый продолжительный трахеобронхит.

11 ноября 1998. Потеря координации движений во время визита в Ташкент.

23 ноября 1998. Госпитализирован с пневмонией.

17 января 1999. Острая кровоточащая язва желудка, госпитализация в ЦКБ на две недели.

27 февраля 1999. Обострение не до конца зарубцевавшейся язвы желудка.

29 ноября 1999. Пневмония, госпитализация в ЦКБ на десять дней.

13 декабря 2000. Удаление катаракты.

Февраль 2001.Госпитализирован в ЦКБ с воспалением легких.

7 августа 2005. Перелом бедренного сустава.

Осень 2005. Офтальмологическая операция.

Приложения

Приложение 1

Письмо кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Б. Ельцина – Генеральному секретарю ЦК КПСС М. Горбачеву 12 сентября 1987 г.

Уважаемый Михаил Сергеевич!

Долго и непросто приходило решение написать это письмо. Прошел год и 9 месяцев после того, как Вы и Политбюро предложили, а я согласился возглавить Московскую партийную организацию. Мотивы согласия или отказа не имели, конечно, значения. Понимал, что будет невероятно трудно, что к имеющемуся опыту надо добавить многое, в том числе время в работе.

Все это меня не смущало. Я чувствовал Вашу поддержку, как-то для себя даже неожиданно уверенно вошел в работу. Самоотверженно, принципиально, коллегиально и по-товарищески стал работать с новым составом бюро.

Прошли первые вехи. Сделано, конечно, очень мало. Но, думаю, главное (не перечисляя другое) – изменился дух, настроение большинства москвичей. Конечно, это влияние и в целом обстановки в стране. Но, как ни странно, неудовлетворенности у меня лично все больше и больше.

Стал замечать в действиях, словах некоторых руководителей высокого уровня то, что не замечал раньше. От человеческого отношения, поддержки, особенно некоторых из числа состава Политбюро и секретарей ЦК, наметился переход к равнодушию к московским делам и холодному – ко мне.

В общем, я всегда старался высказывать свою точку зрения, если даже она не совпадала с мнением других. В результате возникало все больше нежелательных ситуаций. А если сказать точнее – я оказался неподготовленным со всем своим стилем, прямотой, своей биографией работать в составе Политбюро.

Не могу не сказать и о некоторых достаточно принципиальных вопросах. О части из них, в том числе о кадрах, я говорил или писал Вам. В дополнение.

О стиле работы Е. К. Лигачева. Мое мнение (да и других): он (стиль), особенно сейчас, негоден (не хочу умалить его положительные качества). А стиль его работы переходит на стиль

работы Секретариата ЦК. Не разобравшись, копируют его и некоторые секретари «периферийных» комитетов. Но главное – проигрывает партия в целом. «Расшифровать» все это – для партии будет нанесен вред (если высказать публично). Изменить что-то можете только Вы лично для интересов партии.

Партийные организации оказались в хвосте всех грандиозных событий. Здесь перестройки (кроме глобальной политики) практически нет. Отсюда целая цепочка. А результат – удивляемся, почему застревает она в первичных организациях.

Задумано и сформулировано по-революционному. А реализация, именно в партии, – тот же прежний конъюнктурно-местнический, мелкий, бюрократический, внешне громкий подход. Вот где начало разрыва между словом революционным и делом в партии, далеким от политического подхода.

Обилие бумаг (считай каждый день помидоры, чай, вагоны… а сдвига существенного не будет), совещаний по мелким вопросам, придирок, выискивание негатива для материала. Вопросы для своего «авторитета».

Я уже не говорю о каких-либо попытках критики снизу. Очень беспокоит, что так думают, но боятся сказать. Для партии, мне кажется, это самое опасное. В целом у Егора Кузьмича, по-моему, нет системы и культуры в работе. Постоянные его ссылки на «томский опыт» уже неудобно слушать.

В отношении меня после июньского пленума ЦК и с учетом Политбюро, состоявшегося 10 сентября, нападки с его стороны я не могу назвать иначе, как скоординированная травля. Решение исполкома по демонстрациям – это городской вопрос, и решался он правильно. Мне непонятна роль созданной комиссии, и прошу вас поправить создавшуюся ситуацию. Получается, что он в партии не настраивает, а расстраивает партийный механизм. Мне не хочется говорить о его отношении к московским делам. Поражает: как можно за два года просто хоть раз не поинтересоваться, как идут дела у более чем миллионной парторганизации. Партийные комитеты теряют самостоятельность (а уже дали ее колхозам и предприятиям).

Я всегда был за требовательность, строгий спрос, но не за страх, с которым работают сейчас многие партийные комитеты и их первые секретари. Между аппаратом ЦК и партийными комитетами (считаю, по вине т. Е. К. Лигачева) нет одновременно принципиальности и по-партийному товарищеской обстановки, в которой рождается творчество и уверенность, да и самоотверженность в работе. Вот где, по-моему, проявляется партийный «механизм торможения». Надо значительно сокращать аппарат (тоже до 50 процентов) и решительно менять структуру

аппарата. Небольшой пусть опыт этого есть в московских райкомах.

Угнетает меня лично позиция некоторых товарищей из состава Политбюро ЦК. Они умные, поэтому быстро и «перестроились». Но неужели им можно до конца верить? Они удобны, и, прошу извинить, Михаил Сергеевич, но мне кажется, они становятся удобны и Вам. Чувствую, что нередко появляется желание отмолчаться тогда, когда с чем-то не согласен, так как некоторые начинают играть в согласие.

Я неудобен и понимаю это. Понимаю, что непросто и решить со мной вопрос. Но лучше сейчас признаться в ошибке. Дальше, при сегодняшней кадровой ситуации, число вопросов, связанных со мной, будет возрастать и мешать Вам в работе. Этого я от души не хотел бы.

Не хотел бы и потому, что, несмотря на Ваши невероятные усилия, борьба за стабильность приведет к застою, к той обстановке (скорее подобной), которая уже была. А это недопустимо. Вот некоторые причины и мотивы, побудившие меня обратиться к Вам с просьбой. Это не слабость и не трусость.

Прошу освободить меня от должности первого секретаря МГК КПСС и обязанностей кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС. Прошу считать это официальным заявлением.

Думаю, у меня не будет необходимости обращаться непосредственно к пленуму ЦК КПСС.

Приложение 2

Из стенограммы пленума ЦК КПСС

21 октября 1987 г.

Б. Н. Е л ь ц и н: Доклады, и сегодняшний, и на 70-летие, проекты докладов обсуждались на Политбюро, и с учетом того, что я тоже вносил свои предложения, часть из них учтена, поэтому у меня нет сегодня замечаний по докладу, и я его полностью поддерживаю.

Тем не менее, я хотел бы высказать ряд вопросов, которые у меня лично накопились за это некоторое время работы в составе Политбюро.

Полностью соглашаюсь с тем, что сейчас очень большие трудности в перестройке и на каждого из нас ложится большая ответственность и большая обязанность.

Я бы считал, что прежде всего нужно было бы перестраивать работу именно партийных комитетов, партии в целом, начиная с Секретариата ЦК, о чем было сказано на июньском пленуме Центрального Комитета партии.

Я должен сказать, что после этого, хотя и прошло пять месяцев, ничего не изменилось с точки зрения стиля работы Секретариата Центрального Комитета партии, стиля работы товарища Лигачева.

То, что сегодня здесь говорилось, Михаил Сергеевич говорил, что недопустимы различного рода разносы, накачки на всех уровнях, это касается хозяйственных органов, любых других, допускается именно на этом уровне, это в то время, когда партия сейчас должна как раз взять именно революционный путь и действовать по-революционному. Такого революционного духа, такого революционного напора, я бы сказал, партийного товарищества по отношению к партийным комитетам на местах, ко многим товарищам не чувствуется. Мне бы казалось, что надо: делай уроки из прошлого, действительно сегодня заглядывай в те белые пятна истории, о которых сегодня говорил Михаил Сергеевич, надо прежде всего делать нам выводы на сегодняшний день. Надо прежде всего делать выводы в завтрашнее. Что же нам делать? Как исправлять, как не допускать то, что было? А ведь тогда просто дискредитировались ленинские нормы нашей жизни, и это и привело к тому, что они потом, впоследствии, ленинские нормы, были просто в большей степени исключены из норм поведения жизни нашей партии.

Я думаю, что то, что было сказано на съезде в отношении перестройки за 2–3 года – 2 года прошло или почти проходит, сейчас снова указывается на то, что опять 2–3 года, – это очень дезориентирует людей, дезориентирует партию, дезориентирует все массы, поскольку мы, зная настроения людей, сейчас чувствуем волнообразный характер отношения к перестройке. Сначала был сильнейший энтузиазм – подъем. И он все время шел на высоком накале и высоком подъеме, включая январский пленум Центрального Комитета партии. Затем, после июньского пленума ЦК, стала вера какая-то падать у людей, и это нас очень и очень беспокоит. Конечно, в том дело, что два эти года были затрачены на разработку в основном этих всех документов, которые не дошли до людей, конечно, и обеспокоили, что они реально ничего за это время и не получили.

Поэтому мне бы казалось, что надо на этот раз подойти, может быть, более осторожно к срокам провозглашения и реальных итогов перестройки в следующие два года. Она нам дастся очень и очень, конечно, тяжело, мы это понимаем, и даже

если сейчас очень сильно – а это необходимо – революционизировать действия партии, именно партии, партийных комитетов, то это все равно не два года. И мы через два года перед людьми можем оказаться, ну я бы сказал, с пониженным авторитетом партии в целом.

Я должен сказать, что призыв все время принимать поменьше документов и при этом принимать их постоянно больше – он начинает уже просто вызывать и на местах некоторое отношение к этим постановлениям, я бы сказал, просто поверхностное, что ли, и какое-то неверие в эти постановления. Они идут одно за другим. Мы призываем друг друга уменьшать ли институты, которые бездельничают, но я должен сказать на примере Москвы, что год тому назад был 1041 институт, после того, как благодаря огромным усилиям с Госкомитетом ликвидировали 7, их стало не 1041, а 1087. За это время были приняты постановления по созданию институтов в Москве. Это, конечно, противоречит и линии партии, и решениям съезда, и тем призывам, которые у нас друг к другу есть.

Я думаю, что еще один вопрос. Он непростой, но здесь пленум, члены Центрального Комитета партии, самый доверительный и самый откровенный состав, перед кем и можно, и нужно сказать все то, что есть на душе, то, что есть и в сердце, и как у коммуниста.

Я должен сказать, что уроки, которые прошли за 70 лет, – тяжелые уроки. Были победы, о чем было сказано Михаилом Сергеевичем, но были и уроки. Уроки тяжелых, тяжелых поражений. Поражения эти складывались постепенно, они складывались благодаря тому, что не было коллегиальности, благодаря тому, что были группы, благодаря тому, что была власть партийная отдана в одни-единственные руки, благодаря тому, что он, один человек, был огражден абсолютно от всякой критики.

Меня, например, очень тревожит – у нас нет еще в составе Политбюро такой обстановки, в последнее время обозначился определенный рост, я бы сказал, славословия от некоторых членов Политбюро, от некоторых постоянных членов Политбюро в адрес Генерального секретаря. Считаю, что как раз вот сейчас это просто недопустимо. Именно сейчас, когда закладываются самые демократические формы, отношения принципиальности друг к другу, товарищеского отношения и товарищества друг к другу. Это недопустимо. Высказать критику в лицо, глаза в глаза, это – да, это нужно. А не увлекаться славословием, что постепенно, постепенно опять может стать «нормой». Мы этого допустить просто не можем. Нельзя этого допустить.

Я понимаю, что сейчас это не приводит к каким-то определенным уже, недопустимым, так сказать, перекосам, но тем не менее первые какие-то штришки вот такого отношения есть, и мне бы казалось, что, конечно, это надо в дальнейшем предотвратить.

И последнее. (П а у з а.)

Видимо, у меня не получается в работе в составе Политбюро. По разным причинам. Видимо, и опыт, и другие, может быть, и отсутствие некоторой поддержки со стороны, особенно товарища Лигачева, я бы подчеркнул, привели меня к мысли, что я перед вами должен поставить вопрос об освобождении меня от должности, обязанностей кандидата в члены Политбюро. Соответствующее заявление я передал, а как будет в отношении первого секретаря городского комитета партии, это будет решать уже, видимо, пленум городского комитета партии.

М. С. Г о р б а ч е в: Товарищи, я думаю, серьезное у товарища Ельцина выступление. Не хотелось бы начинать прения, но придется сказанное обсудить.

Хочу повторить основные моменты заявления.

Первое. Товарищ Ельцин сказал, что надо серьезно активизировать деятельность партии и начинать это следует с Центрального Комитета КПСС, конкретно с Секретариата ЦК. Замечания в этой связи были высказаны Егору Кузьмичу Лигачеву.

Второе. Ставится вопрос о темпах перестройки. Утверждается, что назывались сроки перестройки два-три года. Отмечается, что такие сроки ошибочны, это дезориентирует людей, ведет еще больше к сумятице в обществе, в партии. Положение чревато такими последствиями, которые могут погубить дело.

Третье. Уроки мы извлекаем из прошлого, но, видимо, с точки зрения товарища Ельцина, не до конца, поскольку не созданы механизмы в партии, на уровне ЦК и Политбюро, которые бы исключали повторение серьезных ошибок.

И, наконец, о возможности продолжить свою работу в прежнем качестве. Товарищ Ельцин считает, что дальше он не может работать в составе Политбюро, хотя, по его мнению, вопрос о работе первым секретарем горкома партии решит уже не ЦК, а городской комитет.

Что-то тут у нас получается новое. Может, речь идет об отделении Московской парторганизации? Или товарищ Ельцин решил на пленуме поставить вопрос о своем выходе из состава Политбюро, а первым секретарем МГК КПСС решил остаться? Получается вроде желание побороться с ЦК. Я так понимаю, хотя, может, и обостряю.

Садись, садись, Борис Николаевич. Вопрос об уходе с должности первого секретаря горкома ты не поставил: сказал – это дело горкома партии.

Вот, собственно, все, кроме твоего возражения, будто я неправильно тебя понял, что ты ставишь вопрос и перед ЦК о своей работе в качестве секретаря горкома партии.

Правильно я интерпретировал в сумме твои высказывания, товарищ Ельцин?

Давайте обменяемся мнениями, товарищи. Вопросы, думается, поставлены принципиальные.

Это как раз тот случай, когда, идя к 70-летию Великого Октября, и этот урок надо извлечь для себя, для ЦК и для товарища Ельцина. В общем, для всех нас.

В этом вопросе надо разобраться.

Пожалуйста, товарищи. Кто хочет взять слово?

Члены ЦК знают о деятельности Политбюро, политику оценивают, вам видней, как тут быть. Я приглашаю вас к выступлениям, но не настаиваю. Если из членов Политбюро кто-то хочет взять слово, то я, естественно, предоставлю. Пожалуйста.

Товарищи, кто хочет выступить, поднимите руку.

/Звучат выступления членов ЦК КПСС т.т. Лигачева, Яковлева, Рыжкова, Воротникова, Чебрикова, Громыко, Соломенцева, Рябова, Коноплева, Богомякова, Затворницкого и др., в которых позиция и работа т. Ельцина подвергается критике.

Слово повторно предоставляется т. Б. Н. Ельцину./

Б. Н. Е л ь ц и н: Суровая школа сегодня, конечно, для меня за всю жизнь, с рождения, и членом партии, и в том числе работая на тех постах, где доверяли Центральный Комитет партии, партийные комитеты.

Сначала некоторые уточнения. Что касается перестройки, никогда не дрогнул и не было никаких сомнений ни в стратегической линии, ни в политической линии партии. Был в ней уверен, соответственно проводил вместе с товарищами по бюро, по городскому комитету партии эту линию. И если назвал волнообразной, волнообразной с точки зрения как-то отношения людей, то это касается периода между январским и июньским пленумами Центрального Комитета партии. Не потому, что не знаем людей, слишком часто бываем, очень часто бываем, не слишком, но очень часто бываем в коллективах, самых разных, сотнях коллективов, поэтому знаем людей, знаем их настроение.

И когда после январского пленума, как и после съезда, был большой всплеск, такой эмоциональный, политический, идеологический и настроя, хороший всплеск. И это продолжалось и после июньского пленума ЦК, но вскоре вслед за июньским

пленумом Центрального Комитета партии мы стали замечать, что настрой несколько меняется. Но мы объяснили это тем, что июньский пленум ЦК – сложный пленум, он сложный для понимания с точки зрения экономических вопросов, что здесь, конечно, не просто проведение самого пленума, а нужно большую проводить разъяснительную работу для того, чтобы как-то еще дальше поднять людей. И вот, видимо, по нашей вине мы допустили такой определенный спад, и я ни в коем случае не обобщал и не говорил это в целом по стране и по партии, говоря только о Московской организации.

Дальше, когда стали разъяснять, проводить эту работу, мы почувствовали снова некоторый, так сказать, подъем, поэтому я за краткостью и сказал, что в общем-то это процесс волнообразный, с точки зрения реакции людей, и наверное, нельзя рассчитывать на то, что он будет постоянно только круто вверх идти, какие-то будут определенные, может быть, и спады, и об этом говорилось.

В отношении единства. Нет, это было бы кощунственно, и я это не принимаю в свой адрес, что я что-то хотел вбить клин в единство Центрального Комитета, Политбюро. Ни в коем случае я это не имел в виду, как, между прочим, и в отношении членства Политбюро. Есть моя записка, где прямо, четко сказано, что мое мнение это (она год тому назад была), что я считаю, что первые секретари территориальных комитетов партии не должны быть членами Политбюро, а должны быть, ну если уж только кандидатами, поскольку, будучи членами Политбюро, они выводятся как бы из зоны критики со всеми последующими последствиями, что мы видели, так сказать, на своих глазах по ряду регионов страны.

В отношении славословия. Здесь опять же я не обобщал и не говорил о членах Политбюро, я говорил о некоторых, речь идет о двух-трех товарищах, которые, конечно, злоупотребляют, по моему мнению, иногда, говоря много положительного. Я верю, что это от души, но тем не менее, наверное, это все-таки не на пользу общую.

В отношении…

М. С. Г о р б а ч е в: Борис Николаевич…

Б. Н. Е л ь ц и н: Да.

М. С. Г о р б а ч е в: Ведь известно, что такое культ личности. Это система определенных идеологических взглядов, положение, характеризующее режим осуществления политической власти, демократии, состояние законности, отношение к кадрам, людям. Ты что, настолько политически безграмотен, что мы ликбез этот должны тебе организовывать здесь?

Б. Н. Е л ь ц и н: Нет, сейчас уже не надо.

М. С. Г о р б а ч е в: Сейчас вся страна втягивается в русло демократизации. И в реформе главное – демократизация, ибо такие ее элементы, как новый хозяйственный механизм, связанный с самостоятельностью предприятий, развитием инициативы, направлены на укрепление чувства хозяина у людей. То есть в конце концов речь идет о развитии демократизации. И после этого обвинить Политбюро, что оно не делает уроков из прошлого? А разве не об этом говорилось в сегодняшнем докладе?

Б. Н. Е л ь ц и н: А между прочим, о докладе, как я…

М. С. Г о р б а ч е в: Да не между прочим. У нас даже обсуждение доклада отодвинулось из-за твоей выходки.

Б. Н. Е л ь ц и н: Нет, я о докладе первым сказал…

И з з а л а:О себе ты заботился. О своих неудовлетворенных амбициях.

М. С. Г о р б а ч ев:Я тоже так думаю. И члены ЦК так тебя поняли. Тебе мало, что вокруг твоей персоны вращается только Москва. Надо, чтобы еще и Центральный Комитет занимался тобой? Уговаривал, да? Правильно товарищ Затворницкий сделал замечание. Я лично переживаю то, что он вынужден был сказать тебе в глаза. Но не жалею, что этот разговор, начатый тобой, на пленуме состоялся. Хорошо, что он состоялся.

Надо же дойти до такого гипертрофированного самолюбия, самомнения, чтобы поставить свои амбиции выше интересов партии, нашего дела! И это тогда, когда мы находимся на таком ответственном этапе перестройки. Надо же было навязать Центральному Комитету партии эту дискуссию! Считаю это безответственным поступком. Правильно товарищи дали характеристику твоей выходке. Скажи по существу, как ты относишься к критике?

Б. Н. Е л ь ц и н:Я сказал, политически как я отношусь к этому.

М. С. Г о р б а ч е в. Скажи, как ты относишься к замечаниям товарищей по ЦК. Они о тебе многое сказали и должны знать, что ты думаешь. Они же будут принимать решение.

Б. Н. Е л ь ц и н: Кроме некоторых выражений, в целом я с оценкой согласен. То, что я подвел Центральный Комитет и Московскую городскую организацию, выступив сегодня, – это ошибка.

М. С. Г о р б а ч е в:У тебя хватит сил дальше вести дело?

И з з а л а:Не сможет он. Нельзя оставлять на таком посту.

М. С. Г о р б а ч е в:Подождите, подождите, я же ему задаю вопрос. Давайте уж демократически подходить к делу. Это же для

всех нас нужен ответ перед принятием решения.

Б. Н. Е л ь ц и н:Я сказал, что подвел Центральный Комитет партии, Политбюро, Московскую городскую партийную организацию и, судя по оценкам членов Центрального Комитета партии, членов Политбюро достаточно единодушным, я повторяю то, что сказал: прошу освободить и от кандидата в члены Политбюро, соответственно и от руководства Московской городской партийной организацией.

(…)

М. С. Г о р б а ч е в:Товарищ Ельцин прислал мне письмо на юг, в котором он выразил мысли, уже известные вам, и просил решить вопрос о его пребывании в составе Политбюро.

Когда я вернулся из отпуска, у нас с ним был разговор на эту тему. Мы условились, что в период подготовки к 70-летию Октября не время обсуждать его вопрос, а надо действовать. И в самом деле, товарищи, часа, минуты свободной нет. Вы, наверное, уже видите, что на пределе все идет. Необходимо решать много вопросов, чтобы достичь поставленные цели.

Мы тогда условились с товарищем Ельциным, что после праздников встретимся, посидим и все обсудим. Причем в своем письме Борис Николаевич говорил, что «прошу рассмотреть вопрос. Не ставьте меня в такое положение, чтобы я обращался сам к пленуму ЦК с этой просьбой». Но мы с ним договорились, и потому на той стадии я даже членов Политбюро не информировал, считая, что до объяснения в этом нет необходимости. Я не думал, что после нашей договоренности товарищ Ельцин на нынешнем пленуме Центрального Комитета, имеющем этапное значение для жизни партии в осознании ее истории и перспектив, представит свои претензии Центральному Комитету партии. Лично я рассматриваю это как неуважение к Генеральному секретарю, к нашей договоренности.

Я, конечно, считаю, что каждый может ставить перед пленумом ЦК любые вопросы. Но есть же определенная этика. Такое поведение не помогает нам сейчас разворачивать дела, завершить подготовку к празднику Великого Октября.

Такое отношение, как я понял, всех нас поражает. На таком пленуме предъявить свои амбиции и увести пленум от обсуждения серьезных проблем достойно осуждения. Или уже у него настолько потеряно чувство ответственности перед временем, историей, утрачено чувство партийного товарищества, что даже нет уважения к Центральному Комитету?

Ведь мы же идем к мероприятиям, которых ждут вся наша партия, весь мир. Люди ждут, что мы скажем в эти дни. Как оценим пройденный путь, какие определим перспективы? Мы

должны выразить мысли партии, оценить все, что было, и подтвердить, что КПСС берет на себя ответственность за будущее. И в этот момент товарищ Ельцин выдвигает свои эгоистические вопросы. Ему, понимаете, не терпится, не хватает чего-то! Суетится все время. А нужна выдержка революционная на таких крутых поворотах, когда кости трещат и мысли напряжены. Тащить надо эту огромную ответственность перед партией и народом. Насколько же надо быть безответственным, потерявшим чувство уважения к товарищам, чтобы вытащить все эти вопросы перед ЦК!

И все-таки должен сказать, товарищи, что главное для меня в этом пленуме – единство Центрального Комитета партии и Политбюро.

(А п л о д и с м е н т ы)

Общество проходит чрезвычайно ответственный, сложнейший этап отечественной истории. Нам предстоит через активную политику, через реализацию стратегии вывести страну из состояния застоя, консерватизма, социальной апатии. И мы это можем сделать, потому что в нашем строе заложен колоссальный потенциал. Его только начинаем разворачивать, видим, что возможен выигрыш на всех направлениях – и в экономике, и в политике, во всем.

Ясно, товарищи, что сегодня время крутых, революционных перемен. И эти перемены, с точки зрения глубины, с точки зрения масштабов, с точки зрения темпов, еще не во всем нас удовлетворяют. Народ, мы видим, подталкивает нас.

Мы должны идти намеченным путем быстрее, с достоинством, опираясь на огромную мощь, которой располагает наша страна, полагаясь на политическую мудрость и зрелость нашей партии, способной и к критическому анализу, и к творческому осмыслению процессов, в том числе и прогноза на будущее. Политика, которую мы выработали и предложили народу, сегодня находится в стадии реализации, воплощения в жизнь. Она нагрузила наше общество, и эти нагрузки нарастают.

Мы должны справиться с трудностями. У нас есть все для этого, товарищи. Страна достигнет намеченного, но при условии, если мы будем приводить в действие все механизмы, и прежде всего такой механизм, как наша партия. Гарантия нашей перестройки – партия. Но партия сама должна перестраиваться и показать пример всем и во всех отношениях.

Естественно, может оказаться, что кто-то и не выдержит трудностей борьбы. Могут быть ошибки, могут быть дискуссии, ибо возникают новые проблемы, и нам не все ясно. Каждый день что-то мы проясняем, но развитие выдвигает новые вопросы. От

них мы не можем уклониться, как уклонялись раньше. Проблемы надо решать, но с позиций открытости, гласности, демократизма и активной работы партии, чтобы весь этот механизм партийный действовал. Другой нет силы, способной все осмыслить и объединить всех на борьбу. Эта сила – партия.

Я в этом контексте рассматриваю и выступление товарища Ельцина. Хотелось бы с объективных позиций, как бы ни были задеты чувства, политически отреагировать на его выступление. Несомненно, оно незрелое, безответственное в политическом плане. Но это выступление и повод к тому, чтобы еще раз, товарищи, сказать, что нам нужна революционная выдержка. Особенно Центрального Комитета партии! Если дрогнут ЦК и Политбюро, если начнутся шараханье, шатание, деморализация руководящего, партийного ядра нашего общества, то о какой перестройке можно говорить!

Думаю, только с такими критериями и надо подходить ко всем проявлениям подобного рода. Сегодняшний случай дает повод предупредить всех от возможности впасть в такое состояние. Надо быть уверенными в правоте намеченного съездом. Мы на правильном пути, товарищи! Мы на правильном пути!

Уже два с половиной года, которые так негативно оценил товарищ Ельцин, мы идем правильным путем. И самая главная заслуга этого двухлетнего периода состоит в том, что партия имеет продуманную и уже теперь во многих отношениях проверенную политику. И практика это подтверждает. Мы не зря прожили эти два года, хотя они и не нравятся товарищу Ельцину. Не зря! Ведь посмотрите, что он сказал! Мне дали уже стенограмму. Вот ведь что он сказал: за эти 2 года реально народ ничего не получил.

Это безответственнейшее заявление, в политическом плане его надо отклонить и осудить. Мы добились немалого. Создана совершенно новая атмосфера в партии и в стране. Только в этой атмосфере стало возможным обсуждать подобные заявления, находить пути, обобщать опыт, предложения; мы всколыхнули народ. Партию выводим из состояния длительного застоя. И это нельзя не видеть кандидату в члены Политбюро! Как это можно не видеть? Нет, он это видит, но хочет навязать Центральному Комитету свои негативные оценки.

Между прочим, это стиль товарища Ельцина, и по данному поводу у меня лично с ним уже были беседы. Не только на Политбюро. В общем, это не первая попытка, теперь уже на уровне ЦК, навязать свои оценки по кардинальным вопросам политики. Причем с негативных позиций и в основном с

левацких.

Видимо, он хотел так нас столкнуть, чтобы мы нагородили то, что было сделано, например, товарищем Хрущевым, и разъединить общество, вместо того, чтобы объединить его на процессах перестройки. Ума много не надо, чтобы говорить: да – плохо, да – мало, да – не так. А вот увидеть то, что мог видеть Ленин на примере одного паровозного депо, на одном факте, так сказать, разворачивать серьезнейшие теоретические концепции и трансформировать их в политику, это другое дело.

Но наши достижения не только в том, что мы изменили атмосферу, настрой в обществе и выработали новую политику. Ведь, товарищи, мы же еще при всех трудностях смогли сдвинуть с места решение многих социальных вопросов. Во-первых, хотя остаются трудности со снабжением продовольствием, но прибавка пошла. Медикам, учителям подняли зарплату, темпы строительства жилья подняли, реформа школы, высшего образования разворачивается. Дополнительно на эти цели направили немалые ресурсы. На неотложные нужды медицины 6 миллиардов рублей нашли. Сделали все, что сегодня могло общество. При всех трудностях изыскали средства, чтобы пенсии части населения поднять, улучшить условия учебы студенчеству.

Разве этого товарищ Ельцин не знает? Тогда позвольте спросить, почему он с такими заявлениями выступает перед пленумом ЦК? Может быть, он полагает, что здесь сидят несведущие люди? Нет, дело в другом.

Это попытка опрокинуть начатое, найти единомышленников. На июньском пленуме он хотел, чтобы его поддержали, но остался в одиночестве.

Никто не прореагировал, ибо надо решать вопросы, а не заниматься удовлетворением амбиций и претензий товарища Ельцина.

И сейчас, товарищ Ельцин, ты получил то, что должен был получить.

Участниками пленума политически верно и правильно оценена твоя позиция.

Теперь по конкретным вопросам. Я должен прямо сказать – поражен теоретической и политической беспомощностью товарища Ельцина.

Возьмите вопрос о перестройке. Два-три года ничего не дали, сказал он, и объявляли, что этого мало. Он нас то обвиняет, что мы спешим, то медлим. Это как ему удобно, в зависимости от настроения.

Должен сказать, товарищи, что мы на съезде не говорили, будто бы нам для перестройки нужно два-три года. Наоборот, мы

разработали программу до 2000 года, а в Программе партии сказали, что намеченное в ней выходит за рамки этого тысячелетия. Так что не приписывайте, товарищ Ельцин, ни Центральному Комитету, ни в целом партии того, чего не было. Надо знать, за что вы голосовали и что слушали. Это во-первых.

Во-вторых, очень важно, у наших классиков это самая сильная сторона, что они умели видеть переходы от одного этапа к другому, различать их. Вот мы прошли один этап, выработали политику перестройки. И говорим не о том, что в два-три года перестройку завершим. Я в Мурманске говорил, что у нас есть долгосрочные задачи, которые выйдут даже за двухтысячный год. У нас есть среднесрочные задачи. И есть неотложные задачи, о чем мы на июньском пленуме говорили.

А есть еще этап, когда политика трансформируется в действия миллионов, во все клеточки советского общества, когда люди будут полтора-два-три года, как говорится, переваривать намеченное. Вот о чем идет речь, вот о каких двух-трех годах. Не разобрался товарищ Ельцин.

Теперь что касается его оценок роли партии. Если товарищ Ельцин хочет сейчас, когда переосмысливается и переделывается весь хозяйственный, демократический механизм, побыстрее перетрясти еще и партию, весь партийный аппарат, то мы этого делать не будем.

В партии не главное аппарат. Главное – направленность, стиль работы, политика партии, ее динамизм. Об этом речь и шла в докладе, об этом речь и ведем мы, чтобы партия не отставала. Есть элемент отставания. Это мы должны видеть, и с этим надо соглашаться. Но дальше-то идет утверждение, что Секретариат, Политбюро ЦК не занимаются вопросами партийного строительства. Нельзя с этим согласиться.

Что касается работы Секретариата тоже. Ну, во-первых, все повестки заседания Секретариата рассматриваются Генеральным секретарем. Ни одно решение не выходит без Генерального секретаря, за исключением некоторых текущих вопросов. Это во-первых.

Во-вторых, шесть членов Политбюро участвуют в работе Секретариата. Мы можем говорить о недостатках в работе Секретариата сколько угодно, кстати, мы о них и говорим. Это другой вопрос. Не хочу сейчас занимать время пленума.

И в работе Политбюро, и работе Секретариата, и лично каждого из нас есть большие резервы. Надо всем прибавлять в деловитости, товарищи. Я уже это не раз говорил.

Недавно встретился с группой секретарей обкомов партии Нечерноземья. Кое-кому персонально было сказано о

необходимости улучшить работу. В присутствии всех, по-товарищески, по-партийному, как положено. И не для того, чтобы завтра освобождать от работы. Это у нас в прошлом так было: покритиковали – завтра сняли. Подобная практика не годится. Не об этом идет речь, товарищ Ельцин. Речь идет о том, что вы, по существу, хотели дезориентировать Центральный Комитет партии, характеризуя работу Политбюро, Секретариата. Вот ведь о чем идет речь. Такой наскок надо отвергнуть.

Не скажу, что у меня легкие обязанности. И не так просто сейчас в Политбюро работать, тем более Генеральному секретарю. Но работать надо, другого пути нет. Политбюро должно быть жизнеспособным, динамичным, коллективным органом, постоянно действующим, принципиальным, настоящим штабом ЦК.

Я вкусил с Андреем Андреевичем Громыко, с Владимиром Васильевичем Щербицким, с Михаилом Сергеевичем Соломенцевым сложившийся стиль на последних этапах работы Леонида Ильича Брежнева. Знаю все, товарищи. Это была беда нашей партии. Секретари обкомов и ЦК союзных республик знают, что мы все делали, чтобы через Секретариат как-то активизировать работу партии. И потому мы сейчас извлекаем уроки из прошлого и действуем в духе времени – решительно и требовательно.

В главном и в основном так и работают Политбюро и Секретариат ЦК. Это я честно заявляю Центральному Комитету партии и несу ответственность за это заявление. Тем не менее и Политбюро, и Секретариат открыты для критики. Открыты.

Я говорил на Политбюро, что сейчас центр тяжести надо переводить на организаторскую работу, на контроль за решениями. Нужно меньше решений и больше контроля. Особая задача здесь у Секретариата ЦК. А раз он будет контролировать, то будет и спрашивать, повышать требовательность. Нравится это или нет, устраивает кого или не устраивает. Раз мы приняли решения, значит, их необходимо выполнить, провести в жизнь.

Если есть какие-то срывы в работе Политбюро или Секретариата, то надо сделать выводы. Но мне не известно, и я не допускаю, чтобы на Политбюро и на Секретариате унижалось человеческое достоинство. Спрос мог быть суровый, но чтобы унижали человека и оглупляли его, такого быть не могло.

Давайте договоримся, что к конференции внесем необходимые предложения для демократизации механизмов укрепления и Политбюро, и обеспечения дееспособности Генерального секретаря, если он вдруг перестанет генерировать идеи, приносить пользу партии и народу. Бояться нам нечего.

Наследных принцев быть не должно, и важно смелее идти на замену. В общем, мысль должна работать в этом направлении. Давайте всех избирать и за всех голосовать. И не надо, чтобы члены Политбюро были в тягость Центральному Комитету, стране, народу. Все должно идти естественно.

Полагаю, такие настроения у всех в Политбюро. И за должности, вцепившись в кресла, никто держаться не будет. Потому что сейчас такая тяжкая работа, что людей надо поддерживать, чтобы хватило сил. Срывы могут быть.

В общем, надо отвергнуть как очень серьезный политический промах то, что товарищ Ельцин бросил тень на деятельность Политбюро и Секретариата, на обстановку, сложившуюся в них.

Теперь что касается товарища Лигачева. Он весь на виду. Такая особенность этого человека – весь на виду. Открытый, с боевым характером, эмоциональный человек, но человек, который имеет огромный политический опыт, предан делу перестройки. Костьми, так сказать, ложится за нее.

Это пустые разговоры, болтовня зарубежного радио, что у нас нет единства. Нас хотят поссорить, столкнуть то Горбачева с Лигачевым, то Яковлева с Лигачевым и так далее.

Товарищи, у нас идут большие дискуссии по многим политическим, идеологическим, экономическим вопросам. А как иначе? Дискуссии идут, и это хорошо, что есть лицо, есть позиция у членов Политбюро. В конце концов принимаемые решения представляют единое мнение. И это важно.

И в этом негативная позиция товарища Ельцина. Ведь посмотрите, нигде, ни на Политбюро, ни на пленумах, конструктивного в выступлениях у него нет: то не так, это не так. Тогда к чему все заявления? Просто выделить себя?

Вот чем я хотел заключить свое выступление, товарищи. Почему мы столкнулись с такой позицией товарища Ельцина? По-моему, выступавшие здесь правильно сказали. Видимо, и теоретически, и политически товарищ Ельцин оказался неподготовленным к такому посту, и ему сейчас трудно. Но я вот не сказал бы, что эта должность непосильна ему в перспективе, если он сможет сделать выводы. Ведь в партии у нас и более острые были ситуации, вспомните ленинские времена, товарищи. Мы должны и восстанавливаем дух того периода во всем. Поэтому я не драматизирую сегодняшнюю дискуссию.

Это то, что, думается, положено было сказать на пленуме в связи с выступлением товарища Ельцина. Но я не услышал в его заключительном слове ответа на прямой вопрос: способен ли он взять себя в руки и уверенно повести дело. Сейчас я в трудном положении, но заключил бы так: все-таки, товарищи, не надо

сгоряча решать этот вопрос. Я вношу такое предложение. Первое. Пленум ЦК КПСС признает выступление товарища Ельцина политически ошибочным. Не расшифровывать, по каким вопросам и что. Оно по всем пунктам политически ошибочно.

И второе. Поручить Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии рассмотреть вопрос о заявлении товарища Ельцина об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС с учетом состоявшегося обмена мнениями на пленуме ЦК.

И сразу давайте договоримся, что это все провести после праздников. Нельзя и некогда нам сейчас заниматься этим делом, товарищи.

Подходящее решение? Правильное? Москвичи, правильное решение?

И з з а л а: Правильное.

М. С. Г о р б а ч е в: Ставлю на голосование проект этого постановления. Прошу поднять руку. Кто за? Кто против? Кто воздерживается? Нет.

Вот такое решение приняли.

Еще раз хочу закончить тем, с чего начал. То, что выступление товарища Ельцина стало сегодня возможным при всей горечи сказанного им, говорит о том, что мы прошли через такой этап в работе Центрального Комитета партии, который поднимает его еще выше и повышает значение как руководящего центра партии и страны.

(А п л о д и с м е н т ы)

Пленум завершаем. Думали мы его закончить сегодня до обеда, но заканчиваем лишь к вечеру. Что же, такова задача ЦК: ничего не оставлять без внимания.

Товарищи! У кого какие есть по завершению пленума замечания или суждения? Нет.

Пленум объявляется закрытым.

Выписка из Постановления октябрьского 1987 г. пленума ЦК КПСС

О выступлении т. Ельцина Б. Н. на пленуме ЦК КПСС

1. Признать выступление т. Ельцина Б. Н. на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК политически ошибочным.

2. Поручить Политбюро ЦК КПСС, Московскому горкому партии рассмотреть вопрос о заявлении т. Ельцина Б. Н. об освобождении его от обязанностей первого секретаря МГК КПСС с учетом обмена мнениями, состоявшегося на пленуме ЦК КПСС.

Приложение 3

Из выступления М. Горбачева на пленуме МГК КПСС

12 ноября 1987 г.

На обсуждение сегодняшнего пленума вынесен важный вопрос. Содержание и атмосфера обсуждения еще раз убедили в зрелости и большом политическом потенциале Московской городской партийной организации, ее партийного комитета. Состоялся откровенный партийный разговор в духе высокой требовательности и ответственности. Выработаны и приняты правильные решения.

Политбюро ЦК и я, как Генеральный секретарь, твердо убеждены, что Московская городская партийная организация – это наша опора, и опора надежная. А москвичи, как это было на всех этапах социалистического строительства, показывают пример напряженной работы и сегодня, когда идет революционное обновление общества.

Словом, Московская городская партийная организация должна основательно прибавить в работе по всем направлениям.

Думаю, что атмосфера должна быть другой и в горкоме партии, и в городе, чтобы люди работали инициативней, как говорится, не за страх, а за совесть. Требуется упорная работа, настойчивые усилия. Потенциал Москвы такой, что если он дает сбои, то это сказывается на всей стране, но если действует в полную силу, то это весомо чувствует тоже вся страна. Поэтому я желаю партийной организации больше деловитости, больше конкретности, больше требовательности и инициативы. Инициативный работник всегда найдет решение, как действовать и повести людей за собой.

Сегодняшний пленум – еще один трудный, но поучительный урок. А трудные уроки усваиваются непросто и не всеми. Иной, послушаешь, горой за перестройку, и выводы сделает, и заверяет в преданности передовым идеям. Но когда слушаешь его, то чувствуешь такой застойный нафталин в заявлениях и заверениях, что невмоготу становится. Сегодня нам нужны дела, а не заверения, действия, а не обещания.

Нынешний урок не должен быть забыт. Это урок и для ЦК КПСС. Не буду сейчас оправдываться, подробно рассказывать, что предпринималось, чтобы не допустить ошибок в работе руководства горкома, которые мы сегодня обсуждали. Лично я переживаю за то, что произошло. Ведь у меня были беседы с

Борисом Николаевичем Ельциным. Причем острые, откровенные, один на один.

Должен сказать, Борис Николаевич, помешали тебе амбиции твои, очень помешали. Накануне январского пленума и на самом пленуме ЦК мы тебя поправляли основательно. Накануне июньского пленума опять был разговор.

Хочу поддержать товарищей, которые говорили о положительных сторонах в работе Б. Н. Ельцина. Но все-таки политически он оказался не на высоте, ему не по силам возглавлять такую парторганизацию, какой является Московская городская.

Когда на январском пленуме ЦК мы анализировали причины застоя, причины того, почему Политбюро и Секретариат ЦК на каком-то этапе в прошлом оказались неработоспособными и что нужно сделать, чтобы такого не повторилось, в своих выводах были едины. Нужно, чтобы везде была атмосфера подлинной партийности, критики и самокритики, коллегиальности. Никакого самодовольства. Товарищеское открытое партийное обсуждение – самая лучшая атмосфера, в которой только и могут формироваться плодотворные замыслы, проверяться правильность политики. Коллективность и коллегиальность – огромная сила.

На октябрьском пленуме ЦК, когда все товарищи высказались и дали оценку выступлению товарища Ельцина как политически ошибочному, я спросил, есть ли другие предложения. Товарищ Затворницкий В. А., известный наш строитель, поднял руку и подошел к трибуне. Я не против, сказал он, решения ЦК. У меня вопрос к товарищу Ельцину. Как это вы, такой большой руководитель, думаете не о стране, не о партии, а заболели карьеризмом, сводите счеты, забыв о трудных делах, на которые мы поднялись. Разве это позволительно? Непозволительно!

Меня эти слова Владимира Андреевича Затворницкого прямо по сердцу полоснули.

Мы – партия рабочего класса, всего народа. Мы несем ответственность за каждое свое решение, за каждый практически шаг. Рабочий класс выстрадал перестройку, он горой стоит за перемены, за обновление, за нравственное оздоровление общества.

Нас недруги называют утопистами, предрекают, что мы провалимся. Говорят они это из-за страха перед нашей перестройкой. До январского пленума они заявляли – это, мол, очередная кампания. Новая бригада управляющих страной пришла, старую критикует, счеты сводит, значит, дела не будет. Когда январский пленум прошел, прошел июньский, они

запаниковали. Теперь делается все, чтобы посеять сомнения у рабочего класса, неверие у трудящихся, скомпрометировать перестройку.

Пусть говорят! Злословить по нашему адресу – привычное дело для них.

Наш путь нелегкий, но мы шли в гору и сейчас опираемся не на плывуны, а на твердь и поэтому выстоим! У нас такой огромный потенциал, что мы можем решить все намеченное. Наша политика – реальная политика. Уверен, что москвичи внесут этот вклад, на который рассчитывает страна, ЦК и правительство, а мы будем вас поддерживать.

Приложение 4

Из стенограммы XIX Всесоюзной партийной конференции

1 июля 1988 г.

Б. Н. Е л ь ц и н: Товарищи делегаты! Прежде всего я должен ответить на требования выступившего здесь делегата товарища Загайнова по ряду вопросов.

Первый вопрос. Почему я выступил с интервью иностранным телекомпаниям, а не советской прессе? Отвечаю. Прежде всего, ко мне обратилось АПН, и я дал интервью еще задолго до телевизионных компаний. Но это интервью не было напечатано в «Московских новостях».

Вторично АПН обратилось уже позже, но так сказать, тоже не гарантировало, что это интервью будет напечатано. Обратилась редакция журнала «Огонек» дать интервью тоже для этого. Я дал интервью в течение двух часов, но это интервью не было напечатано, хотя прошло полтора месяца. По заявлению товарища Коротича, видите ли, это не было разрешено.

Следующий вопрос. Почему я так «нечленораздельно» на организационном пленуме Московского горкома выступил? Отвечаю. Я был тяжело болен, прикован к кровати, без права, без возможности встать с этой кровати. За полтора часа до пленума меня вызвали на этот пленум, врачи соответственно меня накачали лекарствами. И на этом пленуме я сидел, но что-то ощущать не мог, а говорить практически тем более.

Далее. Получаю письмо от Гостелерадио СССР с объяснением и просьбой, что в связи с конференцией им поручено координировать интервью иностранным телекомпаниям нашими

руководителями и они просят меня дать его ряду из них.

К этому времени таких просьб набралось пятнадцать. Я сказал первому заместителю председателя Гостелерадио СССР товарищу Кравченко, что смогу по времени дать только двум-трем, не больше. После этого следует от Комитета телефонограмма, что определяются три телекомпании: Би-би-си, Си-би-эс, Эй-би-си. Ну соответственно я назначил время и в своем кабинете дал интервью этим трем компаниям. Вопросы и ответы шли сразу. На некорректные вопросы, которые бы наносили какой-то ущерб нашему государству, партии, их престижу, я давал решительный отпор.

Далее были вопросы в отношении товарища Лигачева. Я сказал, что имею единые точки зрения в стратегическом плане, по решениям съезда, по задачам перестройки и т. д. У нас есть с ним некоторые разные точки зрения в тактике перестройки, в вопросах социальной справедливости, стиля его работы. Детали я не расшифровывал. Был и такой вопрос: «Считаете ли вы, что, будь на месте товарища Лигачева какой-то другой человек, перестройка пошла бы быстрее?» Я ответил: «Да». По искажению сказанного телекомпания Си-би-эс (США) дала мое опровержение и письменное извинение за ошибку за подписью зам. президента телекомпании.

Затем меня вызвал товарищ Соломенцев, потребовал объяснений. Я высказал свое возмущение фактом вызова по такому вопросу и ответил устно на каждый заданный вопрос по интервью. Попытка поискать в Уставе мою вину не удалась. Считаю себя совершенно в этом невиновным. Пленка с полной записью была нашим переводчиком передана товарищу Соломенцеву. Что дальше со мной будут делать, не знаю, но это очень напоминает тень недавнего, недалекого прошлого.

(А п л о д и с м е н т ы)

Товарищи! Перестройка встряхнула народ. И, видимо, перестройку надо было начинать именно с партии. Затем она повела бы за собой, как и всегда, всех остальных. А партия, как раз с точки зрения перестройки, и отстала. То есть получается, что конференцию сегодняшнюю надо было проводить значительно раньше. Это моя личная точка зрения.

Но даже сейчас подготовка шла как-то поспешно. Тезисы опубликованы поздно, составлял их аппарат ЦК. О политической системе там не было сказано главного, что появилось в докладе. Широко к разработке Тезисов не было привлечено даже большинство членов ЦК. Учесть уже в решениях нашей конференции все поступившие предложения, весь этот народный кладезь мудрости, конечно, не удастся.

Выборы делегатов, несмотря на попытку товарища Разумова в газете «Правда» убедить всех, что они были демократичными, тем не менее в ряде организаций проводились по старым штампам и еще раз показали, что аппарат верхнего эшелона не перестраивается.

Но обсуждение на самой конференции идет интересно. И сейчас самое главное, какие же будут приняты решения? Удовлетворят ли они коммунистов страны, общество в целом? Судя по первому дню, было очень настороженное, я бы сказал, даже тяжелое впечатление. Но с каждым днем накал нарастает и все интереснее, интереснее слушать и делегатов, и, видимо, это отразится на принятых решениях.

Хотел бы высказать некоторые замечания и предложения, касающиеся Тезисов ЦК, с учетом доклада товарища Горбачева.

По политической системе. Здесь считаю главным, чтобы действовал такой механизм в партии и обществе, который исключал бы ошибки, даже близко подобные прошлым, отбросившие страну на десятилетия, не формировал «вождей» и «вождизм», создал подлинное народовластие и дал для этого твердые гарантии.

Предложение доклада о совмещении функций первых секретарей партийных комитетов и советских органов для делегатов оказалось настолько неожиданным, что здесь рабочий, выступая, говорил, «что ему это пока непонятно». Я, как министр, скажу: мне тоже. Для осмысления нужно время. Это слишком сложный вопрос. А затем я, например, предлагаю провести по этому вопросу всенародный референдум.

(А п л о д и с м е н т ы)

Некоторые предложения по выборам: они должны быть общими, прямыми и тайными, в том числе секретарей, Генерального секретаря ЦК, снизу доверху из состава бюро в областях или Политбюро, тоже выбранных всеми коммунистами таким же путем (как бы делать два тура выборов). Это должно касаться и Верховного Совета, профсоюзов и комсомола. Без всяких исключений, тем более для высшего эшелона, ограничить пребывание на выборной должности двумя сроками. На второй срок избирать только при реальных результатах работы за предыдущий период. Ввести четкие ограничения по возрасту пребывания в этих органах, в том числе в Политбюро, до 65 лет. Отсчет по срокам ввести с предыдущих выборов, а по возрасту – с текущего года. Наша партия, общество в целом доросли до того, чтобы им доверять решать самостоятельно такие вопросы, а перестройка от этого только выиграет.

Все сказанное, а не предложенная некоторыми двухпартийная

система, по моему мнению, и будет определенной гарантией против культа личности, который наступает не через 10–15 лет, а зарождается сразу, если имеет почву. Думаю, нам уже сейчас надо остерегаться этого, так как пренебрежение ленинскими принципами за прошедшие годы и так много бед принесло народу. Должны быть жесткие преграды, установленные Уставом или законом.

В ряде стран установлен порядок: уходит лидер – уходит руководство. У нас во всем привыкли обвинять умерших. Сдачи тем более не получишь. Сейчас получается: в застое виноват один только Брежнев. А где же были те, кто по 10, 15, 20 лет и тогда, и сейчас в Политбюро? Каждый раз голосовали за разные программы. Почему они молчали, когда решал один с подачи аппарата ЦК судьбы партии, страны, социализма? Доголосовались до пятой звезды у одного и кризиса общества в целом. Почему выдвинули больного Черненко? Почему Комитет партийного контроля, наказывая за относительно небольшие отклонения от норм партийной жизни, побоялся и сейчас боится привлечь крупных руководителей республик, областей за взятки, за миллионный ущерб государству и прочее? Причем наверняка зная о некоторых из них. Надо сказать, этот либерализм со стороны товарища Соломенцева к взяточникам-миллионерам вызывает какое-то беспокойство.

Считаю, что некоторые члены Политбюро, виновные как члены коллективного органа, облеченные доверием ЦК и партии, должны ответить: почему страна и партия доведены до такого состояния? И после этого сделать выводы – вывести их из состава Политбюро.

(А п л о д и с м е н т ы)

Это более гуманный шаг, чем, критикуя посмертно, затем перезахоронять!

Впредь предлагается такой порядок: меняется Генеральный секретарь – обновляется Политбюро, кроме недавно вошедших; в основном обновляется и аппарат ЦК. Тогда люди не будут в постоянном административном капкане. Тогда не будут критиковаться только после смерти, зная, что отвечать перед партией придется каждому, в том числе всему выборному органу.

И еще. Сейчас при четком заявлении Генерального секретаря, что у нас нет зон, руководителей, в том числе и его, вне критики, на деле оказывается не так. Зона, черта есть, выше которой при первой же попытке критики следует мгновенное предостережение «не тронь!».

Вот и получается, что даже члены ЦК боятся высказать свое личное мнение, если оно отличается от доклада, высказаться в

адрес руководства.

Это создает самый большой ущерб, деформирует партийную совесть и личность, приучает при каждом предложении «есть мнение» сразу поднимать руки: все «за». Конференция настоящая – это, пожалуй, первое исключение из этого, уже вошедшего в правило. Пока получается, что политика, проводимая руководящими органами, по существу сохраняет свою непререкаемость, остается вне критики, вне контроля народных масс и сегодня.

Следует согласиться с предложением в докладе о создании из состава членов ЦК комиссий по направлениям, без рассмотрения и согласия которых не принималось бы ни одно принципиальное постановление ЦК партии. А сейчас, по существу, постановление не ЦК, а его аппарата и многие из них сразу становятся мертворожденными. Крупные проекты обсуждать во всей партии и стране, причем практиковать референдумы. Как правило, исключить совместные постановления ЦК и Совета Министров СССР.

Да, мы гордимся социализмом, и гордимся тем, что сделано, но нельзя кичиться этим. Ведь за 70 лет мы не решили главных вопросов – накормить и одеть народ, обеспечить сферу услуг, решить социальные вопросы. На это и направлена перестройка общества, но идет она с большим торможением, а значит, каждый из нас недостаточно трудится, недостаточно борется за нее. Но также одной из главных причин трудностей перестройки является ее декларативный характер. Объявили о ней без достаточного анализа причин возникшего застоя, анализа современной обстановки в обществе, без глубокого анализа в разрезе истории допущенных партией ошибок и упущений. И как результат перестройки – за 3 года не решили каких-то ощутимых реальных проблем для людей, а тем более не добились революционных преобразований.

Осуществляя перестройку, надо ставить рубежи не только до 2000 года (сейчас многим неинтересно, что он получит и придется ли получать тогда), а на каждые 2–3 года ставить и решать окончательно одну-две задачи для блага людей. Не разбрасываясь за счет других направлений, сосредоточить именно там все – ресурсы, науку, энергию людей и т.д. Тогда с резко возросшей верой, что перестройка общества идет, что она дает результаты, что она необратима, люди значительно быстрее решат и другие проблемы. А пока вера людей может качнуться в любой момент. Пока все находились под гипнозом слов – это спасало. В дальнейшем – это риск потерять руль управления и политическую стабильность.

И об открытости в партии. В партии должно быть нормальным явлением многообразие мнений (это ведь не унификация). И наличие отличного мнения меньшинства не разрушит, а укрепит единство партии. Партия для народа, и народ должен знать все, что она делает. Этого, к сожалению, нет. Должны быть и подробные отчеты Политбюро и Секретариата (кроме вопросов, содержащих государственную тайну), это и знание жизни, и биографии руководителей, и чем они занимаются, и сколько получают, и какие результаты у каждого руководителя верхнего эшелона на его участке. Это и регулярные выступления по телевидению, это и результаты приема в партию, обобщение писем трудящихся в ЦК и так далее. В общем, это должна быть вся партийная социология о моральном здоровье руководителей партии и государства. Она должна быть для всех открытой, а не тайной.

Есть и такие «запретные», «тайные» темы, как, например, вопросы финансов партийного бюджета. В Уставе сказано: «…как расходовать финансы, определяет ЦК КПСС», то есть не аппарат, а ЦК. Но такие вопросы на пленумах не обсуждались. Впредь предлагаю это делать обязательно, так как куда расходуются партийные деньги (а это сотни миллионов рублей), не известно ни членам ЦК, ни, конечно, другим коммунистам. Ревизионная комиссия на съезде об этом не докладывает, да ее, видимо, к кассе и не допускают.

Я, например, знаю, сколько перечисляется миллионов рублей в ЦК от Московской городской и Свердловской областной партийных организаций. Но куда они расходуются – не знаю. Только вижу, что, кроме рациональных расходов, строятся роскошные особняки, дачи, санатории такого размаха, что стыдно становится, когда туда приезжают представители других партий. А надо бы за счет этого материально поддержать первичные партийные организации, в том числе и по зарплате их руководителей. А потом мы удивляемся, что некоторые крупные партийные руководители погрязли в коррупции, взятках, приписках, потеряли порядочность, нравственную чистоту, скромность, партийное товарищество.

Разложение верхних слоев в брежневский период охватило многие регионы, и недооценивать, упрощать этого нельзя. Загнивание, видимо, глубже, чем некоторые предполагают, и мафия, знаю по Москве, существует определенно.

Вопросы социальной справедливости. Конечно, по-крупному, на социалистических принципах, они у нас решены. Но остались некоторые вопросы, которые не решаются, вызывают возмущение людей, снижают авторитет партии, пагубно действуют и на темпы

перестройки.

Мое мнение, должно быть так: если чего-то не хватает у нас, в социалистическом обществе, то нехватку должен ощущать в равной степени каждый без исключения.

(А п л о д и с м е н т ы)

А разный вклад труда в общество регулировать разной зарплатой. Надо, наконец, ликвидировать продовольственные «пайки» для, так сказать, «голодающей номенклатуры», исключить элитарность в обществе, исключить и по существу, и по форме слово «спец» из нашего лексикона, так как у нас нет спецкоммунистов.

Думаю, что это очень поможет работать с людьми партийным работникам, поможет перестройке.

Структура и сокращение партийного аппарата. Не будет осуществлен ленинский призыв «Вся власть – Советам!» при столь могучем партийном аппарате. Предлагаю сократить аппарат в обкомах в 2–3 раза, в ЦК в 6 – 10 раз, с ликвидацией отраслевых отделов.

Хотел бы сказать о молодежи. В Тезисах о ней почти ничего нет. В докладе сказано много, и я бы поддержал предложение о принятии отдельной резолюции по молодежи. Не нам, а им отводится и будет отводиться главная роль по обновлению нашего социалистического общества. Надо смело приучать их руководить процессами на всех уровнях, надо смело отдавать целые пласты руководства всех абсолютно рангов молодежи.

Товарищи делегаты! Щепетильный вопрос. Я хотел обратиться только по вопросу политической реабилитации меня лично после октябрьского пленума ЦК.

(Ш у м в з а л е)

Если вы считаете, что время уже не позволяет, тогда все.

М. С. Г о р б а ч е в: Борис Николаевич, говори, просят.

(А п л о д и с м е н т ы)

Я думаю, давайте мы с дела Ельцина снимем тайну. Пусть все, что считает Борис Николаевич сказать, скажет. А если что у нас с вами появится, тоже можно сказать. Пожалуйста, Борис Николаевич.

Б. Н. Е л ь ц и н:

Товарищи делегаты! Реабилитация через 50 лет сейчас стала привычной, и это хорошо действует на оздоровление общества. Но я лично прошу политической реабилитации все же при жизни. Считаю этот вопрос принципиальным, уместным в свете провозглашенного в докладе и в выступлениях социалистического плюрализма мнений, свободы критики, терпимости к оппоненту.

Вы знаете, что мое выступление на октябрьском пленуме ЦК

КПСС решением пленума было признано «политически ошибочным». Но вопросы, поднятые там, на пленуме, неоднократно поднимались прессой, ставились коммунистами. В эти дни все эти вопросы практически звучали вот с этой трибуны и в докладе, и в выступлениях. Я считаю, что единственной моей ошибкой в выступлении было то, что я выступил не вовремя – перед 70-летием Октября.

Видимо, всем нам надо овладевать правилами политической дискуссии, терпеть мнение оппонентов, как это делал Ленин, не навешивать сразу ярлыки и считать еретиками.

Товарищи делегаты! И в выступлениях на конференции, и в моем выступлении полностью нашли отражение вопросы, высказанные мною на октябрьском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС. Я остро переживаю случившееся и прошу конференцию отменить решение пленума по этому вопросу. Если сочтете возможным отменить, тем самым реабилитируете меня в глазах коммунистов. И это не только личное, это будет в духе перестройки, это будет демократично и, как мне кажется, поможет ей, добавив уверенности людям.

Да, обновление общества дается тяжело. Но сдвиги, пусть небольшие, есть, и сама жизнь заставляет нас идти только по этому пути.

Приложение 5

Неотправленное письмо Б. Ельцина председателю Совета Министров СССР Н. Рыжкову

26 августа 1988 г. (публикуется впервые, авторская пунктуация сохранена)

Уважаемый Николай Иванович!

Почти двадцать лет работая в строительстве, а затем и на партийной работе я пришел к выводу, что Госстрой при наличии министерств не нужен. Сейчас за 8 месяцев работы в Госстрое, внимательно изучая его изнутри: взаимоотношения двух его частей (производственной и старой части, которые не складываются и не склеиваются), взаимоотношения министерств, главков, объединений, советских органов с Госстроем, «полезность» многочисленных его подразделений, бюрократизм аппарата, обилие бумаг, параллелизм и дублирование в работе (коллегия Госстроя – коллегия Министерства – коллегия главка

как решение объединения – по одному и тому же вопросу) и т.д. я еще более укрепился в мысли, что Госстрой – это ненужная, бюрократическая надстройка.

Мои предложения сводятся к следующему. Иметь Бюро СМ СССР по строительству с небольшим рабочим аппаратом (аналогично другим «Бюро»). Производственную часть Госстроя упразднить, как вышеназванную функцию Министерств. Учитывая возрастающую роль вневедомственной экспертизы крупных объектов, контроль за их реализацией, расширение гласности при их обсуждении, складывается уверенность, что ее надо значительно укрепить и иметь при СМ СССР (или как орган «Бюро»).

Управления нормирования, стандартизации можно передать в Госстандарт. За счет Главных управлений технической и стройиндустрии укрепить соответствующие подразделения Министерств и часть перейдет (для координации) в Бюро по строительству. Нормирование и распределение материальных ресурсов проводить в Госснабе СССР, передав туда «Стройкомплект». Учитывая возрастающую самостоятельность институтов, наличие авторитетной госэкспертизы, вместо Главпроекта вполне достаточно небольшая координирующая группа специалистов при «Бюро».

Госкомархитектура – будет самостоятельным комитетом и тоже будет выходить на «Бюро».

Убежден, что с ликвидацией лишнего звена это значительно упростит и улучшит систему управления всем строительным комплексом страны.

Остальные, наиболее опытные и способные специалисты будут с успехом использоваться при «Бюро», в Министерствах, в расширенной вневедомственной Госэкспертизе, других организациях.

Это мое личное мнение и оно ни с кем не обсуждалось.

С уважением,

Б. Ельцин

Приложение 6

ЗАКЛЮЧЕНИЕ Комиссии Верховного Совета СССР по вопросам, возникшим в связи с освещением в печати поездки в Соединенные Штаты Америки народного депутата СССР Б. Н. ЕЛЬЦИНА

Октябрь 1989 г.

Ознакомившись с сообщением ТАСС для советских средств массовой информации, передачами иновещания и телевидения о визите Б. Н. Ельцина в США, проведя беседы с главным редактором газеты «Правда» В. Г. Афанасьевым и Б. Н. Ельциным, комиссия констатирует следующее:

Учитывая неофициальный характер визита Б. Н. Ельцина по частному приглашению, советские средства массой информации не публиковали материалы о его пребывании в этой стране. Поэтому перепечатка «Правдой» статьи из итальянской газеты «Репубблика» выглядит тенденциозной и односторонней, поскольку в сообщениях ТАСС для печати имелись отклики иностранной прессы и противоположного содержания, например, о приобретении Б. Н. Ельциным одноразовых шприцев для детей. Газете следовало либо привести и такие отклики, либо полемизировать по существу высказываний Б. Н. Ельцина во время визита в США, опубликовав прежде сами эти высказывания.

Все это создало простор для домыслов, слухов и негативно сказалось на репутации политики гласности. Поэтому речь идет о попытке газеты опорочить народного депутата Б. Н. Ельцина, за что работники «Правды» должны нести ответственность в соответствии с законом. Публикация нанесла ущерб репутации «Правды» и вызвала поток читательских требований наказать виновных.

В то же время некоторые высказывания и аспекты поведения Б. Н. Ельцина в США, зафиксированные средствами массовой информации, дали повод для нареканий, что проявилось во множестве телеграмм в адрес Верховного Совета, в том числе со стороны его избирателей.

Комиссия считает, что, несмотря на частный характер визита, члену Президиума Верховного Совета СССР необходимо более ответственно подходить к зарубежным поездкам. Что касается предложений, содержащихся в письмах граждан, то избиратели должны сами определить свое отношение к Б. Н. Ельцину в соответствии с существующим законодательством.

Что касается Верховного Совета, то отсутствие законодательно утвержденных норм поведения депутата ставит вопрос о разработке соответствующего положения.

Приложение 7

Выступление Б. Ельцина на XXVIII съезде КПСС

6 июля 1990 г.

Товарищи, партия подошла к своему съезду с грузом тяжелых проблем. Их множество, но есть особо важные. Заняв оборону на первоначальном этапе перестройки, консервативные силы позднее перешли в наступление. Они начали борьбу против экономической реформы, хотя и робкой и половинчатой, но создающей реальную угрозу полновластию партии. Это произошло, когда развернулись процессы демократизации, особенно мощно проявившиеся в возрождении власти Советов. Это произошло, когда начала делать первые шаги гласность и ранее непререкаемые истины оказались несостоятельны.

Последние годы показали, что нейтрализовать действие консервативных сил в партии не удалось. Наоборот, слишком много говорили о том, что все мы в одной лодке, по одну сторону баррикад, в одной шеренге, с единым мышлением. Такая позиция дискредитировала тех коммунистов, которые являются искренними и последовательными сторонниками перемен. Такая позиция создала режим безопасности для консервативных сил КПСС, укрепила их уверенность в том, что можно взять реванш. Это продемонстрировал и Учредительный съезд КП РСФСР.

Чтобы понять, что может и должен решить наш съезд, надо, прежде всего, ясно видеть, что он из себя представляет. В Политбюро не решились пойти на единственно правильный в условиях перестройки порядок выборов делегатов: демократическим путем от всех платформ и групп, не зависящих от прежних структур партии. Чтобы любые объединившиеся шесть тысяч коммунистов избирали прямо своего делегата, тогда бы не получили такого, в основном, состава съезда.

Поэтому при обсуждении на съезде главным явился не вопрос о перестройке в стране и путях ее развития. Этот вопрос решается народом за стенами этого здания, решается в Советах народных депутатов. На этом съезде стоит вопрос, прежде всего о судьбе самой КПСС. Если говорить точнее, здесь решается вопрос только о судьбе аппарата верхних эшелонов партии. Вопрос стоит исключительно остро. Найдет ли в себе силы аппарат КПСС решиться на перемены? Использует ли он тот последний шанс, который дает ему этот съезд? Или да, или нет. Или партаппарат под давлением политической реальности решится на коренную перестройку партии, или будет цепляться за обреченные формы и останется в оппозиции к народу, в оппозиции к перестройке.

Тогда представители аппарата неминуемо будут вытеснены из всех органов законной власти. Такая партия не удержится ни в роли авангардной, ни даже в роли парии, имеющей представительство в Советах.

Утопичны иллюзии тех, кто думает, что после выхода из

партии всех инакомыслящих, кто не хочет быть приводными ремнями и винтиками партаппарата, у нее останется все имущество КПСС и связанная с ним власть. Этого не будет. В этом случае, к которому, кстати, подталкивают консерваторы, будет начата всенародная борьба за полную национализацию имущества КПСС, как партии обанкротившейся и обязанной хотя бы своим имуществом возместить долги перед народом. В наследство аппарату партии останется только вывеска с названием «КПСС».

Можно предположить, что начнется борьба за привлечение к суду руководителей партии всех уровней за ущерб, который они лично нанесли стране и народу. Могу назвать хотя бы одно из этих дел – об ущербе в результате антиалкогольной кампании. Народ спросит и за все остальное: за провалы во внешней торговле, сельском хозяйстве, за национальную политику, политику в отношении армии и так далее, и так далее. Страна должна знать, какое наследство оставила ей КПСС.

Такова возможная перспектива аппаратной партии. Тот, кто думает о каких-то иных вариантах, пусть посмотрит на судьбу компартий в странах Восточной Европы. Оторвались от народа, не поняли свою роль – и оказались на обочине.

Все ли так мрачно? Есть ли еще другой выход? Есть. Правда, для этого мало шансов победить именно на данном съезде. Это ясно видно. Но все мы, отдавшие партии десятки лет жизни, сочли своим долгом прийти сюда, чтобы пытаться сказать, что выход для КПСС все же есть. Трудный, тяжелый, но выход.

В демократическом государстве переход к многопартийности неизбежен.

В нашей стране постепенно формируются различные политические партии. При этом неизбежно коренное обновление КПСС. Какой наиболее безболезненный для народа, цивилизованный процесс модернизации партии?

Первое. Необходимо организационно зафиксировать имеющиеся в КПСС платформы и дать каждому коммунисту время для политического самоопределения. Уверен, большинство рядовых коммунистов связывает будущее партии с демократическим крылом.

Второе. Изменить название партии. Это должна быть партия демократического социализма.

Третье. На съезде рано обсуждать платформы и Устав. Надо принять только общую декларацию о преобразовании КПСС. Далее надо избрать новое руководство, способное подготовить новый съезд где-то через полгода – год.

Четвертое. Партия должна освободить себя от любых

государственных функций. Первичные парторганизации должны быть упразднены в армии, в системе госбезопасности и в государственных учреждениях. На производстве судьбу первичных парторганизаций должны определить сами трудовые коллективы и сами члены партии. В новой партии или союзе ее члены должны платить минимум взносов. Так возникнет партия парламентского типа. Только такая партия при мощном обновлении общества сможет быть ведущей партией и побеждать на выборах в лице той или иной из своих фракций.

Любые фракции социалистической ориентации других партий могут входить в состав союза демократических сил страны. Народ признает этот союз и пойдет за ним, тем более если он предлагает свою экономическую программу выхода из кризиса не за счет обмана народа и дополнительной нагрузки на его плечи. Союз выступит как федерация национальных союзов. Он будет иметь форму, отвечающую смыслу и духу нового Союзного договора между суверенными государствами страны.

С развитием в стране демократических движений и дальнейшей радикализацией перестройки этот союз сможет стать на деле и авангардом общества. Это обеспечит широкую социальную базу обновления общества, поставит заслон атакам консерваторов и гарантирует необратимость перестройки. Такова вторая альтернатива. Итак, или вариант аппаратной КПСС, тогда раскол и уход рано или поздно ее из числа реальных политических сил страны, или обновленная партия с переходом в союз демократических сил и перспективой сохранить роль активного участника перестройки.

В заключение хотел бы сказать следующее. События разворачиваются необычайно быстро. Попытка задержать их ход, о чем мечтают некоторые, неминуемо приведет партию к полному историческому поражению. Только опережение, только устремленность вперед вместе со всеми силами прогресса нашего общества могут дать надежду на то, что партия не потеряет себя, а возродится в новый авангардный союз демократических сил.

Мы живем уже не в прежнем обществе. Оно больше не пойдет единым строем туда, куда ему укажут. Страной больше нельзя командовать. Ее не усыпишь демагогией, не испугаешь угрозами. Народ может дать отставку любой политической силе, какой бы влиятельной она ни была в прошлом. Он поддержит только ту политическую организацию, которая позовет не в заоблачные коммунистические дали, а будет каждодневно делом защищать интересы каждого человека, помогать сделать его и всю страну нашу передовой, богатой и счастливой.

Приложение 8

Обращение руководства РСФСР к гражданам России

19 августа 1991 г.

Какими бы причинами ни оправдывалось это отстранение, мы имеем дело с правым, реакционным, антиконституционным переворотом.

При всех трудностях и тяжелейших испытаниях, переживаемых народом, демократический процесс в стране приобретает все более глубокий размах, необратимый характер. Народы России становятся хозяевами своей судьбы. Существенно ограничены бесконтрольные права неконституционных органов, включая партийные. Руководство России заняло решительную позицию по Союзному договору, стремясь к единству Советского Союза, единству России. Наша позиция по этому вопросу позволила существенно ускорить подготовку этого Договора, согласовать его со всеми республиками и определить дату его подписания – 20 августа с. г.

Такое развитие событий вызвало озлобление реакционных сил, толкало их на безответственные, авантюристские попытки решения сложнейших политических и экономических проблем силовыми методами. Ранее уже предпринимались попытки осуществления переворота.

Мы считали и считаем, что такие силовые методы неприемлемы. Они дискредитируют СССР перед всем миром, подрывают наш престиж в мировом сообществе, возвращают нас к эпохе холодной войны и изоляции Советского Союза от мирового сообщества.

Все это заставляет нас объявить незаконным пришедший к власти так называемый комитет. Соответственно, объявляем незаконными все решения и распоряжения этого комитета.

Уверены, органы местной власти будут неукоснительно следовать конституционным Законам и Указам президента РСФСР.

Призываем граждан России дать достойный ответ путчистам и требовать вернуть страну к нормальному конституционному развитию.

Безусловно, необходимо обеспечить возможность президенту страны Горбачеву выступить перед народом. Требуем немедленного созыва Чрезвычайного Съезда народных депутатов СССР.

Мы абсолютно уверены, что наши соотечественники не дадут утвердиться произволу и беззаконию потерявших всякий стыд и совесть путчистов. Обращаемся к военнослужащим с призывом проявить высокую гражданственность и не принимать участия в реакционном перевороте.

До выполнения этих требований призываем к всеобщей бессрочной забастовке.

Не сомневаемся, что мировое сообщество даст объективную оценку циничной попытке правого переворота.

Президент РСФСР Б. Н. Ельцин
Председатель СМ РСФСР И. С. Силаев
и. о. Председателя ВС РСФСР Р. И. Хасбулатов

Приложение 9

Обращение Б. Ельцина к россиянам накануне его операции на сердце

5 ноября 1996 г.

Дорогие россияне!

Вы знаете, что мне предстоит серьезная операция. Сегодня я хочу сказать спасибо всем, кто направил письма и телеграммы с пожеланиями скорейшего выздоровления своему президенту. Сочувствие и доброе слово бывают для человека иногда важнее любых лекарств.

В трудную минуту моя семья всегда помогает и заботится обо мне. Спасибо жене, дочерям и внукам.

Спасибо всем вам.

Семья и друзья волнуются накануне операции, переживают. Но я уверен – все пройдет нормально.

На время операции моим указом полномочия президента передаются Председателю Правительства Виктору Степановичу Черномырдину. Поэтому страна ни на секунду не останется без руководителя, наделенного всей полнотой власти. Он и другие мои соратники – люди надежные и испытанные. На них в ближайшее время ляжет большая ответственность.

Задерживаться долго в больнице я не намерен. Полагаю, что уже скоро стану работать как раньше – в полную силу.

Знайте, что все, что я делал, делаю и буду делать, – все это ради России, ради вашей обеспеченной и достойной жизни.

Мне особенно важно, чтобы вы это знали сегодня.
Удачи вам всем, здоровья и мира.

Приложение 10

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНОЙ КОМИССИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ ОБ ОЦЕНКЕ ФАКТИЧЕСКОЙ ОБОСНОВАННОСТИ ОБВИНЕНИЯ, ВЫДВИНУТОГО ПРОТИВ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

7 сентября 1998 г.

Специальная комиссия Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против президента Российской Федерации, в составе:

Председателя В. Д. Филимонова,

членов Специальной комиссии: П. Т. Бурдукова, Ю. П. Иванова. В. М. Ивера, Б. Ю. Кузнецова, А. Д. Куликова, Е. Б. Мизулиной, Л. В. Побединской, Д. О. Рогозина, В. А. Сафронова, Н. И. Шаклеина,

с участием представителей инициаторов предложения о выдвижении обвинения В. И. Илюхина. А. И. Лукьянова, руководствуясь

• частью 2 статьи 93 Конституции Российской Федерации,

• статьями 176–180 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации,

• постановлениями Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 июня 1998 г. «О Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против президента Российской Федерации» и «Об утверждении Положения о Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по оценке соблюдения процедурных правил и фактической обоснованности обвинения, выдвинутого против президента Российской Федерации»,

• регламентом Специальной комиссии, принятым на ее заседании 6 июля 1998 года с дополнениями и изменениями от 24 августа и 7 сентября 1998 года,

проверила в открытом заседании фактическую обоснованность выдвинутого против президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина обвинения в совершении им в процессе подготовки, подписания и реализации Беловежских соглашений деяний, содержащих признаки тяжких преступлений.

Поводом к рассмотрению дела явилось предложение о выдвижении обвинения против президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, внесенное группой депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Заслушав объяснения представителей инициаторов предложения о выдвижении обвинения, выступления приглашенных на заседание представителя Министерства региональной и национальной политики Российской Федерации, бывших депутатов Верховного Совета РСФСР, специалистов, исследовав представленные документы и иные материалы, Специальная комиссия Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации установила:

в первом пункте обоснования постановки вопроса об отрешении Б. Н. Ельцина от должности президента Российской Федерации, внесенного группой депутатов Государственной Думы, содержится обвинение Б. Н. Ельцина в совершении им деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного статьей 64 УК РСФСР (статьей 275 УК РФ).

По мнению депутатов Государственной Думы, противоправный характер этих действий заключается в том, что президент РСФСР Б. Н. Ельцин вместе с бывшими президентами Украины и Белоруссии Л. М. Кравчуком и С. С. Шушкевичем подготовил, 8 декабря 1991 года подписал, а затем реализовал Беловежские соглашения, приведшие к разрушению Советского Союза и нанесшие серьезный ущерб внешней и внутренней безопасности Российской Федерации.

Статья 64 УК РСФСР содержала исчерпывающий перечень деяний, которые рассматривались как измена Родине. В число этих деяний входил и заговор с целью захвата власти.

Участники Беловежских соглашений, в том числе и Б. Н. Ельцин, бывший тогда президентом РСФСР как одной из союзных республик СССР, не просто изменили государственный строй СССР. СССР вообще прекратил существование, а РСФСР из союзной республики превратилась в Российскую Федерацию, самостоятельное суверенное государство.

Ради этой цели Б. Н. Ельцин пошел на грубое нарушение статей 74–76 Конституции СССР 1977 г.; Закона СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом

союзной республики из СССР»; статей 4, 5, 68, 70, 71, 76 Конституции РСФСР 1978 г.; статей 4, 6 Закона РСФСР от 24 апреля 1991 года «О президенте РСФСР». Б. Н. Ельцин совершил указанные действия вопреки воле народов РСФСР о необходимости сохранения СССР, выраженной во время всенародного голосования (референдума), состоявшегося 17 марта 1991 года.

Анализ событий, предшествовавших заключению Беловежских соглашений, позволяет также сделать вывод о том, что действия Б. Н. Ельцина по организации заговора с целью захвата союзной власти имели осознанный, целенаправленный характер. При подготовке к уничтожению СССР Б. Н. Ельцин издал ряд указов, выходящих за пределы его конституционных полномочий и направленных на неправомерное присвоение союзной власти, в том числе Указы о переподчинении союзных органов республиканским (Указы № 66 от 20.08.91; № 74 от 22.08.91), о передаче союзных средств массовой информации в ведение Министерства печати и массовой информации РСФСР (Указы № 69 от 21.08.91; № 76 от 22.08.91), о передаче всех видов правительственной связи СССР в ведение КГБ РСФСР, а также банков, почты, телеграфа СССР в ведение РСФСР (Указ № 85 от 24.08.91).

Таким образом, имеются достаточные данные утверждать, что, будучи президентом РСФСР, Б. Н. Ельцин совершил действия, содержащие признаки тяжкого преступления, предусмотренного статьей 64 УК РСФСР, и заключающиеся в измене Родине путем подготовки и организации заговора с целью неконституционного захвата союзной власти, упразднения действовавших тогда союзных институтов власти, противоправного изменения конституционного статуса РСФСР.

Вместе с тем указанные действия Б. Н. Ельцина привели и к катастрофическому ослаблению Российской Федерации. Нарушились экономические отношения Российской Федерации с другими бывшими союзными республиками. Резко снизилась внешняя безопасность и обороноспособность России. Миллионы российских граждан оказались за пределами своего государства, принудительно превратились в беженцев и вынужденных переселенцев. На территории Российской Федерации возникли многочисленные конфликты, сопряженные с человеческими жертвами.

Таким образом, есть все основания для того, чтобы утверждать, что действиями Б. Н. Ельцина нанесен существенный ущерб внешней и внутренней безопасности Российской Федерации.

По мнению Специальной комиссии, новый УК РФ не устранил уголовную ответственность за действия, совершенные в связи с подготовкой, заключением и реализацией Беловежских соглашений. Они подпадают под признаки преступления, предусмотренного статьей 275 УК РФ. Что касается намерения президента Российской Федерации при совершении этих действий оказать помощь иностранному государству в проведении враждебной деятельности в ущерб внешней безопасности Российской Федерации, Специальная комиссия считает, что окончательный вывод по данному вопросу может быть получен в ходе предварительного следствия, проведенного соответствующими правоохранительными органами.

Вместе с тем Специальная комиссия считает установленным осознанное совершение президентом Российской Федерации Б. Н. Ельциным действий, причинивших большой ущерб внешней безопасности Российской Федерации, и на этом основании приходит к выводу о том, что имеются достаточные данные о наличии в его поведении при подготовке, заключении и реализации Беловежских соглашений признаков, которые наряду с другими образуют состав государственной измены (статья 275 УК РФ).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьей 93 Конституции Российской Федерации, статьей 178 Регламента Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, статьей 38 Регла-мента Специальной комиссии Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Специальная комиссия заключает:

1. Признать, что в действиях президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, направленных на подготовку, заключение и реализацию Беловежских соглашений, имеются достаточные данные, указывающие на признаки тяжкого преступления, предусмотренного статьей 64 УК РСФСР (275 УК РФ).

2. Признать обоснованной инициативу депутатов Государственной Думы о выдвижении обвинения против президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина и рекомендовать Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации принять на основе настоящего заключения соответствующее Постановление.

3. Направить настоящее заключение в Совет Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, депутатам Государственной Думы, инициировавшим предложение о выдвижении обвинения, президенту Российской Федерации Б. Н. Ельцину.

Приложение 11

Прощальное обращение Б. Ельцина к гражданам России

31 декабря 1999 г.

Дорогие россияне!

Осталось совсем немного времени до магической даты в нашей истории.

Наступает 2000 год.

Новый век, новое тысячелетие.

Мы все примеряли эту дату на себя. Прикидывали, сначала в детстве, потом, повзрослев, сколько нам будет в 2000 году, а сколько нашей маме, а сколько нашим детям. Казалось когда-то – так далеко этот необыкновенный Новый год. Вот этот день и настал. Дорогие друзья! Дорогие мои!

Сегодня я в последний раз обращаюсь к вам с новогодним приветствием. Но это не все. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам как президент России.

Я принял решение.

Долго и мучительно над ним размышлял. Сегодня, в последний день уходящего века, я ухожу в отставку.

Я много раз слышал – «Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст». Это – вранье.

Дело в другом. Я всегда говорил, что не отступлю от Конституции ни на шаг. Что в конституционные сроки должны пройти думские выборы. Так это и произошло. И так же мне хотелось, чтобы вовремя состоялись президентские выборы – в июне 2000 года. Это было очень важно для России. Мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, власти от одного президента России другому, вновь избранному.

И все же я принял другое решение. Я ухожу. Ухожу раньше положенного срока. Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми. А мы – те, кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти.

Посмотрев, с какой надеждой и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял: главное

дело своей жизни я сделал. Россия уже никогда не вернется в прошлое. Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории. Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее?! Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода?

Нет, это не по мне! Не по моему характеру!

Сегодня, в этот необыкновенно важный для меня день, хочу сказать чуть больше личных своих слов, чем говорю обычно.

Я хочу попросить у вас прощения.

За то, что многие наши с вами мечты не сбылись. И то, что нам казалось просто, оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Казалось, одним рывком, и все одолеем. Одним рывком не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным. Где-то проблемы оказались слишком сложными. Мы продирались вперед через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясение. Но я хочу, чтобы вы знали.

Я никогда этого не говорил, сегодня мне важно вам это сказать. Боль каждого из вас отзывалась болью во мне, в моем сердце. Бессонные ночи, мучительные переживания: что надо сделать, чтобы людям хотя бы чуточку, хотя бы немного жилось легче и лучше? Не было у меня более важной задачи.

Я ухожу. Я сделал все что мог. И не по здоровью, а по совокупности всех проблем. Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше.

В соответствии с Конституцией, уходя в отставку, я подписал указ о возложении обязанностей президента России на председателя правительства Владимира Владимировича Путина. В течение трех месяцев в соответствии с Конституцией он будет главой государства. А через три месяца, также в соответствии с Конституцией России, состоятся выборы президента.

Я всегда был уверен в удивительной мудрости россиян. Поэтому не сомневаюсь, какой выбор вы сделаете в конце марта 2000 года. Прощаясь, я хочу сказать каждому из вас: будьте счастливы. Вы заслужили счастье. Вы заслужили счастье и спокойствие. С Новым годом!

С новым веком, дорогие мои!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анализ процессов приватизации государственной собственности в РФ за период 1993–2003 гг. М., 2005.

Асташкин. Н. По волчьему следу. М., 2005.

Бакатин В. Избавление от КГБ. М., 1992.

Бакатин В. Дорога в прошедшем будущем. М., 1999.

Болдин В. Крушение пьедестала. М., 1995.

Болтунов М. «Альфа» не хотела убивать. СПб., 1995.

Бушков А. Хроники мутного времени. М., 2005.

В августе 91-го. (Сборник) М.–СПб., 1993.

Гайдар Е. В дни поражений и побед. М., 1996.

Грачев А. Горбачев. М., 2001.

Гдлян Т., Иванов Н. Кремлевское дело. Ростов-на-Дону. 1994.

Гоголь Н. Мертвые души. М., 1952.

Грищенко Б. Посторонний в Кремле. М., 2004.

Гусейнов В. От Ельцина к…? М., 1999.

Горбачев М. Жизнь и реформы. М., 1995.

Горбачев М. Понять перестройку. М., 2006.

Ельцин Б. Исповедь на заданную тему. М., 1989.

Ельцин Б. Записки президента. М., 1994.

Ельцин Б. Президентский марафон. М., 2000.

Заключение Комиссии Государственной Думы по расследованию причин и обстоятельств возникновения кризисной ситуации в Чеченской Республике. М., 1995.

Зайцев Г. «Альфа» – моя судьба. СПб., 2005.

Зенькович Н. Борис Ельцин: разные жизни. М., 2001.

Зенькович Н. Самые открытые люди. М., 2005.

Зенькович Н. Тайны уходящего века. М., 1999.

Иорданов М. Тайное общество «Ичкерия». М., 2001.

Исаков В. Расчлененка. М., 1998.

Караулов А. Русское солнце. М., 2001.

Караулов А. Частушки. М., 1997.

Константинов А . Коррумпированная Россия. М., 2005.

Коржаков А. От рассвета до заката. М., 1997.

Коржаков А. Борис Ельцин. От рассвета до заката: послесловие. М., 2004.

Крючков В. Личное дело. М., 1997.

Куликов А. Тяжелые звезды. М., 2002.

Лебедь А. За державу обидно. М., 1995.

Лигачев Е. Так жить невозможно. М., 1996.

Литвин Е. Ельцины в Казани. Казань, 2003.

Лукьянов А. Переворот мнимый и настоящий. М., 1993.

Михайлов А. Портрет министра в контексте смутного времени. М., 2001.

Михайлов А. Чеченское колесо. М., 2002.

Медведев В. Человек за спиной. М., 1994.

Медведев Р. Советский Союз: последний год жизни. М., 2003.

Млечин Л. Кремль. Президенты России. М., 2003.

Мухин Ю. Код Ельцина. М., 2005.

Ольбик А. Ностальгические хроники. М., 2006.

Полушин В. Битвы генерала Лебедя. М., 2005.

Поляков Ю. Козленок в молоке. М., 2001.

Попцов О. Тревожные сны царской свиты. М., 2000.

Примаков Е. Восемь месяцев плюс… М., 2001.

Примаков Е. Годы в большой политике. М., 1999.

Прокофьев Ю. До и после запрета КПСС. М., 2005.

Скуратов Ю. Вариант дракона. М., 2000.

Степанков В., Лисов Е. Кремлевский заговор. М., 1992.

Стрелецкий В. Мракобесие. М., 1998.

Суханов Л. Три года с Ельциным. Рига, 1992.

Трегубова Е. Байки кремлевского диггера. М., 2003.

Трошев Г. Моя война. М., 2001.

Тэлботт С. Рука Москвы. М., 2002.

Филатов С. Совершенно несекретно. М., 2000.

Хинштейн А. Какого цвета страх. М., 2002.

Чернов А. 229 кремлевских вождей. М., 1996.

Черняев А. Был ли у России шанс? М., 2003.

Черняев А . Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.

Шахназаров Г. Роковое расставание с прошлым. М., 2001.

Шевченко В. Повседневная жизнь Кремля при президентах. М., 2005.

Шумейко В. Пельмени по протоколу. М., 2001.

Эпоха Ельцина. (Сборник) М., 2001.

Якубовская И. Генерал Дима. М.,1999.

Публикации в периодических изданиях: «Московский комсомолец», «Известия», «Комсомольская правда», «Экспресс-газета», «Профиль», «Московские новости», «Совершенно секретно», «Версия», «Сегодня», «Коммерсантъ», «Новая газета», «Огонек».

notes

Примечания

1

Борис Николаевич любил рассуждать, что он то ли наследник царской династии, то ли мессия, посланный сверху. Чем это подтверждалось: у него тело было абсолютно лысое. Если он не брился пару дней, щетина почти не росла – пробивались какие – то смешные кустики. Под мышками – торчали две волосинки. И вот он на полном серьезе говорил, что это особый знак свыше. Потому что, если б у него и голова тоже была лысой – это одно дело. Но шевелюра – то у него росла нормально…

2

Ничего себе – «небольшая дачка на две семьи»! Это была бывшая дача Буденного в поселке Вешки по Дмитровскому направлению. Одних спален там насчитывалось штуки четыре; кинозал, каминный зал, бильярдная, баня. Территория – гектара четыре. Даже домик для охраны, где мы останавливались вместе с водителями, имел прекрасные условия. У каждого из нас было по отдельной комнате, душ. А «две семьи» – это он с Наиной и старшая дочь Елена с мужем. Елену он считал вроде как за отдельную семью.

3

Когда Горбачев предложил ему переселиться на свою бывшую дачу, Ельцин помчался туда сломя голову. Потом в Управделами говорили, что это был первый в истории случай, когда человек переехал жить безо всякого ремонта. После Горбачева там остались дырки в стенах, выцветшие обои, гвозди везде торчали. Но Борис Николаевич так хотел выказать преданность генсеку, что никакие неурядицы его не могли остановить. Правда, потом, когда он уехал в отпуск, на даче сделали косметический ремонт. Эта дача – так называемый объект «Москва – река – 5» – ненамного отличалась от прежней ельцинской дачи. Может, только размерами. Все остальное было как в Вешках: спальни, бильярдная, кинозал. Единственное – старую дачу строили еще при Сталине, а новая была одна из самых свежих: конец 70 – х. Типичная «посохинская» коробка, но с особым, современным дизайном внутри. И еще участок – 17 гектаров . После 1991 года Ельцин эту дачу Горбачеву вернул обратно. Там он теперь и живет.

4

Об издевательствах над людьми: Ельцин неоднократно мне хвалился, что может целый день не ходить, извините уж, в туалет. Ему доставляло удовольствие проводить многочасовые совещания – иной раз доходило до пяти часов – и наблюдать, как подчиненные мучаются: он – то был еще молодой, а большинству – далеко за пятьдесят.

5

Про пленум он сам рассказывал, что всех раскритиковал, разнес в пух и прах. Я, мол, Райку вывел на чистую воду…

6

«Я их там!!! Горбачева чуть инфаркт не хватил!» И мы ему, действительно, верили. Доклада – то его нигде не печатали. Я его прочитал только сейчас, в рукописи. И вправду: ничего особенного здесь нет! На пленуме МГК я, действительно, не присутствовал. Обо всем знал со слов Ельцина. Он утверждал, что его обкололи, ничего не соображал. А тут, оказывается, все так гладко и благопристойно! Одно слово сказочник.

7

Не знаю, почему Лева Суханов считал нас во множественном числе – «в сопровождении охраны», «вошли телохранители». Ельцина всегда сопровождал только один прикрепленный. Всего нас было трое, работали посменно. Плюс – водитель с оружием, но он обязательно оставался в машине.

8

Я никогда не видел, чтобы он читал какие – нибудь серьезные книжки. Только детективы типа Чейза, да и то – на отдыхе. Хотя дома у него была хорошая библиотека. В основном собрания сочинений. Но он получал их по выписке. Это было тогда модно и престижно. Сомневаюсь, чтобы хоть одну из этих книг он читал… Единственная книга, которая на моей памяти ему очень понравилась, была подарена Хазановым: томик произведений какого – то классика. Открываешь, а внутри – спрятана бутылка водки…

9

Правду о том, что случилось в комнате отдыха, долго скрывали. В тот день смена была не моя; я ничего не знал. Меня очень насторожило, что по команде Наины у Ельцина поотбирали вдруг все стеклянные и колющие предметы: бокалы, рюмки, вилки, ножи. Только через несколько дней врачи мне рассказали, что Борис Николаевич якобы упал на ножницы.

10

Ельцин даже мне пытался рассказывать «сказки» об этих мифических хулиганах. От «харакири» у него на животе остался шрам. И вот всякий раз, когда мы шли с ним в баню, Ельцин гордо говорил: видите след? это на меня в подземном переходе напали… я их всех раскидал, но успели, сволочи, задеть… Проходит пара недель. Борис Николаевич в бане опять заводит: знаете, откуда шрам?., бандиты напали… выхожу я из гостиницы «Москва», после Межрегиональной депутатской группы, а они – уже с ножом поджидают… всех разбросал, конечно…

11

На той встрече, в Раменках, Ельцин, не пил. Редкий случай, но он уехал за город ни в одном глазу. Поэтому все, что случилось потом, придумано было абсолютно на трезвую голову.

12

После долгих раздумий я тоже склоняюсь к этому варианту: Ельцин решил в очередной раз покончить жизнь самоубийством – но так, чтоб не до смерти, а просто попугать. Скорее всего, он просто спустился к реке, окунулся прямо в одежде, а потом придумал историю со своим похищением.

13

Суханов и мне рассказывал, что они с Ельциным квасили в ту ночь до 6 утра. Только – только его стало разбирать, а надо уже выезжать. Борис Николаевич поспал полчаса и его окончательно развезло. Пили они, действительно, исключительно виски «Джэк Дэниэлс».

14

Умные люди уходили от Ельцина сами. Первым, помню, все прочувствовал Александр Музыкантский: он был одним из десяти его доверенных лиц. Когда Музыкантский поближе присмотрелся к Ельцину, он сказал своим товарищам: все, ребята, оставаться там не стоит. Это был сигнал, но его почти никто тогда услышал.

15

Никакого сотрясения у Ельцина не было. Вообще, вся эта история с ДТП происходила на моих глазах. Борис Николаевич сидел в «Волге» на переднем сиденье: я сзади. Когда «Жигули» врезались в нас, а мы – в забор, Ельцина ударило виском о верхнюю ручку. Он так закричал, что я подумал: все, конец! Пулей выскакиваю из машины, а дверь у него заклинило. Лезу через разбитое стекло, отдираю обшивку… Хотел вынуть его: бесполезно. Пока не приехала сменная машина, он выходить из салона отказывался и беспрерывно стонал, хотя ничего серьезного у него не было: просто вскочила шишка. Врачи, сколь не пытались, найти у него сотрясения так и не смогли. Но шум поднялся страшный. Все кричали: покушение, покушение! Именно после этого случая Ельцин и пересел на «Чайку»: якобы его депутаты уговорили озаботиться своей безопасностью…

16

В то время он больше всего предпочитал коньяк. У Наины всегда хранились припрятанные запасы. А «Сибирскую» – он пил исключительно со своими доверенными лицами. Они, когда приходили к нему домой, из вежливости приносили пару бутылок. Вечером в магазинах водку тогда трудно было купить. А «Сибирская» – лежала всегда: она стоила на рубль или на рубль двадцать дороже обычной, и поэтому ее никто не брал.

17

В Туле он и не настолько пьяный был. А догола раздевался, потому что полез купаться. Его военные сами заманили.

18

Я, кстати, недавно разбирал свои вещи и неожиданно нашел эти исторические усы с париком. Почти как новенькие. Эту идею с гримом я почерпнул когда – то из фильмов про Ленина. Подумал: вдруг нам тоже придется уходить от слежки. У знакомых артистов взял театральный набор. У меня были с собой 3 – 4 парика и всевозможные накладные усы: висящие, торчащие. Но Ельцин их ни разу так и не примерил.

19

Инициатива этого обсуждения принадлежала Юрию Скокову. Я тоже присутствовал там, правда, самого разговора не слышал: стоял в стороне. Говорил в основном Ельцин: остальные – только поддакивали. Ну а потом, как водится: бутылочка, закуска. У нас в машине всегда имелся дежурный набор.

20

О том, что Ельцин взломал дверь в горбачевский кабинет, я, честно говоря, никогда не слышал. Вряд ли он стал бы делать это без меня. В Верховном Совете РСФСР, когда Ельцин въехал в бывший кабинет Воротникова, – там, да, действительно, в ознаменование победы мы «окропили» кабинет в первое же утро: Ельцин, Суханов, я.

21

Ельцин, действительно, не переносил, если чего – то он не понимал. Наоборот, ему обязательно требовалось показать, что он даже в самых узких вопросах разбирается лучше других; удивить, поразить окружающих. Для этого у него всегда существовали «домашние заготовки». Скажем, еще со свердловских времен Ельцин выучил, что кур на птицефабриках кормят шротами. Это такой специальный препарат, очень дорогой, только на валюту, вроде куриной виагры. И вот, если приезжает он на птицефабрику или собирает совещание по сельскому хозяйству, непременно интересуется: а что вы добавляете курам в пищу? Обычно водили его по хозяйствам не специалисты, а директора, они, конечно, таких тонкостей не знали. «Что добавляем? Ну, комбикорм…». – «А шроты?» И, поставив собеседника в тупик, Борис Николаевич расплывался в многозначительной, торжествующей улыбке. Хотя, кроме одного заученного этого слова, ничего больше о птицеводстве не знал.

22

Никто телефон прямой связи Хасбулатову не выключал: Ельцин просто перестал брать трубку. А Хасбулатову неудобно было в этом признаваться: одно дело – вырубить связь, и совсем другое – игнорировать звонки.

23

Руцкому выделили целый блок в 1 – м корпусе Кремля. Но его это, действительно, здорово задевало. Он считал, что вице – президент должен сидеть рядом с президентом, но все кабинеты в 14 – м корпусе расхватали ельцинские помощники.

24

Первое время Руцкой очень нравился Ельцину. Свое мнение он изменил после одного случая. Когда Ельцин выиграл президентские выборы, Баранников организовал роскошный праздник: на острове, недалеко от Москвы. Руцкой выпил три рюмки, моментально опьянел и понес всякую ересь: через слово мат. Шеф сквернословия не терпел органически: он сам не ругался и другим не позволял… А что вытворяла Людмила, жена Руцкого, даже стыдно вспоминать. В общем, от всего увиденного Ельцин с Наиной пришли в ужас: но было поздно – выборы прошли. Я уже заранее знал о его «фокусах», поэтому все патроны в пистолетной обойме были мной сварены в кипятке. А боек – я и вовсе спилил: он до сих пор валяется в 14 – м корпусе Кремля.

25

Я в это не верю. Как, интересно, они могли по уже эвакуированному с поля боя офицеру определить, откуда велась стрельба. Все это – сказки из той же серии, что на стадионе «Красная Пресня» был организован якобы лагерь смерти, где мы расстреливали патриотов.

26

Я был в этой поездке в Кемерово. Ельцин тогда, действительно, раздевался догола, чтоб искупаться, но женщин вокруг не было. И никаким «прибором», а уж тем более «могучим» он не тряс.

27

И эта история – тоже из разряда баек. Как было дело? В Дагомысе, на волнорезе, хозяева накрыли столы. Не скажу, чтоб сильно Ельцин был пьян – так, навеселе. Мимо шла какая – то женщина, и он стал с ней заигрывать. «Вы купаться идете?». – «Купаться». – «Ну, давайте, я вам помогу». И легонько подтолкнул ее в воду. А чтобы швырять ее, как Стенька Разин княжну – не было такого.

28

Впервые слышу, чтоб Наина выговаривала что – то моей жене. С тем же успехом она могла отчитывать и сухановскую жену: Лева пил с президентом не меньше моего.

29

У Ельцина, сколько б он не выпил, язык никогда не заплетался. Он просто начинал говорить громче и принимался нести всякую ерунду.

30

На эту операцию – по исправлению носовой перегородки мы легли одновременно. Как только Ельцин стал отходить от наркоза, он улучил момент, когда Наина отвлеклась, явился ко мне в палату, и мы на радостях распили бутылку водки.

31

Все вокруг знали, что Ельцин непременно должен быть везде первым. И Барсуков, и Грачев и я, играя с ним, например, в бильярд, обязательно поддавались. Если я хотел его обидеть, то проигрывал не с сухим счетом, а забивал пяток шаров. В таких случаях Ельцин мгновенно вскипал, ломал кий об колено и уходил прочь.

32

Когда в ночь на 1 января в Грозном шли затяжные бои, Ельцин отмечал в «Завидове» Новый год. Он, правда, поднимал тост «за наших ребят», но исключительно для проформы; очень быстро набрался и начал дурачиться. А рано утром Борис Николаевич вспомнил вдруг, что у Грачева день рождения, вызвал меня с Барсуковым и приказал отвезти Павлу Сергеевичу подарок. Барсуков с Сосковцом полетели на один день в Ханкалу. Как они потом рассказывали, Грачев был здорово с похмелья. Пока солдаты гибли в Грозном, их министр вовсю праздновал Новый год.

33

В момент нападения Басаева на Буденновск Ельцин собирался как раз вылетать на саммит в Галифакс. Его многие уговаривали остаться в России, но Борис Николаевич даже и слушать этого не хотел. «Ничего серьезного, – отвечал он. – Пусть Черномырдин во всем разбирается».

34

До конца 1995 года он постоянно твердил, что на второй срок не пойдет. Решение переизбираться Ельцин принял, когда после первого инфаркта лежал в Барвихе.

35

«Семибанкирщина» – это чистая выдумка журналистов. Просто семеро банкиров написали Ельцину письмо об угрозе коммунистического реванша, но лишь несколько из них финансировали потом его избирательную кампанию. Вот те, кто был спонсором – всего 10 банков, – и стали реально влиять на ситуацию.

36

Подтверждаю, что Запад активно давал деньги под выборы Ельцина. Миллиард долларов обещал Гельмут Коль. По полмиллиарда скинулись Ширак и Мейджор. Все переговоры с ними вел управделами Бородин. Я был причастен к одному такому траншу – итальянскому. Весной 1996 года мы с Бородиным и министром внешней экономики Давыдовым летали в Рим на переговоры с итальянским премьером Берлускони. Как сейчас помню, встреча проходила на какой – то закрытой, чуть ли не конспиративной квартире. В итоге Берлускони выделил миллиард долларов – без отдачи. Все остальные – давали деньги как бы в долг.

37

Мы давали с ним клятву на крови даже дважды. Году в 1991 – м, во время поездки в Якутию, Ельцин спьяну полоснул меня подаренным ножом по руке. Пошла кровь. Ему стало неудобно. Давай, говорит, ты меня тоже резани. Я, понятно, отказывался, но он настоял. А потом, выпив еще, неожиданно загорелся идеей: побрататься кровью. Ну, мы и побратались. Через несколько лет то же самое он повторил уже в президентском клубе на Воробьевых горах. Следы от этих ельцинских порезов сохранились у меня до сих пор.

38

Эту встречу Дьяченко и Юмашева с Федоровым Березовский, по обыкновению, тайно записал. Но буквально через день сам прибежал к Барсукову и трясущимися руками отдал ему пленку. Борис Абрамович клялся, что идея всей комбинации принадлежала Юмашеву, а он – лишь жертва чужих интриг.

39

Сосковец никакого отношения к истории с «коробкой», конечно, не имел: он о ней даже не знал. Но их конфликт с Чубайсом зашел слишком далеко. Как раз 18 июня – за день до скандала – после заседания штаба Чубайс сказал своим тогдашним единомышленникам – Березовскому, Гусинскому, Малашенко: «Все, с Сосковцом надо кончать». Вот его, под надуманным предлогом, и кончили.

40

Поначалу инаугурацию собирались проводить на Соборной площади. Ельцин должен был выходить с Красного крыльца. Уже и трибуны построили, все приготовили, но в последний момент – отменили. Решили проводить в Большом Кремлевском дворце. Первоначально церемонию планировали на 2 часа, потом сократили до 40 минут. В итоге – все ограничилось 10 минутами.

41

Расставаясь с людьми, Ельцин даже никогда не приглашал их попрощаться. Я знаю только о двух исключениях: когда в 1993 году он увольнял Баранникова, и в 1996 – м – Егорова, шефа своей администрации. Егорову он сказал тогда: «Выбирай любую должность». Николай попросился на родину, в Краснодар, губернатором. «О чем разговор! Поможем избраться, задействуем весь ресурс!» Уникальный был случай. Ярый антикоммунист Чубайс всеми силами поддерживал ярого коммуняку Кондратенко – лишь бы только Егоров не прошел. И он в самом деле выборы проиграл.

Эти 15 соток в Молокове он отдал потом своему зятю – Валере Окулову, а тот попытался продать их моему свояку. Но забрал их в итоге я, присоединив к своему участку: теперь у меня 25 соток.

43

О существовании у Ельцина и его дочерей счетов в иностранных банках и кредитных карт я долго не знал: от меня это скрывалось. Лишь в 1996 году Бородин рассказал, что Лене и Тане были открыты карты, с которых они ежемесячно могли тратить по 5 тысяч долларов. Причем Бородин очень возмущался их невоздержанностью: приходят, говорят, в магазин и скупают все, что попадается под руку, – лишь бы потратить искомую сумму.

44

Ни одной песни наизусть Ельцин не знал. Максимум – мог пропеть какой – нибудь единственный куплет.

45

Сколько стрелял зверей на охоте Ельцин, в «Завидове» не убивал больше никто. Все подвалы на базе были забиты мороженым мясом: его уже девать было некуда.